

РОССИЙСКОЕ СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

социально-экономический и социокультурный аспекты

Министерство образования Чувашской Республики
Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чувашский государственный аграрный университет

РОССИЙСКОЕ СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Материалы X Всероссийской (XVIII региональной)
научно-практической конференции историков-аграрников
Среднего Поволжья (Чебоксары, 16–18 октября 2024 г.)

Чебоксары
2025

УДК 332(470.4)(063)
ББК 65.32(235.4)я43
Р76

Печатается по решению Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук

Редакционная коллегия:
Ю.Н. Исаев (председатель), Д.В. Басманцев, А.Г. Иванов,
П.С. Кабытов, И.Ю. Кириллова, Г.А. Куршева,
А.Е. Макушев, Р.А. Мухамедов, Р.В. Шайдуллин,
В.Г. Харитонова (ответственный редактор)

Р76 **Российское сельское сообщество в эпоху перемен: социально-экономический и социокультурный аспекты :** материалы X Всероссийской (XVIII региональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 16–18 октября 2024 г.) / сост. и отв. ред. В.Г. Харитонова. – Чебоксары : ЧГИГН, 2025. – 512 с.

ISBN 978–5–87677–295–4

В сборнике публикуются статьи участников X Всероссийской (XVIII региональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, посвященные актуальным социально-экономическим и социокультурным вопросам российского сельского сообщества.

Адресована историкам, научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, практикам аграрной сферы и всем, кто интересуется историей крестьянства и сельского хозяйства страны и регионов России.

УДК 332(470.4)(063)
ББК 65.32(235.4)я43

ISBN 978–5–87677–295–4

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории российского крестьянства, проведение научных мероприятий, публикация и популяризация научных исследований по аграрной истории, направленных на выявление и анализ развития аграрной сферы и крестьянства Среднего Поволжья, имеют давние традиции. Инициатором проведения этих мероприятий выступило Средневолжское объединение историков-аграрников, созданное в 1976 г. Всего состоялись 17 региональных научно-практических конференций (из них 9 имели статус всероссийских). В Чебоксарах научные форумы проходили в 1981, 2005 и 2014 гг., на них обсуждались актуальные темы истории российского села и сельского хозяйства, современные проблемы. Традиционно мероприятие объединяет творческие усилия не только историков, но и практиков сельского хозяйства, экономистов, этнографов, фольклористов, работников архивов и музеев, представителей естественных наук, широкой общественности. Площадка научного форума призвана наметить дальнейшие направления и перспективы исследований аграрной истории, развития сотрудничества ученых и установления более тесных контактов между научными школами и общественными организациями России и зарубежья, возможности практического применения результатов.

X Всероссийская (XVIII региональная) научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Российское сельское сообщество в эпоху перемен: социально-экономический и социокультурный аспекты» прошла 16–18 октября 2024 г. в г. Чебоксары (Чувашская Республика, Россия).

Организаторами научного форума выступили Министерство образования Чувашской Республики, Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чувашский государственный аграрный университет.

В оргкомитет поступило около 80 заявок от историков, экономистов, лингвистов, социологов, этнологов и других ученых-гуманитариев из научных и образовательных учреждений Российской Федерации: Москвы, Ярославля, Липецка, Донецка, Екатеринбурга, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Тулы, Волгограда, Тольятти, Самары, Казани, Ульяновска, Саранска, Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Чебоксар.

В рамках конференции на пленарном заседании состоялись выступления авторитетных ученых, представляющих ведущие научные школы истории села и крестьянства. С приветственными обращениями выступили И.В. Волкова – первый заместитель министра сельского хозяйства Чувашской Республики, Ю.Н. Исаев – директор Чувашского государственного института гуманитарных наук, А.Е. Макушев – ректор Чувашского государственного аграрного университета, Р.В. Шайдуллин – руководитель Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова АН Республики Татарстан.

На сессии «Крестьянский социум и реформы: XVII–XIX века» ученые обсудили актуальные вопросы экономического и социального развития регионов

России XVIII в., в условиях реформ Петра Великого и преобразований Екатерины II, реформ П.Д. Киселева, модернизационных процессов, происходивших в российской деревне в результате великих реформ второй половины XIX в. Данные исторические события нашли отражение через судьбы крестьянства, перемен в крестьянском мире.

Участники сессии «Модернизация сельского общества и аграрного сектора в первой половине XX века» особое внимание уделили переломным этапам истории крестьянства и сельского хозяйства в первые годы советской власти, анализу взаимоотношений государства и сельского сообщества, общественно-политическим, социально-экономическим и культурным процессам. Междисциплинарный подход позволил акцентировать внимание исследователей на аспектах крестьянского менталитета, мировосприятия, взаимоотношений в сельском социуме.

Освещение основных направлений аграрной политики советского периода во второй половине XX в. произошло на сессии «Аграрные преобразования второй половины XX века: ожидания и итоги». Тематика статей сборника охватывает годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., послевоенное восстановление села и сельского хозяйства, перемены в период хрущевской оттепели, перестройки. Ряд работ посвящен деятельности сельхозпредприятий регионов, развитию отдельных отраслей аграрной сферы. Многие аспекты исследований периода важны для оценки развития экономики в целом и сельского хозяйства страны и регионов, ожиданий сельского населения от этих реформ. Отдельные темы, раскрывающие этапы и события данного исторического периода, носят дискуссионный характер, что нашло отражение в публикациях.

На сессии «Современное российское село и развитие АПК: региональные особенности» обсуждались актуальные вопросы реализации современной государственной политики на селе, состояние и развитие агропромышленного комплекса, позитивные практики и проблемные ситуации развития сел и деревень. Часть статей посвящена исследованиям системы подготовки кадров для потребностей агропромышленного комплекса, аспектам социального и социокультурного развития сельского сообщества.

Основным лейтмотивом исследований данного научного форума стала тема «Российское сельское сообщество в эпоху перемен», т. е. проблемы взаимодействия и взаимоотношений государства и общества, власти и крестьянства, человек и общество. Междисциплинарный подход позволил авторам решить ряд научных тем и обозначить круг новых исследований.

В работе конференции наряду с известными учеными-историками приняли участие и молодые исследователи, чьи работы нашли отражение в настоящем издании. Представленный вниманию читателей сборник материалов конференции подводит итоги исследований данной тематики как на региональном, так и всероссийском уровне, дает возможность определения перспектив новых научных изысканий.

Организаторы конференции выражают благодарность и признательность всем авторам и участникам научного мероприятия.



Ю.Н. Исаев приветствует участников конференции



Пленарная секция



Работа 4-й секции: модераторы Л.М. Иванова, В.Г. Харитонова



Участники конференции

Пленарное заседание

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И.В. ВОЛКОВОЙ

Уважаемые организаторы и участники X Всероссийской (XVIII региональной) научно-практической конференции историков-аграрников «Российское сельское сообщество в эпоху перемен: социально-экономический и социокультурный аспекты»! На современном этапе обеспечение устойчивого развития сельских территорий является одним из важнейших направлений государственной социально-экономической политики в сфере сельского хозяйства.

Сегодня в сельской местности проживает 35,5 % всего населения республики (413,8 тыс. чел.). В целом по России 25,1 % населения проживают на селе.

Базовым условием сохранения и развития кадрового потенциала отрасли является заработная плата. В 2023 г. она составила 37,4 тыс. руб., что в 2,5 раза выше, чем в 2015 г., в целом по экономике рост составил 2,3 раза. Оценка произведена в динамике с 2015 г., в связи с введением с 2014 г. продовольственного эмбарго в отношении России. В отрасли есть все резервы для доведения данного показателя до средней по экономике, и это является одной из важнейших задач в рамках реализации стратегии развития отрасли до 2030 г.

Все мероприятия по развитию сельхозпроизводства и сельских территорий сгруппированы в двух госпрограммах.

В рамках Государственной программы развития сельского хозяйства решается задача обеспечения продовольственной безопасности страны, а населения – качественными продуктами питания.

Формирование благоприятных условий для жизни в сельской местности осуществляется в рамках Госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий».

Всего на комплексное развитие сельских территорий в рамках всех госпрограмм за последние 5 лет направлено 34,0 млрд руб.; на госпрограмму комплексного развития сельских территорий – 8,0 млрд руб. В 2024 г. по госпрограмме реализовано свыше 1487 проектов на сумму 2,6 млрд руб. С помощью мероприятий госпрограммы на селе строятся и ремонтируются учреждения социально-культурной сферы, инженерные коммуникации,

дороги, проводится интернет, улучшаются жилищные условия граждан, благоустраиваются территории.

Например, для улучшения жилищных условий гражданам предоставляются социальные выплаты на строительство (приобретение) жилья на сельских территориях. Эти соцвыплаты выделяются нуждающимся гражданам, работающим в сфере агропромышленного комплекса, социальной сфере, организациях ветеринарной деятельности и организациях лесного хозяйства. Размер социальной выплаты составляет 70 % от стоимости жилья.

Еще один механизм по улучшению жилищных условий – это строительство (приобретение) жилья, предоставляемого по договорам найма жилого помещения. Здесь работодатель совместно с муниципалитетом может построить жилье для своих работников, при этом из федерального и республиканского бюджетов компенсируется 80 % от расчетной стоимости жилья.

Действует льготная сельская ипотека под 3 % годовых, которую могут получить как сельские, так и городские жители на строительство или покупку жилья в сельской местности. Кроме этого, из бюджета республики предусматриваются выплаты в целях снижения процентной ставки по кредиту с 3 до 0,1 % годовых (работникам АПК – 0,5 %, соцсферы – 1 %).

Также в рамках госпрограммы развития сельских территорий в республике уже восьмой год подряд реализуется масштабное направление – инициативные проекты. С их помощью на селе возможно отремонтировать практически все важные объекты, а также обустроить, например, места для купания и объекты сельского и аграрного туризма.

Всего за 2017–2024 гг. реализовано 6199 проектов на общую сумму 6,7 млрд руб., в том числе за счет средств бюджета республики – 4,5 млрд руб., местного бюджета – 1,5 млрд руб., внебюджетных средств – 0,7 млрд руб.

Из года в год количество проектов и, соответственно, объемы финансирования увеличиваются. Если в 2017 г. было реализовано 103 проекта, то в 2024 г. 1487 (больше в 14,4 раза), общий объем годового финансирования вырос в 30 раз (с 83 млн руб. в 2017 г. до 2448 млн руб. в 2024 г.).

По государственной программе поддержки сельскохозяйственного производства в республике предоставляются более 78 видов субсидий. В АПК Чувашии ежегодно инвестируется порядка 5 млрд руб. из бюджета в виде господдержки. В 2024 г. на развитие сельхозпроизводства было направлено 7,7 млрд руб., что более чем в 2,4 раза выше, чем 10 лет назад. В 2024 г., в связи с принятием на федеральном и региональном уровнях целого ряда решений в поддержку сельхозтоваропроизводителей, аграрному сектору оказана огромная помощь. Чувашия по объему выделения средств в расчете на 1 га пашни занимает первое место в Приволжском федеральном округе.

Безусловно важным остается обеспечение кадрами и сохранение кадрового потенциала на сельских территориях. Для развития кадрового потенциала агропромышленного комплекса Чувашской Республики в регионе реализуется комплексный подход «детский сад – школа – сельскохозяйственный техникум – аграрный вуз», в рамках которого на всех этапах прививаются не только знания об отрасли, необходимые навыки, умения, но и патриотические ценности, формируемые через уважение к родителям, любовь к малой родине, языкам, культуре, истории родного края. Для этого в детских садах создаются агролаборатории, в школах – агроклассы, проводятся творческие, спортивные, добровольческие форумы под девизом «Лучшие на селе». Все эти усилия направлены на то, чтобы воспитать из ребенка гармонично развитую личность, дать все необходимые знания и компетенции, в том числе и отраслевые, заложить патриотические и волонтерские ценности.

Чувашская Республика одной из первых в стране начала реализацию проекта создания агролабораторий в детских садах, где происходит первичное формирование знаний об окружающем мире. Вместе с аграрным сообществом, родительской общественностью, выполняя поручение Главы республики о внедрении форм ранней профориентации в образование, было принято решение о необходимости воспитания с раннего возраста правильного и позитивного восприятия сельского образа жизни и сельскохозяйственного производства. В 2024 г. в Чувашии открыто 130 агролабораторий, которыми охвачено около 5 тыс. детей из 40 % детских садов республики.

Кто-то благодаря агролаборатории просто приобретет новые знания в интерактивной форме, для кого-то сельское хозяйство станет хобби, а для некоторых в последующем аграрная отрасль возможно будет местом работы.

Интерес и поддержка родительского сообщества формирует задачу по распространению этого опыта на все детские сады республики, в особенности в городах.

Чувашия была в первой десятке регионов Российской Федерации, которые запустили в 2018 г. проекты создания агроклассов. Они создавались для углубленного вовлечения школьников в мир аграрных профессий на основе ознакомления с работой передовых предприятий отрасли, перспективными возможностями самореализации в АПК и на селе. В 2024 г. агроклассы работали во всех муниципальных округах республики (52 агрокласса). Работа агроклассов успешно синхронизирована с региональным проектом – учебно-производственные классы – 21 (УПК-21). В 2024/25 учебном году в них обучаются 468 школьников 10–11 классов. В 2024 г. в аграрный вуз поступило 26 (13 %) выпускников агроклассов.

Этот показатель рассматривается как основная точка роста проекта, который имеет значительный потенциал. В качестве инструмента развития

данного проекта предлагается создание совместно с Минобразования и Минцифры республики единой республиканской информационно-образовательной платформы, на которой будет скоординирована вся работа по организации деятельности специализированных классов (аграрных, инженерных, педагогических), а именно – личные кабинеты обучающихся, онлайн-курсы, профориентационные проекты и т. д.

В 2023 г. начался процесс объединения сельскохозяйственных техникумов Чувашской Республики с учетом введения новых специальностей и профессий, что приведет к созданию ведущей аграрной профессиональной организации, реализующей интегрированные программы различного уровня. Оптимизация ресурсов и достижение необходимого качества подготовки выпускников, соответствующего требованиям потребителей и заказчиков, станет неотъемлемым условием эффективного сетевого взаимодействия в системе профессионального образования.

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 27 декабря 2023 г. № 853 принято решение о реорганизации Цивильского аграрно-технологического техникума Минобразования Чувашии в форме присоединения к нему Батыревского агропромышленного техникума Минобразования Чувашии, Мариинско-Посадского технологического техникума Минобразования Чувашии и Ядринского агротехнического техникума Минобразования Чувашии, сохранив его основные цели деятельности.

Координацию работы по развитию кадрового потенциала АПК Минсельхоз Чувашии осуществляет в тесном взаимодействии с ФГБОУ ВО «Чувашский государственный аграрный университет».

Чувашский государственный аграрный университет является куратором проекта «Агроклассы», ведет разноплановую профориентационную деятельность и выступает площадкой для объединения ресурсов отраслевых работодателей и ожиданий студентов по направлению трудоустройства.

По системе высшего аграрного образования намечены две важнейшие точки роста – целевой прием и средний балл ЕГЭ поступающих. По итогам приема 2024 г. в аграрном университете квота приема на целевое обучение выполнена на 88 % (зачислено 119 чел. по целевому приему из квоты 130). Поставлена задача на 100 % закрывать региональную квоту в рамках приемных компаний.

Проблему низких баллов абитуриентов по ЕГЭ предлагается решить путем активного взаимодействия с учреждениями среднего профессионального образования, передовыми организациями агропромышленного комплекса, а также модернизации агроклассов.

К региональному опыту укрепления кадрового потенциала АПК также относятся мероприятия, которые условно можно разделить на два направления: профессиональные и патриотическо-творческие.

В ходе профессиональных мероприятий (выставки, конкурсы) происходит обмен мнениями, технологиями, формирование профессиональных отраслевых компетенций. На таких мероприятиях работники отрасли развиваются в профессиональном плане, и в то же время демонстрация успехов отрасли привлекает в нее новых потенциальных работников.

Патриотическо-творческие мероприятия направлены на единое командообразование, вовлечение новых работников в отрасль, становление и развитие отраслевых традиций, а также формирование идеологии уважения к человеку труда и патриотизма.

Региональный конкурс «Счастливое сельское детство» нацелен на формирование у молодого поколения нового понимания о жизни на селе: о возможности получить качественное образование, стать востребованным специалистом и добиться успеха. Дети, принявшие участие в конкурсе, продемонстрировали свои умения и любовь к родному селу через песни, танцы, рисунки, стихи и публикации в соцсетях.

Организаторы привлекли воспитанников детских садов и учащихся школ к созданию творческих работ, в которых они выразили уважение к родителям, любовь к своей малой родине, истории, культуре и языкам родного края. Участие в конкурсе, несомненно, привлекло внимание детей к успехам и достижениям агропромышленного комплекса региона. И, конечно, взрослые люди надеются, что ребята обратят внимание на профессии, востребованные на селе, и в очередной раз убедятся в том, что комфортно и интересно можно жить не только в городе. Оргкомитет предусмотрел большое количество номинаций, которые позволили детям максимально раскрыть таланты.

Однако перед государственными органами управления аграрным сектором, сельским сообществом, учреждениями образования, культуры, социальной сферы стоят новые задачи, которые необходимо решить в области кадровой политики на селе:

– расширение практики развития прямых связей аграрных образовательных учреждений с организациями агропромышленного комплекса;

– осуществление поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в части обеспечения квалифицированными кадрами по таким направлениям, как возмещение сельхозтоваропроизводителям затрат, связанных с обучением, а также прохождением практики и проживанием студентов в рамках федерального проекта «Содействие занятости населения» госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий»;

– включение в планы социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих сельских территорий финансирования

создания инфраструктурных проектов, способствующих привлечению кадров на сельские территории и их закреплению на долговременной основе;

– широкое проведение информационной и разъяснительной работы в целях распространения позитивного опыта по привлечению кадров в организации агропромышленного комплекса;

– проведение диагностики профессиональных компетенций для формирования практикоориентированной модели образования;

– совершенствование системы подготовки и дополнительного профессионального образования кадров для агропромышленного комплекса.

УДК 94(47+57):334.73

А.Г. Иванов

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И РЕФОРМА П.Д. КИСЕЛЕВА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности социально-правового положения государственных крестьян Среднего Поволжья накануне реформы П.Д. Киселева 1837–1841 гг. и ее последствия в государственной деревне, вызвавшие массовое протестное движение в различных уездах Казанской губернии.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, государственные крестьяне, социально-правовое положение, реформа П.Д. Киселева, реализация, последствия, протестное движение.

Социально-правовое положение государственных крестьян как составной части российского крестьянства на разных этапах его развития во многом обуславливалось государственной политикой. В результате реформы П.Д. Киселева 1837–1841 гг. в государственной деревне произошли существенные перемены. Сказанное относится и к государственным крестьянам Среднего Поволжья, в первую очередь Казанской губернии, где по данным восьмой ревизии 1833 г. числилось 444,9 тыс. ревизских душ муж. пола, что составляло 82,3 % от общей численности крестьянского населения губернии [10, с. 144]. Специфика абсолютного преобладания государственных крестьян здесь переплеталась с их сложным этническим и конфессиональным составом из числа русских, марийских, чувашских, татарских, удмуртских и мордовских крестьян, придерживавшихся православной христианской веры, ислама, язычества, что не являлось преградой для их взаимного сотрудничества. Тем более что все они как государственные крестьяне находились в прямой зависимости от верховного собственника земли – государства.

В связи с тем, что заявленная тема весьма обширная, зададимся наиболее важными вопросами: какая была необходимость в проведении реформы, какие цели преследовала государственная власть; с другой стороны, каким было социально-правовое положение государственных крестьян до реформы, имелись ли у них позитивные ожидания в связи с этой реформой и чем для них обернулось ее проведение, вызывавшее массовое протестное движение.

Непосредственной причиной того, почему власть решилась на эту реформу, явилась, как ни странно, проблема формирования государственного

бюджета. Министерство финансов установило, что из года в год денежные поступления в казну уменьшались. Росли недоимки по налогам. Эта тенденция была характерна для всей российской государственной деревни. Достаточно сказать, что по данным официальной статистики недоимки государственных крестьян только в Казанской губернии в 1828 г. составили более 1 млн руб., а в 1831 г. – 3 млн 250 тыс. руб. – сумма весьма значительная по серебряному рублевому курсу того времени. По стране недобор налога с государственных крестьян в 1831 г. уже составил 51 млн 864 тыс. руб. [4, с. 100].

Выход из создавшейся ситуации с точки зрения властей имелся. Необходимо было создать новое Министерство по управлению государственными крестьянами, изъять их из ведения чиновников губернской казенной палаты и уездных исправников. Установить в губернии новую министерскую четырехуровневую систему управления. Предполагалось, что новые министерские чиновники будут исключительно честными и бескорыстными, всячески будут помогать казенным поселянам; займутся заботливым «попечительством», навсегда уйдут в прошлое незаконные поборы и взятки громадных размеров, ведущие к разорению и недоимкам. Конечно, крестьяне были не прочь, чтобы ими управляли честные и рачительные начальники. Однако их не устраивала перспектива углубления административно-чиновной и судебно-полицейской мелочной опеки, обрекавшей их на дальнейшее бесправие и ухудшение материального положения. По итогам реформы крестьяне на своем горьком жизненном опыте могли сравнить, что было и что стало в системе управления и государственного «попечительства», наметился ли подъем сельского хозяйства.

До реформы 1837–1841 гг. государственные крестьяне, в том числе 12 уездов Казанской губернии, находились в ведении губернских и уездных властей. В пределах своего уезда они непосредственно подчинялись административно-полицейской власти земского капитан-исправника. Он стоял во главе нижнего земского суда и был главой уездного сельского населения. Исправник подчинялся губернатору. По судебным делам государственные крестьяне находились в ведении судьи нижней земской расправы. Налоги вносили уездному казначею. С 1837 г. государственные и удельные крестьяне обязаны были подчиняться еще административно-полицейской власти становых приставов, назначаемых губернаторами в помощь уездным исправникам [4, с. 23–56].

Волостная система управления, введенная еще в 1797 г., не претерпела существенных изменений. Волость возглавляли «крестьянские начальники». Волостной голова и волостной писарь свои должностные обязанности выполняли через волостное правление. Последнее обязано было неукосни-

тельно исполнять все указы вышестоящих учреждений и чиновников. В свою очередь, волостным властям подчинялись деревенские старосты сельских обществ, совокупность которых составляла волость с населением до 3 тыс. ревизских душ муж. пола. Для обеспечения «порядка» и сбора налога, а также исполнения других повинностей в каждом сельском обществе – крестьянской общине – поочередно выбирались десятские, сборщики податей, рекрутские старосты, смотрители «хлебных» магазинов и другие обременительные для крестьян «казенные должности» [4, с. 56–59; 21, с. 46–79, 117–188].

Государственные крестьяне, представленные в губернии в преобладающем большинстве «казенными поселянами», оставались в низком социальном положении. На них, как держателей казенной земли и налогоплательщиков, государство налагало разнообразные правовые ограничения. Казенные крестьяне были связаны общинной круговой порукой, которая обеспечивала исправную уплату податей и несение повинностей. Они находились под постоянным наблюдением местной государственной администрации, требовавшей своевременного взыскания платежей и «правильности» ведения крестьянского хозяйства. Их право переходить в другие податные сословия и менять свое местожительство обставлялось разными трудно преодолимыми препятствиями. Чтобы записаться в мещанство или купечество, требовалось дождаться очередной ревизии, очистить себя от повинностей и недоимок, получить разрешение губернских властей и Сената, иметь в городе торговый капитал.

Государственным крестьянам запрещалось заниматься откупами, подрядами и некоторыми видами торгово-промышленной деятельности (винокурение, производство поташа и проч.). Для сохранения платежеспособности семей власти запрещали государственным крестьянам семейные разделы без разрешения губернского начальства. Весьма специфичным было то, что в некоторых уездах Казанской губернии с марийским населением в сельских и волостных администрациях выборными сельскими старостами и волостными головами могли быть только крещеные марийцы, а писарями – русские «разночинцы» (мещане, крестьяне, ямщики, уволенные со службы военные, канцелярские служители и др.).

Социальное неравноправие сопровождалось усилением внеэкономического принуждения, ростом государственных податей и повинностей, произволом чиновников разных рангов, творивших беззаконие в одной упряжке с волостной и сельской «крестьянской администрацией» [4, с. 16; 15, с. 36–44].

В конце XVIII – первой трети XIX в. в государственной деревне наблюдался непрерывный рост налогового бремени, среди которых основной являлась подушная подать, взимаемая с каждой ревизской души мужского пола. В 1797 г. обязательный оклад подушной подати составлял 1 руб. 26 коп., а в

1818 г. равнялся 3 руб. 30 коп. К этому следует добавить дополнительные оброчные сборы с государственных крестьян, взимаемых в счет прямой оброчной подати, которые в 1797 г. составляли 5 руб., а с 1812 г. – 10 руб. В 1796–1837 гг. подушные платежи возросли более чем в три раза. Весьма примечательными в этом отношении представляются настольные реестры Козьмодемьянского уездного казначейства 1834 г. о денежных сборах с марийских крестьян, где отмечалось, что с марийских общин-деревень «внесено сборщиками Паратмарской волости ниже значущихся селений в платеж податей: – декабря 27, д. Средней Паратмары Петром Ивановым с 294 душ за 1833-й – 87 руб.; 1834-й, 1-ю половину – 373 руб.; 2-ю половину – 292 руб. 40 коп. – ассигнациями – 520 руб., медяки – 40 коп., серебром – 65 руб., на оное пала 169 руб. А вообще 754 руб. 40 коп.; декабря 27, д. Виловатого Врага Алексеем Спиридоновым с 440 душ за 1833-й – 46 руб. 64 коп.; 1834-й, 1-ю половину – 310 руб.; 2-ю половину – 350 руб. – ассигнациями – 320 руб., медяки – 2 руб. 74 коп., золотом – 10 руб., на оное пала 26 руб. 50 коп., серебром – 96 руб. 50 коп., на оное пала 250 руб. 90 коп. А вообще 760 руб.» [8, с. 393–394: 21, с. 46–48].

Возросшие размеры подушных платежей стали настолько обременительными, что крестьянские общины имели большие недоимки. Так, общая сумма недоимок государственных крестьян Козьмодемьянского уезда в 1829 г. равнялась 14 560 руб. Податные недоимки всех категорий крестьян за 1836–1840 гг. в Казанской губернии составили 744 589 руб. [11, с. 94–98, 105].

Подушная подать дополнялась местными денежными сборами и многочисленными повинностями. На местные земские нужды, связанные с содержанием почтовых дорог, мостов, отопление и освещение этапных казарм при больших трактах, крестьянам приходилось уплачивать деньги «на земские повинности». Часть крестьянских «мирских сборов» шла на жалованье крестьянским выборным, на оплату волостного и сельского начальства, введение делопроизводства и другие мелочные расходы. Так, в начале 30-х гг. XIX в. государственные крестьяне Козьмодемьянского уезда платили: на устройство дорог – 25 коп., на водное сообщение – 5 коп., на земские повинности – 46,5 коп., провиантские сборы – 25 коп. с ревизской души. Подобная картина сбора общегубернских и частных денежных сборов была характерна и для остальных уездов Казанской и других губерний. При этом «мирские сборы», предусмотренные для нужд местного сельского управления, во многом зависели от произвола начальников, волостной и уездной администрации. В общей сложности в середине 30-х гг. XIX в. государственные крестьяне Казанской губернии должны были вносить не менее 14 руб. обязательных денежных сборов [2; 11, с. 94–98; 21, с. 53].

Кроме денежных платежей государственные крестьяне обязаны были выполнять различные земские натуральные повинности, представлявшие собой казенную «барщину». Они были наиболее разорительными и неравномерными для крестьян. В особенности от дорожной (починка дорог и мостов), подводной (поставка подвод и перевозка казенных грузов и чиновников), квартирной (постойная) повинностей страдали крестьяне селений, расположенных вдоль крупных государственных трактов (Московский, Вятский, Сибирский и др.). Помимо исправного содержания больших местных проселочных дорог и мостов, бечевников, верстовых столбов крестьян заставляли содержать и речные перевозы. При раскладке повинностей уездные и волостные власти творили вопиющий произвол и тем самым подрывали основу крестьянского хозяйства. Сенаторская ревизия С.С. Кушникова и П.Л. Санти 1819–1821 гг. выявила в Казанской губернии многочисленные нарушения при дорожном строительстве в Козьмодемьянском, Чебоксарском, Казанском и др. уездах. Сенаторов поразили своим размахом злоупотребления по подрядам на установку верстовых столбов, обходившихся крестьянам от 25 до 90 руб. каждый, тогда как помещичьи крестьяне устанавливали столбы в среднем по 8 руб. Рекордной явилась цена установленного одного столба в с. Параты Казанского уезда, стоившего жителям 176 руб. 70 коп. [12, с. 222; 21, с. 48, 50–53].

Весьма обременительной являлась постойная обязанность для воинских команд, строительство этапных домов при больших дорогах для офицеров, низших чинов и арестантов. В 1817 г. в Козьмодемьянском уезде для этих целей было выстроено два этапных каземата. С восьми волостей государственных крестьян было собрано и передано подрядчикам 32 864 руб. 70 коп. (в среднем по 1 руб. 28 коп. с ревизской души). По осмотру зданий выяснилось, что их стоимость оценивалась не более в 2,5 тыс. руб. Всего с крестьян пяти уездов собрали на строительство казематов 76 394 руб. Местные власти, принуждая крестьян к складке денег, обещали им освобождение от постоя, однако и после строительства арестанты и воинские команды продолжали размещаться по крестьянским домам [21, с. 53].

В начале XIX в. государственных крестьян Казанской губернии заставляли выполнять лашманскую повинность. Каждая община обязана была поставлять конных и пеших работников на тяжелые лесные работы, связанные с заготовкой корабельных лесов Адмиралтейского ведомства. В 1808 г. в Царевококшайском уезде насчитывалось 3019 лашманов, в основном из числа татар. В Козьмодемьянском уезде в 1821 г. было 1500 лашманов. С казенных крестьян всех уездов Казанской губернии взимали особый денежный сбор «на исправление лашманской повинности», доходившей до 1 руб. с ревизской души в год [11, с. 98]. В это же время часть государственных

крестьян заставляли отрабатывать подушную подать путем отбывания трудовой повинности на казенных горнозаводских работах. Так, приписные марийские крестьяне Царевококшайского уезда обязаны были отработать с 20 февраля по 1 октября 1833 г. на строительстве Ижевского завода, не считая времени на переходы, 57 820 пеших человекодней, 3375 рабочих дней с одной лошадью и 40 человекодней с парой лошадей. Большую часть этого времени крестьяне отрабатывали в период полевых работ [21, с. 55–56].

Одной из наиболее тяжелых повинностей была рекрутская. Государственные крестьяне, как и другие податные слои, обязаны были поставлять рекрутов в армию, где служба продолжалась 25 лет. Наборы производились на основе семейных рекрутских очередей по пятисотенным, а затем тысячным участкам. С 1834 г. рекрутский участок составляло каждое селение, где имелось не менее 200 ревизских душ. В ходе рекрутского набора семья лишалась трудоспособного работника, что тяжело сказывалось на крестьянском хозяйстве. Весьма обременительными были денежные расходы на обмундирование, пропитание, содержание и провоз рекрута. Сдача одного рекрута по седьмому частному рекрутскому набору от государственных крестьян Царевококшайского уезда стоила 27 руб. 17 коп., в Козьмодемьянском – 26 руб. 43 коп. Эти расходы складывались из денежных сборов крестьянских общин. От рекрутчины могла откупиться лишь небольшая часть деревенской верхушки. Каждый рекрутский набор порождал злоупотребления, в особенности со стороны местной власти. Так, в 1819 г. сдача одного рекрута в Казанской губернии по 87-му рекрутскому набору составила 248 руб. и выше. Сдача рекрута дорого обходилась крестьянской семье и сельскому обществу [11, с. 98–99; 21, с. 56–57].

Общая картина тяжелейшего социально-экономического положения государственных крестьян первой трети XIX в. во всей полноте была представлена в материалах сенаторской ревизии С.С. Кушникова и П.Л. Санти 1819–1821 гг., организованной на основании 10 930 жалоб марийских и чувашских крестьян Казанской губернии. Их содержание сводилось к следующему: «1) земские исправники, устрашая народ, через волостные головы и писарей заставляли собирать себе в подарок по 10 и 20 копеек с ревизской души; 2) при отправке рекрутов также чинили несказанные взятки; 3) при назначении волостных голов и писарей земский исправник получал по 400 рублей с каждого, а голова и писарь под разными предлогами чинили себе с поселян денежные поборы и доводили обывателей в такое убожество, что некоторые из них не в силах заплатить государственные подати; 4) при судебных следствиях над поселянами делались разные прижимки; 5) по лесной части форшмейстеры с учениками лихоимствовали, за полученные подарки допускали рубщиков леса до вырубки излишнего количества леса, также

и дубового; 6) при продажах казенной соли и вина также бывали от городничих и стряпчих несправедливость, откупщики питейных сборов мешали в вино довольное количество воды и т. д.» [9, с. 234].

Конкретно государственные марийские крестьяне Сотнурской волости (22 деревни, 1440 муж. душ) Царевококшайского уезда жаловались на незаконные поборы и издевательства волостного писаря. Последний был назначен на эту должность Казанской казенной палатой в волость «без всякого мирского согласия, по фальшиво составленному приговору». Кроме регулярно получаемого им с крестьян жалованья в размере 1480 руб. в год, волостной писарь вынудил заплатить ему 11 тыс. руб. Противящихся сажал в «колодки на цепь» и всем этим «истощил неожидаемую меру терпения народного». Возмущенные просители требовали пресечь лихоимство и наказать виновного. Такие же просьбы содержались и в других прошениях, поданных сенаторской комиссии 1819–1821 гг. [9, с. 234].

Всего ревизией П.Л. Санти и С.С. Кушникова было привлечено к ответственности по Казанской губернии 1486 чел. – чиновников разных уровней, волостных и сельских должностных лиц, коштанов и других нарушителей закона. Однако по истечении времени обвиняемые почти все были оправданы, а многие жалобщики из числа государственных крестьян в отместку наказаны уездным начальством, а часть сослана в Сибирь [21, с. 149–151].

Однако ни сенатские ревизии, ни царские указы не могли пресечь лихоимства чиновников всех рангов и уровней. Об этом писал в 1831 г. полковник Маслов в донесении шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу о положении «инородцев» Казанской губернии, где сохранились «различного рода угнетения», которым подвергались государственные крестьяне. Так, русские крестьяне с. Покровское Большая Юнга Козьмодемьянского уезда жаловались, что уездный исправник взимал с них в 1830 г. подушную подать в двойном размере, а недоимщикам, «разъезжая по уезду, причиняет жестокие побои крестьянам нагайкою, заганивает их лошадей, сажает зимой под караул в холодный чулан на несколько дней и таковыми жестокостями вымогает деньги». Выколачиванием денег в свою пользу занимались исправники и других уездов. В этом не отставали и выборные волостные начальники, деревенские коштаны, сельские писари, лесничие и другие должностные лица, охочие поживиться за чужой счет [1, с. 23–31; 11, с. 106–109].

Как видно, к началу киселевской реформы государственная деревня Казанской губернии, впрочем, как и в других губерниях, находилась в тяжелом положении. Незаконные поборы деньгами с государственных крестьян достигли огромных размеров и приводили к обнищанию основного податного сословия. Это заставляло задумываться царских чиновников: как, не изменяя господствующего положения дворянства, суметь сделать крестьян способными нести государственные повинности? По мнению крупного царского

сановника П.Д. Киселева, дело зависело от правильного управления государственной деревней, разумной «попечительной» политики и благоустройства в казенных селениях.

Для проведения в жизнь намеченной задачи была учреждена Секретная комиссия, которая должна была решить вопрос о помещичьих и государственных крестьянах. Но прежде предполагалось осуществить реформу управления государственными крестьянами. Разработка этой реформы была поручена учрежденному в 1836 г. V отделению Собственной его императорского величества канцелярии под начальством П.Д. Киселева. Намеченная им программа охватывала 7 пунктов: 1) переложение оброка с душ на ремесло и промыслы; 2) введение семейно-наследственного землепользования; 3) наделение землею малоземельных; 4) отвод и сохранение крестьянских лесов; 5) улучшение сельского и волостного управления; 6) прекращение неправильных поборов и притеснений; 7) повышение доходов от оброчных статей [4, с. 301].

Чтобы решить проблему предстоящей реформы, П.Д. Киселев организовал ревизию губерний Европейской России. В 1837 г. сам он лично побывал в некоторых губерниях. В инструкции ревизорам предписывалось обследовать две волости, находившиеся близко к почтовому тракту: цветущие и расстроенные; выяснить причины дурного или хорошего состояния быта, размеры крестьянских угодий, качество земли, размеры и доходность промыслов, равномерность распределения повинностей. Проведенные ревизии в уездах Казанской и других губерний воочию показали властям состояние государственной деревни перед предстоящей реформой [4, с. 521–526; 16].

По реформе П.Д. Киселева 1837–1841 гг. государственные крестьяне оказались в ведении Министерства государственных имуществ [16]. По новой структуре управления государственной деревней каждая губерния разделялась на округа, округа – на волости, волость – на сельские общества. Предполагалось, что честные чиновники губернской палаты государственных имуществ и окружного управления и взвешенная правительственная политика помогут поднять хозяйственное благосостояние казенных крестьян и тем самым обеспечат исправное поступление в казну податей и выполнение повинностей, внедрят законность, порядок, тишину и спокойствие [4, с. 526–572; 17].

На деле реформа принесла крестьянам лишь очередные тяготы. Чиновники нового ведомства содержались за счет крестьян. Соответственно, общие расходы на содержание чиновников (уездных и окружных, губернских и палаты государственных имуществ) возросли вдвое. По своему произволу чиновники новых учреждений не уступали прежним.

Непосредственно реформа государственной деревни коснулась на уровне реорганизации волостного и сельского управления. Волостное правление стало своеобразным приводным ремнем, через который окружной начальник (обычно из русских дворян) передавал распоряжения и устанавливал свою власть над крестьянами. Сама волость была укрупнена. В ней стало вдвое больше жителей (до 12 тыс. чел. обоего пола). Она состояла из нескольких смежных сельских обществ. Волостные органы (волостной сход, волостные правления, управа и расправа) должны были заботиться о сохранности общинных земельных фондов своей волости и рассматривать другие неотложные вопросы. Волостное правление состояло из волостного головы и двух заседателей. Они выбирались крестьянами из своей среды на сельском сходе и утверждались окружным начальником. Волостная управа состояла из числа тех же: головы и двух его помощников [4, с. 546–588; 17]. Новый орган – волостная расправа, как судебная инстанция, рассматривала небольшие дела по ссорам, дракам, семейным разделам и подвергала наказанию провинившихся. Обычно члены волостного правления и расправы избирались на 3 года. Однако первенствующую роль в правлении играл писарь (обычно из числа русских горожан-мещан). Он назначался окружным начальником и чувствовал себя в правлении полновластным хозяином [4, с. 575–588; 19].

Нижним ярусом местной администрации являлось сельское управление. Каждое сельское общество насчитывало до 3 тыс. чел. обоего пола. Оно состояло из одного или нескольких поселений. Органами сельского общества были сельский сход, начальство и расправа. В каждом обществе выбирали сельского старосту (от одного до трех), сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, двух «добросовестных» сельской расправы для судебных дел, полесовщиков для охраны казенного леса, пожарных старост и сотских. Старшина возглавлял сельскую расправу и занимался разбором споров, жалоб и проступков крестьян. Как видно, через сельский (общинный) сход государственные крестьяне были прикованы к аппарату царского управления. При этом волостное и сельское управление содержались за счет крестьян [4, с. 556–572; 17].

Особое место в управлении государственной деревней занимал «высочайше утвержденный Сельский полицейский устав» от 23 марта 1839 г. Основные положения этого закона имели запретительный и ограничительный характер для государственных крестьян [18]. Применительно к деревне Казанской губернии весьма болезненными были суровые меры наказания по «пресечению суеверий», то есть различного рода наказания для приверженцев традиционных языческих верований. В этой связи власти предусматривали доведение основного содержания полицейского устава для марийских крестьян на родном языке. Для перевода на марийский язык текста этого

закона привлекались приходские священники, обязанные доводить их содержание до своих прихожан. За перевод на марийский язык «Сельского полицейского устава» 1839 г. священник с. Шапкила (Пертнуры) Козьмодемьянского уезда М.С. Кроковский был поощрен денежной премией в размере 100 руб. серебром [9, с. 238–239]. Сословное неполноправие также фиксировалось в «Сельском судебном уставе» 1839 г. и в ряде других указов 1840–1841 гг., закреплявших податное положение государственных крестьян [19; 20].

Реализация киселевской реформы в государственной деревне Казанской и других губерний за небольшим исключением привела еще к большему усилению податного гнета и произволу чиновников разного ведомства и подчинения. Наблюдался рост размеров подушной подати, а также земского, «мирского» и других денежных сборов, о чем убедительно свидетельствуют различные фискально-финансовые документы (отчеты, окладные листы, ведомости) за 1846–1859 гг., относящиеся к Козьмодемьянскому, Царевококшайскому и Чебоксарскому уездам Казанской губернии. Содержащиеся в них сведения свидетельствуют, что денежные повинности и сборы (подушная подать, поземельный сбор, частные «мирские» сборы, страховые, промысловый налог, сбор со стоимости лесных материалов, добавочные сборы на устройство дорог и водяных сообщений, земские сборы и др.) постоянно росли. В 1837 г. общая сумма денежных сборов, взимавшихся с крестьян в расчете на одну ревизскую душу, составляла в Царевококшайском уезде 5 руб. 24 коп. серебром, а в Козьмодемьянском – 5 руб. 32 коп. серебром. Сопоставление им цифр с аналогичными за 1847 г. позволяет утверждать об увеличении размера денежного оклада в среднем на 25 % [11, с. 98–99].

В новом ведомстве с государственных крестьян с 1842 г. начали взимать так называемый «общественный сбор» для «удовлетворения частных потребностей управления государственных крестьян», размеры которого по губерниям отличались. Общественный сбор с государственных крестьян взимался на следующие цели: «...содержание палаты, окружных управлений, волостных и сельских правлений, содержание училищ крестьянских мальчиков, приготовляемых в писаря, на устройство запасных сельских магазинов, на пособие в пожарных случаях, на межевание земель и составление хозяйственного капитала» [20].

На местные земские нужды – содержание почтовых дорог, мостов, полицейских управлений, этапов, гражданского управления, отопления и освещения казарм и другие цели – с крестьян собирались «земские повинности», которые регулировались утвержденными трехлетними сметами в каждой губернии, и размеры их в зависимости от местных условий опре-

делялись для каждого уезда и губернии особо. На мирские расходы, то есть на выплату денежного жалованья крестьянским выборным, на оплату волостного и сельского делопроизводства, собирались «мирские» сборы. Их размеры определялись мирскими сходами и утверждались палатами государственных имуществ. В разных сельских обществах размеры «мирских» сборов могли быть разными, в зависимости от того, включены ли были туда рекрутские и другие повинности [20].

«Мирские» сборы открывали для чиновников и сельской выборной верхушки широкое поле для различных злоупотреблений в целях своего обогащения, так как учет «мирских» сборов и их расходование слабо отражались в документах и были практически бесконтрольными. Казанская палата государственных имуществ в 1842 г. констатировала самовольные «мирские» сборы с крестьян Царевококшайского уезда: «У крестьян, сверх окладных платежей, собираются с обществ так называемые добровольные складчины на такие расходы, в которых отчетов никому не предоставляется, каковой сбор простирается иногда от 8 до 12 руб. и более с каждой души». Именно сборы этих денежных повинностей давали возможность для «узаконенного грабежа» крестьянского населения [4, с. 329; 11, с. 95–96].

Реформа П.Д. Киселева не привела к послаблению денежных сборов и повинностей для государственных крестьян. Согласно окладному расписанию, росли казенные (подушная и оброчная подати), общие земские, общественные, частные мирские сборы, а также денежные сборы в капитал продовольствия и на постройку присутственных мест.

Обременительными оставались различные натуральные повинности: подводная, постойная, перевозка казенных грузов, чиновников и каторжников, исправное содержание дорог и мостов, охрана казенных угодий и т. п. Не менее тяжкой являлась рекрутская повинность. При отдаче в рекруты многое зависело и от решения общинного схода, рекрутского старосты, волостного головы и волостного писаря. Было правилом, что холостые должны идти вперед женатых, что из одной семьи нельзя забирать подряд нескольких, что единственный подросток, будущий кормилец и глава семьи не должен идти в армию. На деле, нередко путем подкупа, зажиточные деревенские богатеи вместо своих сыновей зачисляли в рекрутский набор юношей из малочисленных и многочисленных обедневших семей. Сельские общества имели право сдавать рекрутов вне очереди, освобождаясь от «порочных элементов», то есть крестьян, нарушавших правила мирского общежития, недоимщиков и желающих идти на службу добровольно. Подлежащие набору имели право освободиться от службы, купив зачетную рекрутскую квитанцию или наняв вместо себя «охотника» добровольца. Квитанция стоила 300–500 руб., «охотник» – по уговору. В большинстве случаев этим правом могли воспользоваться лишь немногие [11, с. 94–104].

Рост податей и повинностей непосредственно влиял на платежеспособность государственных крестьян. Из-за этого росли недоимки. В 1836–1855 гг. податные недоимки оставались устойчивыми. Некоторое их уменьшение в Казанской (с 744,6 тыс. руб. серебром до 630,9 тыс.) и Вятской (с 253,2 тыс. руб. серебром до 149,7 тыс.) губерниях во многом объяснялось усилением выколачивания податей с крестьян. В последующие годы в государственной деревне недоимка вновь возросла [11, с. 105–106].

Тяжесть казенных денежных сборов и повинностей усугублялась вопиющим произволом окружных чиновников, волостного и сельского начальства. Так, в 1848 г. министерская ревизия выявила в Казанской губернии большие злоупотребления окружных начальников в Мамадышском, Лаишевском, Чебоксарском и других уездах. В том же году «за излишние сборы с крестьян» был отрешен от должности козьмодемьянский окружной начальник В.А. Фененко. Правда, в виде исключений встречались честные и внимательные чиновники, которые в силу личного своего характера или удачного осуществления «попечительной» программы приобретали доверие и уважение государственных крестьян, как, например, царевококшайский окружной начальник барон А.А. Келлер [5, с. 98, 467].

Лихоимство чиновников разных уровней, должностных лиц волостной и сельской администрации нередко сопровождалось действиями деревенских коштанов, что было характерно не только для марийской, но и чувашской деревни. Современники отмечали, что «во многих селениях между крестьянами есть так называемые коштаны, плуты, покровительствуемые земской полицией. Крестьяне их опасаются, а потому мнение сих людей на общественных сходках имеет часто преимущество. Посредством их и волостных писарей, исправник может сделать сбор денег в свою пользу и не быть обвиненным по суду». Услугами коштанов пользовались и окружные начальники [13, с. 224–225].

С государственных крестьян взыскивали деньги на церковное строительство и содержание приходского духовенства. С прихожан церковная руга взималась в основном хлебом, а в ряде мест – деньгами и сеном. При этом размер руги имел тенденцию к росту. В 1845 г. Казанская палата государственных имуществ предписала окружным начальникам «убедить государственных крестьян заключить с прихожанами условие на взымание с них руги, заключающееся в двух пудах ржи, одном пуде ячменя и овса, одной копне сена с “венца” [3, 9, с. 241]. Обременительные ружные сборы, принудительное привлечение прихожан на строительство каменных и деревянных церквей усугублялись злоупотреблениями священно-церковнослужителей. Новокрещеные и приверженцы традиционных верований подвергались суровым административно-полицейским и судебным преследованиям за отказ от посещения церкви и совершения языческих молений [6, с. 513–519].

В целом новая громоздкая система управления, как видно, еще более ухудшила положение государственных крестьян. Она не смогла искоренить ни злоупотреблений исправников, ни натиска новых чиновников. Эти чиновники меньше всего занимались хозяйственной, общественной и нравственной жизнью крестьян. Их «попечительная» политика большей частью свелась лишь к сбору хлеба в запасные амбары, введению «общественных запашек» на случай неурожая, нажимному внедрению картофеля в крестьянскую среду и т. п. Нередко эти мероприятия сопровождались такими злоупотреблениями и издевательствами чиновников, что это вызывало настоящие «картофельные» бунты 40-х гг. XIX в. [9, с. 238].

В этом плане весьма примечательным стало мощное стихийное крестьянское восстание, охватившее в апреле – мае 1842 г. 120-тысячное население Чебоксарского, Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Восстание, известное как «Акрамовская война», было направлено против засилья и произвола как министерских чиновников, так и уездных полицейских чинов. Лозунги восставших – «Не хотим запашки», «Жить по старому!», «Не хотим расхищения общинных полей под картофельную посадку», призывы к неповиновению чиновникам, расправе и к их истреблению – наиболее емко отразили крестьянское неприятие киселевской реформы, в особенности новой системы управления и принудительных действий чиновничества и их произвола [1, с. 66–182; 7, с. 197–199; 12, с. 7–40; 14, с. 28–29, 32].

В сущности, недалеко были от истины относительно мощного крестьянского восстания в Казанской губернии сами высокопоставленные чиновники.

Так, 21 мая 1842 г. исполняющий обязанности начальника 7-го округа корпуса жандармов полковник Львов рапортовал шефу жандармов Бенкендорфу: «При сем за обязанность себе поставлю присовокупить, что из всех сведений, мной собранных, видно, что главные причины сих беспорядков суть:

1-е. Неблагоразумная распорядительность местных начальников Министерства государственных имуществ.

2-е. Распри между сими чиновниками и чиновниками земской полиции, отчего само собою рождается неповиновение и непочитание крестьянами ни тех, ни других.

3-е. Весьма частые денежные сборы с крестьян на предметы, на которые таковых прежде чинимо не было.

4-е. Устройство общественных запашек без пояснения крестьянам основательное причины оных.

5-е. Неимоверно увеличенное число подворных повинностей для всех членов сего управления, из коих многие также крестьяне и повинностей сей не несут, и наконец.

6-е. Причина, не могущая быть скоро доказана, но неминуемо существующая, это – взятки, чинимые всеми лицами в уездах и деревнях, управление составляющими которых, по большому их количеству, крестьяне не могут удовлетворять без совершенного разорения» [1, с. 109].

27 июля того же года, статс-секретарь Государственного совета барон Корф в своем докладе министру государственных имуществ Киселеву отмечал: «Бывшее в Казанской губернии между государственными крестьянами возмущение по соображению всех обстоятельств кажется должно быть приписано следующим причинам:

1. Неблагоразумному введению общественной запашки.

2. Неудачному выбору окружных начальников, и

3. Слабому содействию губернского начальства и преследовании злонамеренных людей» [1, с. 160–165].

Начало реализации киселевской реформы в Казанской губернии не исчерпывается однако только сложившейся острой конфликтной ситуацией между властями и государственными крестьянами. В рамках «попечительной» политики уже в это время начались новые внедрения. Пусть скромное, но серьезное начало было заложено по таким важным направлениям, как применение в государственной деревне агротехнических новшеств, поддержка образцовых крестьянских хозяйств, поощрения крестьянской торговли и промыслов, открытие начальных школ, медицинских и ветеринарных пунктов, меры противопожарной безопасности, внедрение в селах и деревнях уличной планировки, обеспечение сохранности лесного фонда и т. д.

Список источников и литературы

1. Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.: сб. архивных документов / сост. П.Г. Григорьев и Р.С. Семенов; под ред. К.В. Кудряшова. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1942 (на обложке 1943). 283 с.

2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 80.

3. ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 317.

4. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: монография: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 636 с.

5. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: монография: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 620 с.

6. *Иванов А.Г.* Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начало XX вв.): науч. издание / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 544 с.

7. *Иванов А.Г.* Новые материалы к биографии С.М. Михайлова (1821–1861) // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2011. Вып. 21. С. 190–207.

8. История Марийского края в документах и материалах. Вып. 1. Эпоха феодализма / сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1992. 564 с.

9. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2020. 543 с.: ил.

10. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий): монография. М.: Наука, 1971. 192 с.

11. *Казимов А.С.* Повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX века // Положение и классовая борьба крестьян Марийского края: сб. статей. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 1990. С. 92–113.

12. *Кузнецов И.Д.* Акрамовская война 1842 г. Восстание чувашских и марийских крестьян. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 44 с.

13. *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чувашские коштаны до XX века. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. Ч. 1. 343 с.

14. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений / сост., автор предисл., коммент. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

15. *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века: монография. М.: Наука, 1987. 290 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-2). Т. 12. № 1034. 1837 г., 26 декабря. Высочайшее утверждение Министерства государственных имуществ. СПб., 1838. С. 1040–1053.

17. ПСЗРИ-2. Т. 13. № 11189. 1838 г.; 30 апреля. Высочайше утвержденный проект учреждения о управлении государственным имуществом в губерниях. СПб., 1839. С. 405–654.

18. ПСЗРИ-2. Т. 14. № 12165. 1839 г.; 23 марта. Высочайше утвержденный сельский полицейский устав для государственных крестьян. СПб., 1840. С. 279–289.

19. ПСЗРИ-2. Т. 14. № 12166. 1839 г.; 25 марта. Высочайше утвержденный сельский судебный устав для государственных крестьян. СПб., 1840. С. 289–316.

20. ПСЗРИ-2. Т. 15. № 13275. 1840 г., 20 марта. Именной, данный Сенату, распубликованный 8 апреля. Об общественном сборе с государственных крестьян. СПб., 1841. С. 162–165.

21. *Хайрутдинов Р.Р.* Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.): монография. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2002. 224 с.

A.G. Ivanov

STATE PEASANTS IN THE MIDDLE VOLGA REGION AND REFORM BY P.D. KISELEV IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY

Abstract. The article deals with the peculiar features of the state peasants' social and legal status in the Middle Volga region on the eve of the reform by P.D. Kiselev in 1837–1841 and its consequences in the state village caused a mass protest movement in various districts of Kazan province.

Keywords: the Middle Volga region, state peasants, social and legal status, reform by P.D. Kiselev, realization, consequences, protest movement.

УДК 94(47+57):334.73

О.А. Безгина,
П.С. Кабытов

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917 – НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье проанализированы процессы, сопровождавшие изменения, происходившие в кооперативном движении России в первые годы советской власти. Выделены формы кооперативных объединений, этапы их эволюции, взаимодействие с государственными органами и хозяйственными организациями.

Ключевые слова: кооперация, потребительские товарищества, кредитные кооперативы, продуктообмен, торговля.

В данной статье на примере поволжских губерний мы проследим процесс перестройки крестьянской кооперации в первые годы советской власти. Приход к власти большевиков застал российскую кооперацию на самом пике своего эволюционного развития. С периода зарождения в пореформенные годы немногочисленные разрозненные кооперативы к 1917 г. эволюционировали в мощное кооперативное движение. Специалисты по истории кооперации в нашей стране хорошо знают о том, что по количеству кооперативных организаций Россия в то время занимала лидирующее место в мире. Наиболее распространенными формами крестьянской кооперации были кредитные и потребительские товарищества. В 1917 г. в России действовало 16 417 кредитных и 35 000 потребительских товариществ [10, с. 174].

В целом по стране более 70 % всех потребительских обществ накануне Первой мировой войны составляли сельские потребительские кооперативы. В Поволжье этот процент был значительно выше. К примеру, в Самарской губернии на 1 января 1917 г. насчитывалось 750–800 потребительских кооперативов, из которых 486 вошли в образованный весной 1917 г. Средне-Волжский Союз потребительских обществ. Из 218 278 его членов 95 % входили в сельские потребительские общества. Не менее убедительным примером является Саратовская губерния. Здесь из 684 потребительских обществ и союзов 623 являлись сельскими [1, с. 182].

Традиционно в крестьянской среде развивалась и кредитная кооперация. Только по Самарской губернии на 1 января 1917 г. в кредитных учреждениях состояло до 54 % всех крестьянских хозяйств (263 246 дворов) [7, с. 159]. Как правило, кредитные товарищества обслуживали население всей волости, а потребительские общества организовывались практически в каждом селении.

Важно подчеркнуть, что по мере развития сельской кредитной и потребительской кооперации они входили между собой в тесное сотрудничество, распространенной формой которого была практика, когда члены потребительского общества коллективно вступали в члены кредитного товарищества, что давало возможность получения краткосрочного кредита в размере паевого капитала, а также кредита под залог товаров. В свою очередь, кредитное товарищество вступало в волостные потребительские общества, внося определенные суммы за паи, чем увеличивало оборотные средства потребительских обществ.

Рациональное ведение дел и разделение видов деятельности проявлялось с еще большей очевидностью на уровне союзных объединений кооперации. Все потребительские товары приобретал, изготавливал и затем распределял Союз потребительских обществ. Одновременно Союз кредитных товариществ приобретал и распределял орудия производства. Например, в Ставропольском уезде Самарской губернии исключительно в ведении Союза кредитных товариществ находились все ремонтные мастерские по починке несложных земледельческих орудий и машин, чугунолитейный завод с кузнечно-слесарным и деревообрабатывающим отделом, разделка леса на доски, дрова, колеса и проч., а также закупка хлеба. В сферу деятельности Союза потребительских обществ входили: покупка яиц, сала, мяса, других продуктов питания, а также переработка продуктов (кондитерская фабрика, мыловаренный завод и др.). Типография же была куплена совместно двумя союзами.

Таким образом, к моменту утверждения советской власти кооперативная система создала разветвленную структуру и отлаженные внутренние механизмы, установила зарубежные связи, воспитала собственные квалифицированные кадры.

Царское правительство, опасаясь возможности развития на кооперативной почве леворадикальных настроений, все же активно поддерживало кооперацию как организационно, так и финансово, выделяя многомиллионные суммы на развитие мелкого кредита в крестьянской среде. Временное правительство, возлагавшее на кооперацию большие надежды в решении продовольственного вопроса, оперативно доработало и уже в марте 1917 г. утвердило Закон «О кооперативных товариществах и их союзах», предоставлявший большую свободу и возможности кооперативной работе.

Политика советской власти в отношении кооперации разворачивалась постепенно. Тем более что с июня по октябрь 1918 г. в части поволжских губерний установилась власть Комитета учредительного собрания. Эта власть довольно активно использовала кооперативные органы и ее специалистов. Так, в Самаре представители кооперативных организаций были включены в такие органы управления Комуча, как продовольственная управа, информа-

ционное совещание, финансовый комитет, совет по торгово-промышленным делам, городской продовольственный комитет, Верховную контрольную комиссию. Однако с возвращением свободной торговли кооператоры не выдерживали конкуренции с частниками, имеющими финансовые средства, да к тому же повсеместно обвинявших кооператоров «во всех грехах советской власти».

Ситуация зеркально повторилась после восстановления власти большевиков, представители которой обвинили кооперацию в сотрудничестве с Комучем [2, с. 59]. Самарский журнал «Кооперация и жизнь» писал в это время: «Если… казалось, что кооператоры все же вмешивались в политику, то это скорее было вмешательство политики в кооперацию и ее естественная самозащита от покушающихся на ее существование. Вновь ушедшие простят нам, что мы не с ними, а вновь пришедшие не вменят нам в вину, что мы жили и работали» [2, с. 61]. История показала, что простили не всех.

К концу 1918 г. отдельные виды кооперации практически полностью оказались под государственной опекой: кредитная кооперация отошла в ведение Наркомфина, потребительская – в ведение Наркомпрода. 21 ноября 1918 г. СНК утвердил декрет об организации снабжения, который фактически передавал в руки государства весь аппарат потребительской кооперации.

Декрет от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» утвердил слияние потребительской кооперации в единый распределительный механизм – потребительские коммуны, объединенные в губернские союзы (Губсоюзы). Единым хозяйственным центром всех союзов потребительских коммун являлся Центральный союз потребительских коммун (Центросоюз).

Каждый гражданин обязан был стать членом потребкоммуны и приписаться к одному из ее распределительных пунктов. Таким образом, кооперативным организациям отводилась роль служебных органов Губпродкома.

Последней точкой в деле подчинения кооперации государству стал декрет «Об объединении всех видов кооперативных организаций» от 27 января 1920 г. Закон предполагал слияние сельскохозяйственной кооперации с кредитной и потребительской, а кооперативные организации были названы «лучшим техническим аппаратом для осуществления государственных задач в области распределения и отчасти заготовок».

В соответствии с этим декретом, в Самарской губернии с августа 1920 г. решением комиссии по слиянию при Губпродкоме кредитные, сельскохозяйственные и кустарно-промысловые товарищества стали составной частью потребительских обществ, имеющих несколько пунктов по продаже продуктов и товаров (многолавок). Все принадлежавшие им предприятия и имущество передавались Губсоюзу и губсовнархозу, а на местах – многолавкам [11, л. 4].

Вместе с тем, в первые годы советской власти предпринимались попытки создания собственно коммунистических коллективных хозяйств, которые, в отличие от прежней кооперации, должны были объединить исключительно беднейших представителей крестьянства. Советские исследователи указывали, что в 1918 г. в стране действовало 11 тыс. колхозов и совхозов. «Им были отданы лучшие помещичьи земли с инвентарем, орудиями и тяглом. Однако дело не у всех пошло, ряд колхозов и совхозов развалились» [6, с. 8]. По всей вероятности, речь шла об артелях, коммунах, товариществах по совместной обработке земли, в которые объединялась часть крестьян для успешного проведения сева и других сельскохозяйственных работ.

Так, в Симбирской губернии были созданы «коммуна "Солидарность" …в селе Новая Лава Сызранского уезда, а также Шумовская и Покровская коммуны Симбирского уезда, коммуна имени III Интернационала Сенгилеевского уезда и др.» [6, с. 9]. Тот факт, что эти крестьянские объединения не получили своего развития, объяснялся в советский период «начавшейся иностранной военной интервенцией и гражданской войной», которые «сорвали дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства» [7, с. 9]. На наш взгляд, причина была не только в этом. Подобные объединения крестьян носили скорее идеологический, чем хозяйственно-практический характер. Выразительное заключение об их деятельности сделал председатель Новоузенского уездного сельскосоюза Саратовской губернии: «Бедняцкие объединения не имеют инвентаря, работают плохо, зато хорошо спаяны, дружны» [4, л. 19].

Таким образом, накануне нэпа кооперация представляла собой подчиненный Наркомпроду распределительный и снабженческий аппарат, действующий на основе общегосударственного плана заготовок и распределения. От некогда отлаженной системы потребкооперации России сохранился лишь остов – сеть складских, перевалочных и распределительных пунктов в лице губсоюзов, их районных отделений, а также единых потребительских обществ.

Реформированный таким образом аппарат потребкооперации не был приспособлен к рынку, а был ориентирован на распределение. В 1921 г. и он оказался фактически ненужным, так как распределять было нечего. Товарный голод стал одной из главных государственных проблем. С 1 января 1921 г. аппарат потребкооперации был переведен на смету государства.

Весной 1921 г. стало очевидно, что советская власть потерпела поражение в попытке «штурмовым» способом «перейти к социалистическим основам производства и распределения» [8, с. 204]. Ленин признал факт нахождения кооперации «в состоянии чрезмерного удушения». Понимание этого и послужило исходным моментом для пересмотра отношения к кооперации. X съезд поручил ЦК выработать и провести «в партийном и советском

порядке» постановления, которые бы «улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов… применительно к замене разверстки натуральным налогом» [5, с. 638].

7 апреля 1921 г. был принят декрет СНК «О потребительской кооперации», который отменил введенные ранее ограничения и предоставил кооперации право обмена и скупки продукции сельского хозяйства и изделий кустарных промыслов. Обслуживая как организованных потребителей, так и выполняя задания государства, она должна была существовать на основе хозяйственного расчета. Каждый гражданин Советской республики, не лишенный по конституции права голоса, являлся членом единого потребительского общества (ЕПО), в районе которого он проживал. Декрет также разрешал создавать добровольные кооперативные объединения и взимать со своих членов вступительные взносы.

Однако проводить свои операции кооперация должна была под руководством и контролем государства (Наркомпрода), а также сохранялась обязанность для всех граждан участвовать в потребительской кооперации. Потребительская кооперация вместе с государственной торговлей, превращаясь в торгового посредника между городом и деревней, была призвана вытеснить частного торговца.

17 мая 1921 г. СНК утвердил договор между Наркомпродом и Центросоюзом о передаче всей заготовки продуктов и сырья потребительской кооперации. Ей поручалось проведение натурального обмена промышленных изделий на продукцию крестьянского хозяйства. Согласно договору, Центросоюз при проведении заготовки был обязан согласовывать цены, количество и сроки поставки товаров.

Стратегия заключалась в том, чтобы при поддержке государства кооперация аккумулировала излишки мелкого хозяйства, максимально концентрируя товарообмен в своих руках, лишая, таким образом, частный капитал источников накопления и становясь своеобразной государственной формой, опирающейся, главным образом, на материальную поддержку государства. Одновременно подчеркивалась и идеологическая составляющая этого процесса: потребительская кооперация, осуществляющая товарообмен между городом и деревней, должна была стать «широкой ареной» для осуществления экономического союза рабочих и крестьян.

Что касается сельскохозяйственной кооперации, то началом нового этапа в ее развитии послужил декрет ВЦИК и СНК от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации», согласно которому она отделялась от потребительской кооперации, переходила к самостоятельной работе на «свой страх и риск». Декрет признавал право крестьян и кустарей вести любые хозяйственные, в том числе и торговые, снабженческо-сбытовые операции;

создавать для этого любые формы кооперативных объединений (на кредитные запрет сохранялся еще до января 1922 г.). Всем видам кооперативных объединений предоставлялась полная свобода финансовой деятельности и накопления средств, ведения операций на собственные средства.

Таким образом мы видим, что государство декларировало стремление дать больше свободы кооперативам. Официальное издание Сельскосоюза оптимистично оценивало процессы, происходившие в этот период, сообщая, что «уже к концу 1921 года в стране насчитывалось 175 союзов, к лету 1922 года 300 союзов, объединявших 25 тысяч первичных кооперативов и 2,4 млн крестьян, что составляло 13 % от общего количества крестьян» [9, с. 29].

Однако местные источники говорят о том, что перестройка кооперативной работы затягивалась. Так, сводный обзор Саратовского губсоюза «Развитие кооперации в Саратовской губернии» от сентября 1921 г. прямо показывал, что «во многих уездах только сейчас приступают к реорганизации кооперативных органов» [3, л. 59]. В числе причин затягивания работы кооператоры называли «отсутствие опытных идейных руководителей, необходимых средств и твердый эквивалент». Особенно «сильным тормозом» являлся «твердый эквивалент», так как «базарные цены сильно колеблются и, следовательно, кооперативные цены выше базарных» [3, л. 59].

Очевидно, что при таких условиях работы кооперация не могла составить серьезной конкуренции активно развивавшейся частной торговле и предпринимательству. Сохранявшийся товарообмен, да еще и по «твердому эквиваленту», делал кооперацию на рынке неповоротливой и малоэффективной.

Глава правления уполномоченных районов Саратовского губсоюза потребительских обществ К.Я. Фарафонов, выступая на совещании в ноябре 1921 г., подчеркивал: «Для придания экономической устойчивости органам кооперации и превращения ее во внушительную экономическую силу, способную оказывать положительное влияние на вольный рынок, необходим немедленный переход к широкой торговой деятельности» [3, л. 59].

Еще одной серьезной проблемой в кооперативной работе с началом новой экономической политики стала нехватка опытных специалистов. Так, представитель Курмышского районного отделения потребительской кооперации Симбирской губернии, выступая на IV съезде уполномоченных Симбирского губсоюза 21 августа 1921 г., говорил о неподготовленности кооперативного аппарата к самостоятельной работе: «…открылась такая широкая работа, где требовалась колоссальная энергия и требовались опытные люди, которые бы направили работу в известное русло, чтобы сделать что-нибудь». К примеру, Самарский губсоюз в августе 1921 г. принял решение максимально повысить зарплату своим рабочим и служащим для привлечения в

кооперацию опытных работников, необходимых для проведения голодной кампании.

Однако даже через год положение мало изменилось. Так, осенью 1922 г. заместитель ответственного секретаря Саратовского губкома РКП констатировал, что «ни в одном уезде среди ответственных работников кооператоров не имеется достаточно четкого понимания задач сельскохозяйственной кооперации вообще и ее положения в Саратовской губернии, в частности. Аппараты… слабы, ни один работник не может похвастаться 18–20-летним стажем работы в сельскохозяйственной кооперации… сотрудников в аппарате недостаточно, нет средств» [4, л. 17].

Одновременно этот период характеризовался постоянным количественным ростом аппарата кооперации, который стал следствием не только усилившейся бюрократизации кооперации, но и результатом советского политического курса по отношению к ней: постоянного усиления пролетарского и партийного влияния в кооперативах. Доля коммунистов в кооперативных организациях ежегодно возрастала, так, в правлениях кооперативов Самарской губернии в 1922 г. она составила 54,7 %. Одновременно уменьшалась доля специалистов, имеющих опыт кооперативной работы. В 1922 г. количество членов правлений без стажа составляло 48,7 %, кооперативный стаж до двух лет имели почти $^{2}/_{3}$ членов правления первичных товариществ.

Таким образом, переход к нэпу поставил руководство страны перед решением двух взаимоисключающих задач: использовать частный капитал для восстановления хозяйственных связей, оживления товарообменных операций, одновременно не допуская его трансформации в мощную социальную силу, дабы избежать реанимации капитализма.

Решение этой проблемы предполагало наличие в нэпе сильных элементов государственного регулирования. Одним из инструментов регулирования должна была выступать кооперация, которую советская власть рассматривала как реальную альтернативу частному капиталу, способную определять конъюнктуру рынка.

Однако крайняя ограниченность товарных ресурсов государства с самого начала затормозила выполнение данного плана. Не способствовала проведению товарообмена и его чрезмерно формализованная организация. Действовала своеобразная формула – Наркомпрод собирал налог, кооперация вела товарообмен. Кооперация заключала с Наркомпродом специальные оперативные договоры и отчитывалась перед ним за проведенные операции. Расходы, которые несла кооперация, проводя заготовку и распределение продовольствия, покрывались Народным комиссариатом продовольствия на комиссионных началах по заранее согласованным с Центросоюзом ставкам.

Установленный Наркомпродом эквивалент товарообмена, равный 1:3, привел к тому, что кооперация выступала на рынке как самый дорогой продавец, что подрывало возможность ведения товарообменных операций и расчищало на свободном рынке дорогу частному капиталу. С переходом к нэпу частный капитал использовал все возможности для своего роста, которые ему предоставлял свободный рынок. Кооперативы же вступили в рыночную экономику крайне ослабленными, с минимальными товарными и денежными запасами.

Не могло не отразиться на работе кооперации почти полное обнищание населения. Организовать заготовку продуктов в условиях товарного голода было крайне сложно. Тем более это касалось Поволжских губерний, где ситуация осложнялась тяжелейшим голодом 1921–1922 гг. Хлеб, другие продукты и сырье заготавливались в основном через сельские кооперативы (многолавки). Однако в начальный период нэпа из-за отсутствия оборотных средств большая часть из них числилась только юридически. Поэтому единственная работа, которая велась в первичных кооперативах планомерно, была организация общественного питания. Часто под отделениями многолавок следовало подразумевать лишь пункты питания.

Из-за голода и обнищания населения многолавки не могли собрать паевые взносы и не имели собственных средств осуществлять заготовку товаров в более или менее крупных размерах. Кооперативы вместо того, чтобы давать оборотные средства Губсоюзу в виде паев, сами пользовались у него кредитом в довольно широких масштабах. Большинство первичных кооперативов работали исключительно на кредиты и этим значительно удорожали свои операции.

По сравнению с частником кооперация была менее подвижна и не успевала быстро реагировать на изменения рынка. Поэтому она проигрывала частной торговле. Причинами этого были не только инфляция, но и неповоротливый бюрократизированный механизм кооперативных и государственных органов. Кооперации зачастую проще было иметь дело с частными торговцами, чем с государственными организациями. В среднем по России кооперация у частных предприятий закупала до 45 % всех товаров. Так, в Самарской губернии в 1922 г. кооперация удовлетворяла не более 2–3 % потребностей рядового потребителя, остальное – частный рынок.

В результате кооперации не удалось выполнить возложенную на нее задачу и обеспечить организацию товарообмена между городом и деревней. Она не смогла не только вытеснить частника, но и составить ему конкуренцию. Существенную роль в восстановлении народного хозяйства страны сыграл частный капитал. Ему удалось овладеть основными позициями на рынке, на его долю приходилась основная масса восстановленных хозяйственных связей.

Таким образом, стало очевидным, что в условиях свободного экономического развития кооперация не сможет составить конкуренцию частной торговле, тем более вытеснить частника из товарооборота и кооперировать его. Необходимы были другие шаги. Новая тактика будет сформулирована в резолюциях XIII съезда РКП(б) «О кооперации» и «О работе партии в деревне», претворение в жизнь которых ознаменует следующий этап в эволюции форм отечественного кооперативного движения.

Список источников и литературы

1. *Безгина О.А.* Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества: монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018. 306 с.

2. *Безгина О.А.* Кооперативное движение в Самарской губернии в 1918–1928 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. 200 с.

3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 336.

4. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1053.

5. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.

6. *Зайцева Т.И., Фарафонтова В.С.* Кооперация родного края Ильича в двадцатых годах. Ульяновск: Обл. совет профсоюзов, 1989. 42 с.

7. *Кабытов П.С.* Поиски выхода из кризиса // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000. С. 132–178.

8. *Ленин В.И.* Доклад о новой экономической политике 29 октября // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1963. Т. 44. С. 193–213.

9. Сельскохозяйственная кооперация в системе государственного капитализма. М.: Сельскосоюз, 1924. 89 с.

10. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк: 1861–1930. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2002. 598 с.

11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 33.

O.A. Bezgina,
P.S. Kabytov

EVOLUTION OF COOPERATIVE MOVEMENT FORMS IN 1917 – BEGINNING OF 1920s

Abstract. The article analyzes the processes having accompanied the changes took place in the cooperative movement in Russia in the first years of Soviet power. The forms of cooperative associations, the stages of their evolution, the interaction with state bodies and economic organizations have been revealed.

Keywords: cooperation, consumer associations, credit cooperatives, product exchange, trade.

УДК 94(470.4)“1920/1930”

Г.А. Куршева,
Е.Н. Бикейкин

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ОТ НЭПА К КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется аграрная политика советского государства и опыт ее реализации в Среднем Поволжье в условиях нэпа и коллективизации.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, Среднее Поволжье, нэп, коллективизация.

Первая мировая война, революционные потрясения и Гражданская война привели к тому, что сельское хозяйство Среднего Поволжья, как и России в целом, оказалось в состоянии крайней разрухи, сократились посевные площади, поголовье скота. Продовольственная разверстка вызывала у крестьян недовольство и провоцировала их выступления. Руководство страны вынуждено было перейти к новой экономической политике (нэп). Основополагающими документами нэпа были декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. о замене продовольственной и сырьевой разверстки продналогом и декрет СНК от 21 апреля 1921 г. о натуральном налоге на хлеб. 10 мая 1923 г. был введен единый сельскохозяйственный налог, взимавшийся частично хлебом и деньгами, который в дальнейшем постоянно совершенствовался. Таким образом, налоговое обложение стало дифференцированным. Разграничению подвергались не только хозяйства, но и уезды. Крестьянин получил право распоряжаться излишками произведенной продукции, в частной собственности сохранялись мелкие промышленные предприятия, допускались аренда земли и наемный труд в сельском хозяйстве.

Положение сельского хозяйства в Среднем Поволжье в начале 1920-х гг. осложнилось тяжелейшим голодом, вызванным засухой и недостатком семян, поскольку часть семенного материала была отобрана у крестьян в ходе продразверстки 1920/21 хозяйственного года. К тому же в Марийской автономной области весной и летом 1921 г. бушевали лесные пожары, уничтожившие ряд селений [4, с. 87]. Население Чувашской автономной области сократилось на 7 % [17, с. 27]. Практически вся территория мордовского края оказалась в зоне голода. Особенно сильно пострадал Саранский уезд. Материальный ущерб от голода намного превысил все экономические потери крестьянства за годы Первой мировой и Гражданской войн [5, с. 140–141].

Государство оказало огромную и разнообразную помощь в преодолении последствий голода регионам Поволжья: привозилось продовольствие, поступали семена, сельскохозяйственная техника, была налажена сеть столовых для голодающих. В Марийском крае на 50 % был уменьшен продналог с пострадавших кантонов. В уменьшенных размерах взимались другие налоги. Единый сельскохозяйственный налог с трудовой части населения кантонов, подвергшихся в 1921 г. стихийным бедствиям, уменьшился в 1923–1924 гг. на 20 %. Трудящемуся крестьянству выделялась ссуда на приобретение рабочего и продуктивного скота. Государство усилило снабжение их сельскохозяйственными орудиями [4, с. 87, 96]. Для оказания регулярной помощи голодающим Чувашии советское правительство прикрепило Чувашскую автономную область к Московской губернии. Свыше 6 тыс. детей были временно вывезены в детские дома хлебородных губерний. На средства Помгола, международной организации «АРА», пожертвований местных предприятий и организаций на территории региона открывались столовые, проводились общественные работы, позволявшие трудоспособному населению заработать себе на пропитание. Тем самым были спасены от голодной смерти тысячи людей [17, с. 27].

Посевная кампания 1922 г. в Мордовии проходила в тяжелых условиях недостатка семян, лошадей. Так, урожай 1923 г. в Мордовском крае был ниже довоенных показателей [19, с. 59–67]. Рыночная ситуация для сельхозпроизводителей была неблагоприятная: цены на сельскохозяйственную продукцию упали, а на промышленные товары выросли. Это был первый кризис новой экономической политики, произошедший в 1923 г. и получивший название «ножницы цен». Он был разрешен административными мерами, вмешательством государственных органов, которые форсированием закупок хлеба на экспорт повысили закупочные цены на сельскохозяйственное сырье и снизили примерно на 30 % цены на промышленные товары. Все это способствовало оживлению экономики. Однако в 1924 г. уезды Мордовии вновь пострадали от засухи, которая сказалась на урожае и поголовье скота. В уездах мордовского края (Краснослободский, Темниковский, Инсарский, Саранский и Спасский) общее поголовье скота в 1925 г. составило 83 % по отношению к 1924 г. [24]. Благодаря достаточно быстрой реакции центральных властей голод 1924 г. не был столь губительным, как в 1921–1922 гг.

В 1925 г. страну охватил хозяйственный кризис, обострился товарный голод, выросли цены. Принятые ранее планы не соответствовали финансовым, транспортным, сырьевым, топливным возможностям регионов. Руководство страны провозгласило курс на повышение эффективности с помощью режима экономии. С утверждением новой экономической поли-

тики советское правительство также занялось организацией долгосрочного сельскохозяйственного кредитования. Декрет «О кредитной кооперации» от 24 января 1922 г. предполагал оказание финансовой помощи бедным и середняцким хозяйствам. С 1922 по 1924 г. была создана система сельскохозяйственных банков.

В 1926 г. в уездах мордовского края наблюдался рост посевных площадей и поголовья скота, однако восстановление сельского хозяйства здесь еще не было завершено [19, с. 74]. К 1928 г. в структуре посевных площадей Мордовского округа главенствовали озимая рожь, овес, просо и картофель [25]. Урожайность во многом зависела от погодных условий. Средняя урожайность ржи, овса, проса и картофеля, например, за 1923–1928 гг. была ниже показателей 1905–1914 гг. [11, с. 37; 14].

В период нэпа в Марийской автономной области общая посевная площадь с 291 тыс. дес. в 1920 г. уменьшилась до 223 тыс. в 1922 г. и увеличилась до 382 тыс. дес. в 1925 г. Посевные площади достигли 93 % к показателям 1913 г. Произошли положительные сдвиги и в структуре сельскохозяйственных культур [4, с. 97].

В ходе осуществления мероприятий нэпа в Чувашии довоенный уровень посевной площади был достигнут в 1925 г. Была проделана большая работа по землеустройству, произошли изменения в структуре посевных площадей в сторону расширения площадей под картофелем, техническими культурами и травами. Около 8 % посевной площади было переведено на многопольный севооборот, постепенно внедрялись применение сортовых семян, отпускаемых государством, чистка и протравливание семян, зяблевая вспашка и т. д. [2, с. 114]. В 1928 г. посевная площадь Чувашии составила 101 % к 1913 г. Были организованы прокатные пункты сельскохозяйственного инвентаря, где бедняки и середняки могли получить инвентарь для обработки своих земельных участков. Значительный сдвиг в развитии получили садоводство, огородничество и хмелеводство [1, с. 27].

В 1925–1928 гг. значительных успехов достигло животноводство. Например, в Марийской автономной области в 1925 г. поголовье крупного рогатого скота (КРС) выросло до 181,7 тыс. голов, несколько превысив уровень 1916 г. Был достигнут и превзойден уровень 1916 г. и по поголовью овец и коз, а также свиней. С каждым годом уменьшалось количество безлошадных (1923 г. – 37 %, 1925 г. – 23 %), бескоровных (1923 г. – 28 %, 1925 г. – 19 %) [4, с. 97]. В 1928 г. численность поголовья скота в Мордовии превосходила показатели 1916 г. [14]. В Чувашии к 1928 г. было восстановлено поголовье скота, за исключением свиней [1, с. 27].

Хотя поголовье скота и площадь посевных площадей превзошли довоенный уровень, но выпуск валовой продукции сельского хозяйства, в осо-

бенности зернового, сильно отставал. Например, валовая продукция сельского хозяйства Чувашии в 1928 г. составляла лишь 81,9 % довоенного уровня. Очень низкой была товарная продукция сельского хозяйства (11 % всей продукции) [2, с. 115].

Государство оказывало помощь крестьянским хозяйствам кредитами, семенами, продовольствием, фуражом, списанием долгов. При этом социальная дифференциация деревни сдерживалась, укреплялись позиции ее низших слоев, бедноте отпускался более дешевый кредит, предоставлялись льготы по семенным ссудам и налогам. Со второй половины 1920-х гг. государственная политика в отношении зажиточных слоев деревни стала ужесточаться, к ним применялось прогрессивное налогообложение, ограничивалась возможность приобретения машин, сокращалась земельная площадь. Продолжался процесс дробления крестьянских хозяйств, что негативно сказывалось на товарном выходе зернового хозяйства.

Таким образом, восстановление сельскохозяйственного производства в Среднем Поволжье в основном завершилось в 1928 г., но касалось это преимущественно количественных показателей. Сельское хозяйство мордовского, чувашского и марийского края еще страдало от аграрного перенаселения, агрокультурной и технической отсталости.

К началу сплошной коллективизации в Поволжье имелось достаточно кооперативных хозяйств. Например, кооперированность крестьянских хозяйств Мордовского округа составляла 52,2 % [18, с. 384]. Однако именно коллективные, а не кооперативные хозяйства наиболее полно отвечали запросам советской власти в решении продовольственных кризисов и заготовок хлеба. На 1 мая 1928 г. в Мордовии насчитывалось 108 колхозов (из них 7 – коммун, 26 – сельхозартелей, 75 – ТОЗов), в которых состояло 1,2 тыс. хозяйств [13]. В колхозах, особенно в коммунах, преобладала «беднота» (в 1928 г. – 56,1 %) [22]. В Чувашии в этот период колхозы охватывали 3,6 % крестьянских хозяйств (среди форм колхозов доминировали ТОЗы), при этом процент коллективизации стоял ниже среднего по РСФСР (7,4 %) [7, с. 19]. В Марийской автономной области к октябрю 1929 г. функционировало 214 колхозов (из них 13 – коммун, 69 – артелей, 132 – ТОЗа), в которых состояло примерно 3 % всех крестьянских хозяйств автономии [3, с. 22].

В декабре 1928 г. мордовский окружком ВКП(б) утвердил первый пятилетний план (1928/29 – 1932/33 гг.) развития Мордовского округа, где сельскому хозяйству отводилась основная роль. Предполагалось к 1933 г. организовать в округе сеть колхозов, которая должна была объединить 13,8 % крестьянских хозяйств [26]. Однако форсирование индустриализации внесло поправки в эти планы. В декабре 1929 г. Мордовский обком ВКП(б) постановил в 1929–1930 гг. коллективизировать в среднем 50 % бедняцко-серед-

няцких хозяйств, обобществить 51 % земельной площади. В начале 1930 г. было решено довести коллективизацию до 40 % от всех хозяйств [16, с. 159–160]. Темпы коллективизации в Средневолжских регионах завышались без учета их специфики. Ускоренное обобществление на местах проводилось с применением административного нажима и откровенного насилия, что вызывало недовольство крестьян.

Опубликованная 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» призвана была указать на реальные ошибки и «перегибы» в реализации сплошной коллективизации. Однако данная статья подстегнула массовый процесс выхода крестьян из колхозов. Так, из колхоза с. Русская Лашма (Ковылкинский район Мордовской области), в котором состояло 106 хозяйств, вышло 89, с. Казенный Майдан – 180 хозяйств, с. Большая Лашма из 100 – 80, с. Покровское из 520 колхозов – 400 хозяйств [21]. На 1 мая 1930 г. в колхозах Мордовии оставалось 8,2 % хозяйств, тогда как в Средневолжском крае – около 20,5 %, в целом по СССР – 23,6 % [20, с. 121]. При этом наибольший процент снижения давали те районы, которые ранее шли впереди по темпам коллективизации. Весной 1930 г. наблюдался отток из колхозов и в Чувашском крае, в течение марта – июня 1930 г. процент коллективизации здесь снизился с 67,9 % до 10,7 % [7, с. 19]. С марта 1930 г. в Марийской области также был отмечен массовый выход крестьян из колхозов, на 1 января 1931 г. здесь было охвачено коллективизацией 11,3 % крестьянских хозяйств [31, с. 38–39].

Руководство государства старалось привлечь колхозников на свою сторону, и вскоре были приняты постановления ЦИК и СНК, расширявшие льготы для колхозов и колхозников в отношении налогов и кредитования.

Форсирование темпов коллективизации и возраставшее недовольство крестьян усиливали социальную напряженность в деревне. Во главе сопротивления политике советской власти в деревне встало зажиточное крестьянство. Толчком к массовым репрессиям в отношении кулаков стало выступление И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., в котором провозглашался переход к «политике ликвидации кулачества как класса». 20 января 1930 г. бюро Средневолжского крайкома приняло постановление «Об изъятии и выселении контрреволюционных элементов и кулачества из деревни». По докладам райисполкомов о политическом и хозяйственном положении районов и по другим источникам подсчитано, что зимой – весной 1930 г. в 22 районах Мордовии было раскулачено почти 5,5 тыс. хозяйств [15, с. 106]. В конце марта 1930 г. в Мордовской автономной области был создан штаб по массовому выселению «кулацкого элемента» [27]. Помимо выселения и отчуждения имущества, практиковались штрафы, аресты, лишение избирательных прав.

В Чувашии раскулачиванию в 1930-е гг. подверглись около 6 тыс. крестьянских хозяйств (3,4 % от общего числа), из них 1,6 тыс. выселены за пределы республики. Массовое выселение раскулаченных крестьян происходило в августе 1931 г. [8, с. 102]. В Марийской области массовое раскулачивание и выселение крестьян проходило с марта по июль 1931 г. [31, с. 39]. За 1930–1933 гг. более 4 тыс. хозяйств Марийской области подверглось раскулачиванию, около 1 тыс. семей было выслано в отдаленные районы страны [4, с. 133]. Раскулачивание в Поволжье проходило в обстановке насилия и самоуправства со стороны местных партийных и советских работников, которые часто или сводили счеты с недругами, или просто отбирали понравившееся имущество. Тем не менее уровень коллективизированных хозяйств в Среднем Поволжье повышался. Так, к концу 1931 г. колхозы объединяли 70 % бедняцко-середняцких хозяйств Мордовской области [15, с. 73].

Организованные колхозы часто были очень слабыми. Обследование колхозов Мордовии, проведенное во второй половине 1931 г., показало, что в них имелись серьезные проблемы с организацией и материально-техническим обеспечением. Из-за недостатка кормов и отсутствия надлежащего ухода в ряде районов имелись случаи массовой гибели скота. В 1930–1932 гг. снизилось производство продукции животноводства: мяса – с 21,2 тыс. т в 1929 г. до 13,5 тыс. т в 1932 г. (на 37,3 %), молока – с 227,4 тыс. до 149,8 тыс. л (на 32,4 %) [29]. В Чувашии к 1932 г. по сравнению с 1928 г. поголовье скота также сократилось: лошадей – на 18,3 %, КРС – на 15,4 %, овец и коз – на 37,2 %, свиней – на 24,0 % [1, с. 43].

В течение 1932 г. в Мордовии и Чувашии наблюдалась новая волна оттока из колхозов, однако она была меньше предыдущей. В Мордовской области к январю 1933 г. коллективизация составляла 57,8 % [12]. Постепенно властям удалось сломить сопротивление крестьянства, и к 1934 г. темпы коллективизации по Мордовии стали расти, составив летом 1937 г. 82,5 % [6, с. 204, 210]. В Чувашии к 1935 г. уровень коллективизации крестьянских дворов достигал 56,8 %, к 1937 г. – 75,8 % [10, с. 12]. В Марийской АССР в конце 1937 г. коллективизировано 88,1 % крестьянских дворов. При этом здесь создавались только колхозы, тогда как в других регионах страны организовывались и совхозы [4, с. 132].

Организация крупного сельскохозяйственного производства в Среднем Поволжье в первые годы сплошной коллективизации столкнулась с проблемой технической вооруженности. Так, в Мордовии в январе–феврале 1930 г. были созданы машинно-тракторные станции (МТС) в Ковылкинском и Кочкуровском районах, в которых работало 77 тракторов [15, с. 64]. В 1929 г. в Чувашию для обслуживания колхозов было привезено 13 тракторов [2, с. 142]. В распоряжении колхозной системы Марийской области в вышеобозна-

ченном году имелось 4 трактора мощностью по 20 лошадиных сил, но до 1931 г. в области не было машинно-тракторных станций [3, с. 23; 4, с. 128]. В годы второй пятилетки материальная база сельского хозяйства Мордовии заметно укрепилась: росло количество МТС (в 1940 г. – 52), тракторов, комбайнов и грузовых машин [16, с. 368; 28], росла доля механизированных сельскохозяйственных работ. В Чувашии с 1935 по 1940 г. число МТС увеличилось в 2 раза, тракторов – в 3 раза, зерновых комбайнов – в 33 раза. В эти годы темпы технического перевооружения сельского хозяйства Чувашской республики были выше, чем в среднем по РСФСР [10, с. 13]. К 1940 г. важнейшие полевые работы в колхозах Чувашии были механизированы на 50–60 % [1, с. 36]. На 1 октября 1936 г. в Чувашии работали 18 МТС с 1021 трактором [9, с. 37]. К 1937 г. в Марийской области было 17 МТС с 1022 тракторами [4, с. 134].

По сравнению с 1932 г. к 1935 г. в Мордовии выросло поголовье КРС, а также овец, коз и свиней [30]. В Чувашии к 1938 г. численность поголовья стада превзошла численность 1916 г.: КРС на 6,2 % (коров на 19 %), свиней на 19 %. Задерживалось восстановление конского поголовья, овец и коз [1, с. 65]. В Марийском крае рост поголовья скота начался с 1934 г., возросло поголовье КРС, свиней, несколько отставала численность лошадей, овец и коз [4, с. 140].

С установлением колхозного строя в сельском хозяйстве Поволжья стала меняться структура посевов. Если в Мордовском крае раньше преобладали рожь, овес, просо, гречиха, из технических – конопля и лен, то с развитием социалистического сектора большое место в посевах стали занимать бобовые (горох, чечевица и новая для Мордовии культура – вика), возросла площадь посевов яровой и озимой пшеницы, увеличилась площадь под сеяными травами, а также под технической культурой – махоркой [23]. В структуре посевных площадей Чувашии также увеличился удельный вес кормовых и технических культур, овощей, махорки, хмеля. К 1941 г. по сравнению с 1913 г. посевная площадь в целом здесь выросла на 18,7 % [1, с. 27, 31]. В 1928 г. примерно в половине колхозов Марийской области применялись многопольные севообороты, также увеличились площади под кормовыми, техническими культурами, овощами и картофелем [3, с. 24; 4, с. 125]. Несмотря на некоторое организационное и материально-техническое укрепление колхозов Поволжья, урожайность посевов была низкой, заготовительные кампании срывались.

К 1941 г. сельское хозяйство Среднего Поволжья добилось определенных результатов. В сельхозпроизводство были введены важные агротехнические новшества, стали применяться минеральные и органические удобрения, снегозадержание, подкормка озимых и т. д. Значительные площади зерновых культур засевались сортовыми семенами, техническими культу-

рами, малоурожайные сорта ржи заменялись высокоурожайными. В то же время плановые задания по увеличению роста урожайности и сдачи зерна государству выполнялись не всегда, урожайные годы сменялись неурожайными. В животноводческом секторе наметился подъем (росло число животноводческих ферм), но поголовье скота росло неравномерно, большой проблемой был падеж скота, вызванный плохим содержанием и недостатком кормов. Материально-техническая база сельскохозяйственного производства требовала новых крупных капиталовложений, но дальнейшее поступательное развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья было прервано Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Список источников и литературы

1. *Андреев М.А.* Подъем сельского хозяйства и укрепление общественного хозяйства колхозов Чувашской АССР в годы первых трех сталинских пятилеток // Записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: [б. и.], 1953. Вып. VII. С. 25–63.

2. Димитриев В.Д. Чувашия в год великого перелома // Ученые записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: [б. и.], 1955. Вып. XI. С. 112–172.

3. Иванов А.А., Соловьев А.А. Колхозы в доколхозной деревне Марийской автономной области (1920-е гг.) // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 2. № 1 (5). С. 21–27.

4. История Марийской АССР: в 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1987. 326 с.

5. История Мордовии: в 3 т. Т. 3: От Гражданской войны к гражданскому обществу. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 511 с.

6. История советского крестьянства Мордовии. Ч. 1: 1917–1937 гг. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 262 с.

7. *Касимов Е.В.* Крестьянство Чувашии и политика государства по коллективизации сельского хозяйства (1917–1937 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 24 с.

8. *Касимов Е.В.* Роль принудительных мер воздействия на крестьянство при проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6: в 3 ч. Ч. 3. С. 101–104.

9. *Кузнецов И.Д.* Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 2152.

10. *Михайлов В.М.* Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР (1935 – июнь 1941 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1990. 18 с.

11. Мордовский округ Средне-Волжской области: культура и хозяйство. Саранск: Мордов. окр. плановая комиссия, 1929. 152 с.

12. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НА НИИГН). И-1270. Л. 86.

13. НА НИИГН. И-1434. Л. 130.

14. НА НИИГН. И-334. Л. 26.

15. *Надькин Т.Д.* Сплошная коллективизация и раскулачивание крестьянских хозяйств в Мордовии (осень 1929–1932 гг.): дис. … канд. ист. наук. Саранск, 1996. 205 с.

16. Победа колхозного строя в Мордовской АССР: сб. документов и материалов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 493 с.

17. *Сергеев Т.С., Зайцев Я.Н.* История и культура Чувашии: Важнейшие события, даты. Чебоксары: Чувашия, 1995. 79 с.

18. Средне-Волжский край (экономический и социально-культурный обзор). М.; Самара: Гос. изд-во. Средневолж. краевое отд., 1930. 528 с.

19. *Терняев А.П.* Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2004. 259 с.

20. *Филатов Л.Г.* О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6. С. 113–126.

21. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 269-П. Оп. 1. Д. 147. Л. 35.

22. ЦГА РМ. Ф. 326-П. Оп. 1. Д. 896. Л. 18.

23. ЦГА РМ. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 18а. Л. 1–42.

24. ЦГА РМ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

25. ЦГА РМ. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

26. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 6. Д. 48. Л. 96–98.

27. ЦГА РМ. Ф. Р-410. Оп. 4. Д. 17. Л. 72.

28. ЦГА РМ. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 619. Л. 143.

29. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 10. Д. 1. Л. 26.

30. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 7. Д. 17. Л. 10, 65.

31. *Ялтаев И.Ф.* Коллективизация в Марийской автономной области: начало «коренного перелома» // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 2. С. 37–40.

G.A. Kursheva,
E.N. Bikeykin

AGRARNIA POLICY AND AGRICULTURE IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 1920–1930s: FROM NEP TO COLLECTIVIZATION

Abstract. The article analyzes the agrarian policy of the Soviet state and the experience of its realization in the Middle Volga region in the conditions of NEP and collectivization.

Keywords: agrarian policy, agriculture, the Middle Volga region, NEP, collectivization.

УДК 378

Л.М. Иванова,
А.Е. Макушев

СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И СМЕЖНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Структурные и качественные изменения, происходящие в социально-экономической сфере, затронули все отрасли, в том числе и систему образования. В настоящее время невозможно рассматривать уровни образования обособленно, без взаимоувязки между ними. Современная система образования направлена на становление и динамичное развитие личности человека на протяжении всей его жизни. В статье рассматриваются проблемы формирования системы непрерывного аграрного образования на примере одного региона, формулируются ее основные ценности, цели, механизм реализации, а также особенности организации образовательного процесса.

Ключевые слова: кадры, непрерывная система образования, высшее образование, агропромышленный комплекс.

Прошли те времена, когда человек получал образование на всю жизнь; в современном мире успешным является тот, кто постоянно учится, повышает свой профессиональный уровень, получает новые знания, навыки и квалификацию и, следовательно, развивает свой личностный потенциал. Под непрерывным образованием понимается процесс роста образовательного (общественного и профессионального) потенциала личности в течение всей жизни, организационно обеспеченный системой государственных и общественных институтов и соответствующий потребностям личности и общества [1; 5]. Следовательно, его целью является целостное развитие человека как личности на протяжении всей жизни, повышение возможностей трудовой и социальной адаптации, раскрытие его способностей, стремлений и возможностей. Именно на достижение этой цели направлена выстроенная в нашей республике система непрерывной подготовки кадров для потребностей агропромышленного комплекса и смежных отраслей экономики.

Кроме того, непрерывное образование рассматривается как процесс, позволяющий обеспечить поступательное развитие творческого потенциала личности и всестороннее обогащение ее духовного мира, состоящий из последовательно возвышающихся ступеней специально организованной учебы, дающих человеку благоприятные для него изменения социального статуса [7]. В данном контексте выделяют три аспекта сущности непрерывного образования: традиционный (профессиональное образование взрослых); сис-

тема кружков и курсов; пожизненное образование. Мы будем опираться именно на последний аспект, целью которого является всестороннее развитие человека.

Чувашский государственный аграрный университет (ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ) совместно с Министерством сельского хозяйства Чувашии является координационным центром по организации взаимодействия между всеми участниками системы непрерывного аграрного образования в регионе.

Система непрерывного аграрного образования в Чувашской Республике включает в себя: Минсельхоз Чувашии, отраслевые партнеры (заказчики обучения, индустриальные партнеры, школы-партнеры); более 120 детских агролабораторий в дошкольных образовательных учреждениях; 5 агроклассов с учетом профильности, в каждом муниципальном округе региона; систему среднего профессионального образования; Чувашский государственный аграрный университет; региональное учреждение повышения квалификации кадров для сельского хозяйства (рис. 1).



Рис. 1. Система непрерывного аграрного образования Чувашской Республики

В Чувашском государственном аграрном университете обучение студентов проводится по 14 направлениям подготовки бакалавров (агрономия, технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции, землеустройство и кадастры, зоотехния, ветеринарно-санитарная экспертиза, агроинженерия, эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов, технология транспортных процессов, техносферная безопасность, сервис, экономика, менеджмент, товароведение) и 2 специальностям (ветеринария, наземные транспортно-технологические средства). С 2014 г. ведется подготовка магистров по 6 направлениям (агрономия, зоотехния, агроинже-

нерия, эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов, экономика, менеджмент). Реализуется свыше 40 программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

В целях повышения числа мотивированных на поступление в аграрный вуз абитуриентов, а также формирования у них мотивации к выбору профессиональной деятельности, связанной с агропромышленным производством, развития естественнонаучного и инженерного предпрофильного и профильного обучения, оказания помощи обучающимся в профессиональном самоопределении и становлении с 2016 г. реализуется проект создания и функционирования агроклассов в каждом муниципальном округе [4].

Основными этапами создания и работы агроклассов являются: заключение договора о сотрудничестве в сфере непрерывного образования; проведение родительского собрания; формирование списка обучающихся; издание приказа Чувашского ГАУ о зачислении слушателей в агрокласс; согласование и подписание учебных и учебно-тематических планов по дисциплинам; организация и проведение выездных и дистанционных занятий по утвержденному расписанию, практических занятий и других мероприятий; организация работы агроклассников в ЭИОС Чувашского ГАУ.

С 2025 г. планируется модернизация механизма реализации образовательной программы в агроклассах в части формирования не только профильных 10–11-х классов, но и предпрофильных 7–9-х классов. В рамках работы со школьниками средней параллели планируется углубленное изучение дисциплин, по которым ребятам предстоит сдавать ЕГЭ, а также изучение вариативных модулей «Растениеводство», «Животноводство» в 7–8-х классах в рамках учебного предмета «Технология». Кроме того, будет продолжена практика проведения совместных образовательных мероприятий с индустриальными партнерами, а также реализация проекта агропромышленного туризма для школьников 7–9-х классов в целью их погружения в реальную среду агропромышленного производства.

Агроклассники активно участвуют в университетской жизни, показывая отличные результаты в научной и проектной деятельности. Результаты научных исследований школьники представляют на студенческой научно-практической конференции с участием школьников «Студенческая наука – первый шаг в академическую науку», проводимой в университете ежегодно в марте, а также ежегодном республиканском конкурсе проектных работ по развитию агробизнеса «Переход от идеи к рынку: коммерциализация технологий АПК».

В целях выявления и поощрения наиболее активных и мотивированных агроклассников в январе проводится ежегодное тестирование обучающихся 11-х классов, по итогам которого 10 агроклассников, набравших

максимальные баллы, получают специальную стипендию из средств университета.

Проект «Агрокласс» осуществляется в системе непрерывного образования «Школа – техникум (колледж) – вуз», позволяя выпускникам получить высшее образование либо сразу после окончания школы, либо поступить в вуз после техникума (колледжа) с сохранением всех преимуществ агроклассника.

В настоящее время доля поступающих в университет на базе профессионального образования растет, поэтому для выстраивания эффективных взаимоотношений вузом заключены соглашения со всеми учреждениями среднего профессионального образования республики и с отдельными колледжами соседних регионов. Предметом этих соглашений также является взаимодействие сторон в области непрерывного профессионального образования с целью качественной и эффективной подготовки кадров для агропромышленного комплекса. В рамках данных соглашений разработаны интегрированные учебные планы, которые позволяют ускорить процесс обучения и подготовить специалиста с высшим образованием в более короткий срок, чем предусмотрено нормативным сроком обучения по данной программе.

Важным этапом выстраивания отношений в системе непрерывной подготовки кадров является взаимодействие с индустриальными партнерами в части целевого приема и обучения. На сегодняшний день по договорам о целевом обучении в вузе обучается 328 студентов и 18 аспирантов. Заказчиками целевого обучения являются 118 организаций и предприятий республики. В 2024 г. благодаря слаженной совместной работе квота приема на целевое обучение в аграрный вуз впервые выполнена на 98 %.

По аграрным направлениям подготовки университет является единственным образовательным учреждением высшего образования. Ежегодный выпуск кадров для АПК составляет порядка 400–450 чел. За 2023–2024 гг. было заключено более 440 соглашений о сотрудничестве и об организации практической подготовки с организациями и предприятиями с дальнейшим трудоустройством.

Кроме того, высокий темп смены технологий производства в агропромышленном комплексе приводит к функциональной неграмотности, затрагивающей многие категории работников, что обуславливает необходимость развития системы образования взрослых и дополнительного профессионального образования [2; 3; 6]. В университете разработаны программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки по заказам

индустриальных партнеров, направленных на развитие новых компетенций их работников. Эффект от обучения персонала достигается за счет коротких сроков обучения при минимальном отрыве от основной деятельности.

В настоящее время система непрерывного образования становится элементом устойчивого развития: образование способствует становлению человеческого ресурса для устойчивого экономического и социального развития, а также образование обеспечивает устойчивость развития самого человека [5]. Личность является главным и специфичным ресурсом непрерывного образования, так как образовательный процесс направлен на ее развитие и преобразование. В этой связи следует отметить, что главными задачами непрерывного аграрного образования являются: стабильное развитие кадрового потенциала, а также преобразование человеческого ресурса студентов в кадровый ресурс специалистов для устойчивого развития агропромышленного комплекса региона и страны.

Таким образом, грамотно выстроенная система непрерывной подготовки кадров для агропромышленного комплекса позволяет обеспечить отрасль высококвалифицированным персоналом.

Список источников и литературы

1. *Андреева А.Ф.* Система непрерывного образования // Система ценностей современного общества. 2013. № 29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nepreryvnogo-obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2024).

2. *Вербицкий А.А.* Образование взрослых в системе непрерывного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2015. № 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-vzroslyh-v-sisteme-nepreryvnogo-obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2024).

3. *Герасимова Р.Е., Горохова Н.И.* Дополнительное профессиональное образование в системе непрерывного образования // Педагогика. Психология. Философия. 2019. № 4 (16). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-professionalnoe-obrazovanie-v-sisteme-nepreryvnogo-obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2024).

4. *Корнилова Л.М.* Агрокласс как ступень профессионального самоопределения в системе непрерывного образования // Агроклассы: состояние, проблемы и перспективы: сб. статей Всерос. научно-методич. конф. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Министерство сельского хозяйства Республики Башкортостан; Министерство образования и науки Республики Башкортостан; Башкирское отделение общества почвоведов им. В.В. Докучаева; Башкирский государственный аграрный университет. Уфа: БГАУ, 2021. С. 73–77.

5. *Котлярова И.О.* Устойчивость развития непрерывного образования: тенденции и проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-razvitiya-nepreryvnogo-obrazovaniya-tendentsiya-i-problemy (дата обращения: 07.10.2024).

6. *Лефтерова Т.В., Майстер В.А.* Непрерывное образование в системе высшего образования // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». Т. 1. 2005.

С. 12–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-v-sis-teme-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2024).

7. *Шеломова Ю.П.* СПО как элемент непрерывной системы образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2014. № 2. URL: https://cyberlenin-ka.ru/article/n/spo-kak-element-nepreryvnoy-sistemy-obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2024).

L.M. Ivanova,
A.E. Makushev

THE SYSTEM OF CONTINUOUS SPECIALIST TRAINING FOR THE DEMAND OF AGRICULTURAL AND RELATED BRANCHES OF ECONOMICS

Abstract. Structural and qualitative changes taking place in the socio-economic sphere have affected all sectors including education system. Nowadays it is impossible to consider the levels of education separately without any relation between them. The modern education system is aimed at the formation and dynamic development of human personality throughout his life. The article considers the problems of continuous agrarian education system formation on the example of one region; its main values, goals, mechanism of implementation as well as the peculiarities of educational process's organization are being formed.

Keywords: specialist, continuous education system, higher education, agro-industrial complex.

Секционные заседания

Секция 1

Крестьянский социум и реформы: XVII–XIX века

УДК 94(47)08

Н.М. Александров

ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Аннотация. В работе на материалах губерний Верхнего Поволжья исследуется взаимосвязь реформ 1860–1870-х гг. в России и модернизации деревни в пореформенный период. На основе опубликованных и архивных источников показаны изменения, происходившие во второй половине XIX – начале XX в. как в экономике села, так и в сельском социуме.

Ключевые слова: реформа 1861 г., земство, Верхнее Поволжье, помещики, крестьяне, модернизация деревни.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. не без основания получили название Великих реформ. Благодаря им в России произошли процессы, в исторически короткий срок преобразовавшие страну. Изменения затронули как экономическую, так и социальную сферу. Основной из Великих реформ была реформа 1861 г., отменившая крепостное право. В результате была разорвана связь помещика и крестьянина, на которой долгое время и держалась российская деревня.

Как отмечал в поэме «Кому на Руси жить хорошо» современник событий Н.А. Некрасов:

> Порвалась цепь великая,
> Порвалась – расскочилася:
> Одним концом по барину,
> Другим по мужику!.. [9, с. 83].

В пореформенный период помещики и крестьяне Верхнего Поволжья (в регион входили Владимирская, Костромская и Ярославская губернии), как и во всей России, вынуждены были приспосабливаться к новым условиям жизни. Многие владельцы имений, лишившись бесплатной рабочей силы, оказались в трудном положении. У них не было достаточных денежных средств и умений для организации хозяйства, основанного на наемном труде, с использованием собственного сельскохозяйственного инвентаря. Чиновники, обследовавшие в 70-х гг. XIX в. отдельные районы страны, отмечали, что в Костромской губернии из 1400 усадеб, существовавших здесь на момент отмены крепостного права, к 1873 г. были закрыты 502, а 308 усадеб были про-

даны купцам и лесопромышленникам и превратились в жилье для сторожей. Из оставшихся 590 усадьб значительная часть была сдана в аренду крестьянам. Даже в Ярославском уезде, который в это время был далеко не «медвежьим углом», большая часть имений была распродана или сдана в аренду [8, с. 2–3]. В «медвежьих углах», каким являлся Ветлужский уезд Костромской губернии, распродажа помещичьих имений в начале пореформенного периода проходила при крайне низких ценах на землю. Так, местный помещик И.А. Мельгунов в 1863 г. продал 13 017 дес. земли за 16 000 руб. (1 руб. 23 коп. за десятину), при этом ему пришлось заплатить в казну пошлин на 4089 руб., т. е. они составили 25,5 % от полученной за землю суммы [11, с. 112].

В регионе с 1877 по 1905 г. площадь дворянских земель сократилась в два раза. Верхнее Поволжье являлось одним из районов России, где процесс купли-продажи помещичьей земли проходил наиболее интенсивно. Подобная ситуация складывалась и в других местностях Центрально-Промышленного района [14, с. 63–64].

Державшиеся за свои «родовые гнезда» владельцы имений пытались выйти из сложного положения, сочетая различные системы хозяйств. Как следует из документов Дворянского банка, в Верхнем Поволжье наиболее успешными в переходе к рыночным отношениям оказались владельцы средних имений (от 100 до 1000 дес. земли) [2, с. 20–21]. Это объясняется тем, что собственникам средних имений было легче найти необходимые средства для приобретения сельскохозяйственного инвентаря, чем владельцам мелких хозяйств. Крупные землевладельцы медленней других переводили свои хозяйства на капиталистические рельсы, так как могли получать значительные средства, сдавая землю в аренду или занимаясь продажей леса. Это снижало их мотивацию на организацию хозяйств по-новому. Необходимо отметить, что данное правило действовало не по всей России. В ряде регионов модернизация крупных имений происходила наиболее быстрыми темпами. Так, на Северо-Западе России крупные помещики чаще других пытались вести хозяйство капиталистическими методами [10, с. 194].

С трудностями ведения хозяйства за счет отработок сталкивались, в первую очередь, помещики неземледельческих уездов, где отходничество крестьян было наиболее сильным. Поэтому в этих местах помещики быстрее переводили свои хозяйства на рыночные отношения. Так, например, А.Н. Трипольский, владевший имением в 119 дес. земли в Шуйском уезде Владимирской губернии, вынужден был вести хозяйство с использованием только наемного труда. Дело в том, что его поместье находилось в 5 верстах от Шуи и в 22 верстах от Иваново-Вознесенска – крупных центров текстильной промышленности. Земледелие в этой местности было слаборазвитым,

крестьянские хозяйства находились в упадке, около половины населения уходило в отход. В связи с этим помещик не мог сдать землю в аренду ни за отработки, ни за деньги [16, л. 1, 49–52].

К концу XIX в. в Верхнем Поволжье появляются поместья, владельцы которых не только полностью перевели свои хозяйства на использование наемного труда, но создали в них высокоэффективное товарное производство.

Примером хорошо вписавшегося в рыночные условия помещичьего имения являлось поместье Карабиха, принадлежавшее Некрасовым. Николай Алексеевич Некрасов приобрел это удобно расположенное рядом с Ярославлем имение в декабре 1861 г. Хозяйством занимался брат поэта Федор Алексеевич Некрасов. В конце XIX столетия оно становится одним из лучших хозяйств Ярославской губернии. В имении насчитывалось 350 дес. земли, из которых: 170 дес. пашни, 10 дес. лугов, 6 дес. – под жилыми и хозяйственными постройками, парком и т. п. и 164 дес. – под лесом. Основой хозяйства являлся винокуренный завод. Предприятие это, открытое еще прежними владельцами князьями Голицынами, Федором Алексеевичем было расширено и модернизировано. На заводе трудилось 80 рабочих. Объем производства доходил до 500 000 л спирта в год.

Все остальные отрасли хозяйства были тесно связаны с винокурением и подчинены ему. На полях и фермах было занято до 40 чел. только постоянных рабочих, к которым во время посадки и уборки картофеля присоединялись временные работники, как правило, женщины. В имении содержалось до 70 хороших лошадей и имелся весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Почва тщательно обрабатывалась. Картофельное поле, являвшееся поставщиком сырья для винокуренного завода, давало урожай сам-7, сам-8.

Животноводству в имении тоже уделялось большое внимание. Главным направлением в его развитии было мясо-молочное. В связи с этим местные полукровки были заменены на породистый скот. Интересно отметить, что количество коров в период винокурения, когда на корм скоту использовалась барда, увеличивалось с 50 голов до 200. Откармливание скота отходами винокуренного производства являлось одной из основных статей дохода. Кроме того, молоко, получаемое от такого большого стада коров, не продавалось в чистом виде, а тут же в хозяйстве перерабатывалось на масло, которое реализовывалось в Ярославле по 10–16 руб. за пуд. Умелое хозяйствование приносило владельцам Карабихи до 12 тыс. руб. чистой прибыли в год [12, с. 11–12]. Следует отметить, что такие высокодоходные хозяйства были редким явлением не только в Ярославской губернии, но и в целом по стране. В данном случае совпало несколько факторов: выгодное расположение имения, наличие в нем предприятия по переработке сельхозпродук-

ции, личные качества Федора Алексеевича и возможности использовать для модернизации хозяйства средства брата – поэта и издателя. У большинства помещиков России таких условий для организации эффективного хозяйства не было, что и приводило к распродаже «дворянских гнезд» даже очень предприимчивыми людьми [15, с. 131–141].

Одновременно с сокращением помещичьего землевладения шел быстрый рост крестьянских, купеческих и мещанских земель. Иначе говоря, привилегированное сословное землевладение сменялось бессословным, т. е. буржуазным. В России формировался земельный рынок.

Свою роль в формировании земельного рынка сыграли и земства, созданные в ходе реализации реформы 1864 г. Так, еще до открытия Крестьянского банка Ярославское губернское земство стало выдавать крестьянам кредит на покупку земли [5, л. 1–2].

Большой вклад внесли земства и по внедрению агрокультурных новшеств в деревенскую жизнь. К концу XIX в. для многих в России стало понятно, что развитие сельского хозяйства невозможно без использования в нем достижений аграрной науки и внедрения в сельскую среду передовых методов хозяйствования. Основным проводником аграрных новаций на местах становятся земства. В связке с государственными организациями и отдельными представителями российского общества они предпринимают ряд мер по повышению агрокультуры деревни. По мнению некоторых исследователей, период с 1894 г. до начала Столыпинской аграрной реформы в ноябре 1906 г. стал отдельным этапом аграрной модернизации [7, с. 403]. Осознание в конце XIX столетия демократической общественностью России необходимости коренных перемен в сельскохозяйственной практике приводит к появлению новых форм работы органов местного самоуправления. До 90-х гг. XIX в., как отмечал Б.Б. Веселовский, «земства действовали в области агрономических мероприятий отрывочно и ощупью». Никакой системы не было. Сами мероприятия имели «очень скромный характер» [3, с. 168]. В 1890-х гг. положение меняется. Органы местного самоуправления резко увеличивают расходы на развитие сельского хозяйства. Так, если в Костромском губернском земстве расходы по этой статье до 90-х гг. носили «более или менее случайный характер» и составляли менее 1 % всех расходов, то в 1894–1910 гг., как правило, – 4–6 % [17, с. 224, 239–245].

В 90-х гг. XIX в. губернским и уездными земствами губерний Верхнего Поволжья была создана сеть сельскохозяйственных складов, в которых можно было приобрести на льготных условиях сельскохозяйственные орудия, семена, удобрения и прочие товары, необходимые земледельцу [4, с. 45–46; 17, с. 232–233]. К 1904 г. во Владимирской губернии насчитывалось 27 таких складов, в Ярославской – 34, в Костромской – 37. По численности земских

сельскохозяйственных складов губернии Верхнего Поволжья превосходили многие другие губернии страны [3, с. 182]. На рубеже веков по всей России земства интенсивно увеличивают размер средств, направляемых для закупки товаров, реализуемых на складах. Так, если в 1890 г. оборот сельскохозяйственных складов, находившихся в ведении губернских земств страны, составлял 10,9 тыс. руб., то в 1903 г. уже 1844,4 тыс. руб. [3, с. 184]. Следует учитывать, что были и сельскохозяйственные склады, подчиненные уездным земствам, которые в данный расчет не вошли.

Одним из направлений земств стало создание на селе агрономической службы. В конце XIX столетия в губерниях региона были введены должности агрономов. Основной обязанностью местных агрономов было распространение среди крестьян передовых сельскохозяйственных орудий и пропаганда травосеяния. Для стимулирования крестьян к переходу от традиционного трехполья к более эффективному многополью целым селениям бесплатно раздавались семена клевера и тимофеевки. Следует учитывать, что финансовые возможности земств были весьма ограничены, что затрудняло процесс внедрения новшеств в сельское хозяйство. Интересно отметить, что в местностях, имевших большие связи с другими районами страны, травосеяние в крестьянских хозяйствах стало внедряться раньше, чем в более «замкнутых» районах. Так, было выявлено, что в Ярославской губернии «волости со старым травосеянием пересекаются железными дорогами, или же расположены от них в самом близком расстоянии…», а кроме этого, отход крестьян на заработки так же способствовал его распространению [13, с. 22].

Введение посева кормовых трав и другие агрономические мероприятия способствовали улучшению земледелия и вели к повышению, пусть и медленными темпами, урожайности зерновых (см. табл.) [18, с. 46].

Таблица

Средний урожай «сам»-крат (отношение валового сбора к посеву) во второй половине XIX в. в Ярославской губернии

	1857–1866 гг.	1870–1882 гг.	1883–1898 гг.
Озимых	3,5	3,4	4,3
Яровых	2,8	2,9	3,0

В пореформенный период крестьянское хозяйство Верхнего Поволжья постепенно теряет натуральный характер и все сильнее втягивается в рыночные отношения. В силу природно-географических факторов региона (малоплодородная почва, р. Волга, связывающая его с районами, производящими относительно дешевые зерновые, близость крупных городов), мест-

ное население стало расширять посевы технических культур, таких как лен, картофель, за счет сокращения посевов зерновых. Крестьянину нередко было более выгодно купить хлеб, чем производить его у себя, а на освободившейся площади выращивать другую культуру.

В сельском хозяйстве активно развивается порайонная торговая специализация. Так, в 1903 г. в Ярославской губернии в Мышкинском уезде под льном было занято 21 % всех посевных площадей, а в Ростовском уезде 26,2 % площадей занимал картофель [13, с. 20].

После отмены крепостного права в Верхнем Поволжье усиливается трудовая миграция сельского населения в форме отхожих промыслов. В начале XX столетия в регионе в отход уходил каждый пятый деревенский житель. Деревня региона поставляла рабочую силу, главным образом, в Петербург, Москву и на местные фабрики. О роли отхожих промыслов в крестьянском бюджете свидетельствует тот факт, что в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. отход давал деревне в два раза больше денег, чем сельское хозяйство (16 млн и 8 млн руб.). Он становится основным источником дохода для многих крестьянских семей.

Отхожие промыслы оказывали сильное влияние на положение дел как отдельного крестьянского двора, так и деревенского общества в целом. В деревню приходят элементы «городской культуры». Изменения затрагивают питание, одежду, межличностные отношения.

В крестьянской семье предметами постоянного спроса становятся сахар, чай, табак, керосин. Траты на них составляют существенную долю бюджета. Наряды деревенских жителей, особенно молодежи, во многом копировали одежду горожан.

В связи с тем, что основная масса отходников в Верхнем Поволжье – это мужчины трудоспособного возраста, в селе возникала половозрастная диспропорция (соотношение мужчин и женщин в возрасте 20–59 лет в некоторых уездах к концу XIX в. составляло 1 к 2). Ряд местностей региона, где широко был распространен отход мужского населения с юных лет на заработки в столицы, получил у современников название «бабьего царства» или «бабьей стороны». В таких районах отчетливо наблюдались изменения в семейно-брачных отношениях, ставших нетипичными для сельской местности России: более позднее вступление в брак, значительное количество незамужних женщин, меньшее количество детей в семье, увеличение незаконнорожденных детей и т. п. Отходничество стало серьезным испытанием прочности традиционной демографической модели поведения в деревне.

Так, в местах сильного развития отхода мужчин на заработки заметно менялась роль женщины на селе. Она фактически становилась главой двора. От ее силы, знаний и умений во многом зависело благосостояние семьи. Не-

редко крестьянка, а не ее муж-отходник, являлась по вызову в волостное правление для объяснения причин имевшихся на хозяйстве недоимок [6, с. 3]. Изменение положения женщин в семье способствовало и возрастанию их роли в общественной жизни деревни. В Верхнем Поволжье женщины уже были полноправными членами схода и нередко исполняли вместо ушедших на заработки мужей обязанности низших чинов сельской администрации (например, десятских). Все это способствовало росту самосознания крестьянок. Д.Н. Жбанков, изучавший в конце XIX в. крестьян Костромской губернии, дал следующую характеристику типичной представительницы «бабьей стороны»: «Женщина отхожих местностей сильно отличается от других сельских обитательниц… Это – не загнанная и забитая пария черноземной полосы, не смеющая слова сказать при своем повелителе… Она знает цену своей работе и себе. Она не только помощница мужу, а самостоятельная работница и в то же время полная хозяйка» [6, с. 68–69].

О том, что реформы 60–70-х гг. XIX в. оказали сильное влияние на сельский социум, свидетельствует и тот факт, что во время работы местных комитетов, созданных в 1902 г. в рамках деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, крестьяне были активными участниками обсуждавшихся в них вопросов [1, с. 105–111]. Это и не удивительно. К тому времени многие из них имели опыт работы в земствах, где они, в отличие от «прежних времен», могли обсуждать на равных с «барами» вопросы деревенской жизни.

Итак, Великие реформы дали толчок не только развитию экономики села, но и способствовали развитию демократических начал в сельском социуме.

Список источников и литературы

1. *Александров Н.М.* Дискуссии о преимуществах и недостатках общинной формы крестьянского землевладения в начале XX века (по материалам местных комитетов Костромской губернии) // Северо-запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. трудов. Вып. 28. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та, 2022. С. 102–112.

2. *Александров Н.М.* Помещичье хозяйство Верхней Волги в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1987. 250 с.

3. *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет: в 4 т. Т. 2. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. 703 с.

4. *Гвоздецкий А.К.* Очерк мероприятий земств Владимирской губернии по содействию местному сельскому хозяйству. Владимир-на-Клязьме: Типолит. Губ. зем. управы, 1903. [2], 79 с.

5. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 485. Оп. 1. Д. 278.

6. *Жбанков Д.Н.* Бабья сторона: стат.-этногр. очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 136 [1] с.

7. *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в. По материалам экономической печати. М.: Ин-т рос. истории, 2012. 575 с.

8. Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. Вып. I. Приложение. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1880. 93 с.

9. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982. 685 с.

10. *Никулин В.Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2005. 338 с.

11. Обзор деятельности Ветлужского земства 1866—1876. Вып. III / сост. Н.П. Колюпанов. Кострома: Губ. тип., 1877. [4], 213 с.

12. Описания отдельных русских хозяйств. Вып. 13. Ярославская губерния. СПб.: Тип. Санкт-Петербург. градоначальства, 1898. 40 с. ил.

13. *Пиотрашко Л.А.* Травосеяние на крестьянских землях в Ярославской губернии до 1904 г. Ярославль: Типолит. губ. зем. управы, 1904. [4], 69 с.

14. *Проскурякова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. № 1. С. 55–75.

15. *Роднов М.И.* Помещик-предприниматель в эпоху Великих реформ: М.Н. Падейский и его семья // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сб. статей к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во Балт. федерал. ун-та им. И. Канта, 2018. 474 с.

16. Российский государственный исторический архив (РГИА).

17. *Смыслов А.* Краткий обзор сельскохозяйственной деятельности губернского земства // Ежегодник Костромского губернского земства. Кострома, 1910. 439 с.

18. Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 8. Ярославль: [б. и.], 1901. [4], IV, 87 с.

N.M. Aleksandrov

GREAT REFORMS AND MODERNIZATION PROCESSES IN THE RUSSIAN VILLAGE (THE UPPER VOLGA REGION' MATERIALS)

Abstract. The interrelation of reforms in 1860–1870s in Russia as well as modernization of the village in the post-reform period have been studied based on the Upper Volga region provinces' materials. The changes occurred in the second half of the 19th – early 20th centuries both in the rural economy and rural society have been shown based on published and archival sources.

Keywords: the reform of 1861, zemstvo, the Upper Volga region, landlords, peasants, village modernization.

УДК 94(470.4)“17”

Д.В. Басманцев

КРЕСТЬЯНЕ СВИЯЖСКОЙ ПРОВИНЦИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ИТОГАМ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ

Аннотация. В статье анализируется составленная для сбора подушных денег итоговая ведомость по Свияжской провинции Казанской губернии 1724 г. Основное внимание автором уделено изучению социального и численного состава крестьянского населения с учетом административно-территориального устройства Свияжской провинции.

Ключевые слова: реформы Петра I, первая ревизия, подушная подать, население Казанской губернии, Свияжская провинция, крестьяне.

Петровская эпоха – время больших перемен. Преобразования Петра Великого охватили практически все стороны жизни государства и общества, определив на долгие годы вектор дальнейшего развития. Масштабными по своему характеру были реформы местного управления. С 1708 г. во главе обширных губерний появились губернаторы, с 1719 г. с введением провинций – провинциальные воеводы. Губернаторы и провинциальные воеводы стали ключевыми фигурами в осуществлении правительственной политики и реализации реформ на местах [3].

В первой четверти XVIII в. в финансовой системе регулярно происходили изменения. Налоговая реформа, задуманная Петром I, должна была повысить собираемость доходов в пользу казны. Вводилась подушная подать, которая шла на содержание армии. В то время государством на эти цели тратилось более 4 млн руб. в год [14, с. 59]. Историк Н.И. Павленко обращает свое внимание также на социальное значение податной реформы, которая стала важнейшей после Уложения 1649 г. вехой в развитии крепостного права в России. Если Уложение 1649 г. оформило крепостное право для основной массы сельского населения, как продолжает автор, то подушная реформа распространила крепостную зависимость на слои населения, которые все еще считались свободными (гулящие люди) либо имели возможность обрести свободу после смерти господина (холопы) [15, с. 488].

Переходу к новой системе обложения предшествовал учет душ мужского пола, который позволил бы определить налоговую нагрузку для населения и распределить военные полки по губерниям [8, с. 85]. По мнению исследователя Е.В. Анисимова, из 8,2 млн душ муж. пола, составлявших население России, в подушной оклад было положено не менее 5,8 млн душ муж. пола, или 71 % [1, с. 115]. Согласно итоговым данным первой ревизии, в Ка-

занской губернии было освидетельствовано 799 352 чел. муж. пола, где основная масса приходилась на долю крестьян. Из этого общего числа черносошных и ясачных крестьян было учтено 369 875 чел., дворцовых, помещичьих и отписных крестьян – 287 390 чел., а служилых мурз и татар – 60 896 чел. Историки В.М. Кабузан и Н.М. Шепукова, изучившие численность населения по «Генеральной, учиненной ис переписных книг, о числе мужеска полу душ табели» («Табели»), подчеркивали, что ведомости на местах составлялись с учетом прописных и беглых душ за период со времени окончания первой ревизии (1727) по 1738 г. [12, с. 128, 162]. Поэтому не удивительно, что в литературе содержится разная информация о численности населения. Например, по собранной И.К. Кириловым за 1727 г. информации в Казанской провинции проживало 169 716 чел., Свияжской – 180 804, Пензенской – 120 537, Вятской – 139 854, Симбирской – 109 447 чел. [13, с. 219, 222, 224, 237, 251]. В «Табеле» 1738 г. итоги первой ревизии выглядят следующим образом: в Казанской провинции зарегистрировано 202 284 чел., Свияжской – 139 281, Пензенской – 125 699, Вятской – 140 415, Симбирской – 111 718 чел. [подсчитано по: 12, с. 158–162].

Некоторые расхождения в цифрах с вышеуказанными данными находим также в обнаруженной нами «Копии с присланных в Свияжскую провинцию от Генералитета и штап-афицеров перечневых ведомостей, которые присланы для збору подушных денег» в 1724 г. [21, л. 2–45 об.].

К этому времени Свияжская провинция в соответствии с указом Сената от 29 мая 1719 г. «Об устройстве губерний…» состояла из 8 уездов с центрами в Свияжске, Кокшайске, Цивильске, Царевококшайске, Чебоксарах, Яранске, Царевосанчурске и Козьмодемьянске. Васильсурск являлся безуездным городом. В основу данного деления было положено количество дворов. В 1719 г. в Свияжской провинции крестьянских дворов насчитывалось 5608, а ясачных – 30 636 («в них ясаков 12 181») [17, с. 701, 709].

Свидетельство душ по губерниям продолжалось несколько лет. 14 января 1724 г. в сенатском указе сообщалось, что император Петр I предписал ревизорам завершить работу к марту 1724 г. («Генералитету и прочим обретающимся у переписки душ оканчивать ту перепись… конечно в марте месяце») [18, с. 202]. 13 апреля 1724 г. свияжский воевода Т.Ю. Суходольский и камерир Зимининский отчитывались перед Камер-коллегией: «По справке в Свияжску в земской конторе о зборе вышеозначенных (подушных. – *Д.Б.*) денег от Генералитета и штап-афицеров присланы в Свияжскую правинцыю перечневые ведомости прошедшаго марта 6-го дня» [21, л. 1]. Дополнительно отмечалось, что перечневые книги к комиссарам в города и дистрикты отправлены, а собранные суммы будут доставляться по третям года в Московскую рентерею (казначейство).

По содержанию документ, состоящий из 44 листов с оборотами, представляет собой ценнейший источник по изучению вопросов о социальной структуре и численности населения, начиная с отдельно взятого населенного пункта и заканчивая провинцией в целом. Единственно, в ведомостях не учитывался этнический состав населения, хотя в них можно встретить следующие общие формулировки: «ясашных руских и иноверцов», «четырех сотнях татарских и в десяти волостях чювашских», «Свияжского уезду служилых татар» [21, л. 12, 21, 21 об.] и т. д.

В итоговой части табели по Свияжской провинции за 1724 г. приводятся сведения об учете 38 565 дворов и 139 367 душ муж. пола [21, л. 45 об.]. Наши подсчеты, проведенные по 1474 селению без городского податного населения, показывают, что в сельской местности в 33 232 дворах проживало 122 972 чел. муж. пола, или около 90 % от общей численности населения провинции.

На долю помещичьих и церковно-монастырских крестьян приходилось 11,4 % и 7,7 % соответственно от общей массы сельского населения Свияжской провинции. Более 78 % составляли государственные крестьяне. В данную категорию включены также бывшие служилые люди, которых в ведомости указано в количестве 2287 чел. К дворцовому ведомству относилось 3116 чел. Во время ревизии было обнаружено 195 чел., которые пополнили ряды оброчных крестьян.

Таблица 1

Социальный и численный состав крестьянства Свияжской провинции Казанской губернии в 1724 г.

Категории крестьян	Кол-во населенных пунктов	%	Кол-во дворов	%	Число душ муж. пола	%
Помещичьи	294	20,0	3028	9,1	14 048	11,4
Церковно-монастырские	83	5,6	2262	6,8	9478	7,7
Государственные						
– бывшие ясачные	938	63,7	26 871	80,9	93 848	76,3
– бывшие служилые	40	2,7	444	1,3	2287	1,9
Дворцовые	99	6,7	601	1,8	3116	2,5
Оброчные	20	1,3	26	0,1	195	0,2
Всего	1474	100	33 232	100	122 972	100

Подсчет наш по: [21, л. 2–45 об.].

Представленная в табл. 1 социальная картина крестьянства имела схожие черты со сложившейся социальной структурой населения Среднего Поволжья. Так, исследователь В.Д. Димитриев в монографии «История Чувашии XVIII века» отмечал, что по данным 1723 г. доля крестьян и дворовых людей

помещиков, чиновников и купцов составляла 7,8 %, церковно-монастырских крестьян, слуг и бобылей – 5,7 %, дворцовых крестьян – 2,7 %, а государственных крестьян – 81,6 % [6, с. 47–48]. Историк А.Г. Иванов пришел к выводу, что особенностью сословного состава сельского населения Марийского края являлось абсолютное преобладание государственных крестьян (86,8 %). В 1723 г. помещичьих крестьян было 268 чел. (1,1 %), церковно-монастырских – 1432 (5,7 %), дворцовых – 1623 чел. (6,4 %) [9, с. 36–37]. Следует иметь в виду, что ряд уездов Свияжской провинции вплоть до конца XVIII в. составляли обширную часть современных территорий Чувашии и Марий Эл.

По реформе 1724 г. в разряд государственных крестьян вошли бывшие ясачные и служилые люди, которые численно преобладали на всей территории Свияжской провинции. Ревизорами сведения о них по уездам Свияжской провинции, за исключением Яранского уезда, указывались отдельно. В Свияжском уезде государственных крестьян проживало 48 723, Чебоксарском – 13 221, Цивильском – 12 302, Козьмодемьянском – 9716, Царевококшайском – 4644, Царевосанчурском – 2170, Кокшайском – 1156 душ муж. пола. В 1724 г. в девяти уездах в 181 селении Яранского уезда без определения социального происхождения учтено 1916 душ муж. пола. После изучения статистических данных за 1738 г. указанное число податного мужского населения нами отнесено к государственным крестьянам, так как в это время в Яранском уезде черносошных крестьян насчитывалось 167 чел., помещичьих – 440, дворцовых – 1875, церковно-монастырских – 110, а «ясашных крестьян иноверцов» – 1996 чел. [16, с. 28].

В Свияжском уезде, как показывают цифровые данные, была сосредоточена львиная доля государственных крестьян, которая проживала в 403 населенных пунктах, входивших в состав четырех сотен и 10 «чювашских» волостей (см. табл. 2). Князь-Аклычево, Князь-Ишеево, Князь-Темешево и Князь-Бикбулатово сотни в документах проходят как татарские. Многие из них были образованы в конце XVI в. Из жалованной грамоты 1595 г. становится известно, что у татарского князя Тугуша Девлет Бахтызовича имелась сотня, которую унаследовал его сын Аклыч. Последний в свою очередь дал сотне новое имя. Несмотря на то, что князь Аклыч скончался в 1637 г., его сотня просуществовала вплоть до конца XVIII столетия [4, с. 130–147].

По ландратской переписи 1716 г. в 10 волостях Свияжского уезда 4665 дворов платили 1826,25 ясаков (8129 душ муж. пола). В ходе переписи населения с 1719 по 1724 г. ревизорам удалось вывести «из тени» сотни дворов и тысячи душ муж. пола. К примеру, в 1719 г. в Свияжском уезде было учтено 17 059 дворов ясачных крестьян (4997 ясаков) [17, с. 709]. Сравнение количества дворов и численности крестьян за 1716 и 1719 гг. показало, что число выявленных душ муж. пола в волостях между этими годами увели-

чилось в несколько раз. В Хозесановской, Аринской, Утинской, Темешевской, Яльчиковской и Андреевской волостях было обнаружено дворов от 1,7 до 1,9 раза больше, а в Кармамеевской, Айбечевской и Чекурской волостях – в 2,1 раза. Число учтенных лиц муж. пола в 1724 г. по сравнению с показателями 1716 г. возросло и варьировалось в пределах от 2,4 до 3,8 раза, что свидетельствовало о большом числе утаенных крестьян (см. табл. 2). Специалисты отмечают, что во время первой ревизии 24,7 % (1 млн 431 тыс.) лиц муж. пола не были учтены и пополнили ряды тех, кто был ранее положен в подушной оклад [20, с. 338].

В Свияжском же уезде в 444 дворах ревизорами зафиксировано 2287 чел. служилых людей. Они встречались в 78 населенных пунктах. 40 селений именовались «служилыми». В остальных 38 селениях служилые люди проживали совместно с ясачными крестьянами. Некоторые из них проживали в чувашских селениях. Так, в д. Кляшево Князь-Аклычевой сотни было 26 дворов «служилых татар» (108 чел. муж. пола) и 22 двора чувашских крестьян (54 чел. муж. пола). В д. Темеш Камаево Поле Темешевской волости среди

Таблица 2

Численность ясачных (государственных) крестьян Свияжского уезда в 1716 и 1724 гг.

Волости и сотни	1716 г.		1724 г.	
	Кол-во дворов	Число душ муж. пола	Кол-во дворов	Число душ муж. пола
Князь-Аклычево сотня	–	–	3127	10 819
Князь-Ишеево сотня	–	–	1291	5562
Князь-Темешево сотня	–	–	806	3117
Князь-Бикбулатово сотня	–	–	638	2692
Хозесановская волость	406	843	691	2256
Утинская волость	258	495	456	1490
Темешевская волость	281	555	509	1774
Шигалеевская волость	–	–	552	1793
Аринская волость	1226	2384	2090	6464
Кармамеевская волость	183	381	392	1436
Айбечевская волость	254	463	533	1664
Яльчиковская волость	808	1542	1418	3674
Андреевская волость	451	868	854	2801
Чекурская волость	504	1013	1042	3181
Всего	–	–	14 423	48 723

Источник: [7, с. 10–24; 21, л. 12–21].

87 ясачных крестьян 7 являлись представителями служилого населения [21, л. 14, 18 об., 22, 22 об.].

Крупными вотчинниками в Свияжской провинции являлись ближний кравчий К.А. Нарышкин, князья В.П. Голицын и Г.Ф. Долгоруков, окольничие Собакины. Основная масса вотчинных селений находилась в руках князя В.П. Голицына. В 617 дворах за ним учтено 3237 чел. муж. пола. Его вотчину составляли 4 села, 71 деревня и 15 починков Царевосанчурского уезда [21, л. 40 об. – 41 об.]. В Свияжской провинции ему не уступал бывший московский губернатор и родственник императора Петра I по матери К.А. Нарышкин. Ему принадлежали села Тенково, Шеланга, Ташевка и Ключищи, деревни Буртасы, Гребень, Матюшен, Завражная и Лабышкина Свияжского уезда. В 1723 г. он скончался. Тем не менее в материалах ревизии 1724 г. за ним числилось 938 дворов с 3095 душами муж. пола [5, с. 30–31; 21, л. 6].

В Козьмодемьянском уезде вотчинами владели окольничие Михаил Григорьевич, Петр Васильевич и Михаил Васильевич Собакины. У первого, согласно данным 1724 г., в с. Воскресенское, 8 деревнях и 17 починках проживало 2105 чел. (657 дворов). За сыновьями Василия Собакина в 418 дворах имелось 1430 душ. Среди «козьмодемьянских» вотчинников был действительный тайный советник и князь Г.Ф. Долгоруков с 137 дворами и 427 крестьянами деревень Курдома, Копылово, Задворка, Косогорово, починков Петухово, Емельяново, Горемыкино, Лалакино, Урупково, Нестеярово, Хохлово, Изеяри, Бастрецкой, Никоново, Марково и Ельдыж [21, л. 31–33].

В Свияжской провинции встречаются различные известные дворянские роды. Например, землями и крестьянами в Свияжском уезде владели бароны Строгановы (д. Утяшки, 13 чел.), князь Александр Болховской (с. Знаменское Еночиги тож, 52 чел.), в Цивильском – князья Федор Семенович и Осип Оболенские (д. Улешево, 28 чел.), в Чебоксарском – Сила Болтин (д. Свечкино, 14 чел.) [21, л. 7 об., 11, 24, 27]. В документе также содержатся сведения о лицах, занимавших различные административные должности в системе управления Казанской губернии. У вице-губернатора Н.А. Кудрявцева владения находились в д. Танаево (157 душ), селах Ишево (97) и Янбахтино (343) Свияжского уезда. Дьяк А. Родионов в указанном селе Янбахтино распоряжался 47, а в с. Татарское Бурнашево – 38 душами [21, л. 7, 10]. Во Введенской слободе Свияжского уезда владельцами земель и крестьян являлись подьячие Г. Федоров (8 душ), И. Протопопов и П. Назарьев (по 5), А. Самуйлов (4 души). В слободе же за подьячим Иваном Протопоповым было 8 крестьянских дворов с 33 душами [21, л. 10 об.]. В Яранском уезде «подьяческими» деревнями являлись Силино и Церковные Поля с 9 дворами и 25 крестьянами [21, л. 46].

Следует обратить внимание на то, что многие дворяне Свияжской провинции принадлежали к числу мелкопоместных. Порой число владельцев одного селения доходило до 10. Так, д. Никифорово Свияжского уезда по результатам переписи одновременно зафиксирована за помещиками А.М. Козловым (58 душ), Б. Юдиным (31), Е.Д. Тишенковым (46), П. Скорятиновым (14), О. Ситиным (22), Б. Онучиным (25), Ф. Путиловым (8), Д. Каменевым (38), И. Кононовым и князем С. Мансыревым (по 24 души) [21, л. 7]. При ревизии в Царевосанчурском уезде деревни Самадуриха, Шуга, Посниково, Юрьево Поле и починок Тогельдина Агапитово тож без указания владельцев написаны как «мелкопомещиковые» селения. Многие поместья были разделены между родственниками. Например, с. Троицкое Кушниково тож Кокшайского уезда являлась поместной собственностью П.Ф., В.Ф. и А.И. Кушниковых, а также сыновей Петра Панова Естифея и Степана [21, л. 35 об.].

У некоторых помещиков родовые имения находились за пределами уездов Свияжской провинции. Здесь из-за различных жизненных обстоятельств, как правило, числились несколько крестьянских дворов. К примеру, в конце XVII в. С. Болтин женился на дочери чебоксарского помещика И.Л. Грязева и в качестве приданого супруги получил пустошь Свечкина. Вскоре из с. Любянец Нижегородского уезда он перевел сюда одного крепостного [2, с. 154, 156]. В начале XVIII в. стольник П.Е. Арсеньев (Арсентьев), будучи царевококшайским воеводой, переселил своих дворовых людей и крестьян из Тульского уезда и основал в Царевококшайском уезде д. Крутой Враг. В 1724 г. в ней был всего один двор с 15 душами муж. пола [10, с. 312; 21, л. 37 об.].

Удельный вес церковно-монастырских деревень и сел от общего числа населенных пунктов Свияжской провинции составлял 5,6 % (см. табл. 1). Крупными вотчинниками «синодальной команды» выступали Свияжский Богородицкий и Троице-Сергиев монастыри. На их долю приходилось 65,1 % крестьян данной категории (см. табл. 3). В итоговые данные по Свияжскому Богородицкому монастырю попали также 2 двора с 7 чел. «Свияжской большой мельницы» и 1 двор (3 чел.), причисленных «по доношениям за манастырской пустыню». Села Покровское и Рождественское, деревни Большие Копанеи и Корамышево Козьмодемьянского уезда состояли в ведомстве епископа Нижегородского и Алатырского Питирима. По данным 1724 г. в 260 дворах вели хозяйство 835 душ муж. пола [21, л. 31]. В вотчине Крутицкого архиерея, архиепископа Сарского и Подонского Леонида, в с. Сундырь и деревнях Коновалово, Новый Починок, Брагино, Денисово, Моляково и Ворошилово Кокшайского уезда было учтено 1120 душ, в том числе четыре архиерейских служителя [21, л. 35 об.]. Вотчина Спасо-Юнгинского монастыря с 125 дворами и 409 душами муж. пола располагалась в Козьмодемьянском уезде [21, л. 31].

Таблица 3

Численность церковно-монастырских крестьян Свияжской провинции Казанской губернии в 1724 г.

Вотчины синодальной команды, архиереев, монастырей, церквей	Кол-во населенных пунктов	Кол-во дворов	Число душ муж. пола
Троице-Сергиев монастырь (Свияжский уезд)	17	628	2587
Богородицкий монастырь (Свияжский уезд)	31	872	3592
Троицкий монастырь (Чебоксарский уезд)	6	51	511
Введенский собор г. Чебоксары	1	5	27
Преображенский монастырь (Чебоксарский уезд)	3	28	94
Епископа Нижегородского и Алатырского Питирима (Козьмодемьянский уезд)	4	260	835
Спасо-Юнгинский монастырь (Козьмодемьянский уезд)	6	125	409
Архиепископа Сарского и Подонского Леонида (Кокшайский уезд)	7	259	1120
Мироносицкая пустынь (Царевококшайский уезд)	1	17	136
Кизический монастырь (Царевосанчурский уезд)	2	2	57
Монастырские крестьяне (Яранский уезд)	5	15	110
Всего	83	2262	9478

Подсчет наш по: [21, л. 4–5 об., 23, 28, 33, 34, 37, 42].

В Яранском уезде ревизорами установлено, что в 15 дворах проживало 110 монастырских крестьян [21, л. 45 об.]. Дополнительно привлеченные источники позволили установить, что д. Бормотово была в ведении Яранского Вознесенского монастыря, а починки Чючкаш, Алпаево, Шуменур и Тонгильдинское относились к Яранскому Новодевичьему монастырю [19]. В ведомости по Чебоксарскому Троицкому монастырю отдельно указывалось, что 87 чел. бобылей проживало в Чебоксарах. При освидетельствовании душ ревизоры включили в группу «синодальных» селений также д. Протопоповка Чебоксарского уезда. Следует дополнить, что она принадлежала духовенству Введенского собора г. Чебоксары. Село Троицкое Сорма тож (39 чел.), д. Голодяиха (9 чел.) и Подгородная слободка с 46 бобылями в Чебоксарском уезде являлись вотчинной собственностью Преображенского монастыря [21, л. 23 об.]. Подмонастырская слободка Царевококшайского уезда с 136 душами муж. пола принадлежала Мироносицкой пустыни, а д. Елфимиха Царевосанчурского уезда с 26 душами – Кизическому монастырю [21, л. 37, 40].

Исследователь Е.И. Индова, изучив данные ревизий, отмечала, что дворцовых крестьян в Казанской губернии по первой ревизии учтено 34 303 души муж. пола [11, с. 44]. Если обратимся к приведенным в табл. 1 цифрам, то выясняется, что в Свияжской провинции их доля составляла 9,1 %. В то же

время удельный вес крестьян дворцового ведомства среди других категорий податного населения провинции составлял лишь 2,5 %. Больше всего дворцовых селений было в Яранском уезде. При этом из 74 деревень и сел (1958 чел.) 8 починков (Кокшинский, Плоцкий, Микитино, Волконский, Черемиский, Лукшинский, Рословский и Розшахово) были основаны на ясачных землях (96 чел.) [21, л. 44–45 об., 48 об.]. В дворцовых волостях Царевококшайского и Царевосанчурского уездов проживало 1158 и 1105 душ муж. пола соответственно [21, л. 37, 43 об.]. В Царевосанчурском уезде в ходе ревизии было освидетельствовано по 76 дворов с. Тресвяцкое Урень тож (404 чел.) и д. Темта (449 чел.), 20 дворов д. Карпово (121 чел.), 2 двора д. Дарья (68 чел.). В то же время удалось выявить «пришлых разных городов и уездов» 63 чел. муж. пола, которые поселились в починках Зеленый Луг, Титово, Шадрино и Вань [21, л. 43 об.].

Другую малочисленную группу составляли оброчные крестьяне Яранского уезда. Их зафиксировали в 13 дворах в с. Ломовское (19 чел.), деревнях Ланберское, Оксеново, Округино, Янбаево (всего 21 чел.), починках Шолаево, Логаново, Мельнишное, Скородумово, Свитцкое, Шуварское, Новое, Идимское (всего 59 чел.). Суммарно оброчных крестьян насчитывалось 99 душ муж. пола. Остальных обнаружили в селениях Армочинской волости (72 чел.) и в д. Кугуланур волости Тотышева Конца (24 чел.) [21, л. 48].

Таким образом, к 1724 г. были подведены итоги ревизии душ муж. пола, которые позволили уточнить перепись населения 1719 г. и выявить утаенных по многим селениям Свияжской провинции. «Перечневые ведомости, которые присланы для збору подушных денег», положили начало взиманию в 8 уездах провинции нового налога. С этого времени сбор подушной подати осуществлялся с учетом числа душ муж. пола. Податная реформа 1724 г. свела на нет прежнюю подворную систему обложения, позволив решить проблему содержания армии преимущественно за счет крестьянства.

Список источников и литературы

1. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. / под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1982. 296 с.

2. *Басманцев Д.В.* Подгородный стан Чебоксарского уезда в описании писцов стольника И.С. Чаадаева и подьячего Ф. Протопопова 1685 года // Историк и время: материалы Всерос. научно-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося чувашского историка В.Д. Димитриева (Чебоксары, 28 марта 2024 г.) / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев; ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 150–158.

3. *Басманцев Д.В.* Реформа системы местного управления в Среднем Поволжье в 1708–1718 годах: основные направления и итоги // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12. № 4. С. 36–48.

4. *Басманцев Д.В., Кочетков В.Д.* Особенности колонизации Среднего Поволжья в конце XVI – первой половине XVII века: на примере Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 130–147.

5. Губернии в России при Петре Великом. К 300-летию первой губернской реформы в России: каталог выставки. М.: Древлехранилище, 2008. 119 с.

6. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов) / под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 532 с.

7. *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века: справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 84 с.

8. *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацило М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

9. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1995. 368 с.

10. *Иванов А.Г.* Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2011. 440 с.

11. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII в. / отв. ред. А.А. Новосельский. М.: Наука, 1964. 352 с.

12. *Кабузан В.М., Шепукова Н.М.* Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) // Исторический архив. 1959. № 3. С. 126–165.

13. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / предисл. Л.А. Гольденберга и др.; коммент. Л.А. Гольденберга, С.М. Троицкого. М.: Наука, 1977. 443 с.

14. *Курукин И.В.* История России. XVIII век: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2010. 254 с.

15. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.

16. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. 2 / Институт истории СССР АН СССР. М.: Печатно-множительная лаборатория Ин-та истории СССР АН СССР, 1972. 89 с.

17. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 780 с.

18. Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 922 с.

19. Родная Вятка. Краеведческий портал. URL: https://rodnaya-vyatka.ru/censuses/atd/7/1-0334 (дата обращения: 10.01.2025).

20. Российская империя: От истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.

21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2977.

D.V. Basmantsev

THE PEASANTS OF THE SVIYAZHSKY DISTRICT IN THE KAZAN PROVINCE ACCORDING TO THE RESULTS OF THE FIRST REVISION

Abstract. The article describes the inventory in the collection of per capita money in the Sviyazhsk district of the Kazan province in 1724. The main attention is paid to the study of social and numerical composition of the peasant population taking into account the administrative-territorial structure of the Sviyazhsk district.

Keywords: the reforms of Peter I, first revision, per capita tax, population of the Kazan province, the Sviyazh district, the peasants.

УДК 94(47).046

С.В. Видяйкин

К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИСУРЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВЫХ КНИГ)

Аннотация. В статье по материалам писцовых книг Алатырского уезда 1620-х гг. рассматривается вопрос совместного использования народами Поволжья промысловых угодий. Делается вывод, что в сфере промысловой деятельности населения Присурья происходило очень активное межэтническое взаимодействие.

Ключевые слова: деревня, XVII в., писцовые книги, бортный ухожай, русские, мордва, татары, черемисы, буртасы.

Поволжье, в силу своего географического положения, издревле являлось местом активного межэтнического взаимодействия. Данный процесс отличался многомерностью и происходил в различных сферах жизни народов региона. Значительную роль на протяжении всего периода Средневековья в хозяйственной жизни населения Присурья играли лесные промыслы: охота, рыболовство и бортничество. В рассматриваемый нами период – первая четверть XVII столетия – самым массовым промыслом, без сомнения, являлось бортничество в крупных лесных массивах, расположенных на берегах Волги, Оки, Мокши, Суры и Алатыря. Сохранившиеся писцовые книги позволяют проследить, как происходило межэтническое взаимодействие в хозяйственной жизни местного населения.

Важнейшим источником для изучения лесных промыслов в Присурье в первой четверти XVII в. является «Книга письма и меры Дмитрея Юрьевича Пушечникова, да подьячего Офонасья Костяева [7]132[1623/24]-го, и [7]133[1624/25]-го, и [7]134[1625/26]-го году Алатарскаго уезда татарским, и буртарским, и мордовским вотчинам бортным ухожьем» [2]. Согласно ее данным, среди промысловой деятельности населения Алатырского уезда преобладающую роль играло бортничество. Бортные ухожаи жителей этого уезда, а также смежных ему Темниковского и Арзамасского, занимали обширную часть территории Верхнего и Среднего Поволжья. Писцовая книга Пушечникова дает возможность проследить географию территорий, охваченных бортным промыслом. Эта территория занимала юго-восточную часть современной Нижегородской области, восточную половину Мордовии, южную половину Чувашии, северо-восточную и восточную части Пензенской области, а также западную половину Ульяновской области.

В XVII в. продажа и покупка бортных ухожаев в целом и отдельными частями было довольно распространенным явлением среди мордвы и татар. Об операциях такого рода во всех писцовых книгах и отдельных столбцах встречается большое количество упоминаний. Обычно в большинстве документов отмечается происхождение ухожая – купленный он или вотчинный. Среди купленных угодий различаются угодья старой и новой покупки. Татарскими феодалами бортные ухожаи в XVI и XVII вв. приобретались путем покупки или правительственных пожалований. В большинстве их купчих документов делается приписка, что продажа была произведена добровольно [1, л. 189].

В преамбуле переписной книги Пушечникова четко прописана цель переписи: «...хто имянем татарове и буртасы и мордва вотчинами своими бортными ухожьи по каким крепостям или по старине владеют и каковы у буртас и у татар и у мордвы вотчинах знамена и с кем хто судерев и сумещики в вотчинах ходят» [2, л. 1–1 об.]. Как видим, основными пользователями ухожаев были мордва, татары и буртасы. Насколько важное значение промысловые занятия занимали у татарского населения Алатырского уезда, можно судить уже из того факта, что среди выборных людей, помогавших писцам проводить перепись, в писцовой книге упомянуты: «...деревни Нагаевы посопных татар Бибарс мурза князь Еналеев сын Шугоров» и «деревни Налетевой… посопной татарин Ураз Багишев» [2, л. 2 об., 3 об., 4].

В книге приводится описание 220 совокупных комплексов бортных владений, принадлежавших жителям мордовских и татарских деревень. В 64 из них среди владельцев, пользователей, сумещиков и судеревщиков упоминаются татары, как служилые, так и посопные. Согласно переписной книге пользовались ухожаями татары Темниковского, Алатырского, Свияжского, Казанского и Кадомского уездов.

Примечателен тот факт, что в писцовой книге помимо знамен, принадлежавших мордве, встречаются знамена, принадлежавшие татарам. Так, например, они упоминаются в описании Кувкудемского ухожая посопного татарина деревни Ногаевой Бекея Тетякова и деревни Черной Парамзы татарина Бигеняя Чюраева – «знамена у них в той вотчине: знамя Бекеево [знамя] пояс да четыре глаза, знамя Бигиняево [знамя] пояс да четыре глаза» [2, л. 442 об., 443].

В качестве примера, насколько сильно пересекались между собой в рамках пользования ухожаем не только этнические группы мордвы и татар, но даже население разных уездов, зачастую расположенных достаточно далеко друг от друга, можно привести описание ухожая, находившегося в верховьях р. Суры и бассейне р. Колдаиса (Пензенская область) – «Деревни Селищ за мордвою, да деревни Момодышевы за Куштанзою Ермензиным, да

за Нурушем Деряевым вотчина бортной ухожей… А судеревщики с ними в той вотчине деревни Шинские татарове Козай Терегулов з братьею и с товарыщи, да деревни Пары татаровя Кузьма Судеяров с товарыщи, да темниковские татарове Бекбулат Тинговатов деревни Ганки с товарыщи, да темниковской же тотарин Баик с товарыщи, да деревни Иванцова Вельмис Удзеватов з братьею и с товарыщи, да деревни Молова Иванцова Отяш Сангунов з братьею и с товарыщи, да деревни Ермензенок Иван Мазяров, да деревни Семерам Сетяй Макаров, да деревни Пулок Савской Сычес Дурнаев, да Свияжскова уезду татаровя деревни Бурнакова Чюров с товарыщи, да из Малова Бурнукова Енай с товарыщи. А сумещики с ними в той их вотчине деревни татарове Емяш Шемердянов с товарыщи, да темниковская мокшане Тердушевские деревни Васка Молчнов с товарыщи, да деревни Ломату татарове Позняк Байтереков с товарыщи. А знамена у них в той вотчине купленное пять глазов [знамя] поперег и накос на обе стороны, да знамя в той вотчине пять рубежков поперег и накос же [знамя]» [2, л. 466–468].

Анализ писцовой книги Пушечникова показывает, что при пользовании ухожаями происходило взаимодействие не только мордвы и татар. В переписи встречаются уникальные случаи. В описании ухожая Сурский лес, который был записан за посопными татарами д. Сары Бахтина, есть пометка, что за пользование им оброк так же платили крестьяне Льва Плещеева с. Чеберчина Сенька Федоров, Гришка Агаев, Ларька Никифоров и Тренька Новотерепов [2, л. 37].

Кирменской ухожай, находившийся на р. Бездне (Чувашская Республика и Ульяновская область), принадлежал крестьянам с. Стемасс помещиков Прокофья Федорова, Нила Онтипьева, Пимина Васильева – Калинке и Треньке Оносовым и Якуньке Евстратьеву. Причем сохранились описания их знамен: «...знамя Калинино заечьи уши [знамя], знамя Тренкино шесть глазов [знамя], знамя Якушкино четыре глаза» [2, л. 450 об.–451].

Даже среди этих редких случаев выделяется Ражкелин ухожай. По данным писцовой книги ухожай принадлежал алатырскому пушкарю Василью Проухину. Ухожай был им куплен у посопных татар Тугуша Штулушева, Тикишея Тюльнеева, Окмана Илсегидеева, Сеундюча Алемасова и служилого татарина Момая Костина. Ухожай располагался в бассейне рек Инза и Сухой Аргаш (Пензенская и Ульяновская области). Сумещиками были темниковская и учеватовская мордва, а судеревщиками – Бирбас мурза князь Еналеев с племянниками. Указаны все знамена, которыми пользовались владельцы, причем далее добавлено – «Новое Васильево знамя [знамя] добро». В качестве изображения знамени нарисована кириллическая буква «Д» [2, л. 428–429]. Подобных аналогов автор статьи не встречал. То есть русский служилый человек не только приобрел права на пользование ухожаем, но и

знамя, которое чаще ассоциируется с мордвой и реже – татарами. К сожалению, мы не знаем процедуры его получения и лиц, которые обладали правом его дарования.

Помимо мордвы, татар и русских, среди пользователей ухожаев в писцовой книге Пушечникова изредка упоминаются черемисы и буртасы. Так, при описании Ватувартинского ухожая, который принадлежал мордве д. Морги указанно, что «судеревщики с ними в той вотчине розных деревень черемиса, а оброк платит черемиса в Свияжском» [2, л. 19]. Еще больше совладельцев, причем разных национальностей, было у Туворманского ухожая. Его «ходили» мордва д. Кирзять, а «судеревщики с ними в той вотчине Свияжского уезду татарове деревни Едигеревы, да деревни Кобаевой, да деревни Морги, да деревни Баевой мордва, да Свияжского уезда кебяйские буртасы, да Чебуковы дети черемиса. А сумещики с ними Свияжского уезда татарин Момай, да князь Тугушева вотчина, а с третьей стороны лобаскинская мордва» [2, л. 25].

Из 220 совокупных комплексов бортных владений, принадлежавших жителям мордовских и татарских деревень, в 9 из них среди владельцев, пользователей, сумещиков и судеревщиков упомянуты черемисы. В писцовой книге они указаны как черемисы Чебоксарского, Свияжского и Цивильского уездов. Судя по всему, учет по ясакам с них велся в приказных избах других уездов, поэтому в книге Пушечникова не указаны их знамена. Но учитывая совместное с другими совладельцами пользование ухожаями, они должны были использовать свои знамена для разграничения собственности, принадлежавшей только им. Исходя из текста переписи, можно предполагать, что под черемисами переписчики подразумевали чувашей.

Несмотря на то, что буртасы вынесены были в преамбулу писцовой книги Пушечникова, упоминаются они по тексту достаточно редко. Из 220 совокупных комплексов бортных владений, принадлежавших жителям мордовских и татарских деревень, среди владельцев, пользователей, сумещиков и судеревщиков буртасы упомянуты в 8 из них. Учитывая, что в тексте они упоминаются как «буртаские татары деревни Янышовы» [2, л. 38об.] или «да Свияжскова уезду буртасы кимбянские татаровя» [2, л. 436 об.], возникает вопрос, кого подразумевал писец под термином «буртасы» и считать ли их представителями отдельной этнической группы.

В целом анализ материалов «Книги письма и меры Дмитрея Юрьевича Пушечникова, да подьячего Офонасья Костяева [7]132[1623/24]-го, и [7]133[1624/25]-го, и [7]134[1625/26]-го году Алатарскаго уезда татарским, и буртарским, и мордовским вотчинам бортным ухожьем» свидетельствует, что в сфере промысловой деятельности населения Присурья и смежных регионов Поволжья происходило очень активное межэтническое взаимо-

действие. Причем специфика пользования ухожаями и сложность взаимодействия разноэтничных групп владельцев, пользователей, сумещиков и судеревщиков, способствовало выработке форм позитивного межнационального диалога.

Список источников

1. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. И-800.

2. Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Р-3371.

C.B. Vidyaykin

INTER-ETHNIC COOPERATION OF THE POPULATION IN PRISURYA IN THE FIRST QUARTER OF THE 17th CENTURY (CADASTRES)

Abstract. According to the materials based on Alatyr district's cadastres (1620) the question of fishing grounds' joint use by the peoples of the Volga region has been considered. In conclusion the author points out that there was very active interethnic interaction in the sphere of trade in the Prisurye region.

Keywords: a village, the 17th century, cadastres, apiaries, the Russians, Mordva, the Tatars, the Cheremis, the Burtas.

УДК 39(=512.111):94(470.4)

А.О. Гаврилов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в религиозной обрядности во второй половине XIX в. Социокультурные процессы в стране, христианское просвещение народов, введение просветительской системы Н.И. Ильминского внесли изменения в традиционное мировоззрение чувашского крестьянства. Автор полагает, что успехи христианского просвещения оказали заметное воздействие на религиозные верования чувашей, деформировали их погребально-поминальные обряды.

Ключевые слова: чуваши, православие, буржуазные реформы, христианское просвещение, похоронно-поминальные обряды.

В о второй половине XIX в. буржуазные реформы существенно повлияли на социально-экономическое и культурное развитие многонационального российского общества. В данной работе проанализированы изменения в религиозных верованиях и традиционном укладе жизни чувашского крестьянства.

Реформы в области образования, национальной и религиозной политики заметно оживили дело народного просвещения. В пореформенный период под воздействием миссионерско-просветительских мер, основанных на идеях Н.И. Ильминского, в духовной культуре чувашей наблюдалась трансформация традиционного уклада [1, с. 292–303].

Основная масса чувашей была крещена в XVIII в., но большая часть новокрещеных к середине XIX в. сохраняли верность верованиям предков. Попытки утвердить в их среде православно-христианскую религиозность преимущественно административными мерами особых успехов не имели. Тем не менее постепенно в традиционные обряды проникали элементы христианского вероучения, что отмечено в научной литературе как «двоеверие» [1, с. 350–351]. Таким образом, чуваши в процессе христианизации постепенно перенимали элементы православия, внедряя их в свои религиозные традиции. В качестве примера можно отметить, что среди чувашей становится распространенным использование свечей и икон в религиозной обрядности [4].

Чувашская паства в середине XIX в. была индифферентна к церковному обучению. Например, Н.И. Золотницкий в своем отчете за 1868 г. отмечал,

что несмотря на распространение образования среди чувашского населения, запрос на «Закон Божий» оставался невысоким [5, с. 257–258]. В пореформенный период правительство и церковь стремились превратить новокрещеных в истинных православных христиан. В поисках эффективных миссионерских средств, светская и церковная администрации обратили внимание на просветительские идеи Н.И. Ильминского, основанные на широком использовании родного языка в христианском просвещении новокрещеных. Подготовка учителей и священников из народной среды, успехи в школьном деле и издании книг, понятное богослужение и т. д. укрепляли чувашей в православии. Следует заметить, что во второй половине XIX в. языческие обряды и праздники стали постепенно вытесняться или трансформировались под воздействием христианского вероучения и церковных правил [6, с. 183–184].

Во второй половине XIX в. среди чувашей меняется отношение к служителям народных верований и православным священнослужителям. По мере усиления христианства в чувашской деревне чаще наблюдались примеры смешения традиционной языческой и христианской обрядностей. Как пример, праздник *Сурхури* (букв. «баранья нога») стал накладываться на христианский праздник Рождество, *Мăнкун* (букв. «великий день») – с праздником Пасхи, *Çимĕк* – с Троицей и т. п. [2, с. 98].

Активное влияние внешних социокультурных факторов на чувашских крестьян вызывало изменения в сознании народа. К примеру, в результате смешения языческих и христианских традиций возникали новые формы обрядности. В некоторых случаях языческие религиозные обряды и традиции могли сочетаться с христианскими, что создавало новые уникальные формы религиозной обрядности, которые отражали культурную идентичность чувашей и их стремление сохранить традиции в условиях внешнего религиозного воздействия. Большую роль в данном контексте играет влияние чувашских крестьянских общин, которые могли выступать как консерваторами традиционных обрядностей, так и, наоборот, попасть под активное внешнее воздействие местных церковных представителей.

Языческие традиции чувашского народа в ряде бытовых ситуаций сохраняли свое влияние на протяжении нескольких десятилетий. Так, чуваши ряда населенных пунктов были приверженцами традиционных обрядов, связанных с земледелием, плодородием и почитанием предков. Это выражалось в проведении различных ритуалов, связанных с посевами, уборкой урожая и другими важными событиями в жизни местной чувашской крестьянской общины.

А.Ф. Риттих отмечал в своих исследованиях сочетание, а также «смешение» языческой и христианской обрядности в чувашской культуре [7, с. 92].

По мнению, П.В. Денисова, с XVIII по XIX в., несмотря на христианизацию чувашей, в их религиозной обрядности оставалось немало языческих культурных и религиозных особенностей [2, с. 99].

Стоит также отметить, что представления чувашей о загробном мире менялись в связи с активным проникновением новых культурных кодов в мировоззрение чувашского народа во второй половине XIX в. Само же мировоззрение о загробном мире в языческой чувашской культуре тесно переплеталось с образом смерти, воплощением которого выступал *Эсрель* или *Чун илли*. Е.А. Ягафова в своей работе отмечает тот факт, что вплоть до XIX в. среди чувашей были распространены жертвоприношения духу *Эсрелю* [8, с. 126].

Среди чувашей сохранялись ритуал омовения души, практика очищения тела перед погребением. Ряд погребальных ритуалов среди чувашских крестьян содержал как традиционный, так и христианский характер.

Под влиянием внешних социокультурных факторов в обрядности и традициях чувашского народа стали распространяться поминки, схожие с христианскими. В своих исследованиях В.К. Магницкий упоминает такое важное событие в культуре чувашских крестьян, как *Çурта кунĕ* (букв. «день свечи»). Данное событие как правило выпадало на дни празднования Пасхи. Однако по традиции чувашские крестьяне в этот день «приглашали» мертвых родственников, которые «из могил выпускаются на волю». Во время проведения обрядов *Çурта кунĕ* в основном занимались разжиганием костров в своем селении. Считалось, что благодаря этим кострам души мертвых могли согреться [3].

Таким образом, во второй половине XIX в. вследствие социально-экономических преобразований и успехов в практике христианского просвещения в погребально-поминальной обрядности чувашей происходило смешение православных и народных традиций.

Список литературы

1. *Васильев М.Г.* Чувашские поминки // Известия по Казанской епархии. 1904. № 15. Часть неофиц. С. 464–475.

2. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. С. 408.

3. *Иванов Н.* Из языческого религиозного культа чуваш деревни Ходяковой Ядринского уезда // Известия по Казанской епархии. 1905. № 34. Часть неофиц. С. 1031–1037.

4. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.

5. *Лепешкина Л.Ю.* Похоронно-поминальный обряд как отражение этнической самобытности чувашей (XIX в.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. С. 256–263.

6. *Рекеев А.В.* Из чувашских преданий и верований. Казань: Тип. ун-та, [1896]–[1897]. 48 с.

7. *Таймасов Л.А.* Церковноприходские школы в системе народного образования дореволюционной Чувашии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья: [материалы регионал. науч. конф. (Чебоксары, 10–11 января 1994 г.)]. Чебоксары: ЧГУ, 1997. С. 182–189.

8. *Ягафова Е.А.* Календарные обрядовые традиции самаролукских чувашей // Чуваши Самарской Луки: монографич. исследование. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 160 с.

A.O. Gavrilov

SOME PECULARITIES OF THE CHUVASH FUNERAL RITUALS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract. The article deals with the changes in religious rituals in the second half of the 19th century. The socio-cultural processes in the country, Christian enlightenment of peoples and the introduction of N.I. Ilminsky's enlightenment system brought changes in the traditional worldview of the Chuvash peasantry. The author believes that the success of the Christian enlightenment had a noticeable impact on the religious beliefs of the Chuvash thus deforming their funeral rituals.

Keywords: the Chuvash, Orthodoxy, bourgeois reforms, the Christian enlightenment, funeral rituals.

УДК 930:94(470)“1762–1796”

А.Н. Долгих

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье рассмотрены болевые точки современной историографии крестьянского вопроса при Екатерине II, отмечены устаревшие взгляды на содержание ее внутренней политики, вытекавшие из предвзятых установок относительно немки-императрицы, предложены новые подходы для изучения данной проблематики.

Ключевые слова: крепостное право, Екатерина II, владельческое крестьянство, дворовые люди, законодательство, российское самодержавие.

Эпоха правления Екатерины Великой была отмечена значительными воинскими успехами, победами на суше и на море, а также некоторыми изменениями во внутренней политике империи, в частности оформлением в том или ином виде так называемого крестьянского вопроса. Вообще говоря, важнейший для той эпохи вопрос был уже поднят во второй половине XVIII в. При этом младшие современники эпохи – М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин – практически не уделяли внимания данному вопросу, рассматривая власть помещиков над их «подданными» как некую данность и выступая лишь против ее крайностей, специально не останавливаясь на деяниях Екатерины II в данной сфере [9, с. 220; 11, с. 394–395; 12, 2 паг., с. 79–94]. Общеизвестно, какой уничтожающей критике подверг правовое и имущественное положение владельческих крестьян и дворовых людей А.Н. Радищев [9, с. 11–35; 12, 3 паг., с. 167–174, 222–237, 275–276 и др.]. Сначала весьма радикально, но впоследствии достаточно сдержанно об этом писал А.С. Пушкин [14; 15]. Показательно при этом, что вопрос о крестьянской составляющей политики и законодательства времени Екатерины II достаточно широко обсуждался преимущественно в отечественной историографии, особенно широко в начале XX в., а затем (уже со значительным интервалом) на рубеже XX–XXI вв. Об этом писали В.И. Семевский, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, позднее М.Т. Белявский, Н.И. Павленко, А.Б. Каменский и др. [1; 4, с. 152–173; 6; 7; 8; 10; 13; 16; 17].

Одним из наиболее значимых вопросов, поставленных исследователями, являлась проблема соотношения собственных взглядов императрицы, направленных если и не на прямое освобождение владельческих крестьян, то в сторону смягчения крепостного права (тем более что после реализации на практике Манифеста о вольности дворянства 1762 г. в ее царствование

ситуация с правами первенствующего сословия России становилась парадоксальной: обязанность службы дворянства трону ушла, а их права на крепостных «рабов» лишь возросли) с реальной законодательной практикой ее царствования, ставшего «апогеем» дворянского владычества над владельческими «поселянами», что является общим местом в работах практически всех исследователей. Вообще говоря, логика в этом какая-либо отсутствовала; следовало бы тогда уж менять что-то и в отношениях сельских властителей и их «подданных», но этого не желало правящее сословие, которое торпедировало слабые попытки властей воздействовать на эти взаимоотношения. Поэтому дело с эмансипацией крестьянства (владельческого) далее деклараций в «Наказе Уложенной комиссии», обсуждения в самой Уложенной комиссии, отдельных публикаций в журналах (крайне редких, например, Г.Ф. Миллера [4, т. 1, с. 225–233]) не сдвинулось с места. Казенных крестьян по-прежнему жаловали в частные руки, «рабство» распространилось на новые территории Левобережной Украины, у дворян появились некоторые новые права, например, право отправлять своих крестьян и дворовых людей на каторгу с возможностью их возврата под помещичью власть (двойное наказание!).

Правда, в отношении законодательства на эту тему у нас существует иное мнение (в сравнении с существуюшими доминантами в историографии). Эти меры, с нашей точки зрения, лишь добавляли помещикам власти, хотя они и так пользовались ею практически беспредельно и бесконтрольно, а их власть над крестьянами росла и без всяких указов, начиная с петровского времени, со времени податной реформы рубежа 1710–1720-х гг., а положение зависимых от них «поселян» (как иногда их называли в ту пору), становилось все более «рабским» от времени, складываясь для самих господ в привычку. Всякие ограничительные меры (вроде взятия имений жестоких помещиков в опеку) разбивались о торжество дворянской бюрократии; серьезным ограничителем помещичьей власти их вряд ли можно считать. Впрочем, этот вопрос мало исследован, цифровых данных, дающих исчерпывающую картину на сей счет, нет.

Очевидно, что перелом в сторону смягчения крепостного права в это царствование не наступил. Это явление, скорее, будет иметь место в определенном смысле уже при Павле I [2]. Иное дело, что при Екатерине II была проведена церковная реформа, отобравшая у монастырей и архиерейских домов до 900 тыс. крестьян вместе с землями (экономические крестьяне). Правда, все это касалось лишь части владельческих крестьян. Заметим также, что в эти же десятилетия произошли и серьезные перемены в российском обществе, созданы Жалованные грамоты дворянству и городам (1785), была подготовлена но не реализована по ряду причин Жалованная грамота государ-

ственным крестьянам. Судя по всему, власть не пошла на ее реализацию в том числе и по причине того, чтобы не вызывать недовольства дворянства и излишних эмоций у крестьян владельческих (неточно именуемых «крепостными», так как все крестьяне империи в ту пору были таковыми, т. е. «крепкими земле»). Кстати, заметим, что у всех трех грамот есть нечто общее: число градаций в каждой из них равно шести.

Другие мелкие акты, ограничивавшие, например, продажу людей без земли в период рекрутских наборов, с использованием «молотка» на аукционах, наличие особых условий существования беглых крестьян в Новороссии сути дела не меняли. Поэтому царствование императрицы Екатерины II, являясь первым правлением на пути начала реального возбуждения крестьянского вопроса в России (имея в виду и влияние пугачевщины на решение данного вопроса, правда, опосредованное и косвенное: нельзя прямо связывать возбуждение этого вопроса и движение Е.И. Пугачева; последнее, скорее, скажется на общественном мнении дворянства более позднего времени, да и на позиции власти по данному вопросу, особенно при Александре I и Николае I), одновременно стало, повторимся, и апогеем фактического «рабства» владельческих крестьян.

Вместе с тем положение именно владельческой деревни в этот период являлось весьма удручающим. Налицо было сочетание двух важных факторов: во-первых, прошло уже несколько десятилетий после петровской податной реформы рубежа 1710–1720-х гг., знаменовавшей собой новый этап в развитии крепостного права – этап превращения его из права «по земле» в право «по лицу», которое постепенно становилось традицией, освященной временем. С другой стороны, реализация при Екатерине II Манифеста Петра III «о вольности дворянства» привела к тому, что правящее сословие в значительной степени перебралось на жизнь в деревню, где столкнулось лицом к лицу с жизнью владельческого крестьянства со всеми вытекающими отсюда последствиями, не обязательно свойственными крепостному праву как таковому. Вспомним пушкинские строки из стихотворения «Деревня» 1819 г.:

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов [14, с. 360].

Обычно не отмечают то обстоятельство, что здесь поэт обращал внимание не на основные моменты крепостничества с точки зрения сельскохозяйственного производства (при феодализме вообще), а на его крайности, которые, не являясь прямо необходимыми для осуществления помещичьих прав, вместе с тем были наиболее значимыми в плане юридического унижения крестьянства и дворовых людей, превращения их в настоящих «рабов», что отмечали многие современники, а также авторы многочисленных дворянских проектов решения аграрного вопроса конца XVIII – начала XIX в. [3; 5]. Именно эти бытовые явления, прямо не связанные с сельскохозяйственным производством, были клеймом на российском дворянстве, заставляя иностранцев, посещавших тогдашнюю Россию, считать ее «азиатскою» – крайне отсталым варварским государством. Все эти обстоятельства не могли не занимать внимание правящих верхов, особенно самой императрицы, которая, в принципе, не была сторонницей этого оголтелого крепостничества. Кстати, сегодня существуют авторы, начисто отрицающие тяготы крепостничества в России, рисующие некую идиллию в отношениях помещиков и их «подданных», высказываясь в этом отношении в духе крепостников рубежа XVIII–XIX вв. типа А.С. Шишкова или Ф.В. Ростопчина [4, т. 1, с. 290–301; т. 2, с. 122–129]. Однако императрица прекрасно понимала, что эти ее мысли не разделяло не то чтобы большинство, но практически все правящее сословие. Общественное мнение той эпохи было полностью крепостническим, поэтому лица, хоть как-то говорившие о несправедливости подобных порядков, были не просто исключением из правил, это были единицы – Г.Ф. Миллер, Г.С. Коробьин, А.Я. Поленов, С.Е. Десницкий, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, И.П. Пнин, Д.А. Голицын [4, т. 1, с. 180–190, 204–207, 214–218, 225–241, 328–350].

Анализируя ситуацию, императрица Екатерина II (имея в виду и тот факт, что она была узурпатором престола, которого не хотела лишиться) не могла ничего сделать существенного в данном отношении. Скорее, при ней крепостное право еще более усугубилось, распространилось на новые территории (скажем, на Левобережную Украину), и в подкрепление прежних прав помещики получили новые – например, ссылать своих крестьян на каторгу с правом возврата обратно (1765). Отметим, в частности, неверную трактовку указа 1767 г. о запрете жалоб на помещиков, в том числе и на высочайшее имя. Это был акт, просто повторявший прежние законы на сей счет, к тому же его реализация была неоднозначной, опять же, «как в России». Однако надо прямо признать, что все эти «дополнения» к имевшим место у них правам на крестьян не были существенны, поскольку помещик и так полностью распоряжался своими «поселянами» («домашнее наказание», сдача в рекруты, ссылка в смирительные и рабочие дома и др.).

Неверными представляются рассуждения в литературе о значительном их расширении, это придумка советской историографии с целью перенести обвинение в создании крепостного права с Петра I на последующих убогих императоров и императриц с их фаворитами-«немцами» и показать тенденцию резкого ухудшения положения угнетенных слоев российского общества, с особым акцентом именно на законодательство и с явной нелюбовью к немке-императрице-лицемерке, нелюбовью к «просвещенному абсолютизму» и стремлением выставить на свет божий ее обман, который многие наши авторы считали чуть ли не бóльшим преступлением, нежели откровенное подавление выступлений крестьян войсками, например, тем же Петром I [4, т. 1, с. 156–157].

Радикальное изменение отношения в сегодняшней историографии к Екатерине II и ее политике не должно, по нашему мнению, касаться принципиального изменения в трактовке данного вопроса, где и так все ясно. Но для нас ясно именно то, что крепостное право в ее эпоху росло не от законодательства, а являлось следствием бытовых изменений, крайние стороны которого были блестяще изображены в «Недоросле» Д.И. Фонвизина, и это при том, что сам автор был вполне заурядным помещиком [4, т. 1, с. 241–249]. Картина здесь будет постепенно меняться примерно с рубежа XVIII–XIX вв., когда журнальные проповеди Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского, сентиментальные рассуждения о «Бедной Лизе» и др. начнут постепенно влиять на общественное мнение, которое будет также постепенно приходить к выводу о бесчеловечности реального крепостного права в стране.

Но это будет потом, а в екатерининское время можно было только заметить некоторую активность правительства в деле взятия в опеку имений жестоких помещиков, чем и заканчивался «Недоросль». Правда, насколько это явление было распространенным, трудно сказать. Специальных исследований на сей счет нет, но (визуально) можно заметить, что, с одной стороны, число подобных решений стало явно расти в сравнении с предшествующей эпохой, когда государство толком никак не вмешивалось во взаимоотношения этих сословий, а с другой стороны, здесь можно применить известную формулу: «как в России», которая является говорящей и в отношении многих других сторон российской жизни и тогда, и потом. В тех случаях, когда представители власти желали поднять такой вопрос по своим соображениям, дело могло закончиться тем же, что и в ситуации с госпожой Простаковой. Когда же представители власти этого не хотели, то и дело могло заглохнуть в самом его начале. Это принципиально.

Так или иначе, в настоящее время назрела необходимость анализа новых массовых источников, частично уже введенных в научный оборот, например, дворянских проектов решения аграрного вопроса, подобно тому, что уже делается нами по более поздней эпохе [3].

Список источников и литературы

1. *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 382 с.

2. *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVII – первой четверти XIX вв.: монография: в 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 309 с.; Т. 2. 356 с.

3. *Долгих А.Н.* Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. // Российская история. 2023. № 1. С. 59–70.

4. *Долгих А.Н.* «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в.: историографические очерки: в 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.

5. *Ильин А.Ю., Канищев В.В.* К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 16–21.

6. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. 575 с.

7. *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины…»: Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992. 448 с.

8. *Кизеветтер А.А.* Исторические силуэты / сост., общ. ред. и вступит. статья О.В. Будницкого; примеч. С.М. Маркедонова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 480 с.

9. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество: сб. документов: в 4 т. Т. 1. Липецк: ЛГПУ, 2008. 360 с.

10. *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб.: Лань, 2001. 256 с.

11. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России / сост., вступит. статья и коммент. В.Б. Муравьева. М.: Жизнь и мысль, 2002. 480 с.

12. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. Факсимильное изд. М.: Наука, 1983. 175, XV, 340 с.

13. *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.

14. *Пушкин А.С.* Деревня // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. I. Изд. 3-е. М.: Наука, 1962. С. 359–361.

15. *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. Изд. 3-е. М.: Наука, 1964. С. 268–305.

16. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины: в 2 т. СПб.: 1881–1901. Т. 1. LIII, 3, 504, II, I с.; Т. 2. XIV, 865 с.

17. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: в 2 т. СПб., 1888. Т. 1. LIII, 517 с.

A.N. Dolgikh

EKATERINA THE GREAT AND THE PEASANT QUESTION: A MODERN VIEW

Abstract. The article considers the weak points of modern historiography related to the peasant question under the rule of Catherine II have been revealed. The outdated views on her domestic policy resulting from prejudiced attitudes concerning the German empress have been noted and new approaches to the study of this problem have been proposed.

Keywords: Serfdom, Catherine II, possessory peasantry, court people, legislation, Russian autocracy.

УДК 94(571)”17”:332.21

Е.В. Дроботушенко

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ И КРЕСТЬЯНЕ ПЕРВЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ ЗАБАЙКАЛЬЯ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье на основе архивных источников и имеющихся публикаций характеризуются земельные владения и акцентируется внимание на крестьянах православных монастырей Забайкалья в период до секуляризации церковного имущества в 1764 г. Выделяются спорные моменты в цифровых показателях, приводимых в источниках и публикациях.

Ключевые слова: крестьянство, православные монастыри, хозяйственная деятельность, Забайкалье.

История крестьянства в Забайкалье получила в научной литературе определенное освещение. При этом значительный акцент делается на анализе второй половины XIX в. и 1920–1930-х гг. [13; 14; 20; 29; 31; 33 и др.]. Отметим, что по истории забайкальского крестьянства из печати выходили интересные, однако ненаучные издания. Таковым является документальная повесть забайкальского краеведа Г. Жеребцова [17]. Даже по указанному времени полностью изучены далеко не все аспекты названной истории.

В значительной степени за пределами научного интереса ученых осталось монастырское крестьянство Забайкалья. В определенной степени о нем говорили некоторые авторы [1; 2; 34–36 и др.], однако отдельного, большого, специального исследования, посвященного им, нет.

Интересно, что даже в работах признанных специалистов по земледельческой истории Сибири не всегда можно встретить информацию о забайкальских монастырях, хозяйственной деятельности и крестьянах. Так, в широко известной статье Л.П. Шорохова «Земледельческая практика и агротехнические знания экономических крестьян Сибири в 60–80-е гг. XVIII в.», которая географически охватывает и Восточную Сибирь, рассматриваются монастырское землевладение и экономические крестьяне, но автор не говорит об обителях Забайкалья. Наиболее же общие тенденции характерны и для них. Земли монастырей после реформы 1764 г. по всей Сибири переходят к крестьянам [37, с. 31–40].

В объемной статье Я.Е. Водарского «Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.)» приводятся интереснейшие данные по количеству православных обителей, объемам их земельных владений, крестьянам. К сожалению, сибирские обители рассматриваются в совокупности [3, с. 501–562].

Имеющийся пласт обобщающих работ по земледелию, крестьянству и истории православных обителей на территории Забайкалья позволяет в совокупности с данными источников в определенной степени охарактеризовать монастырское землевладение и крестьянство.

История забайкальского монастырского крестьянства берет свои истоки в конце XVII – начале XVIII в., когда на землях обителей региона стали появляться крестьянские поселения.

Основной вклад в изучение крестьянства забайкальских православных монастырей внес М.М. Шмулевич. В сборнике его работ «Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в.» одна из статей посвящена монастырскому крестьянству в Забайкалье. Основной упор делается на Селенгинском монастыре, во многом повторяя информацию из вышедшей тремя годами ранее книги «Троицко-Селенгинский монастырь» [34–36]. Иные авторы в значительной степени приводят в своих работах его данные.

Появление православных монастырей за оз. Байкал относится к последней четверти XVII в. (хотя в редких случаях, без особого научного обоснования, можно встретить утверждение, что произошло это раньше, в середине столетия).

Первые две (обе мужские) православные обители, Селенгинская Свято-Троицкая и Посольская Спасо-Преображенская, возникли стараниями монашествующих Даурской духовной миссии. Однако одно дело – основать монастыри и совсем иное – содержать их. Для этого государство давало им во владение землю, на которую требовалось найти работников.

Исследователи говорят о том, что, несмотря на рост числа селений и их размеров, заселенность восточного побережья оз. Байкал в первой половине XVIII в. была незначительной, объемы земледелия малы [19, с. 26; 28, с. 53]. Стоит отметить, что в Забайкалье в рассматриваемое время оседлого населения, готового заниматься земледелием, было немного в целом. Откуда же брались монастырские крестьяне?

Как отмечал В.И. Шунков, сибирские монастыри «садили» крестьян на свои земли, обеспечивая хозяйство рабочими руками. Делалось это на условиях «ряда», т. е. крестьяне подряжались на работу по самым разным договоренностям [38, с. 30]. Аналогичным путем шли и забайкальские обители.

На землях забайкальских монастырей селились «гулящие» люди, т. е. беднота, передвигавшаяся с места на место. Помимо них, по Ф.А. Кудрявцеву «крещеные в неволю» (вероятно, ссыльные), а также плененные бурятские женщины, насильно крещеные и выданные за монастырских крестьян [25, с. 82, 83].

Исследователями отмечается, что особо важную роль в крестьянском освоении региона сыграл Селенгинский монастырь. Ему принадлежали зна-

чительные земельные владения за оз. Байкал – это Хилоцкая вотчина по р. Хилок. К концу первой четверти XVIII в. в ней было четыре поселения: Топкинское в 14 дворов, Куналейское – 11, Еланское – 10 и Буйское – 6 дворов [1, с. 114; 2, с. 124].

Ф.А. Кудрявцев говорит, помимо Куналея, Елани и Буя, о деревнях Темлюй, Климишная, Кокуй, Кудара-Благовещение, Троицкой и др. [25, с. 83].

Известнейший историк забайкальского старообрядчества Ф.Ф. Болонев отмечает, что Хилоцкую вотчину, самую большую за оз. Байкал, Селенгинский монастырь получил в 1704 г. [1, с. 114]. М.М. Шмулевич же писал, что названная вотчина росла постепенно вплоть до начала 1730-х гг. Он называет иные селения, относящиеся к «этому крупному хозяйству», имея в виду Хилоцкую вотчину, т. е. речь шла о поселениях на монастырской земле (селения располагались вдоль рек Хилок, Буй и Куналей). Это – Куналей (Малый Куналей), Буй, Елань, а помимо них: Сухой Ручей, Бичура, Узкий Луг, Красная Слобода (Красный Яр) [36, с. 19]. Названные села позже, вероятно, после секуляризации монастырского имущества, отошли к Куналейской и Мухоршибирской волостям [34, с. 87, 95].

Темлюй и Кудара-Благовещение, так же как, возможно, Климишная, Кокуй и Троицкое, относились к двум иным вотчинам Селенгинского монастыря: Тимлюйской и Кударинской [36, с. 19].

Ф.Ф. Болонев добавляет к перечню селений Монастырский дворец и Бичуру (Бичюру), отмечая, что последняя, возможно, существует с начала четвертого десятилетия XVIII в. [1, с. 115].

Профессор И.М. Покровский в начале XX в. со ссылкой на «Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края» писал о ряде православных приходов, возникших на землях Селенгинского и Посольского монастырей. Это уже упоминавшиеся Куналей, Елань, Кудара и Троицкое, а также Посольский, Куядский, Голоустный и Твароговский [29, с. 239]. Отметим, что на указанных И.М. Покровским в сносках страницах, названные селения не упоминаются [16, с. 11, 14, 24].

Объемы земельных владений Селенгинского монастыря в количественном измерении часть исследователей, причем отдельные из них опираются на источниковые данные, не указывают. О.Е. Наумова вслед за Л.П. Шороховым говорит о 102 десятинах, М.М. Шмулевич достаточно размыто – «около 200» [27, с. 37; 36, с. 20].

В отношении же количества монастырских крестьян однозначного ответа на сегодня нет. В исследованиях и источниках встречаем самые разные цифры: в одних 334 души, в других – 529. Формировались они посредством расселения на монастырских землях пришлого населения, свободных людей, а также ссыльных посредством, судя по всему, как отмечал В.И. Шунков, принятием «ряда». Каждый двор в селении на монастырской земле был

обязан обрабатывать по десятине монастырской земли, засевая ее монастырскими же семенами. Ф.Ф. Болонев писал, что в деревнях Селенгинского монастыря к 1723 г. было поселено 56 пашенных крестьян из «гулящих людей» [1, с. 116; 4, л. 13; 23, с. 6; 36, с. 20].

Крестьяне Селенгинской обители работали также на рыбных промыслах обители, ловли которой были на оз. Байкал, в районе Посольского мыса и в урочище Прорва. Также они трудились на соляных варницах, которые находились у соляного озера около селения Селенгинск. Соль добывали с 1709 г., позже, в 1719 г., был построен солеваренный завод [23, с. 9; 26, с. 19.].

Информации по землевладению и крестьянам Посольского монастыря не в пример меньше, чем таковая имеется по Селенгинской обители. О ней либо совсем не писали, либо упоминали вскользь даже признанные исследователи. Однако известно, что за ней также был закреплен ряд участков с селениями. Упоминается 50 дес. по р. Куяде. Перед секуляризацией, в 1763 г., по некоторым данным за Посольским монастырем было 233 крестьянские души [21, с. 605, 607, 614; 28 с. 183].

Об объемах земельных владений Посольского монастыря исследователи относительно рассматриваемого времени не пишут. Известно, что значительно позже, уже в XIX в., обитель получит 500 дес. пахотной земли на содержание Духовной миссии [4, л. 17 об.; 7, л. 16; 8, л. 3, 15; 10, л. 89; 11, л. 3; 12, л. 12], но это уже совсем иная история.

Совершенно невероятную, на наш взгляд, цифру земельных владений трех православных монастырей Восточной Сибири: Селенгинского Свято-Троицкого, Посольского Спасо-Преображенского и Киренского Свято-Троицкого, называет в своем диссертационном исследовании А.Р. Григорьева – 10 000 дес. [15, с. 152].

Стоит упомянуть еще один мужской православный монастырь на территории Забайкалья – Нерчинский Успенский. Он появился в начале XVIII в. (хотя некоторые исследователи его также пытаются состарить, относя основание к середине XVII в.). Он прекратил свое существование в результате реформы 1764 г. Согласно историку Русской Православной Церкви Амвросию Орнатскому, перед закрытием к нему относилось 150 душ [21, с. 161]. История Нерчинской обители изучена на сегодня еще меньше, чем Посольского Спасо-Преображенского монастыря. Исследователи уделяли внимание главным образом вопросу о дате его основания и застройке. О.Е. Наумова говорит о 10 селениях в разных частях Восточного Забайкалья, приписанных к названной обители [27, с. 36].

Как отмечается в большом коллективном издании «История Сибири с древнейших времен до наших дней», монастырские крестьяне в Сибири не обладали личной свободой. Административная и судебная власть над ними принадлежала вотчинникам, т. е. православным обителям [22, с. 221].

Относительно отдельных сибирских православных монастырей профессор Н.Н. Фирсов в «Чтениях по истории Сибири» со ссылкой на «Исторические акты», издания 1890 г., говорит о том, что в некоторых случаях крестьяне «сгонялись» с земли обителями, а сами земли заселялись монастырскими крестьянами. Как пример приводится жалоба крестьян на архимандрита верхотурского Никольского монастыря [32, с. 55]. Отметим, что данных о подобном факте относительно Забайкалья на сегодня не встречено.

Селенгинскому и Посольскому монастырям, потерявшим в дальнейшем в ходе секуляризации 1764 г. земельные владения и крестьян, в финансовом плане существовать, вероятно, стало тяжелее, однако сказать, что они потеряли все, нельзя. За ними сохранились значительные рыболовные угодья. Одна из крупнейших рыбных ловель у Посольского мыса отошла от Селенгинской обители к Посольской, за первой же сохранилось оз. Котокель недалеко от оз. Байкал. Отошли к монастырю также ловли на шести впадавших в него речках (Турка, Каточик, Мостовка, Черемховая, Голая, Исток). Сохранились за Селенгинским монастырем ловли вдоль берега оз. Байкал от р. Селенга на северо-запад [4, л. 14; 5, л. 2; 6, л. 1; 10, л. 62; 24, с. 58].

За Посольским монастырем также сохранились рыбные статьи: «Каргинский Сор» (на оз. Байкал), по рекам Толбузиха и Абрамиха [4, 17 об.; 7, л. 20; 9, л. 2; 11, л. 3].

Таким образом, первые православные монастыри за оз. Байкал несколько десятилетий в XVIII в. были реальными институтами феодальной государственности в регионе. Они являлись относительно богатыми владельцами земель и крестьян. По сути – это феодальные вотчинники, которые существовали во многом за счет зависимого крестьянства. Активно развивали они свою хозяйственную деятельность и в дальнейшем, однако уже на иных экономических основаниях.

Как показано выше, на настоящее время нет однозначных ответов по объемам земельных владений ни одного из названных в исследовании забайкальских православных монастырей. Нет полной определенности с селениями, которые располагались на их землях, ни по количеству, ни по названиям. Неясно число монастырских крестьян. История забайкальского монастырского землевладения и крестьянства на сегодня изучена только отчасти и требует к себе дальнейшего внимания.

Список источников и литературы

1. *Болонев Ф.Ф.* Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры, быта и межэтническое взаимодействие: сб. науч. статей. Улан-Удэ: Респ. тип., 2015. 424 с.

2. *Болонев Ф.Ф., Федотова Е.Д.* Село Бичура (Забайкалье): возникновение и рост населения (XVIII – конец XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 123–129.

3. *Водарский Я.Е.* Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие. Вехи истории. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. С. 501–562.

4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 4.

5. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1212.

6. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1544.

7. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2130.

8. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2150.

9. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2153.

10. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2179.

11. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2500.

12. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2779.

13. *Гарбуз И.В.* Крестьянство Забайкалья второй половины XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2009. 143 с.

14. *Гарбуз И.В.* Крестьянство Забайкалья во второй половине XIX в.: историческое исследование: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. 206 с.

15. *Григорьева А.Р.* Земледельческое освоение Предбайкалья и Забайкалья в XVII – первой половине XIX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2001. 206 с.

16. Древние Церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером Архимандритом Мелетием. Казань: Универ. тип., 1875. 199 с.

17. *Жеребцов Г.А.* Крестьянские восстания в Забайкалье: (конец двадцатых – начало тридцатых годов двадцатого столетия). 2-е изд., доп. Чита: [б. и.], 2005. 304 с.

18. Забайкалье. Свод материалов высочайше учрежденной Комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина / сост. Н.И. Разумов. СПб.: [б. и.], 1899. XI+373 с.

19. *Залкинд Е.М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.

20. *Залюбовская Т.А.* Крестьянское самоуправление в Забайкальской области (вторая половина XIX в. – 1917 г.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. 262 с.

21. История Российской иерархии: в 7 ч. М.: Синодал. тип., 1813. Ч. V. 737 с.

22. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 539 с.

23. *Кашик О.И.* Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск: [б. и.], 1952. 24 с.

24. *Косых В.И.* Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. 196 с.

25. *Кудрявцев Ф.А.* История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.: очерки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 242 с.

26. *Машанова Л.В.* Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1973. С. 151–160.

27. *Наумова О.Е.* Хозяйственная деятельность монастырей Русской Православной Церкви в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 1 (18). С. 35–41.

28. Очерки истории культуры Бурятии: в 2 т. / общ. ред. Д.Д. Лубсанов (гл. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972–1974. Т. 1. 490 с.

29. *Павлова В.С.* Переселение крестьян в Забайкальскую область: конец XIX – начало XX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2009. 184 с.

30. *Покровский И.М.*, проф. Русские епархии в XVI–XIX в., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования: в 2 т. Казань: Централ. тип., 1913. Т. 2. (XVIII в.). 892+XVIII+48 с.

31. *Санданов Ю.Б.* Имущественная и социальная дифференциация забайкальского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5/2. С. 82–86.

32. *Фирсов Н.Н.*, проф. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М.: Гос. изд-во, 1921. 67 с.

33. *Чимбеев Н.Д.* Русские крестьяне-старожилы Западного Забайкалья в первой половине XIX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Восточно-Сибир. гос. академия культуры и искусств, 2002. 150 с.

34. *Шмулевич М.М.* К истории крестьянской колонизации и возникновения русских сел в Западном Забайкалье в XVIII – первой половине XIX века // Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ: Бурят. ин-т общественных наук СО АН СССР, 1974. С. 85–98.

35. *Шмулевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск: Наука, 1985. 287 с.

36. *Шмулевич М.М.* Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 64 с.

37. *Шорохов Л.П.* Земледельческая практика и агротехнические знания экономических крестьян Сибири в 60–80-е гг. XVIII в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (трудовые традиции крестьянства): сб. науч. трудов / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сибир. отд., 1985. С. 31–40.

38. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 229 с.

E.V. Drobotushenko

LAND HOLDINGS AND PEASANTS OF THE FIRST ORTHODOX MONASTERIES OF TRANSBAIKALIA: CONTROVERSIAL ISSUES OF HISTORY

Abstract. The article characterizes land holdings based on archival sources and available publications. Special attention is paid to peasants of Orthodox monasteries in Transbaikalia in the period before secularization of church property in 1764. Disputable moments in the figures have been highlighted in sources and publications.

Keywords: peasantry, Orthodox monasteries, economic activity, Transbaikalia.

УДК 93/94

Д.В. Егоров

РЕФОРМА 1861 ГОДА И КРЕСТЬЯНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ЧУВАШЕЙ

Аннотация. Великие реформы Александра II модернизировали судебно-правовую систему России. С 1861 г. правоотношения крестьян де-юре стали регулироваться волостным судом. Новая судебная инстанция принимала решения не только на основании законов, но и обычаев местного населения. Волостной суд оказал заметное влияние на судопроизводство чувашских крестьян, явился важным регулятором юридических споров, несмотря на широкое функционирование неофициальных судов в общине.

Ключевые слова: реформа 1861 г., судопроизводство, волостной суд, общинный суд, чуваши.

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на ее противоречивость и незавершенность, ускорила развитие капиталистических отношений, сформировала условия для экономической модернизации Российской империи, осуществила важные шаги к созданию правового государства. Закон предоставил основному населению страны – крестьянам – личную свободу, общегражданские права, учредил органы самоуправления и суда.

В настоящей статье ставится цель проанализировать судебно-правовые основы реформы 1861 г. и определить ее влияние на крестьянское судопроизводство чувашей. Источниковой основой исследования явились законодательные материалы и документы крестьянской юстиции. Именно в архивных фондах волостных судов и правлений, мировых посредников и уездных по крестьянским делам присутствий представляется возможным почерпнуть наиболее полную информацию о крестьянском судопроизводстве чувашей эпохи Великих реформ. Хронологические границы работы охватывают период с 1861 по 1889 г. Нижний предел рамок обусловлен принятием 19 февраля 1861 г. «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (далее – Общее положение 1861 г.) и появлением нового судебного органа – волостного суда, верхний – внедрением 12 июля 1889 г. «Временных правил о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках» (далее – Временные правила 1889 г.). По закону 1889 г. волостные суды были поставлены под строгий контроль земских начальников.

Общее положение 1861 г. состоит из введения и трех разделов, внутри которых выделяются главы и отделения. Основные статьи закона о крестьянском судопроизводстве вошли в третью главу «О волостном управлении»

второго раздела «Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления». В 1863 г. действие Общего положения 1861 г. распространилось на удельных, в 1866 г. – на государственных крестьян. Стоит отметить, что основную массу чувашей составляли государственные крестьяне. Положения реформы 1861 г., в том числе касающиеся общественного управления и волостного судопроизводства, распространились на указанную категорию крестьянства на основании следующих нормативно-правовых актов: «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений» (18 января 1866 г.) [36, с. 34–37] и «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» (24 ноября 1866 г.) [37, с. 280–287]. Государственные крестьяне из органов государственных имуществ были переданы в ведение мировых посредников.

По Общему положению 1861 г. в России было введено волостное управление. Оно состояло из волостного схода, волостного старшины с волостным правлением и волостного крестьянского суда. Деятельности волостного суда в законе посвящены статьи 93–110. Он сохранился в качестве крестьянского суда и после судебной реформы 1864 г., несмотря на провозглашение принципа всесословности. В течение второй половины XIX – начала XX в. данный институт претерпел трансформацию в области состава, юрисдикции и процессуального права.

Закон 1861 г. предусматривал ежегодное избрание волостным сходом (или сельским сходом, если волость состояла из одного сельского общества) от четырех до двенадцати волостных судей. Причем само заседание суда было правомочно при присутствии не менее трех служителей Фемиды. После окончания срока их службы (до года) к работе приступали новые судьи, избранные сходом [33, с. 57]. Кандидатами в стражи правосудия могли стать добропорядочные домохозяева в возрасте 25 лет и выше, не состоявшие под судом и следствием, не подвергнутые телесному наказанию и не замеченные в «развратном» поведении [33, с. 60]. Так, в 1880 г. на Чуратчинском волостном сходе Цивильского уезда Казанской губернии выборные решили избрать местных крестьян на должность волостных судей, которые «в штрафах и под судом не были и ныне не состоят… возложенную обязанность исполнять могут» [12, л. 1 об. – 2]. Судя по документам, волостными судьями являлись только мужчины. В отличие от женщин, они имели право голоса на сходах, представляли свои семьи во властных структурах, владели землями, заключали сделки и договоры.

Общее положение 1861 г. освободило волостных судей на время исполнения своих профессиональных обязанностей от телесного наказания и

натуральных повинностей, которые принимало на себя сельское общество [33, с. 62].

В юрисдикцию волостного суда входили «маловажные проступки» среди представителей крестьянского сословия в пределах волости, споры и тяжбы ценой до 100 руб., касающиеся движимого и недвижимого имущества, займов, купли-продажи, сделок и обязательств, возмещения причиненного ущерба. Если к правонарушению были причастны крестьяне другой волости, то дело рассматривалось в том волостном суде, на подведомственной территории которого был совершен проступок. По желанию истца и ответчика крестьянский суд мог также рассматривать дела, выходящие за рамки официальной компетенции. Если дело превышало сумму в 100 руб. или тяжба касалась недвижимого имущества, приобретенного крестьянами в собственность вне надела, а также если среди тяжущихся были представители других сословий, то по требованию одной из сторон дело подлежало разбирательству на основании законов в общих судебных местах. Вместе с тем лица иных сословий, против которых крестьянами были совершены проступки, при желании могли обращаться для удовлетворения иска как в волостной суд, так и в вышестоящие инстанции. В качестве наказания волостной суд по своему усмотрению мог назначить отдачу в работы до шести дней, штраф до трех рублей, арест до семи дней и телесное наказание до 20 ударов розгами [33, с. 57–59].

Для сравнения и более наглядной картины судопроизводства и его эволюции приведем данные по юрисдикции крестьянских судов 1838 и 1889 гг. По реформе П.Д. Киселева (1838) суды государственных крестьян (сельские расправы) могли рассматривать дела по имущественным спорам до 5 руб., имели право присуждать за проступки штраф от 25 коп. до 1 руб., общественные работы до 6 дней, арест и телесное наказание до 20 ударов розгами [35, с. 222]. Согласно Временным правилам 1889 г., полномочия волостных судей были расширены: по гражданским делам – споры и тяжбы между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; между лицами, подведомственными волостному суду, – ценой до 300 руб.; дела по наследованию и разделам – до 500 руб.; уголовным делам – мелкие кражи, мошенничество, присвоение чужого имущества, драки, угрозы, нарушение договора найма; мотовство и пьянство, явившиеся причиной разорения хозяйства; разбор исков не только между крестьянами, но и мещанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, постоянно живущими в селениях. В качестве наказания волостные судьи могли назначить: выговор в присутствии суда; денежное взыскание от 25 коп. до 30 руб.; арест до 15 дней (за совершение кражи, мошенничества и присвоение чужого имущества – до 30 дней); наказание розгами до 20 ударов [1, с. 529–531]. Как видим, компетенции и подсудность крестьянского суда с течением времени расширялись.

Приговоры волостных судов, проводившихся в чувашских волостях Казанской и Симбирской губерний в период Великих реформ, свидетельствуют, что за совершение правонарушений суд, как правило, назначал штрафные санкции [19, л. 7 об. – 10; 23, л. 3 об. – 4 об.], арест [5, л. 41–44; 20, л. 18 об. – 19], телесное наказание [13, л. 56; 22, л. 32 об. – 33 об.]. Иногда выносились комбинированные наказания. К примеру, в 1871 г. Акрамовский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии за причинение побоев крестьянину д. Чиршкасы Льву Павлову постановил взыскать с виновного Григория Иванова в пользу истца 3 руб., а также наказать розгами в размере 10 ударов [5, л. 56–57].

Самым распространенным видом санкций являлся денежный штраф, который выплачивался в пользу потерпевшего или мирского капитала. Причем его размер зависел от материального и семейного положения виновного, выполнения повинностей [32, с. 71]. Боясь финансовых убытков, нарушитель стремился заменить штраф на арест, который отбывал при волостном правлении [29, л. 668; 30, л. 14; 31, л. 349–350]. К лишению свободы судьи обычно подвергали лиц, совершивших имущественные преступления, противоправные действия против должностных лиц, побои, оскорбление чести и достоинства личности.

В пореформенный период волостной суд широко применял телесные наказания в зависимости от тяжести правонарушений. И народное правосознание признавало их эффективной мерой предотвращения будущих преступлений. Судьи, как правило, назначали телесное наказание за воровство, побои, оскорбление, непочитание родителей, пьянство и неисправный платеж податей. Так, в 1884 г. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии назначил крестьянам д. Хора-Сирмы Архипу Петрову и Семену Федорову наказание по 15 ударов розгами за причинение побоев однодеревенцу Федору Тимофееву [24, л. 9 об.–10]. Согласно реформе 1861 г., от экзекуции освобождались крестьяне в возрасте 60 лет и выше, должностные лица сельских и волостных органов управления во время службы, а также грамотные крестьяне, окончившие курсы в уездных училищах, земледельческих и высших учебных заведениях [33, с. 59].

Решения волостных судов по подведомственным делам считались окончательными и не подлежали обжалованию [33, с. 60]. В случае превышения судьями своих полномочий приговоры могли быть отменены местным уездным съездом мировых посредников, с 1874 по 1889 г. – уездным по крестьянским делам присутствием.

Законодатель установил сроки проведения заседаний волостного суда. Последний должен был собираться через каждые две недели, по возможности и удобству по воскресеньям, в случае необходимости он созывался во-

лостным старшиной в другие дни и чаще [33, с. 57]. Однако это требование не всегда выполнялось. Имеются факты, что суды в чувашских волостях проходили и по пятницам [17, л. 24–24 об.; 18, л. 4–4 об.]. Возможно, это отголоски обычая празднования пятницы в качестве выходного и главного дня недели чувашей (*эрне кун* «день недели»). В этот день запрещалось работать. Нарушение табу, согласно религиозно-мифологическим представлениям этноса, вело к Божьему наказанию – уничтожению полей и посевов [27, с. 100].

Делопроизводственную деятельность в суде вел волостной писарь. В случае подлога он мог быть подвергнут уголовному суду и наказанию. Все дела фиксировались в книге решений волостных судов. В ней указывались даты начала и завершения, нумерация листов, социальный статус, имена и фамилии участников процесса (истцов, ответчиков, свидетелей), их показания с приведением доказательств, приговор или условия мировой сделки, отметка о реализации судебного решения. Каждое дело подписывалось председателем суда, волостными судьями, волостным писарем. Стоит отметить, что неграмотные волостные судьи прикладывали свои печати или призывали образованных. За неграмотных людей по их просьбе подписывались грамотные. Дело могло длиться от нескольких недель до нескольких лет, передаваться из одной судебной инстанции в другую.

Общее положение 1861 г. регламентировало словесное разбирательство споров и тяжб по жалобе истца, проступков – по жалобе потерпевшего или его родителей (в случае несовершеннолетия), требованиям волостного старшины, его помощника, сельского старосты, извещению свидетелей [33, с. 59]. В волостной юстиции не было адвокатов и прокуроров, истцы и ответчики сами представляли и вели свои дела.

Волостной суд стремился обеспечить личную явку всех участников процесса на заседание. По этой причине истцам, ответчикам и свидетелям выписывались повестки о явке в суд за подписями волостных старшины и писаря с указанием даты и времени заседания, предмета тяжбы или проступка. Сельский староста, как правило, вручал заинтересованным лицам повестки, которые должны были подписаться на одном из ее экземпляров. Это служило весомым аргументом для назначения судебных санкций за неявку или вынесения приговора.

Волостные судьи могли отложить дело в связи с отсутствием подсудимого [2, л. 2], свидетелей [8, л. 19] или же принять заочное решение (обычно в пользу истца) [7, л. 165 об.; 23, л. 21 об.–22]. Они имели право наложить штраф за неявку на заседание без уважительной причины [2, л. 2; 14, л. 26; 15, л. 2; 21, л. 2].

Волостной суд стремился разобрать все обстоятельства гражданского или уголовного дела, допросить истца, ответчика, свидетелей, выявить дока-

зательства. К последним относились чистосердечное признание обвиняемого, свидетельские показания, письменные документы, следы, вещественные улики, тамги (знаки собственности) и т. д. Записи, внесенные в книгу сделок и договоров при волостном правлении, либо их засвидетельствованные копии, судя по реформе 1861 г., в спорных ситуациях имели силу судебного доказательства [10, л. 2–2 об.; 33, с. 56–57]. Документ приобретал легитимность даже при устной сделке, если она была заключена в присутствии двух или более свидетелей и включала подписи сторон [33, с. 56]. Повышение роли письменных доказательств с подписью и печатью в судопроизводстве, увеличение количества сделок и договоров детерминированы предоставлением крестьянам по реформе 1861 г. общегражданских прав и свобод, возможности выступать в качестве юридических лиц, владеть имуществом, а также развитием капитализма.

Крестьянский суд, как правило, принимал решения исходя из показаний свидетелей [16, л. 63 об.–65; 28, л. 223; 29, л. 574; 32, с. 75]. Особым доверием и преимуществом пользовались добропорядочные люди, не являющиеся родственниками или друзьями участников судебного процесса.

По закону 1861 г. в случае недостаточности полученных показаний и свидетельств волостные судьи могли производить дознания по проступкам в присутствии двух или более свидетелей из местных домохозяев. Осмотр местности по спорам и тяжбам проводился при очевидцах и лишь по просьбе истца и ответчика [33, с. 59]. Как показывают документы волостной юстиции, иногда судьи обращались к земским врачам или фельдшерам для медицинского освидетельствования сторон на состояние здоровья, выявления степени тяжести полученных травм и увечий в результате драк или побоев 21, л. 8–8 об.], что, разумеется, не практиковалось в общинных судах.

При вынесении решения волостные судьи также учитывали репутацию, порядочность, честность, трудолюбие и социальный статус подсудимого, не всегда обращая внимания на тяжесть преступления или проступка. В исключительных случаях добропорядочное поведение ответчика в повседневной жизни могло стать причиной отказа в удовлетворении иска [23, л. 38 об.–39].

Согласно реформе 1861 г., приговоры волостного суда приводились в исполнение сельскими старостами или помощником волостного старшины под наблюдением старшины, если волость состояла из одного сельского общества [33, с. 60]. Однако в некоторых селениях исполнение судебных решений затягивалось на долгие месяцы.

Общим положением 1861 г. волостному суду было предоставлено право выносить решения, ссылаясь на нормы обычного права: «Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решит дело либо на

основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» [33, с. 59]. Кроме того, закон позволил сохранить в волостях учрежденные ранее по местным обычаям суды, но при условии, что в избрании судей участвовала вся волость [33, с. 57].

Важно заметить, что обычаи регулировали общественно-правовые, имущественные, хозяйственные, семейные, религиозные и бытовые отношения чувашей. Правду и справедливость они предпочитали искать не в официальных судах, а в общинных – суде старосты, суде стариков, суде сельского схода и др., которые разрешали споры по обычаю и совести, примиряли стороны, возмещали потерпевшему причиненный ущерб и сурово наказывали злостных нарушителей. Крестьяне больше доверяли коллективному разбирательству дел при участии всех членов общины. Неофициальные судебные институты являлись эффективными регуляторами общественных отношений в пореформенный период [26, с. 62–78].

Как видим, обычай был признан официальным законодательством в качестве источника государственного права. Сама судебная практика волостных судов показывает, что судьи в процессе принятия решений ориентировались не только на законы, но и на обычаи. В фондах волостных правлений и судов можно встретить примеры вынесения приговоров со ссылкой на «местные обычаи» [22, л. 15; 23, л. 9, 77].

С одной стороны, применение обычаев и традиций в официальном суде было обусловлено их стойким функционированием в общественно-семейной и духовной жизни населения, консервативным и патриархальным бытом крестьянства в рамках замкнутых сельских общин. С другой стороны, оно, по всей видимости, было вызвано необходимостью постепенной адаптации крестьян к государственному праву.

Судебно-следственные материалы волостной юстиции Казанской и Симбирской губерний свидетельствуют, что многие гражданские и уголовные дела завершались без обвинительного приговора. Основаниями для их прекращения служили примирение сторон, неявка в суд истца, недоказанность вины подсудимого, неподсудность, несовершеннолетие истца, смерть ответчика или истца. Надо полагать, что неявка в суд истцов главным образом была вызвана заключением мировой сделки между тяжущимися. Особо следует подчеркнуть, что многие споры и проступки среди крестьян разрешались в общине, не доходя до волостного суда.

Сами волостные судьи, избранные представители крестьянства, пытались примирить тяжущихся [7, л. 85; 13, л. 56; 15, л. 14; 20, л. 11, 15 об. – 17, 57]. В этом отношении небезынтересно привести выдержки из статьи 107

Общего положения 1861 г.: «При рассмотрении тяжебного дела в самом волостном суде судьи по выслушании тяжущихся сторон стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую и каким образом должно последовать удовлетворение» [33, с. 59]. Как нам представляется, в результате заключения мировой сделки на судебном заседании крестьяне, во-первых, избавлялись от судебной волокиты, наказаний, унижений и обид, во-вторых, сохраняли мирную и рабочую обстановку в деревне, в-третьих, создавали условия для тесного взаимодействия и совместной деятельности тяжущихся в будущем. Примирение предполагало обязательное возмещение ущерба потерпевшей стороне.

Следует отметить, что большинство волостных судей в исследуемый период были безграмотными. Наличие грамотности не вошло и в число законных требований для замещения этой ответственной должности. Объяснение сложившейся нелепой ситуации кроется в превалирующей безграмотности всего крестьянского сословия. Так, данные Казанского губернского статистического комитета показывают, что в 1866–1867 гг. на 100 чел. населения Казанской губернии грамотных приходилось 1,06 чел. муж. и 0,2 жен. пола [25, с. 121; 34, с. 226].

Волостные судьи, опираясь либо на законы, либо на обычаи, иногда неверно трактовали правонарушения, классифицировали дела в качестве гражданских или уголовных, выносили разные судебные решения по аналогичным делам, назначали арест и телесные наказания за нарушение имущественных прав и возмещение ущерба – за преступления. В ходе судопроизводства далеко не всегда учитывались интересы бедных крестьян (в отличие от зажиточных), порой назначались несправедливые наказания. Весьма распространенным явлением стали злоупотребления волостных судей [4, л. 1–15; 6, с. 125; 11, л. 1–1 об.; 29, л. 595–597]. Трудолюбивые и добропорядочные крестьяне обычно воспринимали выборные должности волостного управления как тягость и повинность, которая отвлекает от хозяйственных дел. По этой причине служителями Фемиды нередко становились нечестные люди. К тому же судебный процесс, в отличие от общинного правосудия, был медлительным и сопровождался значительными финансовыми издержками. Вышеотмеченные факты подрывали авторитет волостного суда среди чувашей. Однако они были вынуждены обращаться к нему в случае несправедливого, по их мнению, решения общинного суда.

Негативное и скептическое отношение к официальному суду получило яркое отражение в народных пословицах: *Сут серепи – эрешмен карти: çук çын çакланать, пуян çын хăтăлать* «Судебный силок что паутина: бедный попадется, богатый увильнет»; *Сут таврашпе тус тытăн та, килна*

ан кăтарт «Если заведешь дружбу с кем-либо из суда, не показывай своего дома»; *Суд умне тăриччен вут умне тăр* «Чем встать перед судом, встань перед огнем» [38, с. 261–262].

Волостной старшина и староста не должны были вмешиваться в судопроизводство. По закону волостной старшина, ответственный за сохранение в волости порядка и спокойствия, мог предупреждать и пресекать преступления и проступки, принимать полицейские меры для поиска и задержания виновных, наблюдать за исполнением приговоров волостных судов и мировых учреждений [33, с. 53–54]. За незначительные проступки он, как и сельский староста, мог подвергнуть виновных следующим наказаниям: общественным работам до двух дней, денежному взысканию до одного рубля в пользу мирских сумм, аресту до двух дней [33, с. 51, 56]. Вместе с тем волостной старшина, а также волостной писарь, который, будучи грамотным, должен был лишь вести делопроизводство, принимали активное участие в заседаниях волостных судов и даже сами выносили приговоры, судьи же прикладывали свои печати к решению [6, с. 125]. Дела о злоупотреблениях волостных писарей также были многочисленны [3, л. 3 – 3 об.; 9, л. 1].

Итак, в ходе реформы 1861 г. появились новые органы самоуправления и суда. Официальным крестьянским органом правосудия стал волостной суд, правомочный выносить приговоры на основании законов и обычаев. Ему были подсудны незначительные споры и тяжбы, преступления и проступки среди крестьян. Крестьянское судопроизводство чувашей приобрело официальный характер, все обстоятельства дела, допросы и показания участников процесса, полученные доказательства документировались. Несмотря на правовую обособленность общинников, недоверие к официальным судебным институтам и злоупотребления судебных чиновников, волостной суд являлся важным органом крестьянского правосудия, способствовавшим формированию и развитию правовой культуры, отстаиванию прав и законных интересов чувашей.

Список источников и литературы

1. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Гос. тип., 1891. Т. IX. 1889. С. 528–532.

2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф-60. Козьмодемьянское волостное правление Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 75.

3. ГА РМЭ. Ф-66. Козьмодемьянское уездное по крестьянским делам присутствие Казанской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 86.

4. ГА РМЭ. Ф-68. Козьмодемьянско-Ядринский мировой посредник Казанской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 143.

5. ГА РМЭ. Ф-68. Козьмодемьянско-Ядринский мировой посредник Казанской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 189.

6. *Гончаренко Л.Н.* Крестьянское сословное управление в Казанской губернии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1984. С. 101—129.

7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 240. Больше-Тархановское волостное правление Симбирского уезда Симбирской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 4.

8. ГАУО. Ф. 565. Больше-Тархановский волостной суд Симбирского уезда Симбирской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 26.

9. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 9. Мировой посредник Чебоксарского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 113.

10. ГИА ЧР. Ф. 12. Мировой посредник II участка Ядринского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 2.

11. ГИА ЧР. Ф. 18. Ядринское уездное по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Д. 549.

12. ГИА ЧР. Ф. 50. Чуратчинское волостное правление Цивильского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 8.

13. ГИА ЧР. Ф. 131. Шибылгинский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 25.

14. ГИА ЧР. Ф. 132. Шихазанский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 212.

15. ГИА ЧР. Ф. 132. Шихазанский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 217.

16. ГИА ЧР. Ф. 132. Шихазанский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 219.

17. ГИА ЧР. Ф. 493. Тихвинская церковь Цивильского уезда, с. Мусирмы. Оп. 1. Д. 1.

18. ГИА ЧР. Ф. 572. Тораевский волостной суд Ядринского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 3.

19. ГИА ЧР. Ф. 575. Алымкасинский волостной суд Чебоксарского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 8.

20. ГИА ЧР. Ф. 576. Акулевский волостной суд Чебоксарского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 1.

21. ГИА ЧР. Ф. 577. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 17.

22. ГИА ЧР. Ф. 577. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 26.

23. ГИА ЧР. Ф. 577. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 28.

24. ГИА ЧР. Ф. 577. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Оп. 1. Д. 29.

25. *Егоров Д.В.* Исторический портрет волостного судьи // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 4 (31). С. 120–128.

26. *Егоров Д.В.* Общинные суды и особенности крестьянской юстиции чувашей во второй половине XIX – начале XX века // Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.): материалы Всерос. науч. конф. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 62–78.

27. *Михайлов В.И.* Обряды и обычаи чуваш // Записки Императорского РГО по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII. Вып. II. С. 89–130.

28. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 151. Этнография. Фольклор. 355 л.

29. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 177. Этнография. 804 л.

30. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 179. История. Этнография. Фольклор. 286 л.

31. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 215. Этнографические материалы о чувашах Н.В. Никольского. 538 л.

32. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. 104 с.

33. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. Документы крестьянской реформы. С. 37–77.

34. Памятная книга Казанской губернии на 1866–1867 год. Казань: Изд-е Казан. стат. комитета, 1866. Отд. III. Статистические сведения. 227 с.

35. Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. / под ред. А.Э. Вормса, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера, А.И. Яковлева. М.: Изд-е Н.Н. Клочкова, 1910. 260 с.

36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1868. Т. XLI. Отд. 1. 1866. 1079 с.

37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1868. Т. XLI. Отд. 2. 1866. 537 с.

38. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 493 с.

D.V. Egorov

THE REFORM OF 1861 AND PEASANT LEGAL PROCEDURE OF THE CHUVASH PEOPLE

Abstract. The great reforms of Alexander II modernized the judicial and legal system of Russia. Since 1861 legal relations of peasants de-jure began to be regulated by the volost court. The new court made decisions not only on the basis of laws but also on the customs of the local population. The volost court had a noticeable influence on the legal proceedings of Chuvash peasants; it was an important regulator of legal disputes, despite the wide functioning of informal courts in the community.

Keywords: the reform of 1861, legal proceedings, the volost court, the community court, the Chuvash people.

УДК 2.28.283/289

Н.Н. Петренко

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОТЕСТАНТСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН НА РОССИЙСКОМ СЕЛЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные направления, причины и процессы распространения на территории России протестантских переселенческих движений в период с XVI по XIX в. Выделены наиболее многочисленные группы и особенности построения их религиозной деятельности среди сельского населения Среднего Поволжья.

Ключевые слова: переселенцы, дореволюционная Россия, протестанты, Среднее Поволжье, христианство.

История развития протестантства на территории России охватывает широкие хронологические рамки: с конца первой четверти XVI в. до середины XIX столетия, когда протестантские религиозные общины закрепились в своем конфессиональном многообразии.

После заключения мирного соглашения между Швецией с одной стороны и Великим княжеством Московским – с другой в 1524 г., в страну стали приезжать купцы и торговцы из Дании и Швеции, чуть позже из Голландии и Великобритании, многие из которых были протестантами.

В это же время Василий III активно искал за пределами страны специалистов для государственной службы: ремесленников, аптекарей, живописцев и проч. И большинство из них были протестантами. Они получили право отпускать свободно свой религиозный культ: в основном, лютеранский, англиканский и реформаторский. Происходило это по большей части в их собственных домах. Пожалуй, именно лютеранство и можно назвать первой протестантской конфессией в России [1, с. 105].

Следующим крупным приливом протестантского населения в страну можно назвать время правления Петра I. В XVIII в. в одном только Петербурге сложилось более 10 протестантских общин: шведские лютеранские, немецкие лютеранские, финские лютеранские и англиканские. Общее число взрослых членов этих общин к концу столетия составляло около 6000 чел. [3, с. 328].

Во время правления Екатерины II значительная часть протестантов переселялась для постоянного проживания на поволжские и южные территории страны, причем жили они там на дарованных императрицей льгот-

ных условиях, подразумевавших освобождение от военной и гражданской служб. Созданные ими хозяйства отличались значительной капитализацией, высокой культурой аграрного производства и весьма значительно влияли на финансовое положение находящихся вокруг земель.

К началу XX в. лютеране и реформисты, которые смогли принять российское гражданство, стали занимать высокие посты в муниципальном самоуправлении, в Академии наук, в армии, становясь при этом неотъемлемой частью российской знати [2, с. 132].

Казанская губерния в этноконфессиональном плане была весьма мозаичной. В 60-е гг. XIX в. подавляющее большинство ее населения составляли православные – 1 168 872 чел. (74,2 %), мусульмане – 383 016 чел. (27,1 %). Доля остальных конфессиональных групп была относительно небольшой – 22 254 человек (1,4 %). Единоверцев насчитывалось 1254 (0,07 %), число представителей других христианских конфессий (католиков, протестантов, армяно-григориан) равнялось 1143 чел. (0,06 %). Также существовала группа раскольников численностью в 9270 чел. (0,58 %). Приверженцев традиционных (языческих) верований насчитывалось 10 389 чел. (0,6 %). Наконец, пеструю конфессиональную картину губернии довершали 198 евреев, исповедавших иудаизм [5, с. 101].

В эпоху Екатерины Великой количество западноевропейских христиан в стране резко возросло, что было обусловлено присоединением новых территорий в Приазовье и Причерноморье, хозяйственным освоением этих земель, а также степных районов Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири, которые активно заселялись внутренними мигрантами и колонистами из других стран. Так, если в начале XVIII в. в России немцы составляли только 0,2 % населения страны, и в основном они были сконцентрированы в Прибалтике, то к концу века их доля достигла уже 3,8 %. При этом немецкие колонисты появились также и в Поволжье [1, с. 84].

Ключевым же периодом для расселения католиков в Казанской губернии становится XIX столетие. В первые годы царствования Александра II уже в Казани жили около 550 католиков. Как и в Вятской губернии, резкое повышение численности последователей католицизма в Казанской губернии было связано, прежде всего, с массовой высылкой участников польских восстаний в 1863–1964 гг. В Казанскую губернию было сослано 533 участника восстания без учета их родных. В 1864 г. в край прибывает наибольшее количество ссыльных воинов. Это время подавления русскими армиями последних очагов сопротивления в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. К 1870 г. численность римско-католических последователей в Казанской губернии составила 1468 чел. На протяжении 60-х и 70-х гг. XIX в. контролирующая политика имперского правительства по отношению к ссыльным представителям польского национально-освободительного дви-

жения была несколько ослаблена и началась постепенная их амнистия. В результате значительные части ссыльных уехали из губернии, но, в сравнении с Вятской губернией, это не сказалось негативно на численности казанского католического общества. В Вятской губернии в период с 1870 по 1885 г. число католиков сократилось с 529 до 422, т. е. на 20,2 %. За практически идентичный период 1870–1885 гг. в Казанской губернии количество католиков выросло с 1468 чел. до 2388 чел. (на 38,5 %). Заметное расширение казанского католического сообщества обусловлено тем, что, параллельно с возвращением части амнистированных, происходил и обратный процесс – приток поляков из западных губерний, которые добровольно приезжали в Казань. Это связано с тем, что после январского восстания в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине началась реализация политики, направленной на их скорую интеграцию в общегосударственное пространство. При этом проводилась довольно жесткая кадровая кампания, при которой поляки постепенно вытеснялись с ключевых государственных должностей и заменялись русскими, чья лояльность не вызывала сомнений у властей. Кроме системы управления они были выведены и из других сфер, в том числе и из образования. Поэтому многие поляки, которые потеряли работу и статус, отправились на Восток, надеясь найти в русских провинциях применение своих профессиональных знаний и навыков. Это им достаточно плодотворно удавалось, так как весь рассматриваемый хронологический период в провинциальных губерниях имелась острая потребность в квалифицированных кадрах.

В течение XIX в. численность западных христиан неуклонно росла. В середине века представителей римско-католической церкви насчитывалось 653 чел., при этом 603 из них мужчины, а протестантов – 488 чел., из которых 296 мужчин [7, с. 23]. По данным Всероссийской переписи населения в 1897 г. численность католиков составила 2014 чел. (1558 муж. пола и 456 жен. пола), лютеран – 384 (775 муж. пола и 609 жен. пола). Соотношение между мужской и женской частями населения у разных конфессиональных групп имело существенное различие. Среди протестантов количество мужчин и женщин было не столь разительным, как среди католиков, основная часть которых была представлена поляками – 1700 чел. (1317 муж. пола, 383 жен. пола). Явное доминирование мужчин в этой этноконфессиональной группе, на наш взгляд, связано преимущественно с негативным отношением ее значительной части к русским и православию. При этом многие поляки являлись участниками национально-освободительного движения и находились на территории России не по доброй воле. Особый рост ссыльных произошел после восстания 1863–1864 гг. и с разрешением определенной категории из Сибири переселиться в Казанскую губернию [8, с. 17].

При изучении источников XVIII и XIX вв. касательно характеристики религиозного состава России очень много вопросов возникает к определениям протестантских учений, так как в огромном количестве документов и литературы того периода они элементарно путались с представителями других неправославных религиозных групп: старообрядцами, иноверцами, католиками, иудаистами и др. Особенности учения, богословия или ритуализма и культа отличаются широким многообразием, что не всегда корректно отображалось в литературе и документации рассматриваемого периода. Часто представители иноверцев или даже отдельных групп старообрядцев назывались протестантами (пусть даже и без использования именно этого термина), поэтому имеет смысл более четко разграничить неправославные религиозные группы России XVIII–XIX вв.: старообрядцы, иноверцы и непосредственно сами протестанты.

Огромное значение для изучения особенностей конфессиональной политики государства по отношению к иноверцам имеет анализ законодательных актов. Правовой статус западных христиан был прописан в «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Свод содержал в себе уставы разных протестантских организаций, существовавших в России, например, уставы Евангелическо-лютеранских церквей. В них прописывались права и обязанности этих религиозных объединений, а также их взаимоотношения с органами власти Российской империи и Православной церковью. Свод фиксировал неполноценное положение протестантов по отношению к официальной церкви, к примеру, закреплял запрет на миссионерскую деятельность среди православного населения [2, с. 415].

В годы первой русской революции российское правительство было вынуждено заметно смягчить конфессиональную политику по отношению к религиозным меньшинствам, в том числе и старообрядцам. 17 апреля 1905 г. вышел указ «Об укреплении начал веротерпимости». Этот документ отменял ответственность за выход из православия и переход в иное исповедание. Помимо этого, он отменял еще ряд важных дискриминационных ограничений по отношению к неправославным христианам и, по большому счету, закреплял свободу вероисповедания в России. Следом за указом 17 апреля были приняты и другие заметные законодательные документы, начавшие новый курс правительства в конфессиональном вопросе. Это, безусловно, лишь малая часть из широкого спектра государственных нормативно-правовых актов, заметно повлиявших на жизнь протестантских общин на территории Среднего Поволжья [4, с. 61].

Проблема изучения источников XVIII и XIX вв. касательно характеристики религиозного состава России является крайне спорной темой, связанной в том числе с определением разных протестантских религиозных

учений, так как в огромном количестве документов и литературы того периода они элементарно путались с представителями других неправославных религиозных групп: старообрядцами, католиками и др. Особенности учения, богословия или ритуализма и культа отличаются широким многообразием, что не всегда корректно отображалось в литературе и документации рассматриваемого периода. Часто представители иноверцев или даже отдельных групп старообрядцев назывались протестантами (пусть даже и без использования именно этого термина), поэтому имеет смысл более четко разграничить неправославные религиозные группы России XVIII–XIX вв.: старообрядцы, иноверцы и непосредственно сами протестанты. Согласно данным переписи 1897 г., например, в Симбирской губернии насчитывалось 31 384 человека (2,05 % населения), так называемых раскольников и сектантов, а также 1283 человека (0,08 %) протестантов [5, с. 35].

В источниках рассматриваемого периода можно увидеть, что к числу протестантских движений порой относились группы старообрядцев как перекрещенцы, поморцы, поповцы и безпоповцы, а также нетовцы, брачники и безбрачники. В основном они относились к религиозным общинам, не принимаемым православной церковью: из-за отказа подчиняться церковным властным органам; выхода из православных общин; преднамеренного избавления от элементов традиционного для православия церемониального ритуализма, а также игнорирования системы церковной иерархии с санами и чинами [7, с. 103].

Если же говорить о распространении протестантских конфессий в России, то в первую очередь стоит упомянуть пять основных религиозных групп: более ритуальных и близких по быту и культу к православию лютеран и кальвинистов, а также более подпольных штундистов, молокан и баптистов. Согласно данным уже упомянутой выше переписи населения 1897 г. в Европейской части России насчитывалось около 3,3 % населения, относившего себя к протестантским вероучениям и общинам [1, с. 182].

Однако уже в постреволюционный период движение столкнулось с немалым количеством гонений и признаний вне закона, что вынудило их снова уходить в подполье для сохранения приверженности учению.

Список источников и литературы

1. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий) / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.

2. *Клаус А.А.* Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.

3. *Курило О.В.* Лютеране в России, XVI–XX вв. М.: Лютеранское наследие, 2002. 400 с.

4. Памятная книжка Казанской губернии за 1889/90 год: в 2 ч. / издание губернского статистического комитета; составил секретарь стат. комитета В. Люстрицкий. Казань: Тип. Губ. правл., 1890. [2], XVI, 224, [1], 72 с.

5. Справочная книжка по Симбирской губернии на 1899 год: в 2 ч. / сост. В.И. Виноградов. Симбирск: Губ. тип., 1899. 205, IV, [1] с.

6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.]: Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1899–1905. Казанская губерния. 1904 (обл. 1903). [4], XVI, 284 с.

7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.]: Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1899–1905. Симбирская губерния. 1904. [4], X, 177 с.

8. *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии: [переписка А.А. Фукс с К.Ф. Фуксом]. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1840. [4], 329 с.

N.N. Petrenko

THE ORIGIN AND SPREAD OF PROTESTANT RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE RUSSIAN VILLAGE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. This article reveals the main directions, reasons and processes of the Protestant migrant movements' spread on the territory of Russia in the period from the 16 th up to 19th centuries. The most numerous groups and peculiarities of their religious activity formation among the rural population of the Middle Volga region have been singled out.

Keywords: immigrants, pre-revolutionary Russia, the Protestants, the Middle Volga region, Christianity.

УДК 316.42(470.57)(-512.111)(091)”16/18”

И.В. Сухарева

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧУВАШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В данной статье рассматривается социально-правовое положение чувашского населения края, входящего в тептяро-бобыльскую группу, а также в категорию государственных крестьян, обусловленных функционированием их в системе государственного феодализма.

Ключевые слова: чувашское население, чуваши-переселенцы, социальная структура, припуск, Башкирия.

Башкирия не стала объектом иной социальной политики царизма. Несмотря на то, что здесь социальная обстановка имела свои особенности, чем в пределах бывшего Казанского ханства, на нее распространялась та же политическая линия, рассчитанная на расширение и укрепление своей социальной опоры за счет верхушечных слоев населения.

Территорию Башкирии в изучаемый период населяли народы, принадлежавшие к различным категориям крестьянства. Правящий класс состоял из самого феодального государства, русских и башкирских светских и духовных феодалов, а также незначительной верхушки пришлого нерусского населения.

Своеобразие социально-экономических отношений края определялось тем, что коренное и пришлое население стояло на разных ступенях экономического развития. В экономическом отношении это выражалось в господстве натурального хозяйства и слабом развитии производительных сил края, чему способствовало широкое распространение кочевого скотоводства среди коренной части населения. В крае сосуществовали различные формы феодальных отношений. Несмотря на заметные социальные сдвиги, в башкирском обществе по-прежнему господствовали присущие кочевым и полукочевым народам патриархально-феодальные отношения, сильны были пережитки родового строя, отношения между башкирским обществом и государством были феодальными. Русское население переживало стадию позднего феодализма. А остальное население – чуваши, марийцы, мордва, удмурты – в зависимости от условий поселения на новых землях оказывалось либо в сфере патриархально-феодальных отношений, либо позднего феодализма, либо испытывало влияние обеих сфер одновременно.

Основная линия развития производительных сил края заключалась в росте земледелия за счет сокращения скотоводства. Поскольку экономи-

ческому быту населения соответствовал его социальный быт, с усложнением и развитием экономических отношений развивалась и сложная форма социальных отношений, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию и углублению феодальных отношений в башкирском обществе. Особенно отчетливо это прослеживалось в земледельческих районах, где вместе с развитием земледелия ускоряется процесс превращения общинной земли в частную собственность, в то время как в кочевых районах пережитки патриархальных отношений были более устойчивы.

Глубинные процессы социально-экономического порядка постепенно подрывали изнутри относительное единство общинной организации. Башкирская община официально хотя и являлась коллективным земельным собственником, где каждый общинник как член данного коллектива был равноправным совладельцем общей собственности, фактически же преимущественное право во владении и пользовании общинной землей имели те башкиры, которые владели и пользовались большей частью земель, распределяли их, припускали посторонних, отдавали на оброк. В результате этого рядовые общинники оказывались в их зависимости. Явления социальной поляризации стали проявляться еще заметнее с внедрением товарно-денежных отношений.

Появление в Башкирии пришлого населения, различного по своему этническому составу и социальному положению, осложнило социальные отношения в крае. В связи с тем, что земли находились в руках башкир, пришлое население вынуждено было приспосабливаться к существующим условиям, вступать в определенные отношения с владельцами земель, в первую очередь, с башкирскими феодалами. Последним это давало возможность воспользоваться их трудным положением и реализовать свои права феодальной собственности на землю по отношению к пришлому населению в форме припуска. Благодаря этому башкирские феодалы находили объекты для эксплуатации и вне общины.

Пришлые чуваши припускались в общину для пользования земельными угодьями в качестве арендаторов, и лишь в отдельных случаях – в качестве владельцев. Так, значительная часть чувашей составила тептяро-бобыльское население, большинство из которых по социальному положению составляли полубедняцкие и бедняцкие прослойки. Так образовался в крае социальный слой, противостоявший земледельцам-башкирам.

Оброк, собиравшийся с них, в основном взимался в денежной форме и предназначался для покрытия части общинных повинностей и различных государственных платежей, но в значительной своей доле он поступал в руки феодалов. Поскольку башкиры «извлекали из них больше выгоды», они «охотно принимали новых пришельцев» [19, с. 324; 20, с. 87–88]. Так, в одном из документов 1737 г. в момент допроса чувашей, один из допрашиваемых на

вопрос о том, слыхал ли он, что «в башкирских жилищах (им. – *И.С.*) быть не велено?» отвечал: «Ея императорского величества указы, чтоб в башкирских жилищах мещерякам, чювашам и черемисам жить не велено, я слыхал и от них хотел отъехать, и нас они башкирцы не отпущали и все – скот и пожитки у меня обрали» [10, с. 321].

О заинтересованности старшин и сотников в оброке с угодий, отдаваемых в припуск, свидетельствует и поданная императрице Анне Иоановне в 1738 г. челобитная об издании указа, подтверждающего их права на взимание оброка с припущенников. Хозяева земельных угодий взимали оброк с чувашей, главным образом, с пашен и мельниц, построенных на их землях, где они поселялись. Об этом, к примеру, свидетельствует недоимка земельного сбора 3 руб. и пеня 1 руб. 68 коп. за мельницу, находящуюся при деревне, которая числилась за крестьянином Е. Алексеевым из д. Кайраклы Мензелинской волости с 1893 г. «Сам недоимщик умер, имущество не оставил, жена его имеет мельницу, избу, одного жеребенка (5 руб.) и сына 16 лет, находящегося в работниках» [10, с. 144–145].

Припускная зависимость чувашей от башкир, владельцев земли, хотя и не выходила за рамки арендной зависимости, однако, как видим, были случаи, когда арендаторы попадали в зависимость от башкирских феодалов, которые использовали их в качестве рабочей силы. Говоря об этом В.Э. Ден писал: «...они должны были платить владельцам оброк, причем впадали и в известного рода личную зависимость от последних» [3, с. 291]. П.И. Рычков также сообщал, что башкиры «почти за своих крестьян их почитали» [19, с. 324; 20, с. 87–88]. Например, чуваш Казанского уезда Бектемир Нурсаев рассказывал в 1737 г. представителям местной администрации, что он четыре года находился «в работе» у башкира Исмаила, но, «не получив никакой платы за работу, убежал от него» [12, с. 137]. Есть и такие сведения, в которых сообщается о том, что 45-летний ясашный чуваш д. Верхнего Четая Арской дороги Казанского уезда Катыргул Катырметев, выехавший вместе с отцом Катырметем Басубиным 35 лет назад в д. Кусачево Бурзянской волости Ногайской дороги в Уфимский уезд, был продан отцом башкиру Кускею Илькееву, за что получил 3 лошади. Он прожил «у Кускея в работе 17 лет», и как «тех трех лошадей заработал» был отпущен на волю. А ясашный чуваш д. Тимяшево Казанской дороги Уфимского уезда Сеит Рахмангулов, «от роду 25 лет», выехал оттуда 9 лет тому назад и жил на Ногайской дороге «по разным волостям у башкирцов в работе», в том числе и «в Бурзенской волости у башкирца у Сеита и оттуда ушел назат тому месяца з 2 к родственнику» [10, с. 258].

Чуваши-переселенцы попадали также в зависимое положение, занимая деньги у башкир, у помещиков, которые в большинстве случаев они

отрабатывали. Например, по данным от 14 мая 1763 г., чуваши Казанской дороги Александр Федоров с товарищами заняли 239 руб. у Ахмера Шарыпова, башкирского старшины Каршинской волости, обязавшись свой долг «все сполна» заплатить через 2 года. Помимо тех денег они договорились «до оного срочного числа зделать… нынешним летом после пашни мельнечный анбар, состоящей на речке Кармасане, помольную избу, толчею, и на все то, что принадлежит до строения мельницы, лес, т. е. на вал, на колесы, на сваи, будущие под амбаром». Через 2 месяца они заняли еще 160 руб. у Шарыпа Мрякова с условием возвратить долг также через 2 года. И в этом случае чуваши обязались отработать долговые проценты, к примеру, заготовить 400 копен сена [10, с. 258, 263].

Некоторые из них, «не имея возможности заплатить свой долг, превращались в крепостных своего кредитора» [12, с. 139]. Примером тому может послужить «Бессрочная житейская запись башкирских, татарских и чувашских женщин и детей разных волостей Ногайской дороги писарю Уфимской ландмилиции М.П. Жукову» от 4 июля 1737 г., в которой упоминается чувашская девушка, дочь Кулчюма Янбетева из д. Токмаклы Казанской дороги Уфимского уезда наряду с другими, занявшая «на расплату долгов своих и для нынешнего за башкирским бунтом гладу и на необходимые свои нужды денег 25 руб.», за которые должна была жить «в работе у него, Жукова, и у жены ево, и у детей и наследников его вечно» [10, с. 365–366]. На это И.К. Кирилов еще в 1735 г. указывал: «Всемирно Уфе надлежит запретить иноверцов в исковых исках отдавать на поруки для платежа иску. Для этого разведал, подлинно, что таких множество у башкирцов и иноверцов в зажив головою з женами и з детьми живут и тем себя богатят и усиливаютца, до чего допускать не подлежит» [10, с. 493–494].

Из донесения оренбургского губернатора Д.В. Волкова в Сенат о необходимости расширения земледелия в Оренбургской губернии (1763) видно, что башкирам было запрещено иметь у себя работников из боязни, что их «число... умножится». В то же время он утверждал, что «работниками число башкирцов отнюдь не умножится, и они не усилятся. Все бывалыя в здешних местах ведают, что каждой и самой подлой башкирец почитает себя за некотораго дворянина подобно украинским казакам, каждой щитает, что он собственною своею землею владеет, предкам его от царя Ивана Васильевича за службу пожалованную, и каждой же башкирец чювашенина за самую презрительную и к одной подлой работе рожденную тварь почитает. Да что лучше чюваша и сами охотно тому мнению соглосоваться кажутся. Хотя, от великой и неусыпной их работы весьма мало им остается, они прилежат к ней так усердно, как бы в трудах находили они великую забаву, а чинимыя им от проходящих командов и от самых иногда… башкирцов обиды так терпеливо сносят, как бы тому так и быть надлежало» [10, с. 457].

Еще одна линия феодальных отношений в Башкирии проходила под властью горнозаводского землевладения. Приписанные к заводам государственные и ясачные чуваши попадали под власть горнозаводчиков. При этом их зависимость принимала форму обязанности крестьянина принудительно «заработать» на заводских работах деньги на феодальные платежи государству.

Юридическое положение государственных крестьян с припиской к заводам не менялось, так как они оставались в разряде государственных крестьян и сохраняли податную зависимость от государства. Экономическое же положение изменялось. Полное безразличие крепостнического государства к судьбе приписных крестьян открывало перед заводчиками широкую возможность для усиления феодальной эксплуатации, увеличения сроков заводской барщины и превращения ее почти в постоянную повинность. В результате, если до 1760 г. безлошадный крестьянин для отработки подати в летнее время тратил 22 рабочих дня, а в зимнее – $27^1/_2$ дня, то с 1760 г. время его пребывания на заводе увеличилось летом до 34 дней, зимой – до $42^1/_2$ дня [23, с. 37]. Бедность этих крестьян была велика, что они вынуждены были большую часть своей жизни довольствоваться пихтовою корою, которую они толкли в ступе, просеяв, смешивали с небольшим количеством ржаной муки и пекли лепешки. Некоторое повышение платы мало улучшило быт горнозаводских крестьян, как это видно из донесений 1774 г. капитан-поручика Маврина императрице Екатерине II, где он обращал внимание государыни на тяжелое положение приписанных крестьян, которые, по его словам, «отданы на жертву заводчикам, а эти хищники думают только о своей выгоде и алчно пожирают все крестьянское имущество». Хозяева посредством своих лавок на заводах обирают крестьян и так закабаливают их, что они принуждены быть «почти безсменно» у них в работе [22, с. 26–27]. И.И. Лепехин также писал, что Твердышев и Мясников чувашей д. Илек, расположенной в 37 верстах от Симского завода, ссужают деньгами в больших размерах – до 100 руб. и заставляют отрабатывать на заводе [9, с. 279–280]. При всевозможных вычетах и штрафах чуваши, будучи закабаленными, неизбежно становились крепостными заводовладельца. В результате многие из них переселялись на заводы, превращаясь в рабочую силу. Они уже теряли свои земельные участки в местах выхода и не всегда их получали при заводах [23, с. 40].

Заводовладельцы сдавали часть земельных угодий в аренду крестьянам или припускали их на заводские земли за определенную плату. Но аренда и припуск не влияли на социально-сословное положение арендаторов и припущенников. Они не попадали в личную зависимость от заводовладельцев. Собственник заводских земель не распоряжался личностью арендаторов и припущенников [5, с. 283, 285, 287].

Горные заводы к подвозке руды, стройматериала и на другие работы в широких масштабах привлекали и местное население.

В корне отличалось положение беглых. «Пользуясь бесправием и безвыходным положением беглых, заводчики ставили их в положение рабов, и малейшее недовольство, протест беглых вызывали репрессии; беглых немедленно хватали, выдавали в руки солдат, немилосердно пороли и затем отправляли на каторжные работы», – заметил В. Пистоленко [13, с. 87]. Встречались случаи, когда и помещики разрешали чувашским государственным и ясачным крестьянам, не являвшимся их крепостными, селиться на своих поместных владениях из припуска и вести хозяйство за арендную плату. Так, например, ясачные чуваши Свияжского, Чебоксарского, Казанского, Цивильского и Симбирского уездов стали припущенниками помещиков Башкирии, оставаясь при этом в категории ясачных крестьян [16, с. 17; 17, с. 116].

Поселяясь на помещичьих и заводских землях из припуска, чуваши платили им условленную сумму и соблюдали ряд договорных условий. Припуск ставил их в земельную зависимость от собственника. Но она не перерастала в крепостную форму зависимости. По существу, припуск являлся разновидностью свободной аренды земли, представлявшей лишь плату за аренду земли. Других повинностей в пользу феодала припущенники не несли. К тому же они могли съехать с земли помещика или заводовладельца в любое время. Подобный факт упоминался чуть выше, когда речь шла о чувашах, работавших на Златоустовском заводе. Превращение припущенников в крепостных означало бы перевод их в разряд помещичьих и горнозаводских крестьян и обложение феодальными повинностями, характерными для них, чего в действительности не было. Помещичьи и заводские припущенники сохраняли принадлежность к той социальной группе, к которой принадлежали и раньше.

Как известно, на башкирских землях поселились также чуваши – ясачные и государственные крестьяне, которые вели хозяйство на землях, отведенных казной. «Все живущие в Оренбургской губернии Чуваши принадлежат к сословию Государственных крестьян и бытом своим сходствуют с Русскими поселянами», – такое описание встречается в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» о чувашах [2, с. 46].

Они платили казне оброчные деньги за надельные земли. Часть из них вносила оброк натурой. На них лежали и различные феодальные повинности. Из-за непосильных феодальных повинностей малосостоятельные крестьяне все чаще и чаще лишались земельных угодий, скота. Нужда заставляла их занимать в долг деньги у помещиков, заводчиков, богатых крестьян на собственные нужды, для платежа ясака и других податей с условием отработки в хозяйстве кредиторов или наниматься в работники. Часть из них батрачила

у богатых односельчан и соседей, другая – уходила на отхожие промыслы – золотые прииски, рудники, лесоразработки и т. д.

Немало случаев займа денег чувашами на уплату государственных податей у разных лиц зафиксировано в сборниках «Материалы по истории Башкирской АССР». Так, например, в 1764 г. новокрещеный чуваш Иван Митряев, «по чюваски Самандей Ирдемеев», перешедший из Цивильского в Уфимский уезд и живший в д. Никишкино Казанской дороги, занял у уфимского помещика С.М. Аничкова 23 руб. 50 коп. сроком на 3 года. За это время он должен был находиться у него «высполовье и сеять на своих лошедях ероваго хлеба на каждой год по 2 загона». Если же за этот срок он деньги не выплатит, то ему надо было жить у него «хлеб сеять по 2 ж загона» и «подушные деньги платить самому» до тех пор, пока не расплатится с долгом [10, с. 275].

Новокрещеные чуваши д. Алмантаево Ногайской дороги Иван Гаврилов, Никифор Савельев, Иван Степанов со своими семьями, перешедшие из Казанского в Уфимский уезд в 1765 г., также заняли на необходимые свои нужды, т. е. на платеж подушных денег у уфимского купца А.М. Подьячева 70 руб. сроком на 8 лет, за что должны были «сеять в те 8 лет из ево собственных семян на каждой год хлеба рженаго по 12-ти, ероваго по 12-ти ж загонов». Для работы и пропитания им выделялись 3 кобылы, 2 коровы, будущий приплод от которых делился пополам. Помимо этого, они должны были присматривать за скотиной хозяина: «...в зимние времена поить и кормить», а «летними временами в те 8 лет в каждой год косить и ставить» «сена по 200 копен, кои и в стоги сметать». По истечении 8 лет вся скотина возвращалась обратно [10, с. 309–310].

В том же положении оказались в 1772 г. чуваши Яков Григорьев «почуваски Порис, з женою своею Матреною, по-чуваски Теверби, Матвей Григорьев Мартын холостой, Прокофей Семенов Хойдюк з женою ж своею Ариной и сыном Петром», также живущие в д. Алмантаево Казанской дороги. Они заняли у коллежского регистратора И.А. Черкашенинова на расплату долгов денег: Яков и Матвей – 25, а Прокофей – 14 руб. сроком на 5 лет с условием: «...жить на оброчной ево и нашей земле» и «каждый год пашни пахать» – «Якову и Матвею по 10-ти, а Прокофьеву по 5-ти загонов в год». Кроме того, они должны были в летнее время присматривать за его скотиной, зимой привозить «сено и солому рженую и еровую» и «ежегодно косить и стоги метать… сена 100 копен». Им еще выделялся скот: по 1 кобыле, 1 мерину, 1 корове и по 1 овце каждому, который по истечении 5-летнего срока возвращался обратно [10, с. 361–362].

В 1777 г. чуваш Федор Андреев, «по-чуваски Уxандер з детьми своими Иваном да Васильем Федоровыми», житель д. Кубово Сибирской дороги

Уфимского уезда, занял 30 руб. у отставного вахмистра М.И. Третьякова с условием изготовить к сентябрю 1778 г. кирпичей «зженых 20 000 на ево хлебе и харчу и дачею от него, Третьякова, песку и ево дров, мерою каждой кирпич в длину в 8, в ширину в 4, в толщину в 2 с половиною вершка» [10, с. 63]. С условием отработки части долга у уфимского купца В.В. Ветошникова в 1780 г. занял 50 руб. еще один житель д. Кубово, новокрещеный чуваш Алексей Михайлов, для чего ему от выборного Михаила Иванова и старосты Тимофея Степанова было дано увольнительное письмо [10, с. 108].

В «Материалах...» зафиксировано еще несколько документов с подобным содержанием. В одном из них сообщается о том, что в 1780 г. чуваш д. Камышенка Казанской дороги Уфимского уезда Матвей Данилов у жены подканцеляриста Алексея Лутохина, Авдотьи Ивановой, взял 20 руб. с условием, что будет жить у нее с женой Федорой Кириловой «во всякой домовой работе 1 год» [10, с. 121–122]. В декабре 1781 г. чуваш д. Бегеняш (Аманеева тож) Оренбургского уезда Егор Иванов занял у уфимского второй гильдии купца А.М. Подъячева на расплату долга 35 руб., за что в течение 1 года должен был с увольнительным письмом «жить в домовой всякой работе» [10, с. 129].

Кроме вышеприведенных примеров сохранилось немало других заемных, долговых и житейских записей, в которых указывается на то, как должники были обязаны отработать части долга на земле кредитора [25, с. 55]. В них отражаются взаимоотношения богатой и беднейшей части населения. Исходя из этого, по утверждению В. Ефремова, в самом начале XVIII в. между инородческими племенами Уфимской провинции существовали отношения, подобные крепостническим. Он пишет: «...инородческое население Башкирии состояло из башкирцев и мещеряков, древних поселенцев, и тептярей, и бобылей, поздних пришельцев, которые составляли как бы род крепостных по отношению к башкирам» [4, с. 248–249].

Ряд исследователей придерживались противоположной точки зрения. В частности А. Кривощеков утверждал следующее: «Замечательно, что Оренбургская губерния почти не видела крепостного права. Почти все крестьяне, за исключением незначительной части, были государственные, платящие оброк в казну и доставлявшие провиант для пограничных крепостей» [7, с. 40–41].

Пришлое чувашское население также не было однородным в классовом отношении. Среди них были и представители господствующего класса (чувашские коштаны и пуяны), сохранявшие свое привилегированное положение на новом месте, в то время как крестьянская масса (тептяро-бобыльская группа чувашей, или ясачные чуваши) попадала в зависимое положение. Определяющим в их положении было то, представителями какого класса они являлись, а также причины переселения, строй социальных отношений на месте выхода и условия заселения в Башкирии.

Кроме того, со второй половины XVIII в. среди чувашского населения края наблюдаются процессы углубления имущественного неравенства. Несмотря на то, что подавляющее большинство «ясачных» чувашей находились в состоянии прогрессирующего разорения, в этой среде постепенно формируется феодальная верхушка и «выделяется тонкий слой "лучших", "прожиточных", "мироедов" – коштанов и пуянов» [14, с. 260].

Первоначальное ядро ее составили переселившиеся «лучшие люди», феодалы-припущенники в числе тептярей и бобылей, которые, находя общий язык с башкирской феодальной верхушкой, заселялись на льготных условиях. Большую роль в устранении зависимого положения припущенников от вотчинников сыграла и политика царизма. Н.И. Рычков, к примеру, отмечал, что «начальники сего народа суть старшины и сотники из них же избираемые. Должность их состоит в решении их домашних ссор и в нарядах, ... куда их по присылаемым указам из губерний и провинций требуют» [18, с. 140].

Позднее их ряды пополнялись припущенниками, освобождавшимися от зависимости башкирским феодалам. По мере укрепления своего положения поселенцы, скупая башкирские земли, иногда прибегая к прямым захватам, приобретали самостоятельность [15, с. 12]. Так, в Башкирии появилась зажиточная часть пришлых чувашских крестьян, эксплуатировавшая народные массы наряду с представителями башкирской и русской феодальной верхушек.

Прослойка зажиточных крестьян особенно была значительной среди государственных крестьян. Они, по мнению В.М. Черемшанского, засевали по 30 и более десятин хлеба, содержали десятки голов скота, прибегали к труду наемных работников. Чаще всего их можно было встретить почти во всех уездах. Так, например, в д. Кожаево (Менеузбаш) Белебеевского уезда одна чувашская семья имела «3 избы: 1 белая, крытая соломой и 2 черных, 4 амбара, летняя кухня, крупная повозка, 2 сабана, 3 бороны с железными зубьями, 6 ременных хомутов, 1 кожаный тулуп, другие овчины, самовар зеленого цвета, 21 лошадь разных мастей, 3 жеребенка, 3 коровы с 2 телятами, 25 овец, 2 копны ржаного хлеба, столько же копен овса, наличных денег 363 рублей» [11, с. 734].

Социально-имущественная дифференциация крестьянства усиливается особенно после отмены крепостного права в 1861 г. Относительно свободное положение государственных крестьян способствовало развитию среди них капиталистических отношений. В.И. Ленин по этому поводу писал: «Именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне меньше всего страдают от малоземелья, оброков, тяжелых податей, там всегда больше развивается капитализм в земледелии» [8, с. 628]. В то время участились случаи покупки земли зажиточными крестьянами у государства, у башкир и у своих обед-

невших собратьев, взятие ее в оброчное содержание, а также аренда государственных и частновладельческих земель малоземельными крестьянами и наем их на работу зажиточными. Все это являлось свидетельством расслоения населения. В документах, к примеру, говорится, что «рачительные хозяева хлебопашцы, к числу которых относится наибольшее число крещен, всегда засевают значительное количество земли, а ея-то у них далеко не хватало в участках, которыми они пользовались, то они постоянно нуждались в найме земли у башкир и, таким образом, всегда состояли с ними в самых тесных отношениях и в самой зависимости от них касательно самого существенного и насущного для крещен жизненного вопроса и почти не выходили из имущественного подчинения своих интересов башкирам-вотчинникам» [24, с. 212]. Так, аллагуватовские чуваши, составлявшие одно общество с татарами и имевшие землю в общем владении, зависели от них. Это проявлялось в том, что они своим муллам выделяли луга и землю из общинной земли и только из своей среды выбирали должностных лиц: сельского старосту, полицейского сотника, сборщика податей. В связи с этим чуваши составили приговор об отделении от татар и образовании своего чувашского общества, который подали в уездное по крестьянским делам присутствие.

Более сложными оказались земельные и связанные с ними национальные отношения в Зиргане, где в конце XIX в. чуваши, живя среди магометан – башкир и татар, постепенно подпали под их влияние как в образе жизни, так и в религиозном отношении. Причем магометанства большей частью придерживались богатые и видные чуваши, так как татары старались прежде всего завербовать в свое учение именно людей влиятельных, на которых остальные привыкли смотреть и во всем подражать. Бедняки о богатых говорили: «Бог дает удачу в делах, потому что они держат татарскую веру, а мы бедны, оттого что держим русскую» [6, с. 277–278].

Для большинства крестьян очень обременительными были различного рода налоги. К примеру, крестьяне Ишпарсовской волости Стерлитамакского уезда платили оброк по высшему разряду, потому что земля у них была плодородна, и они, кроме того, занимались рыболовством и пчеловодством. В результате чего многие из них разорялись и пополняли обедневшие слои. Это наблюдалось повсеместно. Например, о том, насколько были бедны чуваши д. Кош-Елга, говорит тот факт, когда, не сумев собрать необходимые 2000 руб. на строительство храма, они эту сумму вынуждены были занять у местного богатея Леонтия Осипова, предоставив ему в аренду 60 дес. своей земли на 12 лет [26, с. 126].

Положение усугублялось еще и тем, что чувашские крестьяне находились под двойным гнетом: они подвергались эксплуатации как со стороны башкир и зажиточной части населения, состоявшей из представителей своей национальности, так и со стороны царской администрации. Олицетворением

гнета для них были и представители государственного аппарата – от губернатора и до служителей местных канцелярий.

К концу XIX – началу XX в. прослойка зажиточных крестьян выросла в количественном отношении и фактически имелась в любом населенном пункте края. Об этом говорится в «Воспоминаниях» С.Т. Аксакова, который, в частности, писал: «...последовало приказание завернуть в чувашскую деревню для ночевки», где «отыскали выборного, должность которого на этот раз, за отсутствием мужа, исправляла его жена – чувашка; она отвела нам квартиру у богатого чувашенина, который имел несколько изб», «одну из них очистили совершенно для нас» [1, с. 46]. В «Сборнике постановлений Белебеевского уездного земского собрания» за 1900 г. упоминается Николай Михайлов, живший в д. Старо-Семенкино «не просто зажиточно, а богато» [21, с. 277]. Подобные данные есть и в работе А.А Кондратьева, где говорится: «Беляев был одним из богатых жителей села. Он в Слакбаше, а также в Белебее и на железнодорожной станции Абдуллино содержал магазин. Иногда во время пиршеств отец поэта (К.В. Иванова. – *И.С.*) Василий Николаевич, чувствуя силу своего кошелька, объявлял гостям: “Могу купить самого Егора Беляева”» [6, с. 59].

Как видим, в социально-экономической жизни края происходили серьезные изменения. Особенно со второй половины XIX в. социальные отношения в Башкирии отличались противоречивостью. С одной стороны, расширялись и углублялись феодальные отношения, что являлось следствием колонизации края и перехода башкирского населения к земледелию. С другой стороны, постепенно развивались буржуазные отношения в экономике и социальной сфере, проявлявшиеся в росте товарно-денежных отношений, усилении классовой дифференциации и появлении зажиточной прослойки среди населения, эксплуатирующей наемную рабочую силу.

В целом, пришлые чуваши наряду с другими народами, прибывшими из районов развитого земледелия, оказали благотворное влияние на коренных жителей края. В изучаемый период под их влиянием были освоены огромные территории земель под хлебопашество, и значительная часть башкир прочно осела на земле, перейдя от кочевого хозяйства к земледелию.

Немаловажным фактором на территории края был взаимный обмен сельскохозяйственным опытом между пришлыми и местными народами. В процессе их активного взаимодействия и взаимного сотрудничества произошли значительные перемены в хозяйственном и культурно-бытовом укладе как башкирского, так и пришлого населения.

Наиболее значительным было влияние русского народа, которое испытывало все население во всех областях хозяйственной и культурной жизни. Однако в большинстве случаев оно носило опосредованный характер, поскольку пришлые чуваши переняли многие хозяйственно-культурные тра-

диции русских еще до переселения. Поэтому, переселившись в Башкирию, вместе со своими обычаями и трудовыми навыками они передавали башкирам и друг другу и эти традиции. «Башкиры заимствовали у русских и нерусских пришлых земледельцев сельскохозяйственные орудия, учились приемам обработки почвы, посевам хлеба, уборке урожая и переработке продуктов зернового хозяйства» [12, с. 97]. В свою очередь, переселенцы и сами подвергались заметному влиянию коренных жителей края. Большие перемены происходили в методах ведения хозяйства и в технологии, где обмен между народами имел наиболее ощутимые результаты: расширялся ассортимент возделываемых культур, совершенствовалась техника земледелия, более интенсивной становилась система земледелия и севооборотов. «Вся земледельческая техника, – писал Р.З. Янгузин, – свидетельствует о том, что башкиры заимствовали ее у русских крестьян и народов Поволжья, которые, начиная с середины XVI в., постепенно проникая на территорию Башкортостана, приносили с собой и сельскохозяйственные навыки, и хозяйственный инвентарь» [27, с. 26].

Смена различных систем земледелия в Башкирии являет собой замечательный пример применения традиционного опыта и его приспособления к новым экологическим и социально-историческим условиям. Чуваши не только переносили на новые земли привычные приемы хозяйствования, но и смело обращались к опыту местного населения, каким бы примитивным ни казался этот опыт. Тяжелые почвы после перелога и залежи потребовали применения пахотных орудий плужного типа. Переселенцы приспосабливались к местным условиям, поэтому у них еще во второй половине XIX в. можно было встретить и старинный башкирский сабан, и аналогичные ему русский деревянный плуг, чувашский плуг *акапуç* и т. д. Одновременно сохранялась, видоизменялась и совершенствовалась соха, поскольку крестьянам приходилось иметь дело и с рыхлыми старопахотными почвами. Разнообразие почвенных условий и применяемых систем полеводства обусловили многообразие типов и форм пахотных орудий. Поволжско-приуральские народы применяли для обработки пашни русскую соху, имевшую много разновидностей. Вместе с тем русские пахари при подъеме тяжелых почв степной полосы обращались к традиционным орудиям здешних хлеборобов: татарско-башкирскому сабану, чувашскому плугу *акапуç* и т. д. Одновременно выработались такие пахотные орудия, которые представляли собой сочетание качеств исходных компонентов (соха-колесуха).

Разнообразные приемы и способы применялись в уборке хлебов, в укладке и сушке снопов, в молотьбе и обработке зерна, при которых учитывались особенности хлебов, климат, обеспеченность инвентарем и рабочими руками. Сказывались также традиционное взаимодействие и взаимовлияние народов. В частности, в молотьбе применялись и классический цеп, и ко-

лотушка, и старинный прием скотоводов молотить хлеб с помощью лошадей и т. д. Таким образом, трудовые навыки чувашей и других народов объединялись в единый комплекс.

Взаимовлияние происходило и в области животноводства. Пришлое население впитывало опыт разведения скота местных пород. В свою очередь некоторые виды ремесел испытали благотворное влияние пришлого населения. Значительному влиянию чувашей и других народов подверглось столярное и плотническое дело. Колесный и санный транспорт, сплавные средства, кузнечные инструменты в крае были однотипны у всех народов. Даже наиболее тесно связанные с национальным бытом домашние производства и женские ремесла не были исключением. Причины подобной нивелировки необходимо искать, главным образом, в истории народов, в их длительном и постоянном общении, в перекрестных заимствованиях в быту и хозяйстве.

Список источников и литературы

1. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова внука. М.: Камея,1996. 461 с.: ил.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Оренбургская губерния. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 2. 121 с., [21] л. табл.

3. *Ден В.Э.* Население России по V ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. М.: Универ. тип., 1902. Т. 2. Ч. 2. [6], 319 с., 1 л. табл.

4. *Ефремов В.* Из истории Уфимского края // Вестник Оренбургского учебного округа. № 7–8. 1913. 16 [8] с.

5. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / [Х.Ф. Усманов, Г.Н. Матюшин, И.Б. Васильев и др.]; отв. ред. Х.Ф. Усманов; Рос. акад. наук, Уфим. науч. центр, Ин-т истории, языка и лит-ры. Уфа: Китап, 1996. 519, [1] с.

6. *Кондратьев А.А.* Свет из Симбирска. Уфа: [б. и.], 1998. 300 с.

7. *Кривощеков А.* Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий отчет заселения и развития края. Уфа: Печатная Н.К. Блохина, 1913. 45 с.

8. *Ленин В.И.* Некритическая критика // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1967. С. 611–636.

9. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768–1769 гг. Ч. 1. СПб.: Императ. Акад. наук, 1795. 538 с.+ 23 табл. с ил.

10. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Д. 146. Т. 1. Ч. 1. Вып. 7. С. 321; Д. 31. С. 144–145; М., 1949. Т. 3. Д. 437. С. 365–366; Д. 549. С. 493–494; М., 1956. Т. 4. Ч. I. Д. 202. С. 258; Д. 207. С. 263; Д. 221. С. 275; Д. 273. С. 309–310; Д. 329. С. 361–362; Т. 4. Ч. 2. Д. 49. С. 457; М., 1960. Т. 5. Д. 30. С. 63; Д. 106. С. 108; Д. 124. С. 121–122, 129.

11. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 106. Оп. 1. Д. 473.

12. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.

13. *Пистоленко В.* Из прошлого Оренбургского края. Чкалов: Чкалов. обл. изд-во, 1939. 149 с.

14. *Преображенский А.А.* Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII–XVIII вв. // Исследования по истории и историографии феодализма. М.: БФАН СССР, 1982. С. 248–261.

15. *Рахматуллин У.Х.* К вопросу о припуске на башкирские земли в первой половине XVIII в. // Страницы истории Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1974. С. 4–12.

16. *Рахматуллин У.Х.* Крестьянское заселение Башкирии в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII–XX вв.: сб. статей. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 3–25.

17. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука,1988. 188 с.

18. *Рычков П.И.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1769 и 1770 гг. СПб.: При Императ. Акад. наук, 1770. [8], 190 с., 8 л. карт.

19. *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. II. СПб., 1759. № 1–8. С. 324.

20. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. С. 87–88.

21. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания 1900 года с приложением XXVI очередного собрания. Уфа,1901. 772 с.

22. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1–2. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1881–1901. Т. 2. 1901. XLV, 865 с.

23. *Сергеева Н.И.* Крестьяне и работные люди заводов Южного Урала в крестьянской войне 1773–1775 гг. // Ленинградский библиотечный институт. Труды. Т. 2. Л., 1957. С. 33–47.

24. Уфимские епархиальные ведомости. 1886. № 7.

25. *Усманов А.Н.* Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа: [б. и.], 1971. С. 22–74.

26. Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы / [В. П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г. Б. Матвеев и др.]; редкол.: В.П. Иванов (отв. ред.) и др.; НИИ языка, лит-ры, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. 130, [5] с.: ил.

27. *Янгузин Р.З.* Дореволюционное хозяйство башкир в советской историко-этнографической литературе // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Учен. зап. Башкирского государственного университета. Серия: Историческая наука. № 17. Уфа, 1975. Вып. 86. С. 23–39.

I.V. Sukhareva

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF THE CHUVASH POPULATION OF BASHKIRIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. This article deals with the socio-legal status of the Chuvash population of the region, included in the teptyar-bobyl group, as well as in the category of state peasants, conditioned by their functioning in the system of state feudalism.

Keywords: Chuvash population, Chuvash settlers, social structure, fiefdom, Bashkiria.

УДК 39(=512.111)

Л.А. Таймасов

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ КРЕЩЕНЫХ ЧУВАШЕЙ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Исследование этнокультурных трансформаций в российском социуме пореформенной эпохи является одной из тем, важных для понимания модернизационных процессов не только второй половины XIX в., но и современности. Несмотря на десятилетия господства атеистической идеологии, в настоящее время большая часть чувашского этноса относит себя к православным, многие соблюдают правила церковной жизни. В Чувашской митрополии количество действующих монастырей и церквей превзошло число культовых центров рубежа XIX–XX вв. В период становления новой России чуваши не поддались миссионерским воздействиям иных конфессий, остались верны конфессиональному выбору в пользу православия, что во многом связано с практикой христианского просвещения во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены основные факторы, оказавшие действенное воздействие на изменение религиозных верований чувашей.

Ключевые слова: чуваши, религия, православие, христианское просвещение, буржуазные реформы, этноконфессиональные процессы.

Во второй половине XIX в. произошли существенные изменения в жизнедеятельности российского общества. Существенно выросла численность населения страны: с 74 млн чел. в 1860 г. до 120 млн в 1897 г. В Казанской губернии в середине XIX в. насчитывалось 1 574 142 чел. [9, с. 23], а в конце века – 2 170 665 чел. [10, с. 49], т. е. рост составил 72,5 %. По данным 1860 г., чуваши среди народов губернии занимали третье место по численности – 338 440 чел. (21,5 %), уступая русским, насчитывавшим 691 192 чел. (43,7 %), и татарам – 426 521 чел. (27,3 %), марийцев было 89 728 чел. (5,7 %), мордвы – 19 013 чел. (1,2 %), удмуртов – 7826 чел. (0,5 %), всех остальных народов – 1422 чел. (0,1 %) [9, с. 21–22]. К концу века численное соотношение народов изменилось незначительно. Некоторое сокращение произошло в темпах прироста русских: хотя их число выросло до 833 340 чел., в общей структуре населения губернии они составили 38,4 %. Чувашей стало 502 042 чел. (23,1 %), татар – 675 419 чел. (31,1 %) [10, с. 49].

Таким же мозаичным был конфессиональный состав населения Казанской губернии: к концу XIX в. явное большинство составляли христиане, среди которых доминировали православные – 1 495 106 чел. (68,8 %). Представителей иных христианских конфессий было мало: единоверцев – 1491 чел. (0,1 %); раскольников – 23 534 чел. (1,1 %); других неправославных христиан – 3378 чел. (0,2 %). Вторую по численности конфессиональную

общность представляли мусульмане – 633 024 чел. (29,2 %), язычников насчитывалось 12 524 чел. (0,60 %), иудеев 198 чел. (0,01 %) [10, с. 49].

Статистические данные не в полной мере отражают реальное религиозное положение в губернии. Основную часть русских можно отнести к православным, хотя среди них встречались приверженцы разных неправославных христианских конфессий. Единичные случаи перехода православных русских в неправославные исповедания или сектантство имели место, а принятие ими ислама, иудаизма не зафиксировано.

В пореформенный период правительство и Русская православная церковь (РПЦ) обратили особое внимание на религиозную ситуацию в стране. Религиозная и национальная политика осуществлялась в рамках уваровской теории официальной народности. Светская и духовная власти в качестве важной государственной задачи выдвигали утверждение православия в многосложном российском обществе. Христианское просвещение «инородцев» рассматривалось в качестве локомотива этнокультурных процессов, поэтому миссионерско-просветительские проекты получали административную и финансовую поддержку [12, с. 266–267].

Беспокойство властей вызывали мусульмане, крепко державшиеся религии предков и оказывавшие значительное воздействие на новокрещеных и язычников. К середине XIX в. «отпадения» крещеных татар и некоторых других народов в ислам стали столь частыми, что требовали от властей экстренных мер утверждения основ православия в Волго-Уральском регионе.

В середине XIX в. численность «новокрещеных инородцев» равнялась 495 642 чел., из них 338 440 чел. (67,9 %) были чуваши [9, с. 21–22]. Несмотря на меры административного и миссионерского воздействия, большая часть крещеных чувашей, считаясь православными, на самом деле являлась приверженцами традиционных верований. В контактных зонах проживания чувашей с татарами-мусульманами бывали случаи перехода новокрещен в ислам [14, с. 115–126]. Новокрещеная паства редко посещала богослужения, не соблюдала таинств, иногда вступала в конфликты с членами причта и т. д.

Индифферентное и негативное отношение чувашских крестьян к церкви было обусловлено тем, что административные, принудительные меры в религиозной политике и миссионерская практика не приводили к желаемым результатам. Неграмотные крестьяне не получали информацию о христианском вероучении, не испытывали нужды в новой религии, так как традиционные верования позволяли им удовлетворять религиозные потребности [12, с. 81–84].

В чувашских приходах практически отсутствовала коммуникация между причтом и паствой: их разделяли этнические, мировоззренческие,

социальные, языковые различия. Протестные настроения новокрещеных были вызваны также расходами на строительство и ремонт церквей. Отдельные пастыри, владевшие чувашским языком, стремившиеся наладить отношения с крестьянами, добивались успехов в миссионерском деле. Например, в приходе с. Ишаки еще в первой половине XIX в. благодаря усилиям священников В.П. Громова, А.А. Кречетникова чуваши стали активно исполнять церковные таинства и требы. Подобные примеры встречались крайне редко и не меняли общей картины негативного отношения крестьян к церкви и духовенству [6, с. 192].

Буржуазные реформы оказали значительное воздействие на характер и ход социально-экономических преобразований, затронули сферу религиозной жизни общества. Правительство актуализировало решение задачи укрепления православия, развития общероссийской гражданственности. Уделялось большое внимание подготовке кадров православного духовенства в соответствии с новыми обстоятельствами и вызовами. Снятие сословной ограниченности духовенства было призвано внести свежую струю в церковную жизнь. Для утверждения православия в «инородческой среде» правительством и церковью были выдвинуты следующие основные задачи: формировать общероссийскую гражданственность многоликого населения на основе православия, разрушить сословную замкнутость духовенства, повысить качество подготовки церковных кадров, улучшить материальное положение приходского духовенства и др.

К началу буржуазных реформ в Казани под руководством архиепископа Григория (Постникова) активную миссионерскую деятельность развернул преподаватель Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминский. Еще в годы учебы в духовной академии он изучил языки поволжских народов, а татарским овладел в совершенстве. Совершая поездки по селениям крещеных татар, изучил и критически проанализировал состояние православного миссионерства в регионе. Свое видение миссионерского просветительства он изложил в проекте «Миссия для татар», а также в ряде публикаций. Суть предлагаемой им миссионерско-просветительской системы заключалась в знаменитой триаде: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт церковный со священником во главе» [4, с. 218].

Переводческая комиссия возникла при Казанской академии еще в 1848 г. для составления переводов христианских текстов на татарский язык. Позже переводы осуществляли и на других языках народов Волго-Уралья. Чувашскими переводами священных писаний занимались Н.И. Золотницкий,

И.Я. Яковлев, Д.Ф. Филимонов и др. К концу XIX в. были изданы сотни чувашских книг, которые доходили до читателя через школы, церкви, торговые лавки, почтовые рассылки, частных носильщиков.

Христианское просвещение на основе системы Н.И. Ильминского проводилось учителями и священниками из среды народа. Кузницами церковных кадров стали Симбирская чувашская школа, открытая И.Я. Яковлевым при поддержке И.Н. Ульянова в 1868 г., Казанская инородческая учительская семинария (1872), возглавленная Н.И. Ильминским, а также двухклассные училища, чьи выпускники после специальных испытаний могли претендовать на звание учителя, продолжить обучение в духовных учебных заведениях или миссионерских курсах. Видными деятелями христианского просвещения чувашского народа в рассматриваемый период стали И.Я. Яковлев, А.В. Рекеев, М.Д. Дмитриев, Д.Ф. Филимонов, К.П. Прокопьев и др.

Наличие подготовленных учителей, учебных книг и пособий открывало перспективы обучения детей на родном языке, что способствовало распространению знаний о христианском вероучении на значительную часть населения. Хотя ведомственная принадлежность школ была различной (Министерства просвещения, Братства св. Гурия, церковные, земские, частные), в них обучение строилось на основе системы Н.И. Ильминского, что положительно сказалось на характере и ходе этноконфессиональных процессов. Количество школ постепенно росло: на рубеже XIX–XX вв. в чувашских уездах Казанской губернии функционировало 259 церковно-приходских школ, начальных учебных заведений было более 700 [13, с. 188].

На изменение религиозного мировоззрения новокрещеных большое воздействие оказало церковное богослужение и песнопение на родном языке. Если в недавнем прошлом новокрещеную паству приходилось заставлять исполнять церковные предписания, теперь многие чуваши превратились в убежденных христиан и по зову души направлялись в храмы. В церквях и монастырях создавались хоры, исполнялись песнопения на чувашском и русском языках.

Следует отметить роль общественных структур, повлиявших на религиозные верования новокрещеных. Так, весомый вклад в дело христианского просвещения поволжских народов внесли Братство св. Гурия, церковно-приходские попечительства, институт церковных старост и т. д. Политика и практика христианского просвещения новокрещеных народов, несмотря на ошибки, упущения, противодействие со стороны отдельных чиновников и церковных служителей, привели к трансформации религиозного мировоззрения значительной части чувашей от язычества к православию. В начале XX в. креще-

ных чувашей можно условно разделить на три группы: воцерковленные, двоеверцы и ревнители традиционных верований.

Сторонников православия становилось больше с каждым годом и по причине развития капитализма. Новые буржуазные отношения охватывали широкие массы населения, разрушали привычный уклад натурального хозяйствования: с одной стороны, грамотные крестьяне, усвоив основы христианского вероучения и русский язык, более решительно меняли традиционный образ жизни (осваивали новые технологии земледелия, занимались ремеслами, отправлялись на заработки), вступали в деловые отношения с представителями разных этнических, социальных и конфессиональных групп; с другой – социальная активность крестьян расширяла их кругозор, демонстрировала превосходство официальной религии.

Перемены в духовной культуре чувашей отразились в слиянии традиционных праздников с христианскими: *Раштав* с Рождеством, *Çăварни* с Масленицей, *Мăнкун* с Пасхой, *Çимĕк* с Троицей и т. д.; христианских образов с персонажами традиционной религии: Бог обрел черты *Çӳлти Турă* (Верховного Бога), Богородица – *Çӳлти Турă Амăшĕ* (мать Верховного Бога), и т. д. Более подробный анализ языческо-православного синкретизма в верованиях чувашей изложен в публикациях П.В. Денисова [1, с. 353–359], Г.В. Кудряшова [2, с. 140–145], Л.А. Таймасова [12, с. 436–438] и др.

До второй половины XIX в. икона не воспринималась новокрещеными как предмет религиозного почитания. Н. Охотников писал, что «у чуваш в углу только одна плохенькая закоптелая икона, на которую никто не обращает внимания...» [8, с. 28]. Подобные сведения приводили И.Я. Яковлев [15, с. 51–52], Н.В. Никольский [7, с. 101] и др. Однако постепенно отношение к христианским святыням менялось: чуваши их начали почитать, а в бытовых условиях они стали вытеснять традиционные культы хранителей домашнего хозяйства. Особым вниманием пользовались иконы Божией Матери и Николая Чудотворца. В церквях и монастырях Чувашского края почитаемыми являлись иконы Святителя Николая в Чебоксарском Свято-Троицком монастыре, Ишаковской Никольской церкви, Владимирской иконы Божией Матери в Чебоксарском Введенском соборе, Тихвинской иконы Божией Матери в Цивильской Богородицкой обители и т. д. Утверждению культа икон способствовали порой служители народной веры *юмзи*, которые для разрешения бедствий и болезней стали все чаще принуждать крестьян ехать помолиться какой-либо прославившейся православной святыне [7, с. 99]. В.К. Магницкий заметил, что в Чебоксарах местное население приходило к

иконе Николая Чудотворца «судиться», виновные сознавались перед ликом Господа в своих проступках [3, с. 230].

По подсчетам Н.М. Маторина, в начале XX в. «по Казанской епархии из всех чудотворных и чтимых икон 26 падает на культ Божией Матери разных наименований, следующим идет Никола Чудотворец, имеющий 12 чтимых изображений, затем уже Спаситель – 4, Параскева Пятница – 3, Иван Предтеча – 2, Сергий Радонежский – 1 и др.» [5, с. 100]. Помолиться перед чудотворными образами приезжали богомольцы из разных, порой довольно отдаленных мест. К явлениям, отражающим тягу чувашей к православию, следует отнести паломничество к христианским святыням. В ряде публикаций рассматриваемой эпохи встречаются примеры паломничества чувашей к святыням не только в Чебоксары, Казань и другие приволжские города, но и в Нижний Новгород, Москву и даже Иерусалим.

Смена вектора религиозности чувашей на православие особенно ярко проявилась в монастырском движении, принявшем на рубеже XIX–XX вв. поистине широкий размах. Так, по инициативе православных чувашей были основаны Михаило-Архангельский мужской монастырь в Козьмодемьянском уезде (ныне Моргаушский муниципальный округ), Александринский женский монастырь в Ядринском уезде (ныне Вурнарский муниципальный округ), Преображенская женская община в Чебоксарах [11, с. 70–91]. Возведение и содержание монастырских комплексов (церквей, келий, хозяйственных и иных строений) производилось за счет добровольных пожертвований верующих. В рассматриваемый период значительно возросло и количество церквей, превысив в чувашских уездах двухсотый рубеж.

Исследование показало, что во второй половине XIX в. в результате буржуазных преобразований в стране и проведения политики и практики христианского просвещения на основе системы Н.И. Ильминского произошла трансформация духовной культуры чувашского народа от традиционных верований к православию. Чуваши большей частью стали осознавать себя православными, хотя в их религиозном укладе сохраняются элементы язычества. Основными факторами изменений в религиозных верованиях чувашей в рассматриваемый период являлись развитие книгопечатания, успехи школьного обучения, богослужение и церковное песнопение на родном языке, а также рост социальной мобильности, межэтнических и межконфессиональных коммуникаций в условиях буржуазной модернизации российского общества.

Список источников и литературы

1. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.

2. *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 342 с.

3. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. VI. 268 с.

4. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 620 с.

5. *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края. М.: Безбожник, 1929. 174, [1] с.: ил.

6. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

7. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

8. *Охотников Н.* Записки чувашина о своем воспитании // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: Первая гос. тип., 1920. Т. 31. Вып. 1. С. 19–48.

9. Памятная книжка Казанской губернии на 1861–1862 год. Казань: Губ. тип., 1862. IV, 64, 23, 28, 80, 83, [5], IV с.: табл.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 14: Казанская губерния. М.: Изд. центр. статист. комитета МВД, 1903. 308 с.

11. *Таймасов Л.А.* Монастырское движение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 235 с.

12. *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 523 с.

13. *Таймасов Л.А.* Церковноприходские школы в системе школьного образования дореволюционной Чувашии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 182–189.

14. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. 264 с.

15. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. 694 с.

L.A. Taymasov

THE CHANGES IN RELIGIOUS BELIEFS OF THE BAPTIZED CHUVASH IN KAZAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract. The study of ethno-cultural transformations in the Russian society of the post-reform era is one of the topics important for comprehension the modernization processes not only in the second half of the 19th century, but also at present. Despite the decades of atheistic ideology, nowadays the majority of the Chuvash ethnos considers itself to be Orthodox, many of them observe the rules of church life. In the Chuvash Metropolitanate the number of

active monasteries and churches has surpassed the number of religious centers in the turn of the 19th–20th centuries. In the period of new Russia formation the Chuvash people did not succumb to missionary influence of other confessions, remained faithful to the confessional choice in favor of Orthodoxy which is largely due to the practice of Christian education in the second half of the 19th – early 20th centuries. The main factors effected the change on the Chuvash religious beliefs have been considered.

Keywords: the Chuvash, religion, Orthodoxy, the Christian enlightenment, bourgeois reforms, ethno-confessional processes.

Секционные заседания

Секция 2

Модернизация сельского общества и аграрного сектора в первой половине XX века

УДК 908

Р.А. Асрутдинова

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В САБИНСКОМ РАЙОНЕ ТАТАРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические процессы, происходившие в деревне Татарстана, в частности Сабинском районе, в первые десятилетия после Октябрьской революции. В работе освещены основные моменты истории коллективизации в районе.

Ключевые слова: Татарстан, реформы, губерния, сельскохозяйственные угодья, сельское хозяйство, коллективизация, колхоз.

В августе 1930 г. организован Сабинский район, расположенный в северной части Республики Татарстан. До 1920 г. территория района относилась к Мамадышскому и Лаишевскому уездам Казанской губернии и граничила на севере с Кукморским районом, на востоке – с Токанышским, на юго-востоке – с Мамадышским, на юге – с Рыбно-Слободским, на юго-западе – с Пестречинским и на северо-западе – с Арским районами. С 1920 г. территория района относилась к Арскому, Мамадышскому и Лаишевскому (до 1927 г.) кантонам ТАССР. После организации района в его состав были включены волости: Сабинская в полном составе, Тюлячинская, за исключением селений, отходящих к Пестречинской волости, Мамалаевская, за исключением селений, отходящих к Рыбно-Слободскому району, Абдинская, за исключением селений, отходящих к Токанышскому району, и из Новочурилинской волости селения Кренни, Суля, Верхний и Нижний Симет, Старый Мичан, Бакшанда, Нижний Отар, Олуяз, Пукаль, Верхний Отар, Корсабаш, Верхняя Мичень и починок Кинербаш. На момент образования в состав района входили 69 сельсоветов, 118 населенных пунктов [1, с. 286–287].

В 1920 г. в России начался процесс коллективизации сельского хозяйства. Одной из ключевых целей создания колхозов было увеличение производительности сельского хозяйства, рациональное использование земли и других ресурсов. Колхозы должны были стать платформой для внедрения новых технологий, повышения квалификации крестьян и обмена опытом. В 1920 г. в Татарии насчитывалось 29 колхозов, в 1928 г. – 231 колхоз и 13 совхозов. К 1930 г. число крестьянских дворов, входивших в коллективные хозяйства, достигло 1756 единиц, что составляло 8,8 % от общей численности крестьянских хозяйств (коллективизировано 7,8 % всей посевной площади). По данным колхоз-центра, процент коллективизации по республике составил

10,1 %. К 1937 г. коллективизация по числу хозяйств составила 91,4 %, а по площади посева – 99,8 % (всего насчитывалось 3836 колхозов) [2, с. 35–36].

Если оценивать процесс коллективизации в республике в целом, то он разворачивался медленно, вопреки партийным планам. Добровольно в колхозы вступали только те, у кого в хозяйстве ничего не было и кто сам не отличался трудолюбием. Коллективизация сдвинулась с мертвой точки только в 1931 г.

К 20 мая 1930 г. на территории Сабинского района образовано 40 сельскохозяйственных артелей и 1 СОЗ, объединяющих 967 хозяйств, что составляло 6,5 % общего их числа. На 1 ноября 1930 г. процент коллективизации в Сабинском районе составил 6,8 %. К 1935 г. охваченность коллективизацией населенных пунктов района возросла (см. табл.).

Таблица

Список населенных пунктов Сабинского района, охваченных коллективизацией к 1935 г.

Населенный пункт	Название колхоза	Первый председатель	Всего хозяйств в населенном пункте	Хозяйства, вступившие в колхоз
1	2	3	4	5
Богатые Сабы	«Кызыл Курэш»	Кашап Каримуллин	445	360
Кильдебяк	«Яна тормыш»	Хабибуллин	236	182
Сабабаш	им. Ленин-II	Лотфулла Хуснуллин	158	155
Мартыново	им. 10-летия Татарстана	—	116	97
Туктар	им. 12-летия Октября	—	129	129
Тенекеево	«Яңа юл»	Аглиулла Сибгатуллин	130	123
Юлбат	им. Ворошилова	Гаффар Гумеров	189	141
Средняя Саба	им. Сталин-1	Бари Галиев	127	116
Юсуп-Алан	«Магнит»	Вафа Тимербаев	48	48
Уют	«Яңа Оет»	Асат Даминов	208	157
Чулпыч	«Кызыл Чулпыч»	Галим Гараев	80	77
Юмгалак	«Йомгалак»	Гатаулов	35	35
Сатышево	«Марс»	Садыйков	339	316
Мингер	«Кызыл Тау-1»	Шамси Гайнетдинов	183	182
Сабай	«Трактор»	Ф. Каримуллин	136	135
Тимершик	«Кызыл Таң»	Гарай Минлебаев	357	337
Новый Мичан	«Яңа көч»	Тимер Фаттахов	229	224
Старый Мичан	«Кызыл Йолдыз-I»	Хамидулла Хуҗиахметов	105	105
Тулушка	«Салкын чишмә»	Т. Салахов	23	23
Нижний Симет	«Кызыл байрак»	Гарифулла Бикмиев	180	154
Верхний Симет	«Узэк»	Ахмет Галиев	230	199
Кренни	«Кызыл партизан»	Акбер Ишниязов	138	131
Суля	«Суля»	М. Гайнетдинов	81	81
Бакшанда	«Бакшанды»	Нигметзянов	59	59

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Верхний Отар	им. Калинина	Г. Камалов	199	117
Нижний Отар	«Алга»	Кашапов	106	106
Корсабаш	им. Сталин III	Газиз Марданов	161	155
Мичанбаш	«Кызыл Тау-II»	Каюмов	136	135
Кырбаш	«Урняк»	Шайхуллин	44	41
Олуяз	«Правда»	Гаяз Гимадиев	158	154
Пукаль	«Яна Пукаль»	Ибрагим Кадыров	68	64
Измя	«Игенче»	Байрам Камалиев	167	161
Утернясь	«Калатау-1»	Фаттах Ахметшин	70	70
Илебер	«Революция»	Камал Замалов	122	122
Букмиш (Кзыл-Меша)	«Кызыл Мишэ»	Билал Гайнетдинов	226	224
Куюк	«Юлбашчы»	Салим Марданов	110	101
Шикши	«Якты юл»	Яфар Гибадуллин	141	141
Алан-Елга	«Алан-Елга»	Асат Хамидуллин	162	162
Серда	«Ирек»	Фасах Гимадиев	145	142
Евлаштау	«Кызыл юл»	Г.Балтачев	135	135
Мешабаш	«Кзыл яшьлэр»	Гайнетдинов	76	75
Большой Шинар	«Байкал-II»	Г. Шарифуллин	202	172
Малый Шинар	им. К. Маркса	Шарип Гарипов	185	165
Большие Кибячи	«Интернационал»	Ибрагим Аскаров	134	130
Малые Кибячи	«Житэкче»	Хисам Гараев	74	58
Тюбяк	«Йолдыз-I»	Галимжан Фаляхов	167	120
Татарская Икшурма	им. Сталин-II	Низамиев	184	165
Старая Икшурма	«Кзыл сукачы»	Миргалим Загидуллин	192	159
Нижний Учнарат	«Кзыл нарат»	М. Тучков	98	90
Нижние Шитцы	«Илшат»	Заки Ибатуллин	188	163
Верхние Шитцы	«1 Мая»	Габдрахман Мусин	139	131
Большие Савруши	«Татарстан»	Шагимарданов	201	145
Нижние Савруши	«Ирек-II»	Фазыл Хадиев	139	111
Большая Меша	им. Ленин-I	Г. Мухаммадиев	122	108
Елышево	«Кзыл куч»	Заки Бикбаев	95	89
Сатлыган Ключ	«Москва»		52	47
Жанай	«Кзыл Армия»	Мирза Галиев	57	57
Мамалаево	«Кзыл яшьлэр»	Сает Миннегулов	173	156
Алан Зюри	«Арыслан»	Курбан Кутдусов	31	31
Казанчи Бигеней	«Эшчэн»	Зиганша Мусин	88	86
Аккуль Бигеней	«Йолдыз-II»	Шайхутдинов	97	22
Чаука (Чабки Саба)	«Кзыл батыр»	Вали Шайдуллин	68	67

Как видно из таблицы, 15 деревень района полностью объединились в колхозы, в 18 – оставались от одного до пяти единоличных хозяйств. Из 8793 хозяйств 780 не вошли в состав какого-либо колхоза [3, с. 82–84]. Государственная политика принуждала крестьян вступать в коллективы, что вызывало множество споров и конфликтов. Основной задачей было создание крупных, эффективных единиц производства, способных лучше справляться с аграрными проблемами.

Коллективизация оказала значительное влияние на жизнь сельского населения, привнося свои изменения в организацию труда и социальные отношения в деревне. С созданием колхозов возникла необходимость в механизации процесса работы на земле. После образования района самой большой стройкой стало строительство машинно-тракторной станции (МТС). МТС стали важными элементами этой новой системы с целью обеспечения колхозов необходимой техникой для обработки почвы и выполнения уборочных работ.

Массовая организация МТС, развернувшаяся с 1929 г. в период коллективизации [постановление Совета труда и обороны (СТО) от 05.06.1929], рассматривалась властью в качестве главного средства повышения производительности труда в земледелии и демонстрации преимуществ коллективных хозяйств перед единоличными. Со второй половины 1930-х гг. МТС обслуживали большинство колхозов СССР и сыграли важную роль в процессе коллективизации.

Первая МТС в Сабинском районе организована в 1931 г. в с. Богатые Сабы, директором был назначен Ногманов. Перед МТС стояла задача обслуживать сельскохозяйственные земли 46 деревень Сабинской зоны на 48 649 га. В 1958 г. МТС были расформированы. Это произошло в рамках реформы, предусматривавшей распродажу техники МТС колхозам как за наличный расчет, так и в кредит.

Таким образом, реформа сельского хозяйства в районах, в том числе и через процесс коллективизации, имела свои особенности и последствия для развития сельской местности и общества в целом.

Коллективизация в Сабинском районе, как во всей Татарской республике, проходила не очень быстрыми темпами. Колхозы позволили внедрить новую технику, обеспечить лучшее распределение ресурсов и повысить общую производительность труда. Коллективизация на селе и окончательное объединение крестьянских хозяйств в колхозы стали важным событием в истории СССР, сформировавшим новое аграрное общество. Хотя этот процесс привел к значительным изменениям в экономике и социальной структуре, последствия его были противоречивыми и затруднили дальнейшее развитие сельского хозяйства. Изучение этого этапа позволяет лучше понять сложные отношения между государством и крестьянами, а также извлечь уроки из исторического опыта.

Список источников и литературы

1. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. Т. 3. Казань: Ин-т татар. энцикл. и регионоведения АН РТ, 2018. С. 461–462.

2. *Асрутдинова Р.А.* Коллективизация, колхозы и современные формы хозяйствования на селе в Республике Татарстан // Научный Татарстан. 2023. № 2. С. 35–39.

3. *Назмиев Т.С., Хузин М.Х.* Яшэ, Саба-Йорт! Тарихи-публицистик очерк. Казан: Матбугат йорты. 1999. 272 б. На тат. яз.

R.A. Asrutdinova

COLLECTIVIZATION IN THE SABINSKY DISTRICT OF TATARSTAN

Abstract. The article deals with the socio-economic processes in the village of Tatarstan, particular in the Sabinsky district in the first decades after the October Revolution. The paper highlights the main stages of the collectivization history in this district.

Keywords: Tatarstan, reforms, province, agricultural land, agriculture, collectivization, collective farm.

УДК 94(470.40):631”1906–1914”

Р.Р. Батыршин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПАССКОЙ УЕЗДНОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1906–1914 ГОДАХ

Аннотация. В статье анализируется процесс создания и деятельность Спасской уездной землеустроительной комиссии Казанской губернии в годы реализации Столыпинской аграрной реформы. Землеустроительные мероприятия в Спасском уезде, несмотря на ряд недостатков, во многом улучшили землепользование и способствовали установлению определенного порядка в земельных отношениях.

Ключевые слова: Казанская губерния, Спасский уезд, землеустроительная комиссия, Столыпинская аграрная реформа, землеустройство.

Революционные потрясения 1905 г. заставили царское правительство по-новому взглянуть на аграрную проблему в целом и существенно изменить свое отношение к земельному вопросу. Было принято решение форсировать законотворческие работы. Одним из первых шагов властей по улучшению аграрной ситуации в стране было учреждение 4 марта 1906 г. губернских и уездных землеустроительных комиссий и Комитета по землеустроительным делам [14], которым предстояло сыграть центральную роль в проведении предстоящих преобразований. Первоначально главной целью этих комиссий было оказание помощи Крестьянскому поземельному банку в деле выполнения возложенных на него Указом от 3 ноября 1905 г. задач по облегчению крестьянам покупки земель [13]. В обязанность землеустроительных комиссий вменялось также «содействие населению по устранению в установленном законом порядке недостатков существующего землевладения и землепользования, сообразно особым условиям отдельных местностей». В третьем параграфе императорского Указа от 4 марта 1906 г. по вопросам землеустройства крестьянских хозяйств предлагалось следующее решение: «а) выяснение местных потребностей … по переселению на казенные земли как в пределах одной губернии, так и из одной в другую; б) участие в делах о сдаче крестьянам в аренду казенных оброчных статей; в) установление более совершенных способов ведения хозяйства на надельных землях; г) посредничество между крестьянами и частными землевладельцами для полюбовного разверстания чересполосных угодий» [14]. Другими словами, комиссии должны были производить выдел отдельных домохозяев из общины, разверстывать общинные, подворные и наследственные земли на хутора и отруба.

Землеустроительные комиссии по своей функциональной структуре практически приравнивались к административно-судебным учреждениям. Губернская землеустроительная комиссия выполняла функции распорядительного учреждения и принимала апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями. Она должна была возглавлять работу уездных комиссий и контролировать их деятельность. Во главе губернской землеустроительной комиссии стоял губернатор. Уездные комиссии формировались под председательством уездного предводителя дворянства. В состав обеих комиссий входили должностные лица (председатель губернской земской управы, управляющий казенной палатой, земский начальник и т. д.) и непременный член, назначаемый Главным управлением землеустройства и земледелия. К участию в работе комиссий допускались и представители крестьянства [14].

В Казанской губернии формирование сети землеустроительных комиссий проходило в 1906–1908 гг. Так, в 1906 г., помимо губернской землеустроительной комиссии, было создано 6 уездных комиссий, в их числе Спасская уездная землеустроительная комиссия, первое заседание которой прошло 29 сентября 1906 г. [4, л. 3].

Спасский уезд находился на юго-востоке Казанской губернии и граничил на юге с Самарской губернией. Уездная управа располагалась в г. Спасске. Площадь уезда составляла 5247,2 кв. верст (на 1897 г.). Население 175 198 чел. [12, с. 1]. В уезде преобладали русские (около 58,5 % населения), татары составляли треть жителей (30,2 %), также проживали чуваши (7,2 %) и мордва (4,1 %) [12, с. VI]. Ныне территория уезда охватывает юг Татарстана и небольшой район на северо-востоке Ульяновской области. Масштабы дворянского землевладения в Спасском уезде были значительно выше, чем в других уездах Казанской губернии. К началу XX в. здесь сосредоточилось 18 % поместий казанского дворянства [17, с. 10] и четверть помещичьего земельного фонда [17, с. 41]. Половину местных имений составляли средние владения (до 1000 дес.), треть приходилась на крупных помещиков (свыше 1000 дес.) и около 20 % – на мелкопоместных [17, с. 18].

В первые месяцы работы Спасской уездной землеустроительной комиссии было зафиксировано более 150 дел (среди которых ходатайства крестьян о содействии в покупке через Поземельный банк частно-владельческих земель, о продаже или сдаче в аренду казенных земель, заявления землевладельцев о продаже земель и др.), из них было выполнено – 35 ходатайств и заявлений [4, л. 3].

Значительные изменения в работе землеустроительных комиссий произошли после выхода Указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевла-

дения и землепользования», который предоставил каждому владельцу общинного надела право закреплять за собой землю в личную собственность [15]. При этом в общинах, где не было переделов в течение 24 лет, за крестьянином закреплялся весь его надел. В указе говорилось, что выход из общины осуществляется в месячный срок после подачи заявления по приговору общины простым большинством голосов, причем община устанавливала конкретный участок земли и необходимую доплату. Если общество в указанный срок не делало приговора, то все полномочия переходили к земскому начальнику. В общинах, где были переделы, выделившийся крестьянин также мог закрепить за собой весь земельный надел. Но за землю сверх положенного участка «по числу разверсточных единиц в его семье ко времени упомянутого заявления» он должен был «возместить общине» [15].

Особое значение имела статья 12 указа, в которой говорилось, что каждый домохозяин, за которым закреплены участки надельной земли, «имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен участок по возможности к одному месту» [15]. При общих переделах общество обязано было удовлетворить требования отдельных домохозяев о выделе земельных наделов по возможности в одном месте, укрепленных в их личную собственность. Также обществу предоставлялось право, при невозможности или неудобстве выделения участка, удовлетворить выделяющегося деньгами, но уже не по выкупной, а по существующей рыночной цене земли [15]. Тем самым провозглашалось создание обособленных единоличных владений – отрубов и хуторов, которые должны были олицетворять, по замыслу реформаторов, насаждение частной собственности и ускорение процесса разрушения общины.

В середине лета 1907 г. вышел циркуляр № 21 главного управляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова губернаторам об обязанностях комиссий по осуществлению указа. В нем, в частности, говорилось: «Комиссии принимают участие только в делах, касающихся выдела участков к одному месту, изменяющего местоположение и границы владения выделяющихся» [16, с. 129]. К производству дел о выделе участков комиссии приступали по заявлению одной из сторон (сельского общества и домохозяина) в случаях добровольного соглашения и когда выдел производился в обязательном порядке упомянутой статьи 12 указа от 9 ноября 1906 г. Спорные моменты рассматривались только в том случае, когда уже был произведен с согласия общества выдел из общины на основе вышеупомянутого указа заявляющего о желании землеустроиться. Тогда землеустроительная комиссия должна была составить «наиболее справедливый и целесообразный проект выдела» или отказать в заявлении. Если решение было положительным для заявителя, проект направлялся на рассмотрение уездного съезда

через земского начальника и с его заключением [16, с. 129]. Таким образом, к сфере хозяйственных полномочий землеустроительных комиссий, кроме устройства земель Крестьянского поземельного банка и казны, добавились еще работы по внутринадельному землеустройству сельских общин и отдельных домохозяев.

Поступавшие от крестьян просьбы об оказании им содействия в улучшении условий землепользования можно было разделить на две основные категории: 1) ходатайства, основной целью которых было полное устранение существующих недостатков землепользования посредством разверстания наделов на хутора и отруба или выдела отдельным домохозяевам к одному месту участков общинной земли (единоличное землеустройство); 2) ходатайства, касавшиеся уменьшения чересполосицы и многополосицы за счет выдела более отдаленных земель под выселки и раздела общин, состоящих из нескольких селений или значительного числа дворов (групповое землеустройство).

Формирование состава уездных комиссий выявило острую нехватку квалифицированных специалистов и техников-землемеров. Об этом свидетельствуют результаты объезда губернии высшими чинами Главного управления землеустройства и земледелия в 1907 г., в ходе которого было обращено внимание «на инертность непременных членов и низкий уровень образованности в составах большинства комиссий» [3, л. 91–94]. Многим техникам-землеустроителям не хватало практики, они почти не знали жизнь местного крестьянства, в некоторых случаях проявляли «канцелярское отношение» к делу. Губернский землемер А.В. Барчан отмечал: «Опыт показывал, что все дела, которые были исполнены поздней осенью, требовали переделки в следующий полевой период, так как планы оказывались с грубыми ошибками, знаки поставлены плохо, межи не пропаханы и пр.» [7, л. 38]. В Спасском уезде, несмотря на требования департамента государственных и земельных имуществ, при подготовке дела об укреплении крестьян все сведения собирать лично землеустроителями, отмечалось «стремление получать означенные сведения путем переписки по преимуществу с волостным правлением» [7, л. 81].

В первый год деятельности землеустроительных комиссий в Казанской губернии за помощью в укреплении надельной земли в личную собственность обратились 876 домохозяев. По этим требованиям состоялось 6 общественных приговоров и 111 постановлений земских начальников, которые не получили утверждения уездных съездов [1, л. 1], в то время как всего по стране за первый год деятельности землеустроительных комиссий было зафиксировано ходатайств об улучшении землепользования от 221 679 домохозяев [10, с. 3]. Во многом это было связано с тем, что большинство крестьян

были просто не осведомлены о целях землеустроительных органов, и морально не подготовлены к переменам традиционных земельных отношений в деревне.

Согласно данным, представленным и. о. непременного члена Спасской землеустроительной комиссии П.К. Киселевым, к началу 1909 г. было «…окончательно укреплено за 1832 домохозяевами 9954 дес., или 4 %, надельной земли. Поступило от 154 домохозяев ходатайства об отводе к одним местам укрепленных душевых наделов в количестве 925,11 дес. …для расширения крестьянского землевладения приобретено Крестьянским банком 16 имений в количестве 14 928,28 дес. земли, из которых 6 имений площадью 4159,77 дес. ликвидированы окончательно… Из 122 домохозяев, купивших землю под условием переселения, окончательно переселились на отрубные участки 43 и на хуторские 17. Приступили к переселению на хутора 4 домохозяина и на отрубные участки 33 домохозяина… Затем, при посредстве Крестьянского банка приобретено товариществами и обществами 13 000 дес. частновладельческой земли, и таким образом крестьянское землевладение увеличилось со времени открытия комиссии на 27 928,77 дес. … По Спасскому уезду заявили желание переселиться в Сибирь 244 семейства, от коих 7 ходоков при содействии землеустроительной комиссии отправлены в Томскую и Енисейскую губернии для осмотра назначенных для Спасского уезда на 1909 г. 109 земельных долей». По мнению докладчика, «... крестьянин прибегает к силе закона от 9 ноября не из стремления ликвидировать свои отношения к земле путем ее продажи, он сознает выгоду для себя, порвать связь с общиной» [5, л. 199–202]. Спасский уездный предводитель дворянства П.А. Демидов на экстренном уездном земском собрании, проходившем в 1910 г., охарактеризовал оказание агрономической помощи крестьянам, переходящим на отруба и хутора, следующим образом: «Отправляясь на новое хозяйство, хуторянин должен туда переносить все свои усадебные постройки, скот и инвентарь. Между тем, приобретая землю, платя за нее “верхи” крестьяне для этих платежей по преимуществу ликвидируют что-либо из своих построек на прежнем месте, а частью живого или местного инвентаря расплачиваются за перенос зданий и их новую сборку. В большинстве своем люди без всякого запасного достатка сильно тратятся на этот переезд, прибывая с зачатками разорения, а не богатства… Следя за дельнейшими шагами хуторян на новых местах, приходится сталкиваться с такими элементарными, но опасными неудобствами, как отсутствие питьевой воды, отопления, материала для построек дорог, подъездных к большой проселочной и т. д.» [2, л. 19–21].

Всего в Казанской губернии за 1907–1915 гг. землеустройством было охвачено 592 037 дес. земли, или около 17,5 % от общей площади надельных

земель. Из этого количества для 1504 домохозяев было разверстано на отрубные и хуторские участки 16 304 дес., или менее 3 % от всех устроенных земель [11, с. 30–31]. В Спасском уезде к 1 января 1914 г. полностью разверсталось на хутора и отруба 956 домохозяев на площади 6542,07 дес. [9, л. 1]. По отчетным данным со времени открытия землеустроительной комиссии к 1 января 1915 г. в Спасском уезде было закончено землеустроительных работ для 2525 крестьянских дворов на площади 17 013,07 дес. При этом среди землеустроительных действий, произведенных в указанный период, преобладали: выдел отрубных участков отдельным домохозяевам (для 1370 крестьянских дворов на площади 9302,7 дес.), выдел земель отдельным селениям сельских обществ (для 777 дворов на 6504,3 дес.) и выдел выселкам и частям селений (для 159 дворов на 1015,3 дес.). Устранение чересполосности с прилегающими владениями было произведено для 210 крестьянских дворов на площади 33 дес., а разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания, – для 15 дворов на 245,5 дес. земли [8, л. 108–111]. По мнению непременного члена Спасской уездной землеустроительной комиссии графа П.А. Бобринского: «Развитие идеи землеустройства среди крестьянского населения уезда, нельзя сказать, чтобы шло быстро. Обследованиями семейно-имущественного положения единоличных владельцев установлено, что пионерами землеустройства являются, главным образом, крестьяне, принадлежащие к более развитой части населения и грамотные, коих не очень много» [8, л. 108–111].

Среди других итогов землеустройства в уезде к середине 1914 г. необходимо отметить: сокращение сложных (однопланных) общин (в два раза по сравнению с 1897 г.) [9, л. 196–198]; увеличение размера ссуд, выдаваемых единоличным собственникам при землеустройстве (до 150–200 руб. на двор) [9, л. 196–198]; рост арендных и продажных цен на землю (за период с 1905 по 1912 г., стоимость крестьянского надела увеличилась в 1,6 раза (за дес.) и услуг разнорабочих. В продажу поступали в основном участки «…малоземельных крестьян, владеющих одной душой или малосильных, и в большинстве случаев, порвавших связь с землей…» [6, л. 313–314].

Таким образом, в период аграрных преобразований в Спасском уезде Казанской губернии был налажен значительный позитивный опыт землеустроительных работ. Разъяснительная работа, проводимая членами местной землеустроительной комиссии, деятельность по продаже банковских земель, землеустройству, выделу наделов в собственность и переходу к новым формам ведения хозяйства способствовали подъему производительных сил деревни. В годы реализации Столыпинской реформы крестьянство получило реальную возможность самостоятельно преобразовывать свое хозяйство, подчиняясь законам экономической заинтересованности и рыночных отношений.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 2995.
2. ГА РТ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 831.
3. ГА РТ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1.
4. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 2. Д. 2.
5. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 5. Д. 86.
6. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 7. Д. 84.
7. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 10. Д. 1.
8. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 10. Д. 3.
9. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 10. Д. 7.
10. Землеустройство (1907–1910 гг.). Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 г. / ГУЗ и З. Деп. гос. земел. имуществ. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. V, 81, 120 с., 66 л.
11. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. 140 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. статист. комитета Мин-ва внутренних дел, 1904. Т. XIV. Казанская губерния. XVI, 284 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913) (ПСЗ-3). СПб., 1908. Т. XXV. № 26872. 3 ноября 1905 г. С. 791.
14. ПСЗ-3. СПб., 1909. Т. XXVI. № 27478. 4 марта 1906 г. С. 199–201.
15. ПСЗ-3. Спб., 1909. Т. XXVI. № 28528. 9 ноября 1906 г. С. 970–974.
16. *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина: сб. документов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 335 с.
17. Статистика землевладения 1905 г. / Центральный статистический комитет МВД. Вып. 7: Казанская губерния. СПб.: «Центральная» типолит. М.Я. Минкова, 1906. 51 с.

R.R. Batyrshin

THE ACTIVITY OF THE SPASSKAYA DISTRCT LAND SURVEYING COMMISSION OF KAZAN PROVINCE IN 1906–1914

Abstract. The article analyzes the formation process and activity of the Spasskaya district land surveying commission of Kazan province in the years of realization of the Stolypin agrarian reform. Land surveying activities in the Spassky district, despite a number of shortcomings, in many respects improved land use and contributed to the establishment of a certain order in land relations.

Keywords: the Kazan province, the Spassky district, land surveying commission, the Stolypin agrarian reform, land management.

УДК 94:355. 27(470. 344) ”1914–1918”

С.Н. Блиняев

БЕЖЕНЦЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Аннотация: В статье на основе опубликованной литературы и впервые введенных в научный оборот архивных источников исследованы вопросы, связанные с причинами эвакуации, размещением, регистрацией, оказанием первичной помощи, социальной адаптацией и организацией трудоустройства беженцев на территории Казанской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны. Рассмотрено участие Татьянинского комитета, городских и земских учреждений, правительства и Особого совещания по устройству беженцев в судьбе перемещенных лиц.

Ключевые слова: эвакуация, беженцы, Татьянинский комитет, Казанская и Симбирская губернии, перемещенные лица, Первая мировая война.

В результате Великого отступления русской армии летом 1915 г. возникло такое явление, как принудительное переселение и добровольное бегство более 2 млн чел. – беженцев, жителей западных губерний в тыловые регионы Российской империи [2, с. 152]. Под беженцами понимались выходцы из государств, враждебных России, либо люди, покинувшие территории, уже занятые противником или находящиеся под угрозой их оккупации. Император и военное руководство страны опасались, что значительная часть населения, потенциально могущая оказаться на оккупированной территории, способна будет под давлением тех или иных обстоятельств участвовать в операциях и шпионских акциях врага, снабжать его фуражом, продовольствием, а также поступать на службу в армию противника [15, с. 158]. Переселение жителей западных губерний было сделано также с целью разгрузки прифронтовой зоны и оказания вынужденным мигрантам более действенной помощи. Поэтому центральные власти приняли решение об эвакуации сотен тысяч людей в тыловые губернии страны. Учет беженцев был налажен с помощью раздаточных ведомостей, в которых содержались персональные данные о составе семьи переселенца, его прежнем месте жительства, сроке и размере выдачи ему вспомоществования.

Руководство выселением, передвижением и устройством беженцев на новом месте жительства было возложено на членов Государственного Совета, с присвоением им звания «главноуполномоченных» по устройству беженцев: по Юго-Западному фронту – на сенатора, князя Н.П. Урусова 2-го и по Северо-Западному фронту – на действительного статского советника С.И. Зубчанинова. Специальный закон, принятый царским правительством

30 августа 1915 г., предусматривал учреждение Особого совещания по устройству беженцев, которое возглавлял министр внутренних дел. Согласно закону, распоряжение кредитами и руководство помощью вынужденным мигрантам возлагалось на Министерство внутренних дел [1, с. 46].

По пути следования беженцы получали продовольственную (в виде пайка), медицинскую помощь, а также денежное содержание от государства на оплату жилья. На особом положении находились работники эвакуированных заводов. Это условие определялось приказом № 54 помощника Главного начальника Двинского военного округа, особоуполномоченного по гражданскому управлению Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний генерал-лейтенанта Курлова. Согласно приказу все рабочие и работницы, принимавшие участие в эвакуации заводов и ранее имевшие оклад не более 1,5 тыс. руб. в год, имели право на получение следующего вспомоществования: 1) поденной платы за 2 недели, которая выплачивалась администрацией заводоуправления; 2) пособия по эвакуации; 3) бесплатного проезда с семьями и домашним имуществом (кроме мебели); 4) подъемных денег и особого пособия в размере 4-недельного заработка, уплачиваемого каждому по прибытии его на место назначения заводоуправлением или местной общественной организацией. Подъемные деньги назначались в следующем размере: взрослые рабочие получали по 20 руб.; их жены и рабочие подростки 15–17 лет – по 10 руб.; дети – 5 руб. [6, л. 249–250 об.]. Пособия давались из расчета «полуторной» цеховой поденной платы на основании предъявляемой рабочим расчетной книжки, где администрация завода отмечала, участвовал ли он в эвакуации предприятия. Все служащие эвакуированных заводов, имевшие годовой оклад не более 2,4 тыс. руб., получали те же пособия и льготы, что и рабочие, однако их размер определялся из ординарного оклада величиной в 1,5 тыс. руб. Все расчеты на пособия, произведенные заводоуправлениями и общественными организациями в ходе эвакуации промышленных предприятий, компенсировались из аванса, выданного казной на эту цель [6, л. 249–250 об.].

Прибытие летом 1915 г. на территорию Казанской и Симбирской губерний беженцев с неизбежностью поставило на повестку дня вопрос оказания им помощи. 3 августа 1915 г. Казанский городской комитет Всероссийского городского союза помощи больным и раненым воинам в своем заседании постановил принять «на себя попечение об участи беженцев» и пригласил к участию в своей деятельности национальные комитеты, образовавшиеся в г. Казани: польский, латышский, еврейский и мусульманский. На заседании была создана Исполнительная комиссия помощи беженцам, которая приняла следующие решения: 1) обратиться с просьбой к «господину Главноначальствующему» передать городскому комитету имеющиеся в

его распоряжении 3 тыс. руб. и «13 тыс. руб., собранных в Татьянин день в пользу разоренных окраин»; 2) поручить городскому голове ходатайствовать перед «Общим Городским союзом об отпуске г. Казани средств из сумм», ассигнованных союзу на помощь беженцам; 3) произвести специальный сбор деньгами и вещами во второй половине сентября 1915 г.; 4) оборудовать городские бараки в «татарской части» города для размещения беженцев из простонародья; 5) нанять 3 дома вблизи железнодорожного вокзала и отвести городскую чайную на Устьинских пристанях для устройства разборного пункта беженцев, прибывающих на пароходах; 6) приспособить городские помещения для постоянных квартир и войти в соглашение с владельцами номеров о расквартировании там «нуждающейся интеллигентной публики», нанять свободные квартиры на окраинах города; 7) воспользоваться предложенными безвозмездно С.А. Земляновым 3 его домами на пароходных зимовках в Арахчинском затоне для расквартирования перемещенных лиц; 8) приспособить городские дачи для размещения беженцев на зиму; 9) «ввиду недостатка и дороговизны на рынке материи и мешков для матрасов изготавливать толстосоломенные маты» [7, л. 6, 20].

На заседании городского комитета было также постановлено: 1) организовать при городских и частных благотворительных столовых «кормление» беженцев 2 раза в день; 2) выдать субсидию на покупку инвентаря для столовой Латышскому комитету и отвести под нее помещение при бирже труда; 3) по вопросу о возвратных пособиях – выдать «только по обследовании нужды» на самых льготных условиях; 4) установить дневное содержание из средств Комитета в размере 20 коп. на взрослого и 10 коп. на ребенка, а национальным комитетам делать «добавочные назначения» с целью улучшить положение беженцев; 5) организовать поиск работы для трудоспособных беженцев; 6) расклеить на городских улицах плакаты с указанием адресов всех комитетов и мест, где беженцы «могут иметь ночлег и пропитание» [9, л. 172–173]. Как видно из перечня принятых Казанским комитетом решений, он активно включился в процесс организации продовольственной, жилищной помощи и трудоустройства беженцев.

Аналогичное совещание представителей местных общественных организаций и должностных лиц относительно размещения беженцев в Чебоксарском уезде Казанской губернии состоялось 7 августа 1915 г. в Чебоксарах. На нем присутствовали: уездные воинский начальник Г.П. Слюсаренко, исправник В.А. Лохвицкий, член Казанского окружного суда М.М. Краснопольский, врач Ф.М. Елпатьевский, акцизный надзиратель В.А. Греченин, инспектор народных училищ М.П. Добронравов, земский начальник 1-го участка Н.Г. Григорьев, заступающий место Чебоксарского городского головы А.Н. Клюев, Мариинско-Посадский городской староста С.Ф. Соснин, члены

уездной земской управы В.В. Макарычев, Н.Ф. Петров и секретарь земской управы А.И. Морозов. Руководил совещанием председатель Чебоксарской земской управы Л.В. Эннатский [7, л. 11]. На нем были приняты следующие решения: «Во-первых, разместить в городах Чебоксары, Мариинский Посад, д. Козловка и других населенных пунктах уезда 3 тысячи человек; во-вторых, обеспечить их бесплатным или недорогим жильем с организацией для детей-сирот временных приютов и продовольственным снабжением путем открытия дешевых столовых и врачебно-питательных пунктов; в-третьих, организовать санитарно-попечительный надзор за условиями оказания медицинской помощи беженцам в виде учреждения приемных покоев для больных; в-четвертых, содействовать в обеспечении эвакуированных лиц теплой одеждой, а учащимся в предоставлении образовательных услуг в учебных заведениях» [1, с. 45–46].

Также совещание постановило: 1) основать при районных попечительствах: Затонском, Козловском, Мариинско-Посадском и Чебоксарском уездном комитете справочные бюро для поиска работы беженцам; 2) ходатайствовать перед Татьянинским комитетом об ассигновании денежных средств уездному комитету для оказания благотворительной помощи перемещенным лицам. По результатам совещания дело помощи беженцам было сосредоточено в Чебоксарском соединенном уездном комитете Всероссийского союза, его районных попечительствах, в руках должностных лиц волостей и Дамского комитета (всего соединенный комитет курировал 13 районных попечительств: 2 в Чебоксарах и Мариинском Посаде, 11 – в уезде) [1, с. 46].

На оказание помощи беженцам Чебоксарским уездным отделением Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны тратились значительные для местного бюджета денежные суммы. Всего за период с 21 октября 1915 г. по 1 января 1918 г. Чебоксарским отделением комитета было израсходовано 6491 руб. 96 коп. [7, л. 30]. Деньги были потрачены на следующие цели: 1) на приобретение учебных принадлежностей – 802 руб. 91 коп., в том числе для детей беженцев, разместившихся в г. Мариинский Посад, – 307 руб. 89 коп.; 2) на закупку холста для одежды и белья и обуви – 1808 руб. 19 коп., в том числе выдано через Чебоксарский дамский комитет 553 руб. 19 коп., Козловское районное попечительство – 400 руб., Мариинско-Посадское попечительство – 680 руб.; 3) на выдачу жалованья преподавателям беженцам и сторожам Чебоксарского высшего начального училища и гимназии – 2845 руб. 45 коп.; 4) на путевое довольствие убывающих беженцев – 97 руб. 68 коп.; 5) отправление телефонограмм, канцелярские расходы и ведение делопроизводства отделения комитета – 96 руб. 9 коп.; 6) плату за обучение 29 учеников «правоучению» в Чебоксарской мужской гимназии и Чебоксарском высшем начальном училище – 210 руб. [8, л. 1–7].

В Ядринском уезде Казанской губернии расселением мигрантов занималась уездная земская управа. Выполняя указание уполномоченного Всероссийского городского и земского союзов Сергея Бахрушина, местные власти должны были выделять на приобретение одежды для одного ребенка единовременно 30 руб., «а по норме содержания» – 10–15 руб. в месяц [13, с. 115–116].

Необходимо отметить, что вынужденные мигранты на территории Казанской и Симбирской губерний размещались компактными группами, что соответствовало следующему принципу: немногочисленное городское население распределялось в городах, а крестьянское – в сельской местности. Такой сложный вопрос, как эвакуация, прием, содержание, размещение и регистрация десятков тысяч голодных, напуганных, нередко больных и озлобленных людей – требовал постоянной многоуровневой отчетности [12, с. 25]. Поэтому сведения о числе прибывших беженцев с периодичностью два раза в неделю поступали губернским отделениям Татьянинского комитета Казанской и Симбирской губерний [4, л. 12; 16, с. 18].

Предварительный опрос беженцев позволял разделить их по категориям профессий – «лиц профессионального и интеллигентного труда, каменщиков, плотников, чернорабочих» с целью их трудоустройства и национальному признаку: поляков, русских, белорусов, евреев, латышей и т. д. В группу нетрудоспособных лиц входили следующие категории населения: больные, имеющие свидетельство медицинского работника, беременные женщины, мужчины и женщины старше 55 лет и 50 лет соответственно, подростки и дети, не достигшие 16 лет, кормящие матери с малолетними детьми [14, л. 139–140].

Согласно решению заседания Симбирского губернского особого совещания от 15 августа 1915 г., с момента трудоустройства беженца, выдача продовольственного пайка должна была приостанавливаться (прекращаться). Отказавшихся от трудовой повинности мигрантов ждало лишение государственной субсидии на одежду, продовольствие и квартплату. Заседание постановило привлекать к ответственности как профессиональных нищих работоспособных беженцев, прибегающих к милостыне и уклоняющихся от работы. Кроме того, в случае отказа работать их на местном рынке труда по существующим расценкам, выдача пайка прекращалась [17, с. 58]. Незадолго до этих событий по распоряжению Совета министров от 16 апреля 1915 г. семьи военнослужащих, в том числе и беженцев, сдавшихся добровольно в плен неприятелю, уклонившихся от воинской обязанности или совершивших дезертирство, лишались льгот [14, с. 141]. Такие решения правительства еще более усугубляли положение переселенных лиц на новом месте пребывания.

В сентябре 1915 г. вопрос о приеме вынужденных мигрантов из западных губерний встал перед местными властями чувашских волостей Козьмодемьянского уезда. Оказанием помощи беженцам занимались уважаемые населением люди. Обязанности по приему, размещению и сбору пожертвований для беженцев в Янгильдинской волости с 7 сентября 1915 г. возложены были на священника с. Янгильдино А.П. Петрова, крестьян с. Ишаки А.И. Мамутина, с. Янгильдино Я.Н. Назарова, д. Кшауши П.С. Эткерова [5, л. 99–99 об.]. Состав Ильинского комитета помощи беженцам был следующим: в него вошли священник М.В. Соколов, крестьяне Н.Ф. и М.М. Козловы, М.В. Мартьянов, П.И. Скоряев, Н.В. Колосов, А.С. и Т.А. Толстовы и лесничие Ильинской пустыни Татаркасинской волости Р.Т. и П.А. Терентьевы. Всего на территории Козьмодемьянского уезда в начале сентября 1915 г. было размещено 1524 беженца [1, с. 49–50]. Вопрос же общей численности беженцев, размещенных на территории городов и уездов Казанской и Симбирской губерний, подробно рассмотрен автором в предыдущих работах [1; 2].

В Симбирскую губернию перемещенные лица прибывали через станции Тимирязево и Рузаевка, где были оборудованы распределительные пункты. Отсюда они отправлялись в города Симбирск, Алатырь, Буинск, а также размещались на территории Алатырского, Буинского, Курмышского и других уездов Симбирской губернии. Оказанием медицинской помощи, снабжением беженцев обувью и одеждой в г. Буинск и одноименном уезде занималось Буинское уездное отделение Татьянинского комитета, возглавляемое уездным предводителем дворянства В.Л. Персияниновым. На совещании уездного отделения 15 октября 1915 г. был выдвинут руководящий состав комитета: Л.И. Новиков был избран казначеем, членами ревизионной комиссии – А.П. Соколов и А.В. Алатырцев, членами правления – С.А. Строганов, Л.И. Саблуков, А.Я. Перов, М.И. Боздунов, Н.А. Ландман, И.Т. Лещев и Н.А. Забродин. Буинское городское и волостные попечительства были созданы для оказания скорейшей помощи беженцам и более детального обследования их нужды [2, с. 53].

Принимала участие в жизни вынужденных мигрантов и система волостного управления. В середине октября 1915 г. было организовано Тархановское волостное попечительство Татьянинского комитета (Буинский уезд). Управляющий 24 удельным Тархановским имением В.Е. Нелидов был назначен председателем попечительства, а священник с. Большие Арабузи П.Е. Егоров – его заместителем. Среди членов правления были лица священнического сана: священник и дьякон с. Тарханы Ф.А. Андреев и А.С. Спиридонов, священник с. Балабаш-Баишево И.Я. Яковлев, священники сел Норваш-Шигали и Старые Айбеси Н.И. Румянцев и А.Д. Данилович [11, л. 2–5,

9–29]. В него входили и педагоги: учительница Тархановского сельского училища А.И. Иванова, Абамзинской церковно-приходской школы К.И. Каламикова, учитель Большечеменевской церковно-приходской школы А.Н. Николаев, Большеарабузинского училища Ф.И. Иванов, учительница Староайбесинского училища Е.П. Крылова, Нововысельского церковно-приходского училища А.Н. Березинская и учитель Норваш-Шигалинского сельского училища Н.К. Кондратьев. В правлении попечительства состояли торговцы с. Тарханы И.А. Артемьев, Е.С. Жадаев, начальник почтового отделения в с. Тарханы М.Г. Бывальцев, землевладелец д. Молеи (Мола) Н.А. Головачев [11, л. 36–38].

Следует отметить, что в 1915 г. фронтовые комитеты Всероссийского союза городов (ВСГ) и Всероссийского земского союза (ВЗС) проводили основную работу по оказанию помощи беженцам, откликнувшись на просьбу военных властей и органов государственной власти. Но, не имея больших средств, союзы уступали Татьянинскому комитету в масштабах деятельности, даже будучи объединенными в единый комитет [3, с. 88].

Помощь эвакуированным оказывало и правительство. 26 августа 1915 г. был издан циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия № 5423/20 «Об отпуске леса на нужды беженцев», который уполномочил лесничих Казанской и Симбирской губерний выдавать организациям, ведающим устройством бараков для беженцев и их отоплением, строевой и дровяной лес «за половину таксовой стоимости» [10, л. 67–67 об.]. В распоряжении говорилось, что лес надлежит отпускать из валежника и сухостоя, за исключением дуба, «а где мертвого леса не имеется – из сырорастущего леса тех лесосек». На отопление (беженцам) лес отпускался исключительно дровяного качества. Размер «отпуска» (выдачи) по каждому лесничеству не должен был превышать 2,5 тыс. руб. «таксовой стоимости отпущенных лесных материалов». Лесные билеты на заготовку выдавались уполномоченным организаций с указанием дачи, квартала, лесосеки, № делянки. В этом начинании государства особую помощь беженцам оказывало Казанское отделение Татьянинского комитета [6, л. 217]. К началу 1916 г. местными властями Казанской и Симбирской губерний в основном были решены организационные вопросы, связанные с размещением, регистрацией, обеспечением питания, медицинской помощью и трудоустройством вынужденных мигрантов.

Таким образом, в Симбирской и Казанской губерниях в 1915 г. властями и благотворительными организациями был проведен комплекс практических мероприятий по приему, содержанию, регистрации и размещению беженского населения, эвакуированного из западных губерний страны. Бе-

женцы на территории Казанской и Симбирской губерний размещались компактными группами, что соответствовало следующему принципу: немногочисленное городское население распределялось в городах, а крестьянское – в сельской местности. Постепенно стала складываться система гуманитарной помощи со стороны общественных, государственных и частных организаций, центральной из которых по защите мигрантов был Татьянинский комитет, затем – Всероссийский городской союз помощи больным и раненым воинам, Министерство внутренних дел и Особое совещание по устройству беженцев. Благосостояние и положение перемещенных лиц прямо зависели от размеров финансовой поддержки правительства, общественных и частных организаций, органов местной власти, а также от уровня развития транспортной и социальной инфраструктуры. К началу 1916 г. местными властями Казанской и Симбирской губерний в основном был реализован на практике комплекс мер по поддержке беженского населения.

Список источников и литературы

1. *Блиняев С.Н., Широков О.Н.* Беженцы в годы Первой мировой войны (по документам Казанской и Симбирской губерний) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4 (48). С. 42–59.

2. *Блиняев С.Н.* Экономическая мобилизация и социальные практики в годы Первой мировой войны (на примере Чувашского края): дис. … канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары, 2021. С. 177.

3. *Василенко В.В.* Создание и деятельность Витебского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (1914 – начало 1918 года) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. 2014. № 9. С. 87–95.

4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 11. Д. 4.

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 46. Оп. 1. Д. 530.

6. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1359.

7. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1383.

8. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1424.

9. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1008.

10. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1009.

11. ГИА ЧР. Ф. 507. Оп. 1. Д. 37.

12. *Гулин А.О.* Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 5. С. 24–28.

13. *Изоркин А.В.* Ядрин. Исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 191 с.

14. *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–146.

15. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

16. Постановления 92-го чрезвычайного Казанского губернского земского собрания 19 сентября 1915 года. Казань, 1915. 285 с.

17. *Соколова В.И., Харитонова С.Б.* Размещение и трудоустройство эвакуированных и беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 53–61.

S.N. Blinyaev

REFUGEES DURING THE FIRST WORLD WAR
(MATERIALS OF THE KAZAN AND SIMBIRSK PROVINCES)

Abstract. The issues related to evacuation reasons, accommodation, registration, primary assistance, social adaptation and organization of refugees' employment in the territory of the Kazan and Simbirsk provinces during the First World War have been investigated based on published literature and archival sources first introduced into scientific use. The participation of the Tatiana Committee, city and zemstvo institutions, the government and the Special Conference on the arrangement of refugees in the fate of displaced persons has been studied.

Keywords: evacuation, refugees, the Tatiana Committee, the Kazan and Simbirsk provinces, displaced persons, the First World War.

УДК 346.6

Н.С. Бойко,
Р.Р. Сейтумеров

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РСФСР: РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПОСРЕДСТВОМ КРЕДИТОВАНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1923–1926 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье предпринята попытка на архивных материалах раскрыть условия кредитования, осуществляемые Государственным банком России и его отделениями на местах, сельскохозяйственной отрасли, направленного на возрождение сельского хозяйства.

Ключевые слова: Государственный и Сельскохозяйственный банки, семенные ссуды, посевы, хлебные культуры, крестьяне, конфликт.

Государственный банк РСФСР начиная с 1923 г. организовал выдачу индивидуальным крестьянам семенных ссуд, для чего в Госбанке, а позднее и в Сельскохозяйственном банке были созданы специальные фонды. Распределением семенных ссуд занимались уездные земельные управления, которые составляли списки желающих получить ссуды и передавали их в отделения Сельскохозяйственного банка. Семенные ссуды выдавались для посева преимущественно хлебных культур, иногда технических. Хотя дело было нужное и выгодное, при их распределении, а особенно при возврате средств (вместе с процентами), возникали серьезные конфликты, которые приходилось разрешать работникам финансового управления Наркомата финансов и Госбанка. Представители Госбанка жестко контролировали эту работу. В 1926 г. возник серьезный конфликт между чиновниками Сызранского земельного управления, местным отделением Сельскохозяйственного банка и крестьянами Дворянской волости Сызранского уезда. Причиной возникновения конфликта стало решение местного органа власти изменить размер возвратного процента и установить более короткие сроки для возврата семенных ссуд, нарушив тем самым условия заключенных ранее договоров. В итоге за один пуд яровых крестьяне платили возвратный налог 35 %, а за один пуд озимых – 25 %, а если брали скидки на «сорность» и «влажность», то процент доходил до 50 % в зависимости от размера полученной семенной ссуды. Крестьяне, соответственно, не могли уложиться в произвольно отведенные сроки и обратились с жалобой на действия местных властей в отделение Госбанка, сотрудникам которого и пришлось разрешать возникшую ситуацию [2, л. 8].

Отделения Государственного банка в ходе своей деятельности также принимали участие в разрешении первого хлебозаготовительного кризиса 1926 г., когда крестьяне массово отказались продавать хлеб по заниженным ценам. Госбанк был вынужден выделить кредиты хлебозаготовительным организациям для того, чтобы они повысили закупочные цены, а местные органы власти пошли на директивное сокращение прибыли хлеботорговых организаций. Первый хлебозаготовительный кризис был преодолен без применения насильственных директивных мер, которые стали применять начиная с 1928 г. [1, л. 183].

В 1927 г., последнем году реализации новой экономической политики, аграрный сектор все в большей и большей степени затрагивали административные тенденции. В сельскохозяйственную кредитную политику, ответственность за проведение которой несли отделения Государственного банка, а непосредственная реализация которой возлагалась на Сельскохозяйственный банк, были внесены существенные изменения. Во-первых, в Сельскохозяйственном банке было сосредоточено все производственное и сбытовое кредитование, причем оно напрямую зависело от выполнения единоличными крестьянами условий так называемой *контрактации.* Крестьяне были поставлены в жесткие условия получения кредита под производство (выращивание) к определенному сроку конкретных объемов сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, размеры выделяемых кредитов зависели от природно-географических условий тех районов, где трудились сельхозпроизводители. В-третьих, размеры выделяемых товаропроизводителю ссуд зависели от конъюнктуры рынка [7, с. 79].

Однако, по мнению А. Залкинда, эти требования значительно усложнили получение ссуд единоличными крестьянами. Начиная с 1923/24 г. зажиточная часть деревни оказалась под жестким прессингом со стороны кредитно-финансовых органов, которые установили контроль за накоплением и движением их капиталов. Если брать в целом по стране, то главную часть кредитов получили в 1924/25 г. безлошадные крестьяне (бедняки) – 33,1 %, однолошадные крестьяне (середняки) – 54,4 %. Более зажиточные слои, имевшие 2 и более лошадей в собственности, получили только 12,5 % ссуд [3, с. 299].

Особой статьей кредитования отделений Госбанка и Сельскохозяйственного банка стало субсидирование колхозов и совхозов. В начале 1920-х гг. наиболее производительные помещичьи и частновладельческие хозяйства, которые до Октябрьской революции давали стране наибольшее количество продукции, были разорены и стали приходить в запустение. На их месте в 1919–1921 гг. были созданы совхозы. Первые совхозы не показывали высоких производственных результатов, как это пытались утверждать некоторые ис-

следователи советского периода, в частности, В.Т. Чунтулов, который в одном из своих исследований заявил о том, что «совхозы и колхозы в годы гражданской войны заняли чуть ли не лидирующее положение в аграрном секторе экономики» [9, с. 145]. Это совершенно не так, о чем свидетельствуют многие другие исследования [4, с. 7].

В первые годы новой экономической политики, пока не были созданы Госбанк и Сельскохозяйственный банк, работой совхозов руководили организованные в уездных администрациях управления коллективных хозяйств, которые и распределяли централизованно выделяемые государственные бюджетные средства [3, с. 299].

В начале 1922 г. перед отделениями Государственного банка была поставлена задача преимущественного кредитования совхозов как передовых форм организации сельскохозяйственного производства. А перед совхозами в начальный период нэпа стояла задача не увеличения объемов выпускаемой сельскохозяйственной продукции и снабжения городов продовольствием, – они должны были стать опорными пунктами подъема окружающей их крестьянской массы. Совхозы работали в период нэпа на основе самоокупаемости и объединялись в губернские сельскохозяйственные тресты, которые, в свою очередь, были организационно сведены в Госсельсиндикат. Все совхозы были поделены на 4 основные группы по роду деятельности. К первой группе относились совхозы, которые разводили улучшенные семена и реализовывали их в виде семенных ссуд крестьянам. Они были центрами по сортировке и очистке семян. Другие совхозы, так называемые племхозы (конезаводы, племенные хозяйства по разведению крупного рогатого скота) реализовывали крестьянам племенной крупный рогатый скот, свиней, овец, на севере – оленей и т. п. [5, с. 98]. Эти хозяйства также предоставляли крестьянам для спаривания племенных быков, боровов, жеребцов. Совхозы третьей группы занимались в своих цехах переработкой сельскохозяйственного сырья: сахарной свеклы, винограда, молока, технических культур, например, льна. К четвертой группе относились хозяйства, которые организовывали для крестьян прокат сельскохозяйственных орудий, первых немногочисленных тракторов. В 1921–1926 гг. многие совхозы, несмотря на массированную помощь со стороны государства в виде бюджетных вливаний, кредитов, напрямую в 1922–1923 гг. предоставляемых отделениями Госбанка, а с 1924 г. – отделениями Сельскохозяйственного банка, работали в основном неэффективно и нерентабельно, то есть в большинстве своем были убыточными. Только с 1925 г. совхозы постепенно начали приносить хоть какую-то прибыль, повышать качество работы. Так, если в 1923/24 г. валовая продукция совхозов на единицу удобной земли в среднем составляла 20,4 руб., то в 1924/25 г. достигла 51 руб. [6, с. 32].

Ситуация в регионах была схожей, об этом свидетельствуют конкретные сведения по Татарской АССР, соседней с Ульяновской губернией республикой. Здесь на балансе банка находились 64 совхоза с 13 695 работниками. Они жили только за счет кредитов, выделяемых отделением Госбанка СССР по ТАССР. За весь период 1922–1924 гг. они совершенно не сдали никакой продукции, а все, что произвели, полностью ушло на их потребление [8, л. 122].

Кредитование превратилось в мощный рычаг насаждения производственных отношений нового «социалистического» типа, привлечения крестьян к выполнению тех или иных массовых работ, поддерживания предприятий «социалистического типа», к которым относились коллективные хозяйства (артели, коммуны, товарищества по совместной обработке земли) и совхозы. Органы советской власти ориентировали отделения Государственного и Сельскохозяйственного банков на преимущественное кредитно-финансовое поддержание колхозов и совхозов. Всего в 1925 г. в стране насчитывалось около 22 тыс. коллективных хозяйств, которые обрабатывали 3 млн дес. земли (см. табл.) [1, л. 183].

Таблица

Число коллективных хозяйств в СССР в 1919–1926 гг.

Наименования хозяйств	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Коммуны	1961	3120	1672	1723	3400	3100
Артели	3603	10 185	9613	8139	8112	6400
Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы)	622	2514	1605	4217	10 200	11 390
Всего	6186	15 819	12 890	14 079	21 712	20 890

Благодаря финансовой и организационной поддержке со стороны государства, количество коллективных хозяйств, если брать рассматриваемый период в целом, росло. Быстрее всего развивалась такая форма, как товарищеская обработка земли. Соответственно, Государственный банк и его отделения на местах были ориентированы на кредитование, в первую очередь, сельской кооперации, коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли, а также тех хозяйств, которые производили сырье для промышленности: шерсть, сахарную свеклу, кожсырье, пеньку, маслосемена и т. п.

Таким образом, в период новой экономической политики и ее реализации в деревне, государственные органы власти ориентировали крестьян на создание коллективных форм хозяйствования. Именно через кредитно-финансовую кооперацию государство проводило свою социальную политику,

то есть ограничивало те слои, которые считались «классово неблагонадежными», к которым относились так называемые кулаки, сельские предприниматели, нэпманы, и поддержку «классово близких», «родственных» слоев населения, к числу которых относились бедняки. Деятельность Государственного и Сельскохозяйственного банков была в основном направлена на решение этих задач.

Постепенно ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, контролируемые отделениями Государственного банка, стали упрочивать свое положение и содействовать быстрому восстановлению и подъему сельского хозяйства. Вновь созданные сельские кредитно-финансовые учреждения наладили свою работу. Государственный банк и его отделения на местах посредством кредитования регулировали экономические процессы, сопровождающие возрождение сельского хозяйства.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 183. Оп. 8с. Д. 57.

2. ГАУО. Ф. 183. Оп. 8с. Д. 131.

3. *Белостоцкий В.В.* Правовое положение частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А.М. Гинзбурга. М.: Промиздат, 1927. С. 293–299.

4. *Бойко Н.С.* Местное управление как способ эффективного хозяйствования на местах // Поволжский педагогический поиск. 2015. № 1 (11). С. 7–10.

5. *Виноградский Н.Н.* Болезни хлебного рынка // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 92–108.

6. *Голендо М.С.* К вопросу о совхозах // Плановое хозяйство. 1925. № 4. С. 27–42.

7. *Кутьина Г.* Возрождение денежных налогов в первые годы НЭП // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1990. № 3. С. 78–83.

8. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 3452. Оп. 1. Д. 64.

9. *Павлов В.* Правовое положение финансового рынка // Задачи и перспективы госкредита в СССР. М.: Госфиниздат НКФ СССР, 1928. С. 142–151.

N.S. Boyko, R.R. Seitumerov

THE ACTIVITY OF THE STATE BANK OF THE RSFSR: REGULATION OF ECONOMIC PROCESSES THROUGH CREDITING AND REVIVAL OF AGRICULTURE IN 1923–1926 (THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK PROVINCE)

Abstract. The article attempts to reveal the conditions of crediting, carried out by the State Bank of Russia and its local branches, of the agricultural industry aimed at revival of agriculture on the basis of archival materials.

Keywords: the State and Agricultural Banks, seed loans, crops, bread crops, peasants, conflict.

УДК 94(470):63 – 051”1920/1930”

В.А. Бондарев

«ПЕРЕДОВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ» 1920-Х ГОДОВ: «КУЛЬТУРНИЧЕСТВО» В СОВЕТСКОЙ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена «культурничества» в советской деревне 1920-х гг. Выявлены направления деятельности «культурников», рассмотрены их взаимоотношения с крестьянской общиной и представителями власти, указаны причины исчезновения к началу 1930-х гг. данной категории земледельцев.

Ключевые слова: аграрные преобразования, крестьянская община, «культурники», «культурные крестьяне», модернизация, «передовые крестьяне».

Одним из уникальных социальных явлений в советской (российской) доколхозной деревне 1920-х гг. выступают крестьяне-«культурники», или иначе – «передовые крестьяне», «культурные крестьяне», «культурные хозяева». Получив широкую известность в период нэпа, они были преданы забвению на протяжении последующих советских десятилетий как представители совершенно чуждого колхозной системе социально-экономического уклада и практически не рассматривались в научной литературе как объект исследования. Данное обстоятельство актуализирует задачу изучения «культурничества», тем более что принципы организации аграрного производства нэповской и постсоветской, современной России в определенной степени родственны. В связи с этим результаты осмысления деятельности «передовых крестьян» 1920-х гг. могут быть востребованы в целях развития крестьянско-фермерских хозяйств Российской Федерации.

В 1920-х гг. «культурниками» называли активных, инициативных и предприимчивых крестьян, выделявшихся в массе сельского населения последовательной модернизацией своих индивидуальных хозяйств (чем они занимались под руководством и при помощи агронома), не пользуясь при этом наемной рабочей силой. Именно такое определение «культурников» можно сформулировать на основе изучения документов и материалов партийно-советских органов, в которых шла речь об этом социальном явлении. Так, в конце 1924 г. Кубанское окружное земельное управление (окрзу) Северо-Кавказского края в своем воззвании разъясняло местным земледельцам, что «передовой хлебороб» – это тот, кто соблюдает правильные севообороты, обрабатывает поле под зябь и чистый пар, применяет рядовую сеялку и «сеет отборными, очищенными и протравленными семенами», и т. д. [12, л. 1]. Весной 1925 г. Северо-Кавказское краевое земельное управление (крайзу)

приняло резолюцию «По вопросу о крестьянах-культурниках», в которой констатировалось, что «культурными хозяйствами» являются «только трудовые хозяйства», которые не пользуются «годовым и сроковым (5–6 мес.) наемным трудом», широко и систематически применяют эффективные, передовые технологии растениеводства и животноводства, прислушиваются к советам агронома или хозяйствуют под его руководством [9, л. 30]. Кроме того, «культурный хозяин» должен был собственным примером агитировать крестьян за модернизацию аграрного производства и тем содействовать «делу хозяйственного подъема окружающей деревни» [9, л. 30]. Иными словами, «культурником» являлся крестьянин, стремившийся вести хозяйство силами собственной семьи, но не по старинке, а на основе достижений аграрной науки, с опорой на советы агронома и, по возможности, с применением современной сельскохозяйственной техники. Теоретически соседи «культурников» должны были перенимать их опыт, улучшать и развивать свои хозяйства.

Характерная для нэпа свобода выбора форм землепользования вкупе с ликвидацией помещичьего землевладения и уравнительным земельным переделом выступили в качестве предпосылок возникновения «культурничества». Еще одним немаловажным фактором являлись социально-психологические особенности рассматриваемого исторического периода, когда определенная часть советского общества действительно верила в построение «социалистического завтра» и стремилась по мере сил участвовать в этом процессе. Для множества «культурников» модернизация своих хозяйств, получение высоких урожаев и приплодов породистого скота являлись не самоцелью, не средством обогащения, а воплощением вековечной крестьянской мечты о свободном труде на своей земле. Немало было среди «передовых крестьян» и таких, кто видел в модернизации хозяйства способ участия в построении коммунизма. Тем самым в основе «культурничества» лежали не только материальные расчеты, но и идеологические мотивы.

Деятельность «культурных хозяев» напрямую зависела от народнохозяйственных и природно-климатических условий конкретного региона, которые оказывали определяющее влияние на выбор направлений хозяйствования. Общим же для «культурников» являлось стремление к инновациям и внедрению в производство прогрессивных приемов земледелия и животноводства. «Культурники» выступали пионерами в апробации новых, эффективных приемов земледелия (таких как снегозадержание, правильные севообороты и т. д.), в разведении чистопородного скота, в выращивании новых сельхозкультур. Для «передовых крестьян» общим было и внимательное отношение к советам агрономов.

Сотрудничество агрономов с «культурниками» предполагало участие последних в разнообразных исследованиях и опытах. Действуя под руко-

водством агрономов либо сотрудников различных опытно-исследовательских учреждений, «культурники» испытывали сорта культурных растений, вели селекционную работу и проч. Нередко именно полевые участки «культурников» (которых в таком случае именовали еще и «опытниками») становились базой для работы опытно-исследовательских учреждений. В частности, по данным Северо-Кавказского крайзу, к 1926 г. в крае насчитывалось 282 показательных поля общей площадью 5628 дес. и 3282 показательных участка (8843 дес.). Из них 70 полей и 34 участка находились при агрономических пунктах (24,8 % и 1,0 % от общей численности), 45 и 327 в сельскохозяйственных коллективах (около 16 % и до 10 %), 24 и 5 в совхозах (8,5 % и 0,15 %), 5 и 6 (около 1,8 % и 0,18 %) – в прочих организациях. Подавляющее же большинство опытных площадей располагались в крестьянских хозяйствах: 138 полей и 2910 участков (около 50 % и 88,6 %) [8, с. 81]. Не вызывает сомнений, что эти хозяйства принадлежали «культурникам». Только они хотели и могли оказать содействие агрономам в опытно-исследовательской работе, в отличие от основной массы крестьян-общинников, ведущих хозяйство дедовскими методами и не помышлявших об инновациях. Обычно «культурники», действуя под руководством агрономов и получая от них семенной материал, проводили опыты самостоятельно.

Если с агрономами и работниками опытно-исследовательских учреждений «культурники» активно и плодотворно контактировали, то с односельчанами у них складывались непростые отношения. Важнейшей причиной подобного выступала разность взглядов «культурных» и, так сказать, «обычных» хозяев на необходимость модернизации аграрного сектора. В отличие от «культурников», подавляющее большинство советских хлеборобов не стремилось к новшествам. Наоборот, пользуясь свободой выбора, основная масса крестьян отдала свои симпатии традиционной общине. Будучи существенно ослаблена столыпинской реформой, община полностью восстановила свои позиции в постоктябрьской России: по статистике в 1927 г. в РСФСР общинными являлись до 95,5 % крестьянских земель [3, с. 76]. Однако, вне зависимости от симпатий крестьян, община к началу XX в. являлась безнадежно устаревшим социальным институтом, тормозившим развитие сельского хозяйства.

Реакцией «культурников» на косность и консерватизм общины было их стремление отделиться на отруба или хутора, в которых они видели «реальное средство увеличения доходности хозяйства» [7, с. 350]. Как заявлял один из «передовых крестьян», «бездельный хозяин на хуторе завянет, но не надо держать насильно культурника в общине, а предоставить ему возможность выйти на хутор и чтобы он мог развернуть свою деятельность на пользу себе и государству и показал пример другим» [10, л. 134].

В свою очередь, большинство общинников не приветствовало «передовых крестьян». Напряженные отношения между массой общинников и «культурниками» оказывали определяющее воздействие на сравнительно низкую численность последних. По подсчетам Ю.С. Борисова, в 1926 г. в РСФСР «производственно-культурный актив деревни» (хозяева показательных участков и полей, участники сельскохозяйственных кружков и др.) насчитывал не более 90 тыс. чел. [1, с. 174]. Крестьян-опытников, выступавших передовым отрядом «культурников», насчитывалось в 1924–1925 гг. лишь 7 тыс. [1, с. 174]. Правда, к 1928 г. численность опытников выросла до более чем 24 тыс. [1, с. 174–175], но даже и эта цифра выглядит мизерной в сравнении с многомиллионной массой крестьянских дворов в Советской России, чуждых «культурничеству».

Все же источники позволяют утверждать, что, вопреки невысокой численности, «культурные хозяева» представляли собой заметное социальное явление и играли важную роль в доколхозной деревне. Весьма скромные количественные параметры «культурников» компенсировались присущими их корпорации отличительными характеристиками, такими как сравнительно высокий уровень грамотности, широкий кругозор, заметная общественная активность.

Наибольшую значимость и влияние «культурники» получили в середине 1920-х гг. в рамках развернутой в данное время политической кампании «лицом к деревне». Политика «лицом к деревне», инициированная лидерами компартии, имела целью направить возросшую в условиях нэпа социально-политическую активность крестьянства в просоветское русло. Для этого предусматривалось устранить препоны для наиболее активных, инициативных и зажиточных групп сельского населения в экономической и общественной деятельности. Потенциал деревенской верхушки должен был послужить делу модернизации сельского хозяйства, в том числе партийно-советские структуры принялись демонстративно поощрять «культурных» и старательных земледельцев.

С конца 1924 – начала 1925 г. в СССР началось проведение официально одобренных мероприятий, центральной фигурой в которых являлись «культурники». Прежде всего следует упомянуть различные совещания «культурных хозяев», – районные, окружные и даже краевые. В частности, в январе 1926 г. в Ростове-на-Дону состоялось Северо-Кавказское краевое совещание «земельных работников, хлеборобов и культурников». Материалы совещания, изданные отдельной брошюрой, свидетельствуют, что живейшее участие в нем приняли руководящие работники крайзу, в первую очередь – заведующий крайзу Одинцов, выступавший с речью на открытии совещания [13, с. 5–10].

Повсеместным явлением стали разнообразные выставки достижений «культурных хозяев». Такие выставки превратились в обязательный элемент празднования «Дня урожая», отмечавшегося в сельской местности Советской России в середине октября (впервые праздник появился в 1923 г.). Сельскохозяйственная выставка в «День урожая» привлекала массу посетителей, укрепляя их в мысли о важности и необходимости инноваций в аграрном производстве. Достижения «культурников» демонстрировались и на региональных выставках. Кроме того, проводились конкурсы на «лучшие трудовые крестьянские хозяйства». Так, в октябре 1925 г. победителям первого Северо-Кавказского краевого конкурса на «лучшие трудовые крестьянские хозяйства» были выданы 244 премии, а «лучшим хлеборобом края» стал крестьянин с. Кулишовки Азовского района Донского округа Петр Силантьевич Моисеенко. Он получил «особую почетную грамоту» от крайисполкома, помещенную в «художественно-исполненный бювар со специальной серебряной крышкой, на которой изображен хлебороб, опирающийся одной рукой на трактор, а другой поддерживающий земной шар». В грамоте излагались заслуги П.С. Моисеенко «на культурном сельскохозяйственном фронте», причем этот документ освобождал победителя «от уплаты всех налогов и исполнения всех повинностей» и мог находиться у него «до тех пор, пока его хозяйство будет оставаться культурным» [11].

Лейтмотивом официальной риторики в рамках политики «лицом к деревне» стали призывы к советским земледельцам равняться на «культурных хозяев». Даже Центральный комитет комсомола требовал от руководителей низовых организаций «всемерно поощрять культурное ведение сельского хозяйства комсомольцами, работающими в нем» [4, с. 48].

Однако уже во второй половине 1926 г. лидеры компартии охладели к политике «лицом к деревне», а затем и отказались от нее. Ведущей причиной здесь являлось то, что данная политика, позволявшая крестьянам «обогащаться», крепила не социалистический сектор (колхозы и совхозы), а «мелкобуржуазную стихию», априори враждебную делу социализма и, значит, большевистскому политическому режиму. Стимулируя крестьянскую инициативу и самодеятельность, она не столько укрепляла просоветские настроения на селе, сколько подрывала властную монополию компартии. Все это было категорически неприемлемо для большевиков и весьма быстро привело к тому, что они «отворотили лицо» от деревни, если понимать под таковой ее инициативные, хозяйственно самодостаточные и имущие слои.

В 1927 г. «передовые крестьяне» из примеров для подражания превратились в объект гонений. Представители власти стали приравнивать «культурников» к кулакам, то есть социальной группе, абсолютно враждебной советской власти. Весьма характерна опубликованная в ноябре 1927 г. в жур-

нале «Большевик» (официальном издании Центрального комитета компартии) статья, в которой утверждалось, что в деревне «растет новый слой кулачества со своими отличительными особенностями. Этот кулак нового покроя, иногда переформированный тип старого кулака, большей частью более предприимчивый и культурный хозяин с деляческой психологией» [2, с. 89]. Причисление же к кулачеству в 1920-х гг. влекло за собой резкое повышение налогового бремени, ограничения на прием в кооперацию и пользование услугами кооперативной сети, лишение избирательных прав и т. п. Все это сильнейшим образом повлияло на демотивацию «культурников», что привело к отказу от инновационной деятельности в своих хозяйствах. В частности, осенью 1928 г. председатель организационно-планового бюро Госплана РСФСР П. Парфенов, изучив ситуацию на Северном Кавказе, направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, где констатировал апатичное отношение земледельцев к модернизации аграрного производства: «Агрономы отмечают, что за последние два года к ним совершенно никто не обращался с вопросами производственного значения» [5, с. 78–79]. По этому поводу исследователи совершенно справедливо отмечают, что для советской деревни конца 1920-х гг. характерна потеря «интереса крестьян к повышению культуры сельскохозяйственного производства после лишения избирательных прав многих крестьян-культурников» [6, с. 32].

Финалом же существования «культурников» стала сплошная форсированная коллективизация, развернувшаяся в Советском Союзе на рубеже 1920–1930-х гг. «Культурники», как чуждые колхозам и ассоциировавшиеся с кулаками, подверглись во время коллективизации безжалостным гонениям. В рамках сопровождавшего и стимулировавшего коллективизацию раскулачивания хозяйства «передовых крестьян» были разгромлены, а их владельцы по большей мере раскулачены.

Итак, в 1920-х гг. в советской доколхозной деревне сформировалось движение крестьян-«культурников», ведущей характеристикой которого являлось последовательное стремление к внедрению аграрных инноваций в рамках индивидуальных крестьянских хозяйств и кооперативных объединений. По существу, «культурничество» выступало в качестве одного из направлений модернизации аграрного производства, базировавшегося на семейных хозяйствах и кооперации, развивавшегося в русле товарно-рыночных отношений. У «культурничества» был ряд вариантов развития. Во-первых, о «передовых крестьянах» с определенными допущениями можно говорить, как о неких «советских фермерах». Во-вторых, «культурники» принимали участие в кооперативном движении (хотя фермерство и кооперация не противоречили друг другу; они могли сосуществовать и дополнять одно другим). В реалиях нэпа «культурники» были близки к идеалу «цивилизованных

кооператоров», о которых писал В.И. Ленин в статье «О кооперации», и воплощали собой третий путь развития советской деревни, между архаичной общиной, с одной стороны, и крупными формами сельхозпроизводства в виде государственных (совхозы) и огосударствленных (колхозы) предприятий – с другой.

Хотя «культурники» добились заметных результатов в модернизации собственных хозяйств, не следует переоценивать их социальный и модернизационный потенциал. При всей своей активности и предприимчивости «культурники» были слишком малочисленны и не могли в исторически короткие сроки устранить серьезные противоречия нэповской деревни, такие как аграрное перенаселение, классовое расслоение, социальное напряжение между беднотой и кулацко-зажиточной верхушкой. По той же причине не могли они преодолеть натуральный характер большинства крестьянских хозяйств и резкое снижение товарности аграрного производства.

Некоторое время лидеры компартии поддерживали и стимулировали «культурничество», признавая его модернизационный потенциал, но это продолжалось недолго. Во второй половине 1920-х гг. большевики отвергли «культурников» как вариант модернизации аграрного сектора по причине его несоответствия политико-идеологическим установкам компартии и окончательно сделали ставку на коллективизацию, в ходе которой «культурничество» исчезло как уникальное историческое явление.

Список источников и литературы

1. *Борисов Ю.С.* Производственные кадры деревни, 1917–1941. Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины? М.: Наука, 1991. 227 с.

2. *Волоконский П., Любошиц Л., Плешков П.* Современные типы деревенской буржуазии (Зарисовки с натуры) // Большевик. 1927. № 21. С. 88–95.

3. *Данилов В.П.* Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2020. С. 69–90.

4. Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ (1918–1976 гг.) / под ред. Н.П. Гриценко, В.А. Дмитриева, А.В. Дортгольц и др. Краснодар: Кн. изд-во, 1978. 255 с.

5. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 244 с.

6. *Есикова М.М.* Традиции и новации в аграрной культуре России 1880-е – начало 1930-х гг. (на материалах Центрального Черноземья): автореф. дис. … д-ра ист. наук (07.00.02). Саратов, 2011. 40 с.

7. *Козлов С.А.* «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). Т. II. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. 688 с.

8. Отчет Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924 – [19]25 операц.[ионный] год. Ростов н/Д: Изд. Сев.-Кав. крайзу, 1926. 318 с.

9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 576.

10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 58.

11. Советский Юг. 1925. 11 октября.

12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 71.

13. 4-е краевое совещание земельных работников и культурных хлеборобов. Рос-тов н/Д: Изд. Сев.-Кав. крайзу, 1926. 36 с.

V.A. Bondarev

«ADVANCED PEASANTS» OF THE 1920s: «KULTURNICHESTVO» IN THE SOVIET PRE-FARM VILLAGE

Abstract. The article is devoted to phenomenon comprehension of «kulturnichestvo» in the Soviet village of the 1920s. The article reveals the directions of activity of «kulturniks», it considers their relations with the peasant community and representatives of the authorities, it indicates the reasons for the disappearance of this category of farmers by the early 1930s.

Keywords: agrarian transformations, peasant community, the «kulturniki», the «cultural peasants», modernization, the «advanced peasants».

УДК 332.3

В.В. Владимиров

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье представлены аспекты развития крестьянских хозяйств в Чувашии к началу XX в.: от освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. до 1928 г. – начала их коллективизации. Выделены отдельные периоды в становлении системы государственного управления сельским хозяйством. Проведена оценка условий предпринимательской деятельности сельхозтоваропроизводителей.

Ключевые слова: крестьянские хозяйства, государственное управление, Столыпинская реформа, условия предпринимательской деятельности.

Актуальность рассмотрения исторических аспектов развития крестьянских хозяйств на территории Чувашской Республики в начале XX в. обусловлена тем, что в этот период были заложены основы государственного регулирования развития аграрной отрасли в России и созданы организационно-экономические механизмы обеспечения благоприятных условий деятельности сельхозтоваропроизводителей. Этот опыт был особо ценен в период возрождения рыночной системы хозяйствования в России в 1990–2000-х гг., но и в современных условиях данная проблема не утратила актуальности, так как необходимость повышения эффективности государственного управления и улучшения инвестиционного и предпринимательского климата в отрасли в целом и в отдельных регионах России постоянно будут в центре внимания ученых и практиков.

Проблемы создания благоприятных условий для развития агробизнеса рассматриваются автором системно, с позиции учета всех сфер контроля (стимулирования) деятельности основных товаропроизводителей (крестьянских хозяйств, коллективных предприятий, крестьянских фермерских хозяйств): в праве собственности, распределении произведенной продукции, регулировании процессов производства, обеспечении ресурсами, регулировании конкуренции, распределении доходов, управлении бизнесом [1; 2]. Изучение и анализ действующих мер государственного контроля (стимулирования) в каждой из указанных сфер предпринимательской деятельности в АПК позволяет определить степень ограничений, существующих в разные периоды для сельскохозяйственных товаропроизводителей и мешающих росту аграрного производства. Привлечение исторического материала увеличит доказуемость выводов исследования.

Соответствующий анализ теоретического материала позволил нам выделить четыре периода в развитии сельского хозяйства России и Чувашии: с 1861 по 1905 г.; с 1905 по 1917 г.; с 1918 по 1921 г.; с 1921 по 1928 г.

Особый интерес с научной точки зрения развитие крестьянских хозяйств Чувашии представляет с момента освобождения крестьян от крепостной зависимости. Таким образом, первый период их развития приходится на начало формирования самостоятельных крестьянских хозяйств. В это время практически все крестьяне Чувашии были государственными, доля дворянских крестьян была очень незначительной. Данный период характеризуется следующими признаками: крестьянские хозяйства еще сохраняли пережитки крепостничества, зависимость от государства и общины. Эти пережитки и ограничения проявлялись в отсутствии полного права собственности на землю, в огромных размерах выкупных платежей, в ограниченных правах на имущество и недвижимость, в зависимости от произвола государства и бывших собственников крестьян при уплате налогов и выполнении государственных повинностей. Следует особо отметить, что основной формой хозяйствования было общинное землепользование, при котором все основные производственные вопросы крестьянину приходилось решать через общину, через мирской сход и его выборных лиц. Также развитию отрасли мешала сельскохозяйственная политика государства, выраженная в стремлении управлять крестьянами через представителей дворян-помещиков. Все это значительно сдерживало хозяйственную инициативу крестьян [3, с. 423].

Следующей особенностью условий хозяйствования в этот период было отсутствие возможности крестьянину выделиться из земельной общины и вести самостоятельное хозяйство на собственном земельном участке. Этому мешала общинная собственность на землю и постоянные ее переделы.

В целом о структуре землевладения, сложившейся на территории Чувашии к началу XX в., свидетельствует таблица 1.

Из представленных данных видно, что наибольший удельный вес в структуре землевладения занимало крестьянское надельное общинное землевладение – 54 % (для сравнения – в европейской части России 35 %) [6, с. 19]. Однако вследствие высокой плотности населения землеобеспеченность крестьян была низкой. На один крестьянский двор в 1905 г. в среднем приходилось 5,9–7,5 дес. (6,4–8,2 га) земли. Самостоятельные крестьянские хозяйства на территории Чувашии занимали в структуре землевладения только 2,7 %.

Становление самостоятельных крестьянских хозяйств на территории Чувашии происходило в связи с принятием Столыпинской реформы. На 1905–1917 гг. приходится второй период развития системы государственного управления сельским хозяйством. Именно тогда были сделаны практические шаги по созданию благоприятных условий для развития агробизнеса и созда-

Таблица 1

Структура землевладения на территории Чувашии в 1905 г.

Землевладельцы	Площадь в десятинах	Площадь в гектарах	В % к итогу
1. Казна и удел	1 091 413	1 192 368	36,4
2. Помещики и духовенство	163 251	178 351	5,4
3. Купцы и мещане	28 880	31 551	1,0
4. Крестьяне-общинники	1 621 420	1 771 401	54,0
5. Крестьяне-собственники	80 048	87 452	2,7
6. Города, иностранные подданные и проч.	14 518	15 860	0,5
Всего	2 999 530	3 278 983	100

ния самостоятельных крестьянских хозяйств в России и в Чувашии. Отправным началом практической реализации Столыпинской аграрной реформы стал Указ Николая II от 9 ноября 1906 г. «О крестьянском землевладении и землепользовании», согласно которому крестьянам предоставлялось право на землеустройство посредством свободного выхода из общины с укреплением в собственность всей той земли, которая им принадлежала. Право собственности на землю выделявшихся крестьян гарантировалось институтом личной (вместо семейной) собственности. За выделяющимися сохранялось право пользоваться в неизменной доле всеми сенокосными, лесными и другими общинными угодьями. Каждый из выделяющихся имел право во всякое время требовать сведения (т. е. соединения) причитающихся ему земель в один участок для образования хутора или отруба. Крестьяне, выходя из общины, получали возможность продать или заложить укрепленные в частную собственность надельные земли, что облегчало условия их переселения в город и устройства на промышленные предприятия. Община же, выкупив их землю, могла наделить нуждавшихся своих членов, тем самым несколько разрядить обстановку с малоземельем [5, с. 60–62].

Перемены, которые произошли в землевладении Чувашии в годы Столыпинской реформы, отражены в таблице 2.

По анализу данных, приведенных в таблице, можно заметить, что казна, удел и дворяне за годы Столыпинской реформы распродали значительную часть своих владений, за счет чего купчие земли, в основном зажиточных крестьян, выросли вдвое. Крестьянский поземельный банк сосредоточил в своих руках около 33 тыс. дес. земли, на четверть сократили свои земли купцы и мещане.

Таблица 2

Изменение социальной структуры землевладения в Алатырском, Буинском и Курмышском уездах (без выделения частей уездов, вошедших в состав Чувашии) в 1905 и 1913 гг. (дес.)

Владельцы	Годы		
	1905	1913	1913 в % к 1905
Казна и удел	507 286	434 511	85,7
Дворяне	112 065	67 846	60,5
Духовенство	1400	1522	108,7
Крестьянский поземельный банк	1467	32 852	22,4 раза
Купцы, мещане и проч.	32 670	24 324	74,5
Крестьяне – всего	598 306	666 967	111,5
В т. ч. надельные	536 594	543 831	101,3
Купчие	61 712	123 136	199,5
Итого всей земли	1 253 194	1 228 022	98,0

Площадь земли, закрепленная в частную собственность, возросла к 1916 г. до 14 %, доля земли отрубников до 4 %, хуторских хозяйств до 0,5 % [6, с. 17]. Также широкое распространение получила сдача земли в аренду. Основными арендодателями выступали казна, удельное ведомство, дворяне, купцы, церкви и отдельные зажиточные крестьяне. Удел и казна сдавали около 2 % своей земли в аренду, а помещики, дворянство – от 50 до 90 %. Арендаторами были представители всех социальных слоев деревни: и зажиточные крестьяне, и беднейшие слои. 20 % арендованной земли имели хозяйства, засевавшие от 9 до 14 га, что свидетельствует о предпринимательском характере аренды.

Всего насчитывалось на территории Чувашии в 1917 г. 163 тыс. 859 крестьянских хозяйств и 219 частновладельческих. К частновладельческим относились хозяйства, имевшие свыше 50 дес. (55,7 га). Это были в основном помещичьи имения. На одно крестьянское хозяйство приходилось 3,85 дес. (4,2 га) пашни, в том числе 2,69 дес. (2,9 га) посевов. А на одно частновладельческое хозяйство приходилось 88,3 дес. (96,5 га) пашни, в том числе 15,1 дес. (16,5 га) посевов. На долю первых приходилось 97 % пашни, на долю вторых – 3 %, соответственно посевов 99 и 1 % [2].

Средняя урожайность в период с 1910 по 1914 г. составляла: ржи – 7,2 ц/га, овса – 6,6 ц/га, пшеницы – 5,9 ц/га, полбы – 6,7 ц/га, ячменя – 7,1 ц/га [6, с. 23]. В 1913 г. урожайность зерновых в целом составляла 9,3 ц/га,

а валовой сбор – 5228 тыс. ц. Это максимальный уровень производства зерна на территории Чувашии до революции, который был превзойден лишь в 1966–1970 гг. (см. табл. 3) [2].

Таблица 3

Динамика производства и урожайности зерновых в Чувашии за 1913–1990 гг.

Годы	Валовой сбор		Урожайность	
	тыс. ц	% к 1913 г.	ц/га	% к 1913 г.
1913	5228	100,0	9,3	100,0
1928	3884	74,3	7,9	84,9
1929	4532	86,7	8,8	94,6
1932	4518	86,4	8,2	88,2
1946–1950	3597	68,8	7,1	76,3
в среднем				
1951–1955	4386	83,9	9,0	96,8
1956–1960	4367	83,5	9,1	97,8
1961–1965	5116	97,9	9,9	106,4
1966–1970	7770	148,6	15,9	171,0
1971–1975	8390	160,5	18,3	196,8
1976–1980	9030	172,7	19,4	208,6
1981–1985	8740	167,2	20,4	219,3
1986	9646	184,5	23,0	247,3
1987	9349	178,8	22,5	241,9
1988	8160	156,1	19,8	212,9
1989	7609	145,5	18,9	203,2
1990	10 666	204,0	27,0	290,3

Следующий этап развития крестьянских хозяйств – с лета 1918 до весны 1921 г. — это период военного коммунизма. Основной формой аграрной политики этого периода была продовольственная разверстка (продразверстка). В мае 1918 г. был принят декрет о чрезвычайных полномочиях Народного комиссариата по продовольствию (Наркомпрода), которым устанавливалась продовольственная диктатура.

К этому времени решением 2-го съезда Советов от 26.10.1917 г., принявшим новый Декрет о земле, была отменена частная собственность на землю. Вся земля и ее недра передавались в исключительное пользование государства. Право пользования землей передавалось всем гражданам России на уравнительных условиях [5, с. 104].

Несмотря на то, что особых ограничительных рамок для них государство еще не успело создать, основы для приостановления процессов экономического развития сельского хозяйства уже были заложены: отменена частная собственность на землю, на средства производства, установлено уравнительное землепользование, разрушены и раздроблены крупные высокоэффективные помещичьи и другие частновладельческие хозяйства. Кроме того, приостановлены естественно-экономические процессы движения и концентрации капитала в земледелии: запрещена купля-продажа земли, аренда, сделки с недвижимостью, найм рабочей силы. Все эти ограничения вместе с практической ликвидацией крепких частновладельческих крестьянских хозяйств создали предпосылки для последующих внеэкономических методов управления сельским хозяйством. В период действия продразверстки на селе основными органами управления процессами изъятия у крестьян зерна были комитеты бедноты, в их руках были сосредоточены вся власть и оружие.

По сравнению с 1917 г. в результате проведенных преобразований к концу 1920 г. количество крестьянских хозяйств увеличилось на 3133 (2 %), а к 1928 г. их стало 184,1 тыс. (рост на 12 %). На одно хозяйство приходилось в среднем 4,14 га пашни, в том числе 2,91 га посевов [6, с. 120]. К концу 1920 г. отрицательное влияние продразверстки на развитие сельского хозяйства было налицо: снижались площади посевов и урожайность сельскохозяйственных культур, уменьшалось поголовье и снижалась продуктивность скота. Главная причина – незаинтересованность крестьян в повышении продуктивности сельского хозяйства, отсутствие экономических стимулов для его развития.

В связи с этим в марте 1921 г. продразверстка была заменена на продналог. Так начался четвертый период развития сельского хозяйства в России и Чувашии – период нэпа (новой экономической политики). Отныне крестьянин после внесения налога имел право распоряжаться излишками продукции своего производства по своему усмотрению. У него появилась личная материальная заинтересованность быстрее восстановить разрушенное хозяйство и как можно больше производить. В последующем, в 1923 г., правительство разрешило крестьянам (по их соглашению) часть налога платить деньгами, а потом полностью перейти на денежную форму налога. При этом размер налогового обложения был значительно ниже по сравнению с довоенным 1913 г. уровнем. В мае 1922 г. принимается основной закон о трудовом

землепользовании, а в октябре этого же года вводится в действие Земельный кодекс. Эти законы положили конец обобществлению земли, ее революционному уравниванию и бесконечным общинным переделам. Земля по новым законам не переходила в частную собственность крестьянам, а закреплялась на трудовое пользование. Земельный кодекс 1922 г. как бы вернул крестьянство в период Столыпинской реформы, были разрешены выделы на хутора и отруба [6, с. 92–93].

Будучи экономически обособленным производителем сельхозпродукции, крестьянин теперь мог фактически распоряжаться надельной землей и произведенной на ней продукцией. Все это способствовало достаточно быстрому восстановлению сельского хозяйства. Российское крестьянство сполна использовало предоставленные новой экономической политикой возможности. Оно снова доказало, что может быстро наращивать трудовые усилия, чтобы восстановить экономику страны после тяжких потрясений революции, двух войн, голодной катастрофы 1921–1922 гг. К середине 1920-х гг. были восстановлены посевные площади и общий объем сельскохозяйственного производства, а также рынок продуктов сельского хозяйства. Возрастала урожайность и повышалась доходность деревни [4, с. 54].

Как уже было отмечено, численность крестьянских хозяйств в Чувашии по сравнению с 1917 г. увеличилось к 1928 г. на 12 % и составила 184,1 тыс., на 1 хозяйство приходилось в среднем 4,14 га пашни, в том числе 2,91 га посевов [2].

Проведенный анализ развития крестьянских хозяйств в Чувашии в начале XX в. показал, что наиболее благоприятные условия для их развития сложились с 1905 по 1917 г., в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы. Этому способствовала государственная политика стимулирования и поддержки образования, развития и укрупнения самостоятельных крестьянских хозяйств. Результаты этой реформы сказались на показателях развития сельскохозяйственного производства.

Список источников и литературы

1. *Владимиров В.В., Дубинин В.Х.* Развитие аграрных отношений и систем управления сельским хозяйством в Чувашии: исторический аспект и поиск эффективной модели: монография. Чебоксары: ЧГСХА, 2008. 448 с.

2. *Владимиров В.В.* Организационно-экономический механизм управления сельским хозяйством республики в условиях самостоятельности предприятий: дис. ... канд. эконом. наук. М., 1992. 262 с.

3. Свод законов Российской империи. Т. X. 4.1. Законы гражданские, ст. 423. СПб., 1900.

4. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР, 1920–1937: осуществление коллективизации: сб. документов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 432 с.

5. *Строев Е.С., Никольский С.А., Кирюшин В.И.* и др. Земельный вопрос / под ред. Е.С. Строева. М.: Колос, 1999. 536 с.

6. *Шорников А.М.* Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 302 с.

V.V. Vladimirov

THE DEVELOPMENT OF PEASANT FARMS IN CHUVASHIA IN THE BEGINNING OF 20th CENTURY

Abstract. The article presents aspects of peasant farms' development in Chuvashia at the beginning of 20th century: peasants' liberation from serfdom in 1861 to 1928 – the beginning of their collectivization. Specific periods in the formation of state management agriculture system have been highlighted. The conditions of agricultural producers' entrepreneurial activity have been evaluated.

Keywords: peasant farms, state management, the Stolypin reform, entrepreneurial activity conditions.

УДК 94(470):342

А.А. Звездин,
О.М. Семерикова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН РСФСР В 1920-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ В «УРАЛЬСКУЮ ОБЛАСТНУЮ КРЕСТЬЯНСКУЮ ГАЗЕТУ»)

Аннотация. Статья посвящена политике советского государства в области конструирования правового статуса крестьян, включая процессы лишения и восстановления избирательных прав. Анализируется отражение этой политики в сознании крестьян на основе изучения их писем в редакцию «Уральской областной крестьянской газеты».

Ключевые слова: «Уральская областная крестьянская газета», письма крестьян, лишение избирательных прав, социальное конструирование, раннесоветское общество.

Прежде всего, определимся с тем, что подразумевается под понятием «правовое положение». Обычно под этим понимают совокупность прав и обязанностей личности, которые закреплены и гарантированы ей по закону. Однако некоторые исследователи расширяют понятие или до общей ответственности личности перед государством и обществом [2, с. 11], или до законных интересов, гарантий прав гражданина [7, с. 15].

В нашем случае, характеризуя правовое положение крестьянства в 1920-е гг., нужно учитывать, что нельзя в полной мере применить современное понятие правового положения, раскрывая юридический статус крестьянства того времени. По мнению исследователей, это связано с двумя особенностями советского права – включением в него непосредственно социального революционного права (то есть «неправового» в юридическом смысле феномена) и большевистской идеологии, которая, подчинив право, превратила его в догматичную систему, утратившую коренные правовые ценности [5, с. 96].

Зачастую при изучении вопросов взаимоотношения советской власти и народа основное внимание уделяется прямым политическим репрессиям (лишению жизни и свободы, ссылке, принудительному переселению, недобровольному труду). Однако помимо них советская власть практиковала и другие способы изменения социальной среды и правового статуса граждан. К их числу следует отнести лишение граждан избирательных прав по классовому принципу. Впервые большевики заговорили об этой процедуре еще до Октября 1917 г., а юридическое оформление она получила в июле 1918 г. в особой статье первой Конституции РСФСР. Принимая во внимание специ-

фику правовой среды РСФСР, можно утверждать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах с формальной точки зрения было законно.

Система правовых ограничений получила развитие в 1920-е гг. и окончательно оформилась к началу 1930-х гг. Она включала в себя не только лишение избирательных прав, но и ограничение доступа к государственным должностям и запрет на участие в общественных организациях. Более того, лишенцы сталкивались с экономическими ограничениями и подвергались социальной стигматизации и дискриминации.

По мнению некоторых историков, лишение избирательных прав выполняло следующие функции:

– ослабление влияния противников большевизма;

– проведение искусственного структурирования общества;

– привлечение социальных низов к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера [6, с. 14].

В 1920-е гг. система правовых ограничений расширилась, включив не только лишение избирательных прав, но и запрет на занятие государственных должностей, участие в общественных организациях, а также экономические и социальные ограничения. А механизм восстановления избирательных прав начал формироваться только в 1922 г. Граждане могли обжаловать включение в списки лишенцев, подав жалобу в вышестоящую комиссию в течение трех дней. В 1925 г. при Президиуме ВЦИК была создана межведомственная комиссия для рассмотрения заявлений о восстановлении прав, однако крестьяне могли рассчитывать на возвращение прав лишь по специальному решению ВЦИК.

Ужесточение выборного законодательства в 1926 г. привело к увеличению числа обращений. В 1927 г. центральная избирательная комиссия РСФСР получила 12 845 заявлений, большинство из которых (60,8 %) остались без удовлетворения [4, с. 164]. Среди крестьян наиболее активно требовали возвращения прав те, кто был лишен их за использование наемного труда (27,5 %), а также торговцы (21,2 %) [4, с. 165].

Согласно исследованиям В.В. Филатова, за период 1926/27–1928/29 гг. благодаря работе комиссий по восстановлению гражданских прав в Уральской области количество избирателей в сельской местности возросло с 2,79 млн до 2,94 млн, тогда как число лиц, лишенных избирательных прав, увеличилось с 67,6 тыс. (2,4 % от общего числа избирателей) до 88,2 тыс. (3 %) [10, с. 25].

Изучение механизмов лишения и восстановления избирательных прав является значимым, прежде всего, из-за недостаточной изученности данной проблемы. Анализируя социальные процессы среди отдельных категорий

лишенцев, ученые нередко оставляют без внимания как индивидуальные судьбы, так и личное восприятие людьми проводимых в их отношении мер.

В 1920-е гг. периодическая печать стала главным каналом коммуникации между властью и крестьянством. Одним из наиболее популярных изданий была «Крестьянская газета», к которой часто обращались крестьяне, лишенные прав. Ее выпуск в Свердловске начался 22 мая 1923 г. по решению губкома РКП(б), а с 22 мая 1925 г. она стала называться «Уральской областной крестьянской газетой». Через три года тираж издания достиг 150 тыс. экз., из которых 140 тыс. распространялись по подписке [10, с. 202].

Газета выполняла не только пропагандистскую функцию, но и служила инструментом обратной связи между властью и народом. Редакция создала сеть селькоров, которые помогали крестьянам разъяснять их правовой статус и возможность восстановления в правах. В архивах РГАЭ (Ф. 396) сохранились многочисленные письма крестьян, раскрывающие их юридические запросы. Эти документы позволяют понять, как лишение избирательных прав влияло на жизнь людей.

Одни крестьяне пытались доказать незаконность (ошибочность, несправедливость) лишения, другие, признавая справедливость ограничений, делали упор на аргументы в пользу своего восстановления, убеждали власти в своей лояльности. Так, в письме крестьянина Лебешова отмечено, что несмотря на то, что автор *«стремится к Советскому строительству»* и им *«было подано два заявления о вступлении в члены профсоюза, но было отказано как крестьянину»* [9, л. 39].

В своих письмах селяне помимо информации, связанной непосредственно с вопросом разъяснения их правового статуса, возможности восстановления в правах, довольно эмоционально описывали свое состояние. В них присутствовало как отчаяние (например, писали: *«Быть гражданами СССР и не иметь право голоса, значит считать себя заживо погребенными»* [8, л. 36]), так и глубокая обида [цитата из письма: *«...прошло уже пять лет* (с событий Гражданской войны. – *А.З., О.С.*), *и государство простило многим их проступки, а крестьянам не может. Похоже на месть крестьянству за прошлые грехи»*] [9, л. 64–64 об.].

Интересно, что исторические события, такие как революция и Гражданская война, упоминались в письмах только как некий фон или отголосок «внешнего» для крестьянина мира. Основное же внимание уделялось личным переживаниям. Крестьяне часто ссылались на дореволюционный период, описывая его как время угнетения.

Постановление ЦИК СССР от 26 ноября 1926 г. позволяло восстановить избирательные права для тех, кто участвовал в боевых действиях на стороне белых, при условии их лояльности советской власти. В пример приведем цитату из письма 1924 г. крестьянина Уласевича Степана Мироновича из с. Богородское Кунгурского округа: *«Других причин у них не было и нет,*

для того чтобы порочить их о недоброжелательности к Советской власти. При перевыборах в советы в нынешнем году многие такие крестьяне бедняки и середняки, не говоря о зажиточных, которых у нас очень немного, лишены избирательных прав только потому как отступившие при Колчаке» [8, л. 9]. Однако дальнейшая судьба многих крестьян и их писем, включая С.М. Уласевича, остается неизвестной.

С началом массовой коллективизации крестьяне все реже получали поддержку в своих попытках вернуть избирательные права. Они сталкивались с осуждением и преследованиями как со стороны властей, так и общества. Особую активность в этом проявляли комсомольцы и молодые партийцы, получившие образование и идеологическую подготовку в советских школах. По мнению исследователя Д.В. Валуева, распространение таких настроений было связано с пропагандой, формировавшей образ «социально чуждых» элементов [1, с. 149].

Крестьяне тяжело переживали потерю права голоса, воспринимая ее как утрату собственной идентичности, и были готовы на противозаконные действия ради его восстановления. Некоторые, не сумев вернуть права через комиссии, пытались отстоять их на собраниях или мстили тем, кого считали виновниками своих бедствий – партийным чиновникам и комсомольским активистам. Например, в Кунгурском районе произошло нападение на передовых работников деревни. Обвиняемые заявили: «*Бьем за старые дела, за газеты, за Ваши законы, которыми вы подставляете нам ногу на каждом собрании*» [11, л. 76].

Исследование писем показывает, что лишенцы плохо понимали, кого могут лишить избирательных прав. Они обращались за разъяснениями, например: «*Прошу редакцию Крестьянской газеты разъяснить через газету, могут ли быть восстановлены в правах гражданства священник, дьякон и псаломщик и при каких условиях*» [8, л. 22] и «*Лишается ли права голоса при тех же выборах бывший прапорщик военного времени?*» [8, л. 39].

Для восстановления прав требовалось не только проявлять лояльность к власти, но и заниматься общественно полезным трудом. В 1927 г. в Уральской области из 2038 ходатайств удовлетворили 58,8 %, а в 1928 г. из 254,8 тыс. заявлений рассмотрели лишь 4,6 тыс., удовлетворив треть [10, с. 25].

Письма крестьян в «Уральскую областную крестьянскую газету» отражают их адаптацию к новой риторике власти. Процедуры лишения и восстановления прав играли ключевую роль в формировании раннесоветского общества, указывая на одобряемые и порицаемые модели поведения. Для более глубокого анализа необходимо привлечь дополнительные источники, такие как списки лишенцев и протоколы сельсоветов. Активные действия крестьян по восстановлению прав можно рассматривать как мирное сопротивление с использованием правовых методов.

Список источников и литературы

1. *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). М.: РОССПЭН, 2012. 231 с.

2. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 432 с.

3. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.

4. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 году: (статистический сборник). Вып. III. М.: Власть советов, 1930. 210 с.

5. *Килин А.П.* Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сб. статей участников науч. конф. (Нижний Тагил, 10–12 ноября 1997 г.) / Министерство общего и профессионального образования РФ, Нижнетагильский государственный педагогический институт; отв. ред. В.М. Кириллов. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогич. акад., 1997. С. 95–105.

6. *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов): учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

7. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 291 с.

8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 2. Д. 172. Л. 9.

9. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 694.

10. *Филатов В.В.* Трансформация индивидуальных крестьянских хозяйств Уральского региона накануне и в начальный период коллективизации // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 2. С. 20–31.

11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 369. Л. 76.

A.A. Zvezdin,
O.M. Semerikova

THE RSFSR PEASANTS' LEGAL STATUS IN THE 1920s (THE MATERIALS OF LETTERS TO «THE URAL REGIONAL PEASANT NEWSPAPER»)

Abstract. The article is devoted to the policy of the Soviet state in the field of constructing the peasants' legal status, including the processes of deprivation and restoration of voting rights. The reflection of this policy in the peasants' consciousness has been analyzed based on the study of their letters to the editorial office of «The Ural regional peasant newspaper».

Keywords: «The Ural Regional Peasant Newspaper», the letters of peasants, deprivation of suffrage, social construction, the early Soviet society.

УДК 94(470):631

А.А. Иванов

КРЕСТЬЯНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕРЕВНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация. В статье на основе документальных комплексов Российского государственного архива экономики, впервые вводимых в научный оборот, анализируются информативные ресурсы анкет ЦСУ РСФСР 1922 г., посвященные характеристике крестьянского хозяйства и земельных отношений в деревне поволжско-приуральского региона.

Ключевые слова: ЦСУ РСФСР, анкеты, крестьянство, менталитет, сельское хозяйство, Поволжье и Приуралье.

Выявление и изучение новых источников по истории крестьянства и сельского хозяйства России в периоды революции, Гражданской войны и в первые годы после перехода к новой экономической политике по-прежнему остается одной из наиболее актуальных проблем отечественной и мировой исторической науки. Несколькими поколениями исследователей учтены почти все известные виды документальных материалов, массовых и уникальных, личного происхождения, проведено их археографическое и источниковедческое изучение. Но все еще недостаточно разработана самая многочисленная группа письменных источников по аграрной истории советской доколхозной деревни – делопроизводственные материалы государственных учреждений и организаций. Они достаточно разнообразные по назначению, структуре и содержанию, и требуют как традиционных в источниковедении, так и специальных методов исследования, в зависимости от первоначального предназначения конкретного документального комплекса. Одним из таковых следует признать собрание анкет (опросных листов) «О формах современного землепользования», разосланных Отделом земельной статистики ЦСУ РСФСР в 1922 г. и охвативших более чем 30 губерний (228 уездов, 1133 селения, 172 174 сельских жителя) [2; 5; 16–19]. К настоящему времени его материалы частично опубликованы [1; 6; 8], применены в конкретно-исторических [4; 10; 11; 13; 20] и источниковедческих исследованиях [3; 7; 9], известна история их происхождения [2; 5] и дана общая характеристика потенциальных информативных возможностей [2; 12]. Все еще не раскрытым остается только сюжет о возможности применения данных документов для изучения менталитета сельского населения России в части его представлений о рациональном хозяйствовании на земле в условиях крупнейших в истории страны со-

циальных потрясений. По материалам поволжско-приуральского региона эта проблема впервые в таком виде рассматривается в настоящей статье.

В качестве своего рода вывода по итогам всего опроса (20 пунктов, 75 вопросов) респондентам (волостным статистикам – волстатистикам и добровольным корреспондентам – доброкорам) было предложено высказать собственное мнение по поводу поземельных отношений, сложившихся за годы аграрных преобразований 1917 – начала 1920-х гг., и вообще, о проблемах современного им крестьянского хозяйства, не ограничиваясь номенклатурой вопросов анкеты, вплоть до записей на отдельных листах [19, л. 479–482 об.]. Речь идет о последнем, 21-м пункте опросного листа: «Личное мнение о существующих земельных отношениях». И такие суждения поступили. Правда, их количество ограничено, так как в заполнении этого раздела пожелала поучаствовать по разным губерниям и областям примерно пятая часть доброкоров. В содержательном плане они неоднородны, но не менее половины из них обращают на себя внимание обстоятельностью и оригинальностью суждений.

Как правило, ответы на последний пункт опросного листа действительно выступают в роли своеобразных выводов, подытоживающих сказанное в предыдущих пунктах, и проблемы землеустройства в них превалируют. Нельзя не заметить отражение в данных ответах ярко выраженной региональной специфики как в чисто природно-географическом плане, так и в уровне социально-экономического развития деревни, аграрной государственной политики и т. д. Как ни в одном из других пунктов анкеты проявились личные пристрастия добровольных корреспондентов, отнюдь не всегда выражавших общее мнение крестьян округи. Тем не менее о том, что и эти явно субъективные предложения были важны для Отдела земельной статистики, говорит факт их совпадения с основными мероприятиями государственной земельной политики, реализованными в начале 1920-х гг.

Ответы на п. 21 опросного листа неоднородны не только по объему, но и по своему «жанру». В основном они представляют собой действительно конкретные предложения в области улучшения землеустройства и подъема сельскохозяйственного производства, но, кроме того, это и жалобы на соседей, должностных лиц, налоговую политику и другие мероприятия государства, вопросы, просьбы, пространные «эссе» о судьбах крестьянского хозяйства в России и пр.

Перечень злободневных проблем, которые необходимо было решать немедленно, по мнению доброкоров, достаточно стандартен. Так, для лесных районов с ограниченными земельными ресурсами, например, Вятской губернии, Козьмодемьянского и Краснококшайского кантонов Марийской автономной области первоочередной была проблема расширения запашки. В местах проживания чувашского, марийского, удмуртского крестьянства с осо-

бенно запутанным землепользованием и поэтому отсутствием переделов в течение нескольких десятилетий остро стоял вопрос об уравнительном распределении земли. Типичный ответ опросного листа Отдела земельной статистики в этом плане (д. Осипсола Кумужъяльской волости Краснококшайского кантона Марийской АО): «Граждане, ввиду малочисленности земли, желают и даже требуют прирезки из запасного фонда земли для очистки и превращения в надельную землю, а именно: леса вблизи своей деревни» [1, с. 127]. Примечательно, что предложения о расширении запашки за счет лесных массивов, в том числе и бывших крестьянских национализированных, были не голословными, а четко обоснованными с указанием конкретных мест расположения и нормой наделения на разверсточную единицу, не без учета принятых ранее на местных общекрестьянских форумах, как, например, в ответе из д. Видякино Оршанской волости названного кантона Марийской АО, где такая норма была определена в $2–3^{1}/_{2}$ дес. на едока [1, с. 109]. Напротив, крестьяне основной земледельческой полосы в поволжско-приуральском регионе, избавленные от подобных проблем, говорили прежде всего о мерах по интенсификации земледельческого хозяйства.

Пожалуй, первой в этом ряду стояла проблема упорядочения границ землепользования, прекращения ежегодных переверсток между селениями и волостями и установления твердых границ. Ведь не случайно по данным самих анкет ЦСУ и через пять лет после революции сельские жители не спешили интегрировать вновь полученные земли прежнего «нетрудового» фонда в состав надельных угодий, по-житейски допуская любые неожиданности вплоть до возвращения прежних владельцев или конфискации этих земель государством. Как было написано в опросном листе по с. Новый Буян одноименной волости Ставропольского уезда Самарской губернии, «желательно, чтобы как можно скорее прошли землемерные работы по отграничению земли для каждого селения и закрепление этих наделов за их пользователями, т. к. крестьяне без землемера не считают, что их наделы останутся у них так, как они ими пользуются, и не будут в будущем сокращены» [18, л. 310]. Проблема была актуальна повсеместно, но наиболее часто на нее указывали доброкоры Среднего Поволжья, а в Симбирской губернии о «полной социализации» речь шла едва ли не в каждой анкете с заполненным п. 21. Особенно аргументированно она была обозначена в опросном листе, подписанном волостным статистиком Силинской волости (Ардатовский уезд), который полагал, что четкое разграничение надельных планов необходимо провести с учетом качества земли и количества населения, что станет первым шагом к переходу к более прогрессивным системам земледелия, в противном случае «у крестьян создается психология неуверенности, а именно в том, что границы занятого участка могут получить изменения, вследствие чего может быть переход земли в совхоз и т. п.», что в свою очередь вызовет

постоянные переделы, а это – сокращения удобрения, и так по нарастающей [18, л. 111].

Далее, весьма актуальным представлялся вопрос о выборе форм землепользования. Здесь мнения землепашцев не всегда совпадали. По нашим наблюдениям, вековое стремление крестьянина к свободному труду на своей земле, неизживаемые в принципе частнособственнические инстинкты, дали о себе знать и в ходе обследования ЦСУ. Не только просьбами, но и требованиями перейти к индивидуальному землепользованию буквально пестрят те анкеты, в которых заполнен п. 21, по всем административным образованиям Среднего Поволжья и Приуралья. «Общинная или поселковая жизнь, – писал волостной статистик с. Хуторская Шентала Степно-Шенталинской волости Самарского уезда и губернии, – есть враг не только для хозяйства, но и для всего государства является злейшим врагом» [18, л. 343]. Ему вторит добровольный корреспондент из д. Голодница Кстинской волости Вятского уезда и губернии: «Самое главное отруба – свой кусок, как знаешь, удобряй, а в рядах полос очень-очень много» [16, л. 82]. Также точно полагали и крестьяне Пензенской губернии (с. Монастырское Дубровской волости Наровчатовского уезда), ответ которых можно было бы продублировать и по любой другой местности рассматриваемого региона, считавшие, что лучший способ землепользования – хутора и отруба, поэтому «в хуторском и отрубном владении не должно быть отказа никому, кто бы он ни был, лишь была охота заниматься землей» [17, л. 96]. Отдельные доброкоры прямо ставили вопрос: будет ли продолжена столыпинская земельная реформа, и какие льготы им в этой связи предоставит государство? [19, л. 544].

Стремление к переходу на хутора и отруба, показанное во множестве опросных листов Отдела земельной статистики, в какой-то степени вытекало из социально-профессионального статуса лиц, дававших сведения. Как было отмечено выше, в основном ими оказались волостные статистики и добровольные корреспонденты – достаточно распространенный отряд низовых представителей сети статистических органов. В силу специфики своей деятельности они должны были выделяться из общей среды сельского населения своими «цензовыми» характеристиками (образованием, материальным положением). Известно, что в 1922/23 хозяйственном году из общего числа доброкоров 78,9 % были земледельцами, 12,5 % – советскими служащими, 5,9 % – работниками просвещения, 2,1 % – прочие, без указания занятий – 0,6 %. При этом в литературе обращалось внимание на то, что недостатком корреспондентской сети было известное преобладание среди добровольных корреспондентов зажиточных крестьян, в том числе кулаков, которые не были заинтересованы в правильной информации [14, с. 203]. Подобное мнение не рассматривается как бесспорное, но то, что отвечавшие на вопросник

ЦСУ хлебопашцы выделялись прогрессивными для своего времени взглядами по поводу хозяйствования на земле, – это следует признать. В их ответах не просто констатируется необходимость индивидуализации землепользования, а приводится нередко развернутая программа доступных улучшений, реализовать которые в общем наделе было бы невозможно. Сам факт выделения на хутор или отруб не рассматривался доброкорами как самоцель. Для того и предпринимались усилия в этом направлении, чтобы повысить уровень рутинного сельскохозяйственного производства, к XX столетию окончательно закостеневшего в тисках общины. Аргументация в этом случае строилась на противопоставлении общинных порядков и потенциальных возможностей индивидуальных землепользователей.

Так, по мнению волостного статистика Казанской волости Уфимского уезда и губернии, отрубные участки позволяли производить травосеяние, выращивать корнеплоды, т. е. постепенно перейти к полноценному многопольному севообороту, в то время как в общем наделе «чересполосицы и мелкополосицы неудобны для сеянных трав, как скотина будет заталкивать кормовые травы, а также мелкополосица мешает скорости работы, переездки с одной полосы на другую, а также и обработке, особенно после пашни требуется поперечная борона, а также удобно один год пахать вдоль, а другой – вширь, где будет хорошо разрыхляться земля, а мелкополосица не позволяет производить бороновку в ширину, чтобы разрыхлять пласт, где земля плохой дает урожай» [19, л. 538].

Другой важный аргумент в пользу единоличного хозяйствования – нерациональная эксплуатация земельных ресурсов, именно как следствие аграрных преобразований. Частые переделы земель сельскими обществами и соответственно ухудшение их качественных характеристик вызывали особое возмущение крестьян. Продолжим приведенный выше ответ добровольного корреспондента из д. Голодница Вятской губернии: «Довели землю, и навоза многие не возят из-за переделов: ноне, говорят, моя, а на будущий год, тебе, и не пашут» [16, л. 82]. Не менее убедительно и высказывание его коллеги, также вятского крестьянина из д. Русское Кубашево Пибаевской волости Яранского уезда, полагавшего, что «родит земля после перемерки хуже и государству пользы от меня меньше», а все потому, что «частые переделы или отборы земли, за смертию члена, как факт доказывают, что урожайность понижается; попавшиеся борозды среди полосы заравниваются годами» и поэтому «владельцы земли, чувствуя, что у него участок земли должен быть отобран, воздерживаются удобрять» [16, л. 15]. Дошло до того, что один из доброкоров (д. Островец Нигматулинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии) ввел по собственной инициативе дополнительный вопрос в анкету ЦСУ: «22. Почему не желательно, чтобы земля

ежегодно переделялась?» И сам же на него ответил: «Потому что пахарь не знает, что на ней получится: хлеб или сор, как он с нею не обзнакомится, вместо пользы – убыток» [19, л. 508].

Особое же возмущение респондентов вызывали факты полного запустения земель в результате уравнительного их распределения между всеми наличными «душами», включая и бывших безземельных селян, а иногда и просто маргинальных элементов. В этом вопросе мнения сторонников и противников общинного землепользования были едины. «Крестьяне-середняки» с. Языково Новоселовской волости Уфимского уезда Уфимской губернии прямо требовали, чтобы безземельные получали столько земли, сколь в силах обработать, поскольку после их хозяйствования «эта земля не дает такого урожая несколько лет по вспашке ее снова теми середняками» [19, л. 529]. Предельно же категоричный, претендующий на хрестоматийность, ответ по этому поводу поступил из с. Ворохово Успенской волости Яранского уезда Вятской губернии: «Осмеливаюсь добавить, что бедняка-лентяя ничем не поправить: ни землей, ни семенами, раз он живет ни как должно быть, манна с небес всем одинаково, а живут – разница большая» [16, л. 9].

Некоторое противоречие ответов на п. 21 анкеты ЦСУ с общими тенденциями, изложенными в ответах на вышестоящие ее пункты, не должно вводить в заблуждение. Показания за сохранение общины действительно оказались в меньшинстве, но и они не менее аргументированы и также направлены на поиски путей интенсификации сельскохозяйственного производства. Варианты интенсификации по своему конечному замыслу были примерно те же: травосеяние, пропашные культуры, многопольные севообороты, минеральные удобрения, сортовые семена и породистый скот, а собственно в области землеустройства этому должны были поспособствовать ликвидация мелкополосицы и дальноземелья, выселение на мелкие поселки, создание запасных земельных фондов и т. д. Специфическим компонентом выступало стремление к упорядочению сроков земельных переделов. «Общинное пользование крестьян в целом не тяготит, – писал в ЦСУ волостной статистик Забаровской волости Сызранского уезда Симбирской губернии, – но хозяйственникам не нравится пользование землей в мелких полосах, разбросанных в разных концах поля; ежегодные переделы и все это вместе взятое не дает поставить правильно сельское хозяйство: удобрить поле, развести лучшие породы скота, а поэтому мечтают – хотя бы не было мелких полос, а были широкие полосы, по одной в каждом поле с одним или двумя прогонами и общим выпасом» [18, л. 139]. В отношении сроков переделов, упорядоченных позднее земельным кодексом, принятым в конце 1922 г., протяженностью не менее трех севооборотов, крестьяне-общинники самостоятельно предлагали обычно еще большую продолжительность: до 12–24 и более лет.

Важно подчеркнуть, что наиболее «прогрессивные», по характеристике самих крестьян, односельчане, при всем стремлении к улучшениям сельского хозяйства, как правило, наталкивались на непонимание окружающих и с большим трудом могли реализовать на практике свои мечты. Ссылки на противодействие общины – обычное явление в ответах на последний пункт анкеты ЦСУ. Понимая очевидные причины этого явления, часть добровольных корреспондентов уделила значительное внимание рекомендациям по внедрению целого комплекса мер по распространению агропропаганды. И организующая роль государства здесь неизменно выпячивалась на первый план. Тем более она была актуальна в связи с последствиями одной из трагических страниц в истории России.

Голод 1921–1922 гг., охвативший обширную часть Европейской России, его влияние на развитие сельского хозяйства и его составную часть – крестьянское землеустройство, не стоял в качестве одного из эпизодов изучения опросного листа Отдела земельной статистики, но последствия последнего для главной отрасли экономики государства оказались настолько ощутимы, что корреспонденты просто не могли обойти его вниманием. Информация о влиянии голода и его последствий на жизнедеятельность крестьянской семьи так или иначе получила отражение в ответах на различные пункты анкет. Наиболее же обстоятельные и, добавим, яркие картины с натуры, проникнутые максимальной выразительностью, полные истинного отчаяния, оказались в последнем ее пункте. Получив возможность высказаться, представители сельского населения не стесняясь обрисовали масштабнейший кризис, переживаемый поволжско-приуральской деревней на рубеже между эпохой военного коммунизма и периодом нэпа. «Крестьяне лишены скота, нет совсем хлеба; от голода $^{1}/_{3}$ вымерла и $^{1}/_{3}$ разъехалась в разные стороны, необходимо дать крестьянам скот (рабочий) и снабдить достаточным количеством семян, только тогда будем говорить о земельных делах, а теперь одна песня: “есть хочу…”», – такой ответ поступил на п. 21 опросного листа из с. Давыдово Давыдовской волости Пугачевского уезда Самарской губернии [18, л. 331]. Аналогичная ситуация в более северной Вятской губернии (д. Каменный Ключ Кичминской волости Уржумского уезда): «Мнения никакого на устройство земли нету. Все мнения поражает голодом и предвидится голод, вот и мнение для улучшения хозяйств. Дайте дождя и вот наше устройство хозяйства» [16, л. 27].

Подобные высказывания отнюдь не исключения, хотя их и немного. Большинство респондентов отвечали по существу темы опроса. Примеры упадка сельского хозяйства как народной трагедии служили обычно иллюстрацией к последующим предложениям, первым из которых стояла обязательная государственная поддержка крестьянских хозяйств. Без преуве-

личения с болью в сердце об этом было сказано волостным статистиком одной из наиболее пострадавшей от голода губерний – Самарской (с. Большая Тарасовка Рахмановской волости Пугачевского уезда). Ограничимся лишь вводной частью его показаний по п. 21: «В настоящее время весь вопрос сводится к одному: как бы остаться живым и прокормить себя и свою семью, а чтобы думать о хозяйстве – нет ни у кого, потому что ни у кого нет ничего, и необходима широкая государственная помощь, чтобы хотя немного, направить крестьянина на его старый путь – заняться хлебопашеством и сеять самый главный продукт, хлеб, который двигатель есть всего человечества» [18, л. 337].

Помощи от государства ждали все, но понимали ее не только в материальном выражении. Мысли об улучшении своего положения трансформировались в умах сельских жителей в необходимость развития различных форм кооперации, при учреждениях которой можно было бы открыть прокатные и случные пункты, питомники, сельскохозяйственные курсы и, таким образом, способствовать распространению новых знаний. По мнению волстатистика с. Ильинское Ильинской волости Слободского уезда Вятской губернии: «Культивировать население, т. е. изучить культуры растений, могущих высевать при многополье, уход за ними, умелое использование полей, уход и обработка их, сохранение от травежа (защита участков. – *Ред.*) устранить недостатки всевозможных семян и т. д.» [16, л. 88]. Добровольный корреспондент одной из волостей Пензенской губернии (с. Чернышево Николо-Китской волости Инсарского уезда) предложил даже создать в каждой волости в принудительном порядке «волостные сельскохозяйственные общества с широкими правами, которые организуют массу улучшений, а также и наметят планы, что нужно сделать в каждой из волостей для землеулучшения» [17, л. 111]. Были и такие высказывания об аграрной политике государства (с. Курманаевка одноименной волости Бузулукского уезда Самарской губернии): «Для того чтобы поднять крестьянское хозяйство нужно дать крестьянам полную самодеятельность, оставить его в покое, поменьше брать с него налоги натурой и деньгами и не мучить подводной повинностью» [18, л. 295].

Однако наиболее прагматичные земледельцы, с учетом всей возможной государственной помощи, понимали, что в первую очередь необходим личный опыт и последующая его пропаганда. И тогда дело могло медленно, но сдвинуться с мертвой точки. Обращает на себя внимание своей убедительностью высказывание доброкора д. Старая Пинюга Пинюжанской волости Орловского уезда Вятской губернии о том, что землепашцы только тогда начнут перестраивать свой труд на земле, «когда увидят в поле на практике коренное улучшение, тогда только будут переходить к улучшению своего

хозяйства, а иначе крестьянина никакими беседами по агропропаганде и ни книжками, и брошюрами по сельскому хозяйству не убедишь, и на все вопросы крестьяне кричат, что у нас этого нельзя, да у нас это не вырастет» [16, л. 174].

В свете вышесказанного любопытной особенностью ответов на анкеты ЦСУ 1922 г. являются отдельные ссылки добровольных корреспондентов на зарубежный опыт организации сельскохозяйственного производства, произведший на них во время нахождения за границей (в плену) положительное впечатление. Вероятно, еще и потому, что им казалось, что этот опыт доступен для внедрения на российской почве и не противоречит местным реалиям. Подобная информация по другим источникам прослеживается редко, даже случайно, но, вне всякого сомнения, заслуживает внимания. (К настоящему времени известны только отдельные документальные комплексы, где имеются подобные сведения [15].) Причем и в данном случае были предложены различные варианты. «Как я нагляделся в германском плену, там живут очень хорошо. Земля вся кучей у них, когда не вздумай работать, все под руками», – писал волостной статистик с. Старое Яшкино Кузьминской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, а далее делал заключение: «Все стремления мои на выселение из общества, и так же каждый желает» [18, л. 259]. Его коллега из с. Матвеево Вятско-Полянской волости Малмыжского уезда Вятской губернии, сторонник отрубного и коллективного землепользования, понимая, что это невозможно, был не против и общины, но предлагал перейти на широкие полосы и обязательно ввести многополье, «так как в Австрии хлебов сеют мало, скота держат много, и скот в поле не пасется, а корму хватает вдоволь, потому что введено травосеяние» [16, л. 59]. Оригинальным было предложение, записанное в опросном листе из починка Иваново-Казанского Охлебининской волости Уфимского уезда и губернии о введении «чешской» формы землепользования, «т. е. выделясь на выселки, землю иметь как отрубную, между тем, жить совместно, поселками, для избежания опасностей от нападения, отстроив себе каждый на своем участке земли свой дом» [19, л. 523]. Развитие сельскохозяйственного производства в других государствах настолько впечатлило некоторых респондентов, что они не отказывались и от мысли специальных командировок наиболее заинтересованных земледельцев в страны Европы, например, в Голландию [1, с. 170].

В заключение следует отметить, что ряд проблем в области поземельного устройства, показательных для характеристики аграрных преобразований 1917 – начала 1920-х гг., выпал из поля зрения Отдела земельной статистики. Странным образом, на фоне детальнейшего анализа индивидуального землепользования не были выделены специальные пункты для

характеристики крестьянских хозяйств, объединенных в коллективы. То, что последние имели место, показывают данные, все-таки попавшие в опросные листы по собственной инициативе доброкоров. И эти факты иногда были очень существенными для местного землеустройства. Например, в с. Красный Яр Красноярской волости Балаковского уезда Самарской губернии с 457 дворами было организовано 3 «коллектива» из 23 домохозяев и 12 «сельскохозяйственных кооперативных артелей», состоящих из 129 домохозяев [18, л. 355]. В другом случае волостной статистик из Мелекесского уезда той же губернии (с. Большая Кандама Большекандаминской волости) полагал, что «наиболее желательным было бы землепользование артелями и коллективами с выделением земли в одно место при 4-польной системе, и с выселением на эту землю для жительства» [18, л. 316]. Примеры можно привести и по другим губерниям, но, казалось бы, невероятная для российского крестьянства тенденция к коллективизации, судя по ссылкам других опросных листов, часто оказывалась фикцией, прикрываемой меркантильными интересами. Так было в д. Мериновщина одноименной волости Малмыжского уезда Вятской губернии, где «в 1919 г. выделилось 6 домохозяев на коммуну, а в настоящее время они живут хуторами, отрубами» [16, л. 51]. Особенно часто так поступали бывшие отрубники, как только проходила первая волна аграрных преобразований. Не случайно и приведенная цитата была заимствована из пункта, посвященного индивидуальному землепользованию. И такие скрытые возможности для анализа пореволюционных земельных отношений вновь предоставляют исследователям анкеты ЦСУ 1922 г. «О формах современного землепользования».

Таким образом, содержание опросных листов Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР за 1922 г. свидетельствует, что их можно рассматривать в качестве первичных источников, подвергаемых статистической обработке и соответственно приведению к общим показателям по всем обследованным губерниям и областям, и более крупным экономико-географическим единицам. Уникальные в своем роде фактические данные, а также включенные в программу опроса пункты, не имеющие аналогов в схожих разновидностях документов, выдвигают данную группу материалов в ряд наиболее важных источников по истории земельных отношений и землеустройства в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в первые послереволюционные годы. По множеству параметров (характеристика дореволюционного землепользования в сравнении с «современным» в корреляции с территориальной принадлежностью, социально-сословным и этническим составом) анкеты ЦСУ своей значимостью перекрывают свой главный недостаток – сравнительно невысокую представительность, и одновременно выступают в виде важнейшего дополнения к другим группам источников.

Именно в сопоставлении с ними применение опросных листов может оказаться максимально плодотворным в будущих исследованиях как непосредственно аграрных преобразований 1917 – начала 1920-х гг., так и более широкого круга проблем истории крестьянской революции в России в первой четверти XX в.

Список источников и литературы

1. Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 год): сб. документов / сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2004. 276 с.

2. *Бляхер Я.* Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 года // Вестник статистики. 1923. № 1–3. С. 131–152.

3. *Иванов А.А.* Аграрные преобразования в России в 1917 – начале 1920-х годов: Источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья): монография. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2010. 288 с.

4. *Иванов А.А.* Дореволюционное землеустройство в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в анкетах ЦСУ РСФСР начала 1920-х годов // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к Междунар. науч. конф. (Москва, 17–19 ноября 2011 г.). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 333–337.

5. *Иванов А.А.* Земельное обследование ЦСУ 1922 года: история организации и проведения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2 (34). С. 101–111.

6. *Иванов А.А.* Земельные отношения в чувашской деревне Самарской, Симбирской и Уфимской губерний в первой четверти XX столетия // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 189–212.

7. *Иванов А.А.* Источники по истории крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья конца XIX – первой трети XX века: в 2 ч. Ч. 1. Исследования. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2017. 532 с.

8. *Иванов А.А.* Источники по истории крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья конца XIX – первой трети XX века: в 2 ч. Ч. 2. Публикации. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2020. 788 с.

9. *Иванов А.А.* Опросные листы Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 года как источник по истории аграрной революции в деревне Марийского края // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всерос. (IX межрегионал.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара: Самар. ун-т, 2007. С. 319–325.

10. *Иванов А.А., Иванов А.Г.* Мобилизация земельной собственности в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в годы столыпинской аграрной реформы по данным анкетирования первых лет Советской власти // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: материалы и доклады межрегионал. научно-практич. конф. (Самара, 21 апреля 2011 г.). Самара: Самар. ун-т, 2011. С. 27–34.

11. *Иванов А.А., Иванов А.Г.* Перераспределение земельного фонда в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в 1917–1922 гг. // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всерос. (XIV межрегионал.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2016. С. 114–122.

12. *Иванов А.А., Иванов А.Г., Соловьев А.А.* Земельное обследование ЦСУ 1922 года: информативные ресурсы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 47–59.

13. *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.

14. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 374 с.

15. Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)» / сост., науч. ред., предисл., коммент. А.Е. Загребина, А.А. Иванова. Ижевск; Йошкар-Ола: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН; Марийск. гос. ун-т, 2008. 500 с.

16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 9. Д. 481.

17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 485.

18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп.9. Д. 486.

19. РГАЭ. Ф. 1562. Оп.9. Д. 487.

20. *Саблин В.А.* Земельная политика партии в северной деревне (1917–1920 гг.) // Социально-экономическое развитие северной деревни: (Советский период): межвуз. сб. науч. трудов. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 119–130.

A.A. Ivanov

PEASANT MENTALITY AND THE AGRICULTURE RATIONALIZATION IN THE POST-REVOLUTIONARY VILLAGE OF THE MIDDLE VOLGA AND URALS

Abstract. The informative resources of questionnaires of the Central Statistical Office of the RSFSR (1922) devoted to the characteristics of peasant economy and land relations in the village of the Volga-Urals region based on documentary complexes of the Russian State Archive of Economics, first introduced into scientific use have been analyzed.

Keywords: the Central Statistical Service of the RSFSR, questionnaires, peasantry, mentality, agriculture, the Volga and Urals.

УДК [351.745:070.431]:94(470.344)”1929"

Е.В. Касимов

ОТРАЖЕНИЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДКАХ ЧУВАШСКОГО ОТДЕЛА ОГПУ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отражении в информационных сводках Чувашского отдела ОГПУ процесса перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства. Выделяются аспекты, которым уделялось наибольшее внимание при освещении настроений местного населения в отношении вновь создаваемых колхозов.

Ключевые слова: Чувашская АССР, коллективизация сельского хозяйства, «великий перелом», колхозы, Чувашский отдел ОГПУ, информационные сводки.

Так называемый «великий перелом» в советской деревне, выразившийся в проведении политики массовой (сплошной) коллективизации, кардинальным образом изменил жизнь сельского сообщества, и его влияние ощущается до настоящего времени. По-прежнему в научной и публицистической литературе даются противоречивые оценки по самым разным аспектам аграрной политики конца 1920–1930-х гг. В силу этого история коллективизации сельского хозяйства будет всегда привлекать внимание отечественных историков. Советская и постсоветская историография создания коллективных хозяйств на территории Чувашии охватывает сотни специальных исследований, что ранее уже освещалось нами в достаточно развернутом виде [7; 8].

Что касается информационных сводок Чувашского отдела ОГПУ, то на сегодняшний день есть примеры их использования для изучения настроений жителей Чувашской АССР в 1920-е гг. в связи с проводимой в стране аграрной [5; 6; 9; 10] и религиозной [11–14] политикой. Достаточно давно введены в научный оборот аналогичные информационные сводки по стране в целом, содержащие важный фактический материал для освещения начального периода реализации политики сплошной коллективизации сельского хозяйства на территории Чувашии [15–17]. Несмотря на это, названный вид источников не в полной мере привлекался для отражения событий «великого перелома» в Чувашии, что и обусловило обращение автора к данной теме.

Как известно, в ноябре 1929 г. И.В. Сталин объявил уходящий год «годом великого перелома». Утверждалось, что благодаря политике партии «крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, рай-

онами». Правда, в статье не говорилось, что этот процесс охватил всю страну: автор использовал оборот «в целом ряде районов» [17, с. 741]. Очевидно, что в большинстве районов основная масса крестьянства еще не была готова объединяться в коллективные хозяйства, и одним из таких регионов являлась Чувашия. В настоящей статье рассматриваются настроения местного сельского населения в этот самый «год великого перелома», которые нашли отражение на страницах информационных сводок Чувашского областного отдела ОГПУ, целенаправленно собиравшего сведения о наиболее важных происшествиях в республике, антисоветских настроениях и докладывавшего в вышестоящие органы.

Чувашским областным отделом ОГПУ составлялись спецсводки по самым разным вопросам жизни деревни: ходе перевыборной кампании Советов; ходе хлебозаготовок; ходе сельхозналоговой кампании; подготовке к весенней посевной кампании; ходе весенней посевной кампании; продовольственных затруднениях, переживаемых населением ЧАССР; политическом настроении населения; состоянии низовой кооперации; сельской интеллигенции; состоянии советского аппарата; ходе землеустроительных работ; непосредственно о колхозном строительстве и некоторые другие. Спецсводки имели гриф «совершенно секретно» и направлялись ограниченному числу адресатов: в Москву в информотдел ОГПУ, в полномочное представительство ОГПУ по Нижегородской области (до мая 1929 г. – в особый отдел ОГПУ Приволжского военного округа), ответственному секретарю Чувашского обкома ВКП(б), Председателю ЦИК Чувашской АССР [1–4]. Все сводки имели характерную особенность – они были нацелены на выявление делинквентного поведения и негативных настроений местного населения. То есть это откровенно тенденциозный источник, показывающий лишь одну сторону действительности. В то же время многие выводы и приводимые в сводках факты подтверждаются другими источниками того времени.

В информационных сводках Чувашского отдела ОГПУ, составлявшихся в первой половине 1929 г., достаточно часто сообщалось о высказывавшихся в деревне пожеланиях организовывать коллективные хозяйства, о необходимости скорейшего землеустройства колхозов [2, л. 43, 64, 77, 227; 3, л. 128, 256]. В течение года тенденция к созданию колхозов нарастала, и это отчетливо прослеживается по документам.

Вместе с тем информационные сводки показывают, что в 1929 г. большая часть населения не приветствовала создание коллективных хозяйств. В речах крестьян звучали мысли, что это «своего рода советские помещичьи хозяйства», «барщинные хозяйства» [2, л. 113, 236; 3, л. 131], реже были сравнения с «хуторами царского режима» и «столыпинским правом» [3,

л. 132; 4, л. 128]. Утверждалось, что в колхозы идут лодыри (лентяи), дураки, мошенники [2, л. 219, 233, 235; 3, л. 131, 191, 251, 273; 4, л. 115]; что никакого толку в коллективах нет, одни убытки, и через несколько лет колхозы разорятся [2, л. 221, 233, 236]; что колхозники не смогут вести единое хозяйство и все перессорятся [4, л. 20]; что колхозы для крестьян невыгодны, так как советская власть будет отбирать половину произведенной продукции [3, л. 191]. С лета 1929 г. многие крестьяне свое отрицательное отношение к колхозам обосновывали тем, что колхозников ждет голод, так как власти будут у них изымать весь хлеб «подчистую» по низкой цене в интересах рабочих и служащих [4, л. 20, 237].

Сельские жители выступали против противопоставления колхозов индивидуальным хозяйствам посредством предоставления им различных льгот и дефицитных ресурсов – дров, сельскохозяйственных машин и др. [2, л. 220, 226; 3, л. 5]. В этой связи в сводках прямо признавалось, что «в отдельных случаях на местах наблюдался некоторый перегиб в смысле недооценки поддержки индивидуальных крестьянских хозяйств и исключительного упора в своей работе на колхозы» [3, л. 256]. Начиная с июля 1929 г. все большее количество крестьян выражало возмущение, что создание колхозов проводится насильно, без учета мнения сельских жителей [3, л. 273; 4, л. 142].

Отдельными крестьянами выдвигались предложения организовать Крестьянский союз, который пользовался бы всеми правами профсоюзов, лишь после этого поднимать вопрос о коллективизации [2, л. 220, 228]. Приводятся примеры, когда по итогам заслушивания доклада о проведении мероприятий по улучшению землепользования и коллективизации собрания граждан выносили постановление отсортировать семена, протравить формалином, засеять вики, но против коллективизации [3, л. 131]. Существовала также практика неявки большей части мужского населения деревни на собрания по вопросу организации колхоза, на которых женщины, напротив, участвовали активно, выступая резко против создания коллективного хозяйства. Это было связано с распространенным мнением, что женщин, в отличие от мужчин, советская власть за сопротивление наказывать не будет [3, л. 273–274].

Часто фиксировались открытые угрозы в адрес пожелавших организовать колхоз или уже вступивших в него: угрожали как немедленной расправой при первом же удобном случае, так и в связи с якобы скорым падением советской власти; для усиления пораженческой агитации широко использовались наблюдавшиеся в то время в деревне затруднения с продовольствием и промтоварами [1, л. 66, 73; 2, л. 233; 3, л. 154, 198, 200, 205, 251–252, 258, 273, 275; 4, л. 20, 128, 133–135]. Документы показывают эффективность угроз и агитации: считая положение советской власти неустойчивым, кре-

стьяне нередко подавали заявление о выходе из колхоза. Отдельные группы крестьян, желавшие объединиться в колхоз, запугивались разными «непосильными расходами», связанными с выделением из сельского общества, а также угрозами не принимать их скот в общественное стадо, что приведет к лишению возможности держать скот [3, л. 129, 132].

Иногда дело доходило и до физического воздействия в отношении организаторов колхозов, поджогов их домов и хозяйственных построек, а также порче колхозного имущества. При этом число приводимых сведений о совершенных террористических актах росло с каждым месяцем [3, л. 186, 192, 201, 207, 270, 275; 4, л. 18, 20, 128–129, 139, 145]. Кроме того, уничтожались стенгазеты, посвященные колхозному строительству [3, л. 132]. С мая 1929 г. сводки на постоянной основе сообщают о развертывании в деревне «острой/ожесточенной классовой борьбы» [3, л. 154, 186–187, 198–200, 207]. Тогда же появляются сведения о том, что бедняки выносили постановления о выселении из деревни зажиточно-кулацких хозяйств, выступавших против колхозов [3, л. 200].

Широкое распространение получали различные слухи, выставляющие колхозы в крайне негативном свете. В Урмарском районе в феврале 1929 г. среди жителей шли разговоры о том, что у создавших колхоз отобрали хлеб и теперь они голодают, что без согласия колхозников коллективу дали трактор, стоимость которого начали взыскивать хлебом [2, л. 226]. Весной 1929 г. в Порецком районе распространялись слухи, что крестьян, особенно бедняков, насильно загонят в колхозы, где все будет находиться в общем пользовании, включая жен, а у не пожелавших вступить в колхоз отберут землю [2, л. 221, 237]. Относительно коммун в Чувашии ходили слухи, что здесь придется стоять за обедом в очереди и всем есть из одного котла по установленным нормам, или будет выдаваться паек [3, л. 273; 4, л. 7, 119, 142]. Данные настроения базировались на распространенных на рубеже 1920–1930-х гг. представлениях, что сельскохозяйственные коммуны предпочтительнее сельхозартелей и товариществ по совместной обработке земли – именно их старались создавать до появления статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов».

В сводках содержится информация о непорядках в деятельности первых коллективных хозяйств: о нежелании принимать бедняков в колхозы, разбитии колхозного участка на отдельные усадьбы и фактическом ведении индивидуального хозяйства, отставании в обработке полей от крестьян-единоличников, наличии недостач в кассах [3, л. 4, 15–17, 269; 4, л. 127, 133]. Бывало, что полученные на колхоз ссуды делились на всех колхозников и выдавались на руки, отпущенный лес продавался, а деньги также делились [4, л. 127, 132–133]. Нередко затягивалось землеустройство колхозов, зачас-

тую по вине Наркомата земледелия Чувашской АССР [3, л. 191, 199–202, 207]. В некоторых коллективных хозяйствах работа была поставлена настолько слабо, что часть колхозников голодала, несмотря на наличие запасов хлеба в колхозе [3, л. 272]. Отдельные колхозы влачили жалкое существование, своим примером по сути дискредитируя идею коллективного хозяйствования на земле [4, л. 126–127, 131–132].

Еще летом 1929 г., до резкого наращивания темпов коллективизации сельского хозяйства, Чувашский отдел ОГПУ информировал вышестоящие органы, что низовые советские и партийные организации обращают недостаточное внимание на качественную сторону колхозного строительства, увлекаясь количеством организуемых коллективных хозяйств. В результате в одном селении могло возникать несколько колхозов одинакового типа [3, л. 207–208, 256–257]. В конце 1920-х гг. наибольшей популярностью среди крестьян пользовались товарищества по совместной обработке земли, с точки зрения власти наиболее предпочтительными являлись сельхозкоммуны, а в 1930-е гг. преобладающей формой станут сельхозартели.

Говорилось и о том, что колхозному строительству на местах уделялось слишком мало внимания со стороны агрономов, районных исполкомов советов, общественных организаций, о слабом руководстве Чувашколхозсоюзом процессом коллективизации [3, л. 7]. Согласно сводкам, местные работники нередко настолько слабо разбирались в вопросе, что не могли разъяснить населению выгоды коллективизации, и это способствовало распространению различных слухов и предубеждений, особенно связанных с обобществлением имущества, организацией труда в колхозе и разделом произведенной продукции [3, л. 186, 256, 269]. Фиксировались факты невступления в колхозы или выходов из них членов ВКП(б) и ВЛКСМ [3, л. 191, 200, 207, 251, 269, 272; 4, л. 8, 126, 130].

Неурядицы в колхозах вели к сокращению численности колхозников. Выходы крестьян из колхозов происходили и из-за непредставления или несвоевременного представления семян и кредитов [3, л. 144, 149]. В наибольшей степени выходы крестьян из колхозов связывались с так называемой «кулацкой агитацией», под влиянием которой в первую очередь оказывались женщины [3, л. 145, 152, 200, 207, 270]. Приводятся интересные факты о безуспешных попытках организации коллективных хозяйств в отдельных селениях, когда записавшиеся в колхоз крестьяне на следующий день выходили из него [3, л. 191, 201].

Нашли отражение в сводках и активно культивируемые в те годы представления, что якобы «зажиточно-кулацкая часть деревни» наряду с прямым противодействием и срывом устремлений остальных крестьян организовать коллективные хозяйства, применяла методы внутреннего разло-

жения колхозов, «пролезая» в колхозы [3, л. 186]. Согласно рассматриваемым документам, распространенной практикой являлось вступление в колхозы зажиточной части деревни и середняков с целью получения разного рода льгот, которые предоставлялись колхозам [3, л. 186, 191, 270, 274; 4, л. 127]. Крестьян особенно беспокоил земельный вопрос, ведь при землеустройстве лучшие земли полагались колхозам и бедноте (поэтому она нередко тоже не спешила вступать в колхоз, желая получить хорошие земли). Один из председателей сельсовета откровенно говорил: «Если будут нам давать плохую землю, то пойдем в коллектив, а до этого в коллектив не пойдем» [4, л. 22].

Мы знаем, что события начала 1930 г., когда крестьян попытались в массовом порядке в кратчайшие сроки записать в колхозы и обобществить имущество, привели к серьезному сопротивлению крестьянства и значительным экономическим издержкам, например, вследствие забоя принадлежавшего сельским жителям скота. В то же время проведенное исследование показывает, что в сводках Чувашского областного отдела ОГПУ, как и в соответствующих документах по другим регионам страны, содержалась необходимая информация о настроениях крестьянства, которая при надлежащем ее учете могла поспособствовать снижению сопутствующих издержек при проведении политики по сплошной коллективизации сельского хозяйства и формированию в крестьянской среде более положительного образа коллективных хозяйств.

Список источников и литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 9. Д. 52.

2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 31.

3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 32.

4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 33.

5. *Касимов Е.В.* Значение информационных сводок ОГПУ для переосмысления истории Чувашии периода нэпа // Rozwyj nauk humanistycznych. Problemy I perspektywy [Развитие гуманитарных наук. Проблемы и перспективы]. Катовице, 2012. С. 81–84.

6. *Касимов Е.В.* Информационные сводки отечественных спецслужб и проблема преодоления советских историографических мифов: (по материалам Чувашского отдела ОГПУ 1920-х гг.) // Педагогический процесс и проблемы его организации: сб. науч. статей. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. С. 176–179.

7. *Касимов Е.В.* Историография коллективизации сельского хозяйства Чувашии: дискуссионные вопросы и перспективы исследований // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Вып. 5. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 185–260.

8. *Касимов Е.В.* Коллективизация сельского хозяйства Чувашии как научная проблема: историографические заметки // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 24–42.

9. *Касимов Е.В.* Перевыборы советов в Чувашии в конце 1920-х годов (по спецсводкам Чувашского отдела ОГПУ) // Выборы в контексте ценностей гражданского общества и правового государства: сб. материалов Национальной научно-практич. конф. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2019. С. 98–106.

10. *Касимов Е.В.* Сельское учительство второй половины 1920-х годов глазами Чувашского отдела ОГПУ // Проблемы высшего образования и современные тенденции социо-гуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения)»: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Чебоксары: Среда, 2020. С. 134–136.

11. *Касимов Е.В.* Религиозность сельского населения в 1920-е гг. сквозь призму отношения к советской власти: (По материалам информационных сводок Чувашского отдела ОГПУ) // Наука и культура России: материалы VI Междунар. научно-практич. конф. Самара: Самар. гос. ун-т путей сообщения, 2009. С. 26–28.

12. *Козлов Ф.Н.* Власть и верующие: материалы Чувашского и Марийского отделов ОГПУ о религиозной ситуации в автономиях в середине 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 89–104.

13. *Козлов Ф.Н.* Обновленческое движение глазами советских спецслужб (на основе анализа информсводок Чувашского отдела // Краеведение в Среднем Поволжье: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. научно-практич. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2023. С. 203–208.

14. *Козлов Ф.Н.* Сводки Чувашского и Марийского отделов ОГПУ как информационный источник о религиозной ситуации в 1924–1928 гг. // Отечественные архивы. 2013. № 4. С. 73–80.

15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.: Т. 7: 1929 г. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2004. 767 с.

16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.

17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.

E.V. Kasimov

THE REFLECTION OF THE «GREAT TURN» IN THE CHUVASH VILLAGE IN THE VIEW OF INFORMATION REPORTS OF THE CHUVASH DEPARTMENT OF THE UNIFIED STATE POLITICAL DEPARTMENT

Abstract. The article reflects the Chuvash department information reports of the Unified State Political Department the process of transition to the total collectivization of agriculture. The aspects related to the local population's feelings towards the newly created collective farms have been emphasized.

Keywords: the Chuvash ASSR, agriculture collectivization, «the great turn», collective farms, Chuvash Department of the Unified State Political Department, information reports.

УДК 94(470)”920/1930”

В.Н. Клементьев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ПО РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЧУВАШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х – 1930-Е ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ БАЗЫ, ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ

Аннотация. В статье рассматривается работа местных советов по развитию сельскохозяйственного производства в Чувашии на завершающем этапе новой экономической политики и в период утверждения сталинской модели планово-директивной экономики (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.). Характеризуются правовая основа, содержание и изменение основных направлений и организационных форм этой деятельности.

Ключевые слова: советы, Чувашия, сельскохозяйственное производство, агрикультура, животноводство, колхоз, секция совета, депутатская группа, смотр-конкурс.

Утвердившаяся в послеоктябрьский период система советской власти в своей основе имела дуалистическую природу: местные советы призваны были одновременно выступать как органы власти и как органы местного самоуправления. Последнее качество определило, что они, наряду с осуществлением функций государственной власти и управления, выступали как аппарат по осуществлению самой широкой компетенции во всех отраслях жизнедеятельности на уровне каждой административно-территориальной единицы. Однако этот аспект в изучении истории советов Чувашии в хронологических рамках 1920–1930-х гг. не получил освещение в отечественной историографии. В опубликованных трудах по советскому строительству указанного периода исследователями рассмотрены политические и административно-организационные основы деятельности советов, т. е. реализация ими функций государственных органов [35; 40] и их участие в осуществлении массовой коллективизации деревни [34; 39]. Предметом изучения настоящей статьи является характеристика роли советов как аппарата местного самоуправления по хозяйственному строительству деревни – развитие сельскохозяйственного производства Чувашии на завершающем этапе новой экономической политики и в период утверждения сталинской модели планово-директивной экономики (вторая половина 20-х – 30-е гг. XX в.).

В сформировавшейся в годы Гражданской войны и военного коммунизма системе организации власти фактическая роль советов была низведена до административно-распорядительных органов правящей комму-

нистической партии, не имевших действительной власти и не оказывавших реальное влияние на сельскую повседневность. В контексте нэпа и связанной с ней либерализацией экономики и общественно-политической сферы во второй половине 1920-х гг. была провозглашена и стала проводиться политика «оживления советов», которая декларировала и предусматривала меры по отказу от практики времен военного коммунизма, институционального укрепления низовых советов, повышения их организующей роли как центров хозяйственной и социально-культурной жизни села. Как отмечалось в постановлении I Всечувашского съезда советов (26–31 января 1926 г.) «О состоянии низового советского аппарата»: «Главнейшим недостатком в работе низового аппарата является увлечение администрированием, методы которого мало отличаются от методов военного коммунизма. Вопросам хозяйственного и культурного строительства уделяется слишком мало внимания. Общий подъем промышленности нашего Советского Союза, заметные улучшения благосостояния сельского хозяйства и в связи с этим увеличивающаяся политическая активность массы, настойчиво выдвигают вопрос о том, чтобы сельсоветы и волисполкомы, как высшая власть на своей территории, стали во главе всего хозяйства и культурного начинания деревни. Отсюда очередной и неотложной задачей советских органов является проведение в жизнь полностью лозунга "оживления советов"» [71, с. 499–500]. Согласно Положения о сельских советах РСФСР, принятого ВЦИК 16 октября 1924 г., «сельсовет должен быть не только административным органом власти, но и руководителем хозяйственной жизни… села» [52, с. 11]. Его основные задачи в сельскохозяйственной сфере определялись так: принимает меры к улучшению способов ведения сельского хозяйства, а также заслушивает доклады агрономических учреждений; содействует созданию и развитию всех видов кооперативных объединений и коллективных хозяйств; организовывает прокатные, случные, зерноочистительные, ветеринарные и иные пункты, а также ремонтные мастерские; оказывает содействие агрономическому, землеустроительному, лесному и ветеринарному персоналу в их работе; руководит в пределах обслуживаемой территории проведением заготовительных семенных и посевных кампаний; принимает участие при рассмотрении земельных споров между гражданами; регистрирует арендные договоры на сдачу земли и наблюдает за тем, чтобы заключаемые договоры соответствовали законам [33, с. 88].

Однако примеров эффективного решения поставленных перед сельскими советскими органами задач в области регулирования производственной деятельности было мало. Согласно статистическим данным во второй половине 1920-х гг. из 618 сельсоветов лишь 169 (27,3 %) работали удовлетворительно, 221 (35,7 %) – слабо [13, л. 53]. Существенными причинами

такого положения являлись не только административная слабость сельских советских органов, «в совершенно незначительной степени» выполнявших роль организаторов активности масс, где работали лишь «староста с писарем» (председатель и секретарь сельсовета. – *В.К.*) [14, л. 3], но и недостаточность материально-финансовой базы сельских советов. Последние также не являлись единственными полновластными органами в деревне, наряду с ними в 1920-е гг. активно проявляли себя традиционные органы крестьянского самоуправления – земельные общества и сельские сходы. Именно они, в которых решающее влияние имели зажиточные слои, «часто выполняли роль руководителя общественной и хозяйственной жизни деревни» [14, л. 13].

Во второй половине 1920-х гг. делаются попытки выстроить новый тип отношений между земельным обществом, сходом и сельсоветом, в котором бы доминировал именно сельский совет. 17 сентября 1925 г. президиум Исполкома советов Чувашской республики утвердил «Инструкцию сельским советам о порядке созыва общих собраний (сходов) и разрешения на них вопросов» [9, л. 445–448]. Ее смысл заключался в том, что сельсовет, «как высшая власть, идейно должен направлять в определенное русло работу общих собраний (сходов) граждан». Предусматривалось, что они созываются «только сельскими советами по их собственному почину»; права и обязанности сходов и сельсоветов строго разграничиваются, «чтобы не было допущено замены сходами сельсоветов и обратно»; сходы не вправе разрешать вопросы административного характера; вопросы улучшения хозяйства и внутренней жизни селений, выдвигаемые на обсуждение сходов, предварительно прорабатываются на заседаниях сельсоветов [48, с. 130].

14 марта 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях». Оно со всей наглядностью отразило стремление законодателя полностью лишить сельский сход самостоятельного значения и подчинить его совету. На общих собраниях (сходах) граждан могли присутствовать лишь лица, обладавшие избирательном правом. Протоколы схода передавались для исполнения принятых решений в сельсовет, который мог признать их незаконными или нецелесообразными [77, с. 257].

Шагом в наступлении на земельное общество стал общесоюзный закон «Об общих началах землепользования и землеустройства» (1928), согласно которому руководство земельными обществами вменялось в обязанности сельсовета. Последним предоставили право утверждения всех постановлений земобществ [74, с. 3].

Повышению роли и расширению возможностей деревенских советов призвана была способствовать административно-территориальная реформа районирования, проведенная в ЧАССР осенью 1927 г.: вместо 5 уездов и 53 во-

лостей образовали 17 районов, и ряд функций прежних волисполкомов перешли к низовым советским органам. В 1927 г. начали образовывать исполнительные комитеты в наиболее крупных сельских советах, объединяющих селения с числом жителей более 1 тыс. чел. [53, с. 4], что «придало им большую организационную оформленность» [14, л. 2].

Произведенные изменения организационных структур и нормативное регулирование, направленное на усиление значения советов как субъектов общественно-хозяйственной жизнедеятельности села, без средств явилось бы «в значительной мере делом чисто бумажным...» [33, с. 85]. Поэтому императивом в решении вопроса превращения сельских советов в действительных управителей деревни стало предоставление бюджетных прав сельсоветам, отвечающим хотя бы одному из следующих условий: вполне укрепившийся районный бюджет, крупные размеры селения или селений, входящих в состав сельсовета, мощность его доходных источников. К таковым де-юре относились – от эксплуатации переданных в ведение сельсовета земельных имуществ, рыбных ловель и мест для торговли на базаре, предприятий сельского значения, доходы от речных переправ, сбор, взимаемый сельсоветами за освидетельствование сделок, документов с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями, отчисления от сельхозналога на территории данного сельсовета [73, с. 63]. На практике в сельские бюджеты вовлекались и средства земельных обществ и самообложения.

Первые бюджеты сельских советов в Чувашии стали устанавливаться с октября 1927 г. В 1928/29 бюджетном году они были введены в 10 сельских советах (1,6 % от их общего количества), в 1929/30 г. – в 120 (19,5 %) [20, л. 2]. Самостоятельный бюджет позволял поднять значение и расширить самодеятельность первичных органов советской власти. Сельсовету, имеющему свой бюджет, предоставлялись права юридического лица. Они получали полномочия не только принимать на себя обязательства и вступать в хозяйственно-договорные отношения, но и самостоятельно заключать краткосрочные займы [30, с. 44].

Стремление увеличить самостоятельность сельсоветов на основе обеспечения их материальной базой четко проявилось в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г. о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления. Новый закон расширил права сельсоветов в области разрешения земельных вопросов, связанных с госземимуществом, землеустройством и разрешением спорных земельных дел. Так, на сельский совет возлагалась регистрация договоров на сдачу земли в аренду на весь надел сроком на один севооборот. Они получили возможность регистрации бесспорных договоров земельных обществ или распределения усадеб и т. д. [36, с. 3–4].

Принятые во второй половине 1920-х гг. законодательные акты о сельских советских органах создавали необходимую нормативную базу для расширения практики в сфере регулирования экономической жизни деревни и сельского хозяйства, которое характеризовалось острым малоземельем, технической отсталостью, низкой урожайностью и продуктивностью животноводства, маломощностью крестьянского хозяйства, односторонним зерновым направлением, земельной неустроенностью [41, с. 17]. Во второй половине указанного десятилетия восстановительный процесс, считавшийся законченным для большинства губерний и административных единиц РСФСР, в Чувашии еще не завершился. По сравнению с 1913 г. продукция сельского хозяйства автономии составляла в 1925/26 г. – 56,8 %, 1926/27 – 68,6 %, 1927/28 г. – 81,9 %; общая площадь под многопольем – соответственно, 0,9 %, 1,28 %, 5,5 %; выполнение плановых показателей по землеустройству – 89,1 %, 56,1 %, 57,7 % всей сельхозплощади; общее поголовье скота – 95,6 % в 1927/28 г. Часть крестьянских хозяйств автономии имели наделы с площадью посева от 1,1 до 2,09 дес.: в 1926 г. таковых было 35,2 %, 1928 г. – 32,7 % от общего их числа [49, с. 10, 16, 21]. Не случайно правительственные органы РСФСР сложившееся состояние сельского хозяйства в автономной республике оценивали как проявляющее «признаки оскудения» [68, с. 46]. В качестве основных способов его преодоления в решениях высших советских органов Чувашии выдвигались задачи по переселению избыточного населения за пределы Чувашской республики; землеустройству как первоначальному условию для интенсификации сельского хозяйства, активизации работ по переходу крестьянских хозяйств на многополье, проведению мероприятий по улучшению породности скота, машинизации сельскохозяйственного труда и усиления всех форм кооперации, широкого развития сети агрономического, ветеринарного, финансово-кредитного обслуживания с соблюдением интересов бедноты деревни [41, с. 17; 61, с. 13; 63, с. 8].

Одно из центральных мест в хозяйственно-производственной деятельности сельских советов на всем протяжении 1920-х гг. занимали вопросы сплошного землеустройства. Необходимость его проведения остро ощущалась в Чувашии, так как ее землепользование характеризовалось дальноземельем, многодворностью, чересполосицей, аграрным перенаселением, узкополосностью. Как указывалось в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о сплошном и обязательном землеустройстве ЧАССР» (14 января 1929 г.), оно преследовало следующие цели: скорейшее завершение работ по устройству сложных земельных обществ и по внутриселенному землеустройству с расселением и обеспечением при его проведении интересов бедняцкой части и создание условий, благоприятствующих переходу к коллективным формам землепользования, полная увязка

землеустройства с мелиоративными работами и агрономической помощью [68, с. 55–59]. Имея в виду значимость обязательного и сплошного землеустройства, бюро Чувашского обкома ВКП(б), обсуждая его итоги за 1923–1927 гг. и дальнейшие мероприятия в этой области, на заседании 7–8 марта 1928 г. предложило активно выносить этот вопрос на обсуждения пленумов райисполкомов и совещания работников сельсоветов [4, л. 101]. В резолюции «О ходе сплошного землеустройства в Татаркасинском районе» (29 июня 1929 г.) было отмечено: сельсоветы не перестроили своей работы в соответствии с требованиями момента и находятся в стороне от проводимой работы по землеустройству [6, л. 212].

Местные советы, рассматривая вопросы землеустроительных мероприятий, как видно из резолюциии III пленума Мариинско-Посадского райисполкома по докладу о ходе сплошного и обязательного землеустройства в районе (июль 1929 г.), обращали внимание на отсутствие разъяснительной работы о целях и задачах сплошного землеустройства, недостаточности агрообслуживания, халатного отношения к взысканию и своевременной сдаче сумм на финансовые расходы при землеустройстве. Пленум счел необходимым усилить среди крестьян разъяснительную работу о важности и значении землеустройства, принять меры к наиболее полному агрообслуживанию селений, которые его проводят; указал на необходимость классового подхода при осуществлении землеустроительных работ, проводить месячные курсы в местах сплошного землеустройства в целях подготовки из актива деревенской бедноты работников по внедрению идей коллективизации и улучшению сельского хозяйства [16, л. 364–365]. Аликовский районный исполком советов на совещании в феврале 1929 г. с участием представителей крестьянских комитетов и руководителей групп бедноты отметил «серьезность задачи землеустройства». В марте и апреле 1929 г. по этому вопросу он провел специальные кустовые совещания с участием председателей исполнительных комитетов и руководителей сельскохозяйственных секций сельсоветов. 16 апреля президиум райисполкома на своем заседании утвердил задания по агитационно-разъяснительной и мелиоративной работам в связи с землеустроительным планом на лето [7, л. 64, 65].

Однако затяжной характер землеустроительных работ, которые с 1922 по 1929 г. должны были быть закончены на площади 637 681 га, или 56,3 % от всей площади (фактически выполнены на площади 366 725 га – 32,4 %), не дал «получить населению Чувашской республики хозяйственного эффекта», ожидаемого от землеустройства [16, л. 223].

Непременным условием подъема сельского хозяйства являлось широкое внедрение и использование передовых методов агрикультуры и агротехники. Во многих решениях высших советских органов Чувашии

указывалось, что вместе с ростом капиталовложений и перестройки на коллективных началах преодоление затяжного кризиса в аграрном секторе автономии возможно только на путях повышения его агротехнического уровня: перехода на многополье, улучшенной обработки полей, снабжения сортовыми семенами и организации семенных фондов, расширения посевов технических культур, создания и распространения опыта показательных агроучастков, широкого снабжения крестьянских хозяйств эффективными средствами производства и удобрениями, увеличения количества племрассадников [54, с. 26–27; 55, с. 6, 12; 58, с. 20–21].

Районные советские власти и партийные органы на местах, рассматривая работу сельских советов, акцентировали их внимание на усилении деятельности в направлении создания и улучшения агротехнических условий для повышения производительности крестьянских хозяйств. Так, Урмарское общепартийное собрание, обсудив отчет коммунистической фракции Ковалинского сельисполкома (29 июля 1928 г.), ориентировало ее на то, чтобы сельсовет добивался поворота населения к культурным способам ведения сельского хозяйства, тесно сотрудничал с агрономическими силами села, развернул работу агропунктов, открывал показательные агроучастки в качестве опорных пунктов распространения агрокультурных знаний [5, л. 47]. Особая роль по внедрению и стимулированию агротехнических мероприятий придавалась сельскохозяйственным секциям советов. В Чувашии они начали образовываться согласно директивам III Всесоюзного съезда советов (май 1925 г.) об организации при сельсоветах и волостных исполкомах постоянных секций (комиссий) по отдельным отраслям с привлечением в эти секции членов сельских советов, деревенского актива из числа сельской интеллигенции, партийцев и комсомольцев и представителей общественных организаций [48, с. 129]. В соответствии с Положением о постоянных комиссиях (секциях) при волисполкомах и сельских советах Чувашской АССР, утвержденным 17 сентября 1925 г. президиумом Исполкома ЧАССР, при сельсоветах создавались сельскохозяйственная, культурно-просветительная, санитарная, финансово-хозяйственная секции в целях вовлечения широких масс крестьян, батраков и деревенской интеллигенции в практическую работу советов. В сферу сельскохозяйственной секции входили содействие улучшению способов ведения сельского хозяйства, организации коллективных хозяйств, прокатных, агроветеринарных пунктов, землеустройству и разрешению других вопросов по развитию растениеводства и животноводства. Секции в своей деятельности являлись «подсобными органами» Советов. Работа членов секций оплате не подлежала [9, л. 442–444]. К июлю 1926 г. при 1152 сельсоветах ЧАССР было создано 1307 секций, в которых состояло 5309 членов, в том числе 358 сельскохозяйственных

секций с числом 1420 чел. [11, л. 1]. После укрупнения низовых сельских советских органов в 1928 г. при 618 сельсоветах действовали 2773 секции с числом секционеров 22 840 чел., в том числе 534 сельскохозяйственных секций с количеством 5683 чел. [13, л. 52].

Активизация деятельности сельскохозяйственных секций произошла в связи с проведением в конце января–августе 1928 г. в Чувашской АССР смотра-конкурса на лучшую секцию сельсоветов и горсоветов. Его цели определили следующим образом: сосредоточить внимание государственных органов и общественности на работе секций советов, «как наилучшей организационной форме массовой работы... воспитывающей на повседневной практической работе советов широчайшие массы рабочих, бедняцко-середняцкого крестьянства» [13, л. 15]. Объектом конкурса являлись инициатива и степень участия и эффективность секций в решении вопросов текущей экономической политики, подъема сельского хозяйства. Конкурс проводился в порядке общественного смотра, характеризующего работу секций советов, путем помещения в печати материалов и корреспонденций. За время смотра в газетах опубликовали 117 статей и заметок. Согласно приведенным в официальных отчетах данным в ходе конкурса при активном содействии секций сельского хозяйства было организовано 7 колхозов, куплено 4 племенных быка и 19 племенных баранов, введено травосеяние в 10 деревнях, пятилетний севооборот в 5 селениях, отсортировано 2211 пудов семян, протравлено формалином 406 пудов семян, организовано 8 сельскохозяйственных курсов и выставок, опытно-показательный участок и 2 опытных огорода, посажено 354 фруктовых деревьев, приобретено 62 плуга, 3 молотилки, 8 веялок, 7 сеялок и 4 соломорезки. По итогам конкурса «за имеющиеся достижения в работе сельскохозяйственной секции» первое место получил Салагаевский сельсовет Канашского района (премирован веялкой, сеялкой и молотилкой), второе место разделили Ахпердинский Большебатыревского и Тоскаевский Малояльчиковского районов сельские советы (премированы по одной радиоустановке) [13, л. 15–17].

Изначально принципиальным направлением политики советской власти в деревне был курс на реорганизацию сельского хозяйства на кооперативных и коллективных началах. Как низовые органы государственной власти, советы призваны были утверждать эти организационные формы сельскохозяйственного производства. В решениях высших органов власти, касающихся деятельности сельских советов, особый акцент делался на то, что все мероприятия по реорганизации сельского хозяйства должны «базироваться на широком развитии кооперированности населения» [54, с. 29]; укреплении и развитии сети кооперации, пропаганде идей и кооперативном просвещении селян, борьбе с безхозяйственностью и злоупотреблениями, за улучшение

их социального состава; развитие, наряду с кооперативами преимущественно «торгашеско-посреднического характера», производственных [3, л. 118; 65, с. 39]. Достижения этих целей предлагалось добиваться путем учета и наблюдения, инструктирования и контролирования, заслушивания отчетов кооперативных объединений сельской администрацией, устранив «формальный подход» к решению задач кооперирования деревни [2, л. 106; 3, л. 335; 12, л. 4; 64, с. 15]. Имея в виду указанные директивы, к примеру, Вурнарский райисполком советов в апреле 1928 г. провел всестороннее обследование состояния сельхозкооперации в районе, принял участие в составлении организационно-производственных планов кооперативов, рекомендовал районному агроперсоналу в первую очередь снабжать их семенами и техникой [10, л. 78].

В связи с провозглашенным XV съездом ВКП(б) (декабрь 1927 г.) курсом на коллективизацию сельского хозяйства, она выдвигается на первый план в деятельности советов. В 1927 г. в ЧАССР процент коллективизации составлял 7,2; существовало 6 коммун, 32 сельхозартели, 11 машинных товариществ и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ). Планом на 1928 г. Наркоматом земледелия Чувашии предусматривалась организация еще 37 коллективных хозяйств, в том числе 30 машинных товариществ и ТОЗ [15, л. 20]. Реализация курса XV съезда партии происходила в осложнившейся экономической и политической обстановке в стране. Кризис хлебозаготовок конца 1920-х гг., отказ от нэпа привели к ускоренному и масштабному переводу сельского хозяйства на рельсы крупного обобществленного производства посредством массовой коллективизации крестьян. В Чувашии она начала осуществляться в 1929 г. после решения XIII областной конференции ВКП(б) (28 декабря 1928 – 5 января 1929 г.) о коллективизации в течение пятилетки до 75 % крестьянских хозяйств. В постановлении партийного совещания отмечалось, что «проведение мероприятий по коллективизации должно сопровождаться возрастанием организующей роли советских органов» [66, с. 35, 44].

Однако первая волна массовой коллективизации показала, что большинство сельсоветов стоят в стороне от этого процесса, «находятся на положении пассивных наблюдателей, а иногда оказывают активную поддержку кулацкой политике срыва коллективизации» [43, с. 53]. В такой обстановке по решению ЦК ВКП(б) в январе 1930 г. в Москве при Президиуме ЦИК СССР прошло совещание представителей республиканских, краевых, областных, районных и сельских советов с повесткой дня «О новых задачах советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне». Вместо лозунга «оживления советов» здесь был выдвинут лозунг «Советы лицом к колхозу», который означал, что главное содержание в работе советов

должны составить вопросы коллективизации, активное участие в организации производственной деятельности колхозов, ликвидация кулачества как класса. Основными условиями поворота советов к колхозному строительству совещание признало перевыборы, повышение роли бедняков и батраков, укрепление кадрами, расширение прав и материально-финансовой базы районных и сельских советов [37, с. 21–22, 24, 26].

1 января 1931 г. ВЦИК утвердил новое Положение о сельских советах РСФСР, в котором впервые было сказано, что «сельский совет на объединяемой им территории является высшим органом власти, через который пролетариат проводит свою диктатуру» [69, с. 29]. В отличие от прежнего Положения от 1924 г., изданного в восстановительный период народного хозяйства, «когда одной из задач сельского совета являлось содействие подъему индивидуальных хозяйств...» [32, с. 15], новый закон провозглашал основными задачами сельсоветов осуществление мероприятий по социалистической перестройке сельского хозяйства: принимать меры к укреплению существующих колхозов и организации новых; рассматривать и утверждать планы колхозов и всех учреждений и предприятий, находящихся на территории сельсовета; наблюдать за правильным использованием рабочей силы и агроперсонала в колхозах и совхозах; принимать меры к расширению посевных площадей, повышению урожайности и развитию животноводства и т. д. [69, с. 31–32]. Цели усиления организующей роли сельсоветов и установления их окончательного единовластия в деревне преследовало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации» с передачей их прав и материальной базы сельским советам и колхозам [47, с. 21–22].

В начале 1930-х гг. было подвергнуто пересмотру и законодательство о финансовой базе сельских советов, направленное на увеличение сети сельсоветов с бюджетом и его объема (в 1931 г. в ЧАССР их число достигло 240, или 39 % к общему количеству сельсоветов, с объемом 2735 тыс. руб. против 170 тыс. руб. в 1929/30 г. [31, с. 118]); передачу в хозяйственное распоряжение сельских советов значительной части государственных платежей сельского населения (60 % сельхозналога), средств самообложения, отчислений культсбора [42, с. 6]. В 1930-е гг. в составе расходов на сельское хозяйство по бюджету сельсовета значились средства на агрономическую и ветеринарную сеть, мероприятия по растениеводству, животноводству, устройство зерноочистительных и прокатных пунктов и станций, борьбу с вредителями сельского хозяйства, кузницы, организацию мастерских по ремонту сельхозорудий [38, с. 58].

Применительно к Чувашии новые задачи советов на селе в связи с курсом на массовую коллективизацию определило совещание председателей

районных исполнительных комитетов и инструкторов по советскому строительству при Президиуме ЦИК ЧАССР (6–7 февраля 1930 г.): обеспечить руководство колхозным движением и возглавить его, непосредственное участие в производственной жизни колхозов, обобществлении рабочего скота и инвентаря, контроль за выполнением колхозниками и единоличниками всех заданий хозяйственно-политических кампаний [18, л. 6–7]. Поскольку вновь возникшие колхозы, созданные наспех и во многом административным способом, имели крупные недостатки, проявлявшиеся в плохо налаженной организации внутриколхозной жизни и производства, то сразу же на первый план перед советскими органами выдвинулись задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Они предусматривали активное участие сельской советской администрации в разработке и осуществлении мероприятий по налаживанию организации и учета труда, справедливого распределения урожая и доходов, поддержания трудовой дисциплины, эффективного использования техники и рабочего скота, высокого качества работ и производительности труда [1, с. 34]. Существенную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов сыграла организация бригад по производственному принципу (животноводческие, полеводческие, огороднические) с постоянным составом колхозников, прикрепляемых на весь сельскохозяйственный год к определенным производственным участкам. Потребовалось время, опыт и осмысление, чтобы найти эту форму и перейти от временных сезонных к постоянным бригадам, от подворного признака к производственному при комплектовании бригад [62, с. 57, 58]. К началу весенне-посевной кампании 1932 г. в 85 % колхозов Чувашии действовали постоянные производственные бригады [75, л. 162]. С их созданием как основного производственного звена колхоза была перенесена основная организационно-массовая работа советов по подъему производства сельского хозяйства. К бригадам прикреплялись члены сельсоветов, секций, депутатских групп, которые наравне с бригадирами несли ответственность за производственные результаты, приумножение колхозной собственности.

Хозяйственному укреплению колхозов, формированию у колхозников интереса к общественному производству также не способствовали плохо поставленный учет труда, уравниловка в оплате, распределение доходов «по едокам», «по паям». Перед всей колхозной системой, районными исполкомами и сельской советской администрацией была поставлена задача, как ее сформулировала II сессия ЦИК ЧАССР четвертого созыва (6–10 июля 1931 г.), обеспечить «распределение урожая и доходов в колхозах по количеству и качеству вложенного каждым колхозником и колхозницей труда...» [56, с. 26]. Понадобился опыт ошибок, чтобы в колхозах утвердилась такая форма оплаты труда, как трудодень. Советы приняли непосредственное участие в ор-

ганизации справедливого распределения доходов в коллективных хозяйствах согласно количеству выработанных трудодней, во внедрении сдельщины. Вопросы оплаты труда обсуждались на совместных заседаниях правлений колхозов и сельсоветов, находили отражение в деятельности массовых органов советов. Так, пленум Шемуршинского райисполкома в резолюции «По вопросу распределения урожая и доходов в колхозах» (6 августа 1930 г.) указал, что в его основу должно быть положено правило: распределять урожай исходя из количества и качества «внесенного труда колхозным двором, никакие другие методы, как распределение по паям и имуществу, не могут иметь место» [19, л. 209].

Канашское районное собрание женских сельскохозяйственных производственных совещаний в декабре 1932 г., рассматривая вопрос о распределении доходов в колхозах, указало на необходимость дифференцированного распределения доходов между бригадами и звеньями одного и того же колхоза в зависимости от достигнутых ими результатов [24, л. 29].

В функционал сельских советских органов включалась помощь колхозам и совхозам в организации весенне-посевных кампаний, обеспечении семенами и стройматериалами, сельхозорудиями и запчастями к ним, кадрами агрономов и зоотехников; забота об урожайности и уборке урожая, подъем животноводства, содействие работе МТС [20, л. 11]. Согласно разосланной на места орготделом ВЦИК схеме информационной отчетности советов и их исполкомов по проведению весенней сельхозкампании 1932 г. на них возлагались задачи в организационно-подготовительной области – систематическое освещение подготовки и хода весенней посевной кампании, организация посевкомиссий, бригад из членов сельсовета, общественных объединений и актива для массово разъяснительной работы о мероприятиях посевной кампании, доведение плана посева до селения, колхоза, единоличных хозяйств; в области проведения весенней посевной кампании – контроль своевременного выхода в поле, «готовности и мобилизованности совхозов, МТС, колхозов и единоличников в начале и во время сева», борьба с простоями и за трудовую дисциплину, наблюдение за использованием сельхозтехники, организацией и распределением труда, выполнение единоличным сектором «своих посевных планов» [21, л. 115, 116 об., 117].

Как советы на практике участвовали в проведении весенне-посевных кампаний, можно судить на нескольких примерах. Васькинский сельсовет Аликовского района по вопросу подготовки к весенней посевной кампании 1932 г. провел два совещания, организовал наблюдение за ходом работ по снегозадержанию, вывозки навоза на поля, довел план сева до каждого хозяйства [8, л. 99]. Каждый член Верхнекляшевского сельского совета Ибресинского района во время подготовки к весеннему севу 1932 г. был при-

креплен к отдельным видам работ: следил за сбором золы, работал на сортировке семян, по проверке вывоза навоза на поля. Секция рабоче-крестьянской инспекции Багишевского сельсовета Аликовского района осуществляла проверку того, «чтобы крестьяне-единоличники сеяли свои полосы отсортированными и протравленными семенами» [23, л. 21].

Крайне актуальными в деятельности местных советов по подъему сельскохозяйственного сектора являлись вопросы развития животноводства. Эта отрасль претерпела сокрушительный удар в первые годы массовой коллективизации. В 1935 г. в автономии конское поголовье составляло 76 %, крупного рогатого скота (КРС) – 62,4 % , овец – 53,5 % от уровня 1929 г. [76, с. 247]. Для советов программные цели в области подъема животноводства заключались в увеличении поголовья, недопущении убоя, фактическом обобществлении скота, улучшении кормовой базы, масштабном строительстве животноводческих ферм, расширении практики организации постоянных животноводческих бригад в колхозах, проведении массово-разъяснительной работы среди колхозников и единоличников по «преодолению бескоровности» [45, с. 144; 57, с. 70–72].

Основным каналом осуществления мероприятий сельских советов по усилению производственного потенциала и увеличению продукции аграрного сектора стали их массовые органы, прежде всего секции. Согласно решению III (8) Всечувашского съезда советов (20–29 марта 1929 г.) сельскохозяйственные секции при сельсоветах и райисполкомах должны были свою деятельность перестроить «по примеру работы призводственных совещаний в промышленных предприятиях» [60, с. 22]. В конце 1931 г. ЦИК ЧАССР принял примерную схему единого плана оргмассовой работы, которая предполагала «организацию секций советов по линии ведомств-отделов». К примеру, в области сельского хозяйства «линия схемы по организации оргмассовой работы должна была проходить, начиная с наркомзема, кончая бригадами, организуемыми из состава секционеров для практической работы в своих участках в деревне» [17, л. 43 об.].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 декабря 1929 г. сельскохозяйственные секции при сельсоветах реорганизовывались в сельскохозяйственные производственные совещания [50, с. 3], чтобы стать «действительными оперативными органами советов в проведении важнейших мероприятий» [20, л. 23]. Производственные совещания при сельсоветах были постоянными органами. В их состав входили представители секций, депутатских групп, колхозов и совхозов, МТС, «культурные, общественные и в особенности агрономические силы деревни» [67, с. 33]. В 1931 г. число сельскохозяйственных производственных совещаний в Чувашии составило 247 с количеством членов 3848 чел., в 1932 г. соответственно – 379 и 4249 чел.,

на 1 января 1933 г. (без Мариинско-Посадского и Вурнарского районов) – 377 и 5600 чел. [17, л. 44; 28, л. 103]. Учитывая важную роль женского труда в производственной жизни села, в соответствии с положением, утвержденным ЦИК ЧАССР 27 ноября 1931 г., при сельских советах автономии организовывались женские сельскохозяйственные производственные совещания. В 1931 г. их было 129 с числом членов 887 чел., в 1932 г. соответственно – 310 и 3091 чел., на 1 января 1933 г. (без Мариинско-Посадского и Вурнарского районов) – 293 и 3115 чел. [17, л. 44; 28, л. 103]. Известно, что в 1932 г. только в Канашском районе женскими сельскохозяйственными производственными совещаниями было проведено 27 субботников по снегозадержанию на полях, организовано 286 бригад по сбору золы [24, л. 28].

Непосредственной производственной деятельностью в отдельных отраслях сельского хозяйства были призваны заниматься и такие специализированные секции, как полеводческие и животноводческие, в массовом порядке организуемые к первой половине 1930-х гг. На первое полугодие 1934 г. полеводческих секций числилось 557 (работающих 366) с количеством членов 6283 чел.; животноводческих соответственно – 423 (302), 3686 чел. На второе полугодие 1935 г. полеводческих секций было 609 (работающих 517), 7325 чел.; животноводческих секций соответственно – 628 (534), 11 060 чел. [27, л. 68].

Особой формой массовой работы советов являлись депутатские группы, создававшиеся по производственно-территориальному принципу в колхозах, совхозах, МТС и сельскохозяйственных предприятиях, охватываемых сельским советом, при наличии по формальным требованиям не менее трех депутатов. Эти массовые органы не имели прямых распорядительных функций, всю свою работу должны были вести под руководством советов и все директивы получать лишь от них и периодически отчитываться перед ними [67, с. 32]. Задачи депутатских групп заключались в оказании помощи предприятию, колхозу, совхозу, МТС в выполнении и перевыполнении планов в установленные сроки и качественно; содействии в проведении хозяйственно-политических кампаний и организации активности трудящихся «на борьбу с недостатками в производстве» [22, л. 6 об.–7]. Количество депутатских групп в сельской местности неуклонно росло. Если в 1931 г. их насчитывалось 113 с числом членов 1020 чел., то в 1932 г. соответственно – 438 и 3330 чел., в 1933 г. – 622 и 4941 чел. [29, л. 47][*]. На 1 января 1934 г. депутатские группы были организованы при 63 % колхозах ЧАССР [26, л. 7 об.].

---

[*] В источниках приводятся и другие данные: в 1931 г. в Чувашии депутатских групп насчитывалось 42 [17, л. 44]; на 1 июля 1932 г. при колхозах их было 136 с числом членов 828 чел., на 1 июля 1933 г. соответственно – 582 и 4823 чел. [29, л. 80].

Вместе с тем нужно отметить, что значительная часть массовых органов сельских советов числилась на бумаге и функционировала формально. По официальным данным, к примеру, за второе полугодие 1933 г. регулярно работало 86 % секций и 71 % депутатских групп [26, л. 7 об.]. Одной из причин такого положения вещей являлась деятельность уполномоченных по проведению различных хозяйственно-политических кампаний в деревне, которые вместо того, чтобы опираться на массовые органы советов, создавали различные временные штабы, бригады, комиссии и т. д. В результате чего принижалась роль секций и депутатских групп [17, л. 45 об.]. Чехарда с кадрами сельской администрации также не способствовала развертыванию организационно-массовой работы советов и деструктивно воздействовала на них. Так, в Чувашии с момента перевыборов советов в 1930–1931 гг. по декабрь 1932 г. сменилось 476 председателей (77 %) и 538 (87 %) секретарей сельсоветов [17, л. 46].

Своеобразной формой массовой работы советов, получившей широкое распространение особенно в 1930-е гг., стали различные смотры-конкурсы и соревнования, которые рассматривались как «метод работы и боевое орудие мобилизации масс на выполнение хозяйственно-политических кампаний» и производственных задач [72, с. 93]. Конкурсы, смотры, соревнования, сосредотачивая внимание сельских советов и их массовых органов на решении узловых вопросов хозяйственно-культурного строительства деревни, в то же время преследовали цели улучшения работы советов, формирования вокруг них советского актива, расширения сети секций и депутатских групп, усиления их активности. Практическая деятельность советов в развертывании социалистического соревнования проявлялась в том, что они по указанию партийных органов совместно с правлениями колхозов конкретизировали задачи и определяли условия соревнования, проводили их обсуждение среди советского актива и колхозников, организовывали проверку выполнения обязательств, вовлекали в него депутатов, органы массовой советской работы.

На первых порах социалистическое соревнование в сельском хозяйстве проходило под лозунгами успешного завершения полевых работ, повышения урожайности, выполнения агроминимума. В годы второй пятилетки эта форма массового движения поднялась на качественно новую ступень: стала системной, масштабной, охватила все отрасли сельского хозяйства. В 1933 г. Чувашия включилась во всесоюзный и всероссийский конкурс на лучший сельсовет. Его целями являлись укрепление советов в деревне и «поднятие их роли в осуществлении директив партии по укреплению колхозного строя» [28, л. 149]. Конкурс должен был выявить лучшие сельские советы по выполнению следующих задач: достижение высоких показателей в проведении сельскохозяйственных работ (весенний сев, сохранение и уборка урожая, борьба с его потерями, зяблевая вспашка),

выполнение в срок обязательств колхозов и единоличников по поставкам государству сельхозпродукции и мобилизации средств, сохранение и увеличение общего поголовья скота в колхозах и индивидуальных хозяйствах, рациональная организация труда и руководство сельсоветов колхозами, мобилизация советского и колхозного актива «на борьбу за выполнение хозяйственных планов и организационно-хозяйственного укрепления колхозов» [28, л. 149]. В конкурс на лучший сельский совет 1933 г. в Чувашии включились 583 сельсовета, или 90,4 % от их общего числа [26, л. 7]. Весной 1933 г. соревновались на лучшее проведение весеннего сева 273 сельских совета, или 44,2 %, в уборочную кампанию – на лучшее качество уборки и досрочное выполнение хлебосдачи – 494 (80,3 %), в конце октября 1933 г. – за скорейшее завершение всех хозяйственно-политических кампаний – 515 сельских совета, или 83,3 % [29, л. 49].

В ходе конкурса 1933 г. на лучший сельсовет в полной мере проявилось такое явление, ставшее имманентно присущим социалистическому соревнованию, как «факты формального бумажного соревнования». Отмечался и такой момент – сельские советы для осуществления задач конкурса «только в редких случаях», «слабо вовлекая в свою работу актив», привлекали к практической деятельности секции [28, л. 25, 36].

В 1934 г. все районы и подавляющее большинство сельских советов ЧАССР включились в отраслевые конкурсы на лучший сельсовет: по дорожному строительству, подготовке к новому учебному году, финансовой работе, по развитию животноводства. В последнем случае цель конкурса была в том, чтобы мобилизовать советы, советский и колхозный актив на борьбу за увеличение поголовья скота и его продуктивность в колхозах, совхозах, хозяйствах колхозников и единоличников. В конкурсе соревновались 573 сельских совета, или 86 % от их числа в Чувашии [44, с. 159].

В еще больших масштабах в решение проблем животноводческой отрасли советы автономной республики должны были быть вовлечены в связи с проведением в мае–декабре 1935 г. всероссийского конкурса на лучший сельский совет по организации социалистического животноводства в колхозах, совхозах и хозяйствах колхозников. В качестве конкретных показателей по этому конкурсу определили: выполнение государственного плана развития животноводства, высокий прирост и сохранение молодняка, укрепление кормовой базы, образцовое содержание скота, подготовка к зиме, ликвидация бескоровности в хозяйствах колхозников, широкое развертывание работы по подготовке животноводческих кадров, исполнение государственных заданий по поставкам мяса и молочной продукции [46, с. 14–16]. В конкурс включились 588 сельских советов из 621, 543 животноводческие секции, 1447 колхозов. Передовыми районами по выполнению условий конкурса были признаны Татаркасинский, Мариинско-Посадский, Шихирдановский,

Цивильский и Козловский. Как образцовый пример на страницах печати приводилась работа животноводческой секции Калайкасинского сельсовета Татаркасинского района. Секция завела журнал учета скота по колхозам, фермам и селениям, ее членами в летний период был произведен осмотр КРС и уничтожено 1300 штук подкожного овода, проверялось содержание скота на фермах. При ее активном участии курсы зооветминимума прошли 40 колхозников [70, с. 24–25].

В результате усилий колхозов, сельсоветов и их животноводческих секций к первой половине 1930-х гг. в развитии животноводства республики наметились положительные сдвиги. В большинстве колхозов были созданы постоянные животноводческие бригады, в 1935 г. 81,5 % колхозов имели животноводческие фермы [76, с. 247]; с 1931 г. по 1934 г. общее поголовье КРС возросло на 31,9 %, свиней – 95,1 %, лошадей – на 0,6 % [57, с. 69]. Но все же животноводство Чувашии оставалось в нелучшем положении. В 1935 г., когда работа в этой отрасли достигла большего размаха, плановые показатели по поголовью лошадей в ЧАССР были выполнены на 95,2 %, КРС – 92,2 %, свиней – 94,2 %. Значительная часть колхозников и единоличников не содержали на личном подворье никакого продуктивного скота [59, с. 38].

Наряду со всесоюзными и всероссийскими, в Чувашии проходили внутриреспубликанские конкурсы и соревнования советов. 5 января 1935 г. ЦИК ЧАССР издал постановление «О проведении в 1935 году конкурса-соревнования советов имени 15-летия Чувашской автономии» в целях «еще большего поднятия темпов хозяйственного и культурного строительства и качества всей работы советов» и мобилизации широких масс рабочих и колхозников на их достижение. Конкурс был многоотраслевым. В области сельского хозяйства ставились задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и завершения коллективизации, развития животноводства, сохранения поголовья всего молодняка, выполнения полностью государственных обязательств по сельхоззаготовкам, получения среднего урожая в колхозах «не менее 15 центнеров с га при любых условиях погоды» [51, с. 15, 16].

Отраслевые смотры-конкурсы и различные формы социалистического соревнования советов стимулировали участие последних в производственной жизни деревни. В ходе их выявлялись передовые сельсоветы, секции и депутатские группы, достигавшие высоких результатов, чьи успехи и опыт широко и публично пропагандировались. Например, Оринингский сельский совет Татаркасинского района всю свою работу строил строго по плану, при сельсовете организовали 6 секций и при колхозах действовали 9 депутатских групп. В течение 1933 г. он заслушал и обсудил 20 докладов представителей правлений колхозов и 37 докладов колхозных бригад. Все задания хозяйственно-политических кампаний сельсовет выполнял полностью и досрочно. Результативно функционировали депутатские группы при колхозах. Так, депутатская группа при колхозе «Красное Сормово» активно

выявляла недостатки в работе хозяйства, способствовала их ликвидации [72, с. 94–95]. Одним из лучших в Чувашии в первой половине 1930-х гг. признавался Дятлинский сельский совет Козловского района. С 1932 г. он занимал передовые позиции по выполнению всех хозяйственно-политических кампаний и в развитии производственной деятельности колхозов. «Такого положения, – отмечалось на страницах всесоюзного журнала «Советское строительство», – сельсовет добился благодаря конкретному руководству работой колхозов, организации проверки и исполнения своих постановлений, развертыванию массовой работы, организации соцсоревнования и ударничества» [72, с. 95].

Деятельность советов по развитию сельскохозяйственного производства Чувашии в 1920–1930-е гг., несомненно, способствовала усилению потенциала аграрного сектора автономии. Однако ее нельзя оценивать и анализировать в отрыве от особенностей экономических и социально-политических процессов, происходивших в стране в названный период. Во второй половине 1920-х гг. в условиях нэпа, экономической либерализации доминантой в работе советов в деревне являлся экономический подъем крестьянских хозяйств на основе их интенсификации путем приобщения к передовым формам производства, агрикультуре, вовлечения в разнообразные формы кооперации. С рубежа 20–30-х гг. XX в. со сменой экономического и политического курса, массовой и насильственной коллективизации на первое место вышли административные методы и способы хозяйствования. Главной задачей советов на селе стало организационно-хозяйственное укрепление колхозной системы и наращивание ею производства. Они прежде всего через систему своих массовых органов выступали как оперативный аппарат, один из каналов мобилизации трудовой активности селян на исполнение решений коммунистической партии и правительства. В условиях сложившегося бюрократического командования колхозами со стороны партийно-государственного аппарата, отчуждения тружеников села от средств производства и результатов своего труда деятельность советов в сфере сельского хозяйства выполняла своего рода компенсаторные функции.

Список источников и литературы

1. *Бугров Н.* Работу Советов на уровень новых задач (доклад на II республиканском совещании инструкторов наркоматов, центральных учреждений, райисполкомов, секретарей риков и зав. агит-мас. отд. РК ВКП(б) 9–11 декабря 1931 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. 44 с.

2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 7. Д. 51.

3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 140.

4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 31.

5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 102.

6. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 19.

7. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 288.

8. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 13. Д. 169.

9. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 181.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 159.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 197.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 249.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 313.
14. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 497.
15. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 569.
16. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 576.
17. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 720.
18. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 724.
19. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 728.
20. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 775.
21. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 776.
22. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 877.
23. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 879.
24. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 928.
25. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 968.
26. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 969.
27. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 973.
28. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 978.
29. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 982.
30. *Зданович С.* Советы в деревне к 10 годовщине Октября // Власть Советов. 1927. № 45–46. С. 44–46.
31. *Зекцер М.* Сельский бюджет // Советское строительство. 1932. № 6. С. 117–128.
32. *Золотаревский А.* Новое положение о сельских советах РСФСР // Советское строительство. 1930. № 6. С. 15–24.
33. *Иванов А.* Заметки к программе работ РКИ // Советское строительство. 1927. № 2–3. С. 84–97.
34. *Иванов Н.И.* Участие местных Советов Чувашии в подготовке условий массовой коллективизации деревни (1928–1929 гг.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 41–51.
35. *Изоркин А.В., Макаревский В.И.* Деятельность Чувашской областной партийной организации по укреплению Советов и оживлению их работы в 1921–1927 годах // Вопросы истории Советов, партийных и комсомольских организаций Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. С. 30–48. (Труды ЧНИИ; вып. 92).
36. К пересмотру прав и обязанностей местных органов советского управления // Власть Советов. 1927. № 35–36. С. 3–4.
37. *Калинин М.И., Енукидзе А.С.* Сплошная коллективизация и задачи Советов. М.: Гос. изд-во; Л.: Гос. изд-во, 1930. 47 с.
38. *Кириллов И.* Финансы сельских бюджетов // Советское строительство. 1934. № 11. С. 51–63.
39. *Клементьев В.Н.* Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929–1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997. С. 64–72.
40. *Клементьев В.Н.* Советы Чувашии на завершающем этапе формирования административно-командной системы (1930–1936 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 130–151.
41. Краткий отчет о деятельности ЦИК ЧАССР за 1925/26 г. Чебоксары: Изд. ЦИК, 1927. 41 с.
42. *Кудряшов Р.* Сельские бюджеты РСФСР за 1929–30 и за 1931 годы // Власть Советов. 1932. № 5. С. 5–7.

43. *Матвеев А.* Руководство колхозным движением в Чувашии // Советское строительство. 1930. № 3. С. 52–56.

44. Материалы к отчету правительства Чувашской АССР на X съезде Советов. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1934. 176 с.

45. Национальное строительство // Советское строительство. 1932. № 1. С. 144.

46. О конкурсах соревнования Советов в крае в 1935. Горький: [б. и.], 1935. 25 с.

47. О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР // Власть Советов. 1930. № 42–43. С. 20–21.

48. Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики за 1924–25 год. Чебоксары: Тип. «Чуваш. кн.», 1925. 167 с.

49. Отчет правительства ЧАССР за 1926–27 и 1927–28 годы. Чебоксары: Изд. ЦИК и СНК ЧАССР, 1929. 119 с.

50. *Петров И.* Производственные совещания сельсоветов, возглавляйте уборочную кампанию // Красная Чувашия. 1930. № 168. 24 июля.

51. Положение о внутриреспубликанском конкурсе соревновании Советов имени 15-летия Чувашской автономии. Шупашкар: Чăвашсен патш. изд-ви, 1935. 23 с.

52. Положение о сельских Советах с объяснениями и законодательными материалами. М.: Изд-во Коммунистич. акад., 1928. 321 с.

53. Постановление президиума Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, кретьянских и красноармейских депутатов Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики об организации исполнительных комитетов сельских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Трудовая газета. 1927. № 10. 26 янв.

54. Постановления II (7) Всечувашского съезда Советов (24–31 марта 1927 г.). Чебоксары: Изд. ЦИК ЧАССР, 1927. 74 с.

55. Постановления II сессии ЦИК Чувашской АССР 2–6 июля 1926. Чебоксары: Изд. ЦИК ЧАССР, 1926. 47 с.

56. Постановления II сессии IV (9) созыва ЦИК Чувашской АССР 6–10 июля 1931 г. Чебоксары: Изд. ЦИК, 1931. 38 с.

57. Постановления X съезда Чувашской АССР и I сессии ЦИК. Чебоксары, 1934. 94 с.

58. Постановления I (6) Всечувашского съезда Советов (26–31 января 1926 г.). Чебоксары: ЧувашЦИК, 1926. 40 с.

59. Постановления V сессии X созыва ЦИК ЧАССР 1–5 марта 1936 г. Чебоксары: Чувашгиз, 1936. 45 с.

60. Постановления III (8) Всечувашского съезда Советов Чувашской автономной советской социалистической республики 20–29 марта 1929 г. Чебоксары: Изд. ЧувашЦика, 1929. 53 с.

61. Постановления III сессии ЦИК ЧАССР 2 (7) созыва 26–30 ноября 1927. Чебоксары: Изд. ЦИК ЧАССР, 1927. 24 с.

62. Постановления III сессии IV (9) созыва ЦИК ЧАССР 26 февраля 1932 г. Чебоксары: Изд. ЦИК, 1932. 71 с.

63. Постановления IV сессии ЦИК ЧАССР 2 (7) созыва 11–14 июня 1928 г. Чебоксары: Изд. ЦИК ЧАССР, 1927. 19 с.

64. Резолюции XII Ядринского уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (2–6 января 1926 г.) Ядрин, 1926. 24 с.

65. Резолюции и постановления XII областной партконференции 18–24 ноября 1927 г. Чебоксары. 66 с.

66. Резолюции и постановления XIII областной партконференции (28/XII 1928 – 5/ I 1929 г.). Чебоксары: Чувашобком, 1929. 71 с.

67. *Розин М.* Оргмассовая работа Советов // Советское строительство. 1932. № 4. С. 25–38.

68. Сборник декретов и постановлений законодательных органов РСФСР и СССР, изданных о Чувашской АССР за 10 лет (с 24 июня 1920 г. по 24 июня 1930 г.) / сост. И.И. Данилов. Чебоксары: Изд. ЦИК ЧАССР, 1930. 86 с.

69. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Чувашской автономной советской социалистической республики и важнейших декретов и постановлений правительств РСФСР и СССР. 1931. № 3. 1 апреля. 55 с.

70. *Соколов В.* О ходе конкурса-соревнования Советов Чувашской АССР // Социалистическое строительство ЧАССР. 1936. № 9. С. 23–31.

71. Съезды Советов автономных советских социалистических республик, входящих в РСФСР: сб. док. 1923–1937 гг. Т. IV. Ч. 2. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. 906 с.

72. *Трофимов И.* Организационно-массовая работа Советов // Советское строительство. 1934. № 6. С. 93–96.

73. *Трубинер А.* Расширение прав местных Советов в РСФСР // Советское строительство. 1927. № 12. С. 58–68.

74. *Устинов М.* К вопросу о взаимоотношениях сельсоветов с колхозами // Власть Советов. 1929. № 39. С. 3–5.

75. Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 401.

76. Юбилейные торжества в Чувашии 1920–1935 гг.: сборник. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1935. 291 с.

77. *Ящук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск: Изд-во ОмГу, 2007. 592 с.

V.N. Klementev

THE ACTIVITY OF LOCAL SOVIETS ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN CHUVASHIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920s – 1930s: LEGAL BASIS EVOLUTION, MAIN DIRECTIONS AND ORGANIZATIONAL FORMS

Abstract. The article deals with the work of local soviets on the agricultural production development in Chuvashia at the final stage of new economic policy and during the period of approval of the Stalin's model of planned-directive economy (the second half of the 1920s–1930s). The legal basis, content and changes in the main directions and organizational forms of this activity have been characterized.

Keywords: soviets, Chuvashia, agricultural production, agriculture, animal husbandry, kolkhoz, soviet's section, deputy group, review-competition.

УДК 94(470): 631

Ю.Г. Никифоров,
М.Ю. Никифоров

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА

Аннотация. В статье рассматриваются ход и итоги политической, экономической, культурной реконструкции и модернизации села в процессе реализации ленинского кооперативного плана.

Ключевые слова: СССР, Октябрьская революция, ВКП(б), ленинский кооперативный план, сельское хозяйство, коллективизация, культурная революция.

Великой Октябрьской революции в России предшествовал системный социально-политический кризис. Поскольку Россия в тот период представляла собой преимущественно аграрную, крестьянскую страну с технически и экономически отсталым сельским хозяйством, отягощенным многочисленными феодальными пережитками, не устраненными столыпинской аграрной реформой, этот кризис проявился особенно остро именно в аграрной сфере. Это внешне выразилось в массовых крестьянских волнениях, поджогах помещичьих усадьб, самовольных захватах помещичьих земель и т. п. Становилась очевидной необходимость такого решения этой проблемы, которое было бы способно удовлетворить составляющее большую часть населения нашей страны – трудящееся крестьянство.

В последние дни, предшествовавшие Октябрьской революции, В.И. Ленин на основании анализа 242 крестьянских наказов I Всероссийскому съезду крестьянских депутатов, сформулировал следующие требования: «Крестьяне требуют отмены права частной собственности на землю; обращения всей частновладельческой и т. д. земли в всенародное достояние безвозмездно; превращения земельных участков с высококультурными хозяйствами (сады, плантации и т. д.) в "показательные участки", передачи их "в исключительное пользование государства и общин", конфискации "всего хозяйственного инвентаря, живого и мертвого" и т. д.» [13, с. 429].

Эти требования были реализованы в принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом советов ленинском «Декрете о земле», открывшим путь к социалистическому преобразованию сельского хозяйства нашей страны. Решающими этапами на этом пути стали X съезд РКП(б), принявший решение о переходе от продразверстки к продналогу, и XV съезд ВКП(б), принявший решение о коллективизации.

Характерно, что продразверстка в качестве чрезвычайной меры продовольственного снабжения действующей армии была введена еще царским правительством в 1916 г. и рассматривалась В.И. Лениным именно как временная, чрезвычайная мера, от которой надо отказаться при первой же возможности. Антинаучные измышления о том, что большевики будто бы взяли принципиальный курс на чрезвычайщину и отказались от нее только под давлением внешних обстоятельств, а именно – кронштадтского мятежа и кулацких антисоветских мятежей в Тамбовской области, на Украине, в Западной Сибири, Чувашии и других местах, – противоречат хорошо известным, достоверно установленным фактам и поэтому не выдерживают серьезной критики. Обратимся к В.И. Ленину. Он заявил в своем докладе о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции ВКП(б) 26 мая 1921 г.: «Как только мы действительно покончили с внешним врагом, – а это лишь в 1921 г. оказалось фактом, – перед нами встала задача другая, – задача экономического союза между рабочим классом и крестьянством» [9, с. 303]. В брошюре «О продовольственном налоге» Ленин счел необходимым решительно подчеркнуть: «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного “военного коммунизма”, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму… “Военный коммунизм” был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину» [16, с. 219–220].

25 апреля 1921 г. в записанной на граммофонную пластинку речи «О продовольственном налоге или продналоге» В.И. Ленин характеризует значение и особенности продналога – основы новой экономической политики правящей партии большевиков: «Надо поднять хозяйство, во что бы то ни стало. В первую голову надо поднять и укрепить, улучшить крестьянское хозяйство. Продналог поможет делу улучшения крестьянского хозяйства. Крестьяне возьмутся теперь за свое хозяйство с еще большей уверенностью и с большей старательностью, а это самое главное» [17, с. 246–247].

В.И. Ленин трактовал нэп как долговременную политику, стратегию, направленную на успешное строительство и укрепление основ социализма; свое последнее публичное выступление на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. он завершил словами: «Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже

теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-либо иконы… Из России нэповской будет Россия социалистическая» [18, с. 309].

Начиная с X съезда РКП(б) В.И. Ленин в течение 1921, 1922 и начала 1923 гг. постоянно делал ставку на развитие кооперации во всех ее видах – не только сельхозкооперации, в виде сельхозартелей, товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ) и т. д., но и промысловой, снабженческой, сбытовой, потребительской кооперации, снова и снова рассматривая разнообразные аспекты этой сложной политической и экономической проблемы. При этом во главу угла он ставил всемерную государственную поддержку всех видов кооперации. Итогом его размышлений о кооперации стала опубликованная в соответствии с решением XII съезда РКП(б) в мае 1923 г. в газете «Правда» статья «О кооперации». В.И. Ленин выдвигает такую формулу: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [15, с. 373].

В основу ленинской концепции был поставлен, конечно, последовательно гуманистический подход: экономическая модернизация советского села должна быть обязательно и непременно дополнена культурной модернизацией, воспитанием новой культуры труда, быта, взаимоотношений: «Это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции» [15, с. 376]. Практически культурная революция к тому времени шла в деревне уже полным ходом и выражалась не только в ликвидации безграмотности, но и во внедрении новых севооборотов, агротехники, различных сортов культурных растений и т. д.

Важнейшее внимание В.И. Ленин уделял проблеме снабжения крестьянских кооперативов техникой. 25 апреля 1921 г. он по собственной инициативе дополнил проект постановления СНК «О распределении сельскохозяйственных машин» принципиально важным моментом: «Поручить Наркомзему и Наркомпроду рассмотреть и внести проект наиболее простого и экономного способа доставки машин потребителю» [10, с. 252]. Примерно в то же время в приветствии завкому и всем рабочим Первого государственного автомобильного завода по случаю успешного выпуска новой серии двигателей он обращает их внимание именно на значимость этого успеха с точки зрения села и необходимость развивать его в дальнейшем: «Развитие производства двигателей, при обилии в России нефти, обещает возможность поставить дело снабжения дешевыми и практичными двигателями крестьянского хозяйства. Во что бы то ни стало надо добиться еще и еще успехов в деле производства двигателей» [11, с. 145].

Важнейшей стратегической целью мегапроекта ГОЭЛРО было повышение энерговооруженности аграрного производства, в первую очередь за счет рационального использования местных природных ресурсов. В докладе на принявшем план ГОЭЛРО VIII Всероссийском съезде советов 22 декабря 1920 г. В.И. Ленин поставил задачу «добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс» [8, с. 160]. В прениях на том же съезде Владимир Ильич сказал: «Мы знаем, как обеспечить основы коммунизма в земледелии, – это можно сделать ценой громадной технической эволюции. Мы ясно представляем этот разработанный план с местами электрических станций, мы знаем программу-минимум, программу десяти ближайших лет» [9, с. 181].

В наказе Совета труда и обороны местным советским учреждениям В.И. Ленин подчеркивал (21 мая 1921 г.) их ответственность за развитие в сельской местности не только сельскохозяйственных, но и промысловых артелей [12, с. 282–283].

С учетом ленинской принципиальной позиции XII съезд РКП(б) принял в апреле 1923 г. резолюцию «О работе РКП в деревне», в которой подчеркивалось: «Поскольку кооперирование крестьянства является на целый исторический период важнейшей экономической задачей Советского государства,… в области экономической выдвигается на первое место работа партии и Советского государства по усилению всех видов кооперации, организации кредита крестьянству, с обеспечением интересов мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство крестьянской массы, создания простейших форм хозяйственного сотрудничества крестьян и т. п.» [2, с. 116–117]; «усиленную работу необходимо вести по укреплению сельскохозяйственной и промысловой кооперации, увеличению ее материальной мощи и обеспечению в ней необходимого коммунистического влияния. Особенно необходимо развить работу по вовлечению в кооперативное строительство широких масс крестьян» [2, с. 118].

31 марта – 2 апреля 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) определил политические задачи партии в области развития потребительской кооперации, ориентировав ее на массовое развитие сети кооперативов, всемерное укрепление низовой кооперативной сети на местах, которая «должна пойти по пути всемерного обслуживания потребительских интересов рабочих и крестьян и в первую очередь действительных членов кооперативов» [2, с. 200].

Крупнейший теоретик и историк отечественного агропромышленного комплекса, член-корреспондент Академии наук СССР С.П. Трапезников, отмечая огромное политическое значение успеха советского кооперативного мегапроекта уже в первые же годы после Октябрьской революции, пишет:

«Роль кооперации, разумеется, не ограничивалась только функциями снабжения и распределения. Ее значение состояло еще и в том, что она на практике показала трудящемуся населению великую силу объединения, силу коллективизма… Таким образом, впервые в своей истории кооперация под руководством Коммунистической партии смогла стать активной политической силой, способной вести борьбу за преобразование общества на новых, социалистических началах» [26, с. 483].

Кооперативный проект был успешно дополнен совхозным мегапроектом создания образцовых крупных социалистических хозяйств в аграрной сфере экономики. Начало было положено знаменитыми ленинскими «Апрельскими тезисами». Ленин требовал «создания из каждого крупного имения образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет» [14, с. 131]. К практическому осуществлению этой безотлагательной задачи партия приступила сразу же после Октябрьской революции. Уже к концу 1918 г. в Советской России действовал 3101 совхоз, в том числе 1204 – в Центрально-Промышленном районе, 600 – в Центрально-Черноземном, 403 – в Петроградском, 339 – в Западном, 242 – в Приволжском [26, с. 431].

Среди первых советских совхозов был и организованный весной 1918 г. подмосковный совхоз им. В.И. Ленина, который не только с честью выдержал испытание более чем столетней историей, но и входит сегодня в число самых успешных народных сельскохозяйственных предприятий в России, а его директор П.Н. Грудинин занял весной 2018 г. второе место на выборах президента нашей страны, что наглядно свидетельствует о народной поддержке его как руководителя передового сельхозпредприятия.

Совхозы наглядно продемонстрировали неоспоримое преимущество крупных хозяйств над парцелляризмом, который вместе с помещичьей и кулацкой эксплуатацией был одной из главных причин удручающей отсталости сельского хозяйства и бедности крестьянства в дореволюционной России. Так, в Чувашии, по данным В.Л. Кузьмина, в 1905 г. безлошадные и однолошадные крестьянские хозяйства составляли 63,2 %, т. е. около двух третей общей их численности. При этом плуги имели только 3 % зажиточных кулацких дворов. Средняя урожайность ржи в 1910–1914 гг. составляла 7,88 ц с га, а пшеницы – 6,45 ц с га. Малоземелье, низкий уровень агротехники, дефицит кормов пагубно отражались и на состоянии животноводства. Основную массу скота составляли малорослая и малосильная лошадь, мелкая (до 15 пудов) малопродуктивная корова, свинья с убойным весом не более 50 кг и такая же мелкая овца с настригом шерсти в 2 кг. Животноводство в Чувашии имело в основном натурально-потребительское направление и не в состоянии было удовлетворить даже собственных потребностей крестьянской семьи [6, с. 29, 31–33].

Не лучше тогда обстояло дело и в основных житницах дореволюционной России, даже с куда более благоприятными природно-климатическими условиями, как, например, в Херсонской губернии. Выразительную картину этого оставил в своих воспоминаниях Лев Троцкий, детство и юность которого прошли в тех местах. Наемным рабочим, число которых в губернии, по его сведениям, доходило до 300 тыс. чел., «мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве… Иные являлись во главе целого семейного выводка. Шли из своих губерний пешком, целый месяц питаясь краюхами хлеба, ночуя на базарах. В одно лето пришлые рабочие повально заболели куриной слепотой. Гостивший в деревне племянник матери написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора… Инспекция установила, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она почти во всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже» [28, с. 44].

Данное свидетельство тем более интересно, что сам Троцкий происходил, как известно, из состоятельной буржуазной семьи.

В новых условиях совхозы указывали крестьянам ясный путь избавления от парцелляризма и угнетения, и путь этот состоял в кооперации, в коллективизации. Но для этого необходимы были соответствующие условия. В.И. Ленин настоятельно требовал ни в коем случае не торопиться, не «забегать вперед».

К середине 1920-х гг. такие условия и предпосылки уже в значительной мере созрели. Социалистическая кооперация, в том числе в деревне, накопила первый опыт, позволяющий ей правильно ориентироваться в обстановке. Успехи реализации плана ГОЭЛРО создали предпосылки для укрепления материально-технической базы будущих колхозов. Одновременно в связи с обострением международной обстановки остро встали проблемы продовольственной безопасности, снабжения страны зерном, мясом и другими видами сельскохозяйственного сырья. XV съезд ВКП(б) в резолюции «О работе в деревне» сформулировал новую стратегическую цель: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» [3, с. 299]. При этом была подтверждена необходимость строжайшего соблюдения ленинского принципа добровольности при организации новых колхозов.

Данная принципиальная позиция помогла партии преодолеть последствия «левацких» перегибов на местах, допущенных отдельными нерадивыми активистами в начале 1930 г. и выражавшихся в нарушении принципа добровольности вступления в колхоз; подмене колхозов сельскохозяйственными коммунами с принудительным обобществлением жилых пост-

роек, мелкого скота, домашней птицы; перенесении на середняка методов борьбы, предназначенных для политической и экономической нейтрализации кулачества. В конечном итоге все эти искривления партийной линии приводили к дискредитации всего колхозного движения. Тогда 2 марта 1930 г. И.В. Сталин выступил в газете «Правда» со статьей «Головокружение от успехов», в которой вскрыл вред забегания вперед в деле колхозного строительства: «Кому нужны эти искривления, это чиновничье дискредитирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов! К чему они могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения!». Там же И.В. Сталин подчеркивает, что «артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. Зерновая же проблема является основным звеном в системе всего сельского хозяйства потому, что без ее разрешения невозможно разрешить ни проблему животноводства (мелкого и крупного), ни проблему технических и специальных культур, дающих основное сырье для промышленности» [22, с. 344]. И.В. Сталин потребовал от всех партийных, советских, комсомольских, хозяйственных работников проводить в жизнь положения Устава сельскохозяйственной артели, текст которого был опубликован в том же номере газеты «Правда». Постановления ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», от 2 апреля 1930 г. «О льготах для колхозов», от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота» (решительно осудившее подобное «обобществление») создали условия для исправления ошибок, преодоления их последствий и дальнейшего роста колхозного производства на здоровой и прочной основе. Уже к 1 июля 1930 г. 85,3 тыс. колхозов объединили 6149,3 тыс. крестьянских хозяйств, добровольно и навсегда перешедших к коллективному труду. В основных зерновых районах уровень коллективизации к моменту открытия XVI съезда ВКП(б) составлял 46,9 % и продолжал расти [1, с. 210]. Колхозами руководил (с 1927 г.) Всесоюзный Колхозцентр, поощрявший их путем первоочередного предоставления кредитов, машин, налоговых льгот и т. д.

Новое качество приобрели и совхозы, особенно после постановления июльского (1928) Пленума ЦК ВКП(б) об организации новых зерновых совхозов-гигантов. Пленум решил в течение ближайших четырех-пяти лет создать новые зерновые совхозы в РСФСР и на Украине, перед которыми к концу этого срока была поставлена задача давать до 100 млн пудов товарного хлеба в год, и тем самым окончательно решить зерновую проблему.

Организация совхозов была поручена специальному органу – Зернотресту. Совхозы наглядно демонстрировали преимущества крупного социалистического производства в сельском хозяйстве, оказывали непосредственную помощь крестьянским хозяйствам. Из тракторных отрядов совхозов выросли первые машинно-тракторные станции (МТС), ставшие могучим рычагом социалистического обновления сельского хозяйства. Первая МТС была создана в 1928 г. на базе тракторного отряда совхоза им. Т. Шевченко на Украине [1, с. 207].

В важнейших зерновых районах страны на свободных землях государственного фонда широким фронтом развернулось строительство зерновых совхозов-гигантов, которые заняли 513 тыс. га на Северном Кавказе и еще 640,8 тыс. га на ранее неосвоенных кубанских и приазовских плавнях, в Нижне-Волжском крае 6,5 млн га, в Средне-Волжском крае – свыше 2,5 млн га. Это были крупные высокомеханизированные хозяйства со средним размером площади 45 тыс. га, которые с самого начала продемонстрировали высокий уровень производственной организации, чем показали прекрасный пример всей стране. Уже в 1929 г. новые зерновые совхозы произвели 141,6 тыс. т валовой продукции зерна и сдали государству 82,5 тыс. т товарного зерна [27, с. 21–22].

МТС и совхозы стали центрами организаторской, партийно-политической работы на селе в процессе коллективизации. По решению январского (1933) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в них были созданы политотделы в составе начальника, двух его заместителей по общепартийной работе и одного помощника по комсомольской работе. Начальник политотдела МТС (совхоза) являлся одновременно заместителем директора МТС или совхоза по политической работе, руководил партийной и комсомольской организациями МТС и всех обслуживаемых ею колхозов или совхоза и нес всю полноту ответственности за состояние партийно-политической работы. Первоочередной задачей политотделов было объявлено обеспечение выполнения колхозами и совхозами своих обязательств перед государством. При этом особо была подчеркнута обязанность политотделов МТС и совхозов обеспечить «настойчивое, правильное и своевременное применение законов об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства» [4, с. 25]. «Важнейшей первоочередной задачей» политических отделов было признано «сколачивание крепкого ядра из подлинных активистов колхозных и совхозных ячеек и создание вокруг этих ячеек беспартийного актива из преданных, проверенных в борьбе за Советскую власть колхозников и рабочих совхозов» [4, с. 26].

Пленум дал также политическую оценку значения советских успехов колхозного и совхозного строительства, достигнутых к началу 1933 г., для

социалистического преобразования сельского хозяйства: «В какие-нибудь три года сумели мы создать свыше 200 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов, т. е. создали совершенно новые предприятия, имеющие для сельского хозяйства такое же значение, как заводы и фабрики для промышленности. История не знает другой такой страны, которая сумела бы в три года создать не только 205 тыс., но хотя бы 25 тыс. новых крупных предприятий, вооруженных новой техникой. Только СССР, только наша Советская страна сумела осуществить это чудо творческой работы» [4, с. 27].

В резолюции январского (1933) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об итогах первой пятилетки и новых задачах были приведены следующие цифры и факты. Были построены гигантские тракторные и машиностроительные заводы, обеспечивавшие аграрный сектор экономики лучшей по тому времени техникой: Сталинградский и Харьковский тракторные, Ростовский-на-Дону сельскохозяйственного машиностроения, Саратовский комбайновый, заводы «Коммунар» в Запорожье, «Серп и молот» в Харькове и т. д. Быстрый рост индустрии, с одной стороны, и успешное проведение политики ликвидации кулачества как класса с другой, дали возможность снабдить сельское хозяйство тракторами и новейшими сельхозмашинами, объединить мелкие единоличные крестьянские хозяйства в крупные колхозы и организовать широкую сеть зерновых и животноводческих совхозов. За пятилетку сельское хозяйство получило более 120 тыс. новых тракторов и на 1 млрд 600 млн руб. других сельскохозяйственных машин, что более чем удвоило уровень его технической вооруженности по сравнению с аналогичными показателями 1928 г. Были созданы 2446 МТС, более 200 тыс. колхозов, охвативших свыше 60 % крестьянских хозяйств и 75 % крестьянских посевных площадей, и более 5 тыс. совхозов. Государство получило в 1932 г. 1400 млн пудов товарного хлеба (75 % от колхозов и совхозов) вместо 700 млн пудов в 1928 г., из которого на долю колхозов и совхозов приходилось тогда только 10 %. За этот же период поголовье крупного рогатого скота (КРС) в крупных совхозах и товарных фермах колхозов увеличилось с 332 тыс. до 7,6 млн, свиней – с 75 тыс. до 3,6 млн, овец – с 970 тыс. до 9,9 млн [4, с. 9–12].

Это позволило поставить перед сельским хозяйством еще более значительные задачи, что и было сделано XVII съездом ВКП(б) и Пленумом ЦК ВКП(б) 29 июня – 1 июля 1934 г., определившим комплекс мер по резкому увеличению производства зерна и мяса. В результате уже в том же году ноябрьский (1934) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене карточной системы снабжения населения хлебом по твердым государственным ценам. Было подчеркнуто: «К настоящему времени, когда вместо раздробленного мелкого единоличного хозяйства в земледелии утвердилось крупное механизированное производство, когда господствующее положение в сельском

хозяйстве заняли колхозы и совхозы и когда мы уже добились их значительного организационно-хозяйственного укрепления… государство теперь располагает достаточно большим количеством хлеба для того, чтобы полностью и безусловно обеспечить снабжение населения без карточной системы, путем повсеместного развертывания широкой торговли хлебом» [4, с. 184].

Углублялась региональная специализация сельского хозяйства в соответствии с конкретными особенностями природных условий. Расширялись посевы зерновых культур, картофеля, сахарной свеклы, подсолнуха, льна, хлопка; ряд южных районов начал специализироваться на выращивании чая, винограда, цитрусовых и других редких фруктов, бахчеводстве. XVIII съезд ВКП(б) в директивах по третьему пятилетнему плану поставил задачу «создать вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Киева, промышленных центров Донбасса, Кузбасса, Горького, городов Дальнего Востока и всех других крупных городов картофельно-овощные и животноводческие базы, обеспечивающие полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и, в значительной мере, молоком и мясом» [5, с. 112]. Эта директива была полностью реализована в послевоенный период.

Повышению эффективности и продуктивности аграрного сектора экономики в 1930-е гг. особенно способствовало внедрение прогрессивной, высокоэкологичной травопольной системы земледелия.

Политические итоги мегапроекта послереволюционного преобразования советского села были охарактеризованы И.В. Сталиным в докладе о проекте новой Конституции СССР в 1936 г.: «Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда. Как видите, советское крестьянство – это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества» [23, с. 549–550].

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии И.В. Сталин привел фактические данные об итогах экономического преобразования советского хозяйства. К весне 1939 г. в колхозах было объединено 18 млн 800 тыс. крестьянских дворов, которые составляли 93,5 % общего их количества в СССР, кроме того, действовали многочисленные рыболовецкие и промысловые колхозы. Посевные площади в 1938 г. составили 130,4 % к уровню 1913 г., в том числе по зерновым культурам – 108,5 %, по техническим –

244,4 %, по огородным и бахчевым – 247,4 %, по кормовым – 674,1 %. Техническая оснащенность сельского хозяйства дореволюционной России была, как известно, крайне низкой и отсталой, на средневековом уровне. Сельское хозяйство практически было очень слабо механизировано, поэтому данные 1938 г. приведены в сопоставлении с 1933 г. За эти годы парк тракторов увеличился с 210,9 тыс. до 483,5 тыс. штук (229,3 %), их суммарная мощность – с 3 млн 209,2 тыс. до 9 млн 256,2 тыс. л. с. (238,4 %), комбайнов – с 25,4 тыс. до 153,5 тыс. штук (в 6 раз), грузовых автомобилей в сельском хозяйстве – с 26,6 тыс. до 195,4 тыс. штук (в 7,4 раза). Количество МТС за это время увеличилось в 2,2 раза – с 2900 до 6350.

Отмечен рост валовой продукции зерновых и всех основных видов технических культур в 1938 г. по сравнению с самым благополучным и урожайным в дореволюционный период 1913 г.: зерновых – с 801 млн до 950 млн ц (в 1,2 раза); хлопка-сырца с 7,4 млн до 26,9 млн ц (в 3,64 раза, это означало полное самообеспечение СССР хлопком); льно-волокна – с 3,3 млн до 5,46 млн ц (в 1,655 раза); сахарной свеклы – со 109 млн до 166,8 млн ц (более чем в 1,5 раза); подсолнечника и прочих масличных – с 21,5 млн до 46,6 млн ц (в 2,167 раза). Поголовье свиней выросло с 20,9 млн до 30,6 млн – в полтора раза [24, с. 619–623].

Советский Союз, таким образом, уже тогда превратился в могучую, самодостаточную аграрную державу, полно и умело использующую в сельском хозяйстве новейшие достижения науки и технологии, мелиорацию.

Рассмотрим эту закономерность на некоторых конкретных примерах. В Чувашии валовой сбор зерна в 1940 г. дал увеличение по сравнению с 1913 г. в 1,8 раза. Чувашское сельское хозяйство было вооружено первоклассной техникой: 25 МТС располагали 1322 тракторами, 374 комбайнами и другой сельхозтехникой. Кольцовский совхоз им. Сталина Вурнарского района и другие передовые хозяйства с 1939 г. успешно выступали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В 1935 г. за выдающиеся успехи в коллективизации и интенсификации сельхозпроизводства республика была награждена орденом Ленина [7, с. 42; 20, с. 156–157].

Башкирская АССР в 1935 г. также была награждена орденом Ленина. В дальнейшем там расширилось движение за освоение неиспользуемых земель, благодаря чему только с 1938 по 1940 г. посевной клин увеличился с 2 млн 469 тыс. га до 3 млн 512 тыс. га, резко увеличилось производство товарного зерна. На Всесоюзной сельхозвыставке Башкирию представляли 16 совхозов и 521 колхоз, 86 из этих коллективов были удостоены наград, а 329 передовикам производства присуждены медали выставки [21, с. 448].

С честью выдержало социалистическое сельское хозяйство СССР и суровое испытание Великой Отечественной войной. Колхозы и совхозы в тылу в короткие сроки выполнили поистине титаническую задачу бес-

перебойного обеспечения потребностей фронта и страны продовольствием и сырьем, добились прироста посевных площадей. Так, прирост посева зерновых культур в районах Дальнего Востока составил 30 %, в Средней Азии – 27 %. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. посевные площади под масличными культурами и сахарной свеклой были увеличены на Дальнем Востоке на 37 %, в Сибири – на 27 %. Колхозы и совхозы восточных тыловых районов СССР увеличили поголовье КРС с 11,4 млн голов в начале 1941 г. до 12,5 млн голов в начале 1943 г. Перелом в пополнении ресурсов сельского хозяйства наступил уже в 1944 г., когда было получено на 1,1 млрд пудов зерна больше, чем в 1943 г. Поголовье скота к началу 1945 г. также возросло по сравнению с 1943 г.: КРС – на 15,8 млн, овец и коз – на 8,4 млн, свиней – на 2,8 млн голов [27, с. 388].

Сделали все возможное для обеспечения фронта и тыла продукцией сельского хозяйства и колхозники Чувашской АССР. Е.В. Сухова сообщает удивительные факты об их массовом трудовом героизме в тяжелых условиях, когда в первые месяцы войны около 100 тыс. трудоспособных колхозников республики, или 6 % от их общего числа, ушли на фронт или на промышленные предприятия, в том числе 70 % председателей колхозов, 80 % бригадиров, более половины трактористов и комбайнеров, которых частично заменили специально обученные женщины. В 1941 г. урожай зерновых, превысивший 13 ц с га, и картофеля был убран без потерь. При значительном сокращении трудоспособных работников и техники колхозники обеспечили расширение посева озимых на площади 26 015 га. После принятия эвакуированного скота поголовье КРС увеличилось на 21,1 %, свиней – на 34,2 %, овец и коз – на 28 %. В 1942 и 1943 гг. при экстремальных погодных условиях республика наращивала поголовье и продуктивность скота. Прирост в 1943 г. составил по КРС 22,8 %, по овцам и козам – 22,3 %, свиньям – 4,3 %. Колхозы сдали мяса на 33,7 тыс. ц больше, чем в 1942 г., и дали авансом в счет 1944 г. более 48 тыс. голов скота, а для освобожденных районов и семей фронтовиков – свыше 17 000 голов скота и 15 000 голов птицы. За эти достижения Чувашия по итогам работы в 1942 и 1943 гг. была дважды удостоена переходящего Красного знамени ГКО [25, с. 112–115].

В 1944 г. колхозы Чувашии перевыполнили задания по хлебозаготовкам и сдали сверх плана в фонд Красной Армии свыше 500 тыс. пудов зерна, 700 тыс. пудов картофеля и овощей. За 1941–1945 гг. сельское хозяйство Чувашии дало государству больше, чем за такой же довоенный период: хлеба – на 112 318 т, картофеля – на 19 754 т, мяса – на 19 800 ц, молока – на 7,8 тыс. т. То есть продуктивность животноводства и растениеводства в Чувашской АССР не только не уменьшилось, но и намного увеличилась. Были выполнены и планы сдачи новой для Чувашии продукции – каучуконосного кок-сагыза. 159 передовиков сельского хозяйства республики были

в период Великой Отечественной войны награждены орденами и медалями, некоторые из них впоследствии заслужили звание Героя Социалистического Труда [25, с. 118].

Е.В. Сухова сообщает также интересные данные о вкладе тружеников сельского хозяйства Чувашии во всенародную помощь фронту. Так, уже в начале июля 1941 г., почти за месяц до того, как движение за создание Фонда обороны получило официальную поддержку и приобрело поистине всесоюзный характер, с этой инициативой выступили труженики колхоза им. Сталина Вурнарского района во главе с председателем – будущим дважды Героем Социалистического Труда С.К. Коротковым, коллектив Чкаловской МТС, чей почин был дружно подхвачен всеми колхозниками района. Они первыми внесли в Фонд обороны премии за успешное проведение весеннего сева на общую сумму 14 тыс. руб. Около 300 тыс. руб. внесли пайщики потребительской кооперации – колхозники Ибресинского, Ишлейского и Козловского районов. Так инициативой сельских тружеников было положено начало движению за создание Фонда обороны в Чувашии [25, с. 123].

Крестьяне Чувашии первыми в Волго-Вятском регионе выступили с патриотической инициативой по откорму скота с последующей сдачей в Фонд обороны. 18 декабря 1941 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) одобрило обращение тружеников колхоза «Цивильстрой», обязавшихся вырастить в личных подсобных хозяйствах 41 свинью, 60 овец, 20 гусей и уток. По этому почину колхозники Чувашии уже к февралю 1942 г. вырастили и сдали в Фонд обороны 400 голов КРС и более 4 тыс. овец и свиней. Весной того же года они начали продолжавшийся весь период войны засев сверхплановых «гектаров обороны», урожай с которых тоже шел в Фонд обороны [25, с. 124–125].

Колхозники собирали средства на строительство боевой техники: в Чувашии это были бронепоезда «Комсомол Чувашии» и «За Родину», танковые колонны «Колхозник Чувашии» и «Тракторист Чувашии», боевые авиаэскадрильи «Красная Чувашия» и «Комсомол Чувашии» и т. д. Нередкими были случаи передачи средств тружениками конкретных колхозов и отдельными колхозниками на боевую технику для земляков – летчиков и танкистов. Так, председатель колхоза «Марс» А.Г. Гиязов купил самолет для Героя Советского Союза летчика-истребителя капитана А.В. Кочетова. Председатель колхоза «Красный пахарь» Порецкого района М.В. Дубровин внес 100 тыс. руб. на самолет для сына Степана, колхозник А.Д. Васянин – 100 тыс. руб. на самолет для сына Николая [25, с.130].

Подобное патриотическое движение развернулось среди тружеников сельского хозяйства по всей стране.

Реализация постановления СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» способствовала скорейшему восстановлению сель-

скохозяйственного производства указанных районов. После войны высокоэффективное колхозное и совхозное производство было организовано в регионах, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (Литовская, Эстонская, Латвийская, Молдавская ССР, западные области Белоруссии и Украины) и во время Великой Отечественной войны и по ее окончании (Тува, Южный Сахалин, Калининградская область). Дальнейшее развитие колхозно-совхозная система сельского хозяйства получила в процессе реализации постановления февральского (1947) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», решений XIX съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС по вопросам развития сельскохозяйственного производства. Тогда же началось формирование единого отечественного агропромышленного комплекса.

Все это подтверждает жизнеспособность и высокую эффективность колхозно-совхозной системы ведения сельского хозяйства и соответствующей этой системе аграрной политики даже в экстремальных условиях военных испытаний и послевоенного восстановления народнохозяйственного комплекса. С.П. Трапезников справедливо считал: «Советскому Союзу выпала достойная миссия стать первой страной крупного социалистического земледелия. Это торжество ленинского кооперативного плана, крупного социалистического хозяйства в земледелии, показавшего свои огромные преимущества как перед крупным капиталистическим, так и перед мелким крестьянским хозяйством» [27, с. 460].

С таким выводом авторитетного ученого-историка нельзя не согласиться. Социалистическое государство на практике успешно реализовало мегапроект аграрной модернизации села, благодаря которому на долгие годы была решена стратегическая задача продовольственной безопасности страны, а сельское хозяйство стало одной из ведущих отраслей экономики СССР.

Список источников и литературы

1. КПСС: справочник. Изд. 5-е, доп. и перераб. М.: Политиздат, 1982. 446 с.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 3. 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. 494 с.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат, 1984. 576 с.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6. 1933–1937. М.: Политиздат, 1985. 432 с.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 574 с.

6. *Кузьмин В.Л.* Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март–октябрь 1917 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 184 с.

7. *Кузьмин В.Л.* Под знаменем великой дружбы // К 40-летию образования Чувашской советской автономии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 88 с.

8. *Ленин В.И.* Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 дек. 1920 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 128–161.

9. *Ленин В.И.* Доклад о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 294–316.

10. *Ленин В.И.* Дополнение к проекту постановления СНК «О распределении сельскохозяйственных машин» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 252.

11. *Ленин В.И.* Завкому и всем рабочим Первого государственного автомобильного завода // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 145.

12. *Ленин В.И.* Наказ от СТО (совета труда и обороны) местным советским учреждениям // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 266–296.

13. *Ленин В.И.* Новый обман крестьян партией эсеров // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1970. С. 428–433.

14. *Ленин В.И.* О задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Политиздат, 1970. С. 113–118.

15. *Ленин В.И.* О кооперации // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 369–377.

16. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 205–245.

17. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге или продналоге. Речь, записанная на граммофонную пластинку // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 246–247.

18. *Ленин В.И.* Речь на Пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 300–309.

19. *Ленин В.И.* Речь о дополнениях к законопроекту СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов 26 дек. 1920 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 176–184.

20. *Любимов В.Н.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. 232 с.

21. Очерки истории Башкирской областной организации КПСС. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1973. 728 с.

22. *Сталин И.В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 331–336.

23. *Сталин И.В.* О проекте новой Конституции СССР. Доклад на VIII Чрезвычайном съезде Советов СССР 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 545–573.

24. *Сталин И.В.* Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 603–651.

25. *Сухова Е.В.* Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР) // Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумова, 2008. 212 с.

26. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Изд. 3-е, доп. Т. 1. М.: Мысль, 1983. 654 с.

27. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Изд. 3-е, доп. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 590 с.

28. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 624 с.

Y.G. Nikiforov,
M.Y. Nikiforov

RUSSIAN VILLAGE MODERNIZATION IN THE PROCESS OF LENIN'S COOPERATIVE PLAN REALIZATION

Abstract. The article considers the course and results of the village's political, economic, cultural reconstruction and modernization in the process of Lenin's cooperative plan implementation.

Keywords: the USSR, the October Revolution, the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Lenin cooperative plan, agriculture, collectivization, cultural revolution.

УДК 94.47

М.В. Оськин

РЕКВИЗИЦИИ СКОТА ДЛЯ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Снабжение фронта продовольствием представляет собой одну из важнейших задач ведения военных действий. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. русская армия получала разнообразное довольствие, где основными продуктами являлись хлеб и мясо. Потребление мяса фронтом превышало возможности российского хозяйства, вследствие чего продовольственным организациям пришлось перейти к реквизиционным закупкам скота для армии. Дабы не уничтожить отечественное стадо и сохранить перспективу развития, молочный и племенной скот освобождался от реквизиций, что обостряло социальные противоречия в деревне, так как владельцами такого скота выступали, как правило, помещики, ввиду чего тяжесть реквизиций ложилась на крестьянство. Благоприятное решение этой проблемы в военное время стало заботой Министерства земледелия, отвечавшего за продовольственное снабжение страны и развитие сельского хозяйства Российской империи.

Ключевые слова: реквизиция, Министерство земледелия, военное интендантство, крупный рогатый скот, племенное стадо, мясное снабжение.

Первая мировая война, наряду с прочими задачами, потребовала от Российской империи громадных мобилизационных усилий в продовольственной сфере: многомиллионная армия поглощала массу продовольствия, а потому органам власти, отвечавшим за снабжение фронта и тыла, пришлось взять на себя большую ответственность в деле сохранения устойчивости страны в период военных действий. Одним из основных продуктов, потребляемых армией, стало мясо – прежде всего, крупного рогатого скота (КРС). Проблема заключалась в том, что по абсолютному количеству скота Россия была на первом месте в Европе, но по относительному (количество скота на душу населения) уступала всем европейским странам. Поэтому в России «существовало вынужденное вегетарианство сельского населения» [12, с. 54], и мясных продуктов хватало лишь постольку, поскольку основная масса граждан страны потребляла незначительное количество мясной продукции.

В военное время положение дел резко изменилось – миллионы крестьян, надевших солдатские шинели, должны были получать мясной паек, тем самым потребляя гораздо больше мяса (в первую половину войны паек составлял 400 г в день, во вторую – вдвое меньше), нежели дома в мирный период. Экспорт мяса до войны был минимален – 4 тыс. голов КРС и 108 тыс. свиней в 1912 г., то есть все мясо шло на внутреннее потребление, а потому снабжение армии могло осуществляться лишь за счет внутренних ресурсов. В первый год войны только фронт потребовал свыше 7 млн голов КРС, в том

числе 5 млн было «потреблено излишне против нормального потребления населения». В потерянных в период Великого отступления 1915 г. губерниях находилось 5 млн голов КРС, а эвакуировали не более 1,5 млн. Следовательно, к концу 1915 г. было потеряно 9 млн голов КРС сверх обычного потребления мяса в России в мирное время [15, л. 288 об.–289].

В начале войны закупка продовольствия, производимая отвечавшим за продовольственное дело Министерством земледелия, велась рыночным способом. Однако ресурс быстро исчерпывался, и к весне 1915 г. встал вопрос о реквизиционных мерах в отношении скота. Разумеется, ценные породы не подлежали реквизиции, а потому эти меры затронули прежде всего крестьянство: «Реквизиция действительно вызвала много толков, но это произошло, главным образом, оттого, что вся тягость этой реквизиции падала на неимущий класс. Например, с мясом. От реквизиции освобожден скот: племенной, производители, метисный и занесенный в список союзов. Естественно, что крестьянский скот ни под одну из этих категорий не подходит. У него отбирают последнюю корову, а у богатых ничего не трогают» [10, с. 31].

Действительно, власти должны были думать не только о том, чтобы насытить армию, но и сохранить ресурс на будущее. Поэтому Министерство земледелия настойчиво требовало от интендантских органов, распоряжавшихся на театре военных действий, не трогать племенной скот, который, конечно, по преимуществу сосредоточивался в помещичьих хозяйствах. Так, приказ по армиям Северо-Западного фронта от 12 марта 1915 г. говорил, что в пределах войскового района не допускается реквизиция следующих категорий племенного скота: «1. Весь чистокровный племенной скот, занесенный в особые “Племенные книги”; 2. Скот, числящийся в местных контрольных союзах; 3. Скот, премированный на сельскохозяйственных выставках; 4. Скот племенных рассадников; 5. Племенные быки, находящиеся на случных пунктах; 6. Метизированный скот, представляющий однородную, уравненную массу; 7. Типичные группы местных (русских) пород скота по указанию земств и сельскохозяйственных обществ; 8. Молочный скот местностей, снабжающих молоком детей и лазареты». При этом первые пять категорий безусловно освобождались от реквизиций, а последние три категории могли быть реквизированы только в случае крайней нужды и в размере не более 25 % голов [13, № 755].

В связи с тем, что интендантство требовало от гражданских властей содействия в деле продовольственных заготовок, циркуляр Министерства земледелия от 18 марта 1915 г. также указал освобождать племенной скот от реквизиции. Например, орловский губернатор, препроводив этот циркуляр полицейским начальникам, предлагал им «озаботиться поставлением в из-

вестность частных владельцев скота об условиях, при которых имеющийся у них излишний скот может быть освобожден от реквизиции». Однако 28 мая 1915 г. Ставка Верховного командования урезала список освобождаемых категорий племенного скота с пяти до трех. Из списка под освобождение были убраны такие категории как «скот, премированный на сельскохозяйственных выставках» и «скот, числящийся в местных контрольных союзах». В обоснование своих требований Ставка телеграфировала, что Верховный главнокомандующий «соизволил указать, что ввиду ощущаемых в настоящее время известных затруднений в деле снабжения армии мясом, не представляется возможным изменить существующий порядок» реквизиций. Поэтому «при условии признания местности угрожаемой нашествием неприятеля принудительное взятие распространяется на весь скот, без всякого исключения, дабы таковой не сделался достоянием врага» [1, л. 1, 4, 25].

Однако объективные причины на время оставили в покое ценный скот. С конца весны 1915 г. русские армии стали отступать под натиском неприятеля. Соответственно, все возможное стали вывозить в тыл, в том числе и продовольствие. К сентябрю в армейских тылах скопилось около 800 тыс. голов КРС и столько же овец и свиней. Принимая во внимание начавшиеся эпидемические заболевания, Особое Совещание по обороне государства потребовало заготавливать солонину и сало, отводить скот в гуртах на пастбища, вообще нормировать эвакуационный продукт [15, л. 49 об., 77]. Следовательно, войскам хватало эвакуированного скота, что на время остановило реквизиции.

Итоги первого года войны, потребовавшего невиданных ранее объемов продовольственного снабжения и закончившегося отступлением из Польши, Литвы и Галиции, подвел Отдел животноводства комиссариата земледелия 12 июля 1918 г. В докладе Отдела отмечалось, что «волне беженского движения во время отступления в 1915 году нашей армии, сопутствовала гибель двухмиллионного количества крупного рогатого скота и других видов животноводства, в большинстве высоко ценного в племенном и пользовательном отношении…». До войны животноводство и так развивалось «в меньшей прогрессии, чем рост населения и городского и фабричного (как потребителей мяса), что ежегодная мирного времени потребность в мясе едва покрывалась естественным приростом молодняка, и мы шли скорее к мясному кризису, чем к избытку скота» [14, л. 17].

Война неминуемо обострила и социальные проблемы, сказавшиеся на внутридеревенских отношениях. Например, согласно приказу главнокомандующего армиями Западного фронта от 20 ноября 1915 г., войска при реквизиции скота имели право оставлять в помещичьих хозяйствах по 1 корове и 20 % молодняка на каждые 5 десятин пахотной земли, чем кресть-

янство было, естественно, недовольно. Тогда в некоторых районах прифронтовых регионов, где с января происходила реквизиция, «сами помещики во избежание нежелательных осложнений с крестьянами согласились сдать реквизиционной комиссии по 10 % наличного скота» [6, л. 93].

В начале 1916 г. Министерство земледелия вновь приступило к реквизиционным мерам, благо что осенью 1915 г. уже стали вводиться твердые закупочные цены на хлеба. Сознавая, что передача закупок всецело в руки военных вызовет немало протестов со стороны местного населения, министерство потребовало проводить реквизиции при участии земств. Всего в январе – феврале военными властями по реквизиции было взято 15,5 тыс. голов КРС без права их замены овцами или свиньями. Так как зимой скот был худым от нехватки кормов, а коровы в основном стельные, то «реквизиция дала результаты печальные и для хозяйств, уничтожив бесполезно массу телят, и для казны, так как от такого скота мяса получилось мало и плохого качества» [3, л. 96].

В связи с неизбежностью принудительных мероприятий, Особое Совещание было вынуждено вновь обратить внимание на ценные породы скота. 6 февраля 1916 г. указывалось, что «в целях охранения скотоводства в России», при реквизициях должны быть от них освобождены следующие категории скота: 1) скот, записанный в племенные книги; 2) скот, числящийся в местных контрольных союзах; 3) скот казенных, земских, общественных и частных племенных рассадников; 4) племенные быки случных пунктов и общественных и частных стад; 5) племенной скот, уже однажды отобранный из гуртов интендантства; 6) молочный скот местностей, снабжающих молоком крупные центры; 7) скот из хозяйств, имеющих не более одной взрослой головы; 8) стельные коровы в период стельности свыше 4,5 месяцев; 9) молодняки, то есть телята до 1,5 лет» [6, л. 6–7]. Как видим, реквизиции не должны были затронуть единственную в хозяйстве корову, что увеличило число однокоровных крестьянских хозяйств, тем самым побуждая власти пристальнее обращать внимание на помещичий скот. Где как раз и находились ценные породы, почему в войсковых районах Министерство земледелия освобождало племенной скот от обязательной поставки в войска путем его клеймения и выдачи владельцам удостоверений с печатью министерства [17, с. 57].

Согласно распоряжениям сверху, губернские земства получили право реквизиции скота и предварительной разработки цен. Телеграмма министра земледелия А.Н. Наумова в Ставку от 19 января 1916 г. указывала, что при реквизиции КРС в прифронтовом районе количество реквизируемого скота неравномерно распределяется между хозяйствами, во время перегонов масса скота гибнет от недосмотра армейского начальства, что в свою очередь

вызывает новые реквизиции. Вдобавок войска забирали стельных коров, лишая крестьян приплода [16, л. 224]. Разумеется, юридическое исключение ряда категорий скота из реквизиционного права перелагало тяжесть реквизиций на крестьянство, у которого априори не могло быть племенного и другого подобного скота [11, с. 216].

Наконец, в середине июня были утверждены «Общие положения организации поставок скота при посредстве земств или органов их заменяющих», где указывалось, что в случае недостаточности добровольных предложений скота по твердым ценам, земствам предоставляется назначать реквизицию скота по тем же твердым ценам. Министерство земледелия сообщило, что «в целях сохранения крупного рогатого скота допускается широкая замена его овцами и свиньями, которые будут приниматься без ограничения процента отношения к общему наряду скота по губернии» [4, л. 1–4].

Пример решения проблемы реквизиций на местах дает Журнал заседания Тульской уездной комиссии по регистрации племенного и охранению молочного скота в хозяйствах уезда 15 июня 1916 г., в котором участвовало уездное начальство, помещики и агроном. В заседании было постановлено, что «крестьянские хозяйства не могут быть рассматриваемы как молочные хозяйства», поэтому их нужно охранять только на период получения молока – до октября. А затем – ставить на регистрацию и очередь для будущих реквизиций. Окончательное решение предусматривало, что хозяйства с двумя коровами не подлежат реквизиции, а если коров больше двух, то брать по одной корове в каждую отдельную реквизицию [9, л. 2–6]. Это было явно компромиссное решение. С одной стороны, в крестьянских хозяйствах оставлялось по две коровы, с другой – выполнялись требования по сохранению ценных пород скота в помещичьих хозяйствах.

Тем не менее не был решен главный вопрос: что делать, когда крестьянство исчерпает данные требования, и основная тяжесть поставок должна будет лечь на помещиков, то есть когда придется перейти к реквизициям племенного скота. С осени 1916 г. реквизиции распространились и на помещиков, но с оговоркой, что хозяева получили право заменять поставки другим скотом или другими видами мяса. Тем самым владельцы племенного скота должны были закупать мясо для реквизиции, что в какой-то степени нивелировало неравенство социальных групп в поставках скота и вдобавок давало Министерству мясную продукцию, так как у крестьян последнюю корову отнимать было нельзя, а помещики имели массу ранее освобожденного от поставок скота.

Как бы то ни было, мясное снабжение Вооруженных сил легло тяжелым бременем на страну. Обсуждая данную проблему, Комитет Московской

скотопромышленной и мясной биржи 19 сентября 1916 г. признал, что Россия оскудевает скотом, и «кризис скотоводства в империи влечет за собой тяжелое положение всех отраслей промышленности и торговли, базирующихся на скотоводстве». Было предложено собрать Всероссийский съезд по скотопромышленному и мясному вопросу, дабы «обсудить и наметить мероприятия, которые с одной стороны задержали бы оскудение России скотом, а с другой – были бы приняты в целях быстрейшего возрождения отечественного скотоводства и свиноводства». Исходя из расчета, что за войну Россия оскудеет на 30 млн голов КРС, Комитет предложил учредить институт «Государственного скотоводства, подобный институту Государственного коневодства» [6, л. 103–106], чтобы централизовать дело заготовок мяса для армии, сохранения племенного скота и расчетов на послевоенную перспективу.

В начале 1917 г. основным препятствием в деле заготовок стали организационные моменты. Так, 25 января Министерство земледелия телеграфировало в регионы, что многие землевладельцы не успевают заменить свой породистый скот по реквизиции овцами и свиньями, так как информация о реквизиции предоставляется за 1–2 дня. Вследствие этого помещики «не могут, не зная срока реквизиции и количества, подлежащего отчуждению в их хозяйствах скота, заблаговременно озаботиться закупкой требующихся для замены его животных». Министерство просило извещать владельцев породистого скота о реквизициях за месяц, а также «чтобы все количество скота, подлежащее поставке из данного отдельного хозяйства в течение года, не бралось одновременно, а по известным срокам, что значительно облегчит поставку для хозяев» [5, л. 136].

После Февральской революции ситуация достаточно быстро изменилась в худшую сторону. В борьбе с помещиками крестьянство использовало все средства, в том числе и передачу для реквизиций помещичьего скота без особой оглядки на его ценность. Например, заседание Орловского губпродкома 29 мая 1917 г. констатировало, что крестьяне захватывают луга, и помещики ходатайствуют о ликвидации своего скота. Если это допустить, то в будущем реквизиции скота для армии лягут тяжелым бременем, так как совсем нельзя будет соблюдать принцип брать третью корову, ибо уже и теперь у большинства крестьян всего по одной корове [3, л. 123].

В обстановке революционного хаоса власти ничего не могли поделать, но лишь ограничились предписаниями. Отдел животноводства Министерства земледелия 24 мая 1917 г. сообщал во Временное правительство: «В настоящее время поступают сведения о том, что местными организациями, ведающими делом снабжения армии продовольствием, производятся реквизиции ценного племенного скота, в том числе зарегистрированного и

заклейменного по правилам регистрации и эвакуации племенного скота, утвержденным 15 февраля 1916 года». Набор скота для потребностей армии производился «уже за счет основного скотоводческого фонда страны, что само по себе представляется явлением, явно угрожающим нашему скотоводству, как производительной отрасли сельского хозяйства – забота о сохранении племенного и высокопользовательного скота является основной задачей настоящего момента. В противном случае страна лишится того культурного скота, который в будущем должен послужить почти единственным источником для получения материала, необходимого как для восстановления расстроенного скотоводства, так особенно и для дальнейшего улучшения его». Новый министр земледелия А.И. Шингарев просил губпродкомы, Совет крестьянских депутатов и Главный комитет Всероссийского крестьянского союза «принять меры охраны зарегистрированного племенного скота при посредстве местных комитетов» [2, л. 74].

Фактический отказ крестьян от поставок скота и ограниченность потенциала помещичьего хозяйства имели следствием падение заготовок мяса для фронта. Телеграмма Министерства земледелия губпродкомам от 12 июня 1917 г. сообщала: «...количество предлагаемого продовольственными комитетами скота и мяса настолько незначительно, что положение в армии стало критическим… недостаток мясного питания окончательно парализует действия армии, где столь тяжелого положения не было еще с самого начала войны». Министерство просило усилить закупки до возможного предела [8, л. 208]. Причем условия ужесточались. Если владелец племенного скота отказывался покупать простой скот для замены своего скота на поставку в армию, то его племенные животные по наряду отбирались в «распоряжение Министерства земледелия для общегосударственных племенных целей» [7, л. 23 об.].

Таким образом, в годы Первой мировой войны российское животноводство оказалось в тяжелой ситуации. Фронт требовал массу мясных продуктов, а имеющегося потенциала не хватало для удовлетворения потребностей армии. Важной задачей властей стало сохранение племенного скота как задела на будущее развитие сельского хозяйства после войны. В этом отношении был принят ряд мер, периодически повторявшихся и ужесточавшихся вследствие политических перемен в стране.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 6018.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 55.
3. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 454.
4. ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 419.
5. ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 425.
6. ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44.

7. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 5741.

8. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1408. Оп. 2. Д. 55.

9. ГАТО. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 12а.

10. Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 111 с.

11. *Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России / отв. ред. В.И. Бовыкин; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 335 с.

12. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: [монография] / [Е.П. Баринова и др.]; под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина; М-во образования и науки Российской Федерации [и др.]. М.: Новый хронограф, 2015. 286 с.

13. Приказы по армиям Северо-Западного фронта за 1915 год. Б. м., 1915.

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 8. Д. 76.

15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 12. Д. 2.

16. РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1457.

17. Сборник руководящих приказов и приказаний 7-й армии. Б. м., 1917. 515 с.

M.V. Oskin

LIVESTOCK REQUISITIONS FOR THE ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. Food supply is one of the most important tasks of warfare. During the First World War of 1914–1918 the Russian army received a variety of allowances where the main products were bread and meat. Meat consumption by the front exceeded the capabilities of the Russian economy, so food organizations had to move to livestock requisition purchases for the army. In order not to destroy the domestic herd and preserve the prospect of development, dairy and breeding cattle were exempted from requisitions which aggravated social contradictions in the village, as the owners of such cattle were, as a rule, landlords, so the burden of requisitions fell on the peasantry. Favorable solution of this problem in wartime became the Ministry of Agriculture that was responsible for the food supply of the country and the agriculture development in the Russian Empire.

Keywords: requisitioning, The Ministry of Agriculture, military intendant, cattle, breeding herd, meat supply.

УДК 94(470.45) “1922/24”:334.012

В.А. Поляков

РКП(б) И КООПЕРАЦИЯ – ОБУСЛОВЛЕННАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СОЗИДАНИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ ЦАРИЦЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1922–1924)

Аннотация. В статье, базирующейся на опубликованных и архивных документах с опорой на идиографический путь познания, рассматривается несостоятельная попытка властных структур РКП(б) возродить в начале 1920-х гг. кооперацию в Царицынской губернии.

Ключевые слова: РКП(б), кооперация, крестьяне, рабочий класс, профсоюз.

Термин «кооперация» в советский период истории сопровождался чуть ли не магическим подтекстом надежды на «чудо» в развитии страны под руководством партии коммунистов. Из-за суждений первого вождя В.И. Ульянова по партийной кличке «Н. Ленин» в статье «О кооперации», что «для построения полного социалистического общества… осталось только кооперирование населения» [7], эта проблематика стала одной из популярнейших в советской историографии [4, 8–14, 22 и др.].

Но «чудо» не случилось, продовольственная проблема весь XX в. после октября 1917 г. только периодически обострялась. В перестроечные 1980-е гг. появились хотя робкие, но здравокритичные суждения о том, что классификация кооперации «узка, недостаточна, неточна. Она не дает должного анализа сложной и противоречивой исторической действительности… в исследованиях имеется разнобой и смешение в трактовке видов кооперации… распространились другие ошибочные концепции в отношении истории кооперативного движения в СССР» [4, с. 67].

С распадом Советского Союза специалисты окончательно прозрели вплоть до постановки вопроса: «Существовала ли кооперация в СССР?» [22, с. 50–51], и с действительно научных позиций стали оценивать феномен советской кооперации. Примером являются исследовательские подходы Л.Е. Файна, по его словам, вначале отражавшего «полное одобрение кооперативной политики государства» [13], а затем признавшего себя «”пленником” кооперативной политики периода “военного коммунизма”» и заявившего, что «к концу 1920 г. крупнейшая в мире кооперативная система России оказалась частью полностью ликвидированной, частью превращенной в придаток государственных органов» [14].

Обуславливалась такая участь кооперации, как и безбожный 70-летний период существования Страны Советов от ленинского заявления в 1921 г.,

что «теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии…» [5, с. 217] до распада СССР в 1991 г., как в древности Израиль, осужденный «во все дни запустения субботствовать до исполнения семидесяти лет» [1] из-за забвения Бога. Безбожие, взрастая в России с конца XIX в., проникало в душу народа и нашло благодатную почву в его интеллигентских слоях. Именно из них формировались антироссийские нигилистического толка структуры, одна из которых, возглавляемая В.И. Ульяновым-«Н. Лениным», совершила переворот и пришла к власти. В ее программно-уставных документах при смене названий от РСДРП через РСДРП(б) до РКП(б) при первом вожде, который в 16 лет, «решив порвать с религией, сорвал с шеи крест… и бросил его на землю» [3, с. 17], до ВКП(б) и КПСС при следующих вождях, неизменным оставалось воинственное богоборчество. Но «Бог поругаем не бывает» [2], а равно не может быть и какого-либо созидания без него.

Если страна, новообразованная из части территорий Российской империи просуществовала 70 лет, то восстановить нормальную жизнедеятельность дооктябрьской российской кооперации большевикам вообще не удалось. А она, по их же признанию, в Европе была одним из лидеров. Так, 6 августа 1922 г. докладчик от Губсельпромкредсоюза (губернский союз сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации) на заседании президиума Царицынского губкома РКП(б) предложил, во-первых, «вспомнить недавнюю работу сельскохозяйственной кооперации, которая показала всему миру прекрасный пример организации сбыта масла из Западной Сибири, и, во-вторых, – не обходить молчанием огромный успех кооперативного сбыта хлеба в период 1912–1917 гг., когда его заготовка не укладывалась в сотни миллионов пудов» [18, л. 113 об.]. Но провозглашенный отказ от классических принципов кооперативного движения, как и иной ленинский арсенал из более чем десятка различных манипуляций так называемой «новой экономической политики» [10], камуфлированной под добродетель РКП(б) при власти над народом, однозначно предполагал сохранение «строго выдержанной коммунистической линии».

Из-за этого не только все ленинские распоряжения, но даже и его предостережения о капитализме, чего постоянно страшась, например, в плане брошюры «О продовольственном налоге» он для себя выделил: «…*все равно* неизбежен возврат к капитализму» [6, с. 382], воспринимались за безотлагательную директиву и даже с бóльшим энтузиазмом воплощались в жизнь большевистским административно-бюрократическим аппаратом. Ведь из Кремля за подписью «Н. Ленина» не просто тиражировалось, что «кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо-очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности», – но и сопровождалось пространно-обязы-

вающим пояснением: «Кооперация мелких товаропроизводителей… неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков… Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением» [5, с. 225].

Смысловой подтекст таких разъяснений вождя вел к внедрению в партийную номенклатуру всех уровней, вместе с небрежением к крестьянам, и неприязнь к цивилизованным товарно-денежным отношениям. Поэтому в стране, скатывавшейся на «рельсы коммунизма», принимались однотипные решения, нашедшие отражение и в «Положении о реорганизации рабочей кооперации Царицынской губернии», которое было принято постановлением президиума Губрабкоопа от 7 мая 1922 г. Заявив о «несоответствии существующих принципов кооперирования действительным потребительским нуждам рабочего класса, утвердили мероприятия, необходимые в перестройке кооперативного аппарата».

Главным элементом преобразований было «полное выделение рабочей кооперации из общегражданской на первой ступени строительства», далее «частичное выделение на второй ступени», что заявлялось «логическим последствием перехода к началу добровольности кооперирования».

В пояснении к этим решениям говорилось, что «в условиях Царицынской губернии эта перестройка кооперативного аппарата слагается из трех моментов: 1) реорганизация Царицынского ЕПО (единого потребительского общества); 2) образование рабочих кооперативов в уездах; 3) общее руководство названной работой». Далее уточнялось, что «союзное объединение рабочих кооперативов, возникающее на месте Царицынского ЕПО, должно обслуживать кооперативные нужды рабочего населения, проживающего как в районе г. Царицына, так и в прилегающей местности, как то: Советский поселок, Ельшанка и т. д., причем ЕПО данных местностей ликвидируется».

Естественно, что не могли обойтись без назначения начальствующей структуры, чем становился «Царицынский Губрабкооп, как идейный и хозяйственный центр рабочей кооперации», который должен был осуществлять «общее руководство работой как по реорганизации Царицынского ЕПО, так и по образованию в уездах рабочих кооперативов».

Заканчивался губернский циркуляр типичным для советской эпохи лозунгового характера требованием, что «потребительская кооперация должна быть едина, наша обязанность всеми силами создать союз рабочих и крестьян (то есть миф с несуразным продолжением. – *В.П.*) создать спайку с крестьянином практически» [16, л. 20–21].

Результаты этих майских преобразований нашли оценку уже 25 июля 1922 г. в докладе коммуниста Овчинникова «О работе партии в кооперации» на пленуме Царицынского губернского комитета РКП(б) совместного с ответственными работниками. Начав в обнадеживающей тональности, что «замена разверстки продналогом привела к оживлению в кооперации» и перечислив «потребительскую, сельскохозяйственную и кредитную», отнеся к потребкооперации еще «рабочую, военную, транспортную», он закончил удручающим выводом о «путанице в организационной области: добровольном или принудительном членстве, отсутствии правильных взаимоотношений между отдельными видами кооперации и несогласованностью с советскими органами». А далее, призвав «недостатки изживать», потребовал «приспособить кооперацию к переживаемому моменту и очередным задачам профстроительства», предложил «создать при Губкоме комиссию и поручить конкретную работу кооперации» [15, л. 54].

То, что это предложение к перелому в работе кооперации не привело, как раз и видно из протокола заседания комиссии по работе в деревне при орготделе Царицынского губкома РКП(б) от 28 октября того же 1922 г. Тогда по докладу коммуниста Погребецкого «О результатах обследования сельскохозяйственной кооперации» были вынесены критические суждения о структурном построении и финансовой деятельности, что, по мнению комиссии, отрицательно сказывалось на работе кооперации. Выводы партийцев базировались не на научно-значимых познаниях, а на их парадоксально-коммунистическом неприятии товарно-денежных отношений и частной собственности. Именно этим могут быть объяснимы пункты резолюции, орфографию и пунктуацию которой сохраняем неизменной: «1. Недопустим резкий уклон сельскохозяйственных низовых объединений в сторону торговли потребительскими товарами, что зачастую эта торговля абсолютно не носит никакого снабженческого характера обслуживающего нужды и потребности своих членов, а имеет чисто торгашеский характер, рассчитанный на массового и неорганизованного потребителя деревни, что совершенно недопустимо.

2. Фактические признаки производственной кооперации населения выражены в очень слабой степени, то есть система ведения крестьянского хозяйства имеет такие отсталые формы, что и у окружающего некооперированного населения (тоже наличие залежей в полеводстве, неорганизованность земельной территории, неустойчивость, отсутствие культурного животноводства и проч.) в силу чего наиболее хозяйственно устойчивые группы крестьянского населения (середняки) в выгодность кооперирования не верят, а если и стремятся в кооперацию, то исключительно в целях полу-

чения кредитов от государства, поэтому зачастую кооперирование населения носит чисто оффициальный (так в тексте. – *В.П.*) характер.

3. Целевые кредиты распределяются между более зажиточными слоями населения, так как выдается под ту или иную материальную обеспеченность, которую бедняцкая часть не имеет. Это лишает возможности ослабленную группу населения принять более активное участие в кооперативном строительстве губернии».

Кроме перечисленного, назвав «недопустимым», заявили, что «в кооперативной сети требуется оздоровление наличия больших непроизводственных расходов на содержание управленческого аппарата, доходящего в отдельных кооперативах в год от 9398 руб. до 10 000 руб.» [19, л. 3, 4, 5]. С этим нельзя не согласиться, как с характерным элементом, присущим советскому бюрократическому аппарату все годы существования.

На следующий день, то есть 29 октября, уже на VII Царицынской губернской партконференции РКП(б), отрицательные суждения о кооперации прозвучали и в выступлениях делегатов. Так, коммунист Аксенов, начав речь положительным посылом, что «продналог на местах двинулся», тут же сделал критическую оговорку в адрес губернской партийной структуры, указав: «...но не по причине посылки Губкомом своих членов, а благодаря энтузиазму парторганизаций и продработников уездов» (здесь и далее в документе подчеркнуто красным карандашом. – *В.П.*). А далее с большим нелицеприятием заявил: «На положение кооперации в деревне Губком не обратил внимания, результатом чего является падение авторитета кооперации в деревне» [17, л. 30].

Получается, что отрицательный результат стал очевиден и самим коммунистам. Они, спустя полугодие, 22 марта 1923 г., заслушав совместный доклад «О кооперации» Андрейчука и Ревича на VIII Царицынской губернской партконференции, перешли даже на наукообразный язык, что нашло отражение в тезисах. «Принимая во внимание, что правильная кооперативная деятельность заключается в умелом применении теоретических положений марксизма на практике, в организации и постановке торговой деятельности кооператоров и в расширении культурно-политического влияния партии на широкие слои населения, – говорилось в них, – губернская конференция РКП обязывает все партийные организации губернии включить в программу Марксистских кружков всех ступеней специальный предмет “Теория и практика современной кооперации”. Помимо этого, во всех педтехникумах, сельскохозяйственных и технических школах губернии предмет “Теория – практика современной кооперации”» [20, л. 55–56].

Но эти решения иначе как профанацию воспринимать нельзя. Ведь даже ленинским публикациям, когда-то относимых к наукообразным, вид-

ный русский экономист М.И. Туган-Барановский еще в 1902 г. дал крайне язвительный и уничижающий отзыв: «Как смешно встречать этот задорный самоуверенный тон… эту наивную уверенность, что мы нашли, наконец, самую настоящую истину, и эта истина заключена в “Капитале” Маркса… Так хотелось сказать – маленький ты мальчик, не горячись, будь спокойнее, то, что тебе кажется верным, вовсе не так верно – жизнь неизмеримо сложнее, глубже, таинственнее, чем ты себе представляешь» [23].

И жизнь это подтвердила. Если классическая кооперация объединяла людей, обладающих какой-то собственностью, то коммунистическая парадоксальность заключалась в том, что пытались что-то получить от людей, которые за душой ни гроша не имели. Отсюда и ожидания положительных изменений были напрасны, что и было засвидетельствовано на IX Царицынской губернской партконференции, заслушавшей отчет за годичный период с апреля 1923 по апрель 1924 г. Каждый тезис доклада предстает неопровержимым обличением того, что явилось делом рук коммунистов, и теперь ими же эту несостоятельность губернской кооперативной системы в своем партийном кругу обсуждавших. Подтвердив наличие в губернии «двух видов кооперации: потребительской и сельскохозяйственной», сразу уточнили: «кроме этого, существует губернское объединение рыбаков», и тут же сделали разоблачающее откровение: «…но последнее влачит жалкое существование».

Далее последовал тезис более хлесткий: «Потребительская и сельскохозяйственная кооперация развилась не лучше объединения рыбаков», то есть тоже безрезультатно, но с попыткой неубедительного оправдания этого якобы из-за отсутствия средств и политики губцентра [нацеленной] главным образом на торговлю, в период которой кооперация произвела ряд невыгодных сделок, что привело почти к полнейшему краху».

Признанием краха можно было бы обсуждение и заканчивать, но вместо этого последовало несуразное продолжение: «…и только вмешательство Губкома не позволило сделать это». Получается, что якобы губернский комитет РКП(б) спас кооперацию от краха, хотя далее последовало перечисление партийных структур, кооперацией занимавшихся, а значит за все несущих ответственность, коли: «Работой кооперативных органов руководило кооперативное совещание при Губкоме и в последнее время на местах при парткомах также организованы уездные кооперативные совещания, которые состоят из представителей местных кооперативных организаций и работают при непосредственном участии членов президиумов парткомов (заворготделами), которые являются в качестве председателей совещаний. Протоколы кооперативных совещаний рассматриваются и утверждаются президиумами парткомов».

Вслед за этим последовало уточнение, что «постановление VIII губернской партконференции о интеграции кооперации внутри Царгубернии в жизнь не привилось. На местах интегрирование пошло не по нормальному курсу. Неравномерность материальных средств у кооперации (потребительская и сельскохозяйственная) находящихся в одном и том же селе, неравномерное количество членов в них, недоговоренность правлений как на местах, так и в губцентрах, – все это стало выливаться в антагонизм и ряд членов сельскохозяйственной кооперации стали брать свои паи обратно».

Это и есть итог трехлетней работы по возрождению кооперативной системы в Царицынской губернии. Его нельзя признать положительным результатом исходя из того, чего коммунисты добились. И даже последний тезис доклада, вновь указавший, что «во главе кооперации Царицына и уездов стоят партийные товарищи. На местах в ЕПО коммунистов от 60 до 70 %, а в сельскохозяйственной кооперации 25–30 %» [21, л. 6–6 об.], – стал лишь еще одним собственным подтверждением своей за все ответственности.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Ветхий Завет. Вторая книга Паралипоменон. Гл. 36. Ст. 21.

2. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Новый Завет. Послание к Галатам святого апостола Павла. Гл. 6. Ст. 7.

3. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 1. 1870–1905. М.: Политиздат, 1970. 628 с.

4. *Куртов И.А.* Об интерпретации некоторых положений ленинского кооперативного плана // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 66–76.

5. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 205–245.

6. *Ленин В.И.* Планы брошюры «О продовольственном налоге» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 379–387.

7. *Ленин В.И.* О кооперации. *6 января 1923 г.* // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 369–377.

8. Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление / ред. коллегия: В.А. Голиков (рук.) и др. М.: Политиздат, 1969. 311 с.

9. Партия и кооперация / В.П. Дмитренко, Л.Ф. Морозов, В.И. Погудин. М.: Политиздат, 1978. 296 с.

10. *Поляков В.А.* Ленин и кооперация // Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара «Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России». Тюмень: [б. и.], 1992. С. 48–49.

11. Социалистическая кооперация: история и современность / Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, Т.Т. Петрова и др. М.: Наука, 1989. 224 с.

12. Торжество ленинского кооперативного плана / отв. ред. А.В. Лосев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 319 с.

13. *Файн Л.Е.* История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М.: Мысль, 1970. 320 с.

14. *Файн Л.Е.* Кооперация в системе военного коммунизма и нэпа: новые подходы к исследованию проблемы // Тезисы докладов республиканской научной конференции «Истории Советской России: новые идеи, суждения». Ч. I. Тюмень: [б. и.], 1991. С. 87–90.

15. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

16. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66.

17. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86.

18. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87.

19. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90.

20. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101.

21. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109.

22. *Шушканова Е.А.* Существовала ли кооперация в СССР в годы НЭПа? // Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара «Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России». Тюмень: [б. и.], 1992. С. 50–51.

23. «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями». 1902 г.: Письма М.И. Туган-Барановского к П.Б. Струве / предисл. и публ. Д. Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 129–137.

B.A. Polyakov

THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY (the Bolsheviks) AND COOPERATION – CONDITIONED FAILURE OF CONSTRUCTION: MATERIALS OF THE GOVERNMENT TSARITSYNSKY IN THE PERIOD OF 1922–1924

Abstract. The failed attempt of the Russian Communist Party power structures to revive the cooperative society in the government Tsaritsynsky in the early 1920s based on published and archival documents with reliance on the idiographic way of cognition has been considered.

Keywords: the Russian Communist Party (b), cooperation, peasants, working class, trade union.

УДК 94(47)

Б.И. Сибгатов

ТАТАРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И ВЛАСТИ (1914–1917)

Аннотация. В статье проанализированы изменения во взглядах татарских крестьян Казанской губернии на войну и власть в 1914–1917 гг. Выявлено, что татарское крестьянство, в сравнении с другими народами губернии, в начальный период войны в меньшей степени поддерживало правительство из-за недовольства политикой ограничения национального образования, более низкого статуса мусульманского духовенства в сравнении с православным. Переломным в настроениях крестьянства, в том числе татарского, стала вторая половина 1916 г., когда недовольство правительством стало выражаться открыто, накопившиеся проблемы, а также введение хлебной монополии весной 1917 г. привели к росту антиправительственных и антивоенных настроений.

Ключевые слова: Казанская губерния, Первая мировая война, власть, правительство, крестьянство, татары, деревня, сельские жители.

В годы Первой мировой войны на эволюцию взглядов крестьянства Казанской губернии в оценке войны и власти значительное влияние оказали экономические и социальные трансформации, происходившие в обществе. В первую неделю войны местные власти организовали в Казани и Чебоксарах манифестации в поддержку правительства [4, л. 32–33; 10, л. 41–42]. По сообщениям жандармов, начавшаяся 17 июля мобилизация прошла без особых происшествий [12, л. 32–33]. В секретном докладе полковника отдельного корпуса жандармов К.И. Калинина от 18 июля 1914 г. говорилось: «…о мобилизации среди публики в городе Казани стало известно в ночь на 17 текущего июля; известие это вызвало энтузиазм, и в некоторых публичных местах были проведены патриотические манифестации. Первый день мобилизации, 17 июля, прошел спокойно. Сегодня, 18 июля, … как среди запасных, так и сопровождающих их родственников спокойное настроение» [10, л. 12]. Жандармы отмечали, что призванные положительно отмечали мобилизацию всех социальных слоев – и богатых, и бедных [10, л. 28–29].

Для поддержания патриотических чувств населения государство с 20 июля 1914 г. ввело жесткую цензуру, а с 24 июля Указом Николая II Сенату губернии России были объявлены на положении чрезвычайной охраны. Уголовному преследованию подвергались «распространение ложных слухов, возбуждение беспокойства в умах, напрасное причинение общей тревоги», а также призывы к прекращению войны в публичной речи, докладе или печати

[24, с. 45–46]. В то же время в официальной печати проводилась пропаганда политики правительства, патриотизма [6, л. 14]. Формировался образ воинственного «пангерманизма» – агрессора, посягнувшего на благополучие России и славянских народов. Подданные империи призывались к защите «чести и величия Родины» [24, с. 46, 48–55]. Местные власти в целях усиления патриотизма организовывали в селах «сеансы кинематографа с демонстрациями картин, изображающих события и отдельные моменты Первой мировой войны» [18, л. 143]; в церквях и мечетях читались патриотические проповеди [18, л. 37–38]; организовывались митинги [20]; проводились сборы средств на помощь мобилизованным и их семьям. При этом следует заметить, что не все население добровольно участвовало в патриотических митингах и манифестациях, в сборе средств на нужды войны, – активно использовалось административное давление для создания атмосферы патриотического единения нации [10, л. 334–335]. К примеру, в середине мая 1915 г. указной мулла Х. Калимуллин, согласно распоряжению Оренбургского муфтията, проводил сбор пожертвований в пользу воинов в д. Малые Ныpса Ключищинской волости Лаишевского уезда. Для большего воздействия на крестьян ему пришлось привлечь сельского старосту М. Миндубаева, полицейского десятского Б. Шакирова. Последние пришли в дом муллы с однодеревенцем Ш. Сеpазетдиновым и начали упрекать Х. Калимуллина в том, что «он обирает бедный народ», и заявили: «Зачем собираешь жертвы. Государь император все время клянчит. Если денег нет, так не надо было начинать войну». Подобные слова мулле Х. Калимуллину высказывали на базаре в с. Карабаян Ключищинской волости [13, л. 11].

Однако анализ архивных источников и периодической печати позволяет прийти к выводу, что в начальный период войны большая часть населения Казанской губернии была настроена поддержать правительство. Положительно крестьянами воспринимались мобилизация в армию служащих государственного аппарата, социальная помощь семьям мобилизованных. Кроме того, среди крестьян распространились слухи о решении земельного вопроса за счет поместий немцев после окончания войны [13, л. 1–2, 306, 312, 352].

Но ввиду различных социальных, экономических, религиозных и этнических особенностей региона, уже в первые дни войны появились носители антивоенных и антиправительственных настроений. Одной из главных причин было недовольство крестьян малоземельем и бедностью простых земледельцев при богатой жизни помещиков и кулаков [8, л. 36; 9, л. 1–29]. Так, в январе 1915 г. мулла д. Кулган Тетюшского уезда Г.М. Мустафин в жалобе Тетюшскому уездному исправнику писал, что некоторые крестьяне выступают против укрепления земли в собственность согласно закону от 9 ноября

1906 г., называя его «барским», а также против пятничных подаяний и сборов в пользу Красного Креста. Говорят, что «не надо давать парней на войну и давать деньги. Нет сил у царя, не надо войну начинать», «про крестьян царь не вспоминал, а как война началась, так сразу начал клянчить» и др. Крестьяне выступали также против русско-татарских училищ, подозревая, что таким образом татар хотят крестить [13, л. 142–145].

В целом среди татар было недовольство политикой государства в сфере национального образования. Татарский народ в начале XX в. считался одним из самых образованных народов Российской империи. Так, указывая на умение татар читать и писать на родном языке, казанский губернатор писал в 1905 г.: «Они по-своему почти все грамотны» [1, л. 10]. Инспектор Казанского учебного округа Я.Д. Коблов писал в 1916 г.: «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар. Безграмотного татарина можно встретить очень редко. И это обуславливается полною возможностью для каждого магометанина научиться грамоте, потому что в каждой деревне, как бы она ни была бедна и малочисленна, есть школа» [21, с. 3–4]. Царское правительство стало видеть угрозу в развитии татарских школ и медресе. Власти считали, что в новометодных школах общеобразовательные предметы изучаются в «тенденциозном, зачастую враждебном России и всему русскому, направлении», что медресе имеют целью «подготовить татарско-мусульманских учителей для начальных школ, проникнутых религиозно-национальной автономностью внутри государства и стремления панисламского и пантюркского единения» [23, с. 95]. Председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин в 1908 г. выступил с докладом в Совете министров «О мерах для противодействия панисламистскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения». В 1910—1911 гг. он стал инициатором созыва нескольких «Особых совещаний», направленных на широкомасштабное подавление национальной культуры и в первую очередь новометодных школ и медресе. Так, в 1910 г. в Мамадышском уезде Казанской губернии были закрыты 2 школы по распоряжению директора народных училищ, 3 – по приказу попечителя Казанского учебного округа, до 10 школ – по решению окружного суда. Всего же по Казанской губернии в 1910 г. было закрыто 97 новометодных школ [2, л. 115, 135–136]. Государственные меры против татарского национального образования особенно усилились в период Балканских войн 1912–1913 гг., когда в российском обществе сильно муссировались антитурецкие настроения. Началось новое массированное преследование татарской интеллигенции, учителей, сторонников народного образования, якобы не скрывающих своих симпатий к «единоверной» Турции. Напор на национальную татарскую школу со стороны правительства ослаб только с началом Первой мировой войны.

Среди крестьян встречалось негативное отношение к личности императора, императрицы и их окружения. Войну «при таком руководстве» они воспринимали как безнадежную, за которую не стоит проливать кровь [13, л. 240, 271–273, 304]. К примеру, крестьянин д. Шапкино Большеянасальской волости Тетюшского уезда Г. Назмутдинов в феврале 1915 г. заявил односельчанам: «Наш государь-император гадина, он не может воевать, германец у нас все завоевывает». Житель д. Тенивраг Сулабаш Алатской волости Казанского уезда Ш. Негаметуллин говорил односельчанам, что: «Государь – обманщик, плохой, несчастливый царь», «Как только этот царь взошел на престол, Бог не родит хлеба» [13, л. 117]. Недовольство вызывали и задержки с выплатой компенсации за реквизируемых у крестьян лошадей [10, л. 70, 72–75].

Татары-мусульмане неоднозначно относились к войне с Османской империей, султаны которой признавались мусульманами-суннитами как халифы, т. е. верховные правители и защитники ислама. В Османскую империю мигрировали татары-мусульмане, в том числе из Казанской губернии. Исламское вероучение запрещало воевать против мусульман [22, с. 122 (4:93), 395 (25:68)]. Чуждыми для татар были идеи захвата черноморских проливов и Стамбула. С другой стороны, основная часть мусульманского духовенства поддерживала политику государства и в своих проповедях призывала защищать родину [2, с. 3]. Татары наравне с другими народами края воевали на фронтах Первой мировой войны, оказывали материальную помощь фронту, семьям воинов, занимались благотворительностью [13, л. 142–145]. Все же антивоенные настроения среди татарских крестьян были более распространены, чем среди других народов края. Так, в секретном рапорте от 23 февраля 1916 г. жандармского унтер-офицера Л. Степанова отмечалось: «По случаю наших успехов на турецком фронте, в особенности по взятии крепости Эрзерум, среди населения явилась полная уверенность на дальнейшие наши успехи. Все население восхищается и с благодарностью относится к великому князю Николаю Николаевичу за проведенную им Эрзерумскую операцию. Что касается населения мусульманского, хотя среди него не замечается что-либо противоправительственное, но по случаю взятия нашими войсками крепости Эрзерум оно не проявило такой радости, как это заметно со стороны русского населения, и для них это явилось как бы неожиданным» [5, л. 22, 27]. В татарской деревне происходили конфликты между крестьянами по вопросам войны с Османской империей. Так, крестьянин д. Татарское Муллино Марасинской волости Спасского уезда Б. Нурмухамматов 24 декабря 1915 г. писал казанскому губернатору, что он находился на поминках своего односельчанина. Там произошел спор среди присутствующих о том, кого – Россию или Османскую империю – должны

поддерживать татары [13, л. 333–334]. Описывая состояние дел в Казанской губернии с 1 марта по 1 мая 1915 г., полковник Казанского губернского жандармского управления К.И. Калинин писал: «Татары в себе замкнулись, боясь, что любая неосторожность отдельной личности может привести к нежелательным для нее последствиям. По наружности татары полностью солидарны с русскими. Газета "Тормыш" в статье "Война и мир" даже писала, что "российские мусульмане исторически связаны со своими соотечественниками – русскими. Поэтому на поле сражения они выказывают больше самоотверженности, чем русские…". Но замечается, что мусульмане желают, чтобы их пожертвования шли преимущественно на мусульман, стремятся добиться от правительства льгот, используя чисто националистические чаяния. Например, говорят, что образованный мусульманин полезнее для государства, чем необразованный. Поэтому необходимо развитие школьного дела. Поэтому просят правительство дать разрешение на открытие татарской учительской семинарии, на что правительство до сих пор не давало согласия» [10, л. 2–7].

К тем же выводам можно прийти при сравнении писем с фронта. Так, председатель военно-цензурной комиссии при штабе Казанского военного округа в рапорте от 22 января 1916 г. отмечал, что русские в 47 % писем не упоминают о войне, в 33 % писем – настрой патриотический, в 11 % – пишут о скорейшем окончании войны. Среди инородческих писем, главным образом татар, с пожеланием скорейшего мира – 45%, безразличных – 23%, непатриотичных – 25%. Цензор также подчеркнул, что «…просьба молиться за участников войны и за родину – явный мотив татарских писем». В рапорте от 15 января 1917 г. председатель Казанской военно-цензурной комиссии [6, л. 8–16] отмечал: «Среди писем татар изредка встречались письма полные патриотизма. "Поскорее бы конец всему, вернуться в отечество и служить исламу", – пишет один из интеллигентных мусульман. Татары жаловались на отсутствие возможности читать газеты на родном языке там, где много служащих-мусульман. "Как это унизительно: мы, взятые от 25-миллионного народа (мусульман), не имеем для чтения родной газеты и журналов, другие же всем этим снабжены. Неужели мы хуже других"» [6, л. 11]. Далее цензор отметил: «Местная мусульманская пресса была по-прежнему узконациональна. Войне в прессе уделялось очень мало места. Много писали о тяжелом положении мусульманского духовенства на фронте, особенно газеты "Тормыш", "Юлдуз". В газетах отмечалось, что мусульманские священнослужители были приравнены к обыкновенным солдатам, получали гроши и были унижены, в сравнении с православным духовенством, которые имели церковников, ездили на автомобилях или лошадях. Мусульманское духовенство пешком следовало за армией с котомкой за спиной» [6, л. 16]. Таким образом,

причиной более высокой степени негативного отношения крестьян-татар к войне и правительству были проводимая государством политика ограничения национального образования и недостаточное внимание к интересам мусульманского населения во внутренней и внешней политике. Между тем нельзя утверждать, что процент крестьян-татар, настроенных явно против правительства и войны, был высоким. В 1916 г. депутат Ахтямов так прокомментировал слова обвинения против мусульман в неверности императору и России: «Здесь вину отдельных лиц возводят на всю нацию» [10, л. 38].

С течением времени отношение крестьянства к правительству и войне менялось в худшую сторону, в том числе и из-за частых мобилизаций. Хотя в донесениях жандармов за 1914–1915 гг. указывалось, что крестьянство к «частым воинским призывам относится как к неизбежности», с желанием «довести войну до победного конца» [15, л. 55–58], все же иногда отмечалось, что, «безусловно, частые призывы на них производят тяжелое впечатление» [14, л. 1–2]. При этом таких сообщений во второй год войны становилось все больше. С 1916 г. частые призывы указывались как заметная причина в росте антивоенных настроений. Жандармы отмечали: «…о мире высказываются в крестьянском населении, в особенности те, у кого на войне члены семьи» [5, л. 22, 27], «Население тяготится частыми призывами, т. к. они несут материальный ущерб» [5, л. 28–32].

Влияние на настроения крестьянства оказывали вернувшиеся с фронта солдаты, бежавшие дезертиры. Уже 9 сентября 1914 г. «в Казань прибыли 320 человек раненых солдат. Их встречала публика. Дарили деньги, еду», – докладывал унтер-офицер жандармерии И. Волков [11, л. 1]. Если в первые месяцы войны вернувшиеся солдаты не снижали народной поддержки правительства, то в последующем их рассказы о кровопролитии на фронте настраивали население против власти. Так, помощник начальника Казанского губернского жандармского управления по Казанскому, Лаишевскому и Чистопольскому уездам 7 мая 1916 г. докладывал: «Среди рабочего и крестьянского населения замечается нервное настроение, что война принимает затяжной характер. Вновь целыми массами начали нижние чины являться из действующей армии в отпуск и приносить своим однодеревенцам новости, и тем, что у нас до сего времени нет винтовок и мало пулеметов, а потому война приостановлена, и нет наступлений, и, вероятнее всего, главные бои вспыхнут зимою, настраивать сельских жителей против правительства» [5, л. 74]. С течением времени влияние солдат на крестьянское сознание только росло. После Февральской революции 1917 г. вернувшиеся с фронта солдаты и дезертиры стали активными вдохновителями крестьянских выступлений [3, л. 74].

Растущая дороговизна, расстройство хозяйства и ухудшение быта также привели к снижению популярности правительства среди крестьян. Несмотря на то, что в губернии было запрещено и наказывалось «искусственное поднятие цен на пищевые продукты и на предметы отопления и освещения» [16, л. 6], цены на все товары росли быстрыми темпами. Конечно, государственные ограничительные меры в сфере ценообразования имели некоторый положительный результат [10, л. 4]. Но крестьяне считали, что власти делают недостаточно [14, л. 60]. В тяжелом положении в связи с ростом цен оказались горожане, не имевшие собственных продуктов [6, л. 6; 17, л. 58]. В связи с быстрым ростом цен в некоторых уездах стало развиваться движение в пользу потребительских обществ кооперативного характера [14, л. 66–71] (например, в Тетюшском, Чебоксарском и Ядринском уездах). Но в масштабах губернии создание потребительских кооперативов шло очень медленно [15, л. 55–58].

Недовольство крестьян растущей дороговизной росло с течением войны. Вот как описывал положение дел в январе 1916 г. жандарм Л. Степанов: «Среди населения идет обсуждение дороговизны жизненных продуктов. Некоторые дорожают все время, и это представляет какой-то страх среди населения, что будто бы не хватает жизненных предметов» [5, л. 6]. В секретном рапорте (март 1916 г.) унтер-офицер жандармерии И. Судариков пишет, что «крестьяне видят в войне причину дороговизны, при которой жить нельзя» [5, л. 53]. Крестьянин из Тетюшского уезда писал пленному сыну в Австрию в январе 1917 г., что «настроение у народа унылое, многих забрали на военную службу, все очень дорого, так что ничего невозможно купить. В городе хлеба нет, лаптей нет – а ведь ранее всего было навалом» [10, л. 36].

Крестьян возмущало также то, что цены за реквизируемое имущество были ниже рыночных [10, л. 28–29, 35]. Принятое в декабре 1916 г. постановление об обязательной поставке хлеба государству вызвало еще большее недовольство крестьян [10, л. 35–36].

После Февральской буржуазной революции 1917 г. крестьяне все активнее втягивались в политическую жизнь [7, л. 128–129]. Часть бремени реквизиций скота и хлеба перекладывалась на плечи крупных земельных собственников [17, л. 137], но это не привело к значительному улучшению положения крестьян. Возник острый дефицит на некоторые виды продовольствия [17, л. 89]. В течение года вводились нормы потребления на разные виды товаров [17, л. 129, 200, 291].

25 марта 1917 г. было опубликовано постановление правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах», согласно которому у сельских производителей изымался

так называемый «излишек» хлеба по твердой цене [17, л. 204]. Губернская продовольственная управа 26 июня 1917 г. направила волостным продовольственным управам инструкции, согласно которым «весь хлеб, засеянный как на землях отдельных собственников, так и общинников, считается достоянием государства, исключительно того количества, которое необходимо собственнику для прокормления семьи, рабочих и скота, а также для обсеменения полей…» [17, л. 62]. Крестьяне выступили против введенной хлебной монополии, так как были недовольны низкими закупочными ценами на изымаемое продовольствие [17, л. 211, 244]. Власти имели право использовать вооруженные силы при проведении продовольственной разверстки [17, л. 245]. Всего в Казанской губернии с марта по октябрь 1917 г. было зафиксировано 167 крестьянских выступлений против хлебной монополии [19, с. 254].

Таким образом, в начальный период Первой мировой войны большинство крестьян Казанской губернии относились лояльно к правительству. Среди крестьян-татар доля поддерживающих действующую власть была ниже, чем среди других этносов губернии. Это объяснялось недовольством татар ограничением национального образования, плохим обеспечением и низким статусом мусульманского духовенства в действующей армии, недостаточным вниманием государства к интересам мусульманского населения во внутренней и внешней политике. Причинами недовольства среди крестьян также были: малоземелье, политика принудительного разложения общины и поддержки единоличников. С течением войны недовольство среди крестьян росло из-за военных мобилизаций и реквизиций, дефицита и инфляции. Это форсировали рассказы и письма солдат, нередко носившие антивоенный и антиправительственный характер. Перелом в настроениях крестьян произошел во второй половине 1916 г., когда негативное отношение к власти и продолжению войны перестали скрывать. После Февральской революции 1917 г. настроение крестьянства в губернии сменилось в сторону поддержки власти. Но неспособность Временного правительства устранить крестьянское малоземелье, рост инфляции, дефицит товаров, а также введение хлебной монополии привели к значительному усилению антивоенных и антиправительственных настроений в деревне.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1622.
2. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482.
3. ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34.
4. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022.
5. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1123.
6. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1135.
7. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1299.

8. ГА РТ. Ф.199. Оп. 2. Д. 1444.
9. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1453.
10. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492.
11. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1493.
12. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1507.
13. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1524.
14. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1554.
15. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1555.
16. ГА РТ. Ф. 244. Оп. 42. Д. 17.
17. ГА РТ. Ф. 244. Оп. 43. Д. 14.
18. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 582.
19. *Ионенко И.М.* Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 254 с.
20. Камско-Волжская речь. 1914. 23 июля.
21. *Коблов Я.Д.* Конфессиональная школа казанских татар. Казань: Центр. тип., 1916. 119 с.
22. Коран. Перевод смыслов и комментарий Иман Валерии Пороховой. 7-е изд. М.: РИПОЛ классик, 2004. 800 с.
23. Обзор Казанской губернии за 1905 г. Казань: Тип. губерн. правл., 1907. 112 [141] с.
24. *Терешина Е.П.* Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005. 252 с.

B.I. Sibgatov

THE KAZAN GOVERMENT TATAR PEASANTRY DURING THE FIRST WORLD WAR: ATTITUDE TO THE WAR AND POWER (1914–1917)

Abstract. The article analyzes the changes in the views of the Kazan government Tatar peasants on the war and power in 1914–1917. It has been found that the Tatar peasantry, in comparison with other peoples of the government, supported it to a lesser extent in the initial period of the war because of their dissatisfaction with the policy of limiting national education and the lower status of the Muslim clergy in comparison with the Orthodox. The second half of 1916 became a breakthrough in the mood of the peasantry, including the Tatar peasantry, when dissatisfaction with the government began to be expressed openly, the accumulated problems as well as the bread monopoly introduction in the spring of 1917 led to the growth of anti-government and anti-war sentiments.

Keywords: The Kazan Government, the First World War, power, government, peasantry, the Tatars, village, villagers.

УДК 94(470.6)”1920”

А.П. Скорик

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НЭПУ: ВЛАСТЬ, КРЕСТЬЯНСТВО И ПРОДНАЛОГ

Аннотация. В статье раскрывается проблематичный период в аграрном развитии Ставрополья, связанный с переходом к нэпу, когда, с одной стороны, советской власти требовалось привлечь массы крестьянства в ряды прозелитов, отказавшись от практики продразверстки, а с другой – крестьянство нуждалось в адекватной его интересам экономической политике.

Ключевые слова: налогооблагаемая база, новая экономическая политика (нэп), повстанцы, продналог, продразверстка, социальный конфликт.

Новая экономическая политика трактовалась большевиками Ставропольской губернии на 4-й губернской партийной конференции, состоявшейся в начале декабря 1921 г., как «политика нормального хозяйствования» в постконфликтных социальных условиях с окончанием Гражданской войны, чтобы разрешить пролетариату свою основную задачу по «подведению экономического фундамента под диктатуру пролетариата» путем ускоренного восстановления крупной промышленности. Основными узлами в цепи мероприятий по продвижению к поставленной цели считались продналог и кооперация, поскольку продналог давал возможность слабой еще «для правильного социалистического продуктообмена между городом и деревней» «промышленности стать на ноги», а «кооперация помогает этому, налаживая товарообмен между индустрией и сельским хозяйством». Незрелость наличествующего «хозяйственного организма для непосредственного продуктообмена и неподготовленность кооперативных организаций, в связи с рядом других причин, обусловили собой крушение непосредственного продуктообмена между городом и деревней, а также появление чисто рыночных отношений, где роль посредника удалось по преимуществу захватить торговому капиталу». «Эти условия настоятельно требуют от кооперации развития ее аппарата с целью вытеснения с рынка частного торгового капитала и подчинения рыночных отношений преобладающему влиянию кооперативных организаций». «Тяжелое продовольственное положение Республики и недород в части Ставропольской губернии повелительно диктуют выполнение ста процентов всех продналогов, и такая директива» давалась 4-й губернской партийной конференцией «всему аппарату партии и власти». «Неурожай в пределах самой Ставропольской губернии, а также

неоформленность советского аппарата власти на местах вызывали уклонение части крестьянства от выполнения своих государственных обязанностей и тем самым препятствовали налаживанию хозяйственной жизни страны». Указанные обстоятельства заставляют радикально усилить «нажим на упорствующих неплательщиков, наряду с организацией политической стороны кампании, непосредственно приблизить к закромам и создать достаточно сильный принудительный аппарат для изъятия хлеба» [3, л. 3]. Тем самым принятая к исполнению партийная директива Центра о целенаправленном введении продналога со всей очевидностью вовсе не означала отказа местных большевиков от политико-хозяйственной практики продразверстки.

Проведение продразверстки являлось основным фактором, подпитывавшим повстанческое движение, традиционно называемое в советской историографии бандитизмом и рассматриваемое в двух формах: политической и уголовной. Установление советской власти в Ставропольской губернии с февраля 1920 г. не сопровождалось затуханием глобального социального конфликта после разгрома и вытеснения белогвардейских войск. Не случайно в сообщении Кавказского бюро ЦК ВКП(б) в Москву от 1 августа 1920 г. указывалась опасность широкого распространения бандитизма в крае: «Зеленые отряды растут и значительно расширяются с окончанием горячей поры полевых работ… Мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа…» [4, с. 169]. Наибольшую опасность представляли банды, действовавшие в Кубанской, Терской и Ставропольской губерниях, где в 124 отрядах насчитывалось до 5 тыс. чел. (в среднем – 40 чел. в банде) [5, с. 27]. В августе 1921 г. «по Ставропольской губернии оперировали крупные банды, имевшие в своем составе пехоту, кавалерию и пулеметы, и мелкие шайки в 10–15 человек» [2, л. 9 об]. Судьба советской власти в 1921 г. на Ставрополье буквально висела на волоске: «Убийства ответственных работников, коммунистов становятся обыкновенным явлением. Для привлечения населения на свою сторону крупные банды выступали под лозунгами “Власть Советов без коммунистов”, “Долой разверстку” и другие. В своих налетах на села бандиты обыкновенно арестовывали в селе коммунистов, разграбляли Советские учреждения, склады и прочее» [2, л. 10]. Борьбу с повстанческими формированиями вели подразделения регулярной Красной Армии (2-я Ставропольская кавалерийская дивизия им. М.Ф. Блинова, получившая почетное наименование «Ставропольская» 30 ноября 1921 г. за «отличия в боях на территории Ставропольской губернии»), отряды ЧОН (частей особого назначения), комплектовавшиеся исключительно из коммунистов, отчего их бойцы назывались коммунарами, и 62-й батальон войск ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии), дислоцировавшийся в г. Ставрополе, где распо-

лагалась губернская Чрезвычайная комиссия со штатной численностью 134 чел. А в связи с активным перемещением повстанческих отрядов в Ставропольской губернии оказывались преследовавшие их батальоны войск соседних регионов. В числе председателей Ставропольской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в активный период социального конфликта советской власти и повстанцев работали: Василий Иванович Савинов (октябрь – декабрь 1920 г.), Клавдий Александрович Иванов (декабрь 1920 – август 1921 г.), В.Н. Чернобровый (31 октября 1921 – 6 февраля 1922 г.).

Самым известным пристанищем повстанческих отрядов являлся Темный лес на Ставропольской возвышенности (в районе высшей ее точки горы Стрижамент), где в большом лесном массиве (сегодня он занимает около 3600 га) успешно скрывались наиболее крупные формирования, причем, существовало еще шесть лесных массивов (Русский, Татарский, Таманский, Члинский, Мамайский, Круглый), общая площадь которых ныне составляет 12 441 га, а советская власть в Ставрополе фактически в 1920–1921 гг. оказывалась на положении осажденной крепости, хотя, впрочем, повстанческие формирования активно оперировали и в степной зоне Ставрополья. «Недалеко от села Курсавка действовала банда “Черная Хмара”, в которой было 100 сабель и 2 пулемета, в Благодарненском уезде – банда Конаря. В линейном Баталпашинском отделе (на южной границе Ставрополья. – *А.С.*) активизировалась “Армия возрождения России” числом до 2,5 тыс. сабель во главе с генералом М.А. Фостиковым. Бандиты не только чинили зверскую расправу над советским и партийным активом, но и нападали на жителей селений, грабили их и угоняли скот. Несмотря на большие потери, совместными усилиями военных, милиции и отрядов ВЧК восстания удалось подавлять, а банды громить. Например, в ауле Башанта (на части территории бывшего Медвеженского уезда Ставропольской губернии; ныне г. Городовиковск Республики Калмыкия. – *А.С.*) банда Акулова взяла в плен председателя исполкома, которого позже казнили. Бойцы Ставропольского и Медвежинского дивизионов под командованием Д.Г. Гулевского и А.В. Логвиненко окружили и разбили бандитов, а их командира под конвоем отправили в Ставрополь» [1, с. 15].

Координировало проведение чекистско-войсковых операций против повстанцев губернское военное совещание, в работе которого большую роль играл Ставропольский губернский военный комиссар Тихон Серафимович (Самуил Яковлевич) Хвесин, известный советский военный и государственный деятель, а руководил этим чрезвычайным органом власти с сентября 1921 г. ответственный секретарь Ставропольского губкома РКП(б) Юрий Сократович Мышкин, внесший немалый вклад в переход региона к реальному осуществлению новой экономической политики.

К концу 1921 г. ситуацию с повстанческим движением удалось переломить в пользу советской власти, но замирение наступило не скоро, и мелкие повстанческие группы продолжали борьбу вплоть до 1925 г., не давая покоя местным представителям советской власти, коммунистам и активистам, нанося карательные удары за управленческие ошибки из подполья, хотя в советских источниках принято обращать внимание, прежде всего, на уголовную составляющую повстанческого движения: «Эти мелкие банды в 5, 10, 15 человек занимались грабежом скота и имущества у крестьян» [2, л. 10]. Не надо быть большим провидцем, чтобы не понимать исторической истины о том, что мелкие группы, в отличие от крупных формирований, не продержались бы без поддержки местного населения. Поэтому советская власть пошла на применение чрезвычайных мер: «Борьба с мелкими бандитскими шайками, имеющими местное происхождение, возложена была, главным образом, на Отряд особого назначения. В борьбе с бандитизмом начал применяться метод заложничества и конфискации имущества. Результаты принятых мер быстро сказались. Бандитизм в октябре месяце сократился, количество мелких банд еще уменьшилось. Расстрелы заложников оказали свое действие. Всего [в 1921 г. было] расстреляно: гор[од] Ставрополь – 13 заложников, Благодаринский уезд – 15 заложников, Ставропольский [уезд] – 26 заложников» [2, л. 10]. Однако, как справедливо замечают Т.А. Булыгина и В.В. Романов, «главной причиной спада повстанческого движения к 1925 г. была не деятельность органов местных ЧК, а изменение курса большевистского правительства весной 1921 г., когда продразверстка была заменена продналогом» [1, с. 15], и по мере реализации нововведений в аграрной политике крестьянство и казачество в регионе переходило к мирному труду.

Переход к продналогу не произошел автоматически, и обе стороны – местная власть и крестьянство – оказались не готовы к его введению, причем, если власти явно заносило «влево» к сохранению продразверстки, то крестьянство испытывало большое недоверие к обещаниям о значительных послаблениях, когда в Ставропольской губернии «хлебный налог по 4 уездам выразился в количестве в 16 раз меньше разверстки» [3, л. 4]. Однако здесь наличествовал ряд существенных моментов, на которые следует обратить внимание: скажем, продналог выражался не только в заготовке хлеба. Возьмем две иные позиции: яйца и коровье масло. Так вот, по разверстке по Ставропольской губернии требовалось собрать 15 304 448 штук яиц и 7207 пудов коровьего масла, но по продналогу полагалось 4 890 265 штук яиц и 14 056 пудов коровьего масла. Если рассматривать сводные данные выполнения этих двух налогов по отдельным волостям губернии, то невольно бросается в глаза чрезвычайная пестрота в процентном отношении между двумя

населенными пунктами. Власти объясняли это явление тем, «что одни волисполкомы, получив разверстку, приступили немедленно к выполнению ее, и к моменту замены ее налогом, имели почти все 100 %, тогда как другие занялись ходатайствами об уменьшении цифры разверстки, потратили на это значительно времени и упустили совершенно самый горячий сезон, так что после уменьшения все-таки выполнение оказалось не под силу»; «зачастую предлогом для возбуждения ходатайства служил объект обложения. Так, например, многие возбуждали ходатайство о том, чтобы облагались яичным налогом не площадь посева, а наличие кур в хозяйстве. Конечно, в большинстве случаев здесь руководствовались тем расчетом, чтобы как можно больше оттянуть время и тем самым меньше сдать продукта, и все доводы на какие-либо другие обстоятельства, послужившие причиной невыполнения, совершенно ничем не обоснованы» [3, л. 9 об.].

Крестьяне не верили властям, поэтому старались вывезти хлеб, в том числе за пределы губернии, и занимались его «распылением» для снижения налогооблагаемой базы, а власти на это ответили административным нажимом: «...было применено блокирование Ставропольского и Александровского уездов», чтобы прекратить отток хлеба, ведь на 1 сентября 1921 г. (первый срок уплаты продналога), когда «плательщики налога обязаны были уплатить 25 % хлебного налога, можно отметить почти полнейшим отсутствием хлебных заготовок. В общем, поступление на 1 сентября по всем заготконторам выражается всего в цифре 21 036 пуд[ов] зерна разных культур, что по отношению к общей цифре налога составит только 1,5 %» [3, л. 9 об.].

Ставропольские крестьяне без особой радости воспринимали введение продовольственного налога, поскольку первое время он мало чем отличался от продразверстки. Так, в селах Терновка, Безопасное и других населенных пунктах Ставропольского уезда «упорство неплательщиков было особенно злостным» [3, л. 11]. Тогда большевики отказались от блокады уездов и перешли «к непосредственному воздействию на неплательщиков налога путем блокирования отдельных волостей, где упорство в сдаче налога имело массовый характер», и такая мера «дала повышение ежедневной ссыпки. Если до этого момента дневная ссыпка по губернии колебалась от 1 до 3 тысяч пудов, то при новом методе удалось ее поднять в среднем до 20 тысяч, на каковой высоте она и продолжала держаться до разгара посевной кампании, после чего начала значительно падать» [3, л. 10].

Крестьяне не оказывали масштабного вооруженного сопротивления действиям продовольственных властей, но находили с характерной крестьянской сметкой способы хоть как-то избежать продразверстки. В качестве способа укрытия хлеба они повсеместно использовали и довольно в массовом порядке такое простое средство, как «передача хлеба соседям, с которых

не причитается налога или которые выполнили таковой». Ставропольские крестьяне применяли социальную модель подставного лица, когда «беженец, проживающий во дворе плательщика налога, имеет хлеб, а у хозяина его совершенно нет». Крестьяне часто зарывали хлеб в земляные ямы объемом до нескольких (примерно до 5) тонн зерна, причем важный продовольственный продукт прекрасно в земле сохранялся, поскольку крестьянам испокон веков была известна эта простая технология сбережения зерна. Находчивые неплательщики целенаправленно травили посевы зерновых культур скотом, и, соответственно, оказывалось сложно точно определить урожайность такого засеянного земельного участка, но крестьянин умел испорченный хлеб поднять и использовать в дело. Полученный хлеб крестьяне часто обменивали на вино, и получалось, что на момент продовольственного нажима властей хлеба у крестьянина нет, а вот вино-то у крестьянина есть, и эту традиционную деревенскую «жидкую валюту» можно не только пустить в повседневное себе удовольствие, но и далее произвести обмен на иные нужные в крестьянском хозяйстве вещи, или же со временем обратно обменять вино на хлеб. Успешный и зажиточный крестьянин не отказывался от «спекуляции на вольном рынке», продавая хлеб по завышенным ценам и получая приличную прибыль, а на поверку у него хлеба для уплаты продовольственного налога нет. Власти вынужденно признавали, что «все это привилось очень сильно и нашло себе весьма удобную почву среди нашего крестьянства» [3, л. 10], и это осложняло процесс изъятия хлебного продналога из-за укрытия хлеба крестьянами-плательщиками этого самого продналога.

Налогооблагаемая база по продналогу включала в Ставропольской губернии, помимо хлеба, продукты огородничества и бахчеводства. Заготовка овощей шла с большими затруднениями из-за засухи и неурожая, и власти признали допущенные ошибки: «Подготовив аппарат, затратив много энергии и средств, мы далеко не собрали того, что предполагали. Предполагалось собрать овощей вместе с продуктами бахчеводства 3 782 265 п[удов], собрано всего 51 772 п[уда], что составит 1,38 % предполагаемого налога». Они поздно поняли, «что заготовка овощей в Ставропольской губернии в связи с общими хозяйственными условиями не может производиться в большом масштабе. Здесь огородничество возможно только по поливным землям, которых в Ставропольской губернии почти нет, и было бы целесообразнее овощей не заготовлять по налогу вовсе, побудив тем самым население к расширению огородной площади» [3, л. 10]. Еще большее разочарование ждало большевиков при заготовке продуктов бахчеводства, хотя это был «первый опыт заготовок в Ставропольской губернии. Так как продукты бахчеводства представляют из себя продукт, содержащий 80–85 % воды, то при условиях полной разрушенности нашего транспорта, отсутствия топлива, неумения

переработать их, нельзя было ожидать благополучных результатов, и надо сказать, если бы налог на продукты бахчеводства был выполнен целиком, то возникли бы невероятные трудности для надлежащего их использования, почему в будущем году к заготовке продуктов бахчеводства надо будет подойти с большой осторожностью» [3, л. 10–10 об.].

И хотя Ставрополье традиционно считается степным краем, но лесов в нем хватает до сих пор, поэтому составители плановых заданий по продналогу включили в них налог на пушнину, но распространили его «исключительно на охотников, объединяемых губохотсоюзом, по спискам которого вряд ли удастся разыскать полностью всех плательщиков. В этом отношении единственная надежда на работников на местах» [3, л. 10 об.].

Практика первого года сбора продналога показала целесообразность учета количественных и качественных параметров по продналогу продуктов, чтобы «получить эти продукты средней установленной качественности, дабы государство могло исходить из точных расчетов на эти продукты, как точно установленного эквивалента ценностей. Кроме заинтересованности государства в получении доброкачественного продукта, должно быть в этом заинтересовано и само население, которое само слишком много теряет, сдавая некондиционные продукты. Напр[имер]: получено по налогу 520 753 пуда зернопродуктов, средняя качественность их ниже кондиционной; со скидками должно пойти в зачет налога 482 868 пудов, значит 37 885 пудов в налог не засчитывается. Государство от получения излишка в весе фактически ничего не выиграло: низкая натура дает меньшее количество продуктов переработки, засоренность пойдет в отход на очистку. Население же потеряло на этом 37 885 пудов продукта, хотя и малоценного, но пригодного в хозяйстве. То же самое можно сказать и о других продуктах» [3, л. 11]. Речь идет о так называемых осметках, которые образуются при подработке зерна после обмолота зерновых снопов, когда остатки обмолоченного снопа тщательно собирались и не выбрасывались, а сметенные после отсева цельного зерна осметки использовались для корма птицы. Не подработанное зерно содержало оставшиеся после первичного обмолота примеси, что увеличивало объем зернопродуктов, но ухудшало их качество, причем высчитать вес примесей довольно сложно, и, очевидно, здесь заключалась крестьянская хитрость по оставлению в своем хозяйстве большей части отборного зерна.

Таким образом, переход к нэпу в Ставропольской губернии сопровождался рядом исторических коллизий. Советская власть и крестьянство по-прежнему оставались по разные стороны баррикад, а каждая из сторон преследовала свои цели социального и экономического выживания после окончания Гражданской войны. Склонность местных большевиков к сохранению военно-коммунистических методов управления после Гражданской

войны подпитывала повстанческое движение в регионе. При переходе к нэпу крестьянство не спешило отдавать власти производимое продовольствие, для чего шло на разные хитрости, а власть еще не научилась в должной мере его извлекать у крестьянства приемлемыми способами и в адекватных для степной местности видах.

Список источников и литературы

1. *Булыгина Т.А., Романов В.В.* Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Ставрополье и Тереке в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 12–17.

2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2684.

3. ГАНИСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2685.

4. История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 5: Конец иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 – октябрь 1922 г.). М.: Госполитиздат, 1960. 416 с.

5. *Половецкий С.Д., Ченцов А.С.* Деятельность органов и войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 – июнь 1941 г.): монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 148 с. [Электронный ресурс]. URL: https:// publishing.intelgr.com/archive/deyatelnost-organov-i-voysk.pdf.

A.P. Skorik

THE STAVROPOL GOVERNMENT IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO THE NEP: POWER, PEASANTRY AND AGRICULTURAL TAX IN KIND

Abstract. The article reveals a problematic period in the agrarian development of the Stavropol government related to transition to the NEP. On the one hand, the Soviet authorities needed to attract the masses of peasantry into the ranks of proselytes, abandoning the practice of food surplus requisitioning, and, on the other hand, the peasantry needed an economic policy adequate to its interests.

Keywords: taxable base, new economic policy (NEP), rebels, agricultural tax in kind, food surplus requisitioning, social conflict.

УДК 93/94 (271.2)

В.В. Тимофеев

СЕЛЬСКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ В ЧУВАШИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. В 20-х гг. XX в. старообрядческие общины Чувашии претерпели значительную трансформацию. Изменение административно-территориальных границ приводило к изменению административной принадлежности общин, что ломало их традиционные связи между собой. Значительные трудности в жизни старообрядческих общин Чувашии вызывало требование государственной регистрации религиозных обществ, что приводило к многочисленным попыткам уклонения от регистрации. Государство стремилось контролировать общины также через заключение договоров на аренду зданий религиозного культа, их обязательное страхование, оценку в золотой валюте и т. д., что в старообрядческой среде нередко приводило к отказу от регистрации общин и созданию молитвенных очагов, неподконтрольных государству.

Ключевые слова: старообрядцы в Чувашии, старообрядчество, сельское общество, крестьянская вера, старообрядцы и советская власть.

Старообрядческие общины еще с XVIII в. традиционно существовали на территориях Цивильского, Чебоксарского и Алатырского уездов Казанской и Симбирской губерний. Ко времени создания ЧАССР ситуация с территориальным размещением старообрядческих общин не изменилась, однако в 20-е гг. XX в. шел процесс изменения административно-территориальных границ Поволжских автономий и соседних областей РСФСР, что приводило к передаче религиозных обществ и групп из одной территориально-административной единицы в другую.

Этот процесс затрагивал все религиозные организации рассматриваемого региона. Так, в записке, озаглавленной «Учет и регистрация религиозных обществ и групп верующих и выдача видов на жительство для иностранцев и учет их», составленной в административном отделе исполкома ЧАССР в октябре 1926 г., данная ситуация описывается следующим образом: «На 1 октября 1925 года на учете состояло 262 религиозных организации, из них: религиозных обществ – 229, групп верующих – 5 и магометанских – 28. <…> За отчетное время взято на учет 8 групп верующих и 51 религиозное общество, перешедшее к Чувашреспублике с присоединением Алатырского уезда к Чувашреспублике. С отходом части территории Чувашреспублики к Мариобласти к последней отошли 3 религиозных общества» [3, л. 38]. В итоге оказалось, что по состоянию на 1 октября 1926 г. «на учете состоит 320 религиозных организаций, из них по видам верования: православных –

247, обновленческих – 36, иудейского – 1, старообряд[ев] поповцев – 6, старообрядцев-беспоповцев – 2, магометанских – 28. По уездам религиозные организации распределяются: Чебоксарский – 61 религ[иозная] организ[ация], Цивильский – 52, Ядринский – 74, Батыревский – 75, Алатырский – 58 религиозных организаций» [3, л. 38 об.]. Статистическая таблица, озаглавленная «О религиозных организациях ЧАССР», вносит уточнение в распределение старообрядческих общин, указывая, что по данным на 1-й и 2-й кварталы 1926 г. старообрядцы-поповцы имеют 1 городскую группу верующих без своего молитвенного здания и 5 сельских групп с 5 молитвенными зданиями, а у старообрядцев-беспоповцев городских общин нет, но есть 2 сельские общины без молитвенных зданий [3, л. 206].

Эти данные вызывают очень большие сомнения в достоверности сообщаемых сведений, так как первичная информация, поступавшая из уездов, была недостоверной. Например, согласно таблице «О религиозных организациях за 2 кв. 1926 г.» старообрядцы-поповцы городских групп не имели, но имели 1 сельскую с одним молитвенным зданием, старообрядцы-беспоповцы имели одну сельскую общину без молитвенного здания [3, л. 220], хотя в том же 1926 г. временно исполняющий обязанности начальника милиции Цивильского уезда Восляков сообщал начальнику Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД ЧАССР, что верующим двух общин старообрядцев-поповцев в с. Можарках Цивильского уезда разъяснены нормы о регистрации религиозных групп и пользовании молитвенными зданиями [3, л. 334–335].

По Алатырскому уезду ситуация оказалась еще более противоречивой. В документе, составленном в октябре 1926 г. и озаглавленном «Список религиозных обществ и групп, находящихся в пределах гор. Алатыря и волостей Алатырской, Кувакинской и Порецкой АЧССР (так в документе. – *В.Т.*)», отмечено по графе «наименование культа» – «старообрядческое»: в г. Алатыре не только религиозное общество «Поморское Брачного согласия» (№ 13 по списку), но «Баптистское» (№ 12 в списке) [3, л. 232]. По Алатырской волости в число старообрядческих обществ попали не только «Белокриницкое» в с. Иваньково (№ 26), «Поморского согласия» в с. Явлей (№ 28), но и опять «Баптистское» в д. Уваровка (№ 27) [3, л. 232 об.]. В Кувакинской волости старообрядческими указаны два общества с одинаковыми названиями «Кладбищенское» в с. Кладбищи (№ 43 и 44), «Сурско-Майданское» в с. Сурский Майдан (№ 45), «Бер-Майданское» в Бер-Майдане, т. е. в с. Березовый Майдан (№ 46), и вновь «Баптистское» в с. Сыреси [3, л. 233]. Таким образом, в качестве «старообрядческих» по наименованию культа в данном списке проходят 10 религиозных обществ и групп, из них 3 именуются «баптистскими». Если относительно таких традиционных для

старообрядцев Алатырского уезда наименований как «Поморское Брачное согласие» (беспоповцы), «Поморского согласия» (беспоповцы), «Кладбищенское» (в с. Кладбищи было две общины – брачных поморцев и безбрачных старопоморцев – федосеевцев), «Белокриницкое» (в с. Иваньково была крупная община старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, – «окружники»), то отнесение баптистов к «старообрядцам» – явление из ряда вон выходящее и выпадает из исторической реальности. Следует иметь в виду, что при исследовании изначальной документации, которая сопровождала передачу дел о регистрации религиозных общин из Ульяновской области в ведение ЧАССР, никакой путаницы в наименованиях общин и их религиозной принадлежности не обнаруживается.

16 ноября 1925 г. губернский административный отдел Ульяновского губисполкома направил в Центральное административное управление ЧАССР отношение, в котором было сказано: «При сем препровождается согласно прилагаемой описи в отдельной посылке регистрационный материал тех религиозных организаций, которые расположены в волостях Алатырского уезда и которые ныне отошли от Ульяновской губернии к Авточувашской республике» [2, л. 84 а].

В состав этого комплекса документов, полученного в Чебоксарах 23 ноября 1925 г., входила также опись, подписанная старшим делопроизводителем Ульяновского губернского административного отдела Гудзинским, имевшая два подраздела. В первом из них, озаглавленном «Утвержденные уставы и зарегистрированные общества, отошедшие в Авто-Чувашскую республику» под № 7 числится «Алатырская религиозная группа Евангелических христиан баптистов» (№ статьи регистрации в Ульяновском ГАО – 325), а под № 8 (регистрационный № 369 в Ульяновском ГАО) – «Религиозная группа старообрядцев безпоповцев поморского брачного согласия в г. Алатыре. P.S. С общества надлежит взыскать за произведенную регистрацию гербового и канцелярского сбора 2 р. 5 к.» [2, л. 85]. В составе той же описи в разделе «Не рассмотренные уставы незарегистрированных религиозных обществ, отошедших в Авто-Чувашскую республику», находим как «Старообрядческое общество дер. Уваровки», так и с. Сыреси [2, л. 85 об.].

Регистрационная практика, когда сельские старообрядческие общины Ульяновской области получали название по месту нахождения, были характерны для середины 1920-х гг. Например, «Религиозное старообрядческое общество с. Техменево Казаковской волости Сызранского уезда», «Старообрядческое религиозное общество приемлющих священство с. Головино», «Религиозное Старообрядческое общество при молитвенном доме с. Казаковка» и т. д. [1, л. 11–11 об.]. В то же время баптистские общины нередко назывались стандартно, в названиях менялись только места их нахождения:

«Ульяновская община Евангелических христиан», «Сенгелеевская община Евангелических христиан баптистов», «Никольская община Евангелических христиан баптистов» и т. д. [1, л. 12].

Как видим, ни старообрядцы, ни баптисты никогда не путали своей конфессиональной принадлежности, и такое наименование, как «баптистское религиозное общество старообрядческого культа», является нонсенсом. Тем не менее в «Списке религиозных обществ и групп», подписанном начальником административного отдела исполкома ЧАССР, такое грубое искажение оказалось возможным. Одно из объяснений этого факта может быть связано с тем, что первые баптисты появились на территории Алатырского уезда в среде бывших молокан, происходивших из с. Кабаева. Кстати, это село было передано в 1925 г. из состава Ульяновской области в состав ЧАССР, и в нем действовала крупная община, которая подала документы на государственную регистрацию под названием «Община Духовных христиан молокан села Кабаева» [2, л. 85]. Молокан нередко путали со старообрядцами, хотя молокане были сектой, отделившейся от синодальной православной церкви. Алатырская община баптистов была создана в 1921 г. как раз выходцами бывших молокан с. Кабаево, как писал известный баптистский проповедник Н.П. Храпов: «Вскоре, из числа обращенных, было решено образовать общину в городе Алатырь. Это послужило еще большему пробуждению, т. к. Алатырская община стала центральной в этом крае, где изобиловали молокане. Поэтому 1921 год можно было назвать годом обильных благословений в этих местах» [7]. Таким образом, можно думать, что исходя из специфики Чувашии, алатырских баптистов, бывших молокан, которых часто путали со старообрядцами, сотрудники административного отдела исполкома ЧАССР отнесли к старообрядцам.

До Октябрьской революции правительство не требовало обязательной регистрации старообрядческих общин, однако при советской власти ситуация кардинально изменилась. Согласно новому советскому законодательству, религиозные организации были разделены на религиозные общества и религиозные группы, которые, в зависимости от регистрации или не регистрации имели различные права и обязанности. Органы власти в 1920-е гг. стремились к максимальной регистрации религиозных общин, что вызывало в старообрядчестве неоднозначную реакцию. Некоторые старообрядческие общины в ЧАССР, например, в Алатырском уезде беспоповские брачные поморцы сел Явлей, Кладбищи, Сурский Майдан, Березовский Майдан и безбрачные старопоморцы-федосеевцы с. Кладбищи и др., а также «окружные» общины Белокриницкой иерархии Московской архиепископии в с. Иваньково проходили процедуру регистрации, то среди «неокружных» старообрядцев Белокриницкой иерархии в Цивильском уезде ситуация была иной.

Показателен в этом отношении пример обеих Белокриницких «неокружных» общин в с. Можарки Тюмеревской (бывшей Старо-Тябердинской) волости, которые под разными предлогами затягивали свою перерегистрацию на основе нормативных актов, принятых советской властью в апреле–мае 1923 г. Дело в том, что в № 92 «Известий ВЦИК» от 27 апреля 1923 г. была опубликована «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых», а в № 102 от 10 мая в тех же «Известиях ВЦИК» был обнародован так называемый «нормальный устав религиозных обществ», утвержденный Народным комиссариатом юстиции и Народным комиссариатом внутренних дел. Как справедливо отмечает И.И. Ковалева, «регистрация религиозных общин на основе новой инструкции, с "нормальным уставом" давала им более широкие права, чем те, которыми пользовались группы верующих, зарегистрированные на основе постановления Наркомюста от 24 августа 1918 г., и поэтому секретный циркуляр НКВД № 4 /2827/с от 19 сентября 1923 г. предписывал губернским отделам управления и уездным исполкомам не содействовать преобразованию существующих с 1918 г. общин в религиозные общества с уставом и, по возможности, проводить их перерегистрацию без изменения их статуса. Пункт 11.2 "нормального устава" предусматривал также закрытие религиозных обществ вследствие ареста части их членов» [5, с. 73–74].

В таких условиях совершенно не удивительно, что консервативные общины «неокружных» старообрядцев стремились как можно дальше держаться от этих законодательных нововведений. Тем не менее милиция Цивильского уезда в декабре 1924 г. затребовала от священников обеих старообрядческих общин с. Можарки объяснений о причине затягивания регистрации. Их ответы представляют интерес для исследователей, поэтому эти тексты приведены полностью в качестве подлинных документов эпохи. Первый документ написан Белокриницким неокружным иереем, новомучеником о. Сергием Романовичем Бадановым (1879–1937), который в 1920-е гг. находился под омофором епископа Казанского Ионы (Зубова), имевшего резиденцию в с. Можарки:

«Об'яснение

1925 г. января 28 дня священник Можаровской старообрядческой религиозной группы Сергей Баданов по поводу отношения Усов-милиции от 20 декабря 1924 г. за № 1450 показал следующее: по составлению материала для регистрации религиозной группы было поручено гр[аждани]ну Федору Маркелову Ножихину, который все нужные материалы приготовил, но сдать их к сроку не успел, после срока же материал был не сдан потому что полагали таковое необязательным в чем и расписуюсь.

[Подпись] Свящ[енник] С. Баданов» [1, л. 330–330 об.].

Следующий документ продиктован священником второй Белокриницкой общины в Можарках И.Е. Филипповым (находился под омофором епископа Павла (Туркина) [6, с. 13], дожившим до начала раскулачивания старообрядцев, он это «объяснение» даже подписывать не стал:

«Об'яснение

1925 г. января 28 дня я, священник Можаровской старообрядческой религиозной группы Ипатий Евсеевич Филиппов, по поводу отношения Усовмилиции от 20 декабря 1924 г. за № 1450 показал следующее: по поводу составления материала для регистрации религиозной группы я ничего не знаю, а также не помню, об'являлось ли мне об этом или нет, так как я в преклонных летах 66, в чем и расписуюсь. За него расписался его родной сын. [Подпись] Ф. Филипов» [3, л. 331–331 об.].

Временно исполняющий должность начальника милиции Цивильского уезда Яснопольский, не принимая никаких мер на месте, просто отослал эти документы 6 февраля 1925 г. в административный отдел облисполкома Чувашской автономной области с запиской: «Управление милиции Цивильского уезда при сем препровождает об'яснения служителей Можаровских старообрядческих религиозных групп Ст[аро]-Тябердинской волости, Цивильского уезда о причинах нерегистрации означенных групп – на Ваше рассмотрение» [3, л. 329–329 об.].

Последующее развитие событий показывает, что советская власть попыталась разобраться в ситуации со старообрядческими общинами Цивильского уезда, поведение которых было для деятелей ЧАССР непонятным. Так появился необычный, совершенно безграмотный документ (показатель уровня образования представителей советской власти на местах), направленный из сельского совета Можарок в волостной исполнительный комитет (показательно, что документ написан простым карандашом):

«Справка

1925 г. 8 мая Можаровский с/с выдал настоящее (так. – *В.Т.*) справку Старотябердинскому ВИКу в том, что в С. Можарках 2 старообрядческих религиозных культ (так. – *В.Т.*).

1) Имеется моленный дом выстроенное (так. – *В.Т.*) верующими под названием веры отца Сергия насчитывается приблизительно членов домохозяев 350 домов.

2) об'единение Ипатовское веры, моленного дома нет, занимают в частной квартире и верующих членов 30 домохозяйств.

Переданное имущество пользование не было (так в источнике. – *В.Т.*).

Председатель с/совета [Подпись]» [3, л. 328–330 об.].

Не удивительно, что первоначальной реакцией властей на все происходящее было раздавить можарских старообрядцев, силой заставить их подчиняться требованиям властей. 26 июня 1925 г. «врид. начальника адмотдела исполкома АЧССР» Варфоломеев от имени административного отдела исполкома Чувашской автономной области (штампы еще не поменяли, хотя с 21 апреля 1925 г. ЧАО была преобразована в ЧАССР) написал в управление Цивильской уездной милиции, что «Административный отдел исполкома ЧАССР предлагает в срочном порядке затребовать от старообрядческих религиозных объединений с. Можарок Старо-Тябердинской волости материалы для регистрации в порядке инструкции НКВД и НКЮ от 27 апреля 1923 г. № 126 и представить в Адмотдел ИК АЧССР» [3, л. 326].

Однако уже в начале августа позиция советской власти по отношению к упорствующим старообрядцам резко меняется, и вместо административного нажима предлагаются другие методы взаимодействия, направленные, в первую очередь, на раскол единой позиции старообрядцев с. Можарки в вопросе о регистрации общин. Именно в рамках этой политики врид. начальника административного отдела исполкома ЧАССР Варфоломеев изменяет свой первоначальный подход и направляет 6 августа 1925 г. начальнику милиции Цивильского уезда письмо под № 11824 следующего содержания: «Во изменение отношения своего от 26 июня с. г. за № 10246 административный отдел исполкома ЧАССР предлагает предложить (! – *В.Т.*) старообрядческим религиозным объединениям села Можарок Старо-Тябердинской волости Цивильского уезда: первому об'единению под названием "Веры отца Сергия" в качестве группы верующих в количестве не менее 20 человек заключить с уполномоченными договор на пользование имеющимся молитвенным домом, согласно инструкции НКЮ от 18 августа 1918 г.; второму же старообрядческому об'единению под названием "Ипатовской веры" (не имеющему специального молитвенного дома), раз'яснить, что согласно ст. 5 декрета об отделении церкви от государства и провозглашенной ст. 13 Конституции, допускаются частные молитвенные собрания верующих в количестве меньшем 20 человек, хотя бы и не образовывалась культовая группа, пользующаяся храмами с разрешения местной власти, и что верующие на совершение молитвенных собраний могут собираться в частном помещении и в количестве превышающем 20 человек, но в отличие от группы верующих они должны о каждом своем молитвенном собрании уведомлять местную власть о времени и месте собрания, тогда как группа верующих в полученном по договору здании культа, свободно отправляет всякого рода богослужения без такового уведомления» [3, л. 325–325 об.]. Все эти рекомендации в реальности не имели какого-либо практического значения, так как старообрядческие общины, хотя и были «на виду», но в 1920-х гг. опыт, приобретенный столетиями, подсказывал им, что советской власти в вопросе религиозной веры доверять не следует.

Курс на перерегистрацию религиозных обществ и групп не был единственным инструментом, посредством которого советская власть стремилась взять под контроль общины верующих. В этой связи небезынтересно отметить, что в упомянутой выше справке 1926 г. «Учет и регистрация и групп верующих и выдача видов на жительство для иностранцев и учет их» делопроизводитель административного отдела НКВД ЧАССР В. Васильев отмечал, что «в отчетном периоде производилась по Чувашреспублике проверка и оценка в золотой валюте имущества церквей. Переданных религиозным организациям по договорам, причем из актов видно, что хищение, растраты и порчи имущества со стороны религиозных организаций не было <…> За то же время производился осмотр зданий религиозных организаций, причем из актов осмотра усматривается, что многие здания требуют капитального ремонта и угрожают опасностью разрушения, религиозные организации на коих по договорам лежит обязанность производить ремонт зданий, ремонт не производят» [3, л. 38]. Как можно понять из дальнейшего изложения, это происходит оттого, что «между обновленцами и тихоновцами идет острая борьба <…> население, видя вражду духовенства обновленческого и тихоновского безразлично смотрит на совершающееся в церковной жизни, а потому и ломка церквей и обращение их под учреждения не вызывает никакого удивления» [3, л. 38]. Однако в отношении старообрядцев ситуация была противоположной: старообрядческие молитвенные здания и церкви содержались в порядке.

Показателен в этом отношении пример старообрядческой церкви в с. Можарки – здание, оцененное в 4 тыс. руб. золотом, содержалось в полном порядке, о чем свидетельствует акт осмотра: «1925 года 28 декабря я, нижеподписавшийся член Тюмеревского Волисполкома Цивильского уезда АЧССР Ф.И. Шурбов, сего числа прибыв в Можарки согласно отношения Усовмилиции от 19 ноября 1925 г. за № 23/с для осмотра здания религиозного культа, принадлежащего общине Можаровского Старообрядского культа веры Бадановых, составил комиссии (так. – *В.Т.*) под председательством члена ВИКа Ф.И. Шурбова, председателя Церковно-приходского совета Игната Васильевича Муханова и председателя с/совета Шакшина.

При осмотре оказалось: 1) пригодность для дальнейшего использования: годен. 2) Требуется ли ремонт: требуется окраска в стоимости 60 руб. 3) Не грозят ли опасности разрушения: нет. 4) Оценить здание культа в золотой валюте: оценено на 4 тысячи руб. 5) в какую сумму застраховано здание культа: 2000 р. Месячно ли вносится страховая сумма: уплачено за 1924–1925 гг. 6) Статистические данные о количестве населения пользующегося зданием: 450 едоков, вместимости его – 500. 7) Расстояние от другого ближающего (так. – *В.Т.*) здания культа – ближе нет. 8) Расходы, произведенные на ремонт 1920–1925 гг. на сумму: расходы не были.

Подлинное подписали: Предкомиссии Ф.И. Шурбов. Члены: председ[атель] сове[та] неграмот[ный], по его просьбе расписался С. Баданов, пред[седатель] с/совета Шакшин» [7, л. 74–77 об.]. Акт данного технического осмотра «Можаровской (старообрядческой)» религиозной группы был направлен в административный отдел НКВД ЧАССР [4, л. 24 об.]. Старообрядческая церковь в с. Можарки продолжала действовать вплоть до 1930 г., когда и была закрыта по решению советской власти.

В заключение следует сказать, что в 20-х гг. XX в. старообрядческие общины Чувашии претерпели значительную трансформацию. Изменение административно-территориальных границ приводило к изменению административной принадлежности общин, что ломало их традиционные связи между собой. Исполкомы советов разных уровней нередко не понимали религиозной специфики старообрядчества. Значительные трудности в жизни старообрядческих общин Чувашии вызывало требование государственной регистрации религиозных обществ и религиозных групп, что приводило к многочисленным попыткам уклонения от регистрации. Государство стремилось контролировать общины также через заключение договоров на аренду зданий религиозного культа, их обязательного страхования, оценки в золотой валюте и так далее, что в старообрядческой среде нередко приводило к отказу от регистрации общин и созданию молитвенных очагов, неподконтрольных государству.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-633. Оп. 3. Д. 7.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 784. Оп. 1. Д. 102.

3. ГИА ЧР. Ф. 784. Оп. 2. Д. 33.

4. ГИА ЧР. Ф. 784. Оп. 2. Д. 55.

5. *Ковалева И.И.* «Судьба этой регистрации такова…» // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II: 1 (30). С. 73–78.

6. *Рудаков С.* Дело епископа Павла // Старообрядец. 1999. № 14. С. 11–12.

7. *Храпов Н.П.* Счастье потерянной жизни: трилогия. Кн. II. М.: Протестант, 1990. 320 с.

V.V. Timofeev

THE RURAL OLD BELIEVER COMMUNITIES IN CHUVASHIA IN THE 20s OF 20th CENTURY

Abstract. In the 20s of 20th century the Old Believer communities of Chuvashia underwent a significant transformation. Changes in the administrative-territorial boundaries led to changes in the administrative affiliation of communities resulted in their traditional ties' breakage among themselves. Significant difficulties in the life of the Old Believer communities of Chuvashia were caused by the requirement of religious societies' state registration which led registration deviations. The government tended to control the communities through the conclusion of contracts for the lease of religious buildings, their compulsory insurance and valuation in gold currency and so on that the Old Believers often refused to register communities and the created prayer centers outside the government's control.

Keywords: the Old Believers in Chuvashia, the Old Believers, rural society, peasant faith, the Old Believers and Soviet power.

УДК 94(47).084.3

Т.П. Федяева

ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1921 ГОДУ

Аннотация. В статье рассмотрено положение сельского населения Марийской автономной области в 1921 г. Приведены причины тяжелой продовольственной обстановки в регионе. Описаны крестьянские волнения на почве нехватки продовольствия и начало голода в Маробласти.

Ключевые слова: крестьянство, голод, продразверстка, посевная кампания, крестьянские волнения.

В первые годы советской власти крестьянство Марийского края, как и по всей стране, жило в условиях «военного коммунизма». С каждым виражом бесконечных сборов налогов и выполнения повинностей хлебопашцы все более впадали в бедность. Зажиточное сельское население говорило: «Вот погодите, беднота, большевики сначала нас оберут, а потом и за вас примутся» [27, л. 55]. Неуклонно уменьшались посевные площади и снижалось производство продуктов питания, так как сокращалась ресурсная база деревни. Населению грозил масштабный голод. Крестьяне пытались оказывать сопротивление грабительской политике большевиков в деревне, которое порой выливалось в вооруженные столкновения.

На продовольственную ситуацию в Марийском крае также негативно влияло более позднее в отличие от соседних регионов образование Марийской автономной области. При приеме-передаче территорий, отошедших в состав МАО, Вятская и Нижегородская губернии пытались вывезти все ценное имущество, включая хлеб. Так, Нижегородский губисполком распорядился о срочном вывозе из Козьмодемьянского уезда всего хлебного запаса «вплоть до последнего зернышка» [23, с. 20–21]. 15 января 1921 г. Ревком при обсуждении продовольственного положения области констатировал, что разверстка на Краснококшайский уезд в 1919 г. равнялась 171 000 пудов зернохлебов без лопаточного сбора, а в 1920 г., несмотря на неурожай хлебов из-за заморозков, – 250 000 пудов, из них собрано было 190 000 пудов. В Козьмодемьянском уезде уполномоченный Нижегородского губернского продовольственного комитета (губпродкома) вместо полагавшихся 40 000 пудов хлеба собрал 93 600 пудов. Оба губпродкома имели намерение вывезти все хлебозаготовки. В Краснококшайском уезде на 1 января имелось ржи 36 230 пудов, овса – 55 003, ячменя – 150, пшеницы – 4900 пудов. Для удов-

летворения нужд потребляющего населения требовалось ржаной муки 71 400 пудов, овса – 173 500, посыпки – 2600, пшеницы – 2000, крупы – 4200, пшеничной муки – 700 пудов. Имевшиеся зернохлеба не покрывали потребностей жителей. Прогнозировался рост числа нуждавшихся в продовольствии ввиду обращения за продуктами земледельческого населения. Ревком приостановил вывоз всех видов продовольствия из области и уведомил об этом Вятский и Нижегородский губпродкомы [23, с. 31–34, 38], а также Народный комиссариат продовольствия о приостановке выполнения нарядов Вятского губпродкома, говоря о нецелесообразности вывоза хлеба из вошедших в МАО районов, так как после его осуществления потребовался бы незамедлительный ввоз продуктов. Для обеспечения минимальной голодной нормы в Краснококшайский и Козьмодемьянский кантоны необходимо было поступление 600 000 пудов хлеба [23, с. 104, 105].

Позиция центральных органов власти была непоколебимой – наряды Вятского губпродкома должны быть исполнены. В ответ власти Марийской области распорядились выполнить лишь 50 % нарядов на вывоз. Вскоре Наркомпрод в очередной раз подтвердил полномочия Нижегородского и Вятского губпродкомов, Татарского наркомпрода. Такое положение дел должно было сохраняться до нового продовольственного цикла [23, с. 68, 110, 120, 147, 150].

В связи с неурожаем 1920 г., прогнозируемой засухой 1921 г., сокращением посевных площадей и ухудшившейся продовольственной обстановкой в стране советское правительство взяло под контроль грядущую посевную кампанию. В январе началось формирование семенного фонда посредством семенной разверстки и ссыпки семян в общественные амбары [20, с. 24–26], что должно было способствовать сохранности семенного материала до посевной. В Марийской области семенная кампания прошла относительно спокойно. С первых чисел января стали образовываться волостные комиссии по взятию на учет семенного материала [18, л. 1]. Руководство области акцентировало внимание кантонов на важности создания семенного фонда и сохранения семян для более полного засева полей. Волисполкомам предписывалось подходить к вопросам заготовки семян с большой серьезностью, неуклонной исполнительностью, точностью и аккуратностью. Любая халатность влекла за собой самые строгие меры [23, с. 129, 130, 158].

В соседней Чувашской автономной области, в которую на тот момент входили Помарская и Помъяльская волости и марийские селения Чебоксарской и Посадско-Сотниковской волостей, с первых дней начала ссыпки в общественные амбары с мест шли известия о том, что домохозяева отказывались добровольно отдавать семена [24, с. 74]. Сельское население кричало: «Семена не дадим, хоть убивайте, расстреляйте, все равно семена не дадим»

[20, с. 50–51]. Сама идея отчуждения семян в общественные амбары в крестьянском понимании означала безвозвратное изъятие. У хлебопашцев отсутствовала вера в справедливость действий власти, так как все эти годы разверстки проходили с массой нарушений и применением насильственных форм принуждения. Из хозяйств выгребалось все подчистую, поэтому заинтересованности в сохранении семян до следующего сезона не было, ведь их в любой момент могли забрать в связи с революционной необходимостью.

Начавшееся в середине января в Акулевской волости крестьянское волнение с 20 января перебросилось на соседние Алымкасинскую, Посадско-Сотниковскую, Помъяльскую волости и приняло характер стихийного восстания по всей территории Чувашской области [20, с. 161], которое выражалось в разгоне советов, прекращении сдачи семян, стремлении разгромить ссыпные пункты, убийстве и избиении партийных и советских работников. Земледельцы оказывали сопротивление, вооружившись топорами, вилами [20, с. 99–100].

22 января в Помарской волости группа из 200 повстанцев убила волостного военкома, жестоко преследовала коммунистов [20, с. 161–162]. Около 2000 повстанцев Помъяльской волости намеревались установить связь с Помарской волостью с целью объединения сил для дальнейшего сопротивления. 24 января в сторону Помарской и Помъяльской волостей штаб Приволжского военного округа направил роту солдат с двумя пулеметами, общей численностью не менее 100 чел. [21, с. 636–637]. В Помъяльской волости восставшие еще до прибытия отряда разошлись по домам. Около 300 чел. были арестованы и препровождены в областной чрезвычайный комитет (обчека) [20, с. 163, 167]. В целях нераспространения крестьянского восстания на территорию МАО граничившая с Чебоксарским уездом Больше-Шигаковская волость объявлялась на военно-осадном положении [23, с. 76, 102]. Для контроля за ситуацией и получением оперативных сведений в сторону расположения повстанцев был направлен разведывательный отряд [26, л. 101, 101 об.]. Несмотря на близость очагов восстания и неудовлетворительную продовольственную обстановку, население Маробласти его не поддержало.

Тем временем отдельные сельсоветы и целые волости одна за другой сообщали о плачевном продовольственном положении и мерах, принимаемых в этой связи. Так, Тойдаковский волисполком ввиду острой нужды безземельных и малоземельных крестьян в хлебе объявил внутренний учет и переразверстку. В ходе учета выявлялась наличность хлеба для потребления и для семенного фонда [8, л. 15, 16]. Краснококшайский уездный исполком после рассмотрения заявлений от жителей населенных пунктов Абаснур, Простой Абаснур, Шолонгер, Лаштык-Ярамор предложил заняться внутрен-

ним перераспределением и Ронгинскому волостному исполкому [16, л. 56]. Сельские общества деревень Шуля Ярамор и Холодные ключи Ронгинской волости подали прошения в Краснококшайские уездные продсовещание и крестьянскую инспекцию о назначении нормы. При этом жители д. Шуля Ярамор просили норму не только для себя, но и для скота, угрожая его уничтожить. Крестьяне д. Холодные ключи в качестве причин начавшегося голода указывали малоземелье, помороженные хлеба, действия отряда красноармейцев, который весь хлеб «под метелку выгреб» [16, л. 15–16 об.]. Шиньшинский волисполком предупреждал Ревком о возможных беспорядках из-за отсутствия продуктов питания, так как население уже начало пухнуть от голода [1, с. 37]. Беднейшее крестьянство Себе-Усадской волости ввиду низкой 11-фунтовой месячной нормы и отсутствия других продуктов питания отказывалось от нарядов различных организаций [5, л. 56, 56 об.]. Троицко-Посадский волисполком на просьбу безземельных жителей постановил выдать на месяц по 5 фунтов хлеба для взрослого населения и по 8 фунтов для 12-летнего населения и просить райпродком удовлетворить волость продуктами [8, л. 27].

2 апреля 1921 г. Ревком Маробласти принял постановление о проведении новой экономической политики в регионе, свободном обмене продуктами сельского хозяйства и промышленными товарами через кооперативные организации и на рынках [22, с. 57]. Несмотря на замену продразверстки продналогом, восстановление элементов свободной торговли, положение в области подходило к критической отметке. С приходом весны в связи с отсутствием фуража в Конганурской волости начался забой скота [18, л. 19, 20]. Емелевский волисполком просил Козьмодемьянский кантпродком оставить в волости лопаточный сбор в количестве 42 пуда 28 фунтов для раздачи голодавшим и семьям красноармейцев [8, л. 52]. С такой же просьбой в кантпродком обращались сельсоветы Пайгусовской волости, отмечая, что потенциал внутреннего перераспределения в селениях исчерпан [9, л. 10, 10 об.]. В апреле 1921 г. нехватка продовольствия фиксировалась в Ардинской, Ахмыловской, Отарской, Тойдаковской, Больше-Юнгинской волостях [10, л. 32]. К концу апреля областной продкомитет ежедневно заполнялся делегатами кантонов, требовавшими продуктов. Отдельные селения хлеба совершенно не имели. По постановлению Ревкома производилась постоянная выдача овса по 19 фунтов на едока в селениях, где поля на 70 % пострадали от стихийных бедствий. Только в Краснококшайском кантоне повреждено было до 20 000 дес. земли. Такое положение дел создавало угрозу для ссыпных пунктов, практически не имевших вооруженной охраны [6, л. 264]. Напряжение в деревне усиливалось ввиду возвращения с фронтов Гражданской войны красноармейцев, которые обнаруживали свои разрушенные

хозяйства, отсутствие продовольствия в семьях, отказ земотделов в выдаче семян. В этой связи член Ревкома Мухин для снятия надвигавшейся волны опасности в Козьмодемьянском кантоне просил отпустить для населения 20 000 пудов семян [3, л. 50].

Голодавшее население начало наступать на ссыпные пункты [6, л. 332, 332 об.]. Крупное волнение на почве невыдачи продовольствия населению и недосева произошло в начале мая в Косолаповской волости Сернурского кантона. 6 мая 500 жителей волости [3, л. 35] (по данным информационных сводок Маробчека – 300–400 чел.) собрались у здания волисполкома в с. Косолапово и потребовали выдачи пайка. Угрожали взломать склады, избить администрацию исполкома и милиционера. Волисполком решил отпустить разъяренной толпе 207 пудов фуражного овса для самого беднейшего крестьянства. Распределение назначили на 7 мая. В указанный день не менее 400 жителей волости собрались и настойчиво требовали выдачи пайка и ключей от складов с продовольствием, либо их открытия. Иначе они грозились исполнить выдвинутые накануне намерения [19, с. 198–199]. Волнение было подавлено отрядами Сернурского и Маробчека [3, л. 36]. Расследование показало, что инцидент произошел на почве голода, и его можно было предотвратить, своевременно выдав продукты нуждавшимся [19, с. 198—199].

26–27 мая толпа в 200 чел. предприняла попытку разгрома хлебного амбара в д. Себе-Усады Себе-Усадской волости [14, л. 28]. В конце мая – начале июня в связи с началом перевозки хлеба из амбаров Моркинской заготконторы в г. Краснококшайск житель д. Вонжеполь заявил председателю Кумужъяльского волисполкома, что у людей совсем не было хлеба, и если тот увезет его в город, то ему тоже лучше ехать туда, так как жизни здесь ему не дадут. 1 июня к волисполкому пришла толпа женщин и просила о выдаче продовольствия, сказав, что хлеб увозится, а норма населению не выдается, а оно голодает. 2 июня толпа из мужчин и женщин, вооруженных кольями, разгромила 2 продуктовых амбара в д. Кугушурга Кумужъяльской волости [14, л. 17, 17 об., 18, 18 об.]. В первых числах июня в д. Ургакш Ронгинской волости толпа крестьян накинулась на подводы, перевозившие лопаточный сбор на ссыпной пункт, захватила весь хлеб и разделила его между собой [15, л. 51]. В июне в Мари-Турекской и Марисолинской волостях, с. Сернур фиксировались наплывы и выступления голодавших. Применение вооруженной силы позволило предотвратить разграбление ссыпных пунктов. Из-за нестабильной обстановки Сернурский кантон был объявлен на военном положении, с. Сернур – на осадном положении [12, л. 72]. 1 июля в д. Нурумбал Моркинской волости около 1500 жителей окрестных деревень опустошили хлебный амбар. Похищенный хлеб по спискам развозился по деревням и распределялся на местах среди нуждавшегося населения. Расхищение хлеба

сопровождалось комментарием: «Если норму не дают, то надо брать силой» [14, л. 29]. Разгромы амбаров прекратились только после стягивания содержимого всех складов к одному ссыпному пункту и организации вокруг него усиленной охраны, выдачи населению пайков [2, с. 32].

Посевная кампания 1921 г. в Марибласти прошла крайне неудачно. Семенного материала катастрофически не хватало. Наряды семян были выделены только на Краснококшайский и Козьмодемьянский уезды. Отошедшие территории от Яранского и Уржумского уездов Вятской губернии семенным материалом не обеспечивались. Все наряды на эти уезды с учетом переданных в область территорий были отписаны Вятской губернии, которая отвечала отказом на просьбы руководства МАО об их перераспределении, мотивировав тем, что на всю губернию отпущено 1 560 000 пудов семян, что являлось недостаточным [25, л. 6]. Ожидалось очередное сокращение посевных площадей. Только по Козьмодемьянскому кантону площадь засева должна была уменьшиться на 20 % [11, л. 18]. На 1 июня в Сернурском кантоне погибло 60 % озимых посевов, всходы яровых были ниже среднего [1, с. 67–68]. В конце июня Ирмучашский волостной съезд констатировал, что оставшиеся крохи семян ржаных хлебов оказались абсолютно не всхожими, без поступления семенной ржи из райпродкома посевные площади волости останутся целиком не засеянными [17, л. 29, 29 об.].

Продовольственный кризис усугублялся неблагоприятной природной обстановкой. 24 мая Ревком объявил Краснококшайский и Козьмодемьянский кантоны на военном положении в целях борьбы с лесными пожарами [22, с. 58]. 26 июня по области прошел ураган, превративший все леса в море пламени. Сгорело 6 деревень [26, л. 56 об.]. Местные коммунисты в пожарах усматривали «невидимую руку контрреволюции, специально отрывавшую крестьян от полевых работ» [3, л. 35]. Крестьяне же винили коммунистов в установившейся засухе, говоря, что те «Бога не признают, и поэтому Бог дождя не дает» [7, л. 17]. К середине лета в Сернурском кантоне были практически выжжены солнцем ржаные поля, луга, пастбища. Начался колоссальный падеж скота [12, л. 73].

28 мая 1921 г. Ревком образовал фонд помощи голодавшему населению Марибласти. В фонд вошел не сданный в продорганы лопаточный сбор и хлеб, полученный в ходе сокращения пайка некоторым категориям потребителей. Его объем составил 20 000 пудов на июнь и июль месяцы [1, с. 71]. Покрыть недостаток продовольствия для 90 тыс. голодавших фонд не мог. Хлеб делился даже не по норме в 12 фунтов на человека, а по 6 и 3 фунта [19, с. 202]. 8 августа 1921 г. при облисполкоме была образована комиссия помощи голодающим [1, с. 93]. В середине августа Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК признала Марибласть «в целом голодав-

шей», а дефицит хлеба выражался в 3 000 000 пудов [1, с. 97]. Население заменяло продукты питания различными суррогатами: вязовой и ильмовой корой, березовой и липовой древесиной, лебедой и др. 14 августа Президиум Мароблисполкома и областная комиссия помощи голодающим совместным постановлением в целях ослабления голода обязали население заняться сбором желудей и исландского мха, заготовкой древесного сена и подстилки для скота. Для этого открывался свободный доступ в леса [2, с. 13–14].

С приближением осени поля начали обрабатываться в надежде на скорейшее получение семян. Площадь посева по предварительным подсчетам должна была составить до 30–40 % клина. Первые партии семенного материала стали поступать с начала сентября и направлялись в Сернурский кантон [13, л. 33]. Тем не менее среди населения фиксировались случаи обречения себя на голодную смерть. Жители области отказывались выходить поднимать пар, считая трату энергии излишней [2, с. 23]. В некоторых волостях родители приводили и оставляли своих детей в волисполкомах [4, л. 38]. По официальным данным в 1921–1922 гг. в Маробласти из 400 тыс. жителей 300 тыс. голодали, 70 тыс. болело на почве голода, умерло более 8 тыс. чел., 4,5 тыс. чел. мигрировало в благоприятные регионы [2, с. 4].

Такое плачевное положение сельского населения Марийской автономной области было связано с проведением в стране нерациональной аграрной и продовольственной политики в первые годы советской власти. Из деревни выкачивались все ресурсы, при этом база их воспроизводства не подпитывалась и не совершенствовалась. К 1921 г. марийская деревня окончательно обнищала, что вылилось в масштабный голод. Переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике не мог мгновенно повлиять на сложившуюся продовольственную ситуацию и вывести Марийскую автономную область из кризиса. Необходимо было время для преодоления бушевавшего голода и восстановления разрушенных хозяйств.

Список источников и литературы

1. Голод в Марийской автономной области в первой половине 1920-х годов: документы и материалы. Йошкар-Ола: Стринг, 2020. 542 с.

2. Голод в Марийской области в 1921–1922 годах: сб. материалов о голоде. Краснококшайск: 1-я Гос. тип., 1922. 120 с.

3. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35.

4. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 37.

5. ГА РМЭ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 218.

6. ГА РМЭ. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3а.

7. ГА РМЭ. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 45.

8. ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 47.

9. ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 48.

10. ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 50.

11. ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 68.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 13.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 43.
14. ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9.
15. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 26.
16. ГА РМЭ. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 95.
17. ГА РМЭ. Ф. Р-339. Оп. 1. Д. 2.
18. ГА РМЭ. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 189.
19. *Иванов А.А.* Марийская автономная область после перехода к НЭПу (По материалам информационных сводок областной Чрезвычайной комиссии) // Марийский археографический вестник. 2012. № 22. С. 193–211.
20. Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. документов / сост. Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 416 с.
21. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: документы и материалы / под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.
22. *Максимов И.С., Мартынов Н.А.* Революционные события на территории Марийской АССР (февраль 1917 – июнь 1921 годов). Йошкар-Ола: Марийск. гос. изд-во, 1941. 59 с.
23. Революционный комитет Марийской автономной области, 1920–1921 гг.: сб. документов. Йошкар-Ола: Стринг, 2020. 416 с.
24. *Федяева Т.П.* Крестьянское движение в Марийском крае в 1920–1921 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1. С. 69–79.
25. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 4.
26. ЦГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 7.
27. ЦГА КО. Ф. Р-3455. Оп. 1. Д. 64.

T.P. Fedyaeva

THE RURAL POPULATION OF THE MARI AUTONOMOUS REGION IN 1921

Abstract. The article deals with the situation of the rural population of the Mari Autonomous Region in 1921. The reasons for the difficult food situation in the region have been given. Peasant disturbances related to food shortage and the beginning of famine in the Mari Autonomous Region have been described.

Keywords: peasantry, famine, food surplus requisitioning, sowing campaign, peasant disturbances.

Секционные заседания

Секция 3

Аграрные преобразования второй половины XX века: ожидания и итоги

УДК 94:316.334.55 (1–22) (470.345)

В.К. Абрамов

ДЕРЕВНЯ МОРДОВИИ В 1966–1985 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматривается социально-экономическое состояние деревни Мордовии в годы VIII–XI пятилеток. Делается вывод, что во второй половине 1960-х гг. в республике еще чувствовалась инерция маленковских реформ и оттепели. Однако с начала 1970-х гг. в экономической динамике стала проявляться рецессия.

Ключевые слова: Мордовия, деревня, развитие, миграция, рецессия.

Ко второй половине 1960-х гг. в Мордовии постепенно сокращались темпы сельскохозяйственного развития. Но иногда еще проявлялась инерция маленковских реформ и оттепели. По итогам пятилетки 1966–1970-х гг. республика выполнила план продажи государству по всем основным видам сельскохозяйственной продукции: зерна было продано 164,7 % от плана; картофеля – 113,5 %; мяса – 129,3 %; молока – 122,0 %; яиц – 129,8 %; шерсти – 104,9 % [18, л. 6]. Но IX пятилетка дала незначительный прирост, X – резкий спад, а XI в целом лишь несущественно превзошла уровень VIII–IX пятилеток. При этом, если животноводческая отрасль показывала рост, то валовой продукт земледелия неуклонно падал и к концу рассматриваемого периода, после успехов VIII пятилетки, сократился до уровня семилетки 1959–1965 гг.

Но и в области животноводства существовали серьезные проблемы. Так, характеризуя интенсивность животноводства в республике, председатель Совета министров Мордовской АССР А.О. Пиксаев указывал в докладе пленуму Мордовского обкома КПСС 14 сентября 1973 г., что «на 100 га пашни по РСФСР имеется 18,6 голов крупного рогатого скота (КРС), по Волго-Вятскому району – 17,9; Марийской АССР – 30,5; Чувашской АССР – 41,1; в Мордовии – 16,2 голов» [23, л. 7]. То есть достигнутые успехи в этой области обеспечивались главным образом экстенсивным развитием. Особенно непонятным было большое отставание Мордовии от соседних автономных республик – регионов со схожими климатическими, социально-экономическими и даже историческими условиями, практически во всех основных сферах сельскохозяйственного производства. Например, перед посевной кампанией 1976 г. «по нечерноземной зоне Мордовия имела семян 1 и 2 класса 49 %, Марийская АССР – 70 %, Чувашская АССР – 80 %» [28, л. 75], что уже само по себе должно было сказываться отрицательно на будущем урожае.

Одним из важнейших факторов, обусловивших падение темпов прироста в сельском хозяйстве, как и в промышленности, стала существенная

убыль населения. Уменьшение числа крестьянских хозяйств закономерно приводило к сокращению производимой в них продукции, прежде всего картофеля, мяса, молока, а их доля в сельскохозяйственном производстве всегда была значительной. Например, в 1966 г. Ромодановский район выполнил социалистические обязательства по мясу, перевыполнив план на 39 %. Эти проценты и «составили скот, купленный у населения» [15, л. 33]. То же самое наблюдалось в Ардатовском, Большеберезниковском, Инсарском, Ковылкинском, Старошайговском и др. районах [15, л. 49]. Разумеется, такие «перевыполнения» сопровождались ценовыми надбавками, премиями, наградами. Уже за 1971–1975 гг. уменьшение числа крестьянских дворов привело к сокращению поголовья продуктивных коров в личных хозяйствах на 17,9 тыс. голов, а также поголовья свиней, овец, птицы. Эту убыль скомпенсировали за счет развития общественного животноводства, что в свою очередь дополнительно привело к существенному росту затрат труда на производство продукции и, как следствие, к значительному увеличению ее себестоимости. За эти годы себестоимость производства 1 ц молока выросла на 33 %, 1 головы КРС – на 50 %, свиней – на 37 %, овец – на 54 %, 1 ц шерсти – на 33 % и 1000 яиц – на 44 %. В результате некоторые отрасли животноводства, в частности молочное скотоводство и овцеводство, стали убыточными [26, л. 5, 7].

Во второй половине 1970-х гг. положение еще более ухудшилось. Начиная с середины 1970-х гг. все отрасли сельского хозяйства Мордовии, кроме производства яиц, стали убыточными: «В 1975 г. убыток составил 3,6 млн руб. в ценах тех лет, 1976 г. – 10,2; 1977 г. – 5,5; 1978 г. – 8,8; 1979 г. – 19,0; 1980 г. – 28,9 млн руб.» [5, с. 192]. На пленуме Мордовского обкома КПСС 6 декабря 1982 г. отмечалось, что «за последние 6 лет во всех категориях хозяйств производство мяса сократилось на 16,2 тыс. тонн, в том числе в общественном секторе на 4,7 тыс. тонн» [35, л. 43]. То есть основное падение производства (71 %) пришлось именно на личные хозяйства.

Отток работоспособного населения, особенно молодежи, также привел к дефициту многих профессий на селе и существенно повысил нагрузку на одного работающего: в 1971–1975 гг. в среднем работник в колхозном производстве был занят 210,1 дня, а в 1976–1980 гг. – уже 244 дня. Все более втягивались в процесс колхозно-совхозного производства женщины. Если в среднем за 1971–1975 гг. отношение дней, отработанных женщинами, к показателям мужчин составляло 88,7 %, то в 1976–1980 гг. – 92,1 % [9, с. 109–110]. С учетом обыденной домашней работы, в том числе по уходу за домашним скотом, такие нагрузки на женщин не могли не сказываться отрицательно на их здоровье, в том числе репродуктивном.

Положение в сельском хозяйстве Мордовии оказалось настолько серьезным, что весной 1979 г. в республику приехала специальная комиссия ЦК КПСС. После всесторонней проверки отрасли 12 апреля 1979 г. состоялся пленум областного комитета партии, на котором выступил заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС И.К. Капустян.

Приводим некоторые выдержки из его доклада, содержащего анализ основных проблем сельского хозяйства автономии: «Мордовии было выделено в млн руб. на сельское хозяйство: 1961–1965 гг. – 178; восьмая пятилетка – 305; девятая – 535; десятая – 918; 1976–1978 гг. – 508… Минеральных удобрений дали больше за три года на 52 %, тракторов – на 46 %, грузовых автомобилей – на 38 %, зерноуборочных комбайнов – на 28 %… но валовой продукт сельского хозяйства в Мордовии в целом за 1976–1978 гг. увеличился только на 1 %, тогда как по РСФСР – на 6 %, по СССР – на 10 %. Если же рассматривать земледелие в целом, то в 1976–1978 гг. валовой продукт остался на уровне девятой пятилетки, а к уровню восьмой снизился на 8 %. Именно этот итог вызывает беспокойство у бюро ОК и ЦК КПСС… В условиях, когда ежегодно возрастают капитальные вложения в развитие сельского хозяйства, на передний план выдвигается задача более эффективного их использования. Если в этом плане проанализировать работу республики, то увидим большое несоответствие между огромными капитальными вложениями и полученными результатами…

Мордовия является единственной республикой в экономическом районе, которая не выполнила общего объема закупок зерна за три года 10 пятилетки. Колхозы и совхозы задолжали государству 110 тыс. т. За последние 8 лет госпланы выполнялись только 4 раза, в т. ч. по ржи выполнялся 1 раз, гречихе – 1 раз, просу – 3 раза и бобовым – 2 раза… Средняя урожайность в Мордовии (зерновых. – *В.А.*) в 1966–1970 – 11,4 ц/га; в 1971–1975 – 12,0; в 1976–1978 – 13,9 ц/га. Ниже была урожайность только в самой северной области района – Кировской с очень плохими условиями…

В республике за последние годы посев зерновых культур проводится за 18–22 рабочих дня. Ряд хозяйств проводит сев за 35–50 дней. Нигде в стране такого положения давно уже нет… По урожайности картофеля республика занимает последнее место в экономическом районе и одно из последних мест в Российской Федерации… За три года государству недодано 356 тыс. тонн. За последние 13 лет план заготовок картофеля не был выполнен ни разу, при этом более двух третей картофеля ежегодно закупается у населения… Состояние производства кормов в Мордовии просто не выдерживает никакой критики…

Обеспеченность скота кормами на условную голову многие годы находится на одном уровне и не превышает 50–60 % к потребности… Многие

хозяйства обеспечиваются кормами на 30–40 %. Низким остается качество корма… За 3 года поголовье КРС увеличилось всего на 2 %, а поголовье свиней и овец сократилось…

Непомерно большими остаются затраты труда и средств на единицу животноводческой продукции… В 1978 г. были убыточными: молоко, шерсть, свинина, баранина и даже говядина…

Анализ положения дел в сельском хозяйстве автономной республики показывает, что основная причина недостатков состоит в слабом руководстве этой важнейшей отраслью народного хозяйства со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов…

О строителях я упоминаю уже не в первый раз. Слишком много вы им прощаете. По вине подрядных строительных организаций "Мордовколхозстрой" (т. Грак), треста "Мордовсельстрой" (т. Невеселый) из года в год срываются планы строительства объектов семеноводства. В республике только половина колхозов и совхозов обеспечена сушильными хозяйствами, а ряд районов обеспечены ими на 18–20 %. Многие хозяйства не имеют типовых механизированных зерноскладов, крытых токов… В сельское хозяйство республики после 1965 г. вложено почти 1,5 млрд руб., а среднегодовой прирост продукции равен всего 31,7 млн руб... Нужен более высокий уровень руководства сельским хозяйством со стороны всех звеньев…

Наша группа во главе с заведующим сектором ЦК КПСС т. Алексеевым Я.Я., работая в республике по оказанию помощи по подготовке пленума обкома, не могла не заметить укоренившиеся среди части специалистов и руководителей, равнодушие, беспечность, примиренческое отношение к бытующей во многих хозяйствах бесхозяйственности, низкой требовательности за порученный участок работы…» [33, л. 89–99].

Выводы комиссии были весьма серьезными. При всех недостатках колхозной системы, сдерживающей развитие сельскохозяйственной отрасли страны, Мордовия выделялась особенно низкими показателями интенсивности производства даже на уровне далеко не передового Волго-Вятского экономического района, хотя располагалась в его южной части, т. е. на территории с относительно благоприятными климатическими условиями. После подобных выводов комиссии ЦК КПСС следовало ожидать радикальных перестановок в системе управления, особенно сельским хозяйством и капитальным строительством. Однако резолюция указанного пленума областного комитета партии, изобиловавшая самыми общими фразами, никаких радикальных решений по данному вопросу не отразила [33, л. 110–116].

Перестановки были, но с учетом рекомендации «более высокого уровня руководства сельским хозяйством» – довольно оригинальные. Еще в 1978 г. Председатель Совета министров автономии А.О. Пиксаев буквально

накануне приезда комиссии ЦК был переведен на должность Председателя Верховного Совета МАССР, что формально означало повышение в должности. Министр сельского хозяйства В.В. Кузьмин, под руководством которого отрасль достигла столь «впечатляющих результатов», также был повышен в должности и с 1978 г. стал 1-м заместителем Председателя Совета министров Мордовской АССР [6, с. 462]. То же самое произошло и в системе руководства капитальным строительством. Редкое партийно-хозяйственное совещание в обкоме и Совете министров проходило без того, чтобы на нем не критиковались за неквалифицированную работу председатель правления объединения «Мордовколхозстрой» П.И. Грак и управляющий трестом «Мордовсельстрой» Л.Н. Невеселый. О настоящих провалах в этой области писали в партийной газете «Правда». Так, в одной из публикаций указывалось: «Одними из первых в Нечерноземье приступили к переводу семеноводства на промышленную основу хозяйства в Мордовии, но не преуспели в этом. Наиглавнейшая часть принятой системы – заводы, где зерно сортируют, хранят. В республике планировали сдать за 1977–1978 годы восемь объектов, не построили ни одного» [1, с. 75; 8].

Часто к указанным руководителям присоединяли начальника Мордовского территориального управления строительства В.В. Володина. Видимо, результатом такой критики стал перевод в том же 1978 г. В.В. Володина на должность начальника отдела, а затем заместителя начальника главка по специальным отраслям промышленности Госстроя СССР. П.И. Грак был переведен на его место, что также означало повышение по службе. Л.Н. Невеселый управлял трестом «Мордовсельстрой» до 1984 г. Все указанные руководители попутно с перманентной критикой неоднократно получали ордена и другие награды [6, с. 218, 260; 7, с. 88].

Подобные перемещения с места на место одних и тех же работников, наряду с несомненным влиянием «ближнего круга», возможно, были связаны и с недостатком кадров. Уменьшение численности населения и выезд за пределы автономии наиболее активных и квалифицированных граждан привели к дефициту специалистов буквально на всех уровнях народного хозяйства. Особенно это касалось деревни, откуда миграция шла в первую очередь. В числе ее причин на первом месте следует назвать низкий жизненный уровень местного сельского населения и наличие возможностей для его повышения за пределами Мордовии. В начале рассматриваемого периода сильнее всего пострадали от миграции западные районы края, наиболее близко расположенные к Москве и Московской области – региону с намного более высокими заработками, чем в автономии. По официальным, т. е. обычно завышенным данным, заявленным на XXIV областной партийной конференции 15 декабря 1978 г. средняя зарплата рабочих и служащих в Мордовии

составляла 147 руб., колхозников – 98 руб. [31, л. 23]. С учетом соотношения численности занятого городского и сельского населения в это время средняя по республике зарплата была около 120 руб., или на 27 % меньше средней по России [11]. В Москве же средние заработки всегда существенно превосходили общероссийские.

Но не только и не столько низкая оплата труда толкала людей на выезд. Главная эмиграция шла из села. По сведениям обкома здесь ее причинами еще являлись: «Тяжелые условия труда, сезонность работы, отсутствие условий для продолжения учебы». Она также была связана с «низким уровнем социально-культурного обслуживания сельского населения, неблагоустроенностью деревенского быта, отсутствием хороших дорог, которые связывали бы наши деревни с культурными центрами республики, ограниченностью условий для духовного роста сельской молодежи, узостью выбора профессии» [19, л. 36].

Особенно усилилась миграция в 1970-е гг. За 1971–1975 гг. в республике был отмечен самый высокий относительный отток населения в Нечерноземной зоне РСФСР, 80 % прироста городов шло за счет сельского населения. При этом интенсивность выбытия сельского населения была почти в два раза выше в районах, испытывавших дефицит трудовых ресурсов – Рузаевском, Лямбирском, Ромодановском – которые имели трудообеспеченность лишь на 67,8 % [5, с. 179–180]. Подводя итоги X пятилетки (1976–1980), первый секретарь обкома А.И. Березин отмечал, что для проведения сельскохозяйственных работ ежегодно не хватало до 12 тыс. механизаторов [34, л. 22]. В 1980-е гг. ситуация с рабочей силой еще более обострилась. К середине 1980-х гг. из 80 совхозов 62 постоянно испытывали недостаток кадров, из 274 колхозов – 211, дефицит трудовых ресурсов оценивался уже в 18 тыс. чел. [5, с. 203–204].

Сетуя на нехватку рабочих рук из-за миграции, руководство Мордовии тем не менее само способствовало ей. Например, на собрании партийного актива Мордовии 15 апреля 1974 г. А.И. Березин отметил как значительный успех отправку из республики на целину на постоянное проживание около 7 тыс. семей, в их составе было более 14 тыс. трудоспособных людей [25, л. 4]. Только с 1979 г. прекратил планировать и осуществлять переселение семей из Мордовии в другие регионы соответствующий отдел управления СМ МАССР по использованию трудовых ресурсов. В 1950-е – первую половину 1960-х гг. ежегодно им переселялось около 500–700 семей, в основном в Сибирь, на Дальний Восток, в Европе – в Молотовскую (Пермскую) и Калининградскую области. Со второй половины 1960-х гг., видимо, в связи с резким уменьшением численности населения Мордовии, планы ежегодного вывоза сократились до 300–350 семей, в 1970-е гг. – до 100–200 семей. Всего

за послевоенные годы из сельской местности Мордовии только организованно было переселено около 15 тыс. семей. При этом в циркулярах из Центра подчеркивалось, что переселять надо «лучших колхозников» [1, с. 76]. Это означало, что вывозились, как правило, молодые энергичные семьи с не менее чем двумя трудоспособными членами. Семьи, переселявшиеся самостоятельно, в эти числа не входили. Всего за 1970–1980-е гг. численность мордовского населения уменьшилась более чем на 100 тыс. чел. [2, с. 123].

Одним из самых действенных способов сокращения численности населения Мордовии стала кампания по ликвидации так называемых неперспективных сел и деревень. Она была развернута с вполне с благожелательными намерениями, соответствовала политике «стирания граней между городом и деревней». В крупных населенных пунктах было проще и быстрее, чем в маленьких деревнях и хуторах, приблизиться к городским условиям жизни: провести газ, который снимал весьма сложную для селян проблему ежегодной заготовки дров и проч., организовать агропромышленные комплексы, построить типовые многоэтажные дома, дороги с твердым покрытием, организовать сеть учреждений бытового обслуживания и т. д.

Ликвидация сел, признанных неперспективными, началась уже в конце 1950-х гг. с северо-западных областей РСФСР. Директивную установку на постепенное их преобразование «в укрупненные населенные пункты городского типа» принял XXII съезд КПСС. С этого времени началась ее реализация и в Мордовской АССР. В конце 1970-х гг. такая политика была признана ошибочной, но запущенный процесс сокращения численности малых сел остановить было уже трудно. При этом люди в основном переселялись не в планируемые села и не в города Мордовии, которые в силу недостаточно развитой промышленности не могли предоставить хорошо оплачиваемую работу всем желающим, а в более крупные, за ее пределами, причем из мордовских деревень – в русскоязычные города, где процесс утраты мордвой национальной идентичности шел на порядок быстрее, чем в автономии.

Расселение «неперспективных сел» привело и к другим отрицательным последствиям. Как указывают П.Д. Грузнов и И.Ф. Каргин: «Укрупнение колхозов и концентрация людей, скота, машин на центральной усадьбе привели к тому, что ранее активно используемые угодья (пашни, сенокосы, пастбища и пр.) перешли в разряд малоценных из-за большой удаленности от людей и скота. Органические отходы производства вместо естественного возврата в почву, из-за экономически невыгодных перевозок на дальние расстояния, скапливались на центральной усадьбе, загрязняя окружающую среду… Государственная политика в отношении неперспективных деревень привела к тому, что за 1979–1989 гг. в Мордовии количество сельских населенных пунктов уменьшилось на 134, в т. ч. ликвидированных в связи с пе-

реселением или выездом жителей» [4, с. 172, 175]. По свидетельству бывшего заведующего отделом агитации и пропаганды Мордовского обкома КПСС А.Н. Поршакова, «одним из активных проводников этой политики» был Председатель Совета министров Мордовии (1954–1971) И.П. Астайкин [3]. Так называемые бесперспективные поселения являлись готовыми производственными базами будущих фермерских хозяйств, которые руководство страны стало повсеместно насаждать буквально через несколько лет после их уничтожения.

Ликвидация небольших ферм при «бесперспективных селах и поселках», недостаток рабочей силы подталкивали сельскохозяйственных руководителей к организации огромных комплексов, которые в условиях Мордовии часто оказывались неэффективными даже с точки зрения повышения производительности труда и снижения себестоимости. На пленуме обкома партии 10 февраля 1981 г., подводившем итоги X пятилетки (1976–1980), председатель Совмина Мордовии В.С. Учайкин отмечал: «Особую тревогу вызывает тот факт, что вложенные в животноводческие комплексы крупные капиталовложения длительное время не окупаются, в них не растет поголовье и продуктивность» [34, л. 5].

Более конкретно о проблемах этих комплексов и вообще о положении в сельском хозяйстве высказался на этом же пленуме 1-й секретарь Краснослободского райкома И.И. Кличков: «Огромные комплексы по 210 м в длину на 1300 голов. Раздача кормов, уборка навоза мобильная. Весь день по ним ездят тракторы, ходят десятки людей, и коровы днем не ложатся. Рядом фермы, одна на 360, другая на 1300 голов: коровы, корма, люди одинаковые; удой на первой 4 кг от коровы, на второй – 2,8 кг… Совсем не стало в продаже инструментов для лечения животных, искусственного осеменения, мало медикаментов, микроэлементов. Зооветснабы перешли на торговлю дорогостоящими товарами, выполняют план товарооборота… При наличии фондов мы перестали практически получать дизельное топливо и бензин с октября 1980 г. Вследствие чего осталась невспаханной зябь и черные пары на площади около 10 тыс. га…». Он отметил и другие проблемы, в частности частое отключение электроэнергии, при котором кормление и дойка животных вручную на таких комплексах становились невозможными, отсутствие хороших внутрифермерских дорог и др. «Увлечение гигантоманией», по его словам, дало следующие результаты: «В 1958 г. в районе на 100 га произвели 58 ц мяса, в 1969 г. 52 ц, в 1980 г – 39 центнеров» [34, л. 30–31].

Таким образом, попытки применить в российских, конкретно – мордовских, условиях сельскохозяйственные технологии европейских так называемых западных стран, по марксистской терминологии – надстройки производства, – оказывались безуспешными и даже вредными из-за отсут-

ствия соответствующего базиса, в данном случае неподготовленности коммуникаций и аварийных источников энергии, неквалифицированности персонала, его нежелания работать за мизерные заработки и даже слишком шумных чадящих тракторов и ряда других причин.

Руководство Мордовии принимало всевозможные меры по улучшению положения в сельском хозяйстве, как по исходящим из центра директивам, так и по собственным выводам: направляло в села специалистов, технику, с целью улучшения культурно-бытовых условий жизни организовывало строительство клубов, домов культуры. Этой же цели служило преобразование колхозов в совхозы. Но специалисты, в том числе с образованием, ориентированным на сельское хозяйство, ехали в села неохотно. Это явление было распространено и ранее, и представители обкома отмечали, что «…у нас есть значительная группа дипломированных специалистов, которые проявляют барско-пренебрежительное отношение к работе на селе» [13, л. 102]. Увеличение масштабов подготовки специалистов, естественно, привело к возрастанию количества отказников. Например, в 1974–1975 гг. в районы республики было направлено 392 специалиста с высшим образованием, из них 118 (более 30 %) не явились на работы или выбыли из сел без уважительных причин [27, л. 9], при том что специалист был обязан отработать по месту направления не менее трех лет.

Постоянно росло количество направляемой в деревню техники, объемов минеральных удобрений и др. Темпы поставок особенно возросли с середины 1960-х гг. Если за пятилетку 1960–1964 гг. Мордовия получила, например, 1120 тракторов, а поставка комбайнов не скомпенсировала потерь по их списанию, то только за два года (1965–1966) автономия получила 1655 тракторов и 1092 зерноуборочных комбайна [14, л. 47]. В последующие годы парк сельскохозяйственных машин в колхозах и совхозах республики имел возрастающую динамику (см. табл.1).

По официальным данным, сельскохозяйственной техники было достаточно для обработки имеющихся земельных угодий, но следует учитывать, что эти сведения не всегда соответствовали действительности. Так, в отчете общему отделу ЦК КПСС о состоянии техники в 1969–1971 гг. мордовским обкомом приводились данные о списании в год зерноуборочных комбайнов от 9 % до 12 %, грузовых автомобилей от 5 % до 6 % и тракторов от 9 % до 10 %. Причем в 1971 г. по отчетным данным было списано 9 % тракторов. В то же время на пленуме обкома КПСС 1-й секретарь А.И. Березин сообщил, что в 1971 г. было списано 15 % тракторов [20, л. 25; 21, л. 17]. Сколько техники списывалось ежегодно, установить не удалось. Но ясно, что значительная ее часть, как обычно, числилась в исправном состоянии лишь на бумаге. Качество техники было невысоким, условия содержания неудовлетворительны, ремонт малоэффективен.

Таблица 1

Основные показатели технического обеспечения и развития сельского хозяйства Мордовии в 1970–1985 гг.*

Годы	Кол-хозы, кол-во	Сов-хозы, кол-во	Поставки мин. добр., кг/га	Трак-торы, тыс. шт.	Зерноуб. комбай-ны, тыс. шт.	Грузовые автомо-били, тыс. шт.	Сбор** зерна, тыс. т
1970	320***	48***	33	9,1	3,3	5,8	859
1975	282***	72***	55	11,5	4,1	7,4	899
1980	273***	78***	79	15,1	5,0	8,1	948
1985	288	86	111	17,2	5,4	9,1	935
1985 в % к 1970	90	179	336	189	164	157	109

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 40. Д. 9. Л. 4 [4, с. 50, 51, 168–169].

** Среднегодовой за предыдущую пятилетку.

*** Количество сельхозпредприятий дано за 1971, 1976 и 1981 гг.

В рассматриваемый период, особенно в конце, серьезной проблемой стала нехватка механизаторов, не позволяющая полноценно использовать тракторы, комбайны и автомобили, даже когда их было достаточно. Таким образом, наращивание поставок техники в колхозы и совхозы Мордовии просто теряло смысл. Во второй половине 1980-х гг. они были сокращены [4, с. 170].

Поставки минеральных удобрений сказались положительно на росте валового сбора зерновых и других сельхозкультур [12, с. 11], хотя условия их хранения и использования не всегда соответствовали требованиям. Так, на заседании бюро обкома 14 января 1976 г. обсуждалась статья, опубликованная в центральной газете «Сельская жизнь» и констатировалось, что «факты безответственного отношения к хранению минеральных удобрений… изложенные в статье, соответствуют действительности» [10].

Одним из факторов увеличения валового продукта считалось расширение пашни за счет орошаемых и осушенных земель. Следуя указаниям из центральных органов управления сельским хозяйством, руководство республики увеличило их фонд с 9,6 тыс. га в 1966 г. до 88,4 тыс. га в 1984 г. С них стали собирать по официальным данным около 14 % валового сбора растениеводства. Однако при этом были затрачены значительные средства: освоение 1 га орошаемых земель стоило около 5 тыс. руб., а осушенных иногда и больше. В то же время констатировалось, что «на орошаемых и осушенных землях урожаи остаются низкими… а кое-где они выходят из строя» [36, л. 9–10]. Кроме того, «проведение мелиоративных мероприятий (осушение, по-

лив) вызвало огромный перерасход воды, использование питьевой воды в промышленных и хозяйственных целях, привело к снижению уровня грунтовых вод, исчезновению присущих этим местам растительных сообществ, животных, птиц, карстовым явлениям…» [4, с. 174].

Следующей мерой, призванной решить проблему рабочих рук на селе, стало ежегодное направление на сельскохозяйственные работы, как правило, во время уборки урожая, рабочих и служащих, студентов и учащихся из Саранска и районных центров. С каждым годом на «битву за урожай» их отправлялось все больше и больше. Площади уборки утверждались на заседании бюро областного комитета партии, т. е. рассматривались в числе важнейших проблем. Например, на заседании от 30 августа 1977 г. было предписано установить задание по уборке картофеля и сахарной свеклы трудоспособному населению городов и райцентров: «Картофель: райцентры – 3850 га; население Саранска – 3300 га. Сахарная свекла: райцентры – 1350 га; население Саранска – 2300 га» [29, л. 77].

Группы посылались обычно на срок около месяца, для них закупались постельные принадлежности (матрасы, простыни, подушки и др.), которые, как правило, приходили в негодность и требовали замены на следующий год. Рабочим и служащим по месту основной работы выплачивалась зарплата. Питание, осуществляемое иногда в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, осенняя погода (дожди, грязь, заморозки) способствовали распространению желудочно-кишечных и простудных заболеваний. Непривычные для горожан, особенно студентов-первокурсников, условия работы в поле и с механизмами приводили к травмам, иногда смертельным. Имели место стычки приезжих с сельской молодежью. В общем, такой способ постоянного решения кадровых проблем нельзя было назвать эффективным и даже нормальным.

Лучше дело обстояло со студенческими строительными отрядами. Они комплектовались на добровольной основе и часто годами имели в основном постоянный состав. В Мордовии такие отряды возникли в 1966 г. В 1970 г. в них насчитывалось 2819 чел. Они направлялись не только в села Мордовии, но и в другие регионы. Например, в 1970 г. в автономии из них работали 807 чел., в Иркутской области – 101, Дагестанской АССР – 58, Калужской области – 20 чел. Кроме того, студенческие отряды посылались на юг, на уборку фруктов и овощей. Так, в том же 1970 г. в Астраханскую область было отправлено 845 чел., Крымскую АССР – 523, Краснодарский край – 403, в Винницкую область Украины – 62 чел. [17, л. 87]. С годами их количество и численный состав возрастали.

Еще одним направлением «оптимизации» являлся перевод колхозов в совхозы. С одной стороны, он служил целям «стирания граней между го-

родом и деревней», путем превращения колхозников в рабочих, с другой – считался средством повышения производительности труда и снижения себестоимости производимых продуктов, поскольку, как госпредприятия, совхозы в большей мере субсидировались. Поэтому руководители Мордовии старались сделать совхозами прежде всего отстающие колхозы.

Однако в целом это давало незначительный эффект. В VIII пятилетку (1966–1970) по темпам развития совхозы значительно отставали от колхозов, в 1970 г. до четверти их работало убыточно [18, л. 47]. Практически производительность труда в совхозах по большинству показателей существенно не отличалась от колхозной и в последующие годы, а себестоимость некоторых продуктов в них была выше. Снижение себестоимости давала специализация совхозов, например, по выращиванию сахарной свеклы, производству мяса, яиц (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели производства и себестоимости сельскохозяйственных продуктов в 1961–1980 гг.[*]

Показатель	Среднегодовое пр-во, тыс. т		1976–1980 гг. в % к 1961–1965	Себестоимость производства, руб./ц, яйца – руб./1000 шт.				В % к колхозы/совхозы (1960 и 1980)
Виды продуктов	1961–1965	1976–1980		Колхозы		Совхозы		
				1960 г..	1980 г.	1960 г.	1980 г.	
Зерно	630	948	150	4,3	13,7	6,3	14,1	146/103
Сахарная свекла	115	165	145	2,1	6,7	3,1	5,9	148/88
Картофель[**]	751	664	88	2,4	25,5	2,9	20,2	121/79
Мясо (уб. вес)	44,9	65,2	145	–	–	–	–	–
в т. ч. КРС	–	–	–	81	426	66	354	81/83
свинина	–	–	–	127	492	109	333	86/68
баранина	–	–	–	87	399	–	461	–/116
Молоко	361,8	534,6	148	10,8	38,4	12,4	39,3	115/102
Яйца млн шт.	144,7	261,6	181	125	364	65	70	52/19

[*] Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 40. Д. 9. Л. 4 [4, с. 89, 93]; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы 10 пятилетки. Саранск, 1981. С. 80.

[**] В валовом сборе картофеля примерно $^2/_3$ объема поставляли личные хозяйства.

О сложной производственной и морально-психологической обстановке в деревне Мордовии свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1970–1980-х гг. здесь ежегодно менялось около 17 % председателей колхозов и директоров совхозов. За пять лет, с 1979 по 1984 г., сменилось 70–80 % руководителей сельхозпредприятий, в то время как, по мнению экспертов, «наибольшая отдача бывает тогда, когда они работают десять и более лет» [37, л. 72].

Колхозная система, основанная на прямой эксплуатации селян, изначально не имевшая значительных перспектив, уже совершенно не могла нормально существовать в условиях исчерпания возможностей экстенсивного развития.

Список источников и литературы

1. *Абрамов В.К.* Мордовский народ во второй половине XX – начале XXI века. Пенза: Социосфера, 2021. 309 с.

2. *Абрамов В.К.* Мордовское национальное движение. Саранск: Референт, 2007. 180 с.

3. *Алексеев П.* Главный этаж // Мордовия. 1991. 27 декабря.

4. *Грузнов П.Д., Каргин И.Ф.* Аграрная политика Российского государства (по материалам Средневолжского региона). М.: Юрист, 1997. 208 с.

5. *Моисеев Е.В.* От реформ к истокам кризиса: социально-экономическое развитие Мордовии во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. М.: [б. и.], 2000. 245 с.

6. Мордовия. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. 574 с.

7. Мордовия. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 702 с.

8. *Лахно И., Платошкин А., Соснин Е.* Путь к щедрому колосу // Правда. 1979. 4 июля.

9. *Пичаскина Л.И.* Экономические стимулы повышения эффективности использования рабочей силы // Социально-экономическое развитие сельского хозяйства в системе агропромышленного комплекса Мордовской АССР / Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1984. С. 109–110.

10. Склад под елкой // Сельская жизнь. 1976. 11 января.

11. Средняя зарплата по РСФСР 1968–1984 гг. URL: http://bey.livejournal. com/250567.html (дата обращения: 15.08.2023).

12. *Учайкин В.С.* Осуществление современной аграрной политики КПСС и проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства Мордовской АССР // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981.

13. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 269-П (Мордовский областной комитет КПСС). Оп. 7. Д. 137.

14. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 320.

15. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 385.

16. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 559.

17. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 665.

18. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 8. Д. 3.

19. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 8. Д. 6.

20. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 9. Д. 4.

21. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 9. Д. 26.

22. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 9. Д. 72.

23. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 10. Д. 4.

24. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 11. Д. 4.

25. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 11. Д. 56.

26. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 12. Д. 171.

27. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 12. Д. 191.

28. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 12. Д. 336.

29. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 12. Д. 362.

30. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 12. Д. 376.

31. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 5.
32. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 61.
33. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 14. Д. 1.
34. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 15. Д. 2.
35. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 40. Д. 13.
36. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 45. Д. 5.
37. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 45. Д. 33.

V.K. Abramov

THE VILLAGE OF MORDOVIA IN 1966–1985

Abstract. The article deals with the socio-economic state of the Mordovia village in the years of the VIII–IX five-year plans. In conclusion the author stresses the presence of the Malenkov's reforms and «thaw» inertia in the republic in the second half of the 1960s. However, recession appeared in the economic dynamics since the early 1970s.

Keywords: Mordovia, village, development, migration, recession.

УДК 94(470.345).084.9«1965/1985»

С.А. Ивлиев,
П.С. Учватов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТЕМНИКОВСКОГО РАЙОНА МОРДОВСКОЙ АССР В «ЭПОХУ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ» (1965–1985)

Аннотация. В статье на примере Темниковского района Мордовской АССР анализируются особенности развития сельского хозяйства в период позднего социализма в 1965–1985 гг. Обращение к теме продиктовано тем, что местный материал позволяет более четко проследить основные тенденции социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: аграрная сфера, социально-экономическое развитие, колхозы, «развитой социализм», Темниковский район.

В исторический период, получивший название «развитого социализма», в официальной советской идеологии Темниковский район Мордовской АССР вошел с относительно неплохими показателями развития основных отраслей народного хозяйства. Экономика была представлена достаточно быстро растущей промышленностью и традиционной для района аграрной сферой. При этом подавляющая часть населения проживала в сельской местности: в 1976 г. в районном центре г. Темникове проживало лишь 7 тыс. чел., а 25,1 тыс. были жителями сельской местности [6, с. 82].

Сельское хозяйство района развивалось по пути специализации и интенсификации производства. Вплоть до середины 1970-х гг. происходило дальнейшее укрупнение хозяйств: если в 1960 г. в районе было 25 колхозов, 84 полеводческие бригады и 75 животноводческих ферм, то в 1976 г. – 15 колхозов, 59 полеводческих бригад и 51 животноводческая ферма [6, с. 85]. Затем этот процесс завершился: в 1985 г. по-прежнему оставалось 15 колхозов [5, с. 97–98]. При этом к началу 1970-х гг. в районе все еще было довольно много экономически слабых колхозов. По состоянию на 1971 г. к таковым относилось 6 (больше экономически слабых колхозов в Мордовии было только в Ельниковском районе) [13, л. 163]. Государство поддерживало такие колхозы, уделяя внимание повышению культуры земледелия и животноводства, более эффективному использованию техники, улучшению учета, планово-экономической и ревизионной деятельности. В хозяйства направлялись работники – агрономы, зоотехники, ветеринары, механизаторы и

другие специалисты, предоставлялась также дополнительная материально-техническая помощь [13, л. 156–161].

К началу 1976 г. на сельхозугодья в Темниковском районе приходилось 72,6 % от общей земельной площади колхозов, из них 63,6 % занимали пашни, 24,5 % – пастбища и 11,5 % – сенокосы [6, с. 86]. Основным профилем растениеводства являлось зерновое хозяйство, за ним следовало картофелеводство. За 1965–1975 гг. продукция растениеводства, произведенная в колхозах района, снизилась на 35,8 % (в 1975 г. она составила 14,0 %, в то время как в 1965 г. этот показатель равнялся 49,8 %) [6, с. 85]. Частично снижение производства объяснялось сильнейшими засухами 1972 и 1975 гг. Колхозам потребовалось провести огромную работу, чтобы без больших издержек преодолеть бескормицу, не допустить серьезного ущерба, а потом не только восстановить, но и увеличить поголовье скота и производство продукции [8, л. 33]. Неблагоприятные природные явления вызвали трудности во всех отраслях сельского хозяйства, но основной урон от них понесло растениеводство.

Ведущей сельскохозяйственной отраслью колхозов района быстро становилось животноводство, основу которого составляло скотоводство. О возрастании его значения красноречиво говорят цифры: если в 1965 г. на животноводство приходилось 47,4 % от всей товарной продукции, выпускаемой колхозами, то в 1970 г. – 59,8 %, а в 1975 г. – 81,6 % [6, с. 85].

Местные власти предпринимали усилия для дальнейшего развития этой перспективной для района отрасли, вкладывая в нее немалые средства. За годы IX (1971–1975) и X (1976–1980) пятилеток (к началу 1979 г.) на развитие животноводства было израсходовано около 20 млн руб. В 1979 г. по сравнению с 1971 г. продажа государству мяса колхозами района возросла на 37 %, молока – на 44 % [8, л. 33].

Рост производства мяса, молока и шерсти сдерживался недостаточной численностью поголовья скота. На протяжении длительного времени этот показатель рос медленно либо оставался практически на одном уровне. Так, в начале 1966 г. во всех категориях хозяйств поголовье КРС составляло 25,7 тыс. голов, в начале 1971 г. – 27,5 тыс., в начале 1973 г. – 25,0 тыс. голов [4, с. 83–84]. К 1976 г. удалось добиться увеличения поголовья до 29,9 тыс., но затем на протяжении нескольких лет показатель практически не менялся: в 1982 г. он также составлял 29,6 тыс. голов. К 1984 г. поголовье выросло до 34,9 тыс., однако уже на начало следующего, 1985 г., снова снизилось до 33,8 тыс. голов [5, с. 106]. При этом в районе имелись и удачные примеры. Например, в колхозе им. Тимирязева с 1971 по 1978 г. поголовье КРС увеличилось на 20 %, в результате производство мяса здесь за 8 лет возросло на 53 ц, план продажи государству молока увеличился на 77 %, мяса – на 64 % [8, л. 34].

Несмотря на сложные погодные условия, самоотверженный труд колхозников обеспечивал общий рост производства сельскохозяйственной продукции. Ее среднегодовой объем в X пятилетке увеличился по сравнению с 1961–1965 гг. на одну треть [10, л. 56]. Более конкретно о росте продукции сельского хозяйства в районе говорят следующие данные (см. табл.).

Таблица

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции (в среднем за год – тонн)

	1961–1965 гг.	1976–1980 гг.	Рост (в %)
Зерно	24 234	30 561	126
Мясо	1834	2268	124
Молоко	95 762	136 729	143

Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 26. Д. 1. Л. 56.

Естественно, увеличились и закупки этой продукции [10, л. 56]. В целом в 1982 г. по сравнению с 1965 г. производительность труда в колхозах возросла почти в 2 раза [10, л. 56]. Одновременно численность работников, непосредственно занятых в аграрном секторе экономики, снижалась, росли денежные доходы трудящихся.

Происходило также дальнейшее усиление материально-технической базы колхозов. Основные фонды сельскохозяйственного назначения за период с 1965 по 1975 г. выросли в 2,6 раза, их активная часть – в 2,4 раза. На начало 1976 г. они составили 29,7 млн руб., в том числе их активная часть – 5,6 млн руб. [6, с. 89]. Новый импульс укреплению материально-технической базы дало постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 20 марта 1974 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Колхозы стали лучше насыщаться техникой, в них поступало больше минеральных удобрений и средств защиты растений, увеличивались капитальные вложения в строительство и мелиорацию [7, л. 15]. Так, за годы X пятилетки в сельское хозяйство района направили 27,3 млн руб. государственных и колхозных средств, что было на 48 % больше, чем за 1971–1975 гг. [9, л. 6].

Рост производительности труда в сельском хозяйстве во многом обеспечивался его механизацией. За рассматриваемый период в районе были полностью механизированы работы по обработке почвы, севу, а также по уборке зерновых и силосных культур. Тракторный парк, составлявший в 1965 г. 224 единиц техники, в 1975 г. составил 378 единиц, число комбайнов возросло с 151 в 1965 г. до 215 в 1975 г., грузовых автомобилей – с 157 в 1965 г. до 235

в 1975 г. [6, с. 90]. За период 1976–1980 гг. колхозы получили еще 322 трактора, 176 комбайнов, почти 100 автомобилей и другую технику [9, л. 6]. Однако из-за напряженной работы колхозов по выполнению спускаемых сверху планов, неблагоприятных погодных условий, а в некоторых случаях и неправильной эксплуатации техника часто ломалась и выходила из строя. Об этом свидетельствует такой факт: лишь за осенне-зимний период 1982–1983 гг. районным объединением «Сельхозтехника» было отремонтировано 177 тракторов, 59 автомобилей, 88 двигателей и 93 тракторных тележек [11, л. 6].

В колхозах росло потребление электроэнергии: в 1975 г. по сравнению с 1970 г. этот показатель вырос на 120,1 % [6, с. 90]. Это стало возможно благодаря успешно осуществленной электрификации – уже к 1967 г. из 121 населенного пункта района было электрифицировано 119. Тем не менее во второй половине 1960-х гг. в электроснабжении многих колхозов и населенных пунктов все еще сохранялись «узкие места», во многом связанные с тем, что подстанции района не были закольцованы с другими электролиниями. Нередко это вызывало аварии с последующей остановкой производства, поэтому укрепление энергетического хозяйства района продолжалось и в 1970-е гг. Так, за 2 года и 10 месяцев в течение 1976–1978 гг. на эти цели было израсходовано более 1 млн руб., построено 170 км электролиний, резко возросла трансформаторная мощность. В результате за 1978 г. район получил от государства и использовал более 25 млн кВт/ч электроэнергии (в 1,2 раза больше, чем в 1975 г.). Велось строительство Аксельской, Кушкинской и Пурдошанской подстанций, осуществлялись работы по увеличению мощности Темниковской подстанции [7, л. 10]. Значительно улучшило состояние сельского электрохозяйства вновь созданное объединение «Райсельхозэнерго» [7, л. 11].

Большая работа была проделана и по расширению в районе средств связи. К середине 1970-х гг. со всеми хозяйствами удалось наладить телефонную связь, всего же было установлено 1370 служебных и квартирных телефонов. Район также был полностью радиофицирован, со всеми колхозами имелась диспетчерская связь [6, с. 84].

На селе постепенно рос уровень жизни, становились выше денежные доходы населения (например, за 1976–1978 гг. они выросли на 28,4 %) [7, л. 19]. Наиболее наглядно это подтверждается значительным повышением спроса на товары и услуги. В 1971 г. розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли в районе составлял 15,6 млн руб. [4, с. 149–150]. К концу 1978 г. товарооборот равнялся уже 21 млн руб., причем по информации первого секретаря райкома КПСС А.С. Кулакова, по объему продажи товаров в расчете на душу населения Темниковское райпо среди других сельских районов республики занимало первое место [7, л. 20]. В 1980 г. показатель товарооборота в районе достиг 24,2 млн руб., а в 1983 г. –

26,8 млн руб., после чего незначительно снизился, составив в 1985 г. 26,0 млн руб. [5, с. 211]. В районе также активно вводилось в эксплуатацию жилье: например, только за 1976–1980 гг. было построено 27 700 кв. м жилья [10, л. 9]. Медленно, но уверенно улучшалась районная система здравоохранения, образования, культуры.

Однако наряду с позитивными моментами сохранялись и проблемы, сдерживавшие развитие аграрной отрасли. Местные власти пытались решать их с переменным успехом, используя свои не всегда достаточные возможности. В середине 1960-х гг. в районе остро стоял вопрос со строительными материалами. Возведению новых производственных построек в хозяйствах часто мешало отсутствие кирпича, который приходилось завозить извне. «Нас связывает по рукам и ногам нехватка материалов для строительства животноводческих помещений», – жаловался председатель колхоза им. XXII партсъезда И.М. Михеев и далее приводил пример, как плохо было организовано производство на месте: «…в селе Кадышево есть пункт по производству кирпича, принадлежащий межколхозной организации. Еще весной там посажено в печь сорок тысяч штук сырца, и до сих пор не могут найти специалиста-обжигальщика. Разве это хозяйский подход к делу?» [3]. При этом хотя районный промкомбинат выполнял план, его продукции не хватало, а строительный материал получался низкого качества. К тому же, как указывал в 1965 г. председатель Госплана МАССР, Темниковский кирпичный завод не был полностью укомплектован кадрами [2]. Для решения проблемы во второй половине 1960-х гг. около с. Пурдошки были проведены изыскательные работы по обследованию сырья, там планировалось начать возведение кирпичного предприятия [14, л. 110].

Еще одним традиционно слабым местом достаточно большого по площади района оставались дороги, соединявшие хозяйства с районным центром и железнодорожными станциями. «Все мы голосуем за хорошие дороги, и они нам нужны как воздух, – отмечалось председателем Темниковского райисполкома 27 ноября 1975 г., – но когда дело доходит до практического участия в строительстве, тут далеко не все руководители предприятий и колхозов относятся с чувством государственной ответственности» [15, л. 208]. Пригодных для использования в межсезонье дорог с твердым покрытием не хватало, даже несмотря на увеличение объемов их строительства (например, только за 1971–1975 гг. было построено 100 км дорог). Большим достижением для района стало завершение возведения постоянного железобетонного моста через р. Мокшу возле г. Темникова в первой половине 1970-х гг. [15, л. 168].

Несмотря на внешне благополучные социально-экономические показатели, в рассматриваемый период в районе начали сильнее проявляться кризисные явления. Они имели место и в промышленности, но особенно заметны были в аграрной сфере и на селе в целом. Уже во второй половине 1960-х –

начале 1970-х гг. наблюдалось отрицательное сальдо миграции из сельской местности. Так, в 1965 г. в районе проживало 40,2 тыс. чел., в 1970 – 37,2 тыс., в 1976 – 32,1 тыс. (как уже отмечалось выше, основная их часть была сельскими жителями). За 10 лет, с 1966 по 1976 г., население района сократилось на 20,1 %. Изменялась и демографическая ситуация на селе: если в 1965 г. естественный прирост составлял 8,9 чел. на 1000 жителей, то в 1970 г. – 3,3 [6, с. 82].

Назревающий кризис проявлялся и на обыденном уровне. В райисполкоме фиксировались факты грубого нарушения трудовой дисциплины в отдельных хозяйствах, пьянства, самогоноварения, тунеядства [15, л. 171]. Развитие колхозов во многом сдерживало административное давление сверху, многочисленные указания и инструкции, зачастую не отвечавшие ни местным условиям, ни требованиям экономических законов. Это, вкупе с отсутствием реальной самостоятельности хозяйств, приводило к незаинтересованности колхозников в повышении производительности труда [1, с. 318]. Все больше распространялся и такой порок командно-административной системы, как приписки и искажение отчетности, когда местные руководители старались приукрасить свои достижения перед вышестоящими структурами. Иногда они принимали значительный размах: в конце 1984 г. контролирующие органы вскрыли в районе факт приписки заготовок молока на 200 т. 9 января 1985 г. бюро Мордовского обкома партии, рассматривая этот вопрос, отмечало, что советско-партийные руководители Темниковского района «не приняли мер к предотвращению фактов обмана государства, допускали порочную практику организации заготовок путем вызова руководителей хозяйств и оформления договоров, актов о продаже и сохранности картофеля без надлежащей приемки на местах» [12, л. 23]. В результате вскрытия нарушений в проведении государственных заготовок и некоторых других фактов председатель райисполкома и первый секретарь райкома партии лишились своих должностей, причем последнего руководителя исключили из рядов КПСС [12, л. 25].

Однако нельзя сказать, что Темниковский район в этом плане как-то выбивался из общей тенденции. На его территории происходили явления, свойственные в тот период для республики и страны в целом. После бурных и не всегда продуманных хрущевских преобразований народное хозяйство района, как и всей Мордовской АССР, получило возможность для поступательного развития. Кропотливый ежедневный труд колхозников, рабочих и служащих обеспечивал стабильные показатели в развитии экономики. Немаловажным является тот факт, что наряду с ростом производства улучшался и уровень жизни населения. К сожалению, обратной стороной стабильности стали нарастающие негативные явления в аграрной сфере, корни которых находились в установившейся идеологической, политической и экономической системе в стране, поэтому от действий властей отдельно

взятого района мало чего зависело. В данном случае можно говорить лишь о реализации на месте властных решений, исходивших сверху, в то время как инициатива снизу не поощрялась. Тем не менее, как пишет профессор В.А. Юрчёнков, в середине 1980-х гг. в обществе стали ощущаться неизбежность и необходимость экономических реформ [16, с. 582]. Попытки решения накопившихся проблем были предприняты в последующий период, когда пришедший к власти в 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев взял курс на перестройку.

Список источников и литературы

1. *Бикейкин Е.Н.* Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Саранск: НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 448 с.

2. *Есин С.* Снять «опалу» с кирпича // Советская Мордовия. 1965. 1 июля.

3. *Михеев И.* Нельзя стоять на месте! // Советская Мордовия. 1965. 10 сентября.

4. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки 1971–1975. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 205 с.

5. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки 1981–1985. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 198 с.

6. Природная и социально-экономическая характеристика районов МАССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. 383 с.

7. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 179-П. Оп. 18. Д. 1.

8. ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 20. Д. 1.

9. ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 22. Д. 1.

10. ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 26. Д. 1.

11. ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 28. Д. 21.

12. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 375.

13. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 76.

14. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 679.

15. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 239.

16. *Юрчёнков В.А.* Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 612 с.

S.A. Ivliev,
P.S. Uchvatov

AGRICULTURE IN THE TEMNIKOVSKY DISTRICT OF THE MORDOVIAN ASSR IN THE «EPOCH OF STABLE DEVELOPMENT» (1965–1985)

Abstract. The article analyzes the peculiarities of agricultural development in the period of late socialism in 1965–1985 on the example of Temnikovsky district of the Mordovian ASSR. The choice of the topic is dictated by local material more clearly studying the main tendencies of socio-economic development of society.

Keywords: agrarian sphere, socio-economic development, collective farms, «developed socialism», the Temnikovsky district.

УДК 94(470.345).084.8

Т.Н. Кадерова

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОРДОВИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942)

Аннотация. В статье на примере Темниковского района МАССР рассматривается развитие сельского хозяйства, трудовой героизм колхозного крестьянства в начальный период войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, колхозное крестьянство, сельское хозяйство, Мордовская АССР, Темниковский район.

Начавшаяся Великая Отечественная война предъявила высокие требования к сельскому хозяйству и колхозному крестьянству страны.

Перед сельским хозяйством Мордовии встали следующие первостепенные задачи: своевременная уборка урожая, проведение заготовок сельскохозяйственных продуктов, прием и размещение эвакуированного скота и других материальных ценностей, обеспечение готовности к зиме и весенне-посевной кампании, подготовка новых кадров и др. Главной проблемой была нехватка рабочих рук.

Серьезным испытанием для крестьянства Мордовии явилась уборка первого военного урожая. В Темниковском районе, как отмечают источники, она прошла организованно. Главная проблема первой военной страды – нехватка рабочих рук – решалась путем привлечения женщин, стариков и подростков.

«На уборку урожая в 1941 г. выходят буквально все, – писала районная газета Темниковского района, – от 10–12-летнего школьника до 70–80-летнего старика. Тысячи колхозников перевыполняют нормы выработки в полтора-два раза» [1].

Звеньевые колхоза им. Ворошилова Русско-Караевского сельского совета Темниковского района П.А. Якуничкина и Т.П. Ефремкина организовали работу в звеньях так, что каждая жница серпом вместо нормы 0,12 га сжинала 0,18–0,19 га в день [4].

На уборке урожая в колхозе «Бренче Май» Татарско-Тювеевского сельского совета Темниковского района первое место заняло звено А.Х. Поздняковой, члены звена которой вместо нормы 0,12 га сжинали по 0,15–0,16 га в день [4].

Восемь звеньев взрослых и три звена подростков работали на уборке урожая в колхозе «Алга Бар» Татарско-Тювеевского сельского совета Темниковского района. Звенья М.П. Иошкиной и А.Х. Утешевой с первых же дней уборки перевыполняли нормы выработки на жнитве серпами. Вместо нормы 0,12 га они ежедневно сжинали по 0,16–0,18 га [4].

В колхозе им. Молотова Ишейского сельского совета Темниковского района в звене П.Ф. Масловой колхозницы выжинали ежедневно по 0,26 га вместо 0,15 га по норме; в звене А.В. Базаркиной – по 0,22 га; в звене А.Г. Горбуновой – по 0,21 га. В поле работали не только взрослые, но и старики и подростки Ишейской неполной средней школы. Так, в звене школьников, которым руководила ученица 7-го класса Савостьянова Нюра, ежедневно выжинали по 0,19 га на каждого. Старики С.И. Толмачев и И.Е. Шульгин ежедневно выкашивали по 0,7 га вместо нормы в 0,5 га [5].

На жнитве серпами передовые колхозницы колхоза «Крестьянин» д. Дербишево Кондровского сельского совета Темниковского района норму выработки выполняли на 400 %. Колхозница Е.К. Кондрашкина ежедневно сжинала до 0,4 га вместо нормы 0,1 га [5].

На 15 августа 1941 г. колхозами Темниковского района был выполнен полностью план сенокошения и раннего силосования. Колхозы Старогородского, Алексеевского, Итяковского, Сатисского, Ишеевского, Матвеевского сельских советов обеспечили своевременную подготовку к уборке урожая и успешно закончили уборку озимых культур, развернули молотьбу и скирдование [9, л. 75].

Наряду с этим, как отмечалось в выступлении первого секретаря Темниковского райкома ВКП(б) П.Ф. Хавченко на IX пленуме 16–17 августа 1941 г., колхозы «Красное знамя», «17 партсъезд» Бабеевского сельского совета, «Выдвиженец», «3-й год первой пятилетки» Кондровского сельского совета и др. до сих пор «преступно медлят с проведением уборки урожая, не организовали еще массовой производительной работы всех трудоспособных колхозников и подростков на полевых работах» [9, л. 75].

В большинстве колхозов Темниковского района слабо велась работа по подготовке почвы под посевы озимых культур, отсутствовала культивация.

На 15 августа 1941 г. по Темниковскому району было скошено озимых хлебов только 4145 га из плана 7747 га, к скирдованию, обмолоту, сдаче хлеба государству и к севу озимых, за исключением 5 колхозов, практически не приступали. Поэтому IX пленум Темниковского райкома ВКП(б) постановил: «1) Немедленно устранить указанные недостатки в организации уборки урожая и сева озимых культур; 2) Решительно повысить трудовую дисциплину среди колхозников, организовать начало полевых работ во всех колхозах каждодневно с 3 часов утра и окончание работы не ранее 9 часов вечера, мобилизуя всех колхозников на перевыполнение норм выработки и решительно пресекать случаи невыхода на работу, преждевременного ухода

с работы и опаздывания на работу; 3) В 2-дневный срок составить по каждому колхозу график сдачи хлеба государству по пятидневкам и до 18 августа довести график до каждого колхоза, обеспечив строгое его соблюдение колхозами; 4) Полностью использовать все имеющиеся у колхозов самосбросски и лобогрейки, организуя работу не менее 20 часов в сутки. Одновременно с этим усилить работу колхозников серпами и косами» [9, л. 76–77].

Все пункты постановления IX пленума Темниковского райкома ВКП(б) были выполнены, и в 1941 г. Темниковский район был одним из немногих районов республики, кто завершил уборку урожая в срок [7, с. 238].

Сложная ситуация в районе сложилась со сдачей хлеба государству. Она была обусловлена, во-первых, погодными условиями. В период уборки шли частые дожди, и значительное количество хлеба следовало помещать в сушилки, которых было очень мало. Во-вторых, почти весь хлеб из-за отсутствия автомашин вывозили на лошадях. Причем все сельскохозяйственные работы (уборку, молотьбу, вывоз хлеба в хлебоприемные пункты) приходилось проводить одновременно [8, с. 183]. Вышеперечисленные факторы привели к тому, что на 1 декабря 1941 г. план хлебопоставок колхозами Темниковского района был выполнен только на 55 %. Отставали следующие сельские советы: Лесно-Цибаевский, Тархановский, Енгуразовский, Лаврентьевский, Бабеевский, Польско-Цибаевский [11, л. 22].

В трудных условиях проходил весенний сев 1942 г. Весна пришла с большим опозданием, и полевые работы начались позже. Сев проводился поспешно, в основном вручную. С помощью тракторов было засеяно около четверти всей площади. Несмотря на эти объективные трудности, весной 1942 г. большинство колхозов Темниковского района лучше, чем в 1941 г., подготовились к весеннему севу, провели его организованно и с высоким качеством работ. Так, на 25 мая 1942 г. из 74 колхозов Темниковского района 50 полностью закончили все весенне-полевые работы. Из плана сева 12 585 га было посеяно 11 030 га. Организованностью и самоотверженностью на весенне-полевых работах отличились колхозники и председатели колхозов им. Ворошилова, «2-я большевистская весна» Итяковского сельского совета, «Комбайн» Тархановского сельского совета, «18 партсъезд» Алексеевского сельского совета, «Светлый путь» Енгуразовского сельского совета, «Красный Октябрь» Матвеевского сельского совета, «Красная Мордовия» Лесно-Ардашевского сельского совета, «16 партсъезд» Бабеевского сельского совета, «Путь 2-й пятилетки», им. Кирова, им. Чапаева Ишеевского сельского совета и др. [10, л. 32]. За успешное проведение весеннего сева на республиканскую Доску почета были занесены колхозы им. Ворошилова Итяковского сельского совета, «Комбайн» Тархановского сельского совета, «18 партсъезд» Алексеевского сельского совета [10, л. 32].

В 1942 г. Темниковскому району за успешное проведение весеннего сева было вручено переходящее Красное знамя СНК МАССР и обкома

ВКП(б). Район первым в Мордовской АССР в 1942 г. выполнил план весеннего сева [9, л. 72].

Однако в некоторых колхозах Темниковского района: им. Ворошилова, «Веселый», «Дружный», «1 мая» Лесно-Цибаевского сельского совета, «7-й съезд Советов» Польско-Цибаевского сельского совета, им. Ворошилова, им. Чапаева Лаврентьевского сельского совета – «допущена затяжка весеннего сева, до сих пор еще не полностью закончен сев зернобобовых культур» [9, л. 33].

В ходе подготовки к уборке урожая 1942 г. в Темниковском районе сложилось тяжелое положение с обеспечением техники горюче-смазочными материалами и запчастями. Вследствие этого во всех МТС резко вырос процент простаивавшей техники, большая часть работ выполнялась вручную.

Однако, несмотря на серьезные сбои в работе машинно-тракторного парка, уборочная в 1942 г. прошла успешно, чему способствовали благоприятные метеорологические условия. Обильные весенние дожди летом сменились устойчивой сухой погодой, которая удерживалась на протяжении всего периода уборочной [7, с. 228].

На 10 августа 1942 г. во всех 74 колхозах Темниковского района озимые культуры были убраны полностью на площади свыше 8 тыс. га и к 20 сентября в районе в основном закончили уборку всех зернобобовых культур.

Лучше, чем работа МТС, был организован труд крестьян. Большинство колхозников и колхозниц Темниковского района перевыполнили минимум трудодней, и по 63 колхозам из 74 не имелось ни одного колхозника и колхозницы, не выработавших установленного минимума трудодней [9, л. 41].

В колхозе им. Ворошилова Итяковского сельского совета в ходе уборки урожая все женские звенья выполняли свои дневные задания на 170–200 %. Особенно выделялись звенья М.И. Пашкиной и П.А. Малышевой. Колхозницы их звеньев вместо нормы 0,13 га в день выжинали по 0,25–0,26 га при отличном качестве работы. Косари звеньев Белова и Илюшина выкашивали в день по 0,9 га вместо нормы 0,4 га [3].

При подведении итогов полевых работ на правлении колхоза «13 год Октября» Старогородского сельского совета председатель колхоза Афонин отметил хорошую работу звеньев Т.Г. Канаевой, А.С. Зубаревой, М.Г. Кобяковой и П.З. Кулагиной, которые выполняли нормы выработки на 160–200 %. Так, за лето Т.Г. Канаева выработала 191,52 трудодня, А.С. Зубарева – 263,94, М.Г. Кобякова – 224,62, А.С. Семина – 196,88 трудодня [6].

Во всех сельскохозяйственных работах в 1942 г. принимали активное участие учителя и учащиеся школ. Ими выработано 53 тыс. трудодней, создана 41 бригада для уборки урожая [10, л. 15].

Наряду с положительными моментами в работе по уборке урожая XIV пленум Темниковского райкома ВКП(б) подчеркивал, что «в колхозах района был допущен ряд серьезных недостатков. В том числе: медлительность в об-

молоте хлеба. На 15 сентября обмолочено лишь 48 %. План хлебопоставок на 11 сентября выполнен только на 22,3 %. Многие колхозы медленно убирают картофель: из 1346 га убрано только 500 га» [10, л. 41].

Большая работа руководством района, председателями колхозов проводилась по выполнению хлебозаготовок. В 1942 г. Темниковский район, наряду с Зубово-Полянским, Дубенским, Торбеевским и Краснослободским районами Мордовской АССР, выполнил полностью план хлебопоставок [8, с. 184–185].

Таким образом, несмотря на тяжелейшие условия начального периода Великой Отечественной войны, колхозы Темниковского района смогли вовремя провести уборку урожая и весенне-полевые работы, выполнить план хлебопоставок государству в полном объеме. Это достигалось благодаря самоотверженному труду крестьян.

Список источников и литературы

1. Колхозный путь. 1941. 20 июля.
2. Колхозный путь. 1942. 20 июля.
3. Колхозный путь. 1942. 2 августа.
4. Колхозный путь. 1942. 10 августа.
5. Колхозный путь. 1942. 24 августа.
6. Колхозный путь. 1942. 27 сентября.
7. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Юрченкова; НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. 384 с.
8. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В.А. Юрченкова; НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. 424 с.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 179-П. Оп. 1. Д. 164.
10. ЦГА РМ. Ф. 179-П. Оп. 1. Д. 181.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 191.

T.N. Kaderova

THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN MORDOVIA IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1942)

Abstract. The article considers the development of agriculture, labor heroism of collective farm peasantry in the initial period of the war on the example of the Temnikovsky district of the Mordovian ASSR.

Keywords: the Great Patriotic War, collective farm peasantry, agriculture, the Mordovian ASSR, the Temnikovsky district.

УДК 94(470)”1980/1989”

П.С. Краснов

ПЕРЕСТРОЙКА 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ АМБИЦИИ МОЛОДОГО РУКОВОДИТЕЛЯ?

Аннотация. Статья посвящена известному историческому периоду – перестройке в 80-х годах XX столетия. Источниковой базой для исследования явились решения партийных и государственных органов, выступления и воспоминания бывших советских руководителей. Автор порой подтверждает, чаще – опровергает сложившиеся в отечественной историографии стереотипы.

Ключевые слова: перестройка, ускорение, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, К.У. Черненко.

Последние годы существования СССР как государства прошли под лозунгами горбачевской перестройки. Она всколыхнула мир, потрясла великую державу, в том числе ее территориальную целостность, внесла значительные изменения в общественное сознание населения первого в мире социалистического государства. При этом перестройка за короткий исторический период прошла путь от полного своего одобрения через сомнение и неверие до крайнего неприятия.

Многие ведущие и известные в стране экономисты, философы, социологи и публицисты на призывы к перестройке откликнулись своими фундаментальными трудами и остросюжетными комментариями. Ускорение социально-экономического развития страны, экономическая реформа, обновление и демократизация общества, новое мышление – лейтмотивы большого количества исследовательских работ [1–5; 9; 20; 29; 30]. Исследователи отмечают также активную роль ставших в кратчайшие сроки популярными журналов «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», газет – «Литературная газета», «Московские новости», а также публицистов: Г. Попова, Н. Шмелева, И. Клямкина, Ю. Карякина [8, с. 52–53].

В известной степени «особняком» стоит книга Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, аксиоматичного автора и инициатора перестройки [10]. Руководитель партии при этом подчеркивает: «Книга – не научный трактат и не пропагандистская публицистика... Скорее всего, это – рассуждения и размышления о перестройке, о проблемах, которые перед нами встали, о масштабах перемен, о сложности, ответственности и неповторимости нашего времени... Это – книга о наших замыслах, о том, как мы их собираемся реализовать» [10, с. 3].

Располагая такой достаточно богатой историографией, автор тем не менее считает возможным и необходимым вернуться к 80-м годам прошлого столетия, несколько по-иному взглянуть на известные исторические события, подтвердить или опровергнуть устоявшиеся догмы в оценках деятельности руководителей партии и государства тех лет. В качестве новых источников при этом видятся материалы пленумов ЦК КПСС, заседаний его Политбюро и Совета Министров СССР. Несомненный интерес представляют и мемуары известных политических и государственных деятелей советского периода [12; 18; 19].

В годы, предшествующие перестройке, экономика страны находилась в крайне тяжелом состоянии. Как отмечает А.Г. Аганбегян: «Возникла небывалая для нашей страны ситуация стагнации экономики, предкризисная ситуация. Такое положение особенно было характерно для периода 1979–1982 гг., когда производство 40 % промышленной продукции сокращалось. Сельское хозяйство деградировало; все эти годы оно не могло достичь по объемным показателям уровня 1978 г. Ввод в действие производственных мощностей резко сократился, ухудшилась динамика всех показателей эффективности общественного производства: практически не увеличилась производительность труда, снижалась эффективность капиталовложений, усилилось падение фондоотдачи. Потом, к концу одиннадцатой пятилетки, удалось немного поправить положение. Но в целом пятилетний план оказался невыполненным, страна попала в тяжелое экономическое положение. Негативные тенденции развивались, во многих сферах возник застой» [5, с. 8–9].

Крайне отрицательную и эмоциональную оценку дает и Н.И. Рыжков: «“Душность” атмосферы в стране к этому моменту достигла, по-моему, максимума: дальше – смерть. Практически прекратился рост жизненного уровня людей... Остановился рост доходов государства... Врали в отчетах, в газетах и с высоких трибун» [19, с. 33].

Здесь мы не можем в полной мере согласиться с высказыванием признанного академика-экономиста. Рост национального дохода, так же как и валового общественного продукта, происходил от пятилетки к пятилетке, однако темпы их роста замедлялись. Как видно из материалов официальной статистики, среднегодовой рост произведенного национального дохода в 1966–1970 гг. составил 7,8 %, в 1971–1975 – 5,7; 1976–1980 – 4,3; 1981–1985 – 3,6 % соответственно. Это было характерно как для промышленности, так и для сельского хозяйства. Промышленность показывала следующую динамику: 8,5 %; 7,4; 4,4 и 3,7 %, а в сельском хозяйстве цифры были еще более удручающими: 3,9 %; 2,5; 1,7 и 1,0 % соответственно [16, с. 51].

Безусловно, строгое администрирование в плановой экономике зеркально отражалось на результатах отраслей народного хозяйства всего Совет-

ского Союза, в том числе и ее составляющих территорий, как больших, так и малых. Так, среднегодовые темпы прироста общего объема продукции промышленности в Чувашской АССР в VIII пятилетке (1966–1970) составили 13,0 %, в IX (1971–1975) – 11,2 %, в X (1976–1980) – 6,0 %, в XI (1981–1985) – 7,7% [17, с. 27].

Не лучше обстояли дела и в сельском хозяйстве. Среднегодовая валовая продукция в 1976–1980 гг. по сравнению с предыдущей пятилеткой снизилась на 10 %. Отчасти это можно объяснить погодными условиями. Однако, если взять для расчетов 10-летний период (в целях максимального снижения фактора сезонности), то можно увидеть весьма красноречивую картину. Валовая продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.) за 1966–1975 гг. составила 5,3 млрд руб., за последующее десятилетие эта цифра достигла значения 5,8 млрд руб. со среднегодовым приростом менее 1 % [17, с. 38].

Таким образом, и экономика Чувашской АССР в первой половине 1980-х гг. вступала в период стагнации.

В этой связи не можем не упомянуть коллективную монографию, авторами которой являются по сути высшие партийные и государственные деятели Чувашии [28]. Как правило, это выпускники Академии общественных наук при ЦК КПСС, имеющие ученые степени кандидатов экономических, исторических, юридических или философских наук. К сожалению, кроме победных реляций, мы здесь не видим, даже постановочно, обозначения каких-либо проблем в народно-хозяйственном комплексе региона.

Интересной представляется экстраполяция темпов убывания среднегодовых приростов основных показателей социально-экономического развития страны (в %), осуществленная Н.В. Злобиным [11, с. 32]:

	Годы								
	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025	2026–2030
Национальный доход	2,9	2,2	1,5	0,8	0,1	Отрицательный			
Промышленная продукция	2,5	1,3	0,1	Отрицательный					
Капитальные вложения	3,3	2,9	2,5	2,1	1,7	1,3	0,9	0,5	0,1

Как видим, экономика, ключевые ее показатели неуклонно приближались к опасной черте. Уже на рубеже тысячелетий как национальный доход, так и промышленная продукция прекращали свой рост. Капитальные же вложения, без которых невозможно функционирование любой экономической системы, асимптотически приближались к нулевому своему значению. Возникла необходимость в принятии быстрых и неординарных решений по пре-

образованию народно-хозяйственного комплекса страны, совершенствованию всей системы управления ею.

11 марта 1985 г. состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел организационный вопрос. Генеральным секретарем ЦК КПСС единодушно был избран М.С. Горбачев. Представляя кандидатуру нового партийного лидера, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко дал ему весьма лестную характеристику: «Это человек принципов, человек сильных убеждений. Он всегда держит в центре внимания суть вопроса, содержание его, принципы, высказывает прямо свою позицию... Михаил Сергеевич – человек острого и глубокого ума, широкой эрудиции и по образованию, и по опыту работы... Суждения Михаила Сергеевича отличаются зрелостью и настойчивостью... В лице Михаила Сергеевича Горбачева мы имеем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося» [14, с. 6–8].

В отечественной историографии незыблем тезис о том, что курс на ускорение социально-экономического развития страны определил апрельский (1985) Пленум ЦК КПСС. Далеко не в полной мере соглашаясь с этим, рассмотрим речь М.С. Горбачева после избрания его на высокий партийный пост.

Генеральный секретарь, отдав дань таланту и организаторским способностям своих предшественников, отметил на заседании мартовского пленума: «Стратегическая линия <...> была и остается неизменной. Это – линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет и о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика» [14, с. 9].

При этом М.С. Горбачев говорил также о расширении прав, повышении самостоятельности и ответственности предприятий, усилении их заинтересованности в конечных результатах работы. Подчеркнул необходимость совершенствования и развития демократии, системы самоуправления, повышении роли советов, активизации профсоюзов, комсомола, народного контроля – повышении трудовой и социальной активности советских людей в целом. Немаловажный аспект – расширение гласности в работе партийных, советских и общественных организаций [14, с. 10–11].

На апрельском же Пленуме М.С. Горбачев повторил все то, что сказано было на предыдущем партийном форуме, только расширив и углубив некоторые свои тезисы. Однако в них есть одна особенность. Впервые на высоком уровне прозвучали критика и самокритика органов партийного и государственного управления.

М.С. Горбачев, в частности, признав наличие в системе управления излишних звеньев, призвал их ликвидировать, упростить аппарат. Резко ограничить число различного рода инструкций, положений и методик. Уйти от кабинетного стиля работы, многочисленных заседаний и совещаний. Подчеркнул, что нельзя добиться эффективных результатов «пока партийный работник будет подменять хозяйственника, инженер – курьера, ученый – работать на овощной базе, ткачиха – на ферме», и что «урон идет от пустословия, от неумения говорить с людьми языком правды. И порою получается: человек слышит одно, а в жизни видит другое» [15, с. 12, 17–18, 20–21].

Еще один сюжет из текста его выступления. Весьма актуально звучат сегодня слова, сказанные при оценке международной обстановки: «США открыто претендуют на “право” вмешательства везде и всюду, игнорируют, а нередко и прямо попирают интересы других стран и народов, <...> создают очаги конфликтов <...> Всякого рода бойкоты и санкции создают в международных экономических отношениях обстановку напряженности и недоверия, дезорганизуют мировую экономику и торговлю...» [15, с. 23–24].

Доклад М.С. Горбачева назывался «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Пленум постановил созвать съезд 25 февраля 1986 г. и утвердил порядок дня высшего партийного форума [15, с. 29]. В решении – ни слова о поддержке ускорения курса социально-экономического развития страны. Однако доклад партийного лидера был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами. Продолжительные аплодисменты были и после выступления М.С. Горбачева на мартовском Пленуме ЦК КПСС. Таким образом, ни на одном из двух упомянутых ключевых форумов не принимались решения о поддержке или одобрении объявленного нового курса.

Вышесказанное дает нам основание утверждать, что не апрельский, а мартовский Пленум ЦК КПСС явился началом курса ускорения социально-экономического развития страны, перестройки ее народно-хозяйственного комплекса, системы управления и общественных отношений.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, изложив свою программу в первый же день своего избрания, создал ситуацию, которая наводит на определенные размышления, предположения и гипотезы. Заметим, пленум проходил на следующий день после кончины К.У. Черненко (ушел из жизни в 19 часов 20 минут). То, что за ночь подготовлен программный документ, вызывает большие сомнения. Кроме того, члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, претендующему на высший партийный пост, наверняка всю ночь пришлось заниматься делами по организации похорон своего предшественника, «договариваться» с высокой партийной элитой о своем пред-

стоящем избрании, готовиться к выступлению и т. д. Полагаем, высшая партийная иерархия уже была готова к воспроизведенному сценарию по изменениям в жизни политической элиты страны.

Данные обстоятельства возвращают нас в 1982 г.

12 ноября 1982 г., через два дня после кончины Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС, рассмотревший организационный вопрос. Участники пленума Генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно избрали Ю.В. Андропова, члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. С мая 1967 по май 1982 г. Юрий Владимирович занимал должность председателя Комитета государственной безопасности СССР. Содержание ответной речи нового партийного лидера несравнимо с аналогичным упомянутым выступлением М.С. Горбачева. Ю.В. Андропов прежде всего говорил о заслугах своего предшественника и вехах его биографии, только вскользь упомянув установку партии на техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления, улучшение организации труда, рост его производительности [6, с. 204–206]. Однако это уже было начало.

Ровно через 10 дней, на очередном Пленуме ЦК КПСС, Ю.В. Андропов открыто говорил о том, что плановые задания первых двух лет пятилетки не выполнены, переход народного хозяйства на рельсы эффективности и интенсификации осуществляется медленно. Подверг резкой критике топливно-энергетический и строительный комплексы, предприятия черной металлургии, положение дел на транспорте. Призвал **ускорить** (выделено нами. – *П.К.*) работу по совершенствованию всей системы управления экономикой, расширению самостоятельности предприятий, колхозов и совхозов, ускорению научно-технического прогресса, внедрению в производство достижений науки. Немалое место уделил подбору и расстановке кадров – компетентных, инициативных, с организаторскими способностями и чувством нового. Важнейшей задачей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов поставил повышение активности трудящихся в управлении государством, общественными делами через развитие демократии в самом широком смысле этого слова [6, с. 209–218].

1982 год завершился, на наш взгляд, еще одним программным заявлением нового руководителя партии. Выступая на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР, Ю.В. Андропов впервые также подчеркнул необходимость совершенствования размещения производительных сил с учетом региональной специализации и кооперации. В частности, указав, что развитие агропромышленного комплекса страны «требует более глубокой и последовательной специализации сельского хозяйства в масштабах всей страны» [21, с. 144].

В расширенном формате тезисы Ю.В. Андропова увидели свет в начале 1983 г. в журнале «Коммунист», выходившем в те годы с периодичностью один раз в две недели [7]. Автор подчеркнул также необходимость совершенствования системы материального и морального стимулирования труда, практики ее применения, усиления роли представительных органов власти [7, с. 16, 19].

На июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, посвященном идеологической и идейно-воспитательной работе партии, ее Генеральный секретарь, говоря о новой редакции Программы КПСС, отметил, что некоторые ее положения «не в полной мере выдержали проверку временем, так как в них были элементы отрыва от реальности, забегания вперед, неоправданной детализации», что необходима бульшая гласность в деятельности партийных и государственных органов, регулярная их отчетность перед населением, что много формализма и заорганизованности в проведении собраний, когда «нет заинтересованного, откровенного обсуждения, выступления участников заранее редактируются, а инициатива и тем более критика причесываются и приглушаются» [6, с. 286, 291, 292].

Как видим, тезисы выступления М.С. Горбачева на мартовском Пленуме ЦК КПСС (1985) по сути были озвучены Ю.В. Андроповым за два года до этого. В своих воспоминаниях А.И. Лукьянов отмечает, что Юрий Владимирович «был настроен на созидательный лад, на перестройку и модернизацию нашей экономической и политической системы...» [12, с. 115].

На наш взгляд, феномен Ю.В. Андропова тесно связан и является следствием работы его в предыдущей должности. Он 15 лет возглавлял КГБ СССР. Как никто в руководстве партией и государством владел информацией о том, что происходит в стране, ее народном хозяйстве и политической системе. Чувствовал настроения людей, видел происходящую динамику изменений в общественном мнении и сознании. В то же время «был весьма скуп в своих настроениях и чувствах, симпатиях и антипатиях» [18, с. 22], «он сам ничего не высказывал, только очень внимательно слушал и задавал короткие и точные вопросы, заставляя... раскрываться и говорить» [19, с. 33]. Отметим, что «внутренняя дисциплинированность, точная организованность, собранность в делах, нетерпимость к расхлябанности, пустопорожней болтовне – все это доминирующие черты Юрия Владимировича» [19, с. 43].

В такой ситуации возникла необходимость оформления комплексной программы по повышению эффективности функционирования народно-хозяйственного комплекса, совершенствованию систем управления им. По поручению Ю.В. Андропова рабочую группу по подготовке такой программы возглавили секретари ЦК КПСС Н.И. Рыжков и М.С. Горбачев. В нее вошли также известные ученые Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Г.А. Арбатов, О.Т. Бо-

гомолов, Т.И. Заславская, Н.Я. Петраков, С.Я. Ситарян и др. Ранее «экономистам потихоньку приходилось диссидентствовать – то в Госплане, то в экономических институтах» [19, с. 46].

Н.И. Рыжков вспоминает случай, когда первый заместитель председателя Госплана СССР В.Д. Лебедев написал записку в ЦК КПСС, где объективно показал состояние экономики страны того времени. Дело закончилось тем, что автор на заседании Политбюро ЦК КПСС был обвинен в клевете на светлое настоящее [19, с. 34–35]. Безусловно, Лебедевы были не одни, и об этом не мог не знать Ю.В. Андропов.

На очередном декабрьском (1983) Пленуме ЦК КПСС Ю.В. Андропов «в силу временных причин» не смог принять участие. Он отправил текст своего выступления, в котором, в частности, отмечалось: «Возросли темпы экономического роста, несколько повысились качественные показатели. В общем наметился положительный сдвиг в народном хозяйстве» [22, с. 64].

С 13 февраля 1984 по 10 марта 1985 г. пост Генерального секретаря ЦК КПСС занимал К.У. Черненко. Этот период менее всего освещен в отечественной историографии, тем не менее он также заслуживает отдельного рассмотрения, ибо автор в них находит некоторые новеллы в постановке задач партийным и государственным органам, оценке складывающейся политической и социально-экономической ситуации в стране.

Высоко оценив работу своего предшественника, К.У. Черненко отмечал, что Ю.В. Андропов «ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70–80-х годов», что «в серьезной **перестройке** (выделено нами. – *П.К.*) нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась» [13, с. 9, 14–15].

В официальном же сообщении впервые прозвучала оценка деятельности Ю.В. Андропова, который много внимания уделял «линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплине, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа» [13, с. 4].

Предпримем попытку вычленить некую новизну в выступлениях и публикациях К.У. Черненко, которых было не так много. Выступая на заседании Комиссии по подготовке новой редакции Программы КПСС, он впервые призвал избегать в ней необоснованных обещаний и прогнозов [26, с. 6]. Несколько позже в журнале «Коммунист» увидела свет претендующая на фундаментальность статья Генерального секретаря [27]. В ней он первым

из руководителей партии упомянул творческие союзы, человеческий фактор производства, сказал о важности более четкого разграничения функций советов, профсоюзов, комсомола, других общественных организаций [27, с. 8, 15–16]. Все остальное – набор тезисов и мыслей, поставленных задач – уже ранее были озвучены предыдущим руководителем. Тем не менее стало очевидно, что рабочая группа «Рыжков–Горбачев», созданная Ю.В. Андроповым, привносит определенную новизну в политическую жизнь страны.

Интерес представляет анализ содержания вопросов, рассмотренных на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в периоды правления Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. Первый из них, как известно, занимал высший партийный пост в течение 15 месяцев, второй – 13.

Ю.В. Андропов провел всего 43 заседания, на 17 из них рассматривались вопросы, так или иначе связанные с перестройкой, ускорением социально-экономического развития страны. К таковым, безусловно, относятся: совершенствование экономических отношений, ускорение научно-технического прогресса, расширение прав и самостоятельности предприятий, развитие бригадных форм организации и стимулирования труда в промышленности, внедрение комплексного подряда в колхозах и совхозах, обеспечение опережающего роста производительности труда в сравнении с ростом заработной платы, укрепление дисциплины труда и др. [21, с. 503–504; 22, с. 77–135; 24, с. 58–65].

К.У. Черненко руководил 38 заседаниями, на 10 из которых рассматривались вопросы, отнесенные нами к теме перестройки народно-хозяйственного комплекса страны [24, с. 65–123; 25, с. 51–64].

Однако для претворения в жизнь и их реализации партийные решения должны были трансформироваться и находить отражение в подзаконных актах исполнительной власти, что происходило далеко не всегда. Это при том, что целый ряд министерств и ведомств (обороны, внутренних дел, иностранных дел, государственной безопасности, внешней торговли) только формально числились в составе Совета Министров. На практике всем этим руководил ЦК КПСС. Даже сельское хозяйство лишь номинально управлялось правительством [18, с. 22]. Решения, как правило, принимали совместно ЦК КПСС и Совет Министров, реже – отдельно исполнительная власть, иногда в качестве субъекта постановлений появлялся гриф профсоюзов.

В бытность Ю.В. Андропова увидели свет такие основополагающие документы, как типовое положение об агропромышленном объединении, неоднократно рассматривались вопросы повышения эффективности бригадных форм организации и стимулирования труда агропромышленного комплекса, принимались постановления о проведении экономических экспе-

риментов, расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, ускорении научно-технического прогресса, укреплении дисциплины и др. [23, с. 5–150, 208–214]. Событийным стало принятие 17 июня 1983 г. закона «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», существенно расширившего полномочия трудовых коллективов [23, с. 33–46].

При К.У. Черненко таковых практически не было, по содержанию они сильно уступали решениям, принятым при его предшественнике. Н.И. Рыжков был уверен, что вряд ли Константин Устинович заинтересуется реформами в области экономики и управления, начатыми Ю.В. Андроповым [19, с. 58].

В целом вышеизложенное дает нам основание констатировать замедление темпов в оперативности, снижение содержательности решений как партийных, так и исполнительных органов власти, «потере интереса» к реформам народнохозяйственного комплекса страны в целом. Такова вкратце предыстория горбачевской «перестройки», заложенной Ю.В. Андроповым.

Что касается личности последнего секретаря ЦК КПСС, то и по истечении достаточно большого количества лет сохраняются крайне противоположные оценки его деятельности на посту главы государства. Мы не ставим задачу всеобъемлющей аналогичной оценки, приведем лишь оценку Н.И. Рыжкова, когда они, два секретаря ЦК КПСС, возглавляли рабочую группу, созданную Ю.В. Андроповым: «Он тянулся знать больше, лез в экономику, хотя самоуверенный его характер и не позволял ему признаться, что он чего-то не знает или не понимает... Он отлично знал территорию, территориальную единицу, хозяйственные связи в ней – сказывался крайкомовский опыт, я же знал производство, планирование, практику». При этом он также отмечает самолюбивый характер Горбачева, его нескрываемую любовь к внешним атрибутам [19, с. 42, 60].

Возвращаясь к заголовку статьи относительно амбиций молодого руководителя. Ю.В. Андропов стал во главе государства в 68 лет, К.У. Черненко – в 72 года, М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС в 54 года.

Таким образом, несколько по-иному взглянув на известные исторические события, приходим к следующим выводам.

В начале 80-х гг. XX в. экономика Советского Союза, в том числе и Чувашской АССР, вступила в период стагнации. Возникла объективная и осознанная необходимость в ее преобразовании, совершенствовании системы управления и общественных отношений. Не апрельский, а мартовский Пленум ЦК КПСС (1985) явился началом объявленного курса на ускорение социально-экономического развития. Инициатор и автор перестройки – Ю.В. Андропов, идеи которого все меньшее отражение находили в решениях

партийных и государственных органов при К.У. Черненко. Аксиоматичный «перестройщик» М.С. Горбачев является таковым лишь в той степени, в какой принимал участие в работе группы, куда входили Н.И. Рыжков и известные ученые страны.

Список источников и литературы

[1] *Абалкин Л.И.* Курсом ускорения. М.: Политиздат, 1986. 213 с.

[2] *Абалкин Л.И.* Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987. 189 с.

[3] *Абалкин Л.И.* Перестройка: пути и проблемы. М.: Экономика, 1988. 188 с.

[4] *Аганбегян А.Г.* Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития. М.: Экономика, 1985. 65 с.

[5] *Аганбегян А.Г.* Советская экономика. М.: Экономика, 1988. 256 с.

[6] *Андропов Ю.В.* Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. 320 с.

[7] *Андропов Ю.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 9–23.

[8] *Бойко И.И.* Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 45—60.

[9] *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление: диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М.: Политиздат, 1989. 431 с.

[10] *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

[11] *Злобин Н.В.* Пути перестройки: опыт и современность: монография. М.: Высшая школа, 1989. 191 с.

[12] *Лукьянов А.И.* В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М.: Книга и бизнес, 1999. 432 с.

[13] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 г. М.: Политиздат, 1984. 32 с.

[14] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 16 с.

[15] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.

[16] Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

[17] Народное хозяйство Чувашской АССР за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.): стат. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 126 с.

[18] *Ненашев М.Ф.* Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М.: Кром, 1993. 222 с.

[19] *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992. 400 с.

[20] Социология перестройки / отв. ред. В.А. Ядов. М.: Наука, 1990. 192 с.

[21] Справочник партийного работника. Вып. 23. М.: Политиздат, 1983. 623 с.

[22] Справочник партийного работника. Вып. 24. В 2 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1984. 317 с.

[23] Справочник партийного работника. Вып. 24. В 2 ч. Ч. 2. М.: Политиздат, 1984. 365 с.

[24] Справочник партийного работника. Вып. 25. М.: Политиздат, 1985. 590 с.

[25] Справочник партийного работника. Вып. 26. М.: Политиздат, 1986. 671 с.

[26] *Черненко К.У.* Выступление на заседании ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС, 25 апреля 1984 г. М.: Политиздат, 1984. 30 с.

[27] *Черненко К.* На уровень требований развитого социализма // Коммунист. 1984. № 18. С. 3–21.

[28] Чувашской АССР – 60 лет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 316 с.

[29] *Шаталин С.С., Гайдар Е.Т.* Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989. 110 с.

[30] *Яковлев А.Н.* Реализм – земля перестройки. М.: Политиздат, 1990. 544 с.

P.S. Krasnov

PERESTROIKA OF THE 80s IN 20th CENTURY: CONSIDERED NEED OR AMBITIONS OF A YOUNG MANAGER?

Abstract. The article is devoted to a well-known historical period – perestroika in the 80s of 20th century. The decisions of party and state bodies, speeches and memoirs of former Soviet leaders were the material to study. The author more often refutes the stereotypes formed in the domestic historiography than confirms.

Keywords: perestroika, acceleration, Y.V. Andropov, M.S. Gorbachev, N.I. Ryzhkov, K.U. Chernenko.

УДК 316.77

Р.В. Михайлова,
Г.Н. Семенова

ПОНЯТИЕ «ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ «СВОЙ–ЧУЖОЙ». ОТНОШЕНИЯ «ЧУЖОЙ» КАК РЕЗУЛЬТИРУЮЩАЯ ЛОКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Исследование посвящено одной из актуальных проблем современной науки и философии – пространству. В статье пространство рассматривается в контексте отношений «свой–чужой» как проявление локализованности крестьянского мира.

Ключевые слова: «свой–чужой», «чужой», класс, крестьяне, локальный.

Проблема отношений «свой–чужой» является одной из актуальных в современной науке и философии, социальной практике. В нашей работе актуальность исследования отношений «свой–чужой» объясняется потребностью возвращения человеку соразмерного ему мира в нынешнем глобальном мире. В исследовании разнообразия проблем соразмерного человеку мира важное место занимает феномен «чужого». С учетом сказанного, для нас интерес представляет рассмотрение специфики «чужой» на локальном (пространственном – в сельской общине России советского периода и временном – в 20-х гг. XX в.) уровне.

В научной и философской литературе отношения «свой–чужой» в социальных системах рассматриваются как производные от базовых отношений «мы–они» [2, с. 108–109]. «Мы» для индивидов означает свою общность, свою группу, куда они входят. С этим связано понятие «свои» в отношении членов группы. Однако мы не склонны считать, что понятия «мы» и «свои» тождественны. Мы разделяем точку зрения исследователя В.С. Рахманина: во-первых, «идентификация по критерию (признаку) “свои” возможна только тогда, когда сформировалось и институционализировалось *осознание* (курсив наш. – *Р.М., Г.С.*) общности положения, интересов, образа жизни, особого статуса среди других групп, жизнедеятельность которых протекает в том же самом социальном пространстве…» [2, с. 111]. Первичной средой поиска «своих» является «мы». Отсюда «мы» – это интегративная совокупность, предполагающая объединение обособленных элементов, во-вторых. Для формирования «мы», его психологического и социокультурного обособления, осознания особенности, близости и схожести составляющих его членов необходимы отличные от «мы» иные [2, с. 111], то есть «они». Отсюда «мы», по В.С. Рахманину, следует считать самоопределением по отношению к ним и самоиден-

тификацией себя в социальном пространстве и времени через «они». Чем опаснее (реально или в воображении) «они», тем сплоченнее «мы» [2, с. 111]. Для последних требуется внутренняя концентрация их духовного потенциала.

Понятия «свой» или «чужой» отдельно рассматривать представляется в принципе невозможным. Для изучения «свой» как объекта необходимо найти другой объект, по отношению к которому возможно его рассмотрение как «свой». Отсюда точкой отсчета для выделения «свой» выступает «чужой».

В нашей работе исследование проблемы «чужой» («чуждости») в контексте отношений «свой–чужой» предполагает рассмотрение базового понятия, которым является «чужой». Анализ взглядов по данной проблеме осуществлен в диссертационном исследовании К.С. Илиополовой [4].

В литературе вместе с понятием «чужие» рассматриваются и другие понятия: «другие», «иные». Мы разделяем точку зрения авторов, по мнению которых названные понятия соотносительны. Так, в контексте соотносительности у одних понятия «чужие» и «другие» сливаются (Г. Зиммель), у других «чужие» представляются своеобразной разновидностью «других», крайней формой «других» (Б. Вандельфейс). При этом относящиеся к «другим» наделяются возможностью при необходимости быть ближе к «нам», а «чужие» – нет. Отсюда «другие» и «иные» не одно и то же. В качестве «иных» определяются обе группы – и «другие», и «чужие» [9]. В словаре В.И. Даля «чужой» определяется как «не свой, сторонний», «держаться далеко» [1, с. 669–670]. В современной философии понятие «другой» рассматривается в контексте проблемы коммуникативного существования. Здесь указывается на признание потребности человека в другом человеке и осознание в ней другого человека как цели (а не как средства, по И. Канту). «Другой» необходим – он может быть превращен в одного из главных субъектов действия. Отсюда, по нашему мнению, понятия «чужой» и «другой» не являются тождественными. Однако их смысловое значение подвижно в зависимости от «контекста ситуации» (Б. Малиновски).

Для нашей работы интерес представляет исследование К.С. Илиополовой, в котором выделяются различные модели отношений «свой–чужой». В качестве одной из моделей она указывает на то, когда «свой» мир осознается как внутренний по отношению к «чужому» внешнему [4, с. 8, 17]. Данная модель нами рассматривается как базовая, определяющая стратегию исследования поставленной проблемы. На другие модели мы будем ссылаться по мере углубления в исследование сформулированной нами темы.

Дихотомическое структурирование «мира» (в нашей работе под «миром» понимается коллектив в субъектной форме, интегративный субъект), по мнению А.И. Пигалева, происходит за счет экстенсивного увеличения (вширь) и интенсивного уплотнения (вглубь) процессов его развития. Экстенсивное

характеризует «мир» в соотнесении с внешним для него хронотопом, а интенсивное имеет отношение к дроблению внутреннего хронотопа [8, с. 146]. Экстенсивное развитие понятия «чужой» в смысловом плане в границах хронотопа включает в себя расположенных в пространстве за стенами «своего» дома, семьи соседей по ограде, других односельчан по сравнению со «своими» соседями, соседнюю общину по сравнению со своей сельской общиной. Экстенсивное развитие понятия «чужой» во времени включает в себя предков, то есть то, что остается неизменным при всех изменениях [6, с. 147]. Таким образом, рассмотрение проблемы «чужой» в экстенсивном плане свидетельствует об иерархичности понимания его также, как и «своего» [6, с. 149]. Интенсивное развитие понятия «чужой» в смысловом плане в границах хронотопа связано с тем, что «и своя культура далеко не всегда самоидентифицируется, приобретая нередко репрессивный характер по отношению к людям малокультурным, либо к представителям различных субкультур внутри культуры одного народа». В контексте рассматриваемой нами проблемы можно сказать, что «чужаками» могут быть представители различных субкультур внутри «своей» культуры.

Мы исходим из принципиального положения о том, что отношения «свой – чужой» заданы «принципом земли» (термин заимствован нами у немецкого культурантрополога Г. фон Кайзерлинга) [5, с. 99]. В деревне как форме размещения населения, живущего за счет земли, протекают локальные процессы – особые координаты крестьянской вселенной. Основу этих процессов составляют связь с землей, мера ее доступности, возможность ее обрабатывать. Этим объясняется сознание локальности как способа бытия крестьянина. Локальность крестьянского сознания, формирующаяся в процессе освоения культуры малых групп – семейной, соседской, деревенской, обусловливает наследственные социальные связи и устойчивые личные отношения, ценностные ориентации с их коллективистской спецификой. Существующее ценностное единство обусловливает монологичность культурной ориентации членов «морального сообщества». Монологичность (не диалог) возможна также в отношении к «чужому», когда он является символической фигурой. По отношению к «чужому» – внешнему свой мир рассматривается как внутренний. С «чужим» диалог невозможен в силу замкнутости культур на себе и, соответственно, отсутствия (при первом приближении) взаимного интереса друг к другу. Отсюда понятно существование традиции группоцентризма («свой», «чужой») в культуре.

Понятие «чужой» («чужак») нашло отражение в работе Г. Зиммеля «Как возможно общество?», который один из первых исследовал проблему «чуждости». Согласно ему, «в обществе различают два вида “чужих”. Первый – это “чужие”, рекрутированные из самого общества (интенсивное разви-

тие понятия “чужой”); второй – пришедшие в данную среду со стороны, т. е. “чужие” по пространственному критерию» [3, с. 595]. Приходящий извне, т. е. «пришлый» (по В.И. Далю), – он пространственно чужой (экстенсивное развитие понятия «чужой»). Такое объясняется тем, что «группа идентифицирует себя с определенным пространством, а пространство, “почву” – с собою» [3, с. 595]. В системе группоцентризма «свой» абсолютизируется; ему приписываются положительные характеристики. Мерой отношения к «своему» является «чужой». Можно сказать и по-другому: «чужой» – по существу есть точка отсчета. «Чужой» по сравнению с «другим» характеризуется другими свойствами. «Чужому» присуща объективность, поскольку он не запутан во внутригрупповых интересах. Но «чужой» также и свободен. Это побуждает группу подозрительно относиться к нему. Такое отношение связано с тем, что часто «чужой» не может разделить с группой ее симпатии и антипатии, и оттого кажется тем, кто хочет разрушить существующий порядок [3, с. 595]. «Чужой» еще и ненадежен, потому что он всегда представляется новым для других. Атмосфера «чужого» воспринимается как опасная, способная подталкивать к деструктивной деятельности: причинять обиды, наносить зло и т. д. В контексте такого понимания «чужие» часто наделяются негативными характеристиками.

Разновидностью негативного отношения к «чужому» является его недооценка. Мы имеем в виду, что ожидания встречи с «чужим» сопряжены определенной притягательной силой любознательности, идентификации себя и других [7]. По Э. Гуссерлю, «чужой» активно «помогает» человеку «открывать» и понимать себя, собственную жизнь, т. е. конституировать себя.

Список источников и литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л.В. Беловинского. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Красный пролетарий, 2004. 700 с.

2. Диспозиция «свой–чужой» в культуре: монография / под ред. А.С. Кравца (отв. ред.), В.Т. Титова, Е.Н. Ищенко, Л.И. Гришаевой. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2007. 267 с.

3. *Зиммель Г.* Как возможно общество? // *Зиммель Г.* Избранное: [в 2 т.] / [Сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов; отв. ред. Л.Т. Мильская]. Т. 2. Созерцание жизни. [Пер. М.И. Левина и др.]. М.: Юристъ, 1996. 607 с.

4. *Илиополова К.С.* Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д, 2010. 23 с. [Электронный ресурс.] URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30346722 (дата обращения: 20.05.2024).

5. *Кайзерлинг Г. фон.* Америка. Заря Нового мира. СПб.: Санкт-Петербург. философ. общ-во, 2002. 530 с.

6. *Михайлова Р.В., Осипов Н.Е.* Функционирование субдуховности крестьянства в контексте разделения труда земледельца и скотовода // Власть. 2017. № 10. С. 103–107.

7. *Пигалев А.* «Мир» как смысловой хронотоп человеческой жизни // Человек и духовность: сб. статей / отв. ред. В.Г. Федотова. Рига: Зинатне, 1990. С. 65–70.

8. *Тарасова А.А., Замараева Ю.С.* Взаимоотношения «свой–чужой» как базовый механизм процесса идентификации. [Электронный ресурс.] URL: https: // s034-085.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

9. *Федотова В.Г.* Репрессивность или освобождение? (наука, культура, цивилизация) // Будем ли мы жить во «всемирной деревне»: сб. статей. М.: ИФРАН, 1993. С. 24–37.

R.V. Mikhailova,
G.N. Semenova

THE CONCEPT OF «STRANGER» IN «FRIEND OR FOE» RELATIONS. THE RELATIONS «STRANGER» AS A RESULT OF LOCAL COMMUNICATION

Abstract. This research is devoted to one of the topical problems of modern science and philosophy – space. This article considers the relations «friend-or-foe» as a manifestation of the peasant world localization.

Keywords: «friend-or-foe», «stranger», class, the peasants, local.

УДК 93/94.470.338.43

Р.А. Мухамедов

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В 1954–1964 ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье анализируется обеспеченность сельскохозяйственными кадрами Ульяновской области в период Хрущевской попытки реформ на селе. В ходе работы автор впервые вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные документы из фондохранилищ Государственного архива новейшей истории Ульяновской области и Государственного архива Ульяновской области, а также материалы периодической печати. В Ульяновской области в сельскохозяйственной сфере в 1954–1964 гг. одной из злободневных проблем, требующей от партийных органов безотлагательного решения, являлся кадровый вопрос.

Ключевые слова: Ульяновская область, кадры, село, колхоз, совхоз, МТС, председатель.

Лозунг «Кадры решают все» был особо актуальным и остается таковым для сельского хозяйства во все времена. Период хрущевских реформ в аграрном секторе экономики Ульяновской области в 1954–1964 гг. характеризовался острой нехваткой грамотных и образованных руководящих кадров. В связи с этим местные партийно-государственные структуры пытались всячески решить данную проблему, понимая, что без участия грамотных специалистов сельского хозяйства во всех его структурах невозможно реализовать поставленные государством перед аграриями задачи. Кадровое составляющее подразумевало наличие рабочих кадров (механизаторы, водители, операторы в животноводстве и т. д.), специалистов среднего звена (механики, санитары ветеринарные, бригадиры), кадров высшего звена (агрономы, зоотехники, ветеринары, инженеры-механики, председатели колхозов и совхозов, руководство машинно-тракторных станций – МТС).

В Ульяновской области по состоянию на 1954 г. колхозами руководили 615 чел. [3, л. 185], из них 81 % (496 председателей) с начальным школьным образованием, 17 % (105 председателя) со средним образованием, и только 2 % (14 чел.) имели высшее образование. По опыту работы только 35 % из них имели стаж от более 3 лет деятельности на должности председателя [20, с. 281]. Также партийным руководством области были проведены кадровые перестановки внутри системы руководства МТС [21, с. 107–110]. В связи с упразднением должности заместителя директора создали новую инструкторскую партийную группу, в которую вошли 167 инструкторов [6, л. 67]. Каждый из них был закреплен за определенным сельскохозяйственным

предприятием и решал конкретные задачи: анализ внедрения новых рационализаторских решений; внедрение новых методов и технологии в полевое и животноводческое производство, помощь в устранении тех факторов, которые препятствовали производственному росту и повышению темпов развития. Анализ фактической работы одной инструкторской группы по зонам МТС Радищевского района показал, что каждый инструктор мониторил от трех до пяти сельскохозяйственных предприятий, в зависимости от площади сельскохозяйственных угодий и численного поголовья скота, от квалификации и опыта специалиста-инструктора [16, л. 27]. Согласно распоряжению областного комитета партии инструктора должны были проживать на территории подконтрольных зон МТС или в курируемых колхозах [5, л. 41]. Для усиления руководства МТС в 1954 г. областным комитетом партии было направлено из городских промышленных предприятий 300 чел. с высшим и средним уровнем образования. Из них 9 чел. были назначены директорами МТС, 35 – главными инженерами, 59 – заведующими машинно-тракторными мастерскими, 25 – механиками по механизации трудоемких процессов в животноводстве и в полеводстве, 14 – участковыми механизаторами и на другие должности [8]. Тем самым было осуществлено существенное и качественное изменение руководящего и контролирующего состава МТС, что положительно повлияло на ее производственную деятельность [21].

Однако данные мероприятия, предпринятые Ульяновским обкомом партии, не смогли закрыть создавшуюся кадровую проблему в области. Например, в Жадовской, Астрадамовской, Старокулаткинской, Барановской МТС не имелось необходимого по штату количества квалифицированных специалистов руководящего звена и ведущих агрономов, зоотехников и инженеров [1, л. 7], в Зарыклейской МТС в должности заведующего ремонтными мастерскими был вынужден работать бывший тракторист, а в Измайловской и Жадовской – не имелось директоров. Нужно заметить, что направляемые по распределению в колхозы и машинно-тракторные станции специалисты в большинстве случаев не обеспечивались жилым помещением, сельскохозяйственным оборудованием и техникой, что создавало значительные препятствия для их деятельности. В таком положении оказались главные агрономы и главные зоотехники в Мелекесской, Инзенской, Сталинской, Беловодской и Шиловской МТС из-за передачи части имущества райсельхозуправлениями в обход закона другим организациям [4, л. 132].

В первой половине 1954 г. инструкторскими группами в области была проведена кампания по выявлению не справляющихся с выполнением своих обязанностей председателей колхозов с целью их последующей замены. По результатам инициированной проверки было выяснено, что 6 председателей зоны Ореховской МТС, а также их заместители, бригадиры полеводческих и

животноводческих бригад систематически нарушали дисциплинарный режим и не выполняли надлежавшим образом свои обязанности. Непосредственно в сельхозартели им. Орджоникидзе неоднократно не выполнялись плановые показатели по производству животноводческой продукции и валовому сбору урожая [20, с. 284]. В июне 1954 г. ряд данных руководителей были заменены специалистами, обладающими высоким уровнем квалификации и безупречной репутацией [19, л. 21]. В декабре 1954 г. по инициативе областного комитета партии на основании поступившей анонимной жалобы, была проведена проверка в Нагаткинской машинно-транспортной станции на предмет выявления фактов злоупотребления служебным положением директора М.Я. Кузьмина. Согласно жалобе, директор незаконно расходовал государственные средства, принуждал к сожительству подчиненных, угрожая в случае отказа увольнением или переводом на низкооплачиваемую работу [7, л.10]. Однако партийным комитетом было принято решение подвергнуть председателя М.Я. Кузьмина партийному взысканию и оставить в должности из-за нехватки квалифицированных кадров. Одновременно проверка работы заведующего мастерской Нагаткинской МТС Черняева (также из-за жалобы) не выявила заявленных нарушений: тракторы ремонтировались своевременно при условии выполнения на них определенного количества гектаров пахоты бригадно-узловым методом, из-за чего мастерская ежегодно в среднем экономила свыше 80 тыс. руб. [10, л. 62].

Весной 1955 г. в рамках реализации нормативно-правового акта Совета Министров СССР «О мерах по укреплению колхозов руководящими кадрами» Ульяновский и Мелекесский горкомы партии начали прием писем-пожеланий от граждан, стремящихся получить должность председателя колхоза [2, л. 62]. Всего поступило 815 заявлений. В августе 1955 г., проведя собеседование с соискателями и досконально проанализировав их личные дела, сотрудники Ульяновского областного комитета партии сочли пригодным для работы 396 чел.: из них 371 чел. были выбраны председателями сельхозартелей [11, л. 15].

До вступления в должность отобранные специалисты по распоряжению партийных структур прошли курсы по повышению квалификационного уровня, организованные при Ульяновском сельскохозяйственном институте [14, л. 10]. В целом, к 1955 г. по области произошло обновление и укрепление аппарата сельских партийных структур, а также колхозов и совхозов. Если в начале 1953 г. среди руководящих работников совхозов и колхозов доля специалистов с высшим образованием составляла 32 %, то в 1955 г. уже 68 % [20, с. 284]. Стоит отметить, что в основном руководящую должность занимали грамотные и хорошо обученные специалисты, прошедшие курсовую подготовку на базе Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Так, за 1953–1955 гг. в данных учреждениях курсы прошли 252 управленца [9, л. 21].

В Ульяновской области кампания по выдвижению «тридцатитысячников» продолжилась и в 1955–1957 гг. За этот период на должности председателей колхозов было направлено 510 чел., в том числе по рекомендации парторганизаций соседних регионов – 87 чел. (17 %). К июню 1959 г. в области доля «тридцатитысячников» среди председателей колхозов составила 43 %. Тем не менее представляется целесообразным отметить, что большая часть «тридцатитысячников» руководящую должность занимали непродолжительный хронологический срок. В частности, к февралю 1960 г. из 82 руководителей сельхозартелями, направленных по программе «тридцатитысячников», осталось лишь 32 чел. (39 %) [20, с. 283].

Осуществляемую партийными структурами кампанию по выдвижению в колхозы на руководящие должности «тридцатитысячников» нельзя назвать успешной. Несмотря на то, что в ходе мобилизации передовиков производства целый ряд сельхозартелей получил качественных специалистов, этого все же не хватало для создания условий интенсивного экономического роста. Направляемый на работу кандидат, помимо уровня образования и продемонстрированных им ранее производственных успехов, должен был досконально знать специфику каждого конкретного агрохозяйства, демографическую ситуацию, а также быть мотивированным к выполнению поставленной задачи. Однако в области получили распространение и случаи, когда на работу в колхоз направляли специалиста, совершенно не имеющего представления о специфике хозяйства и не желающего по ряду совокупности факторов там работать [15, л. 12].

Опыт работы одного из таких специалистов, направленного в 1956 г. в Радищевский район, избранного председателем колхоза «Заря коммунизма», тому подтверждение. С первых же дней новоприбывший председатель столкнулся с целым рядом серьезных трудностей, побудивших его вскоре написать заявление об уходе. В своем заявлении он отметил: незнание им татарского языка; систематическое неоказание ему содействия в строительстве животноводческих помещений, в приобретении запасных частей к автотранспортным средствам передвижения со стороны секретаря райкома и председателя райисполкома. Именно из-за отсутствия необходимых материалов, заявлял Ставский, он был вынужден постоянно отлучаться в Сызрань и не мог должным образом заниматься управлением колхоза [17, л. 10].

После подачи заявления об уходе в июле 1956 г., Ставский устранился от руководства колхозом и принимал все меры к тому, чтобы его освободили с должности. Непосредственно с этой целью он распространил среди колхозников слух о том, что ряд граждан покушались на его жизнь. О чем сообщил в милицию. Однако после проведенной проверки было установлено, что в действительности председатель колхоза, находясь в состоянии алкогольного

опьянения, в ночь с 3 на 4 октября 1956 г. пытался поехать на колхозной машине в лес за дровами. Когда шофер и колхозники не дали ему автомашину, он набросился на них с кулаками. После этого случая Ставский был уволен [18, л. 7].

Часто некоторые из направленных на работу в МТС руководителей не справлялись должным образом со своими обязанностями. В частности, в результате деятельности директора Зарыклейской МТС Х.С. Магцевой трудовая дисциплина среди рабочих, служащих и механизаторских кадров значительно ухудшилась. Во время ее руководства было издано более 100 приказов об увольнении. По причине неудовлетворительных условий работы и быта в машинно-тракторной станции сменилось в течение трех лет: 2 главных агронома, главный зоотехник и 1 инженер-механик, 2 старших ветврача, 4 зоотехника и 3 агронома, 3 ветфельдшера, 4 машинистки, свыше 50 механизаторских кадров [13, л. 3].

Х.С. Магцевой неправомерно накладывались административные взыскания. Только за 1956 г. было применено 17 административных взысканий, передано дело в народный суд на 3 работников, оштрафовано 9 и уволено по надуманным причинам 21 чел. [19, л. 7].

В Зарыклейской МТС получили распространение факты простоя тракторов и комбайнов во время полевых работ. Например, ДТ-54 из тракторной бригады Абзидулина в сентябре 1956 г. простоял 17 дней в связи с несвоевременным ремонтом, хотя руководство было проинформировано о его необходимости [19, л. 51]. В декабре 1956 г. Х.С. Магцевой был объявлен выговор [13, л. 7].

Имелись в Ульяновской области и факты, когда руководители Большеключищенской МТС, посещая с рабочим визитом колхозы и наблюдая, что администрации колхозов недооценивали и не выполняли указания и советы присланных специалистов, не нашли возможности исправить ситуацию. Так, агроном с высшим образованием Чарунова, стремясь помочь колхозам в реализации задач по развитию сельского хозяйства, отказалась от работы в институте. Руководством Большеключищенской МТС она была направлена на работу по профессии агронома в колхоз «3-й год пятилетки». Проработав 5 месяцев, она была переведена на работу в колхоз «Красный садовод». Одной из причин перевода стал конфликт с председателем колхоза по проведению агротехнических мероприятий. В связи с этим в отношении дирекции МТС был сделан выговор [8, л. 31].

Руководящие специалисты в аграрной сфере проходили обучение в Ульяновской среднесельскохозяйственной школе по подготовке председателей колхозов, организованной в 1947 г. Однако качество обучения в данном учреждении из-за целого ряда факторов находилось на весьма низком уровне. Во-

первых, материально-техническая база учебно-опытного хозяйства сельскохозяйственной школы, где учащиеся проходили практику, совершенно не удовлетворяла условиям проведения занятий. Непосредственно хозяйство располагало 170 га пахотной земли, 9 рабочими лошадьми, 37 головами крупного рогатого скота, 3 тракторами модели КД-35 и 1 сеялкой [13, л. 8]. При этом сельскохозяйственная техника располагалась под открытым небом, механизация работ проводилась слабо, что не позволяло педагогам обучать учащихся навыкам профессии механизатора. Во-вторых, в учреждении был дефицит педагогических работников с высшим и агропедагогическим образованием. Например, в 1956 г. в Ульяновской средне-сельскохозяйственной школе по подготовке руководящих кадров для колхозов из 34 педагогических сотрудников только 14 имели высшее образование. В свою очередь, из них только 2 сотрудника имели агропедагогическое образование [19, л. 23].

Таким образом, в Ульяновской области в 1954–1964 гг. реализуемые партийными органами мероприятия по повышению количественного и качественного состава руководящих кадров сельского хозяйства принесли небольшой результат – произошел рост численности кадров высшего звена с высшим, средним и специальным уровнем образования. Тем не менее этот результат в решении кадровой проблемы нельзя назвать исключительно положительным, так как в регионе усилилась текучесть кадров. Партийными органами Ульяновской области регулярно проводились перестановки руководящих кадров, но зачастую ротация завершалась тем, что руководящую должность получали специалисты, не обладающие нужными знаниями и навыками, что приводило к ухудшению ситуации с обеспечением аграрного сектора образованными и высококвалифицированными кадрами.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 247. Л. 62.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 10. Д. 400. Л. 185.
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 13. Д. 237. Л. 132.
5. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 13. Д. 282. Л. 41.
6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 13. Д. 283. Л. 67.
7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 13. Д. 308. Л. 10.
8. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 15. Д. 243.
9. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 16. Д. 247. Л. 21.
10. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 247. Л. 62.
11. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 248. Л. 15.
12. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251.
13. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-632. Оп. 5. Д. 115.
14. ГАУО. Ф. Р-632. Оп. 5. Д. 124. Л. 10.
15. ГАУО. Ф. Р-632. Оп. 5. Д. 128. Л. 12.
16. ГАУО. Ф. Р-1309. Оп. 3. Д. 151. Л. 27.

17. ГАУО. Ф. Р-1309. Оп. 3. Д. 153. Л. 10.

18. ГАУО. Ф. Р-3825. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

19. ГАУО. Ф. Р-3859. Оп. 1. Д. 31.

20. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч. 2. Ульяновск: Приволж. кн. изд-во. Ульян. отд., 1972. 539 с.: ил.

21. *Пашкин А.Г., Забалухина Н.В.* Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991. Люди, события, факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 202 с.

R.A. Mukhamedov

PERSONNEL PROBLEMS IN AGRICULTURE IN 1954–1964 (THE ULYANOVSK REGION)

Abstract. The article analyzes the provision of agricultural personnel in the Ulyanovsk region during Khrushchev's attempt to perform reforms in the countryside. Previously unknown archival documents from the library storage of the State Archive of Modern History of the Ulyanovsk region and the State Archive of the Ulyanovsk region and periodical press are first to introduce into the scientific turnover. In the Ulyanovsk region in the agricultural sphere in 1954–1964 the personnel question was of current problems to be immediately solved by the party bodies.

Keywords: the Ulyanovsk region, personnel, village, collective farm, state farm, labor force mobilization, chairman.

УДК 338.43(091)(470.31)

А.Н. Радиченко

МЕГАПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Аннотация. В статье раскрывается значение постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» и успешной практической деятельности партийных, государственных и комсомольских органов по его реализации для повышения эффективности агропромышленного комплекса и повышения качества жизни населения республик и областей Нечерноземной зоны России, решения продовольственной проблемы в стране.

Ключевые слова: Нечерноземная зона России, агропромышленный комплекс, интенсификация сельскохозяйственного производства, повышение качества жизни сельского населения, Продовольственная программа СССР.

20 марта 1974 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Мегапроект стал важнейшим историческим этапом развития агропромышленного комплекса не только этого обширного региона, включавшего 29 республик и областей с разнообразными природно-климатическими условиями – от Калининградской области на западе и до Пермской и Свердловской областей на востоке, от Мурманской, Архангельской областей и Карелии на севере и до Орловской и Рязанской областей на юге, но и всей страны. На этой обширной территории тогда проживали 58 млн чел., или 44 % населения Российской Федерации, работали более половины промышленных предприятий всей России. 9600 колхозов и совхозов располагали 52 млн га сельхозугодий, в том числе 32 млн га пашни. Нечерноземье было важной житницей страны. Оно производило 17 % всего российского зерна, 95 % льна, 54 % картофеля, 43 % овощей. Здесь интенсивно развивалось животноводство, объем продукции которого – мяса, молока, шерсти, яиц – рос из года в год [3].

Была поставлена задача, используя все возможности, еще больше нарастить производство сельскохозяйственной продукции в российском Нечерноземье; увеличить к 1980 г. объем производства основных сельхозпродуктов по сравнению с достигнутым в 1973 г. уровнем в 2–2,5 раза и довести производство зерна до 43 млн т, картофеля – до 42 млн т, льноволокна – до 380 тыс. т, овощей – до 7,6 млн т, мяса – до 4 млн т, молока – до 30 млн т, яиц – до 22 млрд шт. и шерсти – до 25 тыс. т [4, с. 396].

Особое внимание было уделено проблеме обеспечения городов, промышленных центров Нечерноземья продовольствием, произведенным в самих автономных республиках и областях. Для этого было решено создать эффективные специализированные пригородные хозяйства, в том числе специализирующиеся на производстве овощей в закрытом грунте [4, с. 395].

Сама по себе такая постановка вопроса была к тому времени не нова. Еще XVIII съезд ВКП(б) в 1939 г. поставил задачу обеспечения промышленных центров и крупных городов продовольствием, произведенным в пригородных хозяйствах. Однако к середине 1970-х гг. появилась возможность решить проблему на новом, более высоком уровне. Такую возможность дали высокие, основанные на передовой науке, достижения агротехнологий, животноводства и опыт лучших пригородных колхозов и совхозов.

Интенсификацию сельского хозяйства Нечерноземья было решено реализовать путем широкомасштабной мелиорации земель, комплексной механизации и химизации. Особая ставка была сделана на мелиорацию, проводившуюся на плановой, комплексной основе после майского (1966) Пленума ЦК КПСС, принявшего мелиоративную программу страны. Мелиорация давала возможность ввести в сельскохозяйственный оборот новые огромные массивы земель. Была поставлена задача завершить к 1990 г. мелиорацию всех сельхозугодий Нечерноземья, осуществить в этот срок осушение 9–10 млн га, орошение 2–2,5 млн га (в основном для создания орошаемых пастбищ и развития орошаемого овощеводства в пригородных колхозах и совхозах вокруг промышленных центров) и проведения прочих культуртехнических работ (борьба с эрозией почв, известкование, насаждение полезащитных лесополос и т. д.) на 9–10 млн га. Эта задача была успешно реализована. Пленум ЦК КПСС 23 октября 1984 г. отметил, что за период после майского (1966) Пленума ЦК КПСС площадь мелиорированных земель в нашей стране практически удвоилась – возросла с 17 млн до 33 млн га [6, с. 672]. Значительная часть этих площадей приходится на Нечерноземье, ставшее зоной особенно активных и интенсивных мелиоративных работ.

Решающим в преобразовании Нечерноземья был признан кадровый, человеческий фактор – улучшение условий труда и быта сельских тружеников, мотивация их к труду, повышение их профессиональной квалификации. В этом отношении особенно важное значение имеет поставленная ЦК КПСС и СМ СССР в постановлении от 20 марта 1974 г. задача преобразования сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов, осуществления строительства сельскохозяйственных производственных объектов в комплексе с современными жилыми домами и объектами культурно-бытового назначения. Также была поставлена небывалая грандиоз-

ная задача – к 1990 г. полностью завершить переселение жителей из мелких населенных пунктов в крупные благоустроенные поселки [4, с. 296]. И эта задача была успешно решена – Нечерноземье, как и вся наша страна, покрывалось, особенно после июльского (1978) Пленума ЦК КПСС, открывшего качественно новый этап преобразования сельского хозяйства, густой сетью агрогородков. Академик С.П. Трапезников имел полное реальное основание так охарактеризовать и оценить значение этой титанической работы в 1983 г.: «Важный результат – это значительный рост благосостояния советского крестьянства. Развитие производительных сил и производственных отношений в советской деревне сопровождается дальнейшим ростом благосостояния тружеников села. Активно идет процесс постепенного стирания социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Подъем производительных сил и развитие производственных отношений создают все более благоприятные условия для выравнивания материального и культурного уровней жизни в городе и на селе» [8, с. 543].

Такая тенденция ярко проявилась в Нечерноземье не только в материальной, но и в культурной сфере. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР по Нечерноземью был предусмотрен ввод в строй районных домов культуры на 64,5 тыс. мест и домов культуры и клубов в колхозах и совхозах на 350 тыс. мест, новых школ на 716 тыс. ученических мест, школ-интернатов на 161,3 тыс. ученических мест и детских дошкольных учреждений на 100 тыс. мест, а также детско-юношеских учреждений дополнительного образования. Должное внимание было уделено и сельскому здравоохранению – предусмотрено строительство больниц на 10,3 тыс. коек [4, с. 405].

Постановление и его реализация дали новый значительный импульс развитию агропромышленного комплекса Нечерноземья, что означало, с одной стороны, перевод самого сельского хозяйства на индустриальную, оснащенную современной техникой и включающую достижения научной организации труда основу, с другой же стороны – выход на новый уровень интеграции аграрного производства с наукой и специальным образованием, с отраслями промышленности, обеспечивающими его техникой, химикатами и переработку сельскохозяйственной продукции, что резко снижало и в перспективе должно было окончательно свести на ноль ее потери. В решении этой последней задачи важная роль была отведена не только государственным предприятиям пищевой промышленности, но и потребительской кооперации. ЦК КПСС и СМ СССР поддержали предложение Центросоюза о строительстве в Нечерноземье для его организаций овощекартофелехранилищ на 93 тыс. т, фруктохранилищ на 15,5 тыс. т, квасильно-засолочных пунктов на 1,8 тыс. т, а также – о государственной поддержке расширения

сети кооперативных магазинов и предприятий общепита, которое на практике было осуществлено не только в селе, но и в городе: у горожан в 1970–1980-е гг. пользовалась огромной популярностью разнообразная продукция прекрасного качества в магазинах Кооптorга [4, с. 407].

Значимую роль в преобразовании производства и социальной сферы в селах Нечерноземья, в мелиоративном строительстве и создании необходимого инфраструктурного комплекса сыграл Ленинский комсомол. В Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР имелся пункт, знаменательный высоким доверием партии и правительства к поколению юношей и девушек семидесятых годов: «Принять предложение ЦК ВЛКСМ об объявлении мелиоративного и сельского строительства в Нечерноземной зоне РСФСР Всесоюзной ударной комсомольской стройкой и о направлении в установленном порядке, начиная с 1974 года, в эту зону студенческих строительных отрядов численностью не менее 20 тысяч человек ежегодно. Комсомольские организации должны оказывать постоянную помощь в строительстве объектов производственного, жилищного и культурно-бытового назначения, комплектовании строек молодыми кадрами, создании необходимых условий для повышения профессионального и общеобразовательного уровня молодежи, закрепления ее в сельскохозяйственном производстве» [4, с. 406].

Комсомольцы с честью оправдали это высокое доверие партии. Уже через месяц после XVII съезда ВЛКСМ на объекты Нечерноземья пришли ударные отряды молодых добровольцев. А еще через четыре года ЦК ВЛКСМ докладывал XVIII съезду комсомола: «Широкое распространение получила инициатива выпускников сельских школ Костромской области “С аттестатом зрелости, с комсомольской путевкой – на вторую целину”. Ее поддержали свыше 60 тысяч выпускников школ Нечерноземья, а в целом по стране – 350 тысяч юношей и девушек. По общественному призыву за четыре года на стройки Нечерноземья прибыли свыше 55 тысяч юношей и девушек. Более 80 тысяч рабочих городских предприятий трудились на пусковых объектах в составе ударных отрядов. Ежегодно в Нечерноземье работают студенческие строительные отряды численностью 150–160 тысяч человек» [2, с. 63].

Эти комсомольцы совершали поистине чудеса трудового героизма. Среди них были орденоносцы, лауреаты премии Ленинского комсомола в области производства. Коллективами коммунистического труда становились комсомольско-молодежные коллективы не только бригад и звеньев механизаторов, но и ферм, даже колхозов и передвижных механизированных колонн.

Так, буквально на глазах преображалось нечерноземное село. И не только в плане дальнейшего неуклонного повышения продуктивности и эффективности социалистического агропроизводства. На июльском (1978)

Пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев сообщил: «Рост благосостояния, культуры и быта сельского населения – одна из замечательных черт нашего времени. Вот обобщенные данные на этот счет. Совокупный доход семьи колхозников за 1965–1977 гг. вырос в 1,9 раза. В расчете на душу населения продажа товаров в сельской местности увеличилась с 222 до 492 рублей в год» [1]. В Нечерноземье темпы роста благосостояния были еще выше, о чем можно судить на примере Чувашии, о которой будет подробнее сказано дальше.

Этот Пленум ЦК поставил задачу довести производство зерна до тонны на душу населения в год, производство мяса к 1985 г. до 19,5 млн т, а также поднять производство и других видов сельхозпродукции. Слова «дефицит продовольствия» были вычеркнуты из памяти народной на 12 лет и снова вошли в обиход только тогда, когда этот дефицит был искусственно спровоцирован разрушителями нашей державы.

В развитие решений июльского (1978) Пленума ЦК КПСС и XXVI съезда КПСС, в соответствии с поставленными Пленумом и съездом новыми задачами и требованиями ЦК КПСС и СМ СССР 12 марта 1981 г. принимают постановление «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981–1985 годах», в котором подведены первые итоги выполнения предшествовавших решений: «Основные производственные фонды возросли в 1,5 раза, энергетические мощности – в 1,4 раза, поставки минеральных удобрений и известковых материалов – на 35 %. В колхозах и совхозах введено в эксплуатацию 1,3 млн га осушенных и орошенных земель, культуртехнические работы проведены на площади 1,9 млн га. На жилищное и культурно-бытовое строительство в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР в десятой пятилетке направлено 5,6 млрд руб. капитальных вложений, или в 1,9 раза больше, чем в 1971–1975 гг. Возведены жилые дома общей площадью 22,8 млн кв. м, общеобразовательные школы на 490 тыс. мест, дошкольные учреждения на 178 тыс. мест, больницы на 19 тыс. мест, клубы и дома культуры на 175 тыс. мест. Введено в действие 30 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием. Все это позволило увеличить в десятой пятилетке в Нечерноземной зоне РСФСР производство зерна, мяса, молока и яиц» [6, с. 124–125].

Все эти успехи и достижения открыли путь к новым горизонтам улучшения продовольственного обеспечения народа и укрепления продовольственной безопасности СССР. 24 мая 1982 г. Пленум ЦК КПСС одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 г. с пакетом партийно-правительственных постановлений по обеспечению ее реализации. Была поставлена задача увеличить в этот срок душевое потребление в год мяса и мясопродуктов до 70 кг, рыбы – до 19 кг, молока – до 330–340 кг,

хлебопродуктов – до 135 кг, картофеля – до 110 кг и т. д. Среди основных направлений реализации государственной Продовольственной программы были названы пропорциональное и сбалансированное развитие агропромышленного комплекса, совершенствование планирования, управления и экономического стимулирования во всех его отраслях с максимальной ориентацией производства на достижение высоких конечных результатов, а также – дальнейшее улучшение социально-бытовых условий жизни села [6, с. 280].

Перед Нечерноземьем были поставлены задачи наращивания объемов производства пшеницы, ржи и гречихи, всех видов мяса, для чего требовалось укрепление кормовой базы животноводства, выращивания на промышленной основе высоких урожаев картофеля и овощей.

Рассмотрим ход реализации этих решений на примере Чувашии, которая одной из первых не только в Нечерноземье, но и во всей стране перешла к специализации и концентрации сельхозпроизводства по инициативе первого секретаря обкома КПСС И.П. Прокопьева, еще в 1963 г. защитившего кандидатскую диссертацию по этой проблеме, а 22 ноября 1974 г. предложившего пленуму Чувашского обкома КПСС развернутую программу действий в этом направлении. Илья Павлович руководил обкомом партии около 15 лет (с января 1974 по октябрь 1988 г.). Таким образом, реализация мегапроекта преображения Нечерноземья в республике была осуществлена именно под его руководством. Об итогах развития республики в эти годы И.П. Прокопьев пишет: «Две трети сырья и ресурсов для производства продуктов питания и товаров народного потребления выращивается на земле… “Кто землю лелеет, того она и жалеет”. Следуя этой народной мудрости, труженики сельского хозяйства проявляли особую заботу о повышении ее плодородия. В повышении эффективности сельскохозяйственного производства программным стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 марта 1974 г. “О мерах по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР”.

Из года в год повышалась урожайность сельскохозяйственных культур. В 1976–1989 годы собрано зерновых и бобовых культур по 19,4 ц с га, в 1981–1985 гг. – 20,3 ц, в 1986–1989 гг. – 21 центнер, картофеля соответственно по 104, 131 и 141 центнера с гектара. По урожайности зерновых культур республика уступала лишь Краснодарскому и Ставропольскому краям, и Московской области, а по картофелю занимала первые или вторые места по Российской Федерации.

Выращиванием товарных овощей занимались одиннадцать специализированных совхозов объединения “Чувашплодоовощсовхоз”. В 1986 году ими выращено и продано государству 66,4 тысячи тонн овощей – в два раза больше по сравнению с 1980 г. Расширились площади закрытого грунта.

В ряде хозяйств были возведены теплицы для выращивания овощей под пленкой. На площади 24 га в совхозе "Ольдеевский" были построены зимние остекленные теплицы.

Из пятилетки в пятилетку росло поголовье скота и птицы. В личных хозяйствах, колхозах и совхозах к началу 1988 года содержалось 548 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе 214 тыс. коров), 546 тыс. свиней, 436 тыс. овец. Производство продуктов животноводства к концу 80-х годов составило 53 % от общего объема валовой продукции сельского хозяйства.

Республика заняла лидирующее положение по развитию свиноводства. В 1989 году по сравнению с 1980 годом производство яиц и мяса птицы увеличилось в полтора раза. В результате не только удовлетворялись потребности трудящихся республики, но излишки яиц и мяса птицы вывозились за ее пределы. В 1986–89 годы в хозяйствах всех категорий за год произведено мяса 154 тыс. тонн, молока – 540 тыс. тонн, яиц – 346 млн штук, шерсти – 1300 тонн» [7, с. 32–36].

Таковы результаты интенсификации сельского хозяйства Нечерноземья. В процессе его реализации было достигнуто увеличение производства всех видов сельхозпродукции. Это, в свою очередь, явилось триггером повышения благосостояния советского народа и укрепления экономической безопасности страны. Повысился уровень социальной защищенности и социального самочувствия тружеников села. Окреп АПК, в рамках которого в Нечерноземье возникли и укрепились многие достигшие высоких результатов хозяйства, в том числе совхоз им. В.И. Ленина (Московская область) во главе с П.Н. Грудининым, агрохолдинг «Звениговский» (Республика Марий Эл) под руководством И.И. Казанкова, колхоз им. Ленина (Тульская область), впоследствии агрофирма во главе с Героем Социалистического Труда академиком ВАСХНИЛ В.А. Стародубцевым, колхоз «XII Октябрь» (Костромская область) во главе с П.А. Малининой. Имена этих выдающихся организаторов аграрного производства известны всей стране по заслугам. У них учились и продолжают учиться.

В Чувашии к числу таких самородков относится создатель уникальной системы земледелия, председатель колхоза «Ленинская искра» А.П. Айдак, директор крупного пригородного выращивающего овощи совхоза «Ольдеевский», а затем – генеральный директор агрофирмы «Волжанка» Н.Е. Сухов (руководитель штаба по Нечерноземью Чувашского обкома ВЛКСМ).

Все эти победы достигнуты под мудрым руководством КПСС и при самом активном участии Ленинского комсомола.

Героическая эпоха рождает созвездие героев. Подвиг тружеников Нечерноземья сопоставим с подвигом их отцов и матерей – покорителей целины. Этот подвиг заслуживает глубокого, комплексного научного изучения, плодом

которого должны стать монографии, кандидатские и докторские диссертации. Эта тема – широкое поле работы для историков, экономистов, философов и тружеников других отраслей научной мысли.

Список источников и литературы

1. *Брежнев Л.И.* О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1978 г. // Правда. 1978. 4 июля.

2. ВЛКСМ от съезда к съезду. М.: Молодая гвардия, 1978. 120 с.

3. Земля центра России. Нечерноземье станет землей высокого плодородия // Советская Россия. 1974. 6 апр.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. Т. 12. М.: Политиздат, 1988. 570 с.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. Т. 13. М.: Политиздат, 1988. 664 с.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. Т. 14. М.: Политиздат, 1988. 638 с.

7. *Прокопьев И.П.* Это наша с тобой биография // Дорогой созидания. Воспоминания. Чебоксары: Чебоксар. ин-т экономики и менеджмента, 2006. С. 16–54.

8. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. Изд. 3-е, доп. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 590 с.

A.N. Radichenko

MEGAPROJECT OF NON-BLACK SOIL ZONE TRANSFORMATION

Abstract. The article reveals the importance of the resolution by the Central Committee of the CPSU and Council of Ministers of the USSR «The measures for further development of agriculture of the Non-Black Soil Zone in the RSFSR» as well as successful practical activity of party, state and Komsomol bodies on its realization for increasing the efficiency of the agro-industrial complex and improving the quality of life among population of republics and regions of the Non-Black Soil Zone in Russia and solving the food problem in the country.

Keywords: Non-Black Soil Zone in Russia, agro-industrial complex, intensification of agricultural production, improving the quality of life in rural population, Food Program of the USSR.

УДК 93/94; 631.115.6

Р.Б. Садыкова

МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФАКТОР ПОДЪЕМА УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛА И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ТАССР В 1950–1970-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются меры государства, органов ВЛКСМ по подъему сельскохозяйственного производства и привлечению к этому процессу молодежи. Проведение в 1950–1970-е гг. различных всесоюзных и республиканских молодежных акций, создание условий для повышения квалификации, образовательного уровня, проведения культурного досуга способствовали трудовому воспитанию подрастающего поколения, закреплению молодежи на селе и развитию сельского хозяйства.

Ключевые слова: ТАССР, село, сельское хозяйство, колхоз, молодежь, комсомол, школа.

Развитие сельского хозяйства в ТАССР в рассматриваемый период отмечено рядом как позитивных, так и негативных процессов. В конце 1950-х гг. проводилось укрупнение колхозов и совхозов, которое привело к признанию неперспективными и впоследствии к ликвидации многих сельских населенных пунктов. Вместе с тем в начале 1960-х гг. началось укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов, что существенно повысило уровень механизации в растениеводстве. Увеличились посевные площади сельскохозяйственных культур, поголовье крупного рогатого скота. Мартовский Пленум ЦК КПСС (1965) провозгласил курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства, и со второй половины 1960-х гг. на развитие сельского хозяйства были направлены значительные денежные средства [8, с. 293].

Важная роль в поднятии уровня жизни на селе и развитии сельского хозяйства отводилась молодежи. И здесь необходимо отметить, с одной стороны, меры, принимаемые государством, а с другой – инициативы, исходящие со стороны комсомольских органов.

24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В соответствии с законом вместо 7-летнего вводилось всеобщее обязательное 8-летнее образование. Образовательный процесс предполагал совмещение обучения с общественно полезным трудом. В сельских школах рекомендовали учебный год строить с учетом сезонности сельскохозяйственных работ. Реализация закона вызвала создание в сельских школах пришкольных учебно-опытных садово-огородных участков, учебных

мастерских, ученических производственных бригад. Для старшеклассников организовывались курсы механизаторов, полеводов и животноводов.

В качестве примера можно привести опыт Егоркинской средней школы Нурлатского района. В 1958 г. здесь была создана ученическая производственная бригада из 76 школьников во главе с бригадиром – девятиклассником В. Осиповым. Правление колхоза выделило бригаде 60 га земли для выращивания кукурузы. Зимой школьники на своем участке под руководством учителей проводили снегозадержание, весной вносили в почву перегной, золу, птичий навоз. Осенью учащиеся 8–10 классов проходили десятидневную производственную практику по сельскому хозяйству, убирали картофель. При средней школе для старшеклассников действовали курсы механизаторов и полеводов, по окончании которых выдавались права трактористов и удостоверения полеводов. Таким образом, учащиеся этой и других средних школ оказывали серьезную помощь колхозам во время трудовой практики и летних каникул [4, с. 182].

Интересный опыт сложился и в Дрожжановском районе Татарии. Полвека проработал в Марсовской средней школе с. Нижний Каракитан заслуженный учитель школы РСФСР, отличник народного просвещения РСФСР, отличник просвещения СССР Заки Юнусович Азизов. В 1958 г. он организовал ученическую производственную бригаду по выращиванию многолетних трав, картофеля и зерновых культур, которой руководил 40 лет. Бригада неоднократно занимала призовые места по ТАССР и СССР, была награждена дипломом I степени ВДНХ СССР, дважды – легковым автомобилем, стала лауреатом премии комсомола Татарстана им. Мусы Джалиля. В 1987 г. в научно-производственном объединении «Нива Татарстана» при участии учебно-производственной бригады Марсовской средней школы под руководством З.Ю. Азизова был выведен перспективный сорт гречихи «Каракитянка», названного в честь села [3, с. 48].

К слову сказать, комсомольско-молодежные бригады и звенья в колхозах создавались и ранее. В 1937 г. выпускница Рунгинской 7-летней школы Буинского района А.И. Николаева начала работать в колхозе, стала бригадиром полеводческой бригады колхоза им. Коминтерна, а в 1947 г. возглавила созданное комсомольско-молодежное звено по выращиванию зерновых культур. В первый же год звено получило высокий урожай ржи – 31 ц с га, за что Александра Ивановна, которой едва исполнилось 24 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1948 г. была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Всю свою жизнь она посвятила сельскому хозяйству, животноводству, много лет проработала заведующей колхозной фермой [1, с. 470].

В конце 1950-х гг. Татарская областная организация ВЛКСМ объявила комсомольский поход за культуру, целями которого, с одной стороны, стали подъем общего культурного уровня юношей и девушек, повышение грамотности, а с другой – строительство и благоустройство культурных объектов и спортивных сооружений. В связи с положительными результатами данная инициатива получила дальнейшее развитие в марте 1965 г., когда V пленум Татарского обкома комсомола объявил уже республиканский молодежный поход «За высокую культуру труда и быта на селе», т. е. акцент был сделан именно на сельской местности. Принятое постановление включало мероприятия по развитию сельскохозяйственного производства (повышение урожайности, рациональное использование сельхозмашин, шефство комсомольских организаций над электрификацией и механизацией процессов в сельском хозяйстве) и по повышению профессиональных знаний, квалификации сельской молодежи, широкой пропаганде вечернего и заочного обучения.

В рамках молодежного движения в период весенне-полевых и уборочных работ проводились соревнования за звание «Батыр весеннего сева» и «Герой хлебного фронта». Победителям соревнований вручались переходящее Красное знамя и денежная премия в размере 500 руб., а отличившимся организациям вручались комплекты спортивного инвентаря, оборудование для туристических баз, наборы музыкальных инструментов [7, с. 48].

Информации райкомов ВЛКСМ показывают, что помощь сельской школе стала органичной частью работы комсомольских организаций колхозов, совхозов, предприятий и школ. Так, например, в Балтасинском районе республики в 1966 г. насчитывалось более 3 тыс. комсомольцев. Около 400 из них трудились в животноводстве. Ежегодно кадры сельскохозяйственных рабочих пополнялись выпускниками средних школ. Например, на фермы колхоза «Активист» в этот год по комсомольским путевкам пришли 8 выпускников Ципьинской средней школы. При многих фермах работали зоокружки, где повышали свою квалификацию около 200 юношей и девушек. Около 400 комсомольцев работали механизаторами и шоферами. Почетного звания «Батыр весеннего сева» и «Герой хлебного фронта» в этом сезоне были удостоены 10 механизаторов [2, л. 165].

В 3 совхозах и 16 колхозах Лениногорского района трудились более 1 тыс. комсомольцев и молодежи. Среди механизаторов и животноводов также шло соревнование за право называться комсомольско-молодежным агрегатом или фермой. В сезон уборки хорошо потрудились не только комбайнеры, которые значительно перевыполнили план по уборке хлеба, но и шоферы, трактористы, которые сэкономили десятки и сотни литров горючего. В большинстве колхозов комсомольцы взяли шефство над механизацией трудоемких процессов в животноводстве, а также над домами животноводов. Во время уборки в

полевых станах наблюдалось большое оживление. Ежедневно выпускались боевые листки, работали передвижные библиотеки, «Комсомольский прожектор» [2, л. 100].

В декабре 1968 г. VI пленум ЦК ВЛКСМ объявил Всесоюзную двухлетку «Комсомол – сельской школе». Мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, были направлены на создание материальной базы для перехода сельских школ на всеобщее среднее образование. В мае 1969 г. бюро Татарского ОК ВЛКСМ приняло постановление об участии комсомольской организации республики в двухлетке. В ходе реализации проекта была проведена большая и разнообразная работа: строительство и ремонт школьных зданий, интернатов, домов для учителей, спортзалов, спортплощадок, столовых, оборудование кабинетов, мастерских, фотолабораторий и радиоузлов. Был организован сбор и передача в библиотеки сотен тысяч экземпляров книг, комплектов наглядных пособий. Одним из направлений работы в рамках двухлетки стало закрепление в сельском хозяйстве молодежи – выпускников сельских школ. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году» ставило задачу путем разъяснительной работы среди выпускников обеспечить закрепление в сельскохозяйственном производстве не менее 500 тыс. юношей и девушек. Анализ архивных документов показал, что совместные усилия школьных коллективов и правлений колхозов дали определенные результаты, и в некоторых районах республики число выпускников, оставшихся работать в родном селе, достигало 50 % [6, с. 69].

Постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ, Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию от 5 февраля 1971 г. был объявлен Всесоюзный смотр технической подготовки и профессионального мастерства сельской молодежи. В рамках смотра комсомольские организации Агрызского района Татарии строили свою работу по вовлечению сельской молодежи в технический всеобуч под девизом «Живешь на селе – знай технику». В 1974–1975 гг. по комсомольским путевкам в сельские профтехучилища было направлено 120 юношей и девушек. Из профтехучилищ в хозяйства с начала смотра вернулось 130 чел. 220 молодых механизаторов повысили свою классность [5, с. 198].

2 июля 1973 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы». В нем отмечалось, что сельская общеобразовательная школа имеет важное значение в решении задач социально-экономического и культурного строительства, в преодолении существенных раз-

личий между городом и деревней. Многие сельские общеобразовательные школы размещались в плохо приспособленных к занятиям помещениях, не имели оборудованных учебных кабинетов, мастерских, работали в две смены, испытывали недостаток учебной и методической литературы. Подвоз учащихся к школам и содержание их в пришкольных интернатах нередко были организованы неудовлетворительно. Все это отрицательно сказывалось на закреплении кадров рабочих и специалистов в колхозах и совхозах.

Данным постановлением ЦК ВЛКСМ было поручено принять меры к расширению движения «Комсомол – сельской школе», рассматривая его как почетный вклад Ленинского комсомола в дело укрепления сельской общеобразовательной школы, совершенствования коммунистического воспитания учащихся, подготовки их к производительному труду в сельском хозяйстве. Была поддержана инициатива ЦК ВЛКСМ о направлении в сельские районы строительных отрядов из числа молодых рабочих, колхозников, студентов и учащихся для строительства школ, интернатов для учащихся и жилых домов для учителей. Вовлечение школьников и молодежи в движение «Комсомол – сельской школе» не только способствовало разностороннему трудовому воспитанию подрастающего поколения, но и позволило существенно улучшить материально-техническую базу и поднять уровень учебно-воспитательного процесса сельских школ, сократив отставание их от городских.

Хотелось бы отметить и такую традицию, которая сложилась в эти годы и продолжилась дальше в 1980-е гг. Ее очень наглядно характеризует обращение выпускников 1986 г. средних школ Рыбно-Слободского района ТАССР к выпускникам 1987 г.: «Мы, 134 юношей и девушек, выпускники 1986 года, по зову сердца остались на один год в родных хозяйствах. Школьные годы подготовили нас к этому шагу. Сегодня наши мысли связаны с родным селом, где каждое деревце, тропинка, каждый дом знакомы и дороги сердцу, судьба нашего села – это наша судьба, судьба молодежи. Руководители хозяйства заботятся о нашем труде и быте, делают все для того, чтобы мы, молодые, работали с огоньком, хорошо отдыхали, росли духовно. На заботу старших мы отвечаем ударным трудом. Все включались в социалистическое соревнование по достойной встрече XX съезда ВЛКСМ и 70-летия Великого Октября. В этот знаменательный для нас год начнут свой трудовой путь сотни выпускников средних школ нашего района. Дорогие друзья, мы призываем вас начать его с благородного труда хлебороба, животновода, строителя, влиться в ряды наших славных сельских тружеников. Всегда помните, что от вашего добросовестного и ударного труда в агропромышленном комплексе зависит реализация продовольственной программы, благосостояние народа, наше будущее» [5, с. 236].

Создание условий для повышения общеобразовательного уровня, учебы молодежи, строительство спортивных и культурных объектов, поддержание

добрых традиций на селе (например, торжественные проводы в ряды Советской армии, встречи трех поколений) – все это способствовало тому, чтобы молодежь оставалась работать в родном селе, чувствовала свою значимость и поддержку государства и правлений колхозов и совхозов. Конечно, село не могло еще составить достойную конкуренцию работе в городе как по заработной плате, так и по условиям труда, но все же в эти годы сделано было немало как со стороны государства, так и молодежных организаций, и многие юноши и девушки связали свою судьбу с сельским хозяйством и родным селом.

Список источников и литературы

1. Буинская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2022. 808 с.

2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-4034. Оп. 42. Д. 516.

3. Дрожжановская энциклопедия / сост. И.З. Закиров. Старое Дрожжаное: [б. и.], 2020. 696 с.

4. *Ендиряков В.А.* Село Егоркино Нурлатского района Республики Татарстан (1710–2010). Чебоксары: [б. и.], 2011. 268 с.

5. История комсомола Татарстана в документах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. 1919–1991 гг.: сб. документов и материалов / отв. сост. В.Г. Хамидуллина, Г.В. Гаффарова; сост. Р.Б. Садыкова, Л.В. Хузеева, Г.Н. Фаезова, Р.Ю. Махмутова. Казань: Глав. архив. упр. при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014. 320 с.

6. *Садыкова Р.Б.* Всесоюзное движение «Комсомол – сельской школе» и участие в нем молодежи Татарии (1969–1975 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2024. № 1. С. 66–77.

7. *Садыкова Р.Б.* Участие комсомольцев и молодежи Октябрьского района ТАССР в республиканском походе «За культуру труда и быта на селе» в 1965–1967 гг. // Научный Татарстан. 2022. № 2. С. 46–53.

8. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5: Р–С–Т. 736 с.

R.B. Sadykova

YOUTH INITIATIVES AS A FACTOR OF RAISING THE LIVING STANDARDS IN THE VILLAGE AND AGRICULTURE DEVELOPMENT IN THE TASSR IN 1950–1970s

Abstract. The article deals with the measures taken by the state and the All-Union Leninist Young Communist League to raise agricultural production and attract young people to this process. Conducting in 1950–1970s various all-Union and republican youth actions, creation of conditions for improvement of qualification, educational level, carrying out of cultural leisure contributed to labor education of the younger generation, attaching the youth to the village and agriculture development.

Keywords: the TASSR, village, agriculture, collective farm, the youth, Komsomol, school.

УДК 94(47).(57).084.8

Б.У. Сераэетдинов

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ (1941–1945): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматриваются подходы отечественной исторической науки к изучению вопросов и проблематики аграрного сектора военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Показаны основные этапы развития отечественной историографии этого вопроса. Современная историография отошла от прежних концепций и освободилась от идеологического контроля, что способствует многогранному и разностороннему рассмотрению проблемы. Намечаются новые подходы в исследованиях.

Ключевые слова: аграрная сфера, военная экономика, Западная Сибирь, Великая Отечественная война, историография, исследования.

В период Великой Отечественной войны в производстве сельскохозяйственной продукции и пополнении продовольственных фондов страны внесли огромный вклад и труженики сельского хозяйства восточных районов. Аграрный сектор военной экономики Западной Сибири в течение 1418 дней и ночей дал Красной Армии и стране в достаточном количестве продовольствие, а промышленности – сырье.

В Западную Сибирь в 1941 г. входили Алтайский край, Новосибирская и Омская области. В 1943 г. из состава Челябинской области выделилась Курганская область, которую включили в Западно-Сибирский экономический район. В том же году из Новосибирской области выделили Кемеровскую область. В 1944 г. из Новосибирской области выделили Томскую область, из Омской – Тюменскую область. При образовании новых областей часть районов Курганской, Кемеровской областей и Алтайского края передали соответственно в состав Тюменской, Томской и Новосибирской областей.

Великая Отечественная война поставила перед всеми работниками сельского хозяйства нашей Родины большие и трудные задачи. Эти задачи пришлось решать в исключительно сложных условиях. Важнейшие сельскохозяйственные районы страны – Украина, Белоруссия, а позднее Дон и Кубань – были заняты врагом. Вся тяжесть по снабжению фронта и страны продуктами сельского хозяйства легла на восточные районы, в том числе на Западную Сибирь, один из крупнейших регионов Советского Союза.

Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, значимостью сельскохозяйственного производства как отрасли народного хозяйства. Продукция составляющих его отраслей необходима для жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом.

В то же время тяжелейший период российской истории, связанный с Великой Отечественной войной, был и остается одним из приоритетных направлений научных исследований. В этой связи изучение проблем развития сельского хозяйства Западной Сибири на фоне огромных материальных и людских потерь и многочисленных трудностей военного времени, когда труженикам села приходилось выполнять важнейшую задачу обеспечения фронта и тыла продовольствием и сырьем, имеет важное научно-практическое значение.

Необходимость обращения к истории села Западной Сибири в период военного лихолетья определяется и современным состоянием сельского хозяйства. Реформы, проводимые в 90-е гг. XX в., а также в последнее десятилетие, характеризуются чередой экономических кризисов (2008–2009, 2014–2015, декабрь 2019 г. – настоящее время), введением санкций против нашей страны и ответным продовольственным эмбарго, пандемией, вызванной новым видом вируса. Все эти события негативно отражаются на реальном секторе экономики вообще и сельском хозяйстве, в частности.

Как правило, именно в период кризисов особую актуальность приобретают вопросы продовольственной обеспеченности населения, ответы на которые невозможно найти без оценки состояния отрасли сельского хозяйства Западной Сибири в годы военного лихолетья.

В поисках ответа на вопрос о путях и способах преодоления кризисного состояния сельскохозяйственного производства закономерным является обращение к историческому опыту, его осмысление и извлечение уроков из прошлого. По нашему мнению, наиболее важными аспектами опыта функционирования аграрного сектора военной экономики Западной Сибири в экстремальных условиях военного времени являются, во-первых, пути и методы мобилизации внутренних резервов производства, использование различных новаторских приемов и, во-вторых, влияние государственного регулирования на отдельные отрасли сельского хозяйства.

Детальное изучение истории сельского хозяйства на местном уровне объясняется тем, что социально-экономические процессы, происходившие в Западной Сибири в военный период, не всегда были тождественны общесоюзным явлениям и имели специфику, обусловленную его положением как промышленно развитого региона.

В 2022 г. появляется коллективная монография, где анализируются факторы развития и результаты аграрной политики в СССР [31] и в которой

имеется отдельный параграф во второй главе «Мобилизационная экономика и колхозная система в СССР в годы Великой Отечественной войны». В ней отмечается, что чрезвычайные условия военного лихолетья потребовали колоссального напряжения сил и концентрации ресурсов, но в итоге мобилизационные усилия обернулись деградацией хозяйственного потенциала советской деревни. Для выхода из критической ситуации из арсенала компенсационных средств кризисного менеджмента советское руководство вновь извлекает использование рыночных элементов, сделав ключевую ставку на индивидуальную сдельщину и материальную заинтересованность колхозников [31, с. 136–170].

Постсоветский период начинается в начале 90-х гг. XX в. и продолжается до сих пор. В эти годы в исторической науке складывается новая ситуация, связанная с процессами либерализации общественной жизни, что делает возможным восстановление полной и объективной картины прошлого. Исследования указанного периода характеризуются новизной подходов и попытками переосмысления накопленного ранее фактического материала.

В 1990-х гг. появляются работы В.Т. Анискова, написанные в жанре научной публицистики, в которых автор выходит на новый уровень изучения истории крестьянства. Меньше внимания уделяется производственной тематике, более подробно рассматриваются социальные проблемы – охрана здоровья, образование сельского населения, а также психология, мотивация трудовой деятельности крестьян [2–6].

В середине 90-х гг. XX в. выходит работа М.А. Вылцана, по жанру относящаяся скорее не к научному исследованию, а к публицистике [10]. Для этой публикации характерна, на наш взгляд, излишняя эмоциональность и тенденциозность. Автор справедливо называет крестьянство многострадальным классом, однако преувеличивает недостатки партийно-административной системы, объясняя трудовые достижения крестьян страхом перед партийно-государственными органами и говоря о развале колхозной системы в годы войны.

В дальнейшем данная оценка в более мягкой форме была воспроизведена в разделе о состоянии сельского хозяйства страны и жизни советской деревни в военные годы в коллективной монографии «Война и общество», вышедшей под редакцией академика Г.Н. Севастьянова. Его авторы, М.А. Вылцан и В.В. Кондрашин, показали резкое усиление налогового пресса государства на крестьян в годы войны, рассмотрели ситуацию в личном подсобном хозяйстве колхозников в данный период, сделав вывод о кризисе колхозного производства в годы Великой Отечественной войны, несмотря на его несомненные достижения в плане обеспечения фронта продовольствием и сырьем [11].

Томский историк А.С. Шевляков исследовал политотделы МТС и совхозов. Данной теме посвящены его диссертация, монография и серия статей [38–41]. Автор рассматривает организационно-хозяйственную, политико-массовую работу политотделов, их руководство социалистическим соревнованием, при этом характеризует политотделы как чрезвычайные партийно-государственные органы управления, сочетавшие в себе одновременно политические, карательно-административные и хозяйственные функции.

В указанный период выходят публикации, главным образом статьи, в которых рассматриваются вклад сибирского крестьянства в победу над врагом, состояние материально-технической базы и трудовых ресурсов сельского хозяйства в военный период [19; 23; 26].

Определенный объем информации заключен в трудах, где сельское хозяйство не является специальным объектом изучения, но в той или иной степени затрагиваются отдельные проблемы сельскохозяйственного производства в годы войны. Прежде всего, это публикации, посвященные продовольственному снабжению трудящихся. Одна из глав монографии В.С. Кожурина [25] посвящена деятельности государства по продовольственному обеспечению рабочих в годы войны. Весьма обстоятельно автор анализирует причины форсированного развития системы подсобных хозяйств, а также трудности, которыми сопровождался этот процесс.

Особенности решения продовольственной проблемы в военные годы раскрывает в своей диссертации С.В. Зяблицева [22]. К этой проблеме обращались и другие авторы [13].

Ценным источником являются работы, в которых рассматриваются различные стороны демографического развития сельского хозяйства Сибири [14–17; 43]. Данные о движении сельского населения в военный период имеются в диссертации и статье Т.М. Бадалян [7; 8].

Заслуживает внимания работа Е.А. Добрыгиной [14–17], раскрывающая основные тенденции демографического развития сельских районов Кузбасса в годы Великой Отечественной войны.

Проблемы повседневной жизни крестьян в годы войны, состояние трудовых ресурсов исследовались в ряде статей сибирских историков [13; 14; 24]. В 2000-е гг. плодотворно работали над изучением различных аспектов жизни крестьянства, в том числе в условиях войны, историки-аграрники под эгидой Института истории СО РАН в Новосибирске [1; 27]. В частности, в монографии «Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы» они подтвердили факты усиления налогового обложения колхозов и колхозников, а также введения новых натуральных повинностей в военное время [30, с.109].

1990-е гг. стали своеобразным историографическим рубежом в изучении социального протеста крестьянства. Новое понимание проблемы было положено в основу многих вышедших в эти годы исследований и публикаций документов, ранее недоступных для исследователей архивных фондов и материалов. Отечественные ученые пытались изучить причины различных форм сопротивления деревенских жителей мероприятиям власти в годы войны [12; 21; 28; 34; 42].

В серии статей исследователь А.С. Шевляков раскрыл состояние трудовой дисциплины в колхозах Сибири, привел ряд документальных свидетельств голода в колхозах региона в годы войны [41; 42].

В статье С.В. Шарапова [35] анализируется дифференциация условий, в которых находились колхозы Новосибирской области в структуре аграрного сектора экономики в годы военного лихолетья. Высокий уровень обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов от личного подсобного хозяйства вызывал протест крестьян.

В последние годы заметно оживился интерес историков к изучению жизни села в годы войны на примере отдельных областей и краев – «локальная история» [12; 18; 20; 44]. Такой подход представляется вполне оправданным, ибо он позволяет исследователям раскрывать проблемы глубоко, анализировать ситуацию на уровне сельского района, отдельного колхоза, крестьянской семьи.

Исследование хлебозаготовительной политики государства в годы войны остается актуальной задачей для историков, изучающих функционирование аграрного сектора военной экономики Западной Сибири в военный период. В статьях С.В. Шарапова показано, как уборочная и хлебозаготовительная кампании проходили в 1941 г. в Новосибирской области и в Западной Сибири [36; 37]. Он отмечает, что комплекс принятых мер мобилизационного, пропагандистского и репрессивного характера все же позволил в ноябре-декабре усилить темпы хлебосдачи, при том что планы составлялись в отрыве от экономических возможностей производителей и методы командно-административного давления на деревню приводили к многочисленным дисбалансам в отрасли.

Существенный вклад в изучение сельскохозяйственной отрасли Кузбасса в годы войны вносят работы Т.Ю. Хромовой [32–34]. Автору удалось собрать, обобщить и проанализировать значительный материал по состоянию сельскохозяйственного производства, трудовым ресурсам деревни, подготовки кадров колхозников и др. Работы отличаются основательным анализом архивных документов. Однако проблемы личного подсобного хозяйства колхозников, социальной сферы деревни не получили достаточного освещения.

Впервые А.В. Викторовым [9] в диссертации определены особенности социально-экономического положения колхозного крестьянства Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. В научный оборот введены новые исторические источники, в том числе ранее неопубликованные архивные документы, позволяющие существенно уточнить представления об условиях жизни крестьянства в этот период. В исследовании впервые отражены меры государственного административно-карательного воздействия на крестьян в регионе за нарушение трудовой дисциплины. В работе в полном объеме раскрыты основные источники доходов колхозников в годы войны, их роль и соотношение в обеспечении жизни крестьян и членов их семей. Приведены обобщенные сведения, позволяющие судить о тенденциях в политическом руководстве деревней, развитии медицинского обслуживания и образования, работе сельских культурных просветительных учреждений.

Среди публикаций на тему повседневной жизни сельского населения Алтайского края в военные годы следует отметить две работы Т.К. Щегловой, выполненные при финансовой поддержке РГНФ (проект «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации»), а также кандидатскую диссертацию А.В. Рыкова.

В первой работе Т.К. Щегловой выявлены основные источники продовольственного обеспечения колхозников в годы войны в условиях недоедания и голода из-за чрезмерных государственных заготовок сельхозпродукции, различных натуральных повинностей и природных катаклизмов [45]. Во второй на основе привлечения новых источников автор охарактеризовал экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны [46]. Наибольшую ценность в диссертации А.В. Рыкова представляют статистические данные годовых отчетов колхозов и бюджетов колхозников. Также оригинальным в этом исследовании является привлечение материалов устной истории. Кроме того, автором проведен добротный анализ проблем, недостаточно проработанных в историографии: натурального налогообложения колхозного крестьянства, динамики колхозной торговли в разных типах сельских населенных пунктов, масштабов привлечения сельского населения края в качестве источника для трудовой мобилизации, изменения структуры потребления, иных проблем [29].

Таким образом, истории сельского хозяйства Западной Сибири периода Великой Отечественной войны посвящено немало специальной литературы, историками накоплен и обобщен значительный материал. В этом отношении постсоветский период также стал плодотворным, когда был преодолен упрощенный подход к периодизации развития аграрного сектора военной экономики Западной Сибири в годы военного лихолетья, пересмотрен ряд уста-

ревших концепций, что позволило создать более объективную картину происходивших в деревне процессов.

Наиболее полно исследован весь комплекс проблем, связанных с организацией аграрного производства в период войны, с мобилизацией материальных и людских ресурсов сельского хозяйства на военные нужды, особенности колхозного производства, состояние производительных сил совхозов, колхозов и МТС. Изучены изменения численности и состава крестьянства. Подробно освещены вопросы партийно-государственного руководства отраслью в годы войны, а также социалистического соревнования. Определен вклад Западной Сибири в обеспечение фронта и тыла продовольствием.

В то же время, несмотря на то, что в настоящее время появились благоприятные возможности для новых исследований, связанных с открытостью российского общества и рассекречиванием архивных материалов, в этот период выходит сравнительно небольшое количество публикаций по проблемам сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что ряд важных проблем истории крестьянства военного времени исследован недостаточно. К числу таких проблем, по нашему мнению, относятся: характер мотивации труда в общественном производстве; степень применения карательных санкций в отношении колхозников в регионах; конкретные доходы тружеников села Западной Сибири от коллективного хозяйства; личное подсобное хозяйство, торговля и налогово-податное обложение крестьян; социальная сфера и повседневная жизнь деревни.

Между тем дальнейшего изучения требует ряд проблем:

– динамика сельскохозяйственного производства и его состояния к концу войны. В частности, на наш взгляд, в критическом переосмыслении нуждается тезис о том, что животноводство от войны пострадало значительно меньше, чем зерновое производство;

– комплекс причин, которые начиная с 1943 г. привели к сокращению посевных площадей;

– вопрос о соотношении различных секторов сельскохозяйственного производства – колхозов, совхозов, подсобных хозяйств предприятий и организаций и др., – в производстве продукции;

– вопрос о формах взаимопомощи и взаимосвязи между городом и деревней в условиях военного времени;

– проблема изменения численности сельского населения и трудовых ресурсов колхозов под воздействием мобилизаций в армию и промышленность и встречного движения, связанного с эвакуационными и переселенческим процессами;

– проявления протеста крестьян Западной Сибири в период Великой Отечественной войны; способы сопротивления крестьян в социально-политической и духовной сферах; динамика протеста в годы военного лихолетья.

Список источников и литературы

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке, очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 307 с.

2. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1993. 243 с.

3. *Анисков В.Т.* О бедной деревне замолвите слово..., 1941–1945–19??: Соц. жертвенность и судьбы крестьянства: науч. публицистика / Вологда: Вологод. ин-т повышения квалификации и переподгот. пед. кадров; Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1996. 206 с.

4. *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства / Междунар. акад. наук высш. шк. и др. Вологда; Ярославль: Изд-во Вологод. ИПК и ППК, 1998. 286 с.

5. *Анисков В.Т.* О заготовках и голоде в сибирской деревне 1941–1945 гг. // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. / редкол.: В.Л. Кожевин (отв. ред.) и др. Омск: [б. и.], 1995. С. 11–17.

6. *Анисков В.Т.* Изучение деревни военных лет – на новый уровень // Сибирь – фронту: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (Кемерово, 12 мая 2000 г.) / [редкол.: З.П. Галаганов и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. С. 90–94.

7. *Бадалян Т.М.* Изменение численности и состава сельского населения Западной Сибири. 1946–1959 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. АН Сиб. отд-ние. Ин-т истории. Новосибирск, 1995. 25 с.

8. *Бадалян Т.М.* Численность сельского населения Западной Сибири в первые послевоенные годы // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. / [сост. и авт. предисл. А.Т. Москаленко]. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 327–331.

9. *Викторов А.Ю.* Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2011. 26 с.

10. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М.: РНФ, 1995. 79 с. (Научные доклады / Рос. науч. фонд, Моск. отд-ние).

11. *Вылцан М.А.* Патриотизм крестьянства // Война и общество: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

12. *Гончаренко О.Н.* Роль социалистического соревнования в сельскохозяйственной отрасли Тюменского края в годы Великой Отечественной войны // Тенденции развития науки и образования. 2020. Август. № 64. Ч. 3. С. 67–70.

13. *Горелов Ю.П.* Подсобные хозяйства госпиталей Западной Сибири в 1941–1945 гг. // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. / [сост. и авт. предисл. А.Т. Москаленко]. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 162–164.

14. *Добрыгина Е.А.* Основные тенденции демографического развития сельских районов Кемеровской области в 1943–1959 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы IV Всерос. науч. чтений (Кемерово, 22 сентября

2006 г.) / [редкол.: К.А. Заболотская (отв. ред.) и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 242–248.

15. *Добрыгина Е.П.* Особенность демографических процессов в кузбасском селе в 1943–1945 гг. // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2005. Вып. 6: материалы XXXII апрельской конференции студентов и молодых ученых КемГУ. Т. 1. С. 84–86.

16. *Добрыгина Е.П.* Влияние Второй мировой войны на демографическую ситуацию в аграрном секторе Кемеровской области в 1943–1945 гг. // Вторая мировая война и уроки истории для Германии и России: материалы Междунар. науч. конф. (Кемерово, 23–25 сент. 2005 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 212–216.

17. *Добрыгина Е.П.* Демографическая ситуация в сельских районах Кузбасса в 1943–1945 гг. // Священная война. Кемерово, 2010. С. 148–151.

18. *Жевалов С.А.* Продовольственный вклад Омской области в Великую Победу (по материалам Российского государственного архива экономики) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. Т. 8. № 1 (29). 2021; Т. 8. № 1 (29). 2021. С. 28–33.

19. *Занданова Л.Б.* Влияние Великой Отечественной войны на состояние трудовых ресурсов Сибири // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 156–160.

20. *Звонарёва Л.В.* Вклад тружеников сельского хозяйства Викуловского района Тюменской области в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Universum: общественные науки: электрон. науч. журн. 2018. № 4 (45). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/5795 (дата обращения: 15.10.2024).

21. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С 3–26.

22. *Зяблицева С.В.* Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 1995. 242 с.

23. *Ильиных В.А.* Сибирская деревня в годы военного лихолетья // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. / [сост. и авт. предисл. А.Т. Москаленко]. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 142–145.

24. *Исаев Ю.К.* Военное лихолетье алтайских сельчан // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. / [сост. и авт. предисл. А.Т. Москаленко]. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 145–149.

25. *Кожурин В.С.* Неизвестная война: Деятельность советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны / Акад. обществен. наук при ЦК КПСС; Каф. истории СССР. М.: АОН, 1990. 288 с.

26. *Мотревич В.П.* Вклад сельского хозяйства Сибири в победу в Великой Отечественной войне // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. / [сост. и авт. предисл. А.Т. Москаленко]. Новосибирск: [б. и.], 1995. С. 136–140.

27. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / отв. ред. В.А. Ильиных; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Изд-во Ин-та дискрет. математики и информатики, 2001. 186 с.

28. *Плотников И.В.* Крестьянские волнения на Урале // Отечественная история. 1998. № 2. С. 77–91.

29. *Рыков А.В.* Экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2019. 26 с.

30. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.

31. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991) / отв. ред. О.А. Сухова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 764 с.

32. *Хромова Т.Ю.* О подготовке кадров для сельского хозяйства Кузбасса в условиях войны // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. трудов: в 3 ч. Омск: Омск. аграр. гос. ун-т, 2002. Ч. II. С. 120–122.

33. *Хромова Т.Ю.* О некоторых аспектах решения проблемы трудовых ресурсов села в годы войны // Проблемы истории Кузбасса: материалы научно-практич. конф. Прокопьевск: [б. и.], 2002. С. 77–80.

34. *Хромова Т.Ю.* Сельское хозяйство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2005. 25 с.

35. *Шарапов С.В.* Трудовое поведение колхозного крестьянства в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.: конъюктурные факторы влияния (по материалам Новосибирской области) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. статей / отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. М.: Центр экономич. истории ИРИ РАН, 2024. С. 339–347.

36. *Шарапов С.В.* Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 176–187.

37. *Шарапов С.В.* Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты = Grain Procurement in Western Siberia During the Great Patriotic War: Plans and Results // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2021. № 5. С. 155–174.

38. *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны: науч. издание / ред. Ю.В. Куперт. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 198 с.

39. *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири (1930–1940-е гг.): автореф. дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 2000. 52 с.

40. *Шевляков А.С.* Чрезвычайные органы управления в МТС и совхозах Западной Сибири военного времени (1941–1943 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв.: материалы третьей регионал. науч. конф., 19–20 нояб. 1998 г. / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 1998. С. 121–123.

41. *Шевляков А.С.* Трудовая дисциплина в колхозах Сибири в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг: к 55-летию Победы: тезисы докладов Всерос. молодеж. научно-практич. конф., 26–27 апр. 2000 г. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. С. 28–30.

42. *Шевляков А.С.* Документальные свидетельства о голоде в сибирской деревне в годы Великой Отечественной войны // По страницам истории и судьбы: к 70-летию профессора Ю.В. Куперта. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 66–70.

43. *Шипилина Г.В.* Демографическое развитие крестьянства Томской области в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2007. № 300 (III). Июль. С. 69–72.

44. *Шипилина Г.В.* Сельское хозяйство и крестьянство Томской области в середине 1940-х – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2008. 26 с.

45. *Щеглова Т.К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015. 131 с.

46. *Щеглова Т.К.* Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации по материалам полевых исследований 2015–2017 годов // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год: материалы XIII Междунар. научно-практич. конф. (Горно-Алтайск, 24–28 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: Библиотечно-изд. центр ГАГУ, 2018. Вып. 13. С. 194–201.

B.U. Serazetdinov

AGRARIAN SECTOR OF MILITARY ECONIMICS OF WESTERN SIBERIA DURING THE HARD TIMES (1941–1945): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM IN THE POST-SOVIET PERIOD

Abstract. The article deals with the approaches of domestic historical science to the study of issues and problems in the agrarian sector of the military economy of Western Siberia during the Great Patriotic War. The main stages of domestic historiography development have been shown. Modern historiography has moved away from previous concepts and freed itself from ideological control thus contributing to a multifaceted and versatile consideration of this problem. This research outlines new approaches to study this problem.

Keywords: agrarian sphere, war economy, Western Siberia, the Great Patriotic War, historiography, research.

УДК 94:323.33(476) «194/199»

М.И. Старовойтов

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР (1946–1991)

Аннотация. В статье дана демографическая и социокультурная характеристика сельского населения БССР с первых послевоенных лет и до конца советского периода. Автором сделаны аргументированные выводы об основных факторах отрицательной динамики сельского населения, значительных прогрессивных изменениях в социальном и культурном облике жителей белорусского села.

Ключевые слова: БССР, динамика численности, демографические последствия Великой Отечественной войны, социальный и культурный облик, сельское население.

Данная проблема в отечественной исторической науке недостаточно исследована, поэтому и в научной, и в учебной практиках она не рассматривалась в силу засекреченности до конца 1980-х гг. основного массива документов и материалов. На это положение автор обратил внимание на межвузовской республиканской конференции в 2020 г. [14]. Только частично затронуты отдельные аспекты обозначенной нами проблемы в монографии Н.В. Смеховича [13]. С учетом возможного объема публикации остановимся на динамике численности, социальной и культурной (за основу взят уровень образования) характеристике сельского социума. Таблицы составлены и проценты рассчитаны автором.

Во второй половине XX в. проявился глобальный феномен демографического характера в связи с ускорением урбанизации, депопуляцией и старением сельского населения. Политические, экономические и демографические процессы повлияли на изменения численности и социокультурного облика населения белорусского села. Наряду с этими факторами на динамику численности сельского населения резко отрицательно повлияли огромные потери в годы Великой Отечественной войны. Сельское население, и прежде всего этнические белорусы, составляли абсолютное большинство в довоенной БССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., соответственно 75,3 % и 83,0 % [2, л. 1, 12].

В административных границах на 1 января 1941 г. все население БССР составляло 10 454,9 тыс. чел., в том числе городское – 2336,1 тыс. чел. и сельское – 8118,8 тыс. чел. [15, с. 3]. При установлении границы между СССР и Польшей в 1944 г. 17 районов Белостокской области (была упразднена) и 3 района Брестской области были переданы Польше. По данным управления

статистики уполномоченного Госплана СССР по БССР, численность населения в границах 12 областей на 1 января 1945 г. составила 5200,8 тыс. чел. сельского населения и 1064,0 тыс. чел. городского, а всего – 6264,8 тыс. чел. [10, л. 1]. Известный белорусский экономист-демограф еще 50 лет назад отмечал, что в республике «интенсивность потерь была в два с лишним раза больше, чем в любом другом государстве, участвовавшем во Второй мировой войне» [12, с. 11]. В связи с подготовкой 10-томной истории Великой Отечественной войны к 50-летию Победы (в силу многих причин издание не было осуществлено, а позже вышло 12-томное издание, подготовленное российскими историками) было установлено, что Советский Союз в борьбе с фашизмом понес самые тяжелые потери – 27 млн чел. В БССР погибло около 3 млн чел. [1, с. 496].

В послевоенной БССР аграрная республика с помощью союзных республик начала создавать мощный индустриальный потенциал. В это же время общегосударственные интересы требовали скорейшего восстановления и развития других регионов страны, где требовались трудовые ресурсы. Это восстановление шахт Донбасса, Калининграда и области, освоения целинных земель, экономическое развитие Сибири, Казахстана и других регионов страны. В 1950–1964 гг. в эти регионы из Беларуси выбыло свыше 1 млн чел. За этот период, несмотря на большой естественный прирост населения, из-за отрицательного сальдо миграции прирост населения составил 747 тыс. чел., и его численность достигла на 1 января 1965 г. 8456 тыс. чел. [12, с. 11, 12]. Довоенный уровень численности населения Беларуси будет достигнут к середине 1970-х гг.

Административно-территориальные преобразования в БССР, после воссоединения белорусского народа в сентябре 1939 г., в первое послевоенное десятилетие (укрупнение областей было завершено в основном в 1954 г. и окончательно – в 1960 г.) затрудняют возможность корректно выстроить динамику изменения численности сельского населения по областям в сравнении с довоенным периодом. Нам удалось восстановить изменения численности в целом ряде возрастных групп в областном разрезе по Гомельской и Полесской областям.

Таблица 1 [4, л. 1; 6, с. 24–25; 11, л. 1] отражает динамику изменения возрастной пирамиды 0–19 лет за двадцать лет. Дети и подростки этой возрастной группы прошли тяжелейшие и трагические испытания в годы войны. Многие из них потеряли родителей, прежде всего отцов. На их плечи легли тяготы и лишения послевоенных лет. Это сказалось на росте их грамотности и получении образования, на профессиональном и культурном развитии, так как большинство из них являлись сельскими жителями и вынуждены были работать.

Таблица 1

Население Гомельщины по возрастным группам в 1939 и 1959 гг.*

Мужское и женское население	Всего 0–19 лет	в том числе			
		0–4 года	5–9 лет	10–14 лет	15–19 лет
Данные переписи 1939 г.					
Городское население Гомельской области					
Мужчины	52 363	14 084	10 149	13 588	14 542
Женщины	52 392	13 148	10 093	13 750	15 401
Сельское население Гомельской области					
Мужчины	161 715	44 528	41 551	47 881	27 755
Женщины	161 624	43 314	41 384	47 217	29 709
Городское население Полесской области					
Мужчины	16 954	4865	3454	4423	4212
Женщины	16 888	4475	3377	4504	4532
Сельское население Полесской области					
Мужчины	148 709	41 576	37 054	42 847	27 232
Женщины	151 670	40 354	39 983	42 387	28 946
Городское население Гомельской и Полесской областей					
Мужчины	69 317	18 949	13 603	18 011	18 754
Женщины	69 280	17 623	13 470	18 254	19 933
Сельское население Гомельской и Полесской областей					
Мужчины	310 424	86 104	78 605	90 728	54 987
Женщины	313 294	83 668	81 367	89 604	58 655
Данные переписи 1959 г.					
Население по месту проживания	**Всего 20–39 лет**	**в том числе**			
		20–24 года	**25–29 лет**	**30–34 года**	**35–39 лет**
Городское население Гомельской области**					
Мужчины	62 052	18 056	16 824	17 487	9685
Женщины	77 485	21 955	18 593	21 823	15 114
Сельское население Гомельской области					
Мужчины	130 235	41 341	38 389	32 264	18 241
Женщины	163 224	43 007	43 280	44 547	32 390

* Группировка сделана по пятилетней возрастной пирамиде, так как в опубликованных данных переписи 1959 г. не выделена возрастная пирамида по годам.

** Области объединены в одну Гомельскую область в январе 1954 г.

Из этих данных мы видим, что дети, подростки, юноши и девушки до 19 лет в составе всего населения Гомельской и Полесской областей в 1939 г. представляли огромный демографический потенциал. Значительные потери в годы Великой Отечественной войны существенно повлияли на демографическую ситуацию не только на Гомельщине, но и во всей БССР. Необходимо, конечно, учитывать и миграцию за пределы областей в годы войны (эвакуация), в первое послевоенное десятилетие, естественную убыль. Такое положение больше характерно для возрастных групп от 20 до 34 лет. В старшей возрастной группе (15–19 лет) в годы войны произошли самые большие потери, особенно среди мужчин. Их численность в возрастной пирамиде 35–39 лет в 1959 г. оказалась в два раза меньше среди городского населения и в три раза меньше среди сельского, чем могла быть. Здесь сказываются явные потери в годы Великой Отечественной войны. Это касается мужского населения возрастной группы 13–19 лет, и прежде всего белорусского этноса, который составлял 80 % воссоединенного населения БССР в предвоенный период, а дети, подростки и молодежь этнических белорусов до 19 лет – абсолютное большинство среди своих одногодков других национальностей.

На основании подсчетов данных переписи 1959 г. нами установлено, что среди всего сельского населения БССР резкая диспропорция между мужчинами и женщинами явно выражена после 40-летнего возраста. В возрастной группе 40–60 лет и более мужчин насчитывалось 639 231 чел., а женщин – 1 117 741 чел., т. е. в 1,8 раза больше [3, с. 15, 17]. Это примерные расчеты, но они, на наш взгляд, достаточно доказательны. В новых расследованиях о злодеяниях фашистских оккупантов на территории Беларуси в связи с принятием 5 января 2022 г. Закона «О геноциде белорусского народа» данные о потерях в рассматриваемых возрастных группах в годы Великой Отечественной войны могут только возрасти.

В первое послевоенное десятилетие все тяготы восстановления сельского хозяйства легли на женские плечи. В таблице 2 [5, л. 48] представлены данные за 1952 г. из трудовой книжки колхозницы колхоза им. Максима Горького Васьковского сельского совета Славгородского района Могилевской области Балабкиной Пелагеи Герасимовны, свидетельствующие о тяжелом физическом труде женщин послевоенной белорусской деревни.

В миграционных процессах активно участвовала сельская молодежь. При рассмотрении демографических процессов в Беларуси надо учитывать и данную специфику послевоенного периода, так как это существенным образом повлияло на социальные и культурные процессы в составе сельского социума. Источники свидетельствуют, что, несмотря на многочисленные попытки модернизации, экономика страны и республики развивалась по экстенсивному пути. Экономические неудачи конца 1950-х – начала 1960-х гг.

руководство СССР пыталось компенсировать разного рода административными реорганизациями: разделением страны на совнархозы, а партийных территориальных органов – на городские и сельские.

В период хрущевской оттепели в экономике СССР и БССР получили развитие основные тенденции научно-технической революции. С конца 1950-х гг. Беларусь начала специализироваться на производстве наукоемкой продукции, которая обеспечивала преимущественно потребности военно-промышленного комплекса. Строительство новых заводов, фабрик, комбинатов, развитие сети вузов стимулировало приток сельской молодежи в белорусские города. Ускорился процесс урбанизации и сокращения численности сельского населения. Резко отрицательно на численность населения села повлияла Чернобыль-

Таблица 2

Выписка из трудовой книжки колхозника. 1952 г.

Месяц	Наименование работы	Трудодни	Месяц	Наименование работы	Трудодни
Январь	Укладка сена	0,75	Июнь	Гребла силос	2,50
	Возка навоза	2,5		Полола огород	0,93
Февраль	Возила навоз	1,05		Копала канаву	1,56
	Возила навоз	1,05		Возила кирпич	1
Март	Возка навоза	0,83		Возила воду	1
Май	За декрет и отпуск	14,50	Июль	Гребла сено	2,43
	Сеяла бульбу	0,76		Гребла силос	1
	Водила коня	0,75		Полола гряды	1
	Севба бульбы	0,80		Гребла сено	3,77
	То же	4,40		Возила сено	1
	То же	0,84		Сушила копы	1
	То же	2,14		Гребла сено	1,99
Июнь	Скародила бульбу	1,25		Косила луг	1,75
	Возила кирпич	2		Гребла сено	0,94
	То же	2,02	Август	Жала ячмень	7,59
	Полола ячмень	1,20		То же	7,28
	Мяла пеньку	1		Сыпала ячмень	0,34
	Возила воду	1		[ездила за] горючим	0,50
	Теребила кусты	1		Возила снопы	1,19

Таблица 3

Распределение занятого сельского населения БССР в 1959 г.

Пол	Всего	в том числе			
		рабочие	служащие	колхозники	прочие*
1	2	3	4	5	6
Имеющие занятия					
Оба пола	3 001 829	645 136	202 844	2 132 247	21 602
Мужчины	1 393 524	378 325	99 080	901 736	11 363
Женщины	1 608 305	266 811	103 764	1 227 491	10 239
Занятые в отраслях материального производства					
Оба пола	2 730 784	557 130	68 173	2 084007	21 474
Мужчины	1 234 393	329 502	36 364	857 267	11 260
Женщины	1 496 391	227 628	31 809	1 226 749	10 214
В промышленности, строительстве, на транспорте и в связи					
Оба пола	321 832	257 295	27 641	30 088	6808
Мужчины	228 306	177 032	16 380	29 525	5369
Женщины	93 526	80 263	11 261	563	1439
В сельском хозяйстве					
Оба пола	2 338 770	255 566	15 032	2 053 667	14 475
Мужчины	965 770	123 116	9254	827 561	5836
Женщины	1 373 000	132 450	5808	1 226 103	8639
В торговле, общественном питании, заготовках, снабжении и сбыте					
Оба пола	46 972	23 457	23 426	77	12
Мужчины	23 415	14 225	9130	48	12
Женщины	23 557	9232	14 296	29	–
Занятые в непроизводственных отраслях					
Оба пола	176 006	60 177	114 359	1367	103

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Мужчины	64 788	21 386	42 682	635	85
Женщины	111 218	38 791	71 677	732	18
В просвещении, науке, искусстве и здравоохранении					
Оба пола	143 192	43 648	98 370	1174	–
Мужчины	45 205	13 227	31 415	563	–
Женщины	97 987	30 421	66 955	611	–
Находящиеся в рядах Советской Армии					
Оба пола	92 289	26 244	19 233	46 806	6
Мужчины	92 286	26 244	19 230	46 806	6
Женщины	3	–	3	–	–
Не указавшие или неточно указавшие место работы					
Оба пола	2750	1585	1079	67	19
Мужчины	2057	1193	801	48	12
Женщины	693	392	275	19	7

*Данные о крестьянах-единоличниках и некооперированных кустарях.

ская катастрофа. Если в 1959 г. жителей села насчитывалось 5574,1 тыс., или 69 % от всего населения [6, с. 11], то в 1990 г. соответственно – 3521 тыс., или 35 % [9, с. 16].

Механизация и автоматизация сельскохозяйственного труда в рассматриваемый период шла еще медленно. На мелиорированных землях создавались новые технически оснащенные совхозы. В категорию госсектора переводились многие колхозы. Менялись условия труда и быта сельчан. Значительно расширилась сеть новых школ, учреждений и предприятий социально-культурного и бытового обслуживания. Все это меняло социальный облик белорусской деревни.

В таблицах 3 [6, с. 49] и 4 [8, с. 30–31] представлены данные о распределении занятого сельского населения по отраслям народного хозяйства

Таблица 4

Распределение занятого сельского населения БССР в 1979 г.

Занятия в отраслях	Пол	Всего	в том числе		
			рабочие	служащие	колхозники
Все занятое население	Оба	1 985 661	950 332	265 992	768 058
	Муж.	1 031 543	531 146	99 869	400 000
	Жен.	954 118	419 186	106 123	368 058
В отраслях материального производства	Оба	1 721 315	839 633	114 908	765 565
	Муж.	943 875	493 146	50 729	3 99 520
	Жен.	777 440	346 487	64 179	366 045
Промышленность, транспорт, связь, строительство	Оба	393 112	337 398	39 985	15 498
	Муж.	262 979	229 114	19 113	14 596
	Жен.	130 133	108 284	20 872	902
Сельское и лесное хозяйство	Оба	1 242 425	435 486	56 376	749 589
	Муж.	660 837	247 337	28 325	384 581
	Жен.	581 588	188 149	28 051	364 738
Торговля, общепит, снабжение, сбыт, заготовки	Оба	82 656	64 027	18 171	458
	Муж.	18 232	15 110	3065	57
	Жен.	64 424	48 917	15 106	401
В непроизводственных отраслях	Оба	263 029	109 745	150 789	2475
	Муж.	87 032	37 512	49 034	470
	Жен.	175 997	72 233	101 755	2005
Здравоохранение, образование, соцобеспечение, культура, искусство, наука	Оба	203 712	86 822	114 611	2271
	Муж.	54 317	24 564	29 414	335
	Жен.	149 395	62 258	85 197	1936

и общественным группам по данным переписей 1959 и 1979 гг. Из них видно, что увеличилась численность рабочих, в том числе и за счет трудовой маятниковой миграции на предприятия в близкие к деревням города. Небольшое увеличение наблюдалось в численности служащих производственной и непроизводственной сферы. В три раза сократилось количество колхозников.

Косыгинская реформа, мелиорация белорусского Полесья (была объявлена Всесоюзной комсомольской стройкой), решения задач продовольственной программы, перестройка дали и положительные, и отрицательные результаты в развитии условий труда и быта сельского социума. В вузах, техникумах, профтехучилищах (республика первой ввела ряд школьных дисциплин для получения среднего образования в ПТУ) шла интенсивная подготовка квалифицированных кадров для различных сегментов экономики села. Это значительно повысило уровень грамотности сельского населения, особен-

но женщин. Динамика прогрессивного роста образования населения села представлена в таблице 5 [6, с. 51; 7, с. 269].

Таблица 5

Уровень образования сельского населения БССР 1959–1979 гг.

Сельское население	На 1000 занятых приходилось лиц с образованием			
	Высшим, незаконченным высшим и средним специальным	Средним общим	Неполным средним	Начальным*
1	2	3	4	5
1959 г.				
Занятые оба пола	26	21	117	282
Мужчины	25	23	136	332
Женщины	25	20	103	243
Рабочие оба пола	5	22	148	318
Мужчины	6	24	165	370
Женщины	4	21	131	268
Служащие оба пола	289	81	166	121
Мужчины	263	67	172	139
Женщины	310	92	162	105
Колхозники оба пола	4	14	101	288
Мужчины	5	18	120	339
Женщины	3	11	87	350
1970 г.				
Занятые оба пола	83	84	240	423
Мужчины	71	89	283	431
Женщины	94	79	200	415
Рабочие оба пола	13	93	297	450
Мужчины	13	101	328	448
Женщины	14	83	260	452
Служащие оба пола	582	202	154	54
Мужчины	533	173	184	94
Женщины	617	222	132	26
Колхозники оба пола	24	38	199	507
Мужчины	29	49	243	509
Женщины	20	29	163	505

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5
1979 г.				
Занятые оба пола	137	197	251	341
Мужчины	118	224	284	322
Женщины	157	168	214	362
Рабочие оба пола	39	249	302	346
Мужчины	40	272	326	318
Женщины	39	218	272	382
Служащие оба пола	692	214	72	20
Мужчины	720	168	78	32
Женщины	676	242	68	13
Колхозники оба пола	66	128	249	446
Мужчины	71	175	280	400
Женщины	60	78	215	496

* В материалах переписи 1959 г. в эту группу включены и лица, не окончившие семилетние школы.

Среди наиболее массовых профессий на селе становилась профессия механизатора, животновода, учителя, строителя, агронома и др. В непосредственно сельскохозяйственной деятельности жители села в конце 1980-х гг. были заняты еще тяжелым физическим трудом. Проблемы механизации и автоматизации в аграрном секторе экономики, профессиональный состав населения, престиж профессий на селе, половозрастной состав, национальный состав сельского населения, занятого различной трудовой деятельностью, наличие иждивенцев отдельных лиц и государства, пенсионеров, стипендиатов в рассматриваемый период является предметом дальнейшего исследования автора. Это важно для понимания, на каком фундаменте получил развитие аграрный сектор экономики суверенной Республики Беларусь и как это повлияло на определение оправдавшего себя белорусского пути социально-экономического развития, в котором аграрный сектор занимает важное место.

Даже такой краткий анализ выявленного материала позволяет сделать вывод, что установилась устойчивая тенденция к прогрессивным изменениям в социальной структуре сельского населения, которое все больше перемещалась в своей трудовой деятельности из аграрного сектора экономики в другие производственные и непроизводственные сегменты различных от-

раслей народного хозяйства. Это существенным образом повлияло (в связи с потребностью) на значительный рост образовательного уровня сельского социума, в котором расширялся спектр новых профессий и специальностей.

Список источников и литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Каваленя (рук. авт. кол.) и др. Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.

2. Белорусская ССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.

3. Всесоюзная перепись населения 1959 года [распределение населения по источникам средств существования, общественным группам и возрасту по Белорусской ССР: (городское и сельское население)]. [Б. м.; б. и.], 1959. 18 с.

4. Гомельская область // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.

5. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 7. Оп. 5. Д. 64.

6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. 147 с.

7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: в 10 т. Т. VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам: статистический сборник. М.: [б. и.], 1990. 344 с.

8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: в 10 т. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР по отраслям народного хозяйства: статистический сборник. М.: [б. и.], 1990. 425 с.

9. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 30. Оп. 5. Д. 441.

11. Полесская область // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.

12. *Раков А.А.* Белоруссия в демографическом измерении. Минск: [б. и.], 1974. 129 с.

13. *Смяховіч М.У.* Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт. Мінск: Беларуская навука, 2017. 439 с.

14. *Старовойтов М.И.* Изучение социальной структуры общества в курсе новейшей истории Беларуси // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: сочетание классических подходов и инновационных организационно-образовательных моделей и технологий [Электронный ресурс]: материалы республиканской научно-методической конференции (Гомель, 12–13 марта 2020 г.) / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: И. В. Семченко (гл. ред.) [и др.]. Электронные текстовые данные (10,5 Мб). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. С. 422–426.

15. Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны. ДСП. Минск: Издание СНК БССР, 1943. 232 с.

M.I. Starovoitov

THE CHANGES IN THE SOCIAL AND CULTURAL IMAGE OF THE RURAL POPULATION OF THE BSSR (1946–1991)

Abstract. The article gives a demographic and socio-cultural image of the rural population in the BSSR from the first post-war years to the end of the Soviet period. The author makes reasoned conclusions about the main factors of negative dynamics of the rural population, significant progressive changes in the social and cultural appearance of the inhabitants of the Belarusian village.

Keywords: the BSSR, population dynamics, demographic consequences of the Great Patriotic War, social and cultural image, rural population.

УДК 634.8(091)

А.П. Степанченко

РЕФОРМЫ Н.С. ХРУЩЕВА И ВИНОГРАДО-ВИНОДЕЛЬЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Хрущевские реформы в области сельского хозяйства привели к масштабным преобразованиям виноградо-винодельческой отрасли Краснодарского края. Качественные изменения в этой сфере продолжались до конца периода нахождения Н.С. Хрущева у власти и существенно трансформировали отрасль во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в.

Ключевые слова: виноградарство, виноделие, история отрасли, экономика региона.

Благоприятный климат и почва Краснодарского края идеально подходят для выращивания винограда. Сегодня наш регион стал признанным лидером в России по объемам производства винограда, виноградного вина и винных дистиллятов. Вина премиум-класса представлены далеко за пределами нашей страны. Современные успехи винодельческой отрасли во многом обусловлены происходившими в конце 50-х гг. XX в. изменениями.

3–7 сентября 1953 г. в Москве прошел Пленум ЦК КПСС. По оценкам историков, данное политическое событие имело большое значение для развития сельского хозяйства в Советском Союзе [11, с. 631]. Решения, принятые на Пленуме, не могли обойти стороной виноградарство Краснодарского края.

Вопрос влияния реформ Н.С. Хрущева на развитие виноделия нашего региона, к сожалению, обойден вниманием исследователей, как и вся история отрасли в XX в. Данная статья – попытка рассмотреть развитие виноградарства и виноделия в данный хронологический период.

В послевоенный период виноградарская отрасль восстановилась достаточно быстро. К 1950 г. площади виноградников в крае и производство винодельческой продукции достигли довоенного уровня [8, с. 22].

По представлению Краснодарского крайкома КПСС и крайисполкома, разработанному на основании ходатайств многих колхозов Темрюкского, Анапского, Геленджикского, Крымского и ряда других районов края, с целью расширения и укрепления сельскохозяйственного производства в 1956–1965 гг. некоторые колхозы были преобразованы в совхозы. Вновь организованным совхозам было поручено наряду с дальнейшим расширением производства винограда сохранить в прежних объемах производство зерна и других сель-

скохозяйственных культур и продуктов животноводства. Новые совхозы вошли в состав различных трестов Министерства сельского хозяйства РСФСР [1, л. 127].

В 1957 г. в целях увеличения производства и заготовок в колхозах на территории РСФСР в течение VI пятилетки намечалось заложить дополнительно 50 тыс. га виноградников [1, л. 127].

Данная тенденция на расширение посадок виноградной лозы в первую очередь коснулась Таманского полуострова. В Темрюкском районе до начала преобразований, инициированных Н.С. Хрущевым, сельское хозяйство имело хлопковое, а затем многоотраслевое направление. Виноградарству придавалось второстепенное значение [2, л. 45]. Сегодня в это трудно поверить, ведь хозяйствами полуострова выращивается основная доля винограда, производимого в Краснодарском крае.

Виноградарством занимались понемногу все хозяйства, но ведущими были винсовхозы: «Мирный», им. Ильича и «Победа». Под виноградниками в этих совхозах были заняты следующие площади: 318, 400, 325 га. В остальных хозяйствах виноградные плантации составляли от 50 до 100 га и были созданы из бывших посадок единоличных хозяйств [3, л. 50].

В 1957 г. решением Краснодарского крайкома КПСС и крайисполкома судьба Таманского полуострова была решена, он становится виноградарским районом [2, л. 45]. В 1958 г. площадь увеличивается на 4,4 тыс. га, в 1959 г. еще на 5 тыс. га. Таким образом, в районе площадь виноградников за два года увеличилась в 6 раз.

Менялся и сортовой состав виноградных насаждений. Наиболее распространенными сортами были Ркацители, Каберне, Саперави, Алиготе и др. В Темрюкском районе виноградники были представлены 45 сортами, из которых 29 технических и 16 столовых [4, л. 37].

Увеличение финансирования сельского хозяйства в соответствии с проводимыми реформами привело к увеличению производственных мощностей винодельческих заводов. Так, если в 1953 г. в Темрюкском районе переработкой винограда занимались Темрюкский и Старотитаровский винзаводы общей мощностью 13–14 тыс. т переработанного винограда в сезон, то уже к 1960 г. мощность была увеличена до 35 тыс. т [2, л. 45].

В 1957 г. на базе хлопкозавода был создан Сенновский вино-соковый завод [5, л. 30]. Сегодня это одно из крупнейших предприятий российского виноделия ОАО АПФ «Фанагория». У компании одна из самых больших сырьевых баз, виноградники занимают площадь более 4 тыс. га. Имеется собственный виноградный питомник [9].

На винкомбинате «Абрау-Дюрсо» к 1956 г. удалось выйти на ранее запланированные по увеличению производственных мощностей цифры – 4250 тыс.

бутылок в год. Для этого в районах сырьевой базы производства шампанских вин было построено 67 виноделен для первичной переработки винограда общей мощностью 1340 тыс. дкл. [7, л. 64–64].

К 1960 г. был введен в строй завод в винсовхозе «Мирный», а также были построены винпункты в станице Старотитаровской, Вышестеблиевской, Ахтанизовской, Тамани, Запорожской и Курчанской. К 1965 г. мощность винодельческих предприятий достигла 77,1 тыс. т переработанного винограда в сезон [2, л. 45].

Динамика площадей виноградников и урожайность винограда в 1960-е гг., благодаря ранее проведенным преобразованиям в сельском хозяйстве по Краснодарскому краю, была следующей (см. табл.).

Таблица

Площади виноградников, валовый сбор и урожайность винограда в крае в 1960 и 1965 гг. [8, с. 24]

Показатели	1960 г.	1965 г.
Колхозы		
Площадь виноградников общая, тыс. га	31,9	18,1
в том числе плодоносящих, тыс. га	8,3	15,5
Валовый сбор, тыс. т	17,8	62,3
Урожайность, ц/га	21,1	39,8
Совхозы		
Площадь виноградников общая, тыс. га	37,2	41,6
в том числе плодоносящих, тыс. га	9,1	34,8
Валовый сбор, тыс. т	53,3	62,0
Урожайность, ц/га	–	–
Итого		
Всего площадей виноградников в колхозах и совхозах, тыс. га	61,9	59,7
Общий валовый сбор в совхозах и колхозах края, тыс. т	71,1	286,5

Анализируя представленные выше данные, можно констатировать, что происходит сокращение площадей виноградных плантаций. Это было обусловлено необходимостью ликвидации старых насаждений [8, с. 22]. В результате аномальных мартовских морозов на побережье Азовского и Черного морей Краснодарского края с температурой от –9°С в 1962 г. до –13°С в 1964 г. погибло большое количество виноградных насаждений [10]. Другая часть виноградников была выкорчевана в связи с рядом ошибок, допущенных при организации этих насаждений. В некоторых хозяйствах в конце 1940-х – начале 1950-х гг. новые виноградные плантации закладывались без

разработки необходимых в этих случаях проектов, экономических и других изысканий и расчетов, но даже без обычных полевых рекогносцировочных почвенных и других изысканий и обследований. Посадочный материал заготавливался на неопробированных участках, часто далеко за пределами края. В результате на больших площадях были высажены сортосмеси, сорта без необходимых опылителей, малоурожайные клоны и сорта, непригодные для выработки качественной винодельческой продукции. Эти насаждения во многих случаях пришлось ликвидировать, а часть земель, занятых виноградниками, даже трансформировать в другие виды сельхозугодий. Виноградники часто закладывались на небольших площадях, расположенных далеко от населенных пунктов, что затрудняло уход за ними, охрану урожая и доставку его на переработку. Такие виноградники приносили хозяйствам только убытки и, естественно, были раскорчеваны [8, с. 24].

Урожайность виноградников в эти годы, особенно в колхозах и неспециализированных совхозах, была очень низкой по сравнению со стабильно растущей урожайностью винограда в совхозах системы «Абрау-Дюрсо». Низкая урожайность виноградников в колхозах, связанная с отсутствием должного ухода, также была одной из причин сокращения площадей виноградных насаждений в колхозах края с 31,9 тыс. га в 1960 г. до 18,1 тыс. га в 1965 г. [8, с. 23].

Новым важным этапом в развитии производства винограда и выработки виноматериалов и вин была организация в 1963 г. Главного управления винодельческой промышленности СНХ РСФСР Росглаввино.

Приняв на себя руководство всеми винодельческими предприятиями Северного Кавказа, а также совхозами, входящими в систему МПП РСФСР, новое управление старалось ликвидировать отставание мощностей по переработке винограда за короткие сроки.

Таким образом, можно говорить о том, что в 50-е – начале 60-х гг. XX в. виноградно-винодельческая отрасль Краснодарского края испытала значительные изменения благодаря проводимым в стране реформам Н.С. Хрущева в отношении сельского хозяйства и промышленности.

В это время активно высаживались более высокоурожайные сорта винограда, улучшалась агротехническая культура выращивания и обработки винограда. Важным акцентом стало также повышение количества и качества производимого вина.

Увеличение финансирования сельского хозяйства, в том числе виноделия, способствовали модернизации производства, внедрению новых технологий, увеличению производительности труда и способствовали укреплению позиций Краснодарского края как одного из лидеров виноделия в СССР.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. А-259. Оп. 7. Д. 8061.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-506. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 2. Д. 249.
4. ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 2. Д. 924.
5. ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 2. Д. 1881.
6. ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 5. Д. 5.
7. ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 5. Д. 25.
8. *Фисенко Ю.Ф.* Виноделие Кубани. Краснодар: Кн. изд-во, 1979. 159 с.
9. Летопись «Фанагории». URL: https://www.fanagoria.ru/about (дата обращения: 22.10.2024).
10. Геоинформационная система «Метео измерения онлайн». URL: https://thermo.karelia.ru/weather/w_history.php?town=msk&month=1&year=1962 (дата обращения: 18.10.2024).
11. *Устименко А.Н.* Реформы Н.С. Хрущева в сельском хозяйстве в первые годы правления // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 629–632. URL: https://moluch.ru/archive/53/7264/ (дата обращения: 20.10.2024).

A.P. Stepanchenko

N.S. KHRUSHCHEV'S REFORMS AND GRAPE AND WINE INDUSTRY OF KRASNODAR TERRITORY

Abstract. Khrushchev's reforms in the field of agriculture led to large-scale transformations in the grape and wine industry in Krasnodar Territory. Qualitative changes in this sphere continued till the end of the period of N.S. Khrushchev's stay in power and significantly transformed the industry in the second half of the 50s – beginning of the 60s in 20th century.

Keywords: viticulture, winemaking, the history of the industry, regional economy.

УДК 93/94 (537.3)

И.М. Широков

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

Аннотация. В статье описывается процесс электрификации сельского хозяйства в Ульяновской области в 1953–1964 гг. При реализации программы электрификации столкнулись с рядом трудностей, несмотря на это к 1964 г. энергосистема области функционировала стабильно и эффективно, способствуя улучшению качества жизни местного населения. Повысился уровень электрификации и увеличились мощности энергетических объектов, что способствовало дальнейшему развитию Ульяновской области.

Ключевые слова: сельское хозяйство, электрификация, строительство электростанций, проблемы электрификации, развитие экономики.

В период хрущевской оттепели в Советском Союзе были проведены значительные реформы, направленные на модернизацию экономики и улучшение жизни населения. Эти реформы затронули и сельское хозяйство, которое было одной из ключевых отраслей экономики страны. Н.С. Хрущев, занимавший пост Первого секретаря ЦК КПСС с 1953 по 1964 г., был известен своими амбициозными планами по развитию сельского хозяйства в СССР. Одним из ключевых элементов этих планов являлась электрификация сельского хозяйства. Н.С. Хрущев считал, что электрификация поможет повысить производительность сельского хозяйства, ускорить темпы развития и улучшить условия жизни в сельской местности. Он полагал, что электричество может быть использовано для механизации сельскохозяйственных работ, таких как обработка почвы, сбор урожая и транспортировка продукции.

Для реализации этой идеи была начата программа массовой электрификации сельских районов. В рамках этой государственной политики строились новые электростанции, прокладывались линии электропередач, устанавливались трансформаторные подстанции. Сельские жители получали доступ к электричеству, что позволяло им использовать бытовые приборы, такие как холодильники, стиральные машины и радиоприемники.

В Ульяновской области, как и во многих других регионах СССР, проводились работы по строительству электростанций, линий электропередач и подстанций. В 1950 г. по колхозам области было возведено 58 электростанций с суммарной мощностью 3135 кВт, из которых: 30 ГЭС – с суммарной мощностью 2170 кВт и 28 ТЭЦ – с суммарной мощностью 965 кВт [1, л. 53]. В сельской местности, в колхозах, МТС в этот период предпочитали строить электростанции, работающие на местных ресурсах без дополнительных затрат на топливо. Например, небольшие гидроэлектростанции, а также небольшие теплоэлектростанции на дровах и торфе.

19 июля 1958 г. решением Совета Министров РСФСР была создана Ульяновская энергосистема и районное энергетическое управление «Ульяновскэнерго», в состав которого вошли Ульяновская ТЭЦ-1 и электрические сети. В 1959 г. в Ульяновск пришла электроэнергия Жигулевской ГЭС, в 1960 г. Ульяновская ТЭЦ-1 была включена в параллельную работу с энергосистемой Средней Волги.

Создание опытной станции Института атомной энергии АН СССР в Димитровграде в 1956 г. и ввод в эксплуатацию водо-водяного кипящего реактора в 1965 г., а затем реактора на быстрых нейтронах в 1969 г., способствовали развитию атомной энергетики в регионе. Эти объекты не только выполняли научно-исследовательские задачи, но и производили электроэнергию для энергосети, что также способствовало электрификации сельских районов [1, л. 53].

В 1958 г. в Ульяновской области функционировали несколько электростанций разной мощности, включая ТЭЦ автомобильного завода (36 000 кВт), ТЭЦ механического завода (11 000 кВт) и др. Всего насчитывалось 312 мелких электростанций, общая мощность которых составляла 47 400 кВт. Топливом служили уголь, мазут, дизтопливо и отходы. Большинство этих станций были малоэффективными и устаревшими. Общая протяженность высоковольтных линий 6 и 35 кВт составляла 150 км, включая линии коммунального хозяйства длиной 104 км [6, л. 1].

В городе работали три дизельные станции общей мощностью 4200 кВт, которые принадлежали предприятиям машиностроения и коммунальному хозяйству. Они соединялись с ТЭЦ автомобильного завода линиями электропередач, также, как и две дизельные станции ЗМД мощностью 2100 кВт и электростанция коммунального хозяйства мощностью 1500 кВт. Техническое состояние существующих линий электропередач было удовлетворительным. Передача электроэнергии осуществлялась через открытую подстанцию 6/35 кВ, ТЭЦ автозавода, где были установлены два трансформатора по 15 000 кВт и приемочные подстанции [6, л. 2].

Но в целом Ульяновская область испытывала острый дефицит электроэнергии. В зимнее время дефицит электроэнергии в г. Ульяновске составлял 4 тыс. кВт, что приводило к ограничению подачи электроэнергии промышленным предприятиям и на бытовые нужды. Предприятия деревообрабатывающей (17 предприятий), пищевой (184), легкой (16) промышленности, строительных материалов (7 предприятий) в качестве энергобазы имели мелкие дизельные или локомобильные электростанции, которые эксплуатировались более 60 лет.

Сельское хозяйство области было обеспечено электроэнергией всего на 8 % от потребности. В регионе наблюдались высокие непроизводственные затраты электроэнергии, достигающие около 5 млн кВт/ч в год. Вместе с этим развитие электросетевого хозяйства городов Ульяновска, Мелекесса, Барыша, многих районных центров и поселков области отставало от роста потребления электроэнергии. Потери электроэнергии в городских сетях Уль-

яновска составляли 14 %. Как было выяснено, нормирование потребления электроэнергии было установлено неправильно, удельная норма расхода на выработку важнейших видов продукции завышалась и не стимулировала борьбу за экономное расходование электроэнергии, порождая благодушие и беспечность. Отсутствовал должный надзор за рациональным расходованием электроэнергии [2, л. 7].

Учитывая крайне тяжелое положение со снабжением электроэнергией г. Ульяновска и области, областной комитет КПСС и Совет народного хозяйства вышли с предложением изыскать возможность и включить в план капитального строительства министерства электростанций СССР на 1958 г. – сооружение линии электропередачи Сызрань–Ульяновск [6, л. 38]. Были поставлены задачи по модернизации и обновлению энергетического оборудования для обеспечения стабильного и эффективного энергоснабжения региона.

В 1961 г. в Ульяновской области проводились работы по развитию энергетической инфраструктуры, включая строительство и модернизацию энергообъектов, ремонт зданий и сооружений, обновление техники и транспорта. Общее финансирование составило 36 тыс. руб., из которых около 12,5 тыс. руб. планировалось выполнить собственными силами предприятий. Кроме того, колхозы и совхозы области нуждались в организации обслуживания и ремонта энергооборудования. В 1961 г. все колхозы были приняты на обслуживание.

Одновременно росла реализация покупной электроэнергии, идущей главным образом от «Куйбышевэнерго». Анализ показателей реализации электроэнергии в области в 1961 г. свидетельствует о том, что регион в значительной степени зависел от внешних источников электроэнергии, прежде всего, возведенной Жигулевской ГЭС.

На начало 1961 г. организация «Сельэлектро» Ульяновской области обслуживала 10 колхозов, 12 совхозов, РТС, 3 производственных предприятия и 13 прочих хозяйств. При этом у колхозов имелось 33 силовых трансформатора, 10 электромоторов и 2100 светоточек, у совхозов – 84 силовых трансформатора. В целом организация обслуживала в области 39 объектов, в которых имелось 143 силовых трансформатора, 25 электромоторов и 6100 светоточек [7, л. 15].

К 1961 г. энергосистема и электрифицированность населенных пунктов Ульяновской области значительно выросли, что подтверждается увеличением протяженности линий электропередач разного напряжения. В состав энергосистемы вошли высоковольтные линии протяженностью 745 км и низковольтные линии протяженностью 513 км, обслуживаемые 84 потребительскими трансформаторными подстанциями общей мощностью 3890 кВА. Объем реализованной электроэнергии составил 13,38 тыс. кВт/ч [8, л. 17].

Результаты работы Ульяновского управления «Сельэлектрострой» и его строительно-монтажных участков не всегда были удовлетворительными.

По состоянию на 1 сентября 1962 г. годовой план строительно-монтажных работ был выполнен на 61,7 %, а план 8 месяцев – на 86,5 %. Выяснилось, что задерживалось выполнение работ на государственных объектах, освоение предусмотренных денежных средств за 8 месяцев составило 51,5 %.

В ходе электрификации сельского хозяйства Ульяновской области управление «Сельэлектрострой» столкнулось с проблемами. Были отмечены задержки в сдаче объектов, что приводило к несвоевременному обеспечению колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий электроэнергией. Это негативно сказывалось на их экономическом развитии. Также были выявлены проблемы с разбивкой трасс и установкой опор линий электропередач, что приводило к частым поломкам и обрушениям. В управлении «Сельэлектрострой» и его строительно-монтажных участках были выявлены недостатки в использовании техники, расходовании строительных материалов и организации труда строителей. Кроме того, наблюдалась большая текучесть работников и инженерно-технического персонала, а также низкая трудовая дисциплина среди строителей. Неудовлетворительно выполнялись работы по строительству сельскохозяйственных ЛЭП и подстанций в Тиинске и Малой Кандале. Строительство ЛЭП-110 кВ Ульяновск–Языково–Карсун началось с опозданием, а сроки строительства ЛЭП-110 кВ Карсун–Сухой–Карсун были передвинуты. Совнархоз, управления «Ульяновскэнерго» и «Волгоэлектромонтаж» неудовлетворительно осуществляли строительство ЛЭП-35 кВ Мелекесс–Новая Майна и подстанции Новая Майна, что ставило под угрозу срыв электрификации колхозов и совхозов Мелекесского района. [3, л. 32].

Энергосистема Ульяновской области в 1962 г. была преимущественно ориентирована на электрификацию сельского хозяйства. Общий объем капитальных вложений составлял 80 тыс. руб. Большая часть средств была направлена на строительно-монтажные работы, проектирование и изыскания для следующих объектов. Главной целью было расширение, реконструкция существующих объектов, строительство новых ЛЭП и жилья. Планировалось приобретение машин и инвентаря для нужд энергетики [4, л. 73].

К началу VIII пятилетки количество дворов колхозников и рабочих совхозов, пользовавшихся электроэнергией, достигло 77,5 %. Энергетические мощности сельского хозяйства возросли с 155,9 млн л. с. в 1960 г. до 250,1 млн л. с. в 1966 г. Доля электрических двигателей и электроустановок за этот период увеличилась в 2,5 раза. Общая протяженность линий электропередач сельскохозяйственного назначения составила свыше 19 тыс. км, работало 73 районных и 2200 потребительских подстанций. В Ульяновской области было построено 5100 км линий электропередач мощностью 10 кВт, 7360 км низковольтных воздушных линий и 2360 потребительских трансформаторных подстанций. За эти годы в Ульяновской области была полностью завершена электрификация колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, к 1964 г. в Ульяновской области активно проводилась электрификация территории, направленная на то, чтобы энергосистема функционировала стабильно и эффективно. Подводя итог, следует отметить, что за этот промежуток времени Ульяновская область проделала большую и сложную работу по электрификации и развитию энергосистемы региона, возникавшие сложности оперативно решались. За период с 1953 по 1964 г. Ульяновская область прошла большой путь по электрификации и развитию энергосистемы региона [5, л. 34]. Были трудности, связанные с процессом проведения электрификации, нехватка рабочих, квалифицированного персонала, материалов и оборудования, техники, однако они успешно преодолевались. В результате проделанной работы уровень электрификации значительно повысился, увеличилась мощность энергетических объектов, улучшилось качество электроснабжения потребителей. Все это способствовало дальнейшему экономическому и социальному развитию Ульяновской области.

Список источников

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 7. Д. 20.
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 19. Д. 63.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 21. Д. 88.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3130. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАУО. Ф. Р-3130. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАУО. Ф. Р-3130. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАУО. Ф. Р-3148. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАУО. Ф. Р-3148. Оп. 1. Д. 121.

I.M. Shirokov

AGRICULTURE ELECTRIFICATION OF THE ULYANOVSK REGION IN THE PERIOD OF THE KHRUSHCHEV THAW

Abstract. The article describes the process of electrification in the Ulyanovsk region in 1953–1964. During the electrification program implementation a number of difficulties were encountered in spite of that power system of the region functioned stably and efficiently contributing to the improvement of the quality of life among the local population up to 1964. The level of electrification and capacity of power facilities increased thus contributing to the further development of the Ulyanovsk region.

Keywords: agriculture, electrification, construction of power plants, electrification problems, economic development.

Секционные заседания

Секция 4

Современное российское село и развитие АПК: региональные особенности

УДК 316.334

Е.В. Агаева,
Т.С. Сергеев

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. Современная российская деревня имеет ряд проблем, которые требуют незамедлительного решения. Государство прилагает усилия для создания условий, привлекательных для жизни и работы в сельской местности. Развитие деревень является важной задачей, которая не только принесет пользу жителям сельской местности, но и укрепит экономику и социальную стабильность страны в целом.

Ключевые слова: сельское хозяйство, современная деревня, государственная программа.

Современная деревня сегодня сталкивается с целым рядом проблем: отток населения в города из-за отсутствия перспектив, низких зарплат и ограниченных возможностей для самореализации; отсутствие инфраструктуры, неразвитая транспортная сеть, слабая интернет-связь, дефицит медицинских учреждений и школ, отсутствие развлечений и культурных центров; нехватка рабочих мест в связи со спадом развития сельского хозяйства, сокращение рабочих мест в других отраслях, отсутствие поддержки малого и среднего бизнеса; старение населения, отток молодежи из сельской местности, что ведет к депопуляции и утрате традиций; загрязнение окружающей среды, неконтролируемое использование удобрений и пестицидов, выбросы от животноводческих ферм, недостаточная утилизация отходов; социальные проблемы: алкоголизм, наркомания, высокая преступность; слабо развитая социальная защита населения.

Россия долгое время была аграрной страной, и большинство населения проживало в сельской местности. Лишь в XX в. ситуация стала меняться (см. табл.).

Доля сельского населения в России, в %[*]

Год	Сельское население	Год	Сельское население
1897	84	1970	38
1917	83	1980	30
1937	67	1990	26
1959	48	2024	25

[*] Общая численность населения России по годам с 1987 по 2024 (Таблица). URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/782-obshchaya-chislennost-naseleniya-rossii (дата обращения 27.10.2024).

По данным переписи 2021 г., в сельской местности проживала примерно $^{1}/_{4}$ часть россиян: 25,2 %, или 36,9 млн чел. Для сравнения: в странах Восточной и Южной Европы доля сельского населения выше: в Польше – 40 %, Италии – 29 %. Если сравнивать с Северной и Западной Европой, то этот показатель ниже: в Германии – 22,5 %, Финляндии – 14,5 % [3]. Но следует иметь в виду, что там компонент животноводческой отрасли в сельском хозяйстве составляет 70 %, а земледелие в основном мелкое и среднее.

Сельское хозяйство в настоящее время сталкивается с серьезным дефицитом рабочей силы. Экс-министр сельского хозяйства А.Н. Ткачев на пленарном заседании выставки «Золотая осень-2024» указал, что в течение трех лет ситуация с нехваткой кадров в российском АПК может стать критичной. По его утверждению, привлечение молодых специалистов в отрасль стало очень проблематичным из-за непривлекательности заработной платы [2]. При этом согласно Указу Президента России В.В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», российское АПК к 2030 г. должно нарастить производство на 25 % по отношению к уровню 2021 г. [4].

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации стремится обеспечить предприятия кадрами (задача – до 90 %), работая для этого как с аграрными вузами и сельскохозяйственными техникумами, так и сельскими школами. В планах в течение 6 лет открыть 18 тыс. агротехнологических классов. Чувашский государственный аграрный университет с 2016 г. имеет достаточный опыт в данном направлении. При активном содействии университета агроклассы функционируют в каждом муниципальном районе республики.

Среди студентов-первокурсников Чувашского государственного аграрного университета был проведен небольшой опрос. Было предложено ответить на вопросы: 1) проблемы современной деревни; 2) что необходимо сделать для их решения; 3) городской или сельский житель. Варианты ответов на первые два вопроса представлены не были, обучающиеся сами давали ответы. Городских и сельских жителей оказалось практически поровну.

И выходцы из сельской местности, и городские жители главными считают две проблемы: дороги и транспорт, отсутствие работы. Жители деревни среди других проблем назвали (по убыванию количества голосов): нехватка квалифицированных специалистов, слабое здравоохранение, высокие цены в магазинах, малая рождаемость, слабое водоснабжение, вывоз мусора, дикие животные. Студенты из города указали: слабое здравоохранение, отсутствие развлекательных объектов, отсутствие интернета, экология, пьющее население, водоснабжение, отсутствие электроэнергии, нехватка квалифицированных специалистов.

Было интересно узнать мнение молодого поколения о вариантах решения проблем деревни. Приведем цитаты студентов из ответов на второй вопрос: «необходимо с детства приучать человека к труду и показывать это на личном примере»; «популяризация сельской жизни через социальные сети, улучшить досуг, открыть малые кинотеатры, библиотеки»; «надо больше рожать детей»; «создать рабочие места»; «открыть в деревнях школы, детские сады, больницы, места для развлечений».

Очень часто в беседах студенты говорят, что не представляют дальнейшую жизнь вне малой родины – своей деревни. Из числа нынешних первокурсников те, кто проживает в городе, отмечают, что в деревне жить лучше, и с удовольствием ездят к родственникам в деревню.

Отток населения в города остановить невозможно, но для дальнейшего развития России необходимо сохранить каждую деревню, каждый поселок. Для этого необходимо развивать агротуризм и экотуризм. Развитие сельскохозяйственного и экологического туризма, создание фермерских хозяйств, предоставляющих услуги по размещению, отдыху и ознакомлению с сельским образом жизни поднимут престиж деревни. Создание туристических маршрутов, направленных на изучение природных достопримечательностей и экосистем будут популяризировать сельские районы [1].

Целесообразно создание местных предприятий, производящих продукцию ручной работы, включая традиционные ремесла и сувениры. Нужно развивать малый и средний бизнес, появятся новые рабочие места. Тогда будет развиваться инфраструктура, создаваться новые предприятия, привлекаться инвестиции.

Важно внедрение инновационных технологий в сельском хозяйстве, например, прецизионного земледелия, использования дронов для мониторинга посевов.

Нельзя обойти образование и культуру. Развитие образовательной системы, создание культурных центров, поддержка традиционных искусств и ремесел – необходимы и в сельской местности.

Для успешного развития сельских поселений необходимо сотрудничество властей, местных жителей, бизнеса и неправительственных организаций. Политика региональных властей играет большое значение, так как она влияет на развитие конкретной территории. В целом будущее российской деревни будет зависеть от активного участия как государства, так и граждан в ее развитии.

Список источников

1. О важнейших проблемах развития современной отечественной деревни. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vazhneyshih-problemah-razvitiya-sovremennoy-otechestvennoy-derevni (дата обращения: 27.10.2024).

2. Проблема нехватки кадров в сельском хозяйстве угрожает расширению производства, предупреждает Александр Ткачев. URL: https://forkagro.com/incubator/v/problema-nekhvatki-kadrov-v-selskom-hozyajstve-ugrozhaet-rasshireniyu-proizvodstva-predupreprezhdaet-aleksandr-tkachev (дата обращения: 27.10.2024).

3. Сколько россиян живет в городах, а сколько – в селах. URL: https://journal.tinkoff.ru/gorod-i-selo/?ysclid=m2z7x2ldd4406336666 (дата обращения: 27.10.2024).

4. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 27.10.2024).

E.V. Agaeva,
T.S. Sergeev

MODERN VILLAGE: PROBLEMS AND DEVELOPMENT

Abstract. The modern Russian village has a number of problems requiring immediate solution. The state makes efforts to create conditions attractive for living and working in rural areas. Village development is an important task both benefiting rural areas' inhabitants and strengthening the economy and social stability of the country as a whole.

Keywords: agriculture, modern village, state program.

УДК 378:631

Н.В. Алтынова

ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА – ВЕКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья содержит информацию о профориентационных мероприятиях, реализуемых в ФГБОУ ВО «Чувашский государственный аграрный университет». Приводится статистика охвата количества потенциальных абитуриентов, участвовавших в данных мероприятиях в 2022 и 2023 гг.

Ключевые слова: профориентация, аграрный университет, абитуриент, вуз, профессия, самоопределение.

В современном мире с динамично развивающейся цифровизацией, несмотря на огромнейшие потоки информации, учащиеся теряются и не могут определиться с будущей профессией или даже кругом интересов, которым они хотят заниматься в последующем. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости своевременного профориентирования учащейся молодежи. Безусловно, это должно идти в тесной связке с конъюнктурой рынка труда. Для качественной работы в этом направлении необходимо иметь четкий структурированный план посещения образовательных учреждений, приглашение абитуриентов и их родителей на Дни открытых дверей вуза, профильные мастер-классы и т. д. Данные мероприятия не могут носить разовый характер, так как только системная профориентационная работа может помочь школьнику. Это связано с этапами взросления и соотнесения собственных качеств, интересов, склонностей к той или иной профессиональной сфере.

Целью статьи является мониторинг профориентационных проектов, реализуемых в Чувашском государственном аграрном университете, выявление эффективности данных мероприятий.

Ключевую роль в профориентации школьников, а также в обеспечении эффективной цепочки взаимодействия «школа – вуз – работодатель» следует отводить университетам. Текущее состояние организации профориентационной работы в России зачастую оценивается критически: «...профориентация не рассматривается как глубокая, системная и требующая времени работа, являясь лишь элементом кадровой политики, и часто заменяется определением профпригодности с помощью многочисленных тестов и профотбором» [2, с. 319].

С целью осуществления деятельности, направленной на профориентацию выпускников школ и образовательных учреждений среднего профессионального образования, в Чувашском государственном аграрном университете с октября 2018 г. функционирует центр профориентационной работы.

В 2023 г. в Послании Госсовету Чувашии Глава региона О.А. Николаев отметил, что «особое значение имеет поддержка молодежи в начале трудовой деятельности, ранняя профориентация школьников и получение первой профессии в старших классах» [1]. Заместитель Председателя Кабинета Министров Чувашской Республики – министр сельского хозяйства С.Г. Артамонов в рамках реализации задач, поставленных в Послании, на совещании с главами муниципальных округов республики обсудил вопрос о возможности закрепления каждого детского сада на селе Чувашии за сельхозорганизацией. Цель проекта заключалась в том, чтобы найти кураторов для нового поколения сельских детей и обучить их жизни на земле. Таким образом, получился взаимовыгодный диалог аграриев и дошколят: предприятия смогут взращивать будущий кадровый потенциал, а дети получат знания и новые агролаборатории.

Осознанное профессиональное самоопределение абитуриентов и повышение интереса будущих студентов к вузу возможно через их вовлечение в предлагаемые мероприятия. Вовлеченность и, как следствие, эффективность профориентационной работы, позволяет повысить ее практический характер (тренинги, мастер-классы, профессиональные пробы), ввести соревновательный компонент (олимпиады, конкурсы грантов), применение игровых компонентов (элементов геймификации) и т. д. Это те ключевые точки, которые использует Чувашский аграрный университет в своей работе.

С 2019 г. в вузе активно реализовываются профориентационные проекты: «АгроДень», «АгроПолис», «Партнерский визит», «День открытых дверей» и «Агроклассы». В 2023 г. центр профориентационной работы принял участие в ряде новых всероссийских и республиканских проектов: региональном форуме сельской молодежи «Я в Агро», республиканском родительском форуме «Чувашская Республика – пространство возможностей», российской образовательной выставке «Навигатор поступления», всероссийском проекте «В гостях у ученого», программе «Книга моих путешествий». Кроме того, традиционно проводятся встречи с обучающимися школ, колледжей и техникумов в рамках выездных мероприятий.

«АгроДень» – реализация проекта подразумевает организацию выездной экскурсии учащихся старших классов муниципальных округов Чувашской Республики в университет на школьных автобусах. Экскурсии на предприятия позволяют посмотреть на преимущества профессий с производственной точ-

ки зрения. В 2023 г. в проекте приняли участие 2484 абитуриента (в 2022 г. – 192 чел.).

«АгроПолис» – проект направлен на знакомство учащихся старших классов образовательных учреждений г. Чебоксары с материально-технической базой Чувашского ГАУ. В ходе экскурсий по лабораториям, испытательным центрам и профильным аудиториям учащиеся знакомятся с аграрными профессиями, возможностями и преимуществами аграрного образования. За 2023 г. в проекте «АгроПолис» приняли участие 1443 школьника (в 2022 г. – 112 чел.).

«Партнерский визит» – программа нацелена на эффективную информационно-просветительскую и консультативную деятельность университета. Основное внимание уделяется организации взаимодействия и укреплению постоянных контактов с коллективами образовательных учреждений среднего профессионального образования для самоопределения выпускников в выборе профессии. В рамках проекта учащиеся техникумов и колледжей посещают университет с целью глубокого погружения в конкретное направление подготовки и выстраивания индивидуальной образовательной траектории на ближайшие пять лет. Профориентационные маршруты проработаны с учетом пожеланий обучающихся, предусмотрена культурно-образовательная программа. В 2023 г. в проекте приняли участие 216 студентов образовательных организаций среднего профессионального образования (в 2022 г. – 205 чел.).

«День открытых дверей» – это традиционный формат знакомства студентов, школьников и их родителей с деятельностью и услугами образовательной организации. В 2023 г. проводились факультетские и общевузовские дни открытых дверей, общий охват абитуриентов составил 1971 чел. (в 2022 г. – 1100 чел.).

В вузе в 2016 г. совместно с Министерством сельского хозяйства Чувашской Республики и при поддержке Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, администраций и средних общеобразовательных школ муниципальных округов была разработана программа «Специализированные классы естественнонаучного и инженерного направлений» (агроклассы). С 2017 г. агроклассы действуют во всех муниципальных округах. Проект «Агроклассы» направлен на достижение следующих целей:

– увеличение доли выпускников, избравших аграрную профессию по аграрному и инженерному профилю;

– повышение качества освоения профильных программ углубленного изучения физики, математики, биологии; увеличение числа учащихся, занятых в научно-исследовательской деятельности;

– повышение рациональности и эффективности использования ресурсов Чувашского ГАУ и для повышения качества аграрного образования;

– увеличение доли выпускников, трудоустроившихся в АПК;

– повышение укомплектованности сельскохозяйственных предприятий высококвалифицированными кадрами;

– снижение социальной напряженности в муниципальных округах республики.

Учащиеся 10-х и 11-х классов изучают в зависимости от выбранного профиля дисциплины «Решение задач повышенной сложности по математике», «Решение задач повышенной сложности по физике», «Биологические закономерности», активно участвуют в научной жизни.

Успехи и результаты освоения курсов диагностируются ежегодным тестированием по дисциплинам. При реализации проекта «Агроклассы» пристальное внимание уделяется проведению экскурсий на предприятия АПК как одной из форм, активизирующих профессиональное самоопределение школьников.

За период 2016–2024 гг. в агроклассы было зачислено 2890 обучающихся, двухлетнее обучение завершили 2059 школьников. На текущий момент в агроклассах обучается 479 чел. (220 учеников 10-х классов и 259 одиннадцатиклассников).

Проект «Агроклассы» осуществляется в системе непрерывного образования «Школа – техникум (колледж) – вуз», позволяя выпускникам получить высшее образование либо сразу после окончания школы, либо поступить в вуз после техникума (колледжа) с сохранением всех преимуществ агроклассника. Мероприятия, проводимые вузом в рамках проекта, направлены на повышение уровня мотивации выбора профессиональной деятельности, связанной с агропромышленным производством, развитие естественнонаучного и инженерного предпрофильного и профильного обучения, эффективную подготовку школьников к ЕГЭ профильного уровня, адаптацию школьников к освоению вузовских программ.

Региональный форум сельской молодежи «Я в Агро» – проект направлен на знакомство учащихся старших классов образовательных учреждений муниципальных округов Чувашской Республики с аграрными профессиями, с преимуществами самореализации в аграрной сфере. За 2023 г. в проекте «Я в Агро» приняли участие 893 школьника.

Целью республиканского родительского форума «Чувашская Республика – пространство возможностей» является формирование представления у родительской аудитории о возможностях общего и профессионального образования, воспитания, дополнительного развития и трудоустройства молодежи. В 2023 г. в форуме приняли участие 800 чел.

Российская образовательная выставка «Навигатор поступления» направлена на повышение уровня осознанности школьников при выборе специальности и вуза для обучения, включает посещение стендов вузов и колледжей, участие в мастер-классах спикеров по темам: «выбор профессии», «выбор вуза», «правила приема документов». В 2023 г. в мероприятии приняли участие 200 чел.

Всероссийский проект российского движения детей и молодежи «Движение Первых» «В гостях у ученого» нацелен на популяризацию науки и технологий среди обучающихся образовательных организаций Российской Федерации, вовлечение обучающихся в научно-техническую деятельность. В 2023 г. в мероприятии приняли участие 316 чел.

Программа «Книга моих путешествий» – это создание условий для организованного отдыха детей, развитие личности ребенка и воспитание лучших черт гражданина и патриота. В помощь детям разработан дневник «Книга моих путешествий», который является не просто блокнотом для записи впечатлений, а дневником с интересными экскурсионными объектами, которые ребята смогут посещать вместе со своими родителями или одноклассниками. Всего представлено 38 экскурсионных объектов культуры, образования и науки, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства, среди которых Чувашский ГАУ. В 2023 г. в мероприятии приняли участие 450 чел.

Активно проводятся выездные мероприятия – посещение общеобразовательных организаций и организаций среднего профессионального образования с целью информирования обучающихся о направлениях подготовки и специальностях Чувашского государственного аграрного университета, об условиях и особенностях приема на обучение. За 2023 г. профориентационными выездами в школы, техникумы, колледжи было охвачено 5095 чел. (в 2022 г. – 5028 чел.).

В целом за 2023 г. в профориентационных мероприятиях приняло участие 13 868 учеников из Чувашской Республики и других регионов (Марий Эл, Нижегородская область, Республика Татарстан и др.) (в 2022 г. – 6637 чел.). Такой подход позволит подготовить детей к выбору профессии и помочь им в самоопределении, опираясь на предпочтения, задатки и желание самореализоваться в той или иной отрасли. Интерес абитуриентов подогревается и тем, что на встречи, как правило, приглашаются молодые и успешные фермеры республики, которые делятся опытом, рассказывают о своей истории успеха и современных возможностях в аграрном секторе экономики. Живой пример мотивирует ребят и рационализирует их амбиции в правильном направлении, раскрывает возможности, перспективы и преимущества жизни на селе. Они в деталях узнают тонкости программы целевого обучения и формах поддержки государства и региона для начинающих фермеров/

аграриев. Данные проекты подталкивают ребят посмотреть на сельское хозяйство и аграрные специальности под призмой будущих перспектив и новых открытий.

Список источников и литературы

1. Послание Главы Чувашской Республики Государственному Совету Чувашской Республики на 2023 год. URL: https://www.cap.ru/action/activity/sobitiya-arhiv-bannerov/2023-god/yanvarj/25-yanvarya-poslanie-glavi-chuvashskoj-respubliki/stenogramma-poslaniya-glavi-chuvashskoj-respubliki (дата обращения: 25.11.2024).

2. *Прохоров А.В.* Современные подходы к профессиональной ориентации школьников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 2. С. 319–328.

N.V. Altynova

CARRER GUIDANCE COUNCELING PROJECTS OF CHUVASH STATE AGRARIAN UNIVERSITY IS A VECTOR OF YOUNG PEOPLE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Abstract. The article contains information about career guidance activities realized in the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chuvash State Agrarian University». The statistics of potential applicants having participated in these events in 2022 and 2023 has been given.

Keywords: career guidance, agrarian university, applicant, university, profession, self-determination.

УДК 378:631

Н.В. Алтынова

ЦЕЛЕВОЙ ПРИЕМ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АПК ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные характеристики и принципы целевой подготовки кадров для агропромышленного комплекса в Чувашии. Приводится анализ модели целевого приема, его особенностей на примере деятельности Чувашского аграрного университета. Дана краткая характеристика истории целевого обучения в России.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, агропромышленный комплекс, Чувашская Республика, целевое обучение, меры стимулирования, студенты.

Многие отрасли современного производства не всегда могут похвастаться крепким и устойчивым количеством специалистов в их коллективах. Данный вопрос усугубляется на фоне не всегда охотного трудоустройства молодых специалистов на предприятия. Установлено, что около 30–50 % выпускников вузов уходят с первого места работы в начале карьеры в связи с низкой оплатой труда, слабым уровнем конкурентоспособности с профессионалами, уже работающими в данной отрасли, своей неуверенностью в реализации поставленных перед ним задач и высокими требованиями работодателя к исполнению функциональных обязанностей. Все это из года в год провоцирует старение трудовых коллективов в различных сферах деятельности, а сложившаяся ситуация ведет к истощению кадрового потенциала.

В связи с этим перед государством остро встает вопрос о внедрении мотивирующих программ для молодежи и закреплении новоиспеченных специалистов на несколько лет за определенным местом трудоустройства. Программы могут быть направлены на адаптацию в коллективе, на возможность знакомства с перспективами развития того или иного производства, самореализацию, возможно, шефство над более молодым поколением. Безусловно, все это подкрепляется различными мерами поддержки молодых специалистов, финансового стимулирования (выплата подъемных) и вовлечения в профессиональную деятельность. В целом – это огромная комплексная программа.

Целью данной статьи является анализ модели целевого приема, выявление основных характеристик и принципов, а также изучение опыта целевой подготовки кадров в Чувашском аграрном университете.

Институт целевого обучения имеет свою историю. В дореволюционной России студенты, обучавшиеся за счет средств государства, должны были отработать положенное число лет в назначенных для них местах. Распределение выпускников после окончания обучения, практиковавшееся в Советском Союзе, также можно рассматривать в контексте целевой подготовки [1, с. 374].

Согласно исторической справке довоенных лет все выпускники вузов и техникумов обязаны были проработать в течение пяти лет на определенных предприятиях в системе того наркомата, в ведении которого находилось учебное заведение, а самовольное трудоустройство приравнивалось к нарушению законодательства и могло являться основанием для привлечения к судебной ответственности [4].

В послевоенный период срок отработки был сокращен до трех лет. Министерства и ведомства ежегодно предоставляли в Госплан СССР сведения о количестве выпускников, подведомственных им вузов и ССУЗов, а в обоснованных заявках указывалось необходимое им число молодых специалистов. За три месяца до получения диплома распределительная комиссия определяла место работы [3].

Предприятиям строго запрещалось брать молодых специалистов на работу без путевок, а учебным заведениям – продолжать образование лиц, отказавшихся от путевок. Функционировала уголовная ответственность для руководителей, допустивших трудоустройство без путевок соответствующих министерств (ведомств).

На современном этапе в России продолжается совершенствование программ и мер по их реализации для закрепления перспективных молодых кадров в регионах страны через создание системы целевого приема и обучения. Это возможность бесплатно получить высшее образование и уже на этапе поступления начать строить свою карьеру.

Целевой прием и целевое обучение – это два очень схожих понятия, однако различие заключается в механизме реализации. Целевой прием осуществляется на этапе приема в образовательное учреждение, целевое обучение же реализуется путем заключения договора между обучающимся и работодателем в процессе обучения (будь то 2-й или уже 5-й курс обучения).

Целевой прием имеет следующие ключевые характеристики: программы направлены на создание условий для эффективного воспроизводства кадров, стимулирования притока молодежи и ее закрепление; для участия в программах необходимо пройти конкурсный отбор на места, установленные по квоте, таким образом происходит выявление талантливой и перспективной молодежи, нацеленной на конкретную отрасль производства и сферу деятельности. Данная модель использует разнообразные системы мотивации,

преимущественно связанные с финансированием и профессиональным карьерным ростом; приветствуется связь с предыдущим уровнем образования; ведется контроль выполнения обязательств.

Чувашский государственный аграрный университет является одним из динамично развивающихся вузов в Чувашской Республике и Приволжском федеральном округе, который занимается подготовкой кадров для агропромышленного комплекса региона и страны в целом. Омоложение кадрового потенциала для сельского хозяйства региона является одной из стратегических задач, которая ставится правительством перед вузом. Реализация целевого приема и обучения в Чувашском ГАУ осуществляется через следующие принципы:

1. Принцип интеграции, согласно которому обучающийся плавно входит в профессиональную сферу и вырабатывает практический навык.

2. Принцип регулирования нагрузки. Формирование учебного плана осуществляется таким образом, чтобы шло усвоение не только исключительно теоретического материала, но обязательно осуществлялись и выездные практические занятия в период выполнения учебной нагрузки.

3. Принцип погружения в отрасль осуществляется исключительно на отраслевых предприятиях агропромышленного комплекса.

4. Принцип наставничества, что смягчает вхождение в трудовой коллектив и приобщает к слаженной работе.

5. Принцип партнерства предусматривает включение в договор взаимовыгодных условий для всех участников.

6. Принцип преемственности, т. е. обучающийся, поступая на специальности или направления подготовки по договору целевого обучения, имеет возможность продолжить дальнейшее обучение в магистратуре или аспирантуре также в рамках целевого проекта.

7. Принцип финансовой поддержки.

Программа целевого приема и обучения – это долгосрочный проект, рассчитанный от 7 до 10 лет, в течение которого предусмотрены как меры финансовой поддержки, так и их сокращение в случае невыполнения условий. Однако договором предусматривается возможность возобновления мер материального стимулирования в период обучения. Данные меры поддержки мотивируют студенческую молодежь к прилежному обучению и получению максимальных знаний. А дальнейшая достойная финансовая поддержка в период трудоустройства не провоцирует работающую молодежь к поиску новых путей подработки и трудоустройства на стороне.

Можно с уверенностью констатировать, что на сегодняшний момент Чувашский аграрный университет максимально приблизился к тому показателю качества приема на целевое обучение, который перед образователь-

ными учреждениями ставят министр сельского хозяйства страны О.Н. Лут, Глава Чувашской Республики О.А. Николаев и министр сельского хозяйства Чувашии С.Г. Артамонов.

Интересен и тот факт, что выполнение квоты целевого приема входит в один из важнейших показателей качества работы главы региона.

В разрезе работы аграрного университета в этом направлении можно констатировать следующее: за последние 8 лет наблюдается увеличение мест, выделенных под квоту целевого приема с 61 до 135. Следует отметить и тот факт, что если ранее число целевых мест составляло не менее 10 % от контрольных цифр приема (КЦП), выделенных вузу, то в 2024 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2024 г. № 388-р имеется четкая градация процентного соотношения квоты целевого приема, в том числе по основным направлениям подготовки – от 10 до 25 % КПЦ. Квота устанавливается с учетом потребностей экономики в квалифицированных кадрах и отраслевых задач.

Чувашская Республика и Чувашский аграрный университет в 2024 г. вошли в десятку лидеров по качеству выполнения целевого приема (см. табл.).

Таблица

Динамика приема по квоте целевого приема в Чувашский ГАУ в 2017–2024 гг.

Форма обучения	**Годы**							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Очно	15	23	5	10	42	34	49	88
Заочно	1	2	1	5	31	23	54	39
Вечерняя	–	–	–	–	–	–	–	5
∑ зачисленных	16	25	6	15	73	57	103	132
Квота ЦП	61	117	108	111	105	107	130	135
% выполнения	26,23	21,36	5,5	13,51	69,52	53,27	79,23	97,78

На 135 мест по всем уровням образования (бакалавриат, специалитет, магистратура и аспирантура) и формам обучения (очная, очно-заочная и заочная) было зафиксировано 168 откликов от абитуриентов. Состоялся конкурс по следующим направлениям подготовки и специальностям: агроинженерия, ветеринария, технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции, технология транспортных процессов, эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов и сервис. Зачислено было 135 чел., согласно установленной квоте, таким образом, выполнение составило 100 %, однако договора целевого приема были заключены с 132 обучающимися, что составило 97,78 %.

2024 год стал переломным моментом в системе целевого приема и обучения в колледжах и вузах страны. С мая 2024 г. стали действовать новые механизмы организации целевого приема в соответствии со вступившими в силу изменениями в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5]. 27 апреля 2024 г. вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» [2].

В рамках реализации новых норм закона заказчик целевого обучения до 10 июня 2024 г. размещал предложения о заключении договора на единой цифровой платформе «Работа в России», после чего предложения не подлежали изменению. Информация работодателя становилась общедоступной. Абитуриент, желающий поступить по квоте целевого приема, совместно с родителями мог оценить условия договора, выбрать более интересное для себя предложение и откликнуться на него, подав заявку. Она оформлялась в бумажном или электронном виде. Договор, согласно закону, может быть заключен строго только с одним заказчиком целевого обучения. Документ может быть двухсторонним: заказчик и гражданин; трехсторонним: заказчик, гражданин и образовательная организация, предоставляющая образовательную услугу; четырехсторонним: заказчик, работодатель, гражданин и образовательная организация. Если гражданин не достиг 18 лет, то в подписании договора участвует родитель или законный представитель ребенка.

В договоре целевого обучения обязательно прописываются наименование основной образовательной программы; организация, осуществляющая образовательную деятельность, в которой гражданин должен усвоить данную программу; форма обучения; направленность или профиль программы, а также необходимость наличия государственной аккредитации основной образовательной программы; наименование предприятия или территориальная характеристика места осуществления трудовой деятельности, условия оплаты труда после окончания вуза и срок отработки в организации, которая выступила заказчиком обучения, от 3 до 5 лет.

Интересным разделом в договоре целевого обучения выступают меры поддержки. Здесь заказчик прописывает не только меры материального стимулирования гражданина в период обучения в зависимости от результатов промежуточной аттестации, но вправе ранжировать размер стипендии в зависимости от входного балла ЕГЭ. Данная мера поддержки, безусловно, стимулирует абитуриента на получение высоких результатов по итогам окончания школы на едином государственном экзамене, а для заказчика – это способ привлечения талантливых ребят, замотивированных на работу в отрасли и достижении высоких результатов в команде заказчика.

Новшество заключалось и в том, что все договоры целевого обучения должны были заключаться после издания приказа о зачислении абитуриента на обучение, но до 1 сентября 2024 г. включительно.

Новый механизм организации целевого приема и обучения в колледжах и вузах направлен на прозрачность, общедоступность и возможность прохождения на конкурсной основе для всех желающих. Если ранее механизм целевого приема предусматривал самостоятельный поиск работодателя/заказчика целевого обучения на сайтах ведомств или посещая лично предприятия, что приводило к кулуарному распределению бюджетных мест, так как целевой прием осуществляется за счет бюджетного финансирования, то на современном этапе любой желающий может рассмотреть предложения заказчика на единой цифровой платформе «Работа в России», оценить и принять для себя решение.

Трудоустроившись на предприятие после завершения обучения по целевому договору молодых специалистов гарантировано будет ждать рабочее место с возможными наставниками, что существенно снизит отток специалистов в иные сферы трудоустройства. Для выпускника – это трудоустройство в знакомый коллектив, где осуществлялась производственная и преддипломная практика; это привычная обстановка и условия труда, что благоприятно сказывается на психологическом состоянии и не вызывает стресса; возможность получения практического опыта работы, повышение уровня своей компетентности.

Через механизм целевого приема и обучения предусмотрено соблюдение баланса взаимной ответственности каждой стороны договора о целевом обучении. Один участник предоставляет условия, способствующие раскрытию творческого потенциала, другой – принимает на себя обязательства отработать установленный срок после завершения обучения в вузе. Меры финансовой поддержки повышают привлекательность данной формы обучения, ломая устаревшие стереотипы.

Кроме того, новый механизм целевого обучения должен стать серьезным шагом к омоложению кадрового потенциала Чувашской Республики и страны, ориентированности профессионального образования на запросы рынка труда, а также разработке требований по подготовке кадров на основе долгосрочного прогноза потребностей рынка труда. Появится возможность более точного сопоставления видов экономической деятельности с профессиями, специальностями и направлениями подготовки при формировании контрольных цифр приема в образовательные организации. Динамика приема на целевое обучение за последние 4 года и анализ подготовки кадров по данной программе указывает на перспективы для республики в рамках решения

проблемы кадрового обеспечения агропромышленного комплекса Чувашской Республики.

Список источников и литературы

1. *Елина Е.Г., Аникин В.М.* Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 373–377.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // Гарант.РУ. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408860099/ (дата обращения: 25.11.2024).

3. Постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1948 года «Об упорядочении распределения и использования молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http: //www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2024).

4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 года «Об улучшении использования молодых специалистов» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http: //www.consultant.ru (дата обращения: 25.11.2024).

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12. 2012 г. № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.11. 2024).

N.V. Altynova

EMPLOYER-SPONSORED EDUCATION AS THE MOST IMPORTANT TOOL FOR AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX' STAFFING IN THE CHUVASH REPUBLIC

Abstract. The article deals with the main characteristics and principles of employer-sponsored education for agro-industrial complex in Chuvashia. The article analyzes the model of employer-sponsored education and its peculiarities on the example of Chuvash Agrarian University. The history of employer-sponsored education in Russia has been briefly characterized.

Keywords: staffing, agro-industrial complex, the Chuvash Republic, employer-sponsored education, incentives, students.

УДК 316.334.55:070 (470.344)

А.Д. Гаврилов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА ЧУВАШИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация. Статья посвящена репрезентации в социальных медиа проблематики сельских жителей Чувашской Республики. В настоящее время для решения проблем, их огласки селяне региона обращаются не в редакции локальных газет, а в госпаблики. Они взаимодействуют с органами власти напрямую в социальных сетях – публикуют свои вопросы в комментариях к постам, размещенным в пабликах министерств и ведомств. Автором работы рассмотрены комментарии, содержащие описание проблемной ситуации, опубликованные с января по ноябрь 2024 г. в сообществах «Чувашская Республика» и «Минсельхоз Чувашии» в социальной сети «ВКонтакте». На базе эмпирического материала выявлены содержательные характеристики вопросов, актуальных для сельских жителей Чувашии. В работе подчеркивается необходимость укрепления отношений между локальным обществом и местными СМИ в целях консолидации сельского населения и позитивной модернизации их повседневной жизни.

Ключевые слова: проблемы сельского общества, Чувашская Республика, госпаблики, метод включенного наблюдения, содержательный анализ комментариев в социальных сетях, медиарепрезентация, социальные медиа.

Политические, экономические и культурные трансформации российского общества, выпавшие на первую четверть XXI в., и связанные с ними социальные эффекты сегодня вызывают повышенный интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. Учитывая прямую связь перечисленных изменений с текущим моментом, их незавершенность, исследователи пытаются комплексно оценить происходящее, осмысляют его в диахронии и синхронии, выявляют предпосылки и последствия, строят прогнозы и формулируют рекомендации для последующей позитивной модернизации. Региональная наука не остается в стороне – социологи, политологи, культурологи и другие гуманитарии независимо друг от друга и в междисциплинарном диалоге анализируют актуальные процессы в аспекте «центр – периферия» и отдельно, что не менее важно, – на местном уровне. Вопросы меняющейся повседневности жителей сельской местности в этом проблемном поле попрежнему остаются одними из наиболее важных. Под влиянием интернетизации, технологизации и цифровизации села крестьянская культура стремительно меняет свой облик: она лишается традиционно присущих ей черт и наполняется другими, что выражается в принципиально новых установках

мировоззрения селян, их социальных практиках, причем вне зависимости от пола и возраста.

В Чувашской Республике развитие села на современном этапе изучается в мониторинговом режиме. Так, В.Г. Харитонова рассматривает основные социокультурные факторы развития сельского сообщества Чувашии в первом десятилетии XXI в. и их влияние на социальную модернизацию региона [14], характеризует процессы социализации жителей села в современном социуме [15], их этнические традиции [16]. И.Е. Ильин делает акцент на реформах и повседневности, анализируя социально-экономические и этнокультурные процессы [9] и преобразования в сфере трудовой деятельности сельского населения [10]. Преподаватели кафедры журналистики ЧГУ им. И.Н. Ульянова уточняют особенности функционирования районных газет Чувашии в условиях цифровизации [3] и своеобразие аграрной периодической печати региона [4]. Е.А. Ягафова и А.С. Роговой поднимают проблему репрезентации этнической и локальной идентичности сельских чувашей в киберпространстве. Они отмечают, что «страницы селений в социальных сетях – своеобразная летопись сельской жизни. Здесь представлены все наиболее значимые события, будь то празднование Дня ВДВ или последнего звонка в местной школе. Существенную часть контента групп, особенно СДК, составляют анонсы о предстоящих мероприятиях и отчеты об их проведении, которые сопровождаются фото- и видеоматериалами, позволяющими детально проследить ход организации мероприятия и виртуально приобщиться (хотя и постфактум) к нему. Такие отчеты позволяют выходцам из селения удаленно “участвовать” в культурной жизни села, укрепляют в них чувство “малой Родины”, о чем свидетельствуют многочисленные комментарии» [17, с. 103]. Наше изыскание в некотором роде продолжает исследовательский поиск ранее упомянутых авторов.

Цель данной статьи – выявить содержательный диапазон проблематики, поднимаемой сельскими жителями Чувашской Республики в госпабликах в социальной сети «ВКонтакте».

Работа над исследованием проходила в два этапа. На первом этапе – путем включенного наблюдения за изменениями в социальной структуре регионального села, в частности, в отношениях между селянами и локальными средствами массовой информации, между селянами и местными органами власти, между локальными средствами массовой информации и местными органами власти. На втором – с помощью содержательного анализа комментариев сельских жителей региона, размещенных ими в госпабликах в социальной сети «ВКонтакте».

Мы заметили, что с поступательным устранением цифрового неравенства и усложнением сельского медиаландшафта Чувашии – появлением тех-

нологических и коммуникационных условий (цифровое телевидение, усовершенствованная сотовая связь, повсеместный доступ к интернету и др.) и, как следствие, новых локальных акторов медиасреды [гражданских журналистов; блогеров (в сельской местности набирает обороты аграрный блогинг [5]); авторов сайтов и форумов; тематических групп, сообществ и каналов, госпабликов, аккаунтов местных граждан и лидеров общественного мнения (политиков, бизнесменов, общественных деятелей) в социальных сетях и мессенджерах] перераспределяются ресурсы социальных институтов, трансформируются способы взаимодействия социальных групп, устанавливаются отличные от прежних рутинные практики.

Институт сельской журналистики, онтологически отвечающий за локальный информационный обмен и решение проблем граждан и сообществ, находится под угрозой утраты своего ресурсного потенциала. Редакции районных газет уменьшаются по численному составу, в силу разных причин не фокусируются на решении проблем селян, в основном информируют о событиях, не занимаются анализом и оценкой злободневных явлений, ввиду экономически неэффективной системы дистрибуции они сокращают тиражи, создавая представительства в интернете, нередко медленно адаптируются к работе в цифровой среде, не всегда налаживают отношения с подписчиками в ней, не выдерживают конкуренцию других медиадеятелей, в результате чего постепенно теряют интерес и доверие аудитории к своему медиабренду. На полосах районных изданий Чувашии сегодня практически не встретить ответы на письма читателей. Публикации информационного характера занимают 85 % содержания выпуска, развлекательного – 8–10 %, а проблемно-аналитического – либо вовсе отсутствуют, либо охватывают 5–7 % всего контента. В сообществах районок в социальных сетях и каналах в мессенджерах размещаются в основном новостные посты. Пользователи практически не оставляют комментарии.

Противоположная ситуация складывается: 1) в чатах жителей деревень в мессенджерах; 2) локальных тематических группах в социальной сети «ВКонтакте» (например, «Подслушано_Название населенного пункта»); 3) сообществах региональных органов власти (главы региона, министерств и ведомств). В первых, доступных к просмотру только по приглашению, жители села активно обсуждают проблемы, касающиеся местного сообщества (общаются друг с другом, совместно решают бытовые вопросы, планируют мероприятия и т. п.). Во вторых, где публикуются новости от пользователей, в центре внимания – локальные сплетни, а также сделки купли-продажи одежды, мебели, товаров сельхозпроизводства и т. п. Третьи выступают для селян площадкой реального взаимодействия с властью, позволяющей им заявлять о проблеме и рассчитывать на ее разрешение.

Приоритетным каналом для получения значимой информации, а также для коммуникации – как межличностной, так и с официальными лицами – на селе становятся социальные медиа [6]. Итоги социологического опроса 606 жителей 7 городов и 17 сельских населенных пунктов Чувашии, проведенного нами осенью 2022 г., показали, что ежедневно 69 % селян смотрят телевидение, 65,4 % посещают социальные сети, 59,8 % читают интернет-СМИ и лишь 12,5 % печатные издания. При этом самыми популярными для сельских жителей региона являются такие социальные сети, как «ВКонтакте» (62,4 %), «Одноклассники» (38 %) и TikTok (30,8 %) [6, с. 121–122].

Селяне Чувашии, чтобы разрешить проблемную ситуацию, все чаще обращаются не к журналистам местных средств массовой информации, роль которых в развитии сельских территорий традиционно заключается в содействии коммуникации между обществом и властью, а пишут в аккаунты госорганов в социальных сетях.

С 1 декабря 2022 г. в Российской Федерации государственные учреждения для взаимодействия с населением и предоставления гражданам необходимой информации обязаны вести госпаблики – свои официальные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». От других сообществ их интерфейсы визуально отличаются тем, что содержат специальные отметки – значок флажка серого цвета и надпись «Госорганизация». Чтобы пользователи могли непублично оставлять обращения и оперативно получать официальные разъяснения, в госпабликах располагаются виджеты «Сообщить о проблеме» и «Высказать мнение». Однако чаще граждане задают вопросы на страницах госорганов у всех на виду: под постами, нередко под теми, которые тематически никак не связаны с их обращениями. Администраторы госпабликов не могут игнорировать комментарии пользователей – они обязаны обрабатывать их и реагировать на запросы, жалобы, претензии, способствуя решению проблем граждан. Кроме того, специалисты Центра управления регионом (организации, координирующей сопровождение экосистемы госпабликов) проводят в сообществах прямые эфиры – интервью с представителями разных органов власти, в ходе которых пользователи могут задать экспертам тематические вопросы и во время трансляции получить ответ. Это дает возможность любому проследить историю и увидеть результаты публичных обращений граждан и убедиться в эффективности данного канала обратной связи. Именно так, напрямую, но посредством социальных медиа сельские жители Чувашии на момент исследования взаимодействуют с властью в медиапространстве. По информации ГТРК «Чувашия», «сегодня в Чувашии функционируют более 1300 госпабликов, которые ежедневно наполняются контентом» [1].

Наши наблюдения совпадают и с данными эмпирических исследований, проведенных учеными отечественных научных школ. Рассуждая о последствиях цифровой среды, профессор Е.Л. Вартанова утверждает, что «актуальным вызовом для профессиональных авторов новостных и развлекательных медиа все чаще выступает среда социальных медиа, где наряду с реализацией традиционного запроса аудитории к СМИ удовлетворяются как потребности аудитории в коммуникации и любительском контенте, так и стремление непрофессионалов поделиться своими текстами, фото, видео – самореализоваться через "творчество"» [2, с. 10]. Сотрудники Лаборатории медиаисследований ЦФИ НИУ ВШЭ в ходе четырех полевых экспедиций в сельские населенные пункты России заметили, что «в селах, где мы проводили исследование, мобильным интернетом пользовалась самая социально активная часть населения – женщины и мужчины молодого и среднего возраста. Отвечая на вопрос, зачем им мобильный телефон, они называли доступ в интернет одной из главных причин. В целом практики использования мобильного интернета отличаются от практик выхода в сеть через стационарные компьютеры своей интенсивностью» [8, с. 117]. А.А. Градюшко, К.Р. Нигматуллина и А.В. Пустовалов, проанализировав 137 крупнейших по количеству подписчиков групп районных центров Республики Беларусь, Ленинградской области и Пермского края России в социальной сети «ВКонтакте», пришли к выводу, что «в регионах, где профессиональные СМИ слабо взаимодействуют с аудиторией в социальной сети "ВКонтакте", эта ниша быстро занимается ресурсами, созданными местными гражданами» [7, с. 54]. Т.И. Фролова, А.С. Гатилин и В.Л. Касютин, детально рассмотрев возможности, проблемы и перспективы российских локальных СМИ в рамках интервью с экспертами (29 руководителями и журналистами местных СМИ из 22 регионов России), указывают на то, что «граждане теряют интерес к местной прессе: актуальные новости можно прочитать в пабликах в социальных сетях, там же можно заявить о своих проблемах и пожаловаться на нерадивых чиновников. Активно развивающиеся и во многих регионах эффективно действующие ЦУР (Центры управления регионами) способствуют решению отдельных проблем жителей. Местные власти все чаще замыкают информационный обмен с населением на собственные официальные сайты и аккаунты в социальных сетях, зачастую переманивая сотрудников редакций в свои пресс-службы» [13, с. 471]. Продолжая мысль авторов, думается, что при текущей тенденции избегания социальной ответственности локальные СМИ могут лишиться своей субъектности и оставить жителей малых населенных пунктов без весомой поддержки местной «четвертой ветви власти».

В свете установленных изменений социального взаимодействия в триаде «общество – средства массовой информации – власть» мы построили

исследование вокруг контента комментариев сельских жителей Чувашии в госпабликах в наиболее востребованной социальной сети «ВКонтакте». Эмпирическим материалом послужили комментарии, в которых от лица сельского жителя (тип поселения уточнялся в личном аккаунте пользователя) содержится описание проблемной ситуации, под постами, опубликованными с января по ноябрь 2024 г. в сообществах «Чувашская Республика» и «Минсельхоз Чувашии». В выборку вошли аккаунты с наибольшим количеством комментариев сельских жителей региона. Значительно большее число интересующих нас комментариев зафиксировано в паблике «Минсельхоз Чувашии». Корпус текстов для анализа составили интернет-комментарии, относящиеся к группе первичных текстов – инициативных, самостоятельных текстов-обращений, имеющих отдаленный характер с комментируемым текстом поста, а не вторичных текстов (реактивных, обладающих понятийными и вербальными связями с текстом поста, к которому написан комментарий). Как подчеркивают авторы коллективной монографии «Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры», «как первичный, иными словами инициативный текст, интернет-комментарий трансформируется в интернет-обращение. От жанра комментария в этом случае остаются лишь формальные признаки, связанные с особенностями интерфейса соцсетей» [12, с. 101]. Для проведения второго этапа исследования в качестве опорного был избран метод содержательного анализа.

Описанная пользователями проблематика тематически укладывается в два блока вопросов. Первые посвящены социально-экономическим проблемам (более 85 % обращений), вторые – культурным (более 13 %). Есть и третий, но он не существенен – до 1,5 % проблем связаны с жалобами на работу сотрудников районных администраций и могут быть условно обозначены как политические.

В сообществе «Чувашская Республика» селяне заявляют о своих проблемах редко, в нем к органам власти в основном обращаются горожане. Опубликованные сельскими жителями комментарии тематически можно разделить на вопросы, связанные со строительством дорог, жилых домов и детских садов, а также с государственной поддержкой семей с детьми, фермеров и т. д. Немногочисленность обращений в данном паблике, на наш взгляд, обусловлена тем, что ответ на них предоставляют не администраторы сообщества, а конкретные ведомства, курирующие работу по теме запроса: это и Минсельхоз Чувашии, и Минтранс Чувашии, и Минобразования Чувашии, и Минкультуры Чувашии, и, конечно, районные администрации. Зная об этой механике ответа, пользователи изначально пишут в госпаблики конкретных ведомств, в чьи компетенции входит помощь с решением их проблемы.

За рассматриваемый период времени подавляющее большинство изученных комментариев опубликовано в сообществе «Минсельхоз Чувашии». Наиболее распространенная тематика озвученных селянами проблем:

– вопросы, посвященные подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования;

– просьбы о финансовой и/или организационной помощи в асфальтировании и/ или ремонте дорог;

– просьбы спилить деревья и кустарники на заброшенных полях;

– вопросы о получении субсидий;

– просьбы о помощи в очищении территории от борщевика Сосновского;

– вопросы, связанные с подачей документов на конкурсы грантов в агросфере;

– жалобы селян на аграриев, не соблюдающих регламенты применения пестицидов и агрохимикатов;

– вопросы, связанные с причинами закрытия школ в отдельных населенных пунктах;

– запросы на получение консультаций по хмелеводству;

– вопросы о причинах активного потока машин на отдельном участке дороги;

– информирование о поврежденных линиях электропередач и просьбы оперативного исправления ситуации;

– жалобы на отсутствие электричества на протяжении нескольких дней;

– запросы на организацию и проведение культурных мероприятий (концертов, праздников и т. п.) на селе.

Пользователи под постами размещают вопросы, подкрепляя свое обращение-жалобу иллюстративным материалом (скриншотами, фотографиями, видеозаписями), подтверждающим подлинность проблемы.

Содержательный анализ комментариев также позволил убедиться в том, что сельские жители действуют как сообщество солидарных друг с другом активных граждан, поддерживающих друг друга в решении каких-либо вопросов, готовых объединиться для преодоления кризисных ситуаций. Так, их коммуникативному поведению свойственна отправка десятков обращений, следующих друг за другом под одним постом. Каждый из запросов посвящен одной проблеме, но принадлежит разным людям (как правило, односельчанам). Такая совместная практика по освещению проблемы позволяет им обратить внимание администраторов и подписчиков госпаблика на нее, показать ее значимость не только для отдельного человека, а для группы людей.

Говоря о качестве ответов на поступающие вопросы и жалобы, стоит отметить их конструктивность, нацеленность на реальную помощь, оперативный поиск решений и принятие мер. Вот несколько примеров:

– «Александр, добрый день! Самозанятые могут получить поддержку на тракторы, которым не более 6 лет. Вдобавок они должны быть отечественными или произведенными в дружественных странах»;

– «Анна, добрый день! В д. Тимер-Сирма в 2025 году планируется провести ремонтные работы дороги путем укладки асфальта по улице Московская по программе инициативного бюджетирования. Деньги на софинансирование в размере 10 % собраны, проект выставлен на голосование инициативных проектов Чебоксарского округа. Готовится конкурсная документация для определения подрядчика»;

– «Юлия, хорошего Вам дня! Нет, среди оснований недопуска к получению гранта установлено, что заявитель при осуществлении предпринимательской деятельности ранее не являлся получателем средств финансовой поддержки (за исключением социальных выплат и выплат на организацию начального этапа предпринимательской деятельности), субсидий или грантов. Смягчить данное условие тоже не можем, т. к. оно установлено на федеральном уровне. Для сведения: 2 участника отбора в этом году были отклонены по этому основанию»;

– «Ольга, здравствуйте! Одно из хмелеводческих предприятий прорабатывает эту возможность. В свою очередь государство готово поддержать инициативу: по программам поддержки возмещается до 30 % на покупку оборудования для переработки сельхозкультур»;

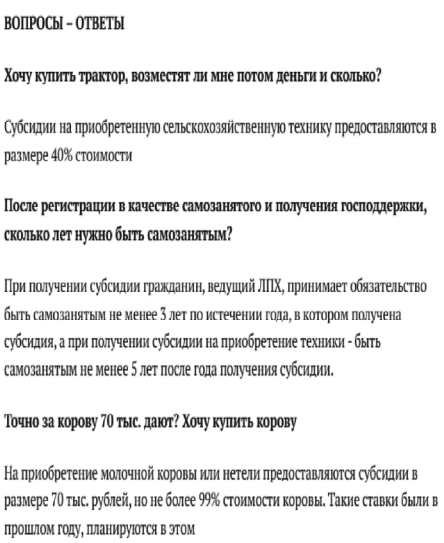
– «Здравствуйте! Команды ежегодно формируются в муниципальных округах региона. Можете обратиться в местную администрацию, чтобы в следующем году стать участником слета»;

– «Татьяна, здравствуйте! В районах Чувашии будет проводиться "Акатуй". График на фотографиях. Программу "Акатуя" в Москве тоже прилагаем»;

– «Анастасия, здравствуйте! Отдельно на маркировку улья нет, но можно компенсировать до 40 % затрат на приобретение материалов для пчеловодства. Подробнее – ссылка»;

– «Добрый день! Школа в селе Бичурино была закрыта в связи с малым количеством обучающихся детей, содержание школы при таком низком количестве обучающихся нецелесообразно» и т. п.

Еще одной публичной формой освещения проблем сельским обществом Чувашии в социальных медиа, наряду с комментариями под постами, являются прямые эфиры с участием представителей органов власти. Пользователи публикуют вопросы под постом-трансляцией, а ведущая задает их гостю в порядке поступления. По итогам проведения эфира подписчикам сообщества доступна онлайн-запись и текстовая выжимка прозвучавших в нем вопросов и ответов (рис. 1).



ВОПРОСЫ - ОТВЕТЫ

Хочу купить трактор, возместят ли мне потом деньги и сколько?

Субсидии на приобретенную сельскохозяйственную технику предоставляются в размере 40% стоимости

После регистрации в качестве самозанятого и получения господдержки, сколько лет нужно быть самозанятым?

При получении субсидии гражданин, ведущий ЛПХ, принимает обязательство быть самозанятым не менее 3 лет по истечении года, в котором получена субсидия, а при получении субсидии на приобретение техники - быть самозанятым не менее 5 лет после года получения субсидии.

Точно за корову 70 тыс. дают? Хочу купить корову

На приобретение молочной коровы или нетели предоставляются субсидии в размере 70 тыс. рублей, но не более 99% стоимости коровы. Такие ставки были в прошлом году, планируются в этом

Рис. 1. Статья «Вопросы – ответы» по итогам прямого эфира в госпаблике «Минсельхоз Чувашии» во «ВКонтакте»

Записи прямых эфиров и статьи с их кратким текстовым изложением ценны для подписчиков с точки зрения возможности быстрого доступа к архиву ответов на интересующие вопросы. Однако характер коммуникативного поведения в дискурсе социальных медиа свидетельствует о том, что, оставляя обращение в комментариях, пользователи предварительно не знакомятся с базой ответов, а ждут персональной обратной связи.

Анализ социально-экономических и культурных проблем сельского общества Чувашии на примере запросов пользователей в комментариях к постам в госпабликах во «ВКонтакте» лишь частично отражает весь спектр вопросов, волнующих сельских жителей региона. На наш взгляд, далеко не все селяне готовы лично обратиться к органам власти за помощью в решении проблем. В госпабликах отстаивают свои интересы наиболее активные люди. Полагаем, в данной работе нам удалось охватить проблематику именно таких граждан – представителей сельских сетевых сообществ. Однако для получения полной картины происходящего необходимо изучать контент государственных и коммерческих локальных СМИ. Несмотря на малочисленность проблемных материалов в составе выпуска издания, они, будучи основанными на журналистском подходе, оценивают проблемную ситуацию с разных сторон,

позволяют проследить скрытые взаимосвязи и предлагают конкретные решения. Локальные СМИ, в отличие от всех других неинституциональных авторов медиасреды, главным образом ориентированы на реальную помощь людям, защиту их интересов.

Данное исследование позволило еще раз обратить внимание на критически важную роль местных СМИ в развитии сельской местности. В условиях глобальных перемен позитивная динамика на селе возможна при сбалансированности социальных сил, полноценном функционировании каждого из социально значимых институтов.

Список источников и литературы

1. В Чувашии во второй раз подвели итоги работы администраторов госпабликов региона [Электронный ресурс] // Сайт ГТРК «Чувашия». URL: https://chgtrk.ru/novosti/obshchestvo/v-chuvashii-vo-vtoroy-raz-podveli-itogi-raboty-administratorov-gospablikov-regiona/?ysclid=m4mekrjvw2579826599 (дата обращения: 10.12.2024).

2. *Вартанова Е.Л.* К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2. С. 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814.

3. *Васильева Л.А., Студенцов О.Р., Хораськина Г.В.* Особенности функционирования районных газет Чувашии в условиях цифровизации // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XIV Всерос. научно-практич. конф. (Москва, 16 ноября 2023 г.). М.: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2023. С. 66–71.

4. *Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р.* Аграрная периодическая печать Чувашии // Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Междунар. научно-практич. конф. (Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2019. С. 138–140.

5. *Гаврилов А.Д.* Медиадеятельность сельских жителей Чувашии: аграрный блогинг // Ашмаринские чтения: сб. статей Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 21 ноября 2024 г.); Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2024. С. 41–48.

6. *Гаврилов А.Д.* Медиапотребление населения Чувашии: основные мотивы, тематические и платформенные приоритеты, вопросы доверия // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 115–134.

7. *Градюшко А.А., Нигматуллина К.Р., Пустовалов А.В.* Сообщества «ВКонтакте» и их роль в медийном ландшафте: опыт трех регионов // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2019. № 1 (219). С. 54–61.

8. Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей / под ред. А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 168 с.

9. *Ильин И.Е.* Современное российское село: реформы и повседневность: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 270 с.

10. *Ильин И.Е.* Социальная политика в регионе: история, проблемы, приоритеты: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 258 с.

11. *Нигматуллина К.Р.* Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 30–50. DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051.

12. Обыденная политическая коммуникация как социоречевая сфера // Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры: кол. монография / под науч. ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. Барнаул: АлтГПУ, 2021. С. 77–113.

13. *Фролова Т.И., Гатилин А.С., Касютин В.Л.* Российские локальные СМИ: возможности, проблемы, перспективы // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 3. С. 470–489. DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(3). 470–489.

14. *Харитонова В.Г.* Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурный аспект // Итоговые научные сессии 2015–2018 годов: научные доклады. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 285–313.

15. *Харитонова В.Г.* Социальный капитал сельского населения и модернизация региона: на примере Чувашской Республики // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья, Саранск, 16–17 сентября 2020 года / отв. ред. Г.А. Куршева. Саранск: НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2020. С. 612–626.

16. *Харитонова В.Г.* Этнические традиции сельских жителей Чувашии // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие: сб. статей IX Всерос. (XVII средневолжской) конф. историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии (Казань, 5–7 октября 2022 г.). Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2023. С. 46–55.

17. *Ягафова Е.А., Роговой А.С.* Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 3. С. 91–106. DOI 10.14258/nreur(2024)3-05.

A.D. Gavrilov

SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL PROBLEMS OF RURAL COMMUNITY OF CHUVASHIA IN SOCIAL MEDIA

Abstract. The article is devoted to the problems of the rural residents of the Chuvash Republic in social media. Nowadays, the rural residents of the region address to the state media rather than to the editorial offices of local newspapers to solve their problems and publicize them. They interact with the authorities directly in social networks: they publish their questions to the posts of ministries and departments. The author of this paper considers the comments containing a description of the problematic situation published from January to November 2024 in the communities «Chuvash Republic» and «Ministry of Agriculture of Chuvashia» in the social network «VKontakte». The substantive characteristics of the issues relevant for the rural residents of Chuvashia have been revealed based on empirical material.This paper emphasizes the need to strengthen the relationship between local society and local media in order to consolidate the rural population and positively modernize their everyday life.

Keywords: the problems of rural society, the Chuvash Republic, governmental publics, the method of involved observation, meaningful analysis of comments in social networks, media-representation, social media.

УДК 330.3

Н.П. Зыряева,
В.В. Орлов

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. В статье проведено исследование российского рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, проанализированы показатели, характеризующие продовольственную обеспеченность, предложены мероприятия по развитию рынка сельскохозяйственной продукции в Приволжском федеральном округе с учетом формирования социально-экономической устойчивости региона.

Ключевые слова: продовольственная обеспеченность, социально-экономический фактор, сельскохозяйственная продукция, аграрный рынок.

В условиях введенных антироссийских санкций достижение продовольственной обеспеченности как отдельного региона, так и страны в целом – одна из актуальных проблем, решение которой требует совместных усилий государства, бизнеса и научного сообщества. Аграрный сектор экономики, обеспечивающий население продовольствием, а промышленность – сырьем, относится к стратегическим отраслям, обладающим значительным мультипликативным эффектом за счет развития смежных отраслей – машиностроения, производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений, перерабатывающей промышленности, логистики, торговли и др. В рыночной экономике сельское хозяйство вследствие зависимости от природно-климатических условий, низкой оборачиваемости денежных средств объективно не может обеспечить рентабельность производства на уровне промышленности, тем более торговли или переработки. Возможности расширенного производства в отрасли и достижение на этой основе продовольственной обеспеченности страны определяются усилением государственного регулирования в сочетании с предпринимательской деятельностью сельских товаропроизводителей.

В историко-экономической литературе не сложилось единого мнения ни по определению термина «продовольственная обеспеченность», ни по его содержанию. Российские ученые зачастую продовольственную обеспеченность определяют через продовольственную безопасность и независимость. Под продовольственной безопасностью понимается состояние, при

котором обеспечивается продовольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность продуктов для поддержания здоровья и жизненной активности [13]. Продовольственная независимость определяется через самообеспеченность, то есть насколько достаточно произведенного продукта для внутреннего потребления гражданами страны, насколько полно состояние сельского хозяйства обеспечивает население отечественным продовольствием [1; 2]. Продовольственная обеспеченность включает в себя все поставки продовольствия, причем как за счет собственного производства, так и импорта [6; 11]. Таким образом, продовольственное обеспечение – это обеспечение потребности населения в качественных продуктах питания по научно-обоснованным нормам, способствующее экономической и физической доступности продовольствия в условиях воздействия внешней среды [3].

В стране годы реформ обернулись резким падением сельскохозяйственного производства, разрушением его материально-технической базы [1]. Эти деструктивные процессы напрямую затронули регионы Приволжского федерального округа, где спад сельскохозяйственного производства по отдельным показателям оказался даже выше, чем в среднем по РФ [6; 7]. Проблемы подъема аграрного сектора заняли достойное место в индивидуальных программах социально-экономического развития Республики Марий Эл и Чувашской Республики на 2020–2024 гг. [8].

В последние годы сельскохозяйственное производство медленно выходит на траекторию устойчивого развития, что видно из анализа показателей развития отрасли. В 2022 г. темпы прироста продукции сельского хозяйства по сравнению с 2019 г. составили 7 %, в том числе по продукции растениеводства – на 11 %, по продукции животноводства – на 0,6 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Индексы производства продукции сельского хозяйства в Российской Федерации хозяйствами всех категорий за 2019–2022 гг. (в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году) [10]

Показатели	2019	2020	2021	2022	Отклонение 2022 г. от 2019 г. (+, -), %
Продукция сельского хозяйства всего, в том числе	104,3	101,3	99,3	111,3	7,0
растениеводства	106,6	100,7	98,8	117,6	11,0
животноводства	101,9	101,9	100,0	102,5	0,6

Научный интерес представляет изучение динамики производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции. Эти сведения, представленные в таблице 2, показывают, что за последние годы наиболее высокие темпы роста наблюдаются по зерновым и зернобобовым (130,03 %) и масличным культурам (128,8 %). В то же время отмечается снижение производства по сахарной свекле, картофелю и овощам. По продукции животноводства (скот и птица на убой, молоко и яйца) рост составил 8,1, 5,1 и 2,7 % соответственно к уровню 2019 г.

Таблица 2

Динамика производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации хозяйствами всех категорий за 2019–2022 гг. (млн т) [10]

Показатели	2019	2020	2021	2022	2022 г. в % к 2019 г.
Зерновые и зернобобовые культуры	121,2	133,5	121,4	157,6	130,03
Масличные культуры	22,6	21,2	24,9	29,1	128,8
Сахарная свекла	54,4	33,9	41,2	48,9	89,9
Льноволокно, тыс. т	38	39	26	24	63,2
Картофель	22,1	19,6	18,0	18,8	85,1
Овощи	14,1	13,9	13,0	13,6	96,5
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	10 866	11 222	11 346	11 744	108,1
Молоко	31,4	32,2	32,3	33,0	105,1
Яйца, млрд шт.	44,9	44,9	44,9	46,1	102,7

Увеличение сельскохозяйственного производства оказало благоприятное влияние на экспорт. В 2022 г. объем экспорта сельскохозяйственной продукции вырос примерно на 20 % по сравнению с предыдущим годом и составил 41,6 млрд долларов. В структуре экспорта доминируют поставки зерновых культур – 32 % (1-е место), масложировой продукции – 22 % (2-е место), рыбы и рыбопродуктов – 14 % (3-е место) [10].

На конъюнктуру продовольственного рынка сильное влияние оказывает импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия. При сокращении сельскохозяйственного производства более чем в два раза в 1990-е гг. возросла доля импорта в структуре потребления продовольственных товаров. К 1995 г. доля импортных продовольственных товаров превысила критический порог стратегической зависимости от внешних поставок продовольствия, принятый в мире 25–30 % от общего объема внутреннего потребления. В 1995 г. по разным оценкам она составляла от 40 до 54 %. Стоимость импорта продовольствия в отдельные годы была примерно равна стоимости экспорта нефти и

нефтепродуктов из России [16, с. 110–113]. Импорт продовольствия вел к вытеснению отечественного производителя с внутреннего продовольственного рынка, в последующие годы стал играть роль дополнительного мощного фактора развития кризиса и стагнации в сельском хозяйстве и сопряженных отраслях.

За счет реализации политики импортозамещения удалось снизить зависимость от зарубежных поставок продовольствия. За 2012–2022 гг. доля импорта сельскохозяйственной продукции сократилась с 32 % до 24 %, что важно для развития отечественной аграрной экономики.

Как видно из таблицы 3, в 2022 г. отмечен рост самообеспеченности практически по всем продуктам питания кроме картофеля и сахара.

Таблица 3

Динамика показателей самообеспечения основными продуктами питания в Российской Федерации за 2019–2022 гг., в % [10]

Продукты питания	Норматив	2019	2020	2021	2022	Отклонение (+, –) 2022 от 2019 г., %	Отклонение (+, –) от норматива
Зерно	95,0	155,6	165,6	148,3	191,4	35,8	96,4
Мясо	85,0	97,4	100,1	99,7	101,8	4,4	16,8
Молоко	90,0	83,9	84,0	84,3	85,7	1,8	– 4,3
Картофель	95,0	95,1	89,2	88,7	94,5	– 0,6	– 0,5
Овощи	90,0	87,7	86,3	86,5	88,5	0,8	– 1,5
Фрукты и ягоды	60,0	40,2	42,4	44,4	47,3	7,1	– 12,7
Сахар	90,0	126,8	99,9	100,5	101,6	– 25,2	11,6
Масло растительное	90,0	179,1	200,0	182,0	192,6	13,5	102,6
Рыба и рыбопродукты в живом весе	85,0	152,8	160,7	153,7	165,3	12,5	80,3

Не выполняются показатели самообеспеченности по четырем видам продукции: по молоку, картофелю, овощам и фруктам. При этом уровень продовольственного обеспечения по молочной продукции вырос с 76,1 % в 2013 г. до 85,7 % в 2022 г. [9]. Увеличение показателя самообеспеченности – результат реализации политики импортозамещения, а также выполнение целей и задач Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов [11].

Анализ данных таблицы 4 показывает, что в ПФО еще не выполняются нормативные показатели обеспеченности фруктами, ягодами и картофелем. Не полная обеспеченность по мясу фиксируется в Республике Башкортостан,

Пермском крае, Нижегородской, Кировской, Самарской, Саратовской и Ульяновской областях; по молоку – в Пермском крае, Нижегородской, Самарской и Ульяновской областях; по картофелю – в Удмуртской Республике, Кировской, Оренбургской, Саратовской и Самарской областях. Потребность по молоку на 81 % закрывается импортом продукции из Республики Беларусь. По картофелю большая доля импорта приходится на Республику Беларусь и Египет.

Таблица 4

Показатели обеспеченности продуктами питания в регионах Приволжского федерального округа за 2019–2022 гг., в % [10]

Регионы	Мясо		Молоко		Фрукты и ягоды		Картофель		Овощи	
	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Российская Федерация, итого	97,4	101,8	83,9	85,7	40,2	47,3	95,1	94,5	87,7	88,5
Приволжский федеральный округ, всего, в том числе	105,3	113,5	107,8	112,0	37,2	39,2	102,9	96,9	95,8	93,8
Республика Башкортостан	83,6	86,2	107,5	104,0	35,6	28,9	104,3	95,4	79,9	83,4
Республика Марий Эл	398,9	429,3	99,1	103,7	79,4	88,9	141,8	138,1	125,1	136,9
Республика Мордовия	367,5	521,2	197,3	218,8	93,6	74,4	118,3	114,5	118,8	120,0
Республика Татарстан	108,9	108,1	117,2	121,5	35,8	33,9	102,1	102,3	83,3	71,2
Удмуртская Республика	120,0	120,0	164,3	183,0	19,9	19,7	110,8	86,1	73,4	60,6
Чувашская Республика	100,7	96,3	122,1	127,8	50,4	59,9	110,6	106,8	86,3	98,1
Пермский край	42,7	39,0	80,5	85,1	20,9	22,6	82,0	95,7	55,8	54,0
Кировская область	59,4	88,9	178,3	205,9	11,0	38,8	97,6	75,0	46,8	50,7
Нижегородская область	46,1	49,5	77,6	84,5	33,5	39,6	125,1	114,9	66,8	67,3
Оренбургская область	97,8	103,6	96,0	95,4	40,1	47,3	74,4	89,3	168,5	175,4
Пензенская область	290,6	332,7	118,2	115,5	43,3	46,4	109,5	100,4	91,4	93,4
Самарская область	51,2	41,1	56,3	56,7	38,1	43,9	74,0	65,4	82,4	79,1
Саратовская область	80,4	76,5	108,1	110,2	51,3	42,1	55,1	50,1	111,3	97,2
Ульяновская область	57,2	58,1	78,9	74,6	37,7	39,6	107,0	103,9	95,1	93,8

Только в Республике Марий Эл и Республике Мордовия отмечается полная обеспеченность всеми видами продуктов питания. Полная обеспеченность по овощам достигнута также в Чувашской Республике, Оренбургской, Пензенской, Саратовской и Ульяновской областях [9]. Основными поставщиками фруктов и ягод являются Аргентина, Эквадор, Турция, Китай, Марокко, Сербия, Узбекистан, овощей – Армения, Азербайджан, Беларусь, Израиль, Китай.

В 2022 г. отрицательные отклонения от медицинских норм потребления наблюдаются по молоку, овощам, фруктам и рыбе. Отмечено существенное потребление сахара и хлеба сверх установленных норм (см. табл. 5). Изменение структуры потребления на фоне «полных прилавков» в продовольственных магазинах и оптовых рынках связано со снижением платежного спроса населения.

Таблица 5

Потребление основных продуктов питания в России за 1990–2022 гг. (по балансу использования и потребления продуктов питания, в среднем на душу населения в год, кг) [3,14]

Продукты питания	Норма потребления	1990	2019	2022	Отношение к нормативу, %		
					1990	2019	нормативу, +/–
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	73	75	75	78	+3	+3	+5
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	330	387	232	241	–146	+9	–89
Яйца, шт.	260	297	283	288	–9	+5	+28
Картофель	98	106	88	84	–22	–4	–14
Овощи и бахчевые культуры	130	89	107	104	+15	–3	–26
Хлебные продукты	100	120	115	113	–7	–2	+13
Фрукты и ягоды	95	35	61	63	+28	+2	–32
Рыба и рыбопродукты	20	20,4	21,0	19,2	–1,2	–1,8	–0,8
Сахар	26	47	39	39	–8,0	0	+13
Масло растительное	11	10,2	13,9	13,8	+3,6	–0,1	+2,8

В последние годы в стране актуализировалась проблема безопасности продуктов питания для потребителей, что связано с увеличением поступления на продовольственный рынок некачественных, фальсифицированных и опасных для здоровья продуктов. По оценкам Национального фонда защиты прав потребителей, на мелкооптовых и продовольственных рынках до 85 % продуктов питания в той или иной степени фальсифицированы. Как правило, почти треть объема проинспектированных импортных продовольственных товаров,

кондитерских изделий, продуктов детского питания, сыров, колбасных изделий и копченостей, рыбы и рыбопродуктов, масла животного происхождения забраковывается или снижается в сортности [16, с. 114]. Подобная негативная ситуация экспертами характеризуется как существенная угроза здоровью нации, что требует усиления государственного контроля в области обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Доступность продуктов питания зависит не только от производства сельскохозяйственной продукции, но и от уровня доходов населения. Продолжительное время заработная плата в сельском хозяйстве составляла менее половины от средней по экономике. В 2022 г. средняя заработная плата в этой отрасли достигла до 71 % от среднероссийского уровня [4]. Однако около 65 % населения России имеют доходы ниже среднероссийского значения, а 11,8 % населения живут за чертой бедности.

Таблица 6

Пищевая ценность суточного рациона по децильным группам населения Российской Федерации в 2022 г. [9]

Показатели	1-я группа	2-я группа	3-я группа	8-я группа	9-я группа	10-я группа	Норматив
Белки, в т. ч. животного происхождения, г	58,1 35	68,0 43,0	79,2 46,5	90,2 61,3	95,7 66,3	97,3 69,0	82 41
Жиры, г	77,3	92	98,5	122,8	130,5	130,9	95
Углеводы, г	259,2	287,4	303,7	342,6	353,9	338,7	417
Энергетическая ценность, ккал в сутки	1971,9	2258,1	2402,1	2849,1	2985,9	2936,9	2850

Отсутствие должных доходов влечет за собой снижение возможностей полноценно питаться. В первых трех децильных группах фиксируется недостаток килокалорий по сравнению с нормативным значением (см. табл. 6). Пищевая ценность суточного рациона только 9-й и 10-й доходных группах населения превышает нормативные индикаторы по калорийности.

На продовольственном рынке отмечается превышение потребительских цен над ценами сельскохозяйственных производителей (см. табл. 7), а также опережающий рост цен на продовольственные товары по сравнению с заработной платой, пенсией, стипендией, в целом с доходами домохозяйств.

Таким образом, продовольственное самообеспечение следует рассматривать как необходимое условие поддержания доходов сельского населения и предотвращения деградации села. Через реализацию политики импортозамещения и мер государственной поддержки отечественных сельхозто-

Таблица 7

Соотношение потребительских цен и цен производителей отдельных видов сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации за 2019–2022 гг. (руб. за кг) [14]

Показатели по годам	Среднегодовые цены		Соотношение потребительских цен с ценами производителей, %
	потребительские	производителей сельскохозяйственной продукции	
Картофель			
2019	21,38	10,56	в 2,02
2022	31,91	18,86	169,19
% к 2019 г.	149,25	178,6	–
Лук репчатый			
2019	24,31	14,8	164,26
2022	32,15	16,2	198,46
% к 2019 г.	132,25	109,46	–
Капуста			
2019	20,63	15,9	129,75
2022	24,12	17,9	134,75
% к 2019 г.	116,92	112,6	–
Морковь			
2019	26,59	11,5	в 2,31 р.
2022	37,47	16,6	в 2,26 р.
% к 2019 г.	140,92	144,35	–
Свекла столовая			
2019	24,77	13,52	183,21
2022	31,80	25,29	125,74
% к 2019 г.	128,38	187,06	–
Яйца куриные (10 шт.)			
2019	65,37	41,80	156,39
2022	81,70	55,26	147,85
% к 2019 г.	124,98	132,2	–
Масло подсолнечное			
2019	98,57	51,96	189,7
2022	132,94	87,4	152,11
% к 2019 г.	134,87	168,2	–
Молоко питьевое пастеризованное (2,5–3,2 %)			
2019	57,70	24,88	в 2,32 р.
2022	73,37	32,9	в 2,23 р.
% к 2019 г.	127,16	132,23	–

варопроизводителей удалось радикально снизить экспансию импортных товаров, заполнить российский рынок сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия отечественными товарами.

Полная продовольственная обеспеченность и удовлетворение потребностей региона в продовольствии возможны за счет расширения связей, участия в региональном разделении труда, создания специализированных зон по производству отдельных видов продукции и развития межрегионального обмена [5; 7; 9; 11; 12]. В качестве мер развития рынка сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров следует выделить улучшение инфраструктуры продовольственного рынка, повышение его доступности и привлекательности для инвестиций, усиление технической и технологической составляющей сельскохозяйственной отрасли, создание производственных мощностей и технологических парков, формирование крупных специализированных агропромышленных холдингов и корпораций. Разработка эффективной стратегии развития и поддержки продовольственного рынка, формирование устойчивых связей между производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции позволят обеспечить продовольственную обеспеченность и безопасность.

Список источников и литературы

1. *Алтухов А.И.* Обеспечение продовольственной независимости страны – основа ее продовольственной безопасности // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 11. (Программно-целевое управление развитием агропроизводства). С. 2–12 [Электронный ресурс]. URL: http://esxr.ru/article/532 (дата обращения: 24.08.2024).

2. *Бондарева Г.С.* Продовольственное обеспечение населения: понятие, сущность и структура // Экономика. Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 235–238.

3. *Зыряева Н.П.* Продовольственная безопасность страны в современных условиях: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 136 с.

4. *Косинский П.Д.* Продовольственная самообеспеченность региона как эндогенный фактор повышения качества жизни населения / науч. ред. В.А. Шабашев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 230 с.

5. *Кочергина С.Г., Хабазина Л.Н., Зыряева Н.П.* Экономические аспекты поддержки малого и среднего предпринимательства в регионе // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 3 (37). С. 59–64.

6. *Орлов В.В.* Аграрные и демографические процессы в поволжской деревне // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 164–171.

7. *Орлов В.В.* Сельскохозяйственное производство в Приволжском федеральном округе: основные особенности и проблемы развития // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2018. С. 627–627.

8. *Орлов В.В.* Аграрный сектор экономики в программах выхода из кризиса национальных республиках Приволжского федерального округа // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие: сб. статей IX Всерос. (XVII средневолжской) конф. историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии. Казань: Изд-во АН РТ, 2023. С. 259–266.

9. Официальный интернет-портал «Министерство сельского хозяйства РФ» [Электронный ресурс]. URL: http://www. mcx.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

10. Сайт «Федеральная служба государственной статистики» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 21.08.2024).

11. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.09.2022 № 2567-р.) [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/ (дата обращения: 22.08.2024).

12. *Трясцин М.М.* Управление устойчивым развитием регионального рынка продовольствия: дис. … д-ра экон наук: 08.00.05. Пермь, 2009. 368 с.

13. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 20.08.2024).

14. *Федорова Н.В., Зыряева Н.П.* Факторы повышения эффективности земледелия и зернового производства в сельском хозяйстве региона // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 1 (35). С. 83–89.

15. *Федорова Л.П., Зыряева Н.П., Ершова К.О.* Современные вызовы и подходы к управлению социально-экономическим развитием региона ориентирующего типа // Теория и практика современного управления: сб. материалов Межрегионал. научно-практич. конф. / под общ. ред. Л.П. Федоровой. Чебоксары: РИО ЧКИ РУК, 2019. С. 422–427.

16. Экономическая безопасность: учеб. пособие / под ред. В.А. Богомолова. М.: ЮНИТИ, 2010. 295 с.

N.P. Zyryaeva,
V.V. Orlov

FOOD SUPPLY AS A FACTOR OF SUSTAINABILITY OF REGION'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article studies the Russian market of agricultural products, raw materials and foodstuffs, it analyzes the indicators characterizing food supply, it proposes measures for the development of agricultural products market in the Volga Federal District taking into account the socio-economic sustainability formation of the region.

Keywords: food supply, socio-economic factor, agricultural products, agricultural market.

УДК 534.3

М.Ю. Иванова

СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ ЧУВАШИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю.Д. КУДАКОВА)

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты творчества композитора Ю.Д. Кудакова, связанные с мотивами и образами сельской жизни. Подчеркивается воспитательный потенциал произведений Ю.Д. Кудакова, влияние творчества поэтов и композиторов на формирование положительного образа традиционных ценностей.

Ключевые слова: сельские мотивы, музыка, песня, гимн, творчество, композитор.

Музыкальное творчество является своеобразным зеркалом, отражающим события окружающей действительности, культуру, традиции, настроение народа. Исследование культуры народа невозможно без обращения к музыке [1–4]. При этом интерес для исследователя представляют не только произведения крупных жанров, но и малых, таких как песня.

Данная работа посвящена изучению аспектов творчества чувашского композитора, заслуженного работника культуры Российской Федерации и Чувашской Республики, кандидата педагогических наук, доцента, заслуженного деятеля музыкального общества Чувашской Республики, лауреата премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля, почетного гражданина Шумерлинского района – Юрия Дмитриевича Кудакова.

Культурное наследие Чувашии представляет собой совокупность ценностей, среди которых музыкальное творчество занимает одно из важнейших мест в духовном воспитании и развитии граждан [1; 2; 4]. К общетипологическим чертам чувашской народной песни относят ладовую систему из пяти ступеней в октаве – пентатонику и квантитативную ритмическую систему. Эти особенности сохраняются в музыкальном творчестве Ю.Д. Кудакова. В основе его музыкальных сочинений произведения выдающихся чувашских поэтов: П. Хузангая, В. Урдаша, А. Воробьева, Ю. Семендера, М. Юхмы, В. Давыдова-Анатри, Р. Сарби, В. Тургая, В. Энтипа, В. Шемекеева, А. Чебанова, Г. Мальцева, А. Кибеча, Н. Хутара, В. Эктеля, П. Ялгира и др., преимущественно на чувашском языке.

Ю.Д. Кудаков является автором музыки более 800 сольных и хоровых песен на стихи чувашских и русских поэтов; более 70 песен для детей; более 40 инструментальных сочинений. Им создана музыка к 35 театральным постановкам, гимнам Шумерлинского, Аликовского, Комсомольского районов Чу-

вашской Республики и др. Все они пронизаны любовью к малой родине и могут служить средством патриотического воспитания [1–4].

Музыкальное творчество Ю.Д. Кудакова разнообразно по тематическому направлению: песни о любви, дружбе, Родине, матери, солдатские песни, детские, плясовые, праздничные и др.

Особое место в творчестве Юрия Дмитриевича занимает тема малой родины. Любовь к родному краю выражается в музыке, написанной для гимна Шумерлинского района (сл. Ю. Семендера, муз. Ю. Кудакова).

Ирхине, кăнтăрла та çĕрле
Ӳсĕмпе çĕкленет Çĕмĕрле,
Уй-хирте, хулара та ялта
Ĕç вĕрет ку енче авалтан.

Çĕмĕрле, Çĕмĕрле,
Эсĕ пирĕншĕн мăшăр çунат.
Çĕмĕрле, Çĕмĕрле,
Парнелетĕн чуна вăй-хăват.

Хутарсем, улхашсем, кăмашасем,
Вырăссем, мăкшăсем, чăвашсем
Пурăнатпăр пĕрле алран ал
Чĕрере туслăх панă халал.

Çĕмĕрле, Çĕмĕрле,
Эсĕ пирĕншĕн мăшăр çунат.
Çĕмĕрле, Çĕмĕрле,
Парнелетĕн чуна вăй-хăват.

Гимн воспевает неповторимую красоту родного края, подчеркивает качества, характеризующие местных жителей: трудолюбие, гостеприимство, толерантность. Мелодия гимна Шумерлинского района, которая сопровождает все торжественные мероприятия, проникнута патриотизмом и гордостью за родной край, воспитывает любовь к малой родине.

В 1970 г. к 100-летию со дня основания Ходарской средней школы им. И.Н. Ульянова была написана песня «Ходарский клен» на слова Владимира Долгова, которую так полюбил народ, что в последствии она стала гимном школы.

Автор стихов В. Долгов использует эпитет *милая школа*, который выражает трепетное отношение к учебному заведению, просуществовавшему более ста лет (школа была основана в 1870 г.). Это ласковое отношение к школе, которая для многих стала как дом родной, звучит и в мелодии песни. Преемственность поколений подчеркивается в строках: «Здесь юность провели отцы, здесь юность и моя». Глубокое уважение и почтительное отношение

1. Растёт, растёт в Ходарах клён,
Чаруя всех красой.
Я в школу милую влюблён
За речкой голубой.

2. И школе кланяются той
Недаром стар и млад.
Кивают клёны головой –
Как сотню лет назад.

3. Летят Ульянова птенцы,
Летят во все края,
Здесь юность провели отцы,
Здесь юность и моя.

4. Мечты, всегда вперёд вели –
Ты школа, помни нас,
Ведь мы навечно сберегли
Ульяновский наказ.

выражается в словах: «И школе кланяются той недаром стар и млад». А качество образования и гордость за успехи учеников заключаются в словах: «Летят Ульяновы птенцы, летят во все края».

В 2002 г. на стихи Михаила Колчина была написана песня «Шумерля – любовь моя».

1. Люблю тебя, мой край присурский,
Мой город скромный и родной.
Чуваш, мордвин, татарин, русский
Живут семьёю здесь одной.

Припев:
Черёмухи цвет белоснежный
С весенней трелью соловья.
Полным-полна душой и лаской
Ты, Шумерля – любовь моя!

2. А как хорош ты тёплым летом,
Когда «идёт зелёный шум».
И полнюсь я добром и светом,
И радостно от светлых дум.

3. Меня встречаешь ты букетом,
Волшебным золотом огня
Я зажигаюсь этим цветом –
Салютом солнечного дня.

4. Ты хорошеешь год от года
И так мне мил твой новый лик,
А в твёрдой поступи народа
Пусть будет каждый шаг велик!

В стихотворении подчеркивается многонациональный состав чувашского края, разные народы проживают здесь дружно, как одна семья, рассказывается о тесной эмоциональной связи поэта с красотой города, который «наполняет добром, светом, радостью», говорится о том, как город хорошеет на глазах, и автор желает ему дальнейшего процветания. Исполнительницей этой песни стала жительница Шумерлинского края – Надежда Хуморова.

Таким образом, сельские мотивы в творчестве композитора Ю.Д. Кудакова отражают красоту родного края, гордость за малую родину и любовь к родным местам. Музыкальные произведения о селе выполняют не только функцию просвещения, но и, что особо важно, активно влияют на формирование мировоззренческих, нравственных, эстетических ориентаций слуша-

теля. Национально-региональный компонент в музыкальном воспитании является производной культуры вообще, и музыкальной в частности. Народная и композиторская музыка как часть национальной культуры несет в себе огромный потенциал гражданско-патриотического и эстетического воспитания.

Список источников и литературы

1. *Иванова М.Ю.* Гражданско-патриотическая тема в творчестве композитора Ю.Д. Кудакова // Перспективные технологии и инновации в АПК в условиях цифровизации: материалы III Междунар. научно-практич. конф. Чебоксары: Чуваш. ГАУ, 2024. С. 537–539.

2. *Иванова М.Ю.* Малая родина как аксиологический ориентир патриотического воспитания // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всерос. (Национальной) научно-практич. конф. с междунар. участием. Чебоксары: Чуваш. ГАУ, 2024. С. 275–278.

3. *Иванова М.Ю., Кудаков Ю.Д.* Эстетическая культура и место народной песни в ней // Формирование духовно-нравственной культуры будущего учителя: теория и практика: сб. науч. статей. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2016. С. 160–163.

4. *Иванова М.Ю., Павлов И.В.* Воспитание патриотизма у младших подростков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 4 (92). С. 166–175.

M.Y. Ivanova

RURAL MOTIFS IN THE WORKS OF CONTEMPORARY COMPOSERS OF CHUVASHIA (THE WORKS BY Y.D. KUDAKOV)

Abstract. The article deals with the aspects of the composer Y.D. Kudakov's works related to the motifs and images of rural life. The educational potential of Y.D. Kudakov's works, the influence of poets' and composers' works on the formation of a positive image of traditional values has been emphasized.

Keywords: rural motifs, music, song, hymn, creativity, composer.

УДК 332.1

Н.А. Казаков, М.Н. Краснова,
И.В. Никонорова, У.В. Юманова

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ТРЕТЬЕМУ ДЕСЯТИЛЕТИЮ XXI ВЕКА

Аннотация. В данной работе раскрывается современное состояние различных сфер агропромышленного комплекса Чувашской Республики. Сделан акцент на сравнении ряда параметров, характеризующих агропромышленные производства республики с соответствующими параметрами других сфер хозяйства региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство, пищевая промышленность, сельскохозяйственное образование и наука.

Агропромышленный комплекс – группа взаимосвязанных предприятий, организаций, специализирующихся на производстве, транспортировке, хранении, переработке, торговле сельскохозяйственной продукцией, а также на производстве средств труда для сельского хозяйства, его научном и кадровом обеспечении.

В период последних кризисно-стагнационных лет именно агропромышленный комплекс России, особенно само сельское хозяйство, показало «рекордный рост» объемов производства в сравнении с остальными отраслями и межотраслевыми комплексами экономики страны. Министр сельского хозяйства России Д.Н. Патрушев в 2019 г. отмечал: «…Кто бы еще пять лет назад мог подумать, что экспорт продукции АПК может почти в два раза превысить поставки за границу отечественного вооружения?» [4]. Увидев в агропромышленном комплексе «локомотив», который может вытянуть всю экономику России, ему стали уделять особое внимание, говорить не только об импортозамещении, но и наращивании экспорта продукции агропромышленного комплекса. В 2018 г. в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» начинает реализовываться федеральный проект «Экспорт продукции АПК», первостепенной целью которого становится достижение к 2024 г. объема экспорта продукции АПК (в стоимостном выражении) до 34 млрд долларов США [12]. В период мировой политико-экономической напряженности, вызванной не столько «военной операцией» России на Украине, сколько очень острой реакцией на нее стран «коллективного Запада», агропромышленное производство должно обеспечить продовольственную безопасность и независимость нашей страны, уберечь ее от дефицита продовольствия (об угрозе которого для ряда регионов мира заговорили с высоких трибун ООН и

Евросоюза), а также сохранить и расширить географическую диверсификацию торговых отношений. Страны «коллективного Запада», объявляя бойкот технико-экономическому сотрудничеству с Россией, опуская новый «железный занавес», сохраняют в нем множество лазеек для российских аграриев. В частности, запретив российским автоперевозчикам и судам под российским флагом работу на территории Евросоюза, заход в европейские порты, Евросоюз сделал исключение для тех, кто перевозит сельскохозяйственную и пищевую продукцию.

В Чувашской Республике роль агропромышленного комплекса для экономики региона достаточно значима. В «Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года» [17] указывается, что одним из драйверов развития республики, вторым по важности после обрабатывающей промышленности, должен стать «аграрно-промышленный комплекс (включая хранение и переработку)». В научных публикациях, обращающихся к проблеме перспектив развития сельского хозяйства республики (С.А. Шигильчевой, П.В. Данилова, А.В. Прокопьева, Т.Н. Чернышовой, О.Н. Широкова), отмечается «ведущая системообразующая» роль «агропромышленного комплекса и его базового вида деятельности – сельского хозяйства» в экономике региона [14, с. 19; 19, с. 98; 20, с. 52]. Т.В. Погодина в статье «Анализ и интегральная оценка социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа», говоря о конкурентоспособности «отраслей и сфер жизнедеятельности» «субъектов» ПФО, важнейшей отраслью, обеспечивающей абсолютное конкурентное преимущество для Чувашской Республики, считает именно сельское хозяйство [13, с. 12]. Более того, при типологии регионов России по уровню и типу хозяйственного развития Чувашскую Республику нередко относят к категории аграрно-индустриальных регионов, например, В.И. Меньщикова в работе «Типология регионов в контексте обоснования применения инструментария региональной социально-экономической политики» [6]. М.В. Гаврилова и Н.В. Данилова в статье «Региональные особенности и тренды социально-экономического развития» говорят о «сложившейся аграрно-индустриальной» специализации Чувашии [1]. Исходя из темы исследования, в данной статье рассмотрен ряд вопросов. Действительно ли в настоящее время ведущим межотраслевым комплексом Чувашской Республики является агропромышленный комплекс? Каковы состав и роль «базового вида деятельности» – сельского хозяйства? Насколько значимы результаты агропромышленной деятельности предприятий республики в масштабах всей страны или Приволжского федерального округа? Допустимо ли говорить об аграрно-индустриальной ориентации экономики региона?

Социально-экономическое значение всего АПК или только сельского хозяйства в регионах используется как одна из основ их типологии. В монографии Т.Г. Нефедовой «Сельская Россия на перепутье: Географические очерки» такой параметр, как доля занятых в сельском и лесном хозяйстве, используется при разделении стран мира и регионов России на «постаграрные, постиндустриальные», «гипериндустриальные», «индустриальные», «индустриально-аграрные» и «аграрно-индустриальные» [9]. По данной типологии к «аграрно-индустриальным» регионам относятся те, в которых доля занятых в агросекторе не менее 15 % (до 30 %), к «индустриально-аграрным» – с долей занятых не менее 10 % (до 15 %, при 30 % занятых в промышленности) [8; 10; 21; 22].

Кроме того, об агропромышленной или сельскохозяйственной специализации региона могут говорить такие показатели, как «доля валового регионального продукта, произведенного предприятиями АПК», или «доля хозяйствующих субъектов, занятых сельскохозяйственным и/или агропромышленным производством в общем числе хозяйствующих субъектов» [2, с. 14; 3, с. 20; 5, с. 89]. Значимость последнего показателя сильно ограничена, так как согласно трактовке ФЗ «О защите конкуренции»: «…хозяйствующий субъект – коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход…», слишком высок разброс в величине организаций, относимых Росстатом к «хозяйствующим субъектам». Однако он вполне приемлем как вспомогательный показатель, подкрепляющий «долю занятых» и «долю ВРП».

Значимость всего агропромышленного сектора региона, отдельных его отраслей и видов производств в общей системе территориального разделения труда в АПК федерального округа, страны продемонстрируют значения долей валового производства той или иной агропромышленной продукции в общем объеме ее производства в ПФО и Российской Федерации.

Природно-климатические условия Чувашии не создают значимых препятствий развитию сельского хозяйства и тем более АПК в целом, однако и не дают каких-либо исключительных преимуществ. Расположенная на севере Приволжской возвышенности, в междуречье притоков Волги, Суры и Свияги, Чувашская Республика обладает умеренно-континентальным климатом с ярко выраженными сезонами года. Максимум солнечной радиации приходится на июнь (на 1 $см^2$ поверхности поступает в среднем около 94 ккал солнечного тепла в год), годовой радиационный баланс положителен и составляет около 29 ккал. Положительный баланс наблюдается с апреля по сентябрь. Средняя температура января от –12,3 до –13,5^{0}С, июля – +18,2 до +19,4^{0}С. Осадков вы-

падает 450–600 мм/год, с максимумом летом. Коэффициент увлажнения равен единице. Вегетационный период составляет 170–175 дней. Преобладают серые лесные и дерново-подзолистые почвы (занимают 70 % территории, преимущественно на севере и в центре республики). В юго-западных и юго-восточных районах республики присутствуют выщелоченные и оподзоленные черноземы (20 % территории региона). Из неблагоприятных погодных явлений характерны шквалистый ветер и ураганы, ливни и грозы, град в летний период. Зимой – гололед и гололедица, туманы, обильные снегопады и метели. Чувашия располагается в зоне с неустойчивым в межгодовом аспекте характером увлажнения, годы с избыточным увлажнением могут сменяться засушливыми годами. Значительный вред сельскому хозяйству республики наносят плоскостной смыв, струйчатая, микроручейковая, овражная и капельно-дождевая деструкция. Интенсивность смыва почв с пашни превышает 20 т в год. Густота овражного расчленения составляет до 0,5 км/км^2 площади, а густота всего эрозионного расчленения достигает 2 км/км^2 [11].

В Чувашской Республике достаточно высока густота сельских населенных пунктов (почти 10 на 100 км^2) и доля сельского населения региона составляет 36,3 %. По последнему показателю она занимает 19-е место среди субъектов Российской Федерации (в среднем по России 25,3 %) и 3-е место (после Оренбургской области и Республики Башкортостан) в Приволжском федеральном округе. Однако отнести Чувашию к аграрным и даже аграрно-промышленным регионам не представляется возможным, лишь 8,2 % ВРП производится в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве, тогда как обрабатывающая промышленность создает 25 % ВРП, а различные отрасли сферы услуг совокупно до 55 %.

Аналогичную картину мы можем видеть и в сфере занятости населения. Из 567,7 тыс. чел., занятых в производстве товаров и услуг, 18 % занято в промышленности, 15,6 % в строительстве, 13,6 % в розничной торговле, тогда как в сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве занято только 8,7 %. Системы образования и здравоохранения республики ничем не уступают сельскому хозяйству в сфере обеспечения рабочими местами экономически активного населения (8,9 % и 7,4 % соответственно) [17].

На 1 января 2021 г. декларировали свою ориентированность на сельскохозяйственное производство 532 предприятия и организации, 2,4 % из общего числа предприятий, зарегистрированных в Чувашии. На одну сельскохозяйственную организацию в среднем приходится 1,268 тыс. га (65-е место среди субъектов РФ и последнее в ПФО) [15]. Сельхозпроизводители республики в 2020 г. произвели продукции на сумму в 44,8 млрд руб. (на 22,9 млрд руб. растениеводческой продукции и 21,9 млрд руб. – животноводческой). Промышленные предприятия Чувашии произвели продукцию более чем в пять

раз больше. Объем сельхозпроизводства республики составил 0,7 % общероссийского производства и 3 % производства в ПФО. По валовому объему производства сельхозпродукции Чувашия заняла 47-е место в России и предпоследнее в ПФО. Растениеводческую и животноводческую продукцию производят в первую очередь сельскохозяйственные организации и хозяйства населения, на долю первых приходится 48,1 %, на долю вторых – 37,3 % общего объема производства. Крестьянские (фермерские) хозяйства Чувашии дают лишь 14,6 % продукции.

В 2020 г. было засеяно 550,2 тыс. га, 56,5 % посевной площади обрабатывалось сельскохозяйственными организациями, 29,6 % крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, 13,9 % хозяйствами населения. В основном посевные площади отводились под зерновые культуры (293,3 тыс. га): сеяли яровой ячмень (97,8 тыс. га), яровую пшеницу (86,4 тыс. га) и озимую пшеницу (73,3 тыс. га). Под кормовые культуры отводилось 214,8 тыс. га. Техническими культурами, картофелем и овощебахчевыми было занято лишь 42,1 тыс. га. По итогам года было собрано 940,5 тыс. т зерновых и зернобобовых, 342,8 тыс. т картофеля и 157,2 тыс. т овощей. В общероссийском производстве зерновых и зернобобовых культур доля Чувашии составила 0,7 %, производстве картофеля – 1,7 %, овощей – 1,1 %. Соответственно в ПФО 2,9 %, 6,5 % и 5,9 %.

В различных хозяйствах Чувашии к концу 2020 г. насчитывалось 196,9 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС), 132 тыс. свиней, 160,2 тыс. овец и коз. КРС (55,6 %, в том числе 60,9 % коров), овцы и козы (95 %) в основном содержатся в хозяйствах населения, а свиньи – в сельскохозяйственных организациях (78,3 %). В республике произвели 439,1 тыс. т молока (1,4 % общероссийского производства и 4,3 % производства ПФО), 294,9 млн штук яиц, (0,67% общероссийского производства), 38,7 тыс. т мяса птицы (0,77 %), 20,9 тыс. т свинины (0,49 %), 15,5 тыс. т КРС в убойном весе (0,95 % общероссийского производства) [17].

Единственным видом сельскохозяйственного производства, в котором Чувашии в настоящее время нет равных в Российской Федерации это производство хмеля. В 2020 г. в регионе было произведено 185,1 т хмеля – около 90 % общероссийского производства.

Другой группой предприятий, включаемых в АПК, являются предприятия пищевой промышленности, перерабатывающие продукцию, произведенную сельским хозяйством. Их на 1 января 2021 г. в Чувашской Республике было 236. За 2020 г. они произвели (отгрузили) продукции, работ и услуг на сумму в 35,7 млрд руб., 16,1 % общего объема обрабатывающей промышленности.

Основные структурообразующие отрасли пищевой промышленности Чувашии – это хлебопекарная, мукомольно-крупяная, мясоперерабатываю-

щая, молокоперерабатывающая, кондитерская, пивоваренная и ликеро-водочная. Абсолютный лидер мукомольно-крупяного производства – «Чувашхлебопродукт», объединяющий Чебоксарский и Канашский элеваторы, Вурнарское, Урмарское, Шумерлинское и Тюрлеминское хлебоприемные предприятия. В хлебопекарном производстве республики доминируют хлебозаводы (хлебокомбинаты) (3 в Чебоксарах, 2 в Канаше, по одному в Шумерле и Алатыре). Крупнейшим мясоперерабатывающим предприятием республики остается «Вурнарский мясокомбинат». В молокоперерабатывающей промышленности первенствует «Ядринмолоко». Среди молокоперерабатывающих предприятий республики ему нет равного по объемам денежных поступлений и числе занятых. Предприятие позиционирует себя, как крупнейшее в Приволжском федеральном округе. Однако согласно опубликованному рейтингу «Центра изучения молочного рынка» (DIA) за 2018 г., оно хотя и вошло в топ-100 молочных заводов России по объемам переработанного молока, но заняло только 96-е место (переработав 52 375 т), пропустив вперед не только ряд предприятий из других регионов ПФО, но и работающий в Чувашии «Новочурашевский молочный завод», который переработал 67 550 т молока и занял 67-ю строчку в рейтинге. В кондитерской отрасли несомненный лидер – кондитерская фабрика «АККОНД», в пивоварении – «Букет Чувашии». Последняя компания входит в топ-20 пивоваренных компаний России по объему выручки в 2020 г., занимая 15-ю строчку в рейтинге (выручка более чем в 30 раз меньше, чем у лидеров рейтинга компаний «Аб Инбев Эфес» и «Балтика»).

В 2019 г. в Чувашии было произведено хлебобулочных изделий недлительного хранения 65,9 тыс. т (1,18 % общероссийского производства), более 8 тыс. т колбасных изделий (0,35 %), 5,7 тыс. т мясных и мясосодержащих полуфабрикатов (0,16 %), 40,4 тыс. т молока (0,76 %), 10,9 тыс. т кефира, 1,6 тыс. т ряженки и варенца, 3,8 тыс. т сметаны, 9,2 тыс. т творога и сыра и 4 тыс. т сливочного масла (1,48 %) [17].

Крупнейшие сельскохозяйственные предприятия и предприятия пищевой промышленности Чувашии, как правило, уступают по объемам денежных поступлений от продажи своей продукции предприятиям – лидерам других отраслей обрабатывающей промышленности республики (электротехнической, приборостроительной, химической, тракторостроительной и проч.), особенно проигрывают в объемах денежных поступлений сельскохозяйственные предприятия. Исключение составляет лишь кондитерская фабрика «АККОНД», превосходящая по этому показателю большинство машиностроительных предприятий региона (рис. 1 и 2). Однако по генерируемой чистой прибыли сельскохозяйственные предприятия и предприятия пищевой промышленности либо ничем не уступают прочим знаковым обрабатывающим предприятиям республики, либо даже превосходят их (тот же «АККОНД» или птицефабрика «Моргаушская») (рис. 1 и 3).

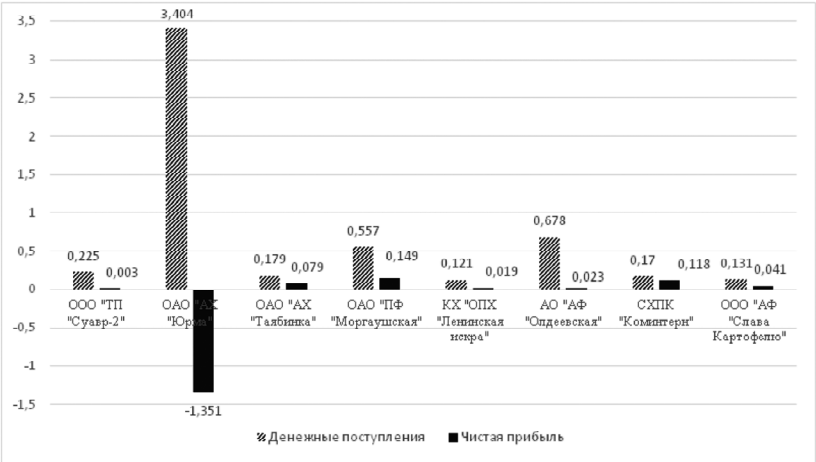


Рис. 1. Денежные поступления от продажи продукции, товаров, работ услуг и чистая прибыль (убыток) сельскохозяйственных предприятий (млрд руб., 2020 г.)

Ряд успешных специализированных предприятий пищевой промышленности республики не только создали свои торговые сети, постарались диверсифицировать производство, выйдя на новые для себя рынки продовольственных товаров, но и организовали подконтрольное им сельскохозяйственное производство. Кондитерская фирма «АККОНД» создала «АККОНД-Хлеб» (производство хлеба и мучных кондитерских изделий в г. Канаш), «АККОНД-Молоко» (производство молока и молочных продуктов в с. Янтиково Янтиковского МО) и молочно-товарную ферму «Фирма АККОНД-Агро» (с. Янтиково, около 2 тыс. голов молочного стада и выращивание кормов). Два последних предприятия образовали крупнейший в Чувашии молочный комплекс полного цикла. Вурнарский мясокомбинат также построил вокруг себя агрохолдинг, создав не только торговую сеть, но и ряд сельскохозяйственных производств (свинокомплекс, животноводческий комплекс). Свое перерабатывающее производство, торговые сети создали и некоторые успешные сельскохозяйственные предприятия. Однако в Чувашии в строительстве вертикально интегрированных компаний обрабатывающие предприятия оказались успешнее сельскохозяйственных (сравним АО «АККОНД» и ОАО «Юрма», рис. 1–3).

На химизацию сельскохозяйственного производства в Чувашии работают «Вурнарский завод смесевых препаратов» (филиал ЗАО Фирма «Август»), заявляющий о том, что он является крупнейшим в России и наиболее специализированным предприятием по выпуску химических средств защиты

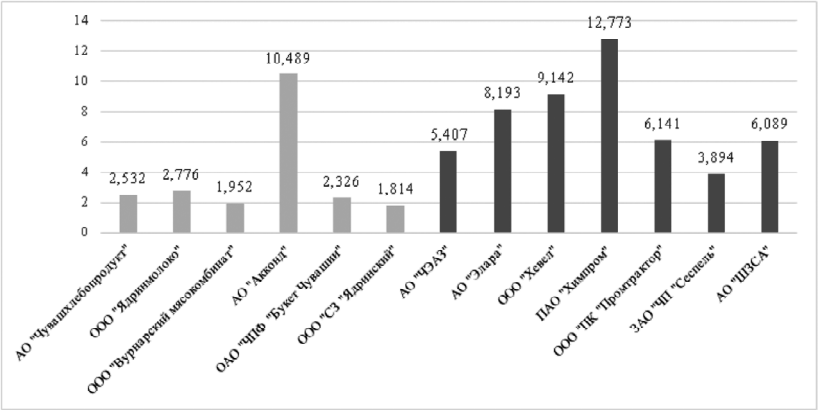


Рис. 2. Денежные поступления от продажи продукции, товаров, работ услуг обрабатывающих предприятий (млрд руб., 2020 г.)

растений и производитель пестицидов АО «ЭФЭМСИ Волга», созданный совместно с ПАО «Химпром» и одной из крупнейших в мире американской химической компанией «Дюпон».

На сельскохозяйственном машиностроении специализируются относительно небольшие «Техма-Агромаш» (среднесписочная численность сотрудников 57 чел., выпускает прицепные сельскохозяйственные машины, входит

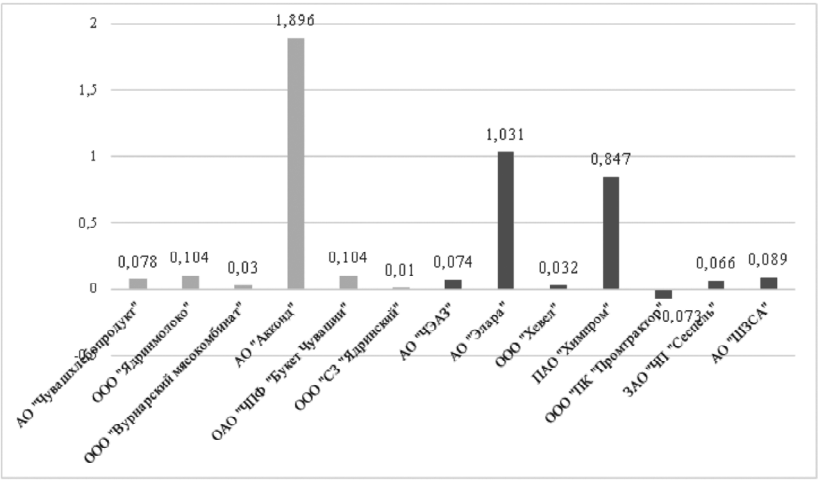


Рис. 3. Чистая прибыль (убыток) (совокупный финансовый результат) обрабатывающих предприятий (млрд руб., 2020 г.)

в группу компаний «Техмашхолдинг») и переведенный в 2013 г. из Красноярска в Чебоксары ООО «Волжский комбайновый завод» (в прошлом «Красноярский завод комбайнов», среднесписочная численность сотрудников 82 чел., учредитель ООО «Концерн «Тракторные заводы»). Оба предприятия находятся в сложном положении. Они не один год уже не приносят дохода своим владельцам. «Техма-Агромаш» по итогам 2020 г. показал убыток в 1,5 млн руб., ООО «Волжский комбайновый завод» – убыток в 51 млн руб. [23].

Кадры для АПК Чувашии готовят средние профессиональные и высшие учебные заведения республики. Среди учреждений среднего профессионального образования подготовку специализированных кадров для сельского хозяйства (по отрасли «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки») сохранили Батыревский агропромышленный техникум, Вурнарский сельскохозяйственный техникум, Мариинско-Посадский технологический техникум, Ядринский агротехнический техникум, Цивильский аграрно-технологический техникум, Чебоксарский техникум транспортных и строительных технологий. Также по программам среднего профессионального образования готовят кадры для сельского хозяйства в Мариинско-Посадском филиале ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет». Приведенный контингент студентов СПО, обучающихся по отрасли «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» насчитывает 990,9 чел., что составляет лишь 3,7 % от общего приведенного контингента студентов СПО Чувашской Республики (2021). Большей популярностью у абитуриентов средних профессиональных учебных заведений пользуются технические науки (49,4 % обучающихся), науки об обществе (26,8 %), медицина (11,2 %). Если рассмотреть каждое из перечисленных учреждений СПО, то ни в одном из них доля студентов, обучающихся по направлению «сельское хозяйство», не превысит 50 % от общего числа обучающихся в учебном заведении [16].

Единственным учебным заведением Чувашской Республики, в котором осуществляется подготовка кадров с высшим образованием по направлениям подготовки отрасли «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (агрономов, ветеринаров, зоотехников) является Чувашский государственный аграрный университет (приведенный контингент студентов – 1293,9 чел., что составляет 69,2 % от обучающихся в вузе). Среди обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в высших учебных заведениях республики (10 вузов, 4 головных и 6 филиалов), обучающиеся по сельскохозяйственным наукам составляют только 6,7 % [7].

Чувашский государственный аграрный университет – это и значимый научный сельскохозяйственный центр Чувашской Республики. В нем работает более 260 чел., имеющих ученые степени (86 % профессорско-преподавательского состава). Сотрудники организации только в 2020 г. опубликовали 983

статьи на 100 научно-педагогических работников (в том числе в индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science Core Collection – 22,4, Scopus – 62,1), выполнили научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на сумму 19,4 млн руб. [7]. В вузе работают два диссертационных совета: по защите диссертаций по технологии, средствам механизации, электротехнологии и электрооборудовании в сельском хозяйстве; по ветеринарной санитарии, экологии, зоогигиене, ветеринарно-санитарной экспертизе, частной зоотехнии, технологии производства продуктов животноводства.

Специализированным научным центром, занимающимся проблемами сельского хозяйства в Чувашии, является Чувашский научно-исследовательский институт сельского хозяйства филиал ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока. В нем ведутся научно-исследовательские работы по развитию адаптивной селекции и агробиотехнологий, разработке новых комбинированных технологий глубокой переработки продукции растениеводства на кормовые, пищевые, лекарственные и технические цели, по управлению продукционным процессом сельскохозяйственных растений с учетом экологических и природно-экономических особенностей Северо-Востока европейской части России, разработки стратегии аграрного освоения северных территорий европейской части РФ на основе рационального природопользования и мобилизации адаптивного потенциала растений. В институте работает 56 чел., научные сотрудники и вспомогательный персонал – 30 чел. (из них 3 имеют ученую степень кандидата наук) [18]. Также научные исследования, связанные с сельским хозяйством, проводятся в Чебоксарском филиале Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина Российской академии наук (одно из основных направлений научно-исследовательской деятельности – интродукция и акклиматизация растений в условиях Среднего Поволжья) и ряде сельскохозяйственных предприятий Чувашии (например, в колхозе «Опытно-показательное хозяйство «Ленинская Искра» Ядринского района по ландшафтно-адаптивному земледелию), предприятий промышленного сектора АПК республики. В последних наука сопровождает, обеспечивает производственный процесс.

Сбыт продукции предприятий АПК Чувашской Республики в первую очередь ориентирован на внутрирегионального и внутрироссийского потребителя. Однако ряд производителей стремится, и не без некоторого успеха, выйти на международный рынок. Чувашия приняла участие в федеральном проекте «Экспорт продукции АПК». По планам к 2024 г. экспорт продукции республиканского АПК должен был достичь объема в 38,7 млн долларов США. Однако уже по итогам 2020 г. значения объемов экспорта приблизились к плановым показателям 2024 г. Предприятия АПК экспортировали продукции на 37 млн долларов США. Впрочем, лидерами в агропромышленном экспорте

оказались не сельхозпроизводители, а перерабатывающие предприятия, и в первую очередь чувашские кондитеры (в том числе «АККОНД»). В общем объеме экспорта продукции АПК 64 % составили кондитерские изделия, экспорт зерновых культур дал 2 % объема экспорта, масличных – 8 %. Продукция экспортировалась в 37 стран мира (самая обширная география экспорта у чувашских кондитеров). Особенно значим экспорт в Китай, на него пришлось 56 % всего объема (кондитерские изделия, мясо птицы, молочные продукты, картофель). Намного меньшие потоки шли в Германию (9 % объема экспорта, кондитерские изделия, гречиха, семена льна), Казахстан (6 %, кондитерские изделия, картофель, ячмень, шишки хмеля), Украину (5 %, кондитерские изделия, картофель), Польшу (4 %, кондитерские изделия, гречиха, семена льна). Несмотря на успехи, в общем объеме экспорта продукции Чувашской Республики в 2020 г., доля продукции АПК составила лишь 14,8 %, а в общем объеме экспорта продукции АПК Российской Федерации доля производителей из Чувашии – 0,12 %. Лучше обстоят дела в кондитерском экспорте, здесь доля производителей из Чувашии почти 2 %.

В настоящее время АПК Чувашской Республики представлен почти всеми отраслями, которые принято включать в данный комплекс. Республика располагает не только сельскохозяйственным производством, но и пищевой промышленностью, агрохимическим производством и сельскохозяйственным машиностроением. В Чувашии развита система подготовки кадров для сельского хозяйства, действуют научные центры. Несмотря на то, что по способности формировать большие потоки денежных поступлений от продажи своей продукции и услуг ведущие сельхозпроизводители и предприятия пищевой промышленности, как правило существенно уступают ведущим предприятиям электротехнической, приборостроительной промышленности, промышленного тракторостроения, крупнотоннажной химии, первые зачастую превосходят последних по способности создавать чистую прибыль.

Однако развитию отдельных отраслей АПК Чувашской Республики характерна неравномерность. Специализированное сельскохозяйственное машиностроение малозначительно и находится в глубоком кризисе, в ближайшее время может совсем исчезнуть в результате банкротства и ликвидации немногочисленных предприятий. Некоторые надежды на сохранение и развитие в регионе сельскохозяйственного машиностроения рождает возникшая необходимость заместить импорт сельхозтехники. Сельскохозяйственное химическое производство процветает, но однобоко, ориентировано на производство средств защиты растений, своего же тукового производства в регионе нет. Сельскохозяйственная наука, сельскохозяйственное образование и сельскохозяйственное производство организационно разобщены, что для небольшого региона недопустимая роскошь. Сельскохозяйственное среднее профес-

сиональное и высшее образование не пользуются особым спросом на рынке образовательных услуг. Природные условия и ресурсы Чувашии не создают значимо благоприятных условий для развития сельского хозяйства в регионе. На территории Чувашской Республики работают крупные региональные и межрегиональные агро- и агропромышленные холдинги, но в производстве как животноводческой, так и растениеводческой продукции слишком высоко значение приусадебных, садово-огороднических хозяйств населения. В общероссийском производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции, на которые ориентированы сельхозпроизводители Чувашии, республиканские значения часто не достигают и 1 %. Аналогичная картина наблюдается и в производстве мясных и молочных пищевых продуктов. Несколько лучшая картина у кондитеров и пивоваров республики.

Единственный вид сельскохозяйственного производства, в котором Чувашия имеет приоритет в настоящее время, – это производство хмеля. В условиях санкций, повлекших затруднения в транспортной логистике и логистике денежных потоков, появляется возможность для аграриев республики расширить производство и занять более значимое место на рынке продуктов хмелеводства России. Также интересным является проект по возрождению коноплеводства, в переработке продуктов которого после реконструкции могли бы принять участие такие уже действующие предприятия, как Мариинско-Посадский маслозавод, Алатырская бумажная фабрика и Чебоксарская лентоткацкая фабрика. Перспективы имеет и внедрение биогазовых технологий в агропромышленное производство республики. Строительство и эксплуатация в составе крупных животноводческо-растениеводческих и производяще-перерабатывающих комплексов биогазовых станций позволит снизить остроту утилизации биологических отходов, заместить всю или часть приобретаемой тепловой и/или электрической энергии, комплексных удобрений. Особый эффект может дать создание не кооперированных (строящих свою работу на кластерном принципе), а комбинированных агропромышленных-энергохимических производств.

АПК Чувашской Республики имеет большое значение для социально-экономического развития региона, и со временем это значение может даже возрасти. Однако природно-климатические условия региона хотя и не создают значимых препятствий для развития сельского хозяйства и тем более АПК в целом, но и не дают каких-либо исключительных преимуществ. Несмотря на достаточно высокую густоту сельских населенных пунктов и долю сельского населения в регионе, отнести Чувашию к аграрным и даже аграрно-промышленным регионам не представляется возможным, в том числе по соотношению долей ВРП, произведенных в различных отраслях экономики региона (в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве – 8,2 %).

Аналогичную картину мы наблюдаем и в сфере занятости населения. Системы образования и здравоохранения республики ничем не уступают сельскому хозяйству в сфере обеспечения рабочими местами экономически активного населения.

Устоявшееся мнение о Чувашии, как об аграрном или агропромышленном регионе, не может быть однозначным, и не только по причине относительной слабости аграрного и агропромышленного секторов республики на фоне ряда других регионов России, но и по причине существенно меньшей значимости аграрного и даже агропромышленного сектора республики в сравнении со сферой услуг, обрабатывающей промышленностью и строительством в Чувашии. В планах развития Чувашской Республики в качестве «локомотива» экономики региона следует видеть обрабатывающую промышленность и производственную, особенно транспортную инфраструктуру. Агропромышленное производство, особенно сельскохозяйственное, должно играть очень значимую, но все же второстепенную роль. Не забывая об обеспечении продовольственной безопасности, аграриям республики необходимо найти ту сферу деятельности в агропромышленном производстве, ту специализацию, которая выделила бы их на фоне остальных регионов России.

Сегодня, в период валютно-логистических сложностей во взаимодействии с зарубежными экономическим партнерами, для Чувашской Республики открывается окно возможностей: создать – на базе уже сложившихся в регионе пивоваренной промышленности, зернового и солодового производств, используя свое безусловное лидерство (в том числе научное) в российском хмелеводстве – территориально-производственный агропромышленный кластер (комплекс), охватывающий все этажи пивоваренного производства, от выращивания зерновых солодовых культур и хмеля, до изготовления пива. Кластер должен объединить аграриев (производителей зерновых солодовых культур и хмеля), ученых (в том числе хмелеводов), специализированные учреждения профессионального образования, машиностроителей (производителей оборудования для хмелеводства (возможно развитие на базе ООО «Техма-Агромаш» и ООО «Волжский комбайновый завод»), химические предприятия региона (выпускающие средства защиты растений), переработчиков хмеля, производителей солода и пивоваров. Охватить не только отрасли сферы материального производства, но и отрасли сферы услуг, в том числе сформировав уникальные для России предложения в сфере производственного, аграрно-пивоваренного туризма.

Список источников и литературы

1. *Гаврилова М.В., Данилова Н.В.* Региональные особенности и тренды социально-экономического развития // Вестник Российского университета кооперации. № 4 (38). 2019. С. 21–30.

2. *Даньшин А.И.* Возможные перспективы развития сельскохозяйственных территорий стран Евросоюза и России // География в школе. 2010. № 9. С. 10–17.

3. *Даньшин А.И.* Современные тренды и приоритетные направления развития отечественной агрогеографии // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 17–27.

4. Дмитрий Патрушев рассказал об объеме экспорта сельхозпродукции из России // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20190314/1551775673.html (дата обращения: 06.01.2024).

5. *Казьмин М.А.* Земельные реформы в регионах постсоветской России: Итоги преобразований и упущенные возможности. М.: ЛЕНАНД, 2016. 280 с.

6. *Меньщикова В.И.* Типология регионов в контексте обоснования применения инструментария региональной социально-экономической политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10. С. 14–24.

7. Мониторинг (ВО). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2021/_vpo/inst.php?id=1689 (дата обращения: 06.01.2024).

8. *Нефедова Т.Г.* Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 64–82.

9. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое изд-во, 2003. 408 с.

10. *Нефедова Т.Г., Медведев А.А.* Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия: Географическая. 2020. № 5. С. 645–659.

11. *Никонорова И.В.* Физическая география Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 100 с.

12. Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319212/0e06e209d4dd3d8789df68c1166ecafad5a31aec/ (дата обращения: 06.01.2024).

13. *Погодина Т.В., Бренчагова С.А.* Анализ и интегральная оценка социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 12. С. 7–13.

14. *Прокопьев А.В., Чернышова Т.Н.* Стратегия импортзамещения в сельском хозяйстве // Oeconomia et Jus. 2017. № 1. С. 18–23.

15. Сельскохозяйственная микроперепись 2021 года. Оперативные итоги. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/75792 (дата обращения: 06.01.2024).

16. СПО. Мониторинг. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2021/_spo/material.php?type=2&id=10405 (дата обращения: 06.01.2024).

17. Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/550129673 (дата обращения: 06.01.2024).

18. Чувашский НИИСХ – филиал ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока. URL: http://ниисх.рф/ (дата обращения: 06.01.2024).

19. *Шигильчева С.А., Данилов П.В., Фомина Л.С.* Оценка эффективности государственной политики Чувашской Республики по развитию сельского хозяйства // Пути исторического развития Российского государства: от эпохи потрясений к эпохе созидания и консолидации: материалы VIII Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием. Чебоксары: Новое время, 2017. С. 97–109.

20. *Широков О.Н., Кириллова А.М.* Значение агропромышленного комплекса Чувашии для сельского самоуправления: анализ основных проблем // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сборник материалов междунар. научно-практич. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 52–54.

21. *De Beurs K., Ioffe G., Nefedova T., Henebry G.* Land Change in European Russia: 1982–2011 Land-Cover and Land-Use Changes in Eastern Europe after the Collapse of the Soviet Union in 1991. Basel, 2017. С. 223–241.

22. *Ioffe G., Nefedova T., Kirsten D.B.* Land Abandonment in Russia Eurasian Geography and Economics. 2012. Т. 53. № 4. С. 527-549.

23. Rusprofile. URL: https://www.rusprofile.ru/id/553088 (дата обращения: 06.01. 2024).

N.A. Kazakov, M.N. Krasnova,
I.V. Nikonorova, U.V. Yumanova

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE CHUVASH REPUBLIC BY THE THIRD DECADE OF 21th CENTURY

Abstract. This paper reveals the current state of various spheres of the agro-industrial complex of the Chuvash Republic. The emphasis is made on the comparison of a number of parameters characterizing agro-industrial production of the republic with the corresponding parameters of other spheres of economy in the region.

Keywords: agriculture, food industry, agricultural education and science.

УДК 338.43.02: 329(470)

М.Ю. Никифоров,
Ю.Г. Никифоров

БОРЬБА КПРФ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕЛА, АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются причины кризиса отечественного села и агропромышленного комплекса России в XXI в., предложения и конкретные действия КПРФ по преодолению этого кризиса.

Ключевые слова: Россия, КПРФ, аграрная политика, село, агропромышленный комплекс.

Продовольственная безопасность, мыслимая только как результат интенсивного развития на современной научной, инновационной основе отечественного агропромышленного комплекса (АПК), представляет собой кардинальную проблему экономического и политического суверенитета России, обострившуюся в условиях геополитического противостояния. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному Собранию России справедливо подчеркивает: «Мы должны быть независимы, иметь все технологические ключи в таких чувствительных областях, как сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность» [17]. Природные ресурсы России позволяют обеспечить практически почти полную продовольственную автаркию (за исключением разве что таких экзотических продуктов, как кофе, какао, бананы и т. п., потребность в которых вполне может быть удовлетворена и реально удовлетворяется за счет поставок тех стран, которые искренне заинтересованы во взаимовыгодном экономическом, политическом и гуманитарном сотрудничестве с Россией и не желают присоединяться к антироссийским «экономическим санкциям»).

Общественность, научные круги и ведущие политические партии нашей страны серьезно обеспокоены торможением утвержденных Президентом национальных программ, призванных обеспечить продовольственную безопасность России, возрождение и дальнейшее полноценное развитие села, высокое качество и конкурентоспособность продукции отечественного АПК.

Внешние препятствия по преодолению начавшегося с послеавгустовских «либеральных реформ» тотального кризиса и очевидного упадка российского АПК проявляются особенно очевидно в периодически возникающем дефиците тех или иных традиционных для нашей страны продовольственных

товаров и галопирующем росте цен на них, наносящем чувствительный удар по социальному благополучию многих миллионов наших сограждан. Так было в 2022–2023 гг. с так называемым «борщевым набором», элементарной, прекрасно произрастающей в наших условиях плодоовощной продукций — картошкой, капустой, помидорами, свеклой, морковью, луком. Так обстоит дело и в 2024 г. с внезапно резко подорожавшими курами и куриными яйцами.

Обозреватель газеты «Правда» Елена Краснолуцкая в августе 2023 г. со ссылкой на данные эксперта аналитической компании «Emeat» Л. Савкиной и на собственные подсчеты сообщала следующее: «Если еще в 2022 г., когда на фоне не до конца преодоленных последствий пандемии COVID-19 началась СВО, цены на курятину росли скромно и всего один раз (скачок до 190 руб. за 1 кг был в апреле, потом стоимость резко упала за пару недель до 170 руб.), то в этом (т. е. в 2023) году индекс курицы из месяца в месяц удивлял аналитиков. Медленно, но верно он дотянулся сперва в июне до 193,48 руб., а в июле достиг отметки в 196,93 руб. Это исторический рекорд стоимости. Вышеуказанный рекорд касается лишь средних цен по России. На местах ситуация бывает в разы круче. В некоторых местах за килограмм мяса курицы просят до 350 руб. И это, по данным Росстата, дороже свинины, которая стоит в среднем 312,58 руб. Остальные лидеры мясного пьедестала расположились следующим образом: говядина – 494,8 руб. за килограмм, баранина – 589,78 руб. за килограмм» [10].

Удорожание продовольствия ведет к сокращению его потребления. Активист общественного аграрного движения экономист Василий Мельниченко свидетельствовал о динамике конъюнктуры отечественного продовольственного рынка в 2023 г.: «Говорите, свинина и курица вздорожали?... Не только! По сути дела, абсолютно на все поднялась цена, в том числе на хлеб, больше, чем на 10 %. У нас “стабильно” повышаются цены. Уверяют, что в пределах инфляции, но мы-то точно знаем, что иногда это на сто процентов опережает инфляцию… За год молока и молочных продуктов наш народ российский стал кушать меньше. На душу населения раньше в год потребляли 278 кг молочных продуктов, в том числе сыров, сейчас – 217. Мы думали, может быть, фруктов стали больше есть, взамен молока, – ничего подобного: 77 килограммов было, теперь стало 62. Рыбы стали значительно меньше кушать, хлеба, хлебобулочных изделий, мяса. Картошки 48 кг было, стало 44. Секрет прост: у людей стало меньше денег! То есть люди действительно вынуждены покупать меньше еды» [14].

Конечно, тут могут спросить: как же так?! Ведь производство сельхозпродукции вроде бы не уменьшается, растет. Россия даже якобы экспортирует зерно. Но ведь нечто подобное было и в дореволюционной России, при так расхваливаемой либералами «столыпинской» аграрной реформе, когда

Россия тоже якобы вывозила хлеб. Однако вскоре после гибели Столыпина Ленин подчеркивал: «Охвативший чуть ли не половину России голод и неурожай наглядным и неотразимым образом свидетельствуют, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на столыпинскую аграрную политику. Даже по правительственным подсчетам, точность и "скромность" которых доказали предыдущие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний, 20 миллионов душ населения "имеют право на оказание продовольственной помощи", т. е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство» [12, с. 117]. Таким образом, снижение потребления продовольствия и до революции во всех подобных случаях было спровоцировано не чем иным, как порочной, контрпродуктивной государственной аграрной политикой.

Теперь нечто подобное мы наблюдаем снова. В докладе по проблемам продовольственной безопасности на июньском (2013) объединенном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ заместитель председателя ЦК коммунистической партии академик Российской академии сельскохозяйственных наук В.И. Кашин привел такие цифры и факты: «За период "реформ" потребление мяса в среднем на одного человека сократилось на 14 %, молочных продуктов – на 37 %, яиц – на 12 %, рыбы – на 14 %, сахара – на 18 %. За это же время (по сравнению с уровнем 1990 года) посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась на 41 млн га, а 40 % оставшихся площадей подвергаются эрозии, разрушению. По явно заниженным данным официальной статистики, сбор зерна снизился к 2013 году в 1,6 раза, производство мяса – в 1,34 раза, молока – в 1,74 раза, яиц – в 1,2 раза, поголовье КРС уменьшилось в 2,9 раза, свиней – в 2 раза, овец – в 2,5 раза, птицы – в полтора раза и т. д.» [8, с. 25–27].

Российское село буквально вымирает. Как было отмечено на слушаниях в Государственной Думе 22 мая 2024 г., в 2021 г. в ходе переписи населения было зарегистрировано 153 157 сельских населенных пунктов. В 24 751 из них (16,2 %) никто не живет. Из этих заброшенных сел более 12 тыс. приходится на Центральный, 7,5 тыс. – на Северо-Западный федеральные округа. Печальное лидерство принадлежит Тверской области с 2234 опустевшими деревнями и селами, на втором месте Вологодская область, где 2106 пустых, существующих только на карте населенных пунктов, на третьем – Псковская область, там их 1923. Еще в 23,5 тыс. населенных пунктах живут 6 и менее человек, почти исключительно преклонного возраста, более 43 % населенных пунктов имеют численность жителей не более 50. Более тысячи человек живут только в 5 % сел и деревень, более 3 тыс. – в 1,4 %, более 5 тыс. – в 0,7 %. Это в основном районные центры и пригородные села городских агломераций [1].

Таким образом, больше всего страдает Нечерноземье. Об этом было напрямую сказано и на июньском (2018) Пленуме ЦК КПРФ по проблемам

региональной политики, участники которого были озабочены катастрофическим сокращением численности населения, прежде всего сельского, в исконно русских областях, составляющих этноисторическое ядро, колыбель нашей державы.

На июльском (2013) объединенном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ Председатель КПРФ доктор философских наук Г.А. Зюганов с тревогой говорил об этнополитическом, этнокультурном аспекте этой социальной катастрофы: «Сегодня пришли за землей, за душой, за языком, за нашей культурой. Ее истоки, корни наших традиций – в деревне, которую уже, похоже, ликвидировали как класс, а Москва превратилась в своеобразный Вавилон» [6, с. 7].

Эту же мысль в 2006 г. высказал и классик этнопедагогики академик Г.Н. Волков: «Крестьянская земледельческая цивилизация – одна из древнейших и одна из величайших цивилизаций. Семья, род и община в этой цивилизации служат своего рода скрепом этнических духовных ценностей, являясь, по сути, живым корнем национальной культуры… Родовая память остается значимой и связана не только с памятью предков, но и с фактором места жизни. Отрыв от “своего” места в этом мире (осознание которого формируется по принципу места рождения и захоронения предков, т. е. связью с родом) влечет за собой маргинализацию, в том числе в этнической сфере» [3, с. 111, 115].

Продовольственная безопасность приобретает для России особенно важное политическое значение (как, впрочем, и для всех других стран) в условиях зловещего заговора ультраглобалистов против народов планеты, подробности которого разоблачены в 2024 г. в майском номере журнала «Наш современник» в статье директора Московского института системно-стратегического анализа А. Фурсова об итогах Всемирного экономического форума в Давосе в начале текущего года. Во главе ультраглобалистов, глашатаем которых выступает Клаус Шваб, стоят наднациональные структуры ростовщической олигархии – Всемирный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, Всемирная организация здравоохранения, Бильдербергский клуб и их филиалы в США, Японии, западноевропейских странах. Так, например, прозвучали призывы прекратить производство и потребление мясной и молочной продукции уже к 2030 г. и заменить ее насекомыми. Так что вопрос стоит, без преувеличения, о жизни и смерти наших и всех последующих поколений россиян и жителей других стран земли.

Не случайно всякие предложения о сокращении животноводства вызывают самые резкие и гневные протесты фермеров европейских, латиноамериканских стран, США, и Канады, где оно составляет основу аграрного сектора национальных экономик [20, с. 136].

Советский АПК в результате успешной реализации решений мартовского (1965) и последующих Пленумов ЦК КПСС, XXIII и дальнейших съездов КПСС в 70–80-е гг. XX в. стал самым высокоэффективным в мире, даже несмотря на то, что львиная доля территории СССР представляла собой зону рискованного земледелия, а значительную часть занимали горы, пустыни, вечная мерзлота, практически малопригодные для сельского хозяйства. Тем не менее продовольственная безопасность, реальный продовольственный суверенитет Советского Союза были обеспечены на 100 %. В 1971–1975 гг. среднегодовой объем продукции сельского хозяйства составил 113 %, а в 1976–1979 гг. – 124 % по отношению к уровню VIII пятилетки (1966–1970). Государственные капиталовложения в развитие аграрного производства в 1976–1979 гг. в соответствии с директивами XXV съезда КПСС и решениями октябрьского (1976) и июльского (1978) Пленумов ЦК КПСС составили 89,4 млрд руб., а колхозные капиталовложения – 45,7 млрд руб. (в 1966–1970 гг. – соответственно 48,1 млрд руб. и 33,4 млрд руб.). После постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» указанные категории сельхозпроизводителей получили дальнейшее развитие. В 1979 г., кстати, весьма неблагоприятном в отношении погодных условий, на них приходилось 59 % общего объема производства картофеля, 31 % производства овощей, 30 % мяса, 29 % молока, 33 % яиц, 19 % шерсти [5, с. 9–10].

Могут последовать возражения: но ведь, начиная с 1970-х гг., Советский Союз закупал часть зерна за границей? Да, это действительно так. Но это было только фуражное зерно, которое шло не на производство хлебобулочных изделий, макарон, водки и т. д., а исключительно на откорм скота, т. е. наращивание производства мяса и молока. Такую возможность Советское государство получило благодаря активному внешнеторговому балансу, в котором важную роль играл экспорт не только углеводородного сырья, как до сих пор под влиянием недобросовестной дезинформации считают обыватели, но и самой высокотехнологичной продукции. Например, чебоксарские тракторы, электроаппаратура, точные приборы, ткани, ткацкие станки, химическая продукция и т. д. шли на экспорт в десятки капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Таким образом, наша страна могла позволить себе такую «роскошь» – закупать зерно для развития скотоводства.

4 июля 1978 г. Пленум ЦК КПСС поставил амбициозную задачу – к 1990 г. довести производство зерна до тонны на душу населения, что позволило бы к этому сроку полностью отказаться от его импорта! Одновременно Пленум решил довести производство мяса к концу XI пятилетки до 19,5 млн т (объем его производства в первые годы X пятилетки составлял 14 млн т) [15].

24 мая 1982 г. Пленум ЦК КПСС принял Продовольственную программу КПСС и утвердил пакет партийно-правительственных постановлений по конкретным вопросам ее реализации. Была поставлена «ближайшая задача – добиться уже в этом (т. е. 1982) году существенного повышения продуктивности земледелия и животноводства, обеспечить выполнение и перевыполнение государственных планов закупок зерна, мяса, молока и другой продукции, ее своевременную переработку и полную сохранность»; было решено довести к 1990 г. потребление основных продуктов питания – мяса и мясопродуктов – с 58 кг в 1980 г. до 70 кг, рыбы и рыбопродуктов – соответственно с 314 до 330–340 кг, яиц – с 239 до 266 штук, сахара – с 44,4 до 45,5 кг, растительного масла – с 8,8 до 13,2 кг, овощей и бахчевых – с 97 до 126–135 кг, фруктов и ягод – с 38 до 66–70 кг [2].

Как отмечалось в представленном делегатам XXVII съезда КПСС статистическом сборнике, в годы XI пятилетки (1981–1985) среднегодовое производство мяса в убойном весе составило 16,2 млн т, молока – 9,5 млн т, яиц – 74,4 млрд штук, картофеля – 78,4 млн т, овощей – 29,2 млн т, плодов и овощей – 17,8 млн т, сахарной свеклы – 76,5 млн т, подсолнечника 5 млн т и т. д. [13, с. 91–92, 94].

Все это свидетельствовало о росте эффективности отечественного социалистического АПК. Аналогичная картина была характерна и для АПК зарубежных социалистических стран, сотрудничавших в рамках мегапроектов и программ Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Однако в ходе перестройки недобросовестные грантополучатели различных «фондов» под эгидой ЦРУ и Сороса вроде А. Аганбегяна, Н. Иноземцева, Н. Биккенина, О. Лациса, Т. Заславской и др. совершили преднамеренный вброс в общественное сознание ложного посыла о неэффективности советского и вообще социалистического АПК, а также – лжереформаторских парадигм, приведших в итоге к той удручающей картине его развала, свидетелями которой мы стали к концу XX в. При этом они использовали для своей пропаганды, конечно, не трибуну научных дискуссий, а желтую прессу, цинично паразитируя на сложившемся за десятилетия советской цивилизации доверии к печатному слову.

Разумеется, нашлись патриоты, которые дали отпор откровенным провокаторам и мнимым ученым. На XXVIII съезде КПСС виднейший организатор и теоретик сельскохозяйственного производства, член-корреспондент ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза им. Ленина Тульской области, будущий успешный «красный губернатор» той же области В.А. Стародубцев, обличая их, сказал: «Мы наплодили целую школу “философствующих персон”, позволили им за народные средства отшлифовать их “мыслительные аппараты”, строить “теории” выжимания последней капли

из трижды выжатого крестьянина. Известно, что Ленин делал ставку на середняка как самую многочисленную прослойку деревни. А на кого делается ставка сегодня в нашей аграрной политике? Могу сказать твердо: колхозно-совхозный крестьянин не чувствует, что ставка делается на него. И не только потому, что урезаются ресурсы, уменьшаются капиталовложения. Приоритета, о котором прожужжали уши всем, не было и нет. А посмотрите, как формируется общественное мнение. Многие средства массовой информации заняты пропагандой только новых форм хозяйствования (при этом некоторые недобросовестные журналисты еще вчера взахлеб хвалили передовые хозяйства, а сегодня в погоне за модой хают их на все лады). Заслуживают упрека и некоторые "теоретики", которые настойчиво призывают разваливать до основания колхозы и совхозы. У тех, кто зовет к такому курсу, нет прогнозов его социально-экономических последствий» [19].

Нежелание тогдашней ревизионистской верхушки партии прислушаться к голосу здравого смысла, к голосу Стародубцева и подобных ему патриотов привело к катастрофическим последствиям, пути преодоления которых КПРФ ищет и предлагает в настоящее время.

Тут, конечно, особое, можно сказать, – основополагающее значение имеет уже упомянутый июньский (2013) объединенный Пленум ЦК и ЦКРК КПРФ. Он выработал концепцию, которую правильнее всего отражает формула «Возрождение через модернизацию». В.И. Кашин призвал с трибуны Пленума «внедрять современные высокоэффективные технологии, разработать программу ресурсосбережения сельскохозяйственного производства, возродить систему подготовки и переподготовки кадров, восстановить сельскохозяйственное машиностроение и оснастить сельское хозяйство современной техникой. Следует иметь тракторный парк в составе 3 млн единиц, исходя из расчета 2,5 трактора на 100 га пашни, и по одному комбайну на 100 га посевов» [8, с. 30]. В поздний советский период эта норма соблюдалась.

Якорь спасения и путь к возрождению отечественного села партия справедливо видит в народных предприятиях, о которых подробно говорилось на июльском (2013) Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ и проблемам которых был специально посвящен объединенный Пленум ЦК и ЦКРК 26 марта 2016 г. В принятой XIII съездом КПРФ Программе партии подчеркивается: «Основу возрождения села партия видит в крупных предприятиях, соединяющих производство, переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции» [16, с. 15]

На слушаниях в Государственной Думе РФ о ходе реализации государственной программы комплексного развития сельских территорий 22 мая 2024 г. директор подмосковного совхоза им. В.И. Ленина, кандидат в Президенты России от КПРФ на выборах 2018 г. П.Н. Грудинин сказал: «Наш совхоз – крупнейший производитель земляники, помимо этого мы еще производим

морковь, картошку, свеклу, капусту. Наши коровы дают по 12 тысяч литров молока. Мы являемся крупнейшим производителем саженцев. Ну и переработка, естественно – джемы, соки. Это то, что мы производим, чем мы гордимся. У нас 320 человек постоянных работников и 220 временных – так называемые сезонники. Совхоз – это иллюстрация того, что бы произошло с сельским хозяйством России, если бы мы не пошли по пути, который показали нам либеральные экономисты типа Гайдара и Чубайса, и что было бы в сельхозпредприятиях, если бы остались верны социалистическим принципам.

Как помните, колхозы и совхозы были основными производителями, и они обеспечивали всю социальную инфраструктуру. Только что вы видели школу – она стоит 1 млрд 800 млн руб. Еще один объект – бассейн, он стоит 600 млн руб. Вот еще один детский сад… И весь поселок практически находится в нашем ведении. Мы решили не отдавать всю инфраструктуру и оставили ее себе. Мы построили поликлинику, построили все эти объекты плюс детские парки. У нас отбоя нет от желающих попасть в детский парк, и особенно от москвичей, поскольку мы по сказкам Пушкина все построили, а народ тянется к русскому эпосу» [4].

Вся Россия знает также и замечательные успехи агрообъединения «Звениговский» под руководством талантливого организатора и ветерана сельхозпроизводства И.И. Казанкова и его сына – депутата Государственной Думы РФ С.И. Казанкова. Оно является крупнейшим производителем свинины и ряда других видов сельхозпродукции, располагает современным, технически великолепно оснащенным перерабатывающим комплексом и густой сетью фирменных магазинов в трех республиках Среднего Поволжья. Кстати, интеграция производства, хранения, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции – характерная особенность подобных фирм, которых в России, по данным П.Н. Грудинина, более 200. Они являются хранителями лучших традиций советского АПК и одновременно ресурсом развития, лабораторией апробации прогрессивных моделей управления сельхозпредприятиями и их инновационного социально-экономического развития, обеспечивающего достойную оплату труда и социальный комфорт всем – как руководящим, так и рядовым работникам и их семьям. Агрообъединение «Звениговский» реализует и такие культурные программы, как ежегодные чувашские национальные праздники «Акатуй» и «Уяв». В июне 2024 г. депутат ГД РФ С.И. Казанков стал одним из организаторов научной конференции в Йошкар-Оле, посвященной 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина с участием ученых Республики Марий Эл и Чувашии, выступив с приветственным словом к ее участникам.

Народные предприятия (почти все они действуют именно в аграрной сфере) выступают мощным сдерживающим противовесом олигархическим агрохолдингам. Доктор философских наук, профессор, академик, член прези-

диума ООО «РУСО» (Российские ученые социалистической ориентации) В.И. Староверов считает: «По мере своего развития общественная капиталистическая система неизбежно уничтожает политэкономическую, социально-политическую и социокультурную субъектность деревни. Ее интересы начал выражать финансово-спекулятивный капитал городских олигархов, а сама деревня превращается в бессубъектную сельскую территорию, полигон эксплуатации ее природного и социально-гуманитарного потенциала… При скученном, сверхконцентрированном на малом пространстве аграрном производстве неизбежно использование огромных объемов химикатов, пестицидов, гербицидов, биостимуляторов, антибиотиков, что чревато не только ущербом экологии, но и медицинскими и биологическими угрозами потребителям продукции таких крупхозов. То есть всему российскому социуму… Анализ того, кому достаются огромные субсидии государства сельскому хозяйству, показывает, что их получают преимущественно крупхозы, принадлежащие олигархам, а прочие хозяйства – крестьянско-фермерские, личные подсобные, народные предприятия, – довольствуются крохами или из-за бюрократических препон остаются ни с чем. Многим россиянам известна гигантская агрокомпания "Мираторг", но мало кому известно, что Министерство сельского хозяйства России за два года передало "Мираторгу" для покрытия убытков 25 млрд руб. субсидий.

…Благоприятные социально-экономические результаты показывают сравнение эффективности деятельности частных крупхозов и народных предприятий типа совхоза им. В.И. Ленина в Подмосковье (рук. П.Н. Грудинин), "Звениговский" (рук. И.И. Казанков) в Марий Эл, Усольского свинокомплекса в Иркутской области (рук. И.А. Сумароков) или колхоза им. Фрунзе в Бессоновке Белгородской области (рук. В.Я. Горин). Они однозначно свидетельствуют в пользу народных предприятий. И подтверждают насущную необходимость России: прекратить экономически, социально-политически и цивилизационно ущербные для страны неолиберальные реформы» [18, с. 99, 105–107].

КПРФ разработала комплекс мер, в котором ведущее место занимают государственная поддержка отечественных, независимых от заграницы товаропроизводителей и прежде всего народных предприятий, государственное регулирование цен на удобрения, семена, горюче-смазочные материалы, закупочных цен на сельхозпродукцию и т. д. Это программа была положена в основу предвыборной программы кандидата на пост Президента России от КПРФ, авторитетного специалиста по аграрным проблемам, ближайшего сподвижника и единомышленника Василия Стародубцева Н.М. Харитонова. Ни одна из прочих политических партий России так и не смогла предложить сколь-нибудь внятной альтернативы программе КПРФ.

Академик В.И. Кашин сказал следующее о смысле и значении коммунистического аграрного мегапроекта: «Надо так реорганизовать общество, чтобы его целью было обеспечение необходимых, разумных биологических и социальных потребностей людей, существующих в гармонии с природой. Только общество, основанное на справедливых социально-экономических отношениях, при отсутствии паразитических структур, способно воспроизводить человека без нанесения ущерба природе, земле-матушке. Экологические и продовольственные проблемы, их решение должны занять центральное место в работе комсомола. Молодым жить на этой земле, и именно они должны заботиться о ее плодородии, красоте и сохранности» [8, с. 35].

Аграрная программа КПРФ продолжает реализовываться «красными губернаторами», подобными Василию Стародубцеву. В этом отношении чрезвычайно интересен октябрьский (2023) Пленум ЦК КПРФ, рассмотревший вопрос «О работе народных лидеров и задачах по выполнению Программы Победы». Член Президиума ЦК КПРФ, губернатор Орловской области А.Е. Клычков доложил Пленуму: «Орловская область традиционно играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны. Объем производства сельскохозяйственной продукции увеличился в 2,4 раза. Можно с уверенностью сказать, что мы достигнем общего валового сбора зерновых и масличных культур в объеме 5 млн тонн. Существенно выросли мощности сельхозпереработки. Планируется создание в Орловской области Национального центра семеноводства. Этот проект получил одобрение на высшем уровне» [9, с. 8–9].

Это хороший, вдохновляющий пример для многочисленных регионов России, как практически моноэтнических (т. е. с русским населением) – как Тверская, Вологодская, Псковская области, так и национальных республик вроде Тувы, Горного Алтая, Калмыкии, Карачаево-Черкесии и др., где нарастают негативные процессы в этнополитической сфере. По данным, приведенным Г.А. Зюгановым на июньском (2018) Пленуме ЦК КПРФ, среди регионов с наиболее быстро нарастающим госдолгом оказались даже промышленно развитое, располагающее важными наукоградами Подмосковье, алмазо-, золото- и угледобывающая Якутия, имеющий огромный экономический потенциал старейший промышленный центр России – Ярославская область. А Мордовия, Карелия, Кабардино-Балкария и др. и вовсе оказались на грани дефолта [7, с. 13–14].

Геннадий Андреевич справедливо считает, что как в XIX, так и в начале XX в. депрессивное сельское хозяйство снова становится фактором экономической отсталости и зависимости нашей страны от зарубежных продоволь-

ственных рынков. Г.А. Зюганов предлагает: «…восстановление традиционных для регионов производств, подвергшихся разрушению в постсоветский период. Национальные отраслевые программы по их возрождению призваны поднять уровень жизни людей. Один из примеров – возрождение льноводства. Программа восстановления этой отрасли поможет вывести из кризиса многие регионы Центральной России и другие территории, в экономике которых важнейшее место занимала текстильная промышленность» [7, с. 22].

Сказанное относится, конечно, и к другим отраслям сельского хозяйства, таким как скотоводство, овоще- и картофелеводство (очевидно, что недопустима такая ситуация, когда даже огурцы и помидоры везут в Россию из далеких стран), пчеловодство, которое понесло в последние годы огромные потери даже в таких традиционно медовых житницах страны, как, например, Башкирия, из-за преступно небрежного, граничащего с экоцидом, применения опаснейших ядохимикатов. И вот тут пример Орловщины определенно может сослужить добрую службу нашей Родине.

Важнейшее условие возрождения русского села – его кадровое обеспечение, а для этого, как убедительно доказал советский опыт с его агрогородками, благоустроенными поселками с социально-бытовой инфраструктурой, не уступающей городской, необходим социальный комфорт. Вымирание села начинается с закрытия школ, больниц, культурных учреждений, за которым неизбежно следует фатальный отток молодежи, нередко пополняющей ряды маргинальных слоев городского населения. Тут заслуживает внимания и применения комплексная система интегрированного непрерывного образования, разработанная и успешно примененная в Чувашии и соседних республиках и областях выдающимся организатором и теоретиком народного просвещения академиком Л.П. Кураковым. Особенность этой инновационной системы – в ее инклюзивности, предоставлении сельским юношам и девушкам на самом деле равных возможностей с молодежью самых престижных университетских центров. Академик Л.П. Кураков обосновывал необходимость создания территориально обособленных структурных подразделений ЧГУ, которым руководил почти 20 лет, в малых и средних городах и сельских районах Чувашии «стремлением наиболее полно удовлетворить образовательные запросы жителей республики, создать для этого необходимые условия как в материально-экономическом, так и в социальном плане» [11, с. 132].

Уже при жизни Л.П. Куракова его система интегрированного образования была успешно внедрена в ряде других республик и областей России. Это соответствует коренным потребностям нашего времени, КПРФ однозначно выступает за создание в российском селе такого уровня социального

комфорта, который сделает жизнь и труд там привлекательными для людей всех поколений. Это суть квинтэссенция программы решения аграрно-крестьянского вопроса по возрождению села и всего аграрно-промышленного комплекса страны.

Список источников и литературы

1. Аграрный комитет ГД проводит слушания: О судьбе российского села // Советская Россия. 2024. 25 мая.

2. *Брежнев Л.И.* О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1982 г. // Правда. 1985. 25 мая.

3. *Волков Г.Н.* Духовное просвещение. Чебоксары: Филиал Санкт-Петербург. гос. политехнич. ун-та, 2006. 200 с.

4. *Грудинин П.Н.* Мы знаем, как и что лучше сделать. Выступление на слушаниях в Государственной Думе Российской Федерации 22 мая 2024 г. // Советская Россия. 2024. 25 мая.

5. *Зломанов Л.П., Уманский Л.А.* Наши права: политические и экономические гарантии. Цифры и факты. М.: Политиздат, 1981. 206 с.

6. *Зюганов Г.А.* Грядет новая эпоха, и наша партия должна ей соответствовать. Выступление на объединенном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ 22 июня 2013 г. // Политическое просвещение. 2013. № 5. С. 5–10.

7. *Зюганов Г.А.* Пенсионная «реформа» – вызов обществу. Проблемы региональной политики и задачи КПРФ. Доклад на Пленуме ЦК КПРФ 30 июня 2018 г. // Политическое просвещение. 2018. № 4. С. 6–24.

8. *Кашин В.И.* КПРФ в борьбе за обеспечение экологической и продовольственной безопасности России. Доклад на объединенном Пленуме ЦК ЦКРК КПРФ 22 июня 2013 г. // Политическое просвещение. 2013. № 5. С. 11–35.

9. *Клычков А.Е.* Доклад на VII (Октябрьском) Пленуме ЦК КПРФ 21 октября 2023 г. // Политическое просвещение. 2023. № 5. С. 7–13.

10. *Краснолуцкая Е.* Устали ценники менять // Правда. 2023. 15–16 августа.

11. *Кураков Л.П.* Интегрированное образование: истоки и итоги: в 2 кн. Кн. 2. Приоритеты государственных интересов / под общ. ред. Г.В. Мухаметзяновой. Чебоксары: Изд-во Чуваш. у-та, 2000 г. 298 с.

12. *Ленин В.И.* Голод и черная Дума // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 21. М., Политиздат, 1970. С. 117–119.

13. Материалы делегату XXVII съезда КПСС. М.: [б. и.], 1986. 232 с.

14. *Мельниченко В.* О цене хлеба, о жизни и о судьбе // Советская Россия. 2023. 7 сентября.

15. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. Постановление Пленума ЦК КПСС 4 июля 1978 г. // Правда. 1978. 5 июля.

16. Программа КПРФ // Политическое просвещение. 2021. № 1. С. 5—20.

17. *Путин В.В.* Фронт работ. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

18. *Староверов В.И.* Эпитафия российской деревне // Политическое просвещение. 2020. № 3. С. 99–111.

19. *Стародубцев В.А.* Выступление на XXVIII съезде КПСС 4 июля 1990 г. // Правда. 1990. 7 июля.

20. *Фурсов А.* Давос, ВОЗ и глобальный психоз // Наш современник. 2024. № 5. С. 131—152.

M.Y. Nikiforov,
Y.G. Nikiforov

THE STRUGGLE OF THE CPRF FOR THE REVIVAL AND DEVELOPMENT OF RURAL AREAS, AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA AND FOOD SECURITY OF THE COUNTRY IN 21th CENTURY

Abstract. The article reveals the crisis of a domestic village and agro-industrial complex of Russia in 21th century, proposals and concrete actions of the CPRF to overcome this crisis.

Keywords: Russia, the CPRF, agrarian policy, village, agro-industrial complex.

УДК 633.791

Н.Н. Пушкаренко,
Е.А. Иванов,
А.В. Коротков

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ХМЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация. Производство хмеля в Чувашии в советскую эпоху обеспечивало 35 % выручки в АПК при занятости 0,4 % пашни. После глубокого кризиса и в условиях жестких международных санкций вопросы развития отечественного хмелеводства снова приобретают актуальность. В статье рассмотрены факторы экономической эффективности развития хмелеводства и конкурентные возможности выращивания хмеля и производства хмелепродуктов в регионе.

Ключевые слова: производство, рентабельность, себестоимость, хмель, структура, затраты, инфраструктура.

Хмелеводство являлось традиционной и прибыльной отраслью сельского хозяйства: в 1990-е гг. тонну сухого хмеля продавали до 13 тыс. руб. Доходность производства хмеля подтверждают и статические данные: под хмелем в Чувашской АССР было занято всего 0,4 % пашни, а выручка составляла 35 % от всей продукции АПК региона, не зря его еще в те годы называли «зеленым золотом», а хмельные шишки попали на герб республики [2]. Чувашская Республика была и остается лидером по производству хмеля. В 1980 г. площадь хмеля занимала 2,5 тыс. га, в 2023 г. – 133 га. На резкое снижение уровня производства хмеля не только в республике, но и в Российской Федерации в целом повлияла антиалкогольная политика первого президента СССР М.С. Горбачева, сетуют ветераны-хмелеводы. Ускорителем процесса выступил и кризис, настигший страну в 1990-х гг. Итоги антиалкогольной кампании (1985–1987) сказались на снижении официальных продаж алкоголя на 51 % и реального потребления – на 27 %, хотя она и была призвана обеспечить всеобщую трезвость, повысить производительность труда. Результатом этой кампании является 60 млрд руб. бюджетных потерь и почти полная вырубка виноградников, также снижение площадей насаждений хмеля в два раза. Резкое уменьшение площадей под хмель нельзя полностью списать на антиалкогольную реформу, она стала началом спада и уничтожения хмелеводческой отрасли в России.

Современные объемы и состояние отрасли в регионе можно оценить по таблице 1 [2].

Таблица 1

Сведения об инфраструктуре хмелеводства в Чувашской Республике

Наименование	**1985 г.**	**2015 г.**	**2022 г.**
Хмелеуборочные комплексы, шт.	167	11	8*
Площади хмелеплантаций, га	2923	99	133
Площади хмелешпалер, га	нет данных	370,7	249

* Без учета вновь введенных в ООО «Агроресурсы» и Чувашском ГАУ.

На современном этапе развитию хмелеводства уделяется большое внимание. «В последнее время, в условиях санкций, оказывается беспрецедентная поддержка хмелеводства в Чувашской Республике, которая даст возможность замещать импортный хмель отечественным по более низким ценам и не зависеть от импортных поставок», – сообщалось на прошедшей XXVI Российской агропромышленной выставке «Золотая осень» [1]. Глава региона О.А. Николаев отметил, что «отрасль хмелеводства станет одним из направлений поддержки экономики региона в рамках индивидуальной программы социально-экономического развития Чувашии на следующие 6 лет» [1].

По оценкам экспертов и отраслевого министерства, основной объем потребления хмеля и хмелепродуктов в объеме порядка 8 тыс. т приходится на пивоваренную промышленность, при этом 96,3 % сырья для отрасли импортируется [4]. Спрос отечественных пивоваров на хмель, наличие и урожайность его в мире в целом и определяют ценовую политику в хмелеводстве. Отрасль заинтересована в получении качественного, доступного и стабильного хмелесырья. С другой стороны, хмелеводство – уникальная отрасль растениеводства, характеризующаяся значительными материальными и трудовыми затратами. До сих пор преобладает значительный объем ручного труда при выращивании хмеля. Хмелеводство характеризуется и значительными капитальными вложениями, достаточно длительными сроками окупаемости инвестиций и другими факторами. Не совсем пока определена и современная организационно-управленческая структура действующих хмелепредприятий. Значительные капитальные вложения на начальном этапе инвестиционных проектов в хмелеводстве, отсутствие востребованных пивоварами отечественных сортов хмеля и полной линейки хмелетехники, трудности получения достаточного количества и надежного, подтвержденного сортового посадочного материала хмеля являются сдерживающими факторами развития хмелеводства и получения предусмотренных государственных субсидий. Некоторые показатели производства отечественного хмеля были озвучены на прошедшем в августе 2024 г. III Чебоксарском фестивале «Зеленое золото» и приведены ниже (см. табл. 2–3) [7].

Таблица 2

Показатели производства хмеля в 2023 г.

Показатели	США	Польша	Германия	Китай	Турция	Чехия	РФ
Площадь хмеля, тыс. га	21,982	1,928	20,603	2,424	0,138	5,203	0,312
Валовый сбор, тыс. т	47,206	3,279	34,405	6,014	0,144	4,452	0,293
Средняя цена реализации*, руб./кг	1075	440	598	нет данных	152	нет данных	1000–1800
Макс. возможная сумма поддержки, до тыс. руб./га	15,08	3710	48,50			509,23	2270
Количество зарегистрированных хмелепредприятий	817	643	1053	22**	227***	121	10
Площадь на 1 хозяйство, га	27	3	20	108	1,32	43	30

* В ценах на 1 квартал 2024 г.
** Данные за 2022 г.
*** Данные за 2020 г.

Рентабельность производства сельскохозяйственных культур сильно разнится в зависимости от региона производства, использования семян (саженцев) высокой репродукции, соблюдения агротехнических требований и сроков, применения различных удобрений и подкормок, наличия современных машин и инновационных технологий и т. д.

Так, рентабельность для основных сельскохозяйственных культур в РФ за 2023 г. составила: зернобобовые – 50,5 %, подсолнечник – 50–95,4 %, соя – 29,8–77,7 %, сахарная свекла – 50,4 %, пшеница – 51,8 %, картофель – 140–160 %, гречиха – 76,8 %, рапс – 43,9 %, ячмень – 2,2 % [5; 6]. Конечно, любое предприятие преследует получение прибыли, и структура производственных затрат и себестоимость производства, в том числе хмеля и хмелепродуктов, является отчасти коммерческой информацией и не афишируется. По сведениям регионального отраслевого министерства, рентабельность чувашского хмеля составляет более 50 % [8].

Таблица 3

Экономические показатели отрасли хмелеводства в РФ [3]

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Производственная себестоимость, руб./кг	264	301	352	389	519	529
Цена реализации, руб./кг	464	369	403	424	569	647
Прибыль, руб./кг	200	68	51	35	50	118
Рентабельность продукции, %	75,7	22,6	14,5	9,0	9,6	22,3

Результаты расчетов экономической эффективности выращивания хмеля свидетельствуют о целесообразности его производства и в Республ-

лике Беларусь. Здесь при урожайности хмеля 15 ц/га рентабельность его производства составила 69 %, средний размер прибыли на 1 га – 9180 тыс. руб. [3].

Проведение в хмелеводческих хозяйствах республики необходимых научно обоснованных технологических мероприятий способствует существенному повышению продуктивности хмелеводства, увеличению среднего размера прибыли до 14 256 тыс. руб./га, снижению себестоимости единицы продукции и повышению его уровня рентабельности до 88 %. Внедрение культуры хмеля в сельскохозяйственное производство республики и соответственно замещение его импорта будет не только способствовать экономии валютных средств, но также позволит сэкономить финансовые средства за счет существенной разницы между ценами на импортный и отечественный хмель [9].

Структура капитальных вложений в хмелеводстве зависит от многих факторов. По опубликованным данным, на строительство хмелешпалер и закладку хмельников приходится 52–60 % инвестиционных затрат, 15–19 % – на приобретение необходимых машин, 18–33 % – на приобретение хмелеуборочного и сушильного оборудования, в том числе 9–16 % приходится на хмелесушилку [10]. Определение основных затрат бизнеса в хмелеводстве, знание экономических параметров производства и продаж хмеля послужит хорошей информационной базой для повышения инвестиционной привлекательности отрасли и обоснования стратегического направления совершенствования политики развития хмелеводства.

Список источников и литературы

1. За 10 лет продэмбарго АПК Чувашии нарастил производство продукции в 2 раза // Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики: официальный сайт. URL: https://agro.cap.ru/ news/2024/10/14/za-10-let-prodembargo-apk (дата обращения: 28.09.2024).

2. Как в Чувашии возрождают хмелеводство и что этому мешает // Ассоциация производителей пива. URL: https://beerassociation.ru/news/kak-v-chuvashii-vozrozhdayut-khmelevodstvo-i-chto-etomu-meshaet/?ysclid= m2btprbrts 901204044 (дата обращения: 28.09.2024).

3. *Милоста Г.М., Ярошинская О.С.* Экономическая эффективность производства хмеля в Республике Беларусь // Сельское хозяйство – проблемы и перспективы: сб. науч. трудов: в 2 т. / Гродненский гос. аграр. ун-т. Гродно: ГГАУ, 2010. Т. 1: Зоотехния. Экономика. С. 394–402. URL: https://elib.ggau.by/handle/123456789/9417 (дата обращения: 28.09.2024).

4. *Некрасов Р.В.* Сессия: «Развитие хмелеводства и пивоваренной индустрии: проблемы и перспективы»: презентация // III Всероссийский фестиваль «Зеленое золото России», 17 августа 2024 г. Чебоксары. URL: https://hopfest.ru/meeting (дата обращения: 28.09.2024).

5. Особенности национального хмелеводства // Журнал поле.рф. URL: https://поле.рф/journal/publication/3448 (дата обращения: 28.09.2024).

6. Рейтинг прибыльных сельскохозяйственных культур на 2024 год: анализ, прогноз и рентабельность // AgroXXI – для аграриев и дачников: новости сельскохозяйственной отрасли для профессионалов и авторские материалы с советами для дачников. URL: https://dzen.ru/a/ZWChiehFxFZI-sB1 (дата обращения: 28.09.2024).

7. Самые прибыльные культуры для выращивания в 2023 году // Свое Фермерство от АО «Россельхозбанк»: 2020/2015. 12 августа. URL: https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/dohodnoe-pole-top-3-perspektivnyh-kul-tur-v-2023-godu (дата обращения: 28.09.2024).

8. *Файзиев С.* Сравнительный анализ мер поддержки хмелеводства в зарубежных странах (перечень предложений по введению дополнительных механизмов поддержки хмелеводства в РФ): презентация // III Всероссийский фестиваль «Зеленое золото России», 17 августа 2024 г., Чебоксары. URL: https://hopfest.ru/meeting (дата обращения: 28.09.2024).

9. Хмелеводство: бизнес, который требует внимания. URL: https://sfera.fm/articles/trendy/khmelevodstvo-biznes-kotoryi-trebuet-vnimaniya (дата обращения: 28.09.2024).

10. Responsible investments in hop farming: Foreign and domestic experience, May 2024. BIO Web of Conferences 108(4). DOI:10.1051/bioconf/202410825009 License CC BY 4.0 Authors: O. Afanaseva, A.Makushev. URL: https://www.researchgate.net/publication/380600087_ Responsible_investments_in_hop_farming_Foreign_and_domestic_experience (дата обращения: 28.09.2024).

N.N. Pushkarenko,
E.A. Ivanov,
A.V. Korotkov

ECONOMIC EFFICIENCY OF HOP PRODUCTION (THE CHUVASH REPUBLIC)

Abstract. Hop production in Chuvashia in the Soviet era provided 35 % of revenue in the agro-industrial complex with 0,4 % of arable land. The development of domestic hop growing is becoming relevant again after the deep crisis and in the conditions of severe international sanctions. Economic efficiency factors of hop growing development, competitive opportunities of hop growing and hop products' production have been considered in the region.

Keywords: production, profitability, cost price, hops, structure, costs, infrastructure.

УДК 339.13

Н.Н. Пушкаренко,
А.В. Коротков,
Л.М. Иванова

РАЗВИТИЕ ХМЕЛЕВОДСТВА: ВЫЗОВЫ И СЛОЖНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется состояние и перспективы развития хмелеводства в Российской Федерации и возможности развития отрасли в Чувашской Республике, где хмелеводство является традиционной и национальной сельскохозяйственной культурой. Рассмотрены основные факторы, влияющие на интенсификацию его производства. Даны практические рекомендации в связи с изменениями, происходившими в структуре сельского населения и трудовых ресурсов.

Ключевые слова: хмелеводство, сезонные рабочие, хмель, сельское население.

Хмелеводство является одной из важнейших подотраслей растениеводства Чувашской Республики. В регионе создаются необходимые условия для интенсификации производства хмеля: есть научно-образовательные компетенции, коллекция зарубежных и отечественных сортообразцов, специалисты отрасли хмелеводства, а также широкий спектр мер государственной поддержки всех технологических циклов выращивания и переработки хмеля [10].

Ассоциации пивоваров и производители напитков России отмечают необходимость годовой потребности в хмелепродуктах порядка 8 тыс. т [3]. Для обеспечения отечественным сырьем необходимо иметь площадь насаждений хмеля порядка 4 тыс. га [12]. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, в 2023 г. было произведено отечественными хмелеводами 293 т «зеленого золота» на площади 312 га, урожайность хмеля, по данным самих хмелепредприятий, составила 13 ц/га. Традиционным регионом, где объемы производства хмеля преобладали и остаются до сих пор значительными, является Чувашская Республика. Несмотря на многие сложности выращивания и реализации отечественного хмеля в последние десятилетия регион сохранил хмеленасаждения на площади 133 га и собрал в 2023 г. 189 т хмеля. При этом полученный объем хмеля составляет 64 % в структуре отечественного хмелепроизводства (2,3 % от необходимого российского уровня), а площадь – всего 3,3 % от требуемых.

Сложившаяся геополитическая и экономическая ситуация меняет традиционные схемы и объемы поставки хмеля в Россию. Это заставляет пивоваренные компании искать другие способы получения столь необходимого

сырья [8]. Ряд отечественных компаний к проблеме возможного дефицита хмелепродуктов подошли кардинальным образом – начали закладывать собственные хмелеплантации. Так, по данным МСХ РФ, появились площади и объемы хмеля в Краснодарском крае, Липецкой и Воронежской областях (подробнее см. табл.) [1].

По данным Росстата, валовый сбор хмеля в организованном секторе по итогам полного 2023 г. составил 293 т (в 2022 г. показатель составил 216 т). Большая часть производства хмеля приходится на Чувашскую Республику, а также в лидерах производителей российского хмеля значатся Краснодарский край, Липецкая область, республики Марий Эл и Алтай [12].

Несмотря на значительные меры господдержки [5; 6] хмелеводство развивается не так активно, как хотелось бы. Это связано с рядом факторов: отсутствием необходимых объемов качественного сортового посадочного материала для закладки новых хмельников, комплексной линейки производства специальных машин и оборудования для хмелеводства, современных национальных нормативных документов и стандартов (генетических, биохимических) по определению качества товарного хмеля и фитосанитарного состояния посадочного материала; слабым уровнем механизации процессов выращивания хмеля; острым дефицитом людских ресурсов в районах традиционного возделывания хмеля.

Многие факторы, сдерживающие интенсивное развитие отечественного хмелеводства, могут быть решены техническим образом: посадочные материалы (саженцы) могут быть завезены из других стран [7], либо могут быть получены ускоренным методом (in-vitro); изготовление хмелемашин не представляет технических сложностей – заводам-изготовителям достаточно иметь стабильные заказы со стороны хмелепроизводящих предприятий, а им, в свою очередь – стабильные договора поставок хмеля пивоваренным компаниям. Подготовить хмелеводов-агрономов возможно на базе центров компетенций при аграрных вузах.

Хмелеводство – трудоемкая отрасль. Затраты труда при традиционной технологии составляют 180 чел./дн. Применение новых технологических приемов по интенсификации и ресурсосбережению позволяет сократить трудозатраты до 112 чел./дн. [11]. Полностью механизировать процесс выращивания хмеля пока все же не представляется возможным. В мировой практике производства хмеля ряд технологических процессов выполняется только вручную или с применением ручного инструмента: изготовление поддержек, якорей, ремонт хмелешпалер, навешивание поддержек, заводка и рамовка хмеля и др.

Таблица

Сведения о регионах производства, произрастания хмеля на территории РФ

№	Субъекты РФ	площадь, га (2023 г.)	валовый сбор, т (2023 г.)	структура сел. нас. (%)		плотность населения, ч/кв. км	изменения, %
				1979 г.	2024 г.		
Регионы, имеющие насаждения и производство хмеля							
1	Чувашская Республика	133	189	54,43	36,49	63,62	–17,94
2	Краснодарский край	130	75,4	48,8	43,03	75,25	–5,77
3	Республика Марий Эл	11	12,7	47,01	31,79	28,66	–15,22
4	Липецкая область	2,4	6	44,17	37,68	46,42	–6,49
5	Республика Алтай	22	11	72,67	42,55	12,59	–30,12
6	Воронежская область			46,19	31,9	43,54	–14,29
Регионы традиционного выращивания хмеля (* - данные на 1985 г.)							
1	Брянская область	1134*		41,37	31,07	32,77	–10,3
2	Курская область	170*		52,9	32,04	35,37	–20,86
3	Воронежская область	140*		46,19	31,9	43,54	–14,29
4	Пензенская область	282*		45,56	31,88	28,51	–13,66
5	Белгородская область			47,86	35,53	55,31	–12,33
6	Московская область			25,3	21,26	195,16	–4,04
7	Тульская область			22,17	27,16	57,29	+4,99
8	Владимирская область			25,28	22,95	45,04	–7,33
9	Рязанская область			42,53	29,07	27,33	–13,46
10	Кировская область			36,17	22,44	9,39	–13,73
Регионы, исторически выращивавшие хмель							
1	Орловская область			45,36	34,18	28,09	–11,18
2	Ивановская область			19,65	18,14	42,26	–1,24
3	Костромская область			36,41	26,75	9,4	–9,66
4	Ульяновская область			36,99	23,62	31,54	–13,37
5	Смоленская область			40,41	28,08	17,36	–12,33
6	Республика Башкортостан			43,24	38,19	28,43	–5,05
7	Свердловская область			15	14,33	21,73	–0,67
Регионы с широким ботаническим распространением хмеля							
1	Вологодская область			41,68	27,95	7,76	–13,73
2	Ленинградская область			36,09	32,38	24,26	–3,71
3	Новгородская область			35,73	27,44	10,49	–8,29
4	Псковская область			45,24	29,89	10,49	–15,35
5	Тверская область			33,76	24,17	14,25	–9,59
6	Калужская область			38,2	25,08	35,88	–13,12
7	Самарская область			21,89	20,65	58,39	–1,24
8	Республика Мордовия			53,63	37,31	29,31	–16,32
9	Республика Адыгея			52,72	50,31	64,24	–2,41

Окончание таблицы

10	Республика Татарстан			37,03	23,21	59	–13,82
11	Чеченская Республика			57,61	60,33	96,03	+2,72
12	Республика Дагестан			61,49	54,01	64,3	–7,48
13	Кабардино-Балкарская Республика			42,43	48,03	72,61	+5,6
14	Республика Северная Осетия – Алания			32,43	37,14	85	+4,71

[*] Без учета вновь введенных в ООО «Агроресурсы» и Чувашском ГАУ.

Аграрный сектор является системообразующим в развитии продовольственной безопасности страны. Для обеспечения высоких показателей в сельском хозяйстве важными являются вопросы расселения, плотности и численности населения на сельскохозяйственных территориях, в том числе на возделывании особо трудозатратных сельхозкультур, таких как хмель.

Производство хмелепродуктов характеризуется сезонной занятостью рабочих. В настоящее время в регионах с традиционным способом выращивания хмеля это является одной из актуальных проблем. Анализ показывает, что наибольший отток сельского населения приходится на Республику Алтай – 30,12 % (см. табл.) [9; 4]. Отток населения из сельской местности из регионов, где хмель сохранили и продолжают выращивать, пусть даже в небольших объемах, составляет в республиках Чувашия и Марий Эл 17,94 % и 15,22 % соответственно.

Как видно из таблицы, приток сельских жителей наблюдается только в Тульской области, Чеченской Республике, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. В Московской и Ленинградской областях фиксируется минимальный отток сельского населения (соответственно 4,04 % и 3,71 %). Тут можно назвать некоторые факторы депопуляции сельских территорий, влияющие на резкое снижение сельского населения: общее снижение рождаемости в стране, высокая смертность, низкая продолжительность жизни сельских жителей, значительная миграция сельских жителей в более благоприятные места проживания, низкий уровень доходов, безработица, отсутствие инженерной и социальной инфраструктуры и т. д. [13].

В целом сельское население России за 2000–2020 гг. уменьшилось на 6,5 %. Наибольший спад заметен в Центральном, Приволжском регионах, т. е. на территориях традиционного выращивания хмеля. Некоторый прирост населения отмечается в Южном и Северо-Кавказском регионах [2].

Тенденция последних лет показывает, что для удовлетворения потребностей отечественных пивоваров российским хмелем будут закладываться новые хмельники не только там, где он традиционно возделывался, но и в других регионах, в том числе там, где он когда-то выращивался (Белгородская,

Брянская, Рязанская, Самарская, Кировская, Пензенская области, республики Башкортостан, Северная Осетия – Алания и др.) [2]. Следовательно, для производства хмеля потребуется значительное количество сезонных рабочих, которых может не оказаться в том или ином регионе в нужный период.

При разработке инвестиционных проектов по хмелеводству значимым фактором может оказаться учет плотности населения, количество свободных трудовых ресурсов и сельских жителей, их возраст в конкретном районе (регионе) для размещения новых хмеленасаждений. При обосновании бизнес-проектов по хмелеводству на территории конкретного муниципального округа вопросам обеспечения необходимыми трудовыми ресурсами стоить уделить особое внимание.

Список источников и литературы

1. *Александров Н.А., Рупошев А.Р.* Агробиологические основы возделывания и производства хмеля и хмелепродуктов в Российской Федерации: монография. М.: Новое время, 2018. 646 с.: ил.

2. *Безвербный В.А., Максимов А.Н.* Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 150–161. URL: https://www.journal-scs.ru/index.php/scs/article/view/451/429 (дата обращения: 28.08.2024).

3. В России подготовлена программа развития хмелеводства до 2030 года. URL: https: //www.interfax.ru/russia/916844 (дата обращения: 28.08.2024).

4. Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения: 28.08.2024).

5. В Чувашии расширили перечень получателей субсидий на развитие хмелеводства // Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики. URL: https://agro.cap.ru/news/2024/08/20/v-chuvashii-rasshirili-pe (дата обращения: 28.08.2024).

6. Для хмелеводов Чувашии увеличили ставки госсубсидий // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: https://mcx.gov.ru/press-service/regions/dlya-khmelevodov-chuvashii-uvelichili-stavki-gossubsidiy (дата обращения: 28.08.2024).

7. *Максимова Е.* С хмелем – сумеем? Для импортонезависимости российского пивоварения в стране нужно активнее развивать хмелеводство. URL: https://www. agro-investor.ru/investments/article/41678-s-khmelem-sumeem-dlya-importonezavisimosti-rossiyskogo-pivovareniya-v-strane-nuzhno-aktivnee-razviva (дата обращения: 28.08.2024).

8. Минсельхоз отказал пивоварам в финансировании хмелеводства. URL: https://rb.ru/news/minselhoz-pivo (дата обращения: 28.08.2024).

9. Население субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 28.08.2024). (Иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ).

10. Послание Главы Чувашской Республики Николаева Олега Алексеевича Государственному Совету Чувашской Республики на 2024 год // Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL: https: //glava.cap.ru/news/2024/ 02/01/poslanie-glavi-chuvashskoj-respubliki-nikolaeva-ol (дата обращения: 28.08.2024).

11. *Пушкаренко Н.Н.* [и др.] Инженерно-технологические резервы интенсификации возделывания хмеля в Чувашской Республике: монография / Н.Н. Пушкаренко, П.А. Смирнов, А.В. Коротков, Л.М. Корнилова, А.О. Васильев, Р.В. Андреев. Чебоксары: ФГБОУ ВО ЧГСХА, 2018. 356 с.

12. РСХБ проанализировал рынок хмелеводства и потребления пива // Администрация Каргапольского муниципального округа Курганской области. URL: https://kargapolskij-mo.gosuslugi.ru/inaya-informatsiya/novosti_3822.html (дата обращения: 28.08.2024).

13. *Луговской С.* Взгляд ученого: как остановить отток сельского населения // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://www.hse.ru/news/science/559786997.html (дата обращения: 28.08.2024).

N.N. Pushkarenko,
A.V. Korotkov,
L.M. Ivanova

DEVELOPMENT OF HOP GROWING: CHALLENGES AND DIFFICULTIES

Abstract. The article analyzes the state and prospects of hop growing development in the Russian Federation and industry development possibilities in the Chuvash Republic where hop growing is a traditional and national agricultural crop. The main factors influencing the intensification of its production have been considered. Recommendations have been given due to the changes in the structure of rural population and labor resources.

Keywords: hop growing, seasonal workers, hops, rural population.

УДК 316.728

О.Н. Федорова

СОВРЕМЕННОЕ ЧУВАШСКОЕ СЕЛО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные и экономические аспекты развития российского села. Выделены исторические, социокультурные причины сокращения численности сельского населения, выявлены и классифицированы социокультурные проблемы развития села, сформированы векторы развития сельских территорий с целью повышения их привлекательности и привлечения молодых специалистов.

Ключевые слова: село, Чувашская Республика, социокультурный аспект, экономический аспект, аграрный сектор.

Целью статьи является анализ российского села как социокультурного феномена и проблем его развития на примере Чувашской Республики, предложена рекомендация вектора развития сельской местности для повышения эффективности аграрного сектора экономики.

В статье использованы результаты опроса и интервьюирования студентов 2-го и 3-го курсов (50 чел.) факультетов Чувашского государственного аграрного университета по поводу привлекательности работы в сельской местности и отсутствия интереса к сельской занятости.

В течение долгого времени Россия представляла собой смесь традиционной цивилизации, тяготеющей к воспроизводству и поддержанию устоявшихся связей и нравов. Это нашло отражение в социальной структуре советского общества. Все модернизационные процессы, происходившие в СССР, не были направлены на разрушение этой структуры, а влияли на ее трансформацию.

Для современной России характерны интенсивное воспроизводство и его более глубокое наполнение, активное развитие инновационной и информационной составляющей, высокая эффективность и функционирование, что повлияло на все сферы жизни российского общества.

В XX в. наша страна прошла извилистый путь от традиционного общества к современной модели развития, начавшийся с трансформации и постепенного распада прежнего, сложившегося за века крестьянского уклада, как наиболее распространенного и типичного для России. Можно выделить два этапа процесса распада – реформы П.А. Столыпина в начале XX в. и Г. Маленкова и А. Косыгина в середине 1950-х – начале 1970-х гг.

Первый комплекс реформ заложил основу кризиса традиционной деревни и крестьянского образа жизни. Реформы советского периода второй половины XX в. способствовали распространению городских стандартов, образа жизни и системы ценностей в сельской жизни, поэтому к концу XX в. крестьянское сознание медленно менялось на ментальном уровне. Культурная революция 1920–1930 гг. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. особенно затронули крестьян. Интеллигенция городского типа – учителя, врачи, агрономы, зоотехники – начала появляться в деревнях в начале 1920–1930-х гг., до 1917 г. это была исключительно городская интеллигенция, которая временно приезжала в деревни. Реформы 1950–1970-х гг. привели к резкому росту процесса урбанизации в СССР. За этот период произошел переход крестьянства и крестьян в категорию «сельскохозяйственные рабочие». Процесс урбанизации интенсивно проникал в сельскую жизнь. Появились поселки городского типа с двух-четырехэтажными домами и квартирами, которые предполагали городской стиль вместо крестьянских хозяйств с прилегающей землей. Распространение бытовой техники – телевизоров, холодильников, стиральных машин, микроволновых печей и т. д. – способствовало формированию в сознании крестьян восприятия городской жизни (красивой и не требующей тяжелого физического труда). Рутина, которая остается сельской, соединилась с городскими элементами в жизни, что в свою очередь вызвало цивилизационный конфликт между устоявшимися социальными отношениями и новыми культурными тенденциями. Конфликт ценностей стал неизбежным и привел к быстрому сокращению сельского населения, оттоку населения в города и развитию урбанизации во всей стране.

В 1990-е гг. переход к рыночным отношениям рассматривался как механический процесс, как экономический механизм и техническое устройство, в то время как в западных цивилизациях он рассматривался как «образ жизни, определенный склад ума, менталитет, массовое понимание этого процесса как чего-то естественного и комфортного. Рыночные отношения – это историческая категория…» [4]. В ходе реформ в деревне был введен новый тип индивидуальных крестьянских хозяйств – фермерские хозяйства. Происходило интенсивное разрушение традиционных для советского периода крупных крестьянских хозяйств (совхозов и колхозов), а альтернативой им фактически стали акционерные общества. Сегодня крестьянские фермерские хозяйства (КФХ) и личные подсобные хозяйства (ЛПХ) все больше берут на себя функции фермерских хозяйств. Сельскохозяйственные предприятия в ходе реформ трансформировались, их социальное предназначение полностью изменилось. Они стали экономической структурой, где реализация экономической функции является требованием выживания. В условиях социально-экономической трансформации произошло смешение товарного произ-

водства, урбанизма и натурального потребления в традиционном хозяйстве аграрного сектора [2].

Численность сельского населения ежегодно сокращается за счет естественной убыли, снижения рождаемости и миграции в города. Схожие тенденции наблюдаются в Чувашской Республике.

Одной из социокультурных особенностей демографической ситуации в России и Чувашской Республике является сохранение прочной взаимосвязи городского населения и села. «…Россия – городская страна, $^{3}/_{4}$ ее населения проживает в городах, но фактически значительная часть, если не большинство, населения имеет аграрный склад ума» [3]. Большинство исследователей подчеркивают тесную связь города и села по происхождению и родственным связям.

В общей численности сельского населения сокращается доля населения трудоспособного возраста и увеличивается доля населения моложе и старше трудоспособного возраста. Мы полагаем, что этот факт связан со снижением привлекательности села для населения. Ситуация последних лет свидетельствует о том, что в результате сокращения численности сельских предприятий (в том числе и из-за их краха в период реформ) увеличился отток населения из-за отсутствия работы и заработка. Молодежь уезжает в города получать образование и не стремится возвращаться. Крупные сельскохозяйственные предприятия прекратили свою деятельность, перестали быть основой села. В 1990-е гг. была разрушена производственная и социальная инфраструктура, мелкие сельскохозяйственные предприятия не могут быть основой, какой в прежние времена являлись колхозы и совхозы. Восстановление инфраструктуры требует значительных средств, у малых предприятий таких средств нет. Отсутствие достаточно хороших условий для жизни на селе приводит к постепенному упадку и деградации.

Еще одним аспектом, объясняющим нежелание молодежи возвращаться на малую родину после получения образования, является экономическое положение жителей села. Отвечая на вопрос о желаемой заработной плате, более 80 % назвали сумму в 50 тыс. руб. и не меньше. Между тем средняя заработная плата в сельскохозяйственном секторе составляет около 30 тыс. руб.

Таким образом, можно утверждать, что среди молодежи имеет место чувство недовольства социальной несправедливостью и экономическим положением. Все респонденты в качестве причин недовольства подчеркивают низкую заработную плату, отсутствие жилья и работы. В целом ответы респондентов совпадают с данными различных исследований. Так, например, в качестве основных факторов были названы низкий уровень социальной структурированности села, плохая транспортная доступность к городам, низкая со-

циальная поддержка (недостаточные инвестиции в сельское хозяйство), недостаточно развитая развлекательная инфраструктура. Другими факторами депопуляции села являются тяжелый физический труд, сезонность работы и узкий спектр работ.

Сельская местность испытывает острый недостаток квалифицированных кадров. В ассортименте вакансий есть должности технического руководителя, зоотехника, агронома, однако все они требуют определенного опыта работы в данной сфере, поэтому выпускники вузов не соответствуют требованиям, следовательно, они неконкурентоспособны. Вакансии, на которые могут претендовать выпускники, – зоотехник, ветеринар, агроном (опыт работы не требуется) – имеют разброс заработной платы, не совпадающий с ожиданиями выпускников.

Еще одна причина – отсутствие предоставляемого жилья. Для выпускников, которые могут претендовать только на зарплату на уровне нижней границы шкалы заработной платы в регионе, аренда, даже с последующим правом выкупа, непривлекательна, так как влечет за собой реальную потерю дохода.

Однако государство, в том числе и власти Чувашской Республики, сегодня заботятся о поддержке молодых специалистов на селе, и, несмотря на негативное влияние реформ на сельскую местность, перспективы для успешного развития, по нашему мнению, имеются. Более того, потребность в импортозамещении в краткосрочной перспективе может этому способствовать. Большие надежды возлагаются на сельскую местность и производителей сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, для развития сельской местности, по нашему мнению, необходимы следующие условия.

Во-первых, развитие возможно только при наличии крупных сельскохозяйственных предприятий. Это не значит, что средние и малые предприятия неперспективны. Они создают рабочие места, а достаточная занятость является обязательным условием для создания благоприятной среды на селе. Нужны малые и средние агропредприятия.

Во-вторых, необходима государственная поддержка сельскохозяйственных предприятий (в том числе для реконструкции и развития производственной и социальной инфраструктуры, инфраструктуры агропродовольственных рынков); доступные кредиты; развитая и доступная система страхования сельскохозяйственной деятельности; внутренняя дорожная инфраструктура для сообщения с районными и республиканским центрами.

В-третьих, для повышения привлекательности сельской местности важно развивать альтернативные виды деятельности (например, агротуризм или ремесла), которые обеспечивали бы приток финансовых ресурсов в сель-

скую местность и создавали условия для реконструкции и развития производственной и социальной инфраструктуры [1].

Таким образом, достойные социально-экономические условия обеспечат развитие российской деревни. Это повысит ее привлекательность и будет способствовать притоку населения в аграрный сектор экономики.

Список источников и литературы

1. *Михайлова Р.В., Семенов В.Г., Тихонов А.С.* [и др.]. Агротуризм как форма культурно цивилизованного и цивилизационного отношения человека к природе // Аграрная наука. 2022. № 11. С. 200–206.

2. *Михайлова Р.В., Семенов В.Г., Тихонов А.С.* [и др.]. Особенности локального в контексте агрономических знаний // Перспективы развития аграрных наук: материалы Междунар. научно-практич. конф.: тезисы докладов (Чебоксары, 10 апреля 2020 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. сельскохоз. акад., 2020. С. 51–52.

3. *Chuchkalov A.S., Grelya N.K. & Koldobskaya N.A.* Seasonality of the Rural Livelihood in the Chuvash Republic. Reg. Res. Russ. 13. Pp. 545–556 (2023).

4. *Jenkins T.N.* (2000). Putting postmodernity into practice: endogenous development and the role of traditional cultures in the rural development of marginal regions. Ecological economics. 34(3). Pp. 301–313.

O.N. Fedorova

MODERN CHUVASH VILLAGE: SOCIO-CULTURAL AND ECONOMIC ASPECTS

Abstract. The article deals with socio-cultural and economic aspects of the Russian village development. Historical and socio-cultural reasons of rural population reduction have been singled out, socio-cultural problems of rural development have been revealed and classified, the vectors of rural territories' development have been formed in order to attract young specialists.

Keywords: village, the Chuvash Republic, socio-cultural aspect, economic aspect, agrarian sector.

УДК 316.334.55

В.Г. Харитонова

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО СЕЛА НАЧАЛА XXI ВЕКА: ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье по результатам социологического мониторингового опроса населения Чувашской Республики рассматривается общественное мнение сельских жителей о реализации приоритетных направлений государственной аграрной политики. Выявлены наиболее актуальные для жителей аспекты социальных сфер и общественных явлений региона. Отмечено, что несмотря на отдельные проблемы, в республике наблюдается положительная динамика удовлетворенности населения положением дел в регионе проживания.

Ключевые слова: Чувашская Республика, социологическое исследование, сельское общество, динамика социальных процессов, мнение населения.

Аграрная сфера, процессы развития сельского общества Чувашской Республики в начале XXI в. оказывают значимое влияние на основные тенденции экономического, социального и культурного развития региона. Современное состояние и параметры социального развития, динамика социальных отношений и социальных процессов чувашского села, проявление региональной специфики, необходимость учета этой специфики приобретают актуальное значение. Социальная сфера охватывает все, что связано с обеспечением жизнедеятельности населения, их социализацией и самореализацией. При этом необходимо создать ту инфраструктуру, те социальные институты и организации, которые наиболее полно могли бы способствовать реализации потенциала сельского сообщества. В комплексе развития социальной сферы выделяется ряд направлений: социально трудовые, социальной инфраструктуры, социокультурные и т. д.

Исследователями данная тема изучается постоянно и активно, при этом затрагиваются разные аспекты жизнедеятельности российской деревни: экономические, философские, исторические, социологические, культурологические. Региональные исследования в большей степени посвящены освещению реализации аграрных реформ на рубеже XX–XXI вв. [4–6]. Ряд аспектов духовной жизни крестьянства раскрывается в работах Р.В. Михайловой [9]. Тенденции социокультурного развития Чувашской Республики, в том числе происходивших на селе, прослежены в рамках реализации проекта «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика». Авторским коллективом проведено мониторинговое комплексное исследование развития республики, учитывающее ситуацию в экономике и социальной

сфере с середины 1990-х гг. до начала второго десятилетия XXI столетия [17]. Часть сюжетов социокультурного развития чувашского села нашла отражение в работах В.Г. Харитоновой [19; 20].

Эмпирическую основу исследования составили материалы социологического изучения населения республики в 2023 г. (N=600). При проведении обследования применена методика портрета региона и общероссийского мониторинга по проекту «Социокультурный портрет регионов России», разработанная Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН (авторы: доктор философских наук, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, доктор социологических наук Л.А. Беляева). Ранее по полной программе были проведены опросы населения Чувашии в 2002, 2006 и 2012 гг. В обследовании 2023 г. для опроса использована часть блока, отражающая социальные факторы и социальные отношения населения, однако мы можем проследить динамику по отдельным аспектам исследования, сравнивая данные 2002, 2006 и 2012 гг. Для опроса использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Были также изучены официальные документы, статистические источники, материалы СМИ.

Основное внимание в статье уделено анализу показателей социального развития и параметров состояния динамики социальных отношений сельского населения. При этом упор делается на анализ субъективного мнения населения и его отношения к происходящим процессам: к своему региону, уровню жизни в республике, перспективам жизни в ближайшие годы. Предметом изучения также стали жизненные установки, взаимоотношения с институтами общества, факторы социальной идентичности и социальное самочувствие сельчан.

Агропромышленный комплекс является одним из важнейших секторов экономики республики. Доля сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта по данным 2022 г. составила 8,0 %. Сельскохозяйственная отрасль республики представлена предприятиями разной формы субъектов производства. В ходе сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. в республике зафиксировано 343 сельскохозяйственные организации, 1056 крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, 233,9 тыс. личных подсобных хозяйств и других индивидуальных хозяйств граждан сельских населенных пунктов. В Чувашии за последние пять лет (с 2016 г.) количество сельхозорганизаций и фермеров сократилось, а площадь сельхозугодий на одно хозяйство возросла [13].

Основная специализация сельского хозяйства – производство зерна, молока, яиц, картофелеводство, овощеводство, мясомолочное скотоводство, свиноводство и птицеводство. Чувашская Республика занимает лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе по объему производства

молока, картофеля и овощей. В 2022 г. в целом по производству продукции сельского хозяйства республика находилась в ПФО на 4-м месте, в Российской Федерации – на 24-м месте [7]. Высока доля АПК в экономике муниципальных районов: в 9 из них более 70 % и в 6 районах – более 50 %. Ведущие позиции в производстве сельскохозяйственной продукции в 2022 г. занимали сельскохозяйственные организации (46 %) и хозяйства населения (39,4 %). Крестьянские (фермерские) хозяйства производили 14,6 % продукции [12; 15, с. 13]. Большинство сельских жителей продолжают вести личное подсобное хозяйство (ЛПХ) для покрытия своих расходов, для поддержки детей. Для республики характерно, что и часть горожан занимаются производством сельскохозяйственной продукции.

В аграрной сфере на современном этапе среднегодовая численность работников составляет 9 % от общей численности занятых [21, с. 39]. В то же время в Чувашии доля населения, проживающего в сельской местности, несмотря на ежегодное уменьшение, остается высокой: 35,7 % в 2022 г. (в Российской Федерации – 25,1 %, в ПФО – 27,7 %) [2, с. 19; 14, с. 48]. Давая краткую характеристику демографическим процессам сельского населения Чувашии в начале XXI в. следует отметить следующее: изменение и усложнение социального состава титульного этноса, увеличение численности чувашей в городах, интенсивная миграция сельских жителей в города. Последнее также сильно повлияло на снижение абсолютной и относительной численности русского сельского населения. Значительный удельный вес на селе занимают чуваши, по данным переписи 2020 г. – 50,4 %. Их доля в общей численности сельского населения, указавшего свою национальную принадлежность, составила 80,5 % (в 2010 г. – 84,2%; в 2002 г. – 85,5 %) [10; 11]. Сохраняется значительно высокая на всероссийском фоне плотность населения. Миграция сельского населения носит интенсивный характер. По статистическим данным в 2018–1919 и 2021 гг. среди городского населения республики наблюдался миграционный прирост населения, среди сельского населения – миграционная

Таблица 1

Общие коэффициенты миграционного прироста (убыли)

(на 10 000 чел. населения)	**Все население**	**В том числе**	
		городское	**сельское**
2018	–43,40	11,7	–136,1
2019	–16,4	17,1	–73,9
2020	–19,8	–10,8	–35,5
2021	–0,6	49,3	–89,1
2022	–42,6	–30,5	–64,3

убыль. Однако динамика миграционного потока очень изменчива и меняется ежегодно. Так, уже в 2022 г. в регионе зафиксирована миграционная убыль как городского, так и сельского населения, однако интенсивность миграции сельского населения по сравнению с городским остается значимо высокой (см. табл. 1) [8, с. 7]. На протяжении многих лет происходит естественная убыль сельского населения, в 2020–2022 гг. зафиксирован значительный рост показателей по сравнению с предыдущими годами [2, с. 27].

Современные пропорции основных направлений миграционных процессов, когда доля основного сельско-городского потока меньше, чем переселения между городскими населенными пунктами, означает, что миграционный потенциал сельской местности практически иссяк из-за постепенного, но постоянного сокращения числа родившихся, демографического старения сельского населения и, как следствие, сокращение миграционного потенциала в сельской местности. В данной ситуации стратегической задачей при разработке и реализации государственной аграрной политики становится опора на сельскую молодежь.

К основным факторам, оказывающим наибольшее влияние на развитие сельских территорий, относятся и социальные аспекты. Развитие социальной сферы современного села и в целом сельских территорий происходит неравномерно. Что касается количественных показателей, то в последние годы происходило сокращение числа учреждений социальной инфраструктуры, в том числе в регионе. Несмотря на динамичный рост агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстают от уровня жизни в городах, сужается доступ населения к услугам организаций социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью. На улучшение этой ситуации направлена государственная программа развития села. В «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что всесторонняя диверсификация сельской экономики, направленная на создание эффективной занятости сельского населения, развитие частно-государственного партнерства, совершенствование инфраструктуры, является одним из способов преодоления негативных тенденций в развитии сельских территорий, повышения конкурентоспособности российской экономики и благосостояния граждан [16]. Государственная программа Чувашской Республики «Комплексное развитие сельских территорий Чувашской Республики» осуществляется по следующим направлениям: создание условий для обеспечения сельского населения доступным и комфортным жильем; развитие рынка труда и кадрового потенциала сельских территорий; развитие инфраструктуры в сельской местности. Один из целевых индикаторов – сохранение доли сельского населения (до 36,2 % к 2031 г.)

путем предотвращения массового оттока за счет создания благоприятных условий жизнедеятельности и формирования позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни [1]. В рамках реализации программы в республике ведется работа по улучшению жилищных условий, в том числе за счет льготной сельской ипотеки; строительство и капремонт объектов социокультурной сферы (школ, детских садов, учреждений культуры и спорта, здравоохранения), объектов водоснабжения, газификации, строительство и ремонт дорог, благоустройство сельских территорий. Ведущее место занимает направление инициативного бюджетирования. Финансирование и количество реализованных проектов растет из года в год: если в 2017 г. выполнено 103 проекта, то в 2023 г. – 1063 [1; 12]. Чувашия вошла в число регионов, активно включившихся в реализацию проектов развития сельских территорий. Глава Чувашской Республики О.А. Николаев отмечал: «Мы заинтересованы в реализации новых проектов, которые позволят успешно решать задачи развития территорий и агропромышленного комплекса. Готовы стать “пилотами” по многим направлениям федеральной повестки. Тут важно синхронизировать реализацию проектов по разным направлениям и думать не только о том, как построить объекты, но и о том, чтобы они полноценно функционировали, активно вовлекать в эту работу граждан» [3].

Однако остаются и проблемные направления. Основными из них в сфере реализации государственной программы являются недостаточные темпы социального развития сельских территорий, как следствие – ухудшение социально-демографической ситуации, дефицит квалифицированных кадров и их отток из-за низкого уровня доходов в сельскохозяйственном производстве, слабое развитие альтернативных видов деятельности на селе. Социально-экономическую политику, направленную на развитие сельских территорий, необходимо рассматривать как сферу взаимной ответственности государства, органов местного самоуправления, науки, бизнеса и гражданского общества за обеспечение достойного уровня жизни сельских жителей. О необходимости обратить самое пристальное внимание на взаимодействие с институтами общества говорят результаты социологического опроса населения. Специалисты Центра управления регионом Чувашии в мае 2022 г. провели социологическое исследование и выяснили отношение жителей республики к данной программе. 30 % респондентов знакомы с программой комплексного развития сельских территорий, 54 % – не слышали о ней. Треть опрошенных считают, что результаты реализации программы по развитию села в регионе уже есть. Недовольны положением дел в селах 81 % опрошенных. Оценивают социально-экономическую ситуацию на селе как кризисную 59 % участников опроса, треть – как удовлетворительную, 3 % – как стабильную. Чуть больше половины респондентов заинтересовались программой «Комплексное развитие сельских

территорий Чувашской Республики». Большинство респондентов (68 %) отмечают, что в СМИ, интернете размещено недостаточно информации о мерах по поддержке развития сельских территорий. Примерно такое же количество респондентов (69 %) хотели бы получать дополнительную информацию [18].

Качество региональной социокультурной общности, сбалансированности социокультурных функций определяется совокупностью факторов: отношение населения к региону проживания, функционирование системы социальных связей, т. е. уровень взаимодействия государства, органов местного самоуправления, институтов сельского сообщества и гражданского общества, доверие к важнейшим государственным институтам власти и общества, социальное самочувствие жителей. В целом речь может идти о двух взаимосвязанных процессах: эффективность социальных функций региона и готовность личности, в нашем случае сельского сообщества, быть вовлеченным в социокультурное и социально-экономическое развитие региона.

Абсолютное большинство граждан республики заинтересовано в благоприятных условиях проживания на территории Чувашии. Доля тех, кто позитивно оценивает свою жизнь в Чувашии, по данным опроса 2023 г. составила 83,5 %. Практически половина опрошенных (53 %) выбрали вариант ответа «Я рад, что живу здесь». Сравнение с предыдущими обследованиями показывает, что первые два варианта ответов, интегрирующие респондентов с высоким чувством удовлетворенности, возросли на 13 процентных пункта по сравнению с 2020 г. Традиционно сельские жители высказывают более положительное отношение к Чувашии (87,6 %). Одновременно результаты опроса 2023 г. указывают на снижение доли тех, кто не совсем доволен ситуацией в республике и на значимое снижение доли тех, кто хотел бы уехать в другой регион России или же из России, как среди горожан, так и среди сельчан. В данных случаях, на наш взгляд, существенное влияние оказала ситуация с введением и проведением специальной военной операции в России.

В сельском сообществе наблюдается наличие разнонаправленных тенденций, наиболее тревожные, дестабилизирующие из них связаны с основополагающими сторонами жизни: работой, социальным самочувствием и взглядом на будущее. В ходе опроса населения республики им предлагалось оценить состояние различных сфер жизнедеятельности (см. табл. 2).

Три четверти опрошенных жителей сельских населенных пунктов считают в целом хорошими и скорее хорошими работу общественного транспорта, благоустройство территорий, доступность образовательных услуг, возможности проведения досуга, работу органов внутренних дел по соблюдению правопорядка, оказание госуслуг в электронном виде. Более половины респондентов довольны доступностью медицинских услуг, сферами экологии и ЖКХ. Наиболее остро перед сельскими труже-

никами стоят вопросы трудоустройства: 62 % опрошенных считают ситуацию неудовлетворительной, 38 % – в целом удовлетворительной. Среди городского населения вопросы трудоустройства также вызывают озабоченность, но в меньшей мере: 52 % из них оценивают их как хорошие, а 48 % – как скорее плохие.

Таблица 2

Сельские жители Чувашии о развитии социокультурной сферы (в % от числа опрошенных, 2023 г.)

Сферы	Скорее хорошо	Скорее плохо
Работа общественного транспорта	74,4	25,5
Доступность медицинских услуг	58,9	41,1
Благоустройство территории (ремонт, уборка улиц, озеленение)	78,9	21,1
Доступность образования	87,8	12,2
Возможности для проведения досуга	72,5	27,5
Экология (чистота воды, воздуха)	67,7	32,2
Работа ЖКХ	61,4	38,6
Работа органов внутренних дел по соблюдению правопорядка	75,8	24,2
Возможности трудоустройства	38,4	61,4
Оказание услуг в электронном виде	88,2	11,9

По мнению сельских жителей, среди социальных условий жизнедеятельности населения, требующих улучшения, первоочередными задачами являются: увеличение заработной платы (70 %), создание новых рабочих мест (60 %), улучшение медицинского обслуживания (56 %) и строительство доступного жилья (48 %). Необходимо заметить, что и для жителей региона эти вопросы наиболее злободневны. Мониторинговое исследование данной ситуации в республике, располагаем данными с 2006 г., показывает, что создание рабочих (новых рабочих) мест как на селе, так и в городах выходит на первые позиции в совокупности мер, направленных на улучшение условий жизни населения по оценкам граждан. Доля сельских жителей, выбирающих этот вариант ответа, варьирует от 68 % в 2006 и 2012 гг. до 60 % в 2016 и 2023 гг. О том, что проблемы, связанные с возможностью трудоустройства, волнуют сельских жителей республики, говорят следующие данные. При ответе на вопрос о защищенности от социальных опасностей, часть из них отметили

незащищенность от бедности (45 %) и от потери работы (38,3 %). Также более трети респондентов затрудняются с определением своего положения, что свидетельствует о влиянии этих факторов на социальную мобильность и трудовую мотивацию сельчан. Защищенными от бедности и потери работы считают себя чуть более 20 % опрошенных. Результаты опроса 2023 г. говорят о частичном улучшении положения, т. е. меры, принимаемые государственными органами власти, оказывают непосредственное влияние на экономику сельских территорий и улучшение условий жизни.

Главные интересы сельского населения строятся вокруг семьи и дома, работы, зарабатывания средств на жизнь. Семейных ценностей придерживаются 69 % респондентов. Среди других ценностей, высказанных ими – воспитание детей, помощь ближним, здоровье, защита отечества, жизнь в гармонии с собой и окружающими. Данный ценностный спектр является базовым в структуре ценностного потенциала населения Чувашии и влияет на поведение и образ жизни. Удовлетворенность своей работой высказали три четверти респондентов, 15 % из них не смогли определить свое отношение и 11 % – не удовлетворены работой. Относительно будущего своих детей намерения сельчан позитивны. Большинство из них видит их будущее в России: на малой родине или в крупных городах и столице. Часть из них, менее 6 %, хотели бы, чтобы их дети уехали жить за рубеж, в другую страну. Отрадно то, что доля желающих оставить детей на малой родине по сравнению с показателями прошлых исследований начала 2000-х гг. выросла значительно. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что мнения самой молодежи не всегда совпадают с мнением родителей. По данным опроса населения республики в 2023 г., молодые люди (18–29 лет) чаще хотели бы уехать в другой регион России (7,2 % опрошенных, средний показатель – 2,6 %), уехать из России вообще – 2,1 % (средний показатель 0,7 %). Среди студенческой молодежи доля выразивших намерение уехать из республики еще выше. При этом надо иметь в виду, что миграционная активность молодежи несколько снизилась в связи ограничениями, введенными из-за пандемии и СВО.

Семейные ценности оказывают непосредственное влияние на круги общения сельского мира. Доверительные отношения как правило ограничиваются семейными (72 %) и дружескими связями (16 %). Уровень взаимопонимания с другими категориями граждан (соседями, на работе, единоверцами, людьми одной национальности) оказался низким, меньше 3,5 %. Доля тех, кто не находит доверия ни в каком кругу, составила 3,5 %, по сравнению с 2012 г. рост в 10 раз. По результатам опроса выяснилось, что доля сель-

ских жителей, считающих, что «даже излишняя осторожность не помешает», оказалась почти в 2 раза выше тех, кто считает, что «большинству людей можно доверять» (13 и 6 % соответственно).

Таким образом, наблюдаем рост отчужденности между людьми в сельском социуме в целом. Проблема состоит в том, что происходит ослабление социальных и человеческих связей, ограничение их семьей и друзьями, изменение самоидентификации граждан и их места в сельском сообществе. Подобные проблемы возникают и на уровне взаимодействия сельских жителей с органами власти разного уровня, общественными организациями, в сфере организации труда, социальной инфраструктуры, культурной жизни и общественной активности.

Трансформация всего сельского общества, аграрной политики, сельского хозяйства привели к тому, что существенно изменилось отношение населения по поводу участия государства в решении вопросов жизнеустройства села. Однозначно патернализм как форма взаимодействия с официальными структурами сохраняется. Более половины опрошенных отмечает, что улучшение их жизни на современном этапе зависит от муниципальных властей (51,8 %), от республиканских органов управления (54,9 %), от общероссийской власти (63,1 %). Меньше возлагают надежды на руководителей по месту работы (46,4 %). Показатель понимания важности усилий самого гражданина (вариант ответа «От Вас самих») остается устойчивой. Если в 2006 г. так считали 86,8 % сельских респондентов, то в 2023 г. – 88,2 %.

Уровень доверия жителей села органам государственной власти и местного самоуправления идет по возрастающей: от органов местного самоуправления до органов власти России. Необходимо отметить, что позиции горожан и сельчан почти совпадают, разница составляет от 1 до 2 процентных пунктов. Анализ показателей за три года обследования (2021–2023) показывает, что данные по годам значительно разнятся в зависимости от социально-экономической и общественно-политической ситуации (см. табл. 3).

В 2023 г. доверие к властям России и Чувашии высказали более половины опрошенных, 45,4 % жителей села высказали поддержку органам местного самоуправления. Доля тех респондентов, кто дал в целом положительную оценку органам власти различного уровня, остается высокой и превышает негативные оценки органов власти.

Изучая мнение населения о защищенности от различных опасностей, выявили, что 37 % респондентов чувствуют незащищенность «от произвола чиновников», столько же из них затруднились с определением своей позиции. Сравнение с данными опросов 2006 и 2016 гг. показывает улучшение мнения населения (на 8 процентных пункта). Однако необходимо уточнить, что основными маркерами тревожности и напряженности в сель-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Доверяете ли Вы органам государственной власти и местного самоуправления?» в 2021–2023 гг. (%)

Варианты ответов	Доверяете ли Вы:								
	Органам власти России			Органам власти Чувашии			Органам местного самоуправления		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Полностью доверяю	17,7	32,4	19,2	15,4	27,2	13,5	14,0	23,6	11,7
Скорее доверяю	30,0	37,0	40,3	37,3	40,0	42,3	29,6	36,5	34,5
Скорее не доверяю	24,5	12,5	14,8	22,7	15,0	19,2	24,1	14,8	20,8
Совсем не доверяю	14,4	8,0	7,6	13,0	6,3	7,3	19,9	11,3	11,8
Затрудняюсь ответить	13,3	10,1	18,0	11,7	11,5	17,7	12,4	13,8	21,2

ском социуме остаются: потеря работы, произвол чиновников, преступность, бедность. Только четверть респондентов чувствуют себя защищенными от данных ситуаций (вариант ответа: «защищен», «пожалуй, защищен»), а тех, кто выбрал вариант ответа «защищен» оказалось еще меньше.

Анализ отношения сельского населения к насущным вопросам их жизнеустройства и жизнедеятельности дает возможность определения социального самочувствия, который является одним из компонентов социокультурного развития сельского сообщества региона. Для этого рассмотрим три составляющих социального самочувствия жителей, определенных в рамках методики по изучению социокультурных портретов регионов. Один из них – мнение населения о защищенности от разных опасностей. В целом, Чувашская Республика характеризуется как достаточно безопасный регион для проживания. Практически по всем измеряемым видам опасности жители чувствуют защищенность, правда, в разной степени. Как уже было отмечено, в перечень видов опасности, наиболее сильно тревожащих сельчан, входят: бедность, потеря работы, произвол чиновников и преступность.

Часть вопросов анкеты направлена на изучение уровня жизни сельских жителей в сравнении с прошлым, настоящим и будущим. Характеризуя материальное положение семьи респонденты (46 %) отметили, что денежные доходы в основном уходят на повседневные затраты. При этом доля тех, кому денег не хватает даже на повседневные затраты среди селян оказалась в 2 раза выше, чем среди горожан. Более половины опрошенных вынуждены для покупки дорогостоящих предметов и недвижимости прибегать к разным

формам кредитования. Менее 1 % практически ни в чем не отказывают себе. Сравнение материального положения семей с предыдущим годом показало, что для половины участников опроса ничего не изменилось. Доля тех, у кого материальное положение ухудшилось (25 %), несколько выше тех, у кого оно улучшилось (19 %). Ответы на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будет жить лучше, чем сегодня или хуже?», т. е. о перспективах материального положения в будущем, оказались нерадужными. Треть жителей не ожидают изменений, предполагают улучшение положения 17 % и столько же – ухудшение. Треть населения (34,5 %) не уверены в своем будущем, не делают никаких прогнозов. Таким образом, наблюдаем достаточно острую ситуацию, когда большинство сельского населения не видят перспективы улучшения своего материального положения.

Данные опроса населения сел и деревень дали возможность выявить уровень удовлетворенности своей жизнью в целом и дальнейших перспектив (см. табл. 4).

Таблица 4

Сельские жители Чувашии об удовлетворенности своей жизнью в целом (в % от числа опрошенных)

Уровень удовлетворенности	2006 г.	2012 г.	2016 г.	2023 г.
Полностью удовлетворен	12,1	12,7	10,5	15,5
Скорее удовлетворен	45,0	43,0	37,1	46,9
Затрудняюсь сказать точно	22,0	5,8	18,9	18,6
Не очень удовлетворен	18,9	34,8	29,9	18,1
Совсем не удовлетворен	1,8	3,2	3,6	0,9
Отказ от ответа	0,2	0,5	0,5	–

На момент опроса большинство сельских жителей (62 %) были удовлетворены своей жизнью в целом. 18 % участников опроса затруднились с определением своего положения и 19 % выбрали варианты «не очень удовлетворен» и «совсем не удовлетворен». Сравнение данных 2023 г. с более ранними обследованиями (2006, 2012 и 2016 гг.) свидетельствует о положительной динамике показателей и росте доли населения, в той или иной мере довольных своей жизнью. Однозначно можем утверждать, что лица, подтвердившие уверенность в своем будущем, по данным 2023 г. составили более 60 % опрошенных.

Таким образом, основной вывод данного исследования: параметры социального самочувствия сельского населения республики имеют тенденцию к росту, требующуюся для устойчивого развития сообщества. Но часть данных отражает противоречивость процессов социального развития, на некоторые из них, влияющие на уровень социального самочувствия населения, необходимо обратить более пристальное внимание, так как они оказывают непосредственное влияние на социальную активность и трудовую мобильность. Для большинства населения (от 30 до 50 % по разным аспектам ситуации) ближайшее будущее ничего не изменит, или же этот вопрос остается для них закрытым. Основной актуальной проблемой для сельского населения остается уровень материального положения семьи, достаточно низкая оценка уровня жизни сказывается на их социальном оптимизме. Хотелось бы обратить внимание на причины слабой выраженности поселенческих особенностей. При определении основных параметров социального самочувствия населения республики получены практически идентичные данные у горожан и жителей села, что свидетельствует о наличии общих проблем у всего регионального сообщества. С другой стороны, сельское население на многие проблемы смотрит более оптимистично, в том числе касательно уровня развития сельской инфраструктуры. В данном случае значимое влияние имеет специфика традиционного образа жизни, отношение к природе, хозяйственному укладу, традициям, жизненным ценностям.

Сельское население в целом положительно оценивает и принимает социокультурные компоненты (экология, здравоохранение, образование, межнациональные и межконфессиональные отношения, личностная свобода, порядок) социального развития на селе. Более проблемными остаются вопросы, касающиеся уровня жизни, социальных связей, уровня взаимодействия в общественной сфере и общества в целом, субъективное восприятие жизнедеятельности. При всей противоречивости процессов развития сельского социума, в целом села, аграрного сектора экономики в чувашском селе складываются позитивные предпосылки. Это концентрация ресурсов сельской семьи, межличностных связей, сохранение и развитие традиционных культурных ценностей, приобретение современных качеств жизни, выработка моделей адаптационного поведения к современным реалиям.

Список источников и литературы

1. Государственная программа Чувашской Республики «Комплексное развитие сельских территорий Чувашской Республики» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/561678399 (дата обращения: 12.08.2024).

2. Демографический ежегодник Чувашской Республики. Чебоксары: Чувашстат, 2023. 186 с.

3. *Иванов В.* Государственная программа помогает выровнять уровень жизни городского и сельского населения // Советская Чувашия. 2022. 27 января. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=245805 (дата обращения: 12.08.2024).

4. *Ильин И.Е.* Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 343 с.

5. *Ильин И.Е.* Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (социологический анализ). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 228 с.

6. *Ильин И.Е.* Современное российское село: реформы и повседневность: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 269 с.

7. Инвестиционный портал. URL: https:// investchr.ru/chuvashia/development. (дата обращения: 08.08.2024).

8. Миграция населения Чувашской Республики. Чебоксары: Чувашстат, 2023. 134 с.

9. *Михайлова Р.В.* Духовность крестьянства в России XX века: Социально-философский анализ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 219 с.

10. Национальный состав и владение языками // Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/56580 (дата обращения: 11.01. 2023).

11. Национальный состав и владения языками, гражданство. Брошюра по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Чебоксары, 2013. URL: http://chuvash. gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_ census_ 2010/score_2010/ (дата обращения: 12.05.2016).

12. Об итогах работы агропромышленного комплекса Чувашской Республики за 2021 год. URL: https://agro.cap.ru/analitika/chuvashiya21veke/ezhemesyachnij-obzor-situacii-v-agropromishlennom/itogi-raboti-apk-za-2021-god (дата обращения: 08.08. 2024).

13. Окончательные итоги сельскохозяйственной переписи 2021 года Чувашской Республики. URL: https://21.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Окончательные%20итоги%20Сельскохозяйственной%20переписи%202021%20года%20Чувашской%20. (дата обращения: 08.08.2024).

14. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.

15. Сельское хозяйство в Чувашской Республике. Чебоксары: Чувашстат, 2023. 113 с.

16. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420251273?marker=6580IP. (дата обращения: 12.08.2024).

17. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / под ред. И.И. Бойко, А.П. Долговой. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 280 с.

18. Социология ЦУР: жители Чувашии дали оценку программе развития села. URL: https://putpobedy.ru/v-respublike/10817-sotsiologiya-tsur-zhiteli-chuvashii-dali-otsenku-programme-razvitiya-sela (дата обращения: 12.08.2024).

19. *Харитонова В.Г.* Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурный аспект. Доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2016 год / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 44 с.

20. *Харитонова В.Г.* Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурные факторы развития // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 160–168.
21. Чувашия в цифрах. 2024: крат. стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2024. 210 с.

V.G. Kharitonova

SOCIAL ASPECTS OF THE CHUVASH VILLAGE DEVELOPMENT IN THE EARLY 21th CENTURY: POPULATION ASSESSMENT

Abstract. The article deals with the results of population sociological monitoring survey of the Chuvash Republic and examines the public opinion of the rural residents on the priority directions' realization of the state agrarian policy. The aspects of social spheres and public phenomena of the region, being the most actual for the inhabitants, have been revealed. In spite of some problems, there is a positive dynamics of population satisfaction with the state of affairs in the region of residence.

Keywords: the Chuvash Republic, sociological research, rural society, dynamics of social processes, population's opinion.

УДК 470

И.З. Шаяхметова

РЕФОРМЫ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УФЫ)

Аннотация. В результате реформ XX–XXI вв. в Российской Федерации образовались агломерации. Уфа – город-миллионник – с постоянно расширяющимися географическими границами за счет поглощения сельских районов Республики Башкортостан. Жители городских агломераций стали «новыми» горожанами с особым укладом жизни.

Ключевые слова: город, городская агломерация, Уфа, горожане, реформы.

Уфа – один из 16 городов-миллионников в России с дореволюционной историей становления и развития. Столица Республики Башкортостан прошла путь от города-крепости до мегаполиса. На современный архитектурный облик Уфы, безусловно, повлияли реформы рубежа XX–XXI вв. Город стал разрастаться вширь: на окраинах мегаполиса стали возникать поселения-спутники Уфы, по комфортности жизни для населения ничем не уступающие условиям жизни в центре города.

К концу 1980-х гг. все отчетливее стала проявляться тенденция расселения горожан: из «каменных» высотных домов они стали устремляться на окраины и в пригороды, туда, где чище воздух, поближе к земле. При этом сохранялись все блага цивилизации: бытовые коммуникации, доступный общественный транспорт, либо люди активнее стали передвигаться на личных автомобилях. Зародилось новое поколение горожан, которые трудоустроены в городе, а жить предпочитают в сельских условиях, но с бытовыми удобствами. Впоследствии эта тенденция привела к образованию городских агломераций вокруг крупных городов и городских поселений. Первоначально отчуждалась земля под индивидуальное жилищное строительство, затем появлялись жилые дома, объекты инфраструктуры – от автомобильных дорог, общественного транспорта (автобусов и пригородных электричек), до магазинов, детских садов, школ и амбулаторий.

Если первыми жителями городских агломераций или пригородов были люди старшего и пожилого возраста, то со временем их сменили люди более молодого возраста, вовремя заметившие преимущества «нового» городского образа жизни: не нужно ежедневно тратить нервы и силы на поиски парковочного места для автомобиля возле дома, платить высокую плату за ком-

мунальные услуги, в том числе в месяцы без отопления или в период отключения горячей воды, отсутствует необходимость еженедельного поиска мест для отдыха всей семьей и т. п.

Уфа окружена сельскими районами: Уфимским, Кушнаренковским, Кармаскалинским, Иглинским. Самыми густонаселенными поселками в пригороде являются: Нагаево (в настоящее время – это Октябрьский район г. Уфы), Зубово, Шамонино, Жилино, Шмидтово, Блохино, Карамалы, Акбердино, Шарипово, Алексеевка, Подымалово, Дмитриевка, Миловка, Булгаково, Шакшинка, Михайловка, Суровка, Жуково, Дорогино и др. Часть из этих пригородных поселков создавалась как место притяжения состоятельных горожан, сознательно возводивших коттеджи, впоследствии ставшие элитными поселениями. Другая часть, как, например, деревни Шамонино, Жуково и Дорогино – первоначально представляла собой социальный проект, целью которого было решение жилищного вопроса для работников бюджетной сферы: учителей, врачей, молодых ученых и исследователей, работников культуры и искусства и пр. Для бюджетников Правительство Республики Башкортостан предоставило три проекта жилых домов малой этажности на выбор: общей жилой площадью от 50,0 до 72,0 и 90,0 кв. м [1]. Каждый из таких жилых домов располагался на 10 сотках земли. Для получения такого жилья необходимо было быть нуждающимся в улучшении жилищных условий, стоять в очереди на жилье в своем районе, в данном случае: в одном из семи районов городского округа города Уфа – Ленинском, Советском, Октябрьском, Демском, Орджоникидзевском, Калининском, Кировском. При соблюдении таких условий необходимо было подать заявление в администрацию своего района. Одним из условий приобретения собственного дома являлся первоначальный взнос: от 300 тыс. до 1 млн руб., в зависимости от общей площади жилья. Остаток стоимости дома можно было оплатить в кредит под 8 % годовых в Сбербанке, сроком на 5 лет. Государство выполняло свои обязательства: выделяло земельные участки под индивидуальное жилищное строительство и подводило все коммуникации к таким поселкам. Земля предоставлялась в аренду сроком на 50 лет.

Таким образом, региональные меры поддержки молодежи привели к частичному решению жилищного вопроса, повлияли на изменение социального облика «новых» горожан, ими стали относительно молодые семьи с детьми, которые стали предъявлять повышенные требования к решению вопросов развития инфраструктуры: строительству вблизи дома детского сада, общеобразовательной школы, дома культуры и отдыха, больничной амбулатории, аптечных пунктов, универсальных и специализированных магазинов и т. п. Для динамичного передвижения как внутри таких поселений, так и между ними, а также для того чтобы оперативно добираться из пригорода в

любую точку мегаполиса, появились новые автобусные маршруты. По сути, они существенно повлияли не только на мобильность жителей пригородов, но и привели к появлению новых логистических цепочек.

В целом, несмотря на сложности переходного периода, связанного с реформами рубежа XX–XXI вв. в Российской Федерации, существенно осложнившими приобретение собственного жилья при относительно невысоких доходах основной массы населения, реализация ряда региональных социальных проектов способствовала решению этого вопроса. Впоследствии жить в пригороде большого российского города стало престижно, существенно возросла стоимость такого жилья. Одновременно появились горожане, которые в течение рабочей недели проживают в городских квартирах в многоквартирных домах, а на выходные устремляются за город. Все рассмотренные тенденции развития городских агломераций Уфы характерны и для других российских мегаполисов. Со временем эти тенденции будут только усиливаться, поскольку, начиная примерно с 1990-х гг., условия жизни в сельской местности по комфортности практически сравнялись с городскими условиями.

Список источников

1. Программа «Развитие малоэтажного жилищного строительства в Республике Башкортостан «Свой дом» на 2007–2010 годы. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 15 августа 2008 г. № 286 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/935115198 (дата обращения: 06.10.2024).

I.Z. Shayakhmetova

THE REFORMS AT THE TURN OF 20th – 21th AS A FACTOR IN THE FORMATION OF URBAN AGGLOMERATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION (THE EXAMPLE OF UFA)

Abstract. Agglomerations were formed in the Russian Federation as a result of the reforms of 20th – 21th centuries. Ufa is a city of one million people with constantly expanding geographical boundaries due to the absorption of rural areas of the Republic of Bashkortostan. Residents of urban agglomerations have become «new» citizens with a special way of life.

Keywords: city, urban agglomeration, Ufa, citizens, reforms.

УДК 316.346.36

Г.С. Широкалова,
Е.И. Пронина

УНИФИКАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВНОЙ ТРЕНД МЕНТАЛИТЕТА СЕЛЯН И ГОРОЖАН (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Аннотация. В статье анализируются ценностные установки и межпоколенные связи студентов среднего профессионального образования (СПО) в зависимости от территории их первичной социализации: село и большой город. Авторы приходят к выводу о тенденции утраты характеристик, дифференцирующих менталитет и образ жизни молодежи в зависимости от территории социализации.

Ключевые слова: унификация, село, город, студенты, среднее профессиональное образование, поколения.

История любой страны подтверждала ту истину, что крестьянство является хранителем традиций народа. Но насколько это утверждение соответствует действительности современной России? Ответ на этот вопрос постараемся дать на основе эмпирических данных, полученных в ходе социологического исследования «Культурное наследие и связь поколений» [9]. Опрос проводился методом онлайн-анкетирования с использованием google-форм. Основная цель исследования – выявление взаимосвязи традиций и новых культурных кодов студентов СПО (1707 чел.) [10]. Для статьи выбраны ответы студентов, чья социализация проходила в сельской местности (365 чел.) и для сравнения – в больших городах и столице (388 чел.).

Исследовательский интерес именно к этим двум совокупностям студентов, условно обозначаемым в тексте «село» и «город», вполне очевиден. В России продолжается процесс урбанизации: в городах проживает почти три четверти населения страны (74,8 %). Социокультурная динамика страны имеет устойчивый вектор развития в сторону городской культуры с ее очевидными преимуществами и недостатками. Одновременно в условиях глобализации растет значимость сельских территорий как гаранта устойчивого развития страны. Сельский и городской образы жизни отличаются ценностями, которые обеспечивают их востребованность в определенных условиях того или иного типа культуры.

В рамках данной статьи анализируется трансляция культурного наследия между поколениями через ответы на два основных вопроса:

1) в какой из подгрупп студенчества (сельской или городской по первичной социализации) в большей степени сохраняются традиционные ценности общества;

2) какова роль семьи как транслятора народной культуры.

Существует пять основных институтов социализации новых поколений, границу влияния между которыми провести невозможно: этнос (в выборке из селян 54 % назвали себя русскими, из горожан – 71 %), семья, образование, религия [православные 56 % (село) и 62 % (город); мусульмане – 24 % и 16 % соответственно], средства массовой информации (СМИ). Признавая их первичность, не отрицаем влияния условий, образа жизни, природных качеств личности и случайных факторов. Общая результирующая проявляется в ответах на вопрос: «Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?» (табл. 1).

Таблица 1

Отношение студентов к необходимости знаний о культуре своего народа, % от ответивших

Формулировка вопроса: «Должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?»	**Территория первичной социализации студентов**	
	село	**город**
Да, если он ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций	47,4	51,6
Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов	46,0	39,9
Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность	6,6	8,5
ИТОГО:	100,0	100,0

Селяне более доброжелательны в отношении культур других народов, но по остальным показателям – разница в рамках статистической погрешности. Доля отметивших утрату актуальности национальных культур около 7–8 %. Нередко при анализе пренебрегают такими малыми группами. На наш взгляд, это опасная позиция. Мир меняют 10 % объединившихся активистов-единомышленников, противостоящих мнению большинства. Глобализация разрушает национальные государства и, формируя «человека мира», в конечном счете разрушает суверенитет страны. Напомним девиз сошедшей с политической арены либеральной партии (1999–2008), бывшие члены которой не ушли из властных структур, определяя и сегодня политику, а следовательно, менталитет россиян: «Хотите жить как в Европе – голосуйте за СПС» [6].

Для многонациональной и многоконфессиональной России оптимален второй вариант ответа: знаем свою культуру, но интересуемся культурой и других народов: 46,0 % в селе и 39,9 % в городе. Такая позиция обеспечивает социальную стабильность общества. Инструментов для увеличения доли сту-

дентов, разделяющих ее теоретически, много. В полной ли степени они используются? На наш взгляд, нет.

Показательно, что мнение о необходимости знания народной культуры не всегда согласуется с уверенностью в нужности/важности ее сохранения. Ответы на вопрос «Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?» уточняют тенденции изменения ориентаций молодежи (табл. 2). Знать традиции взаимоотношений помещиков и крепостных – не означает возвращаться к ним, знать о традициях снохачества – не означает их возрождать. Наше предположение о том, что знать и беречь – это разные стратегии, подтверждается ответами студентов.

Таблица 2

Мнение студентов о важности сохранения народной культуры, % от ответивших

Формулировка вопроса: «Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?»	**Территория первичной социализации студентов**	
	село	**город**
Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам	78,6	68,6
Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления	11,8	17,0
Затрудняюсь ответить	9,0	13,1
Другое	0,6	1,3
ИТОГО:	100,0	100,0

В этом случае позиция селян более консервативна, но и у них доля считающих народную культуру пережитком и затруднившихся с выбором позиции в разы больше доли отрицающих ее актуальность (см. табл. 1). Распределения ответов – результирующая всех названных выше факторов, но с большей степенью достоверности можем говорить, что есть пласты народной культуры, которые формируются, прежде всего, в семье, составляя канву повседневности.

Поэтому мы попросили студентов сравнить сохранение отдельных элементов народной культуры ими лично и их «бабушками/дедушками». У каждого из опрошенных свой набор важных для него позиций, но налицо значительная утрата «внуками» тех навыков, которыми владели «деды». Разница в их распространенности у двух поколений представлена в табл. 3.

Таблица 3

Использование элементов народной культуры поколениями «внуков» и «дедов» в зависимости от территории первичной социализации, % от ответивших*

Формулировка вопроса: «Укажите, каким образом проявляется отношение к народной культуре у Вас и Ваших бабушек/дедушек?»	Студенты		Бабушки/дедушки	
	село	город	село	город
Уважают и соблюдают народные обычаи	60,3	52,7	88,2	87,6
Читают литературу на родном языке	57,3	65,5	74,8	74,6
Готовят блюда национальной кухни	52,1	41,5	77,3	79,7
Слушают национальную музыку	43,1	41,9	72,4	66,4
Знают и поют народные песни	37,8	28,3	78,5	68,9
Исполняют религиозные обряды	28,8	15,5	47,6	43,2
Танцуют народные танцы	28,1	20,2	43,6	38,7
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	27,7	17,4	52,4	44,6
Используют народную медицину	27,3	24,4	65,8	60,4
Собирают библиотеку на родном языке	24,7	24,8	50,0	58,2
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	23,2	15,5	57,9	49,4
Освоили народные промыслы	20,6	15,1	50,6	39,0
Используют в одежде элементы народного костюма	19,5	10,5	46,7	37,6
Играют на национальных музыкальных инструментах	18,4	15,5	43,3	36,7
Имеют собственный национальный костюм	18,0	8,5	35,8	29,9
ИТОГО:	581,6	482,2	1031,5	948,0

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, общая сумма ответов превышает 100 %.

Прежде всего обратим внимание на сопоставление общего количества данных ответов: оно значительно больше у селян, как студентов, так и у «дедов», что свидетельствует о большей укорененности традиций. Доли селян, сохраняющих традиции практически по всем направлениям, больше, чем у горожан. На первом месте комплексный показатель – уважение и соблюдение народных обычаев. У селян наиболее быстро уходят такие элементы культуры, которые хранили их «деды»: знание народных песен, религиозные практики, обращение к народной медицине, навыки народного рукоделия. У горожан ситуация аналогична. Единственное, в чем студенты-селяне не уступают горожанам, – это создание личных библиотек, но в целом интерес к ним падает в связи с развитием интернета и утратой способности читать большие тексты, которая несовместима с клиповым мышлением, формируемым «учебой на ЕГЭ».

Привычка к определенной пище, ставшей культурным кодом народов, формировалась в соответствии с климатическими зонами в течение столетий. Но и она вытесняется интернациональной стандартизированной едой, системой быстрого питания, модой на поиск новых вкусов, типа еды из насекомых, пропагандирующейся и в России [3], хотя последствия радикального изменения структуры питания при отсутствии в организме россиян ферментов для ее переработки не изучены [7].

В большей степени сохраняются те виды деятельности, которым студенты научились в детстве и которые «временно незатратны» в ускоренном ритме современной жизни: некоторые слушают народную музыку, при случае поют песни и танцуют. Но в целом стилем жизни становится минимизация затрат при максимизации прибыли.

Народная медицина требует знания трав, хлопот по приготовлению отваров и, несмотря на ее эффективность в определенных направлениях и дороговизну лекарств в аптеках, утрачивает сторонников. Не менее сложны навыки вышивки, лепки, игры на музыкальных инструментах… К тому же возможности продажи изделий народных промыслов внутри страны минимальны из-за их малой практичности в быту и замены новыми формами. В результате государство вынуждено принимать программы поддержки, но они не системны. Нет государственного заказа на национальные бренды, к примеру, модельеры не пропагандируют элементы русского народного костюма: модели же стилизованной под старину одежды, как у В. Аверьяновой, красивы, но нефункциональны [8]. Примером поддержки национального костюма может служить эксперимент в Японии, когда одетые в кимоно граждане могли бесплатно посетить музеи, проехать в транспорте [5]. В музее им. Пушкина в Москве во время выставки японского искусства кимоно давало право на посещение ее без очереди [4]. Такая практика бюджетно не затратна для государства, но визуальный ряд напоминает о национальных корнях.

В этом плане больше творческих идей у малочисленных народов России: у них образ жизни сохраняется как атрибут национальной и религиозной идентичности. Но даже они не примут жестких правил регулирования одежды, как например, в Туркменистане, где женщины должны носить платья традиционного широкого кроя и штаны с вышивкой, запрещен макияж, маникюр, окрашивание волос, облегающая одежда, брюки… [11].

Другой важный канал передачи народных традиций – вовлечение новых поколений в праздничный жизненный цикл страны/семьи (см. табл. 4).

Праздничный круг у старшего поколения богаче. Иерархия праздников, представленных в табл. 4, вполне ожидаема: первые из них за жизнь нескольких поколений стали для многих традиционно семейными. Нивелирование

значимости 1 Мая объясняется конфликтностью в сфере труда, резким снижением роли профсоюзного движения. Кроме того, он приходится на пору весенних сельскохозяйственных работ, а сад/огород – одна из форм поддержки уровня жизни семей. Не случайно регулярно поднимается вопрос о переносе зимних праздничных дней на начало мая.

День народного единства – выходной, в который проводится много шоу-мероприятий, особенно привлекающих молодежь. Это не означает, что все разделяют символику данного праздника: в 2017 г., согласно исследова-

Таблица 4

Праздничный цикл семей студентов, % от ответивших*

Формулировка вопроса: «Какие события отмечает Ваша большая семья?»	Студенты		Бабушки/дедушки	
	село	город	село	город
Новый год	94,1	89,2	94,4	93,0
Дни рождения близких и родных	89,3	82,1	88,5	84,8
День Победы (9 Мая)	84,6	77,1	86,6	84,5
День защитников Отечества (23 февраля)	79,8	75,4	80,1	75,2
Международный женский день (8 Марта)	79,2	75,7	82,3	80,8
Пасха	70,6	76,2	74,5	82,8
Старый Новый год	66,8	54,2	73,9	68,4
Новый год по китайскому и буддийскому календарю	19,58	16,72	20,19	21,97
Рождество Христово	56,7	58,4	65,2	73,5
Крещение Господне	38,9	33,7	51,2	48,2
Праздник весны и труда (1 Мая)	54,9	44,0	61,5	55,8
День святого Валентина (14 февраля)	51,6	53,7	27,3	35,2
День России (12 июня)	48,7	45,2	53,4	54,6
День народного единства (4 ноября)	40,1	31,7	48,1	44,8
Хеллоуин (31 октября)	30,9	40,2	10,2	18,3
Ураза-байрам (Идальфитр), Курбан-байрам (Ид аль-Абха)	24,6	17,6	28,6	25,6
День Конституции (12 декабря)	23,2	24,0	31,1	30,4
Сабантуй	20,8	14,4	26,4	22,8
Яблочный, Медовый, Ореховый Спас	19,3	17,3	36,0	34,9
Посты перед праздниками	18,1	11,4	38,8	40,0
Навруз	14,8	8,8	18,9	16,9
Другие события	15,4	15,5	17,1	18,9
ИТОГО:	1041,8	962,5	1114,6	1111,6

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, общая сумма ответов превышает 100 %.

нию ВЦИОМ, считали, что в России есть народное единство 54 %, а в 2020 г. – 37 %, среди 18–24-летних – 46 %. Причем, чем крупнее город, чем старше респонденты, тем больше отрицательных оценок [1].

День Конституции – рабочий день, естественно, его «праздничная» значимость значительно ниже. Но главное – падение авторитета этого документа. По данным ВЦИОМ, 20 % «считают, что конституция – "красивые слова", которые ни на что не влияют. Еще 22 % говорят, что конституция нужна для государства, но на жизнь простых людей влияет мало». «54 % уверены, что конституция – основной закон страны, от которого зависят другие законы и то, как мы живем» [2], а большинству живется нелегко.

Вторая группа – это праздники, связанные с религиозными событиями. Доля поддерживающих религиозные традиции снижается в обеих группах, особенно, если они нарушают повседневный образ жизни, как например, пост. Маркетинговый ход торговых сетей по распродаже оставшихся от новогодних праздников сувениров оказался востребованным в России: День святого Валентина отмечают и селяне, и горожане, лишая его статуса собственно религиозного праздника: католиков в этих группах единицы, как и иудеев; также праздник Хеллоуин отмечают более трети ответивших. Способствует этому и пропаганда в СМИ, хотя против выступает РПЦ и значительная часть педагогов. Большая часть студентов не прочь дважды встретить Новый (Старый) год, соответственно 58,5 % и 52,1 %, начало года по восточным календарям – 19,58 % и 12,6 %. Это свидетельства открытости российской культуры другим влияниям.

Итак, молодежь в большей степени сохраняет традиционный праздничный цикл семьи (разовые мероприятия не требуют больших временных затрат), в меньшей – те навыки, которыми владели предыдущие поколения. Выше было приведено сравнение навыков, умений поколения «бабушек, дедов» и «внучек, внуков», но отказ от них шел через поколение «мам и отцов». Уже они, взрослевшие в «дикие девяностые годы», вынуждены были менять «эмоциональность на рациональность» в отношении к миру в целом.

Межпоколенные отношения – главный канал формирования/передачи ментальных ценностей. Студентам был задан вопрос: «Укажите, как часто в разных жизненных ситуациях вы используете советы, опыт родных?». Ответы представлены в табл. 5.

Хотя отличие ответов селян и горожан в рамках статистической погрешности, но по большинству позиций горожане внимательней относятся к мнению родных. Возможная причина – сельским жителям трудно дать совет для успешной адаптации в городах. Отсюда обесценивание их жизненного опыта в глазах молодежи. Студенты понимают, что они живут в ином мире, чем тот, когда формировались взгляды родных, и для многих опыт старших бесполезен во многих отношениях. Авторитет родителей в какой-то мере сохраняется

в вопросах организации повседневного быта и при выборе профессии, что закономерно при финансовой зависимости учащихся от них: на бюджетных местах учатся 77,3 % селян и 60 % горожан, но даже в этом случае затраты на содержание студента значительны. Наиболее автономны и селяне, и горожане, создавая свое «личное пространство»: досуг, друзья...

Распределение ответов свидетельствует о постепенной утрате семьей функций транслятора устойчивых межпоколенных связей. Формируется иной образ жизни, что естественно в условиях появления новых сфер занятости, технологий, манипулятивных возможностей СМИ, других факторов.

Конечно, в ответах отразилась потребность в демонстрации своей независимости, самоутверждение, свойственное молодости. Но одна из важнейших причин состоит в том, что значительная часть студентов не желает повторять жизненный путь своих родителей, поскольку с позиций пропагандируемых ценностей многие из них неудачники (см. табл. 6). Естественно, что и родители предпочитают самостоятельность детей при выборе будущего, «чтобы избежать упреков».

Таблица 5

Частота обращения студентов к советам и опыту родных в разных жизненных ситуациях, % от ответивших

Формулировка вопроса: «Как часто в разных жизненных ситуациях Вы используете советы, опыт родных?»	Никогда		Редко		Часто использую	
	село	город	село	город	село	город
Выбирая книги, кинофильмы, музыку	48,0	45,1	32,3	33,2	19,7	21,6
Организуя свободное время	37,8	37,6	41,4	39,2	20,8	23,2
Выбирая спутника жизни	37,3	36,3	37,8	36,3	24,9	27,3
Выбирая друзей	37,3	35,3	39,4	42,3	23,3	22,4
Выстраивая отношения с людьми	31,2	28,4	37,8	38,1	31,0	33,5
Планируя доходы/расходы	25,5	27,3	39,2	35,8	35,3	36,9
При оценке событий в мире	25,2	25,8	42,2	38,7	32,6	35,6
При оценке событий в стране	24,7	26,0	44,4	40,5	31,0	33,5
Выбирая место подработки	24,7	22,9	38,6	37,6	36,7	39,4
Покупая одежду, обувь	20,0	24,7	43,3	37,6	36,7	37,6
Организуя свой быт	15,1	15,5	39,4	39,2	45,5	45,4
Выбирая профессию	15,1	13,7	39,4	40,7	45,5	45,6

Таблица 6

Оценка студентами уровня дохода родительской семьи, % от ответивших

Формулировка вопроса: «К какой из следующих групп населения Вы относите родительскую семью?»	**Село**	**Город**
Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты	2,7	9,5
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	8,2	7,5
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	25,5	19,8
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	54,8	53,1
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, машину, дачу и многое другое	8,8	10,1
ИТОГО:	100,00	100,00

По сравнению со студентами вузов, доля семей с низкими доходами у студентов СПО больше в городе, что подтверждает вывод ряда исследователей, что профессиональное образование для горожан – способ «вырваться» из бедности через сокращение времени учебы. Для сельских же детей вуз – ступень горизонтальной/вертикальной миграции, поскольку значительная часть сельского населения находится «в координатах 4D: Дорабатывает, Доедает, Донашивает, Доживает» [13, с. 613–622], поскольку многие принятые программы «возрождения села» не выполняются [12, с. 242–250]. Разрушение социальной инфраструктуры, отсутствие рабочих мест с заработной платой, позволяющей восстанавливать рабочую силу и содержать семью, остаются решающими факторами миграции наиболее социально активных, образованных молодых селян.

Жизненная траектория часто выстраивается под влиянием случайных факторов, как у селян, так и горожан, которые оцениваются самостоятельно с опорой на свой еще небольшой социальный опыт и пропаганду СМИ. Еще один ярчайший показатель формирования новой идентичности – приоритетность либеральных ценностей по сравнению с традиционными – это отношение к сексуальным отношениям и наркотикам (табл. 7).

За три десятилетия произошло «поражение сознания». СМИ, литература, кинофильмы сформировали представление о «нормальности» в сфере

сексуальных отношений, принципиально отличающееся от традиционных ценностей, но соответствующее принципам либерализма, провозглашающего приоритетность прав и свобод личности. Отличия не столь существенны, чтобы можно было сделать вывод о селе как источнике/заповеднике традиционной нравственности. «Новое отходничество», сезонное или вахтовое мужчин и женщин в конце XX – начале XXI в., принесло в российское село иной образ жизни, иную идентификацию. Неофитизм, в основе которого лежит дефицит критического мышления, всегда сопровождается наиболее безжалостно быстрым разрушением нравственных основ и созданием новых мифов. Литературы же, передач в СМИ о последствиях смены пола для здоровья, трудностях социализации в новом качестве практически нет, хотя именно они могли бы заставить сформировать адекватные убеждения на соотношение пола и гендера.

Таблица 7

Мнение студентов об обязанностях «идеального» государства по обеспечению либеральных ценностей, % от ответивших

Формулировка вопроса: «Какие права должно обеспечивать государство своим гражданам в идеальном обществе?»	**Территория первичной социализации студентов**	
	село	**город**
Толерантное отношение к сексуальным меньшинствам	75,0	75,0
Возможность однополых браков	66,9	71,3
Возможность смены пола	64,4	65,2
Легализация легких наркотиков	58,6	62,8

Отсутствие в России нормативного образа / идеала дает простор каждому для выбора критериев оценки прошлого, отношения к настоящему и конструирования эскиза будущего. Показательны ответы студентов на вопрос «Представьте, что у Вас есть машина времени и возможность вернуться в прошлое страны. Когда бы Вы хотели жить?». Вариант «Сейчас и только сейчас» выбрали 30,6 % селян и 27,4 % горожан, «Лет через 20–30» – 24,7 % и 18,9 %, соответственно. Остальные предпочли бы вернуться в прошлое, причем 7,4 % и 16,7 % – в дореволюционную Россию, что свидетельствует о качестве исторического образования.

Подводя итог, сделаем ряд выводов. Снижается значимость национальной культуры, народных традиций у молодежи вне зависимости от места жительства во время первичной социализации. Причины этого объективны: ритм современной жизни, особенно в больших городах, навязывает упро-

щенные стандартные формы культуры, которые транслируются в любые поселения. Отказ от них ведет к исключению из референтного сообщества, ориентированного на материальный и социальный успех в формах, пропагандируемых СМИ как одобряемую норму, и препятствует выбору иных жизненных стратегий. Процесс отчуждения от ментальности предыдущих поколений не остановить, поскольку нет социального субъекта, способного «переломить» ситуацию.

Список источников и литературы

1. ВЦИОМ: 32 % россиян знает, что 4 ноября отмечается День народного единства // РИА Новости. 2020. 25 февраля. URL: https://ria.ru/20191031/1560421951.html (дата обращения: 25.08.2022).

2. ВЦИОМ: большинство россиян считают, что конституция влияет на жизнь граждан // РИА Новости. 2022. 12 декабря. URL: https://ria.ru/20221212/konstitutsiya-1838031901.html (дата обращения: 24.08.2022).

3. В Подмосковье планируют производить конфеты и макароны из сверчков // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/YuJhe8Mk0jqT42Lu (дата обращения: 07.09.2024).

4. В Пушкинский музей в кимоно пустят без очереди // Большая Азия. URL: https://bigasia.ru/v-pushkinskij-muzej-v-kimono-pustyat-bez-ocheredi (дата обращения: 07.09.2024).

5. В Японии кимоно заменяет проездной // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/09/03/2005/5703bd5c9a7947afa08cb858 (дата обращения: 07.09.2024).

6. *Гурова Т.* Нуждается ли современная Россия в идеологии // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/02/27/nuzhna-li-sovremennoj-rossii-ideologiia.html. 27.02.2020 (дата обращения: 25.08.2024).

7. Диетолог предупредил о негативной стороне поедания насекомых // 360°. URL: https://360tv.ru/news/zdorove/dietolog-predupredil-o-negativnoj-storone-poedanija-nasekomyh/ (дата обращения: 25.02.2023).

8. Дом русской одежды Валентины Аверьяновой на Estet Fashion Week-2019. URL: https://yandex.ru/video/preview/15795660017660702106 (дата обращения: 06.09.2024).

9. *Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А.* [и др.]. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

10. *Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И.* [и др.]. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

11. Женщины Туркменистана: права, отношения, одежда, новые законы, новый президент // BEGETON. URL: https://begeton.com/blog/5928-zhenshchiny-turkmenistana-prava-otnosheniya-odezhda-novye-zakony-novyj-prezident/ 13 мая 2022 г. (дата обращения: 05.03.2024).

12. *Широкалова Г.С.* Дефицит кадров как фактор риска для обеспечения продовольственной безопасности // Продовольственная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности России: труды Междунар. научно-практич. конф., посвященной ветеранам ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ – участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М.: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 2023. 251 с.

13. *Широкалова Г.С.* Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. 712 с.

G.S. Shirokalova,
E.I. Pronina

VALUES' UNIFICATION AS THE MAIN TREND OF MENTALITY OF RURAL AND URBAN RESIDENTS (THE EXAMPLE OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION STUDENTS)

Abstract. The article analyzes the value attitudes and intergenerational relations of secondary professional education students depending on the territory of their origin socialization: rural and urban area. The authors come to the conclusion that there is a tendency of disappearing the characteristics differentiating the mentality and way of life of young people depending on the territory of socialization.

Keywords: unification, village, city, students, secondary professional education, generations.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамов Владимир Кузьмич, доктор исторических наук, профессор, член исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского народа (г. Саранск); e-mail: abramovvk@mail.ru.

Агаева Екатерина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: agaeva.ek@yandex.ru.

Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль); e-mail: dreem10@mail.ru.

Алтынова Надежда Витальевна, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры землеустройства кадастров и экологии Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: naltynova_777@mail.ru.

Асрутдинова Руфина Ахметовна, кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: karima.2006@yandex.ru.

Басманцев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: basmantsevd@yandex.ru.

Батыршин Рустам Рафаэлевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: bat81@inbox.ru.

Безгина Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти); e-mail: bezgina@tltsu.ru.

Бикейкин Евгений Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора – ученый секретарь НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: bikeykin1977 @mail.ru.

Блиняев Семен Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: semen-blinjaev@rambler.ru.

Бойко Наталия Семеновна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры права Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: Nboyko2005@mail.ru.

Бондарев Виталий Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vitalijj-bondarev27@rambler.ru.

Видяйкин Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник – заведующий отделом археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: vidyaikin_sergei@mail.ru.

Владимиров Владимир Васильевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент Чебоксарского института (филиал) Московского политехнического университета (г. Чебоксары); e-mail: ulay62@yandex.ru.

Гаврилов Александр Олегович, асисстент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: sanya_gavr20@mail.ru.

Гаврилов Артем Дмитриевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: Artmaster28@ rambler.ru.

Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, доцент, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк); e-mail: adonli@mail.ru.

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета (г. Чита); e-mail: DRZZ@yandex.ru.

Егоров Димитрий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: egorov2202@mail.ru.

Звездин Алексей Алексеевич, магистрант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); e-mail: zvezdin101@mail.ru.

Зыряева Наталья Павловна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора ООО «Центр международного образования и бизнеса» (г. Чебоксары); e-mail: natazara2@yandex.ru.

Иванов Алексей Ананьевич, доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: Ivanov.al.1974@bk.ru.

Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: anani@marsu.ru.

Иванов Евгений Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: stl_mstu@mail.ru.

Иванова Людмила Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной и научной работе Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: Lka-78@mail.ru.

Иванова Мария Юрьевна, старший преподаватель Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: mariaivanova.ur@yandex.ru.

Ивлиев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: otdel_istorii@mail.ru.

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева (г. Самара); e-mail: don.kabytov2012@ yandex.ru.

Кадерова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: cad.tatiana@ yandex.ru.

Казаков Николай Александрович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: kzkv75@mail.ru.

Касимов Евгений Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: kasimov-chgpu@ mail.ru.

Клементьев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: Clementjew.Vlad@yandex.ru.

Коротков Анатолий Васильевич, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий центром компетенций «Чувашия – центр производства хмеля» Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: stl_mstu@mail.ru.

Краснов Петр Степанович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: Krasnov17@mail.ru.

Краснова Марина Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: makrasnova@mail.ru.

Куршева Галина Александровна, доктор исторических наук, профессор, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: kursheva_galina@mail.ru.

Макушев Андрей Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент, ректор Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: ae.makushev@yandex.ru.

Михайлова Рената Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: neti-mix@yandex.ru.

Мухамедов Рашит Алимович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: rasit56@mail.ru.

Никонорова Инна Витальевна, кандидат географических наук, профессор, доцент, заведующий кафедрой физической географии и геоморфологии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: niko-inna@yandex.ru.

Никифоров Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, директор направления закупок (г. Москва); e-mail: wmr123@mail.ru.

Никифоров Юрий Гаврилович, кандидат экономических наук, профессор, старший научный сотрудник Чебоксарского института (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета (г. Чебоксары); e-mail: ynik777@mail.ru.

Оськин Максим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА (г. Тула); e-mail: maxozv@yandex.ru.

Орлов Виталий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Института государственного администрирования (г. Москва); e-mail: orlov.stolica@mail.ru.

Петренко Николай Николаевич, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: PetrenkoNNchki@gmail.com.

Поляков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России (г. Волгоград); e-mail: vavpoliakov@rambler.ru.

Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва); e-mail: eipronina@yandex.ru.

Пушкаренко Николай Николаевич, кандидат технических наук, доцент, декан инженерного факультета Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: stl_mstu@mail.ru.

Радиченко Алексей Николаевич, кандидат исторических наук (г. Чебоксары).

Садыкова Римма Барыевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: rimma231265@mail.ru.

Сейтумеров Роман Рустемович, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета (г. Ульяновск); e-mail: Nboyko2005@mail.ru.

Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); e-mail: olgasemerikova@urfu.ru.

Семенова Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: netimix@yandex.ru.

Сераэтдинов Борис Уразбекович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (г. Москва); e-mail: sbu54@bk.ru.

Сергеев Тихон Сергеевич, доктор исторических наук, профессор (г. Чебоксары).

Сибгатов Булат Ильхамович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (г. Казань); e-mail: dr.bs.1987@yandex.ru.

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Южно-Российского государственного политехнического университета им. М.И. Платова (г. Новочеркасск); e-mail: s_a_P@mail.ru

Старовойтов Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, ведущий научный сотрудник НИС Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Беларусь, г. Гомель); e-mail: Starmihail24@mail.ru.

Степанченко Анастасия Павловна, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета (г. Краснодар); e-mail: stepanchenko.anastassia@yandex.ru.

Сухарева Ирина Виталиевна, доктор исторических наук, доцент, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа); e-mail: ira.sarigel@yandex.ru.

Таймасов Леонид Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары); e-mail: taymasov@mail.ru.

Тимофеев Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары); e-mail: timoval2001@mail.ru.

Учватов Павел Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru.

Федяева Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, начальник отдела по делам архивов (муниципального архива) Администрации Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа (г. Надым); e-mail: do_fedyaeva@mail.ru.

Федорова Ольга Николаевна, старший преподаватель Чувашского государственного аграрного университета (г. Чебоксары); e-mail: olga.afan@gmail.com.

Харитонова Валентина Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: val1957@rambler.ru.

Шаяхметова Ирина Зуфаровна, кандидат исторических наук, доцент, директор «Центра образования № 69» (г. Уфа), e-mail: irina_shayakhmetova@mail.ru.

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Приволжского филиала федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Нижний Новгород); e-mail: shirokalova@list.ru.

Широков Илья Михайлович, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: iliaschirokoff@yandex.ru.

Юманова Ульяна Валерьевна, кандидат географических наук, доцент, доцент Московского финансово-юридического университета (г. Москва); e-mail: umanova@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Пленарное заседание

Приветственное слово первого заместителя министра сельского хозяйства Чувашской Республики И.В. Волковой 8

Иванов А.Г. Государственные крестьяне Среднего Поволжья и реформа П.Д. Киселева середины XIX века 14

Безгина О.А., Кабытов П.С. Эволюция форм кооперативного движения в 1917 – начале 1920-х годов 29

Куршева Г.А., Бикейкин Е.Н. Аграрная политика и сельское хозяйство Среднего Поволжья в 1920–1930-е годы: от нэпа к коллективизации 38

Иванова Л.М., Макушев А.Е. Система непрерывной подготовки кадров для потребностей агропромышленного комплекса и смежных отраслей экономики 47

Секционные заседания

Секция 1. Крестьянский социум и реформы: XVII–XIX века

Александров Н.М. Великие реформы и модернизационные процессы в российской деревне (по материалам Верхнего Поволжья) 54

Басманцев Д.В. Крестьяне Свияжской провинции Казанской губернии по итогам первой ревизии 62

Видяйкин С.В. К вопросу о межэтническом взаимодействии населения Присурья в первой четверти XVII века (по материалам писцовых книг) 72

Гаврилов А.О. Некоторые особенности погребально-поминальной обрядности чувашей во второй половине XIX века 77

Долгих А.Н. Время Екатерины Великой и крестьянский вопрос: современный взгляд 81

Дроботушенко Е.В. Земельные владения и крестьяне первых православных монастырей Забайкалья: спорные вопросы истории 87

Егоров Д.В. Реформа 1861 года и крестьянское судопроизводство чувашей 94

Петренко Н.Н. Зарождение и распространение протестантских религиозных общин на российском селе в дореволюционный период 105

Сухарева И.В. Социально-правовое положение чувашского населения Башкирии в дореволюционный период 111

Таймасов Л.А. Изменения в религиозных верованиях крещеных чувашей Казанской губернии во второй половине XIX века 125

Секция 2. Модернизация сельского общества и аграрного сектора в первой половине XX века

Асрутдинова Р.А. Коллективизация в Сабинском районе Татарии 134
Батыршин Р.Р. Деятельность Спасской уездной землеустроительной комиссии Казанской губернии в 1906–1914 годах 139
Блиняев С.Н. Беженцы в годы Первой мировой войны (на материалах Казанской и Симбирской губерний) 146
Бойко Н.С., Сейтумеров Р.Р. Деятельность государственного банка РСФСР: регулирование экономических процессов посредством кредитования и возрождение сельского хозяйства в 1923–1926 годах (на примере Ульяновской губернии) 155
Бондарев В.А. «Передовые крестьяне» 1920-х годов: «культурничество» в советской доколхозной деревне 160
Владимиров В.В. Развитие крестьянских хозяйств Чувашии в начале XX века 168
Звездин А.А., Семерикова О.М. Правовое положение крестьян РСФСР в 1920-е годы (по материалам писем в «Уральскую областную крестьянскую газету») 176
Иванов А.А. Крестьянский менталитет и рационализация сельского хозяйства в пореволюционной деревне Среднего Поволжья и Приуралья 181
Касимов Е.В. Отражение «Великого перелома» в чувашской деревне в информационных сводках Чувашского отдела ОГПУ 193
Клементьев В.Н. Деятельность местных советов по развитию сельскохозяйственного производства Чувашии во второй половине 1920-х – 1930-е годы: эволюция правовой базы, основных направлений и организационных форм .. 200
Никифоров Ю.Г., Никифоров М.Ю. Модернизация российского села в процессе реализации ленинского кооперативного плана 221
Оськин М.В. Реквизиции скота для армии в годы Первой мировой войны ... 237
Поляков В.А. РКП(б) и кооперация – обусловленная несостоятельность созидания: на материалах Царицынской губернии (1922–1924) 245
Сибгатов Б.И. Татарское крестьянство Казанской губернии в годы Первой мировой войны: отношение к войне и власти (1914–1917) 253
Скорик А.П. Ставропольская губерния в условиях перехода к нэпу: власть, крестьянство и продналог 262
Тимофеев В.В. Сельские старообрядческие общины Чувашии в 20-е годы XX века 270
Федяева Т.П. Положение сельского населения Марийской автономной области в 1921 году 279

Секция 3. Аграрные преобразования второй половины XX века: ожидания и итоги

Абрамов В.К. Деревня Мордовии в 1966–1985 годах 288
Ивлиев С.А., Учватов П.С. Сельское хозяйство Темниковского района Мордовской АССР в «эпоху стабильного развития» (1965–1985)..... 302
Кадерова Т.Н. Развитие сельского хозяйства Мордовии в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942) 309
Краснов П.С. Перестройка 80-х годов XX века: осознанная необходимость или амбиции молодого руководителя? 314
Михайлова Р.В., Семенова Г.Н. Понятие «чужой» в контексте отношений «свой»–«чужой». Отношения «чужой» как результирующая локальной коммуникации 326
Мухамедов Р.А. Кадровые проблемы в сельском хозяйстве в 1954–1964 годах (на материалах Ульяновской области) 331
Радиченко А.Н. Мегапроект преобразования Нечерноземья 338
Садыкова Р.Б. Молодежные инициативы как фактор подъема уровня жизни села и развития сельского хозяйства в ТАССР в 1950–1970-е годы 346
Сераzетдинов Б.У. Аграрный сектор военной экономики Западной Сибири в годы военного лихолетья (1941–1945): историография проблемы в постсоветский период 352
Старовойтов М.И. Изменения в социальном и культурном облике сельского населения БССР (1946–1991) 363
Степанченко А.П. Реформы Н.С. Хрущева и виноградо-винодельческая отрасль Краснодарского края 375
Широков И.М. Электрификация сельского хозяйства Ульяновской области в период хрущевской оттепели 380

Секция 4. Современное российское село и развитие АПК: региональные особенности

Агаева Е.В., Сергеев Т.С. Современная деревня: проблемы и развитие 386
Алтынова Н.В. Профориентационные проекты Чувашского государственного аграрного университета – вектор профессионального самоопределения молодежи 390
Алтынова Н.В. Целевой прием как важнейший инструмент решения проблемы кадрового обеспечения АПК Чувашской Республики 396
Гаврилов А.Д. Социально-экономические и культурные проблемы сельского сообщества Чувашии в освещении социальных медиа 403
Зыряева Н.П., Орлов В.В. Продовольственная обеспеченность как фактор устойчивости социально-экономического развития региона 414
Иванова М.Ю. Сельские мотивы в творчестве современных композиторов Чувашии (на примере произведений Ю.Д. Кудакова) 424

Казаков Н.А., Краснова М.Н., Никонорова И.В., Юманова У.В. Агропромышленный комплекс Чувашской Республики к третьему десятилетию XXI века 428

Никифоров М.Ю., Никифоров Ю.Г. Борьба КПРФ за возрождение и развитие села, агропромышленного комплекса России и продовольственную безопасность страны в XXI веке 443

Пушкаренко Н.Н., Иванов Е.А., Коротков А.В. Экономическая эффективность производства хмеля (на примере Чувашской Республики) 456

Пушкаренко Н.Н., Коротков А.В., Иванова Л.М. Развитие хмелеводства: вызовы и сложности 461

Федорова О.Н. Современное чувашское село: социокультурный и экономический аспекты 467

Харитонова В.Г. Социальные аспекты развития чувашского села начала XXI века: оценка населения 472

Шаяхметова И.З. Реформы рубежа XX–XXI веков как фактор образования городских агломераций в Российской Федерации (на примере города Уфы) 486

Широкалова Г.С., Пронина Е.И. Унификация ценностей как основной тренд менталитета селян и горожан (на примере студентов среднего профессионального образования) 489

Список авторов 501

Министерство образования Чувашской Республики
Министерство сельского хозяйства Чувашской Республики
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чувашский государственный аграрный университет

Научное издание

РОССИЙСКОЕ СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Материалы X Всероссийской (XVIII региональной)
научно-практической конференции историков-аграрников
Среднего Поволжья (Чебоксары, 16–18 октября 2024 г.)

Составитель и ответственный редактор **В.Г. Харитонова**

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано в печать 16.05.2025. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 28,27. Усл. печ. л. 29,76. Тираж 200 экз. Заказ № 263

Оригинал-макет подготовлен к печати РИО ЧГИГН
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29/I

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типография “Новое Время”»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, 50/I
тел.: (8352)323-353; факс: (8352)41-27-98; e-mail: newtime1@mail.ru